

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Авторский коллектив:

О. А. Жидков, доктор юридических наук, профессор — введение (совместно с Н. А. Крашенинниковой), вводная глава, главы 9, 13, 14, 16, 21, 24, 30.

Н. А. Крашенинникова, доктор юридических наук, профессор — введение (совместно с О. А. Жидковым), главы 1–8, 15, 20, 23, 25, 27–29, 31–33.

В. А. Савельев, кандидат юридических наук, доцент — глава 19.

В. Н. Струнников, доктор юридических наук, профессор — главы 10–12.

С. В. Чиркин, кандидат юридических наук, доцент — главы 17, 18, 22, 26.

Введение. Предмет и методология истории государства и права зарубежных стран

Предмет науки истории государства и права зарубежных стран и ее место в системе юридических наук. История государства и права зарубежных стран относится к числу тех общественных наук, которые принято называть историко-правовыми, поскольку они имеют прямое отношение, как к науке истории, так и к науке о государстве и праве. По своему характеру история государства и права зарубежных стран — правовая (юридическая) наука, поэтому она входит в число основных учебных курсов, которые представляют собой неотъемлемую часть и необходимый элемент высшего юридического образования. В отличие от общей истории историко-правовые науки не исследуют общество в целом, а имеют предметом своего изучения исторические процессы развития сложной системы государственных и юридических учреждений.

В силу конкретно-исторического подхода к государственно-правовым явлениям и процессам, присущим тому или иному обществу на том или ином этапе его развития, история государства и права зарубежных стран оперирует множеством фактов, конкретных событий политической жизни, деятельности государств, правительств, классов, партий и пр. Но история государства и права не представляет собой простой набор знаний о прошлом государства и права. Она ставит своей целью выявление исторических закономерностей развития государства и права.

Конкретно-исторические закономерности развития государства и права имеют свою специфику по сравнению с закономерностями развития общества, ибо государство и право занимает в нем особое положение, обладает относительной самостоятельностью.

История государства и права зарубежных стран тесно связана с другой юридической наукой и учебной дисциплиной — теорией государства и права, также изучающей закономерности развития государства и права. Но теория государства и права с помощью логического метода отражает исторический процесс в абстрактной форме, освобожденной от всех исторических случайностей. Она вырабатывает свою систему общеправовых понятий и категорий, которые широко используются в учебном курсе истории государства и права.

В отличие от теории государства и права историко-правовые науки изучают конкретные процессы развития государственно-правовых институтов и явлений, развивающихся в хронологической последовательности и проявляющихся в определенном историческом пространстве.

Таким образом, **история государства и права изучает государство и право**

отдельных (зарубежных) стран мира в процессе их возникновения и развития в определенной конкретно-исторической обстановке, в хронологической последовательности, на основе выявления, как общеисторических закономерностей этих процессов, так и закономерностей, действующих в рамках тех исторических эпох, которые являются важнейшими ступенями в развитии конкретных обществ.

Наука истории государства и права зарубежных стран (на Западе она нередко именуется всеобщей историей права, историей права и институтов и т. д.) имеет собственную историю. Как самостоятельная область научного знания она берет свое начало с конца XVIII–XIX в. Так, большую роль в накоплении историко-правовых знаний сыграла историческая школа права в Германии (Г. Пухта, Ф. Савиньи и др.), которая вела исследования главным образом по истории римского и национального германского права. Затем труды представителей этой школы сменяют работы с более широким охватом разных стран и исторических эпох (Э. Лабуле и Р. Дареста — во Франции, Г. Мэна и Г. Спенсера — в Англии, А. Поста — в Германии, П. Г. Виноградова и Н. И. Кареева — в России и др.).

Широкое распространение во второй половине XIX — начале XX в. историко-сравнительного метода способствовало изучению истории государства и права в контексте экономических и социальных отношений; в историко-правовых исследованиях социологическое направление пришло на смену позитивизму. Важной вехой в развитии этого направления явились работы русского ученого М. М. Ковалевского, немецкого историка права Э. Нейкампа, американского юриста О. Холмса и др.

В западной литературе по вопросам истории государства и права в XIX–XX вв. был накоплен и обобщен огромный фактический материал, что сделало возможным издание ряда фундаментальных работ: многотомной "Истории права" немецких ученых И. Колера и Л. Венгера (1914), "Панорамы правовых систем" (1928) и "Истории права" (1924) американских историков права Д. Вигмора и У. Сигля. После Второй мировой войны ряд крупных работ по истории права и политических институтов опубликовали французские ученые Ж. Эллтоль, Р. Монье, Ж. Имбер, Ф. Гаррисон и др. Определенный вклад в освещение историко-правовых проблем внесли представители науки сравнительного правоведения (Р. Давид и др.). Развитие историко-правовых исследований сделало возможным введение в целом ряде университетов Западной Европы и США специальных курсов по истории национального, а также иностранного права или же по истории права и политических институтов. Попытки введения таких курсов предпринимались и в университетах дореволюционной России. Так, в 1804 году профессор Московского университета П. Цветаев читал курс по "праву знатнейших древних и нынешних народов", а в начале XX века (1907–1908 гг.) профессор В. Т. Щеглов осуществил издание курса по всеобщей истории права в нескольких выпусках.

Велико теоретическое и практическое значение изучения истории государства и права зарубежных стран. Историю часто называют памятью народа, она представляет собой гигантскую лабораторию мирового социального опыта. В силу своей познавательной ценности, информативности история государства и права — действенный инструмент формирования исторического сознания. Эта наука дает возможность не только глубже понять государственно-правовые реалии современности, но и прогнозировать дальнейшее развитие государства и права. Она вооружает юристов, которым предстоит трудиться на рубеже XX и XXI вв., необходимыми знаниями, которые помогут им в практической деятельности по дальнейшему осуществлению программы глубоких экономических реформ, по демократизации политической жизни и охране прав граждан, по реализации конституционной идеи правового государства в Российской Федерации.

Методология науки и курса истории государства и права. Научное познание в области истории государства и права не сводится к описанию фактов и событий исторического прошлого. Оно предполагает концептуальное и теоретическое осмысление этих фактов, что требует в свою очередь использования философских и специальных научных методов исследования.

Историко-правовой наукой, как было отмечено выше, накоплен значительный арсенал

различных методологических приемов и средств, которые используются также и в преподавании. Современная мировая наука включает в себя широкий диапазон философских установок, позволяющих с разных позиций объяснять исторические процессы развития государства и права. Отказ от монистически-материалистического взгляда на историю и методологический плюрализм характерны и для общественных наук в современной России. В историко-правовой литературе разных стран можно видеть много концепций, объясняющих происхождение и последующую эволюцию государства и права, начиная от религиозных теорий (неотомизм, исламский фундаментализм) и кончая марксистскими и иными леворадикальными теориями, рассматривающими историю государства и права главным образом через призму классовой борьбы.

В российской историко-правовой литературе последних лет показывается ограниченность и односторонность взгляда на историю в свете господствовавшей в течение ряда десятилетий марксистской пятичленной формационной периодизации исторического процесса (первобытно общинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм). Доктринерский характер господствовавшей исторической схемы дал толчок к поиску других подходов, основанных на анализе не только бесспорно важных объективных, независимых от воли людей производственных связей, но и связей личностных, субъективных. Это и привело к широкому использованию в отечественной науке понятия "цивилизация", которое окончательно сложилось в Европе еще в эпоху Просвещения в середине XVIII в.

При рассмотрении той или иной цивилизации сторонники новых подходов ставят на первое место человека, так как объективные процессы истории в значительной мере опосредованы личностью, проходят через его внутренний мир и опыт, что выражается в образе жизни человека, его мировоззрении, способах ориентации, системе ценностей.

Эти подходы были вызваны к жизни полной невозможностью уложить в формационную схему историю ряда обществ, например восточных, что и привело к безоговорочному признанию не только их социально-экономической и политической специфики, но и двух путей развития человеческого общества, двух цивилизаций — Запада и Востока.

Неоправданно переносимые на весь мир формационные подходы, сложившиеся на базе изучения эволюции европейских обществ, крайне обедняли рассмотрение принципиально важных вопросов истории государства и права восточных стран, отличающихся не только особой, "азиатской", системой производственных отношений, сопряженной со стойкой многоукладностью, но и глубочайшим влиянием на всю общественную жизнь религиозной идеологии, традиций и пр.

В истории государства и права зарубежных стран в силу специфики изучаемого объекта особенно важное значение имеет использование и других подходов (часть научных, специальных методов), таких как конкретно-исторический, сравнительно-правовой и системный.

Конкретно-исторический подход предполагает рассмотрение государственно-правовых явлений в тех особых и неповторимых условиях, в которых они сложились и получили развитие, т. е. в той социальной среде, которая обуславливает своеобразие, а в ряде случаев и уникальность того или иного государства или же правовой системы. Использование сравнительного метода, напротив, позволяет выявить некоторые общие закономерности и совпадающие признаки в развитии государства и права в одно и то же время, но в разных странах (синхронное сравнение) или же в разных временных срезах исторических эпох (диахронное сравнение).

Поскольку государство и право уже на начальных ступенях своего развития представляют собой достаточно сложные социальные образования, в историко-правовых исследованиях важный эффект дает системный анализ, с помощью которого возможно вычленение из всей взаимосвязанной структуры государственно-правовых явлений отдельных ее элементов, в которых наиболее ярко отражаются существенные признаки или же, наоборот, неповторимые особенности конкретных государств или правовых систем.

Периодизация истории государства и права. Материал учебного курса располагается в хронологической последовательности. В отечественной литературе принято выделять в истории человеческого общества, следующие основные эпохи: древний мир, средние века, новое и новейшее время (XX в.). Каждая из этих эпох представляет собой историческую ступень в развитии государства и права. Авторами учитывалось то обстоятельство, что эволюция древних и средневековых обществ Востока шла особым цивилизационным путем, отличающим его от развития античных рабовладельческих обществ и феодальных обществ Запада. Это и делает в значительной мере условными применяемые в учебнике понятия — древность и средневековье в отношении стран Востока.

Авторы использовали данные понятия в чисто методических целях, в силу необходимости периодизации столь длительного исторического периода в развитии стран восточного мира. В основу периодизации были положены не формационные границы, а ряд важных цивилизованных, историко-политических, идеологических и других факторов.

По сравнению с предшествующим учебником авторы, используя цивилизационные подходы, больше внимания уделяют влиянию религии, идеологии, ценностных ориентации тех или иных народов на развитие государства и права в древности и средневековье.

Вводная глава. Предыстория государства и права

§ 1. Первобытное общество и догосударственные формы социального управления

История человечества складывается из двух основных пластов: первобытного общества и цивилизации. Первобытный строй, явившийся исходным и закономерным этапом развития человечества, охватывает огромный отрезок времени, насчитывающий, по современным данным, свыше 2 млн. лет. В эту эпоху не было государства и права, бытие которых исчисляется лишь несколькими тысячелетиями. Но их предыстория берет свое начало именно в сравнительно развитых социальных структурах первобытности.

За долгий срок своего существования первобытное общество прошло большой путь развития, в ходе которого значительные изменения претерпел его социокультурный и хозяйственный облик. В современной науке используются различные периодизации древнейшей истории человечества (культурологическая, археологическая и др.). Но для понимания социальных и экономических предпосылок возникновения государства и права принципиальное значение имеет выделение в первобытном обществе двух основных стадий: присваивающего хозяйства и производящего хозяйства, граница между которыми приходится на эпоху неолита (так называемая неолитическая революция). Ее обычно относят к VIII–III тысячелетию до н. э.

На первой из этих стадий шел еще процесс становления самого человека как биосоциального существа (лишь с XL–XXV тысячелетия до н. э. сложился неантроп, т. е. человек современного типа). Люди использовали простейшие каменные орудия и существовали главным образом за счет присвоения готовых продуктов природы (собираательство, охота, рыболовство). Они вели бродячий образ жизни, объединялись в небольшие локальные и изолированные группы под руководством вожаков. Эта простейшая форма социальной организации и регуляции (неупорядоченные половые связи и т. д.), отражавшая низкий уровень развития как культурно-производственных, так и общественных отношений, в литературе нередко называется праобщиной или первобытным стадом.

Несмотря на кажущуюся хаотичность внутренней жизни праобщины, в ней все больше проявлялись не только спонтанные, но и регулируемые процессы, предопределяемые заранее установленными правилами, запретами, стандартами и иными поведенческими стереотипами.

Внутригрупповые отношения носили эгалитарный характер. Равенство особенно проявлялось в процессе распределения скудных продовольственных и иных ресурсов. В

основе этого равенства лежал присущий таким коллективам эквивалентный (реципрокный) обмен (женами, пищей, орудиями труда). Уже в ранних человеческих коллективах реально складывалась власть вожака над остальными членами группы. Они воспринимали его волю как норму, которой необходимо подчиняться по тому же принципу эквивалентного обмена.

Таким образом, в процессе длительной эволюции праобщины природные инстинкты уступили свое место социокультурным стереотипам, т. е. системе общественных связей, что сделало возможным существование и поступательное развитие человеческого общества.

Дальнейшее усложнение социальных связей, вызванное существенными изменениями в брачно-половых отношениях (введение экзогамии, т. е. запрещение брачных связей внутри кровнородственных объединений, установление брачных классов), а затем и неолитическая революция, означавшая переход к производящей экономике, привели на смену праобщине возникновение устойчивых семейно-клановых групп (родовых общин). Совокупность этих групп в литературе обычно называлась родовым строем.

В основе семейно-клановой группы лежали родственные отношения. Такие группы включали в себя несколько поколений сородичей, происходивших от общих предков, в ряде случаев и чужаков, принятых в состав общины. В зависимости от конкретных условий родообщинные отношения строились на принципах матрилинейности или патрилинейности.

Неолитическая революция и переход к производящей экономике обеспечили не просто выживание людей, но и создание регулярного производства продуктов питания и иных предметов, необходимых для удовлетворения потребностей коллектива. Это подготовило переход к оседлому образу жизни и к установлению контроля семейно-клановых групп над определенной территорией. Таким образом, ранняя родовая община потребителей (охотников, собирателей, рыболовов) сменяется более прочными, численно разросшимися, как правило, связанными с определенной территорией общинами производителей. Такая система семейно-родовых групп представляла собой более развитую форму социальной организации, основанную на сравнительно устойчивых системах самоуправления и саморегуляции.

В семейно-клановой общине складывалась строго фиксированная система труда, распределения пищи и брачно-семейных отношений. В ней получили дальнейшее развитие принципы равенства, эгалитарности и эквивалентности. Это не исключало того, что по мере роста производства распределение добычи и потребление пищи осуществлялись с учетом ролевых функций (по принципу пола, возраста и т. д.). На определенные преимущества в семейно-клановом коллективе (в родовой общине) мог претендовать и лидер группы, особенно если он успешно осуществлял властно-управленческие функции и обеспечивал надежное существование группы. По принципу эквивалентного внутригруппового обмена лидер получал в таком случае безусловную поддержку членов группы, которые за предоставленные им от вождя блага признавали его авторитет и власть. Эта власть выступала как догосударственная, потестарная. Сам вождь, как и другие члены семейно-клановой общины, должен был руководствоваться коллективными традициями и соблюдать практику реципрокных раздач. В противном случае он мог быть смещен и заменен другим.

Существовавшая в родовом обществе эгалитарность, в том числе выборность и сменяемость вождей, не позволяет еще говорить в категорической форме о существовании родовой демократии. В семейно-клановых общинах существовала жесткая дисциплина труда и поведения, духовный конформизм.

В семейно-родовых общинах на базе культов, обрядов, традиций и т. п. сложились несложные правила поведения, соблюдение которых было обязательно для всех членов группы. Эти родовые нормы, которые имели мифологически-символическую оболочку и были часто связаны с тотемистическими ритуалами, отражали естественные условия жизни первобытной общины. Они были проникнуты духом коллективизма, предусматривали взаимную поддержку членов родовой общины, регулировали хозяйственную деятельность и брачные отношения, устанавливали различные табу (запреты) и жесткие рамки поведения

для членов общины. Строгой регламентации подвергался порядок распределения добытого общиной продукта, а также и сам ритуал его потребления, деление в связи с этим всех членов группы на ранги. К важнейшим функциям вождя относилась практическая реализация таких распределительных, дистрибутивных норм.

Общинно-родовые нормы имели синкретичный характер и содержали в себе одновременно религиозные, моральные и иные социальные императивы.

В прочных семейно-клановых группах общинные нормы отражали самонастраивающиеся социальные отношения, которые поддерживались силой интересов, религиозных представлений и иных нормативно-ценностных установок. Это не исключало властного характера этих норм и вытекающей из этого принудительности. В случае нежелания подчиняться правилам жизни семейно-клановой группы, совершения тяжкого проступка нарушитель мог быть подвергнут избиению, изгнанию или даже смертной казни по воле семейно-родового коллектива.

§ 2. Генезис надобщинных структур и образование протогосударств

Неолитическая революция и переход человечества (на рубеже VII–V тысячелетия до н. э.) к производящей экономике имели самые разнообразные и глубокие последствия. Прежде всего следует отметить появление ранних оседлых земледельческих обществ в регионах, благоприятных для проживания людей и их успешной хозяйственной деятельности, а также резкое увеличение численности и плотности населения (своего рода демографический взрыв). Земледельческие общины проявляли тенденцию к разрастанию, что находило свое выражение прежде всего в отпочковании новых семейно-клановых групп. На территории крупной земледельческо-родовой общины могло складываться несколько поселений, даже кварталов, что с ростом и оживлением хозяйственной жизни вело к формированию поселений городского типа.

Со временем усложняется внутренняя организация семейно-родовых групп, их члены приобретают новые культурные и производственные навыки, начинается разделение труда (на земледельческий, скотоводческий, ремесленный в различных его видах и т. д.). Все это способствовало повышению эффективности общественного и коллективного в своей основе производства. Производящее хозяйство могло не только удовлетворять минимальные жизненные потребности членов семейно-кланового коллектива, но и создавать своего рода "излишки", т. е. прибавочный продукт. Эти излишки первоначально реализовывались по принципу внутриродового реципрокного обмена, но постепенно все чаще стали поступать в сферу межобщинных связей, приобретая характер товара. Становление товарного производства вело в свою очередь к дальнейшему росту прибавочного продукта, к накоплению богатства, которого не было ранее в родовом обществе. Появилась объективная основа для возникновения имущественного неравенства между отдельными семейно-клановыми общинами, а также и в самих родовых группах.

Постепенный рост общественного продукта привел к углублению имущественных различий, а, следовательно, и к закреплению за общинно-родовой верхушкой имущественных, а соответственно и социальных привилегий. В новых условиях занятие родовых постов в семейно-клановой группе давало лидерам не только престиж и авторитет, что было характерно для предшествующего этапа общинного строя, но и особый, более высокий статус. При этом выборные процедуры, отражавшие давно установившуюся демократическую традицию, еще сохранялись.

Система социального ранжирования, которая сама по себе вела к возвышению роли лидера, не означала еще отказа от принципа реципрокного обмена. Предоставляемые лидеру все увеличивающиеся имущественные и иные привилегии (например, право иметь несколько жен) рассматривались лишь как эквивалент тем достаточно сложным функциям, которые он теперь осуществлял, и той серьезной ответственности, которую он на себя принимал.

Обязанности вождей семейно-родовых общин становились все более многообразными. К их числу относилась организация общественных работ, перераспределение земельных участков по мере изменения численного состава группы, поддержание отношений с соседними семейно-клановыми коллективами. К этим функциям, ставшим более или менее традиционными, добавилась новая и важнейшая редиистрибутивная функция перераспределения прибавочного продукта, который добывался или производился не лидером лично, как это было на стадии реципрокного обмена, а усилиями всей группы. Здесь уже закладывались элементы будущей, присущей государственно организованному обществу, системы эксплуатации.

В результате неолитической революции и усложнения социальной и хозяйственной структуры произошли глубокие изменения в осуществлении власти (во властеотношениях) внутри семейно-клановых групп.

Власть вождя семейно-клановой группы по-прежнему сохраняет потестарный характер. Но осуществляемые им функции, в особенности редиистрибутивная функция, приближают его власть к политической, государственной, поскольку она приобретает большую степень силы и обязательности для членов семейно-родовой общины. Она становится в большей степени властью положения, самого высшего управленческого статуса и не связывается, как это было прежде, с личными качествами лидера. Именно поэтому не просто авторитет, а властные функции вождя начинают приобретать наивысшую ценность в глазах членов группы, которые все чаще вступают в острое соперничество за лидерство. Амбициозные стремления к власти подкрепляются желанием навязывать свою волю коллективу, получать от власти совершенно определенные имущественные и личные привилегии.

Одним из важнейших последствий неполитической революции, имевшим прямое отношение к генезису государства и права, было развитие межродовых связей и формирование надобщинных структур. Возникновение и эволюция этих структур проходили в значительной степени спонтанно и приобретали под воздействием конкретно-исторических фактов различные формы. Некоторые из них были типичными для одних народов, но не получили развития у других. Особо заметную роль в процессе становления государственности сыграла одна из форм межобщинных связей и организационных структур — племенной строй. Однако в современной литературе его универсальность и значимость иногда ставятся под сомнение.

Естественным результатом эволюции общинного строя (особенно при позднеархаической общине) было возникновение множества новых семейно-клановых общин, что привело к возникновению более крупных социальных образований — братств (фратрий) и племен, а иногда и к конфедерации племен. Племя, как правило, имело свою территорию, имя, язык (или диалект), свои религиозные и бытовые обряды. Постепенно складываются и органы племенного самоуправления, прежде всего племенной совет, в который обычно входили вожди (старейшины) всех составлявших племя родов. Члены племенных советов, а также вождь племени избирались соплеменниками и могли быть ими смещены. Любой член племени имел возможность выступить на заседании совета и высказать свое мнение по поводу решений или действий вождя.

Деятельность племенных органов способствовала организации коллективных работ, расширению связей между семейно-клановыми группами (в частности, межобщинному обмену продуктами), урегулированию межклановых конфликтов, а также отношений с другими племенами. Первоначально эти органы решали лишь те вопросы, которые выходили за пределы интересов отдельных семейно-клановых групп.

Так, распределительные (редиистрибутивные) отношения долгое время были вне ведения племенных советов и регулировались родовыми, а не племенными обычаями. Но постепенно по мере развития производящей экономики, усложнения внутривнутриплеменной организации центр тяжести в родоплеменном самоуправлении смещается на племенной уровень, что неизбежно подрывает значимость и устойчивость общинной демократии. Все большее значение приобретают также племенные нормы (обычаи, обряды и т. д.),

регулирувшие взаимоотношения между родовыми общинами, но неизбежно воздействовавшие и на их внутреннюю жизнь.

Важным этапом в предыстории государства и права стало, наряду с образованием сложных надобщинных структур и соответствовавших им механизмов социально-нормативной регуляции, формирование принципиально новых основ управления обществом, являющимся по своей сути предгосударственным.

Новый тип управленческой деятельности определялся потребностями общественной жизни, усложнением хозяйственной деятельности и всей системы социокультурных связей людей. Необходимость организовывать и контролировать общественные работы, хранить и распределять продовольственные и иные ресурсы, поддерживать обменные отношения с соседними группами привела к выделению специального слоя организаторов производства, которые обладали необходимыми навыками и умениями и использовали при этом целую систему мифологических и религиозных символов.

Наряду с другими видами общественного разделения труда (отделение скотоводства от земледелия и т. д.) происходит выделение управленческой деятельности, которая постепенно превращается в профессиональную. Разделение людей на две неравные по численности группы (управляющих и управляемых) приобретает огромное общественное значение, является последней ступенью в создании государства. Управленческие посты дают их обладателям большие материальные выгоды, позволяют им навязывать свою волю коллективу. Формирующаяся управленческая верхушка не желала расставаться с властью и привилегиями, стремилась закрепить ее за своими семьями и кланами. Организационная деятельность приобретала политический характер, а административно-общинная знать превращалась в государственную. Нередко общинная верхушка, используя свой традиционный авторитет и систему религиозно-мифологических обоснований, стремилась консолидироваться в замкнутую, закрытую для большинства соплеменников группу сословного или кастового характера.

Меняется в формирующемся протогосударстве и положение вождя, который все больше опирается на административную иерархию, усиливая тем самым свою власть. Таким образом, протогосударство возникает не как внешняя по отношению к родоплеменной системе сила, а как логическое и естественное продолжение общинных структур. Оно скреплялось общими интересами и потребностями семейно-клановых групп, но отличалось от предшествующих систем социального управления созданием сложной административной иерархии. Венцом этой иерархии становится вождь, власть которого приобрела авторитарный и сакральный характер.

В литературе нередко называется ряд факторов, способствующих возникновению первичных надобщинных структур и протогосударства. К числу этих факторов обычно относят экологическую среду (теплый климат, плодородные почвы, водные ресурсы и т. д.), устойчивый уровень производства, дающий сравнительно большой избыточный продукт, демографический оптимум. Важным, хотя и вторичным фактором являются завоевания и войны. Последние не могут повлиять на внутренние процессы эволюции общинных связей, но они ведут к созданию мощных военно-организационных структур, способствующих ускоренному формированию протогосударств.

Немаловажен тот факт, что нередко генезис государства протекал в особо привлекательных по природным условиям регионах, в пределах которых возникало сразу несколько протогосударств. Такие изначальные государственные образования получили название первичных протогосударств. Между этими протогосударствами возникали острые противоречия, которые приводили к военным столкновениям.

В конечном счете победу одерживало государство, чья военная организация оказывалась более сильной и эффективной. Это могла быть военная демократия. Однако ее значение и распространенность в течение длительного времени преувеличивались в литературе (начиная с работ известного американского этнографа XIX в. Л. Моргана). Значительно более распространенными были государства, выступавшие в виде

военно-иерархических структур.

В ходе войн и естественного роста возникали также так называемые вторичные государства, которые объединяли несколько небольших первичных протогосударств или включали иногда огромные территории как с родоплеменными, так и с уже сложившимися государственными структурами. Эти государства, имевшие достаточно сложные организационно-управленческие структуры и выполнявшие самые различные административные функции, имели доклассовый характер.

Следует особо подчеркнуть, что протогосударства как ранние и простейшие государственные образования сформировались в эпоху, когда общество еще не знало классового деления. Оно возникает на более высоких ступенях не без активного воздействия самой государственной власти. Таким образом, современные исторические, этнографические и иные данные убедительно свидетельствуют, что ранние государственные образования возникают не на базе классового господства, как долгое время было принято считать в нашей литературе, а складываются спонтанно в ходе естественного развития самого общинного строя из сложных надобщинных структур. Один из наиболее характерных признаков протогосударства — образование сложных организационно-управленческих систем, постепенно становящихся замкнутыми и отрывающимися от породившего их общества.

Образование протогосударств — это своеобразный прорыв человечества из предыстории в цивилизацию. На различных континентах и у разных народов в силу неравномерностей самого исторического процесса такой прорыв происходил в разное время, растянулся на века и даже на тысячелетия. Первые цивилизации и протогосударства сложились на Востоке еще в IV–III тысячелетии до н. э. Несколько позднее переход к государственности и к цивилизации происходит в Средиземноморском бассейне, в античном мире. У большинства народов Европы падение первобытнообщинных порядков и становление государственности завершается лишь в средние века. В Африке, Полинезии и в некоторых других регионах земного шара догосударственные семейно-клановые отношения просуществовали вплоть до XIX–XX вв. и уступили свои позиции не в результате естественного развития, а в ходе европейской колонизации.

Как свидетельствует материал последующих глав, несмотря на некоторые общие вехи в предыстории государства и права, происхождение и развитие государств (первичных, вторичных и т. д.) у разных народов имеет свои неповторимые черты и особенности.

Раздел I. Государство и право стран Древнего Востока

Глава 1. Особенности развития государства и права в странах Древнего Востока

Понятие Восток в исторической науке используется не столько как географическое, сколько как историко-культурное, цивилизационное. Здесь впервые в истории развития человеческого общества сложились те социальные и политические институты, государство, право, мировые религии, которые и породили со времени возникновения античных государств (Древней Греции и Рима) в I тысячелетии до н. э. дихотомию Восток — Запад.

Принципиальные различия восточного и западного цивилизационных путей развития заключались в том, что на Востоке, в отличие от Запада, где частная собственность играла господствующую роль, частнособственнические отношения, отношения частного товарного производства, ориентированного на рынок, не занимали значительного места.

Это в свою очередь сказалось на застойном характере восточных социальных структур, на отсутствии на Востоке условий для развития тех политических и правовых институтов, которые были призваны обслуживать нужды нарождающегося гражданского общества:

демократическое общественное самоуправление с правами и обязанностями каждого полноправного гражданина, члена полиса-республики, правовые гарантии его частных интересов, прав и свобод.

Восток в древности был представлен многими странами, рядом крупнейших региональных цивилизаций (индо-буддийской, ассирийско-вавилонской, конфуцианско-китайской), но вышеуказанные особенности (отсутствие господствующей роли частной собственности, застойный характер развития) были главными определяющими чертами их типологического сходства в отличие от динамично развивающихся античных стран, а затем и стран Западной Европы, преемника античной цивилизации.

Одной из основных социальных форм, играющих решающую роль в эволюции древневосточных обществ, была сельская община, сохранившая во многом черты патриархально-родовой организации. В значительной мере она определяла характер политической власти в этих обществах, роль и регулирующие-контрольные функции древневосточного государства, особенности правовых систем.

В Древнем Китае, например, основой социальной жизни в течение длительного времени были патронимии (цзун), которые объединяли несколько сотен (до тысячи и более) семей, принадлежащих к одной родственной группе. Структура замкнутых сельских общин с натуральным характером производства, с сочетанием ремесла и земледелия в рамках каждой общины, слабым развитием товарно-денежных отношений составляла основу социальной жизни и в Древней Индии.

Крепость общинных, родоплеменных, большесемейных и других связей тормозила процессы классового образования, в частности развитие здесь рабовладения, но не смогла сдержать социального и имущественного расслоения в обществе.

Самые ранние государственные формы (протогосударства) стали складываться в древневосточных цивилизациях (в Древнем Египте, Древней Индии, Древней Месопотамии, Древнем Китае — еще в IV–III тысячелетии до н. э.) в ходе разложения общинно-родовой организации. Они складывались по мере усиления разделения труда, усложнения управленческих функций, а вместе с тем превращения лиц, выполняющих эти функции, в сословие знати, которое не участвовало в производстве, стояло над рядовыми общинниками. Самодовлеющая сельская община, упрочению позиций которой способствовали коллективные усилия ее членов по созданию ирригационных сооружений, оказывала огромное влияние на замедление процессов классового образования, формы земельной собственности и способы эксплуатации в древневосточных обществах. Здесь непосредственным владельцем-собственником земли была сама община. Вместе с тем и государство выступало в качестве верховного собственника земли, властно-собственнические права которого реализовывались в получении с общинников ренты-налога.

По мере выделения надобщинных управленческих структур стали складываться и собственно царско-храмовые хозяйства, создаваемые главным образом за счет присвоения общинных земель. Владеть участками царско-храмовых земель могли лишь люди, выполняющие ту или иную работу, несущие службу на правителя или храм. Здесь рано начал использоваться труд рабов, различных категорий подневольных лиц.

Строй многоукладной хозяйственной жизни определял исключительно пестрый социальный состав древневосточных обществ, который можно дифференцировать в границах трех основных социально-классовых образований: 1) различные категории лиц, лишенных средств производства, зависимые подневольные работники, к которым относились и рабы; 2) свободные мелкие производители — общинники-крестьяне и ремесленники, живущие своим трудом; 3) господствующий социальный слой, куда входили придворная и служилая аристократия, командный состав армии, состоятельная верхушка земледельческих общин и пр.

На Востоке отсутствовала четкость социально-классовых границ, например, существовали различные категории зависимого населения, занимающие промежуточные

позиции между свободными и рабами, или некие переходные категории свободных (от мелких землевладельцев к господствующему слою, в частности к мелкому купечеству и чиновничеству). Сословно-правовой статус индивида в обществе, как правило, не совпадал, расходился с его социально-экономическим положением.

Стойкая многоукладность, историческая преемственность социальных, политических, правовых форм и институтов, господствующей религиозной идеологии дают основания определить в качестве главной отличительной черты древневосточных обществ — их традиционность. Это подтверждает то обстоятельство, что освященные незыблемыми идейно-религиозными установками основы социальной структуры, государственности и права таких крупных изучаемых нами древневосточных обществ, как Древняя Индия и Древний Китай (Древний Египет и Древний Вавилон, как относительно централизованные государства, прекратили свое существование еще до н. э.), пережили века.

Общие закономерности развития древневосточных многоукладных обществ не могут перечеркнуть конкретных особенностей каждого из них, связанных как с доминирующим положением того или иного уклада и различными формами их взаимодействия, так и с особенностями их социальных и политических институтов, со специфическими чертами их культурно-цивилизационного развития, особенностями быта, миропонимания людей, их способов религиозной ориентации.

В Древнем Вавилоне, например, крупное царско-храмовое хозяйство сосуществовало с относительно обособленным общинно-частным хозяйством, основой которого был труд свободных общинников-крестьян, уплачивающих ренту-налог государству. В царско-храмовых хозяйствах использовался труд рабов и лиц, находящихся в той или иной степени зависимости, ряды которых пополнялись за счет свободных земледельцев, потерявших свой общинный участок. Наличие сильного царско-храмового хозяйства с относительно развитым ремеслом, широко ведущего торговые операции с помощью купцов-тамкаров, ослабляло налоговую эксплуатацию общинников-крестьян.

В Древнем Египте общинно-частный сектор еще во II тысячелетии до н. э. был поглощен основанным на рабской и полурабской эксплуатации царско-храмовым хозяйством.

Специфические черты древнеиндийского общества были связаны с жестким сословным делением на четыре *варны* (брахманов, кшатриев, вайшиев и шудр), с присущей ему особой общинной организацией, отличающейся высокой степенью замкнутости и автономности. Отношения рабовладения здесь тесно переплетались с сословно-варновыми, кастовыми. Традиционная социальная приниженность низших каст, почти полное бесправие тех, кто находился вне варн индийского общества, создавали возможности для полурабских форм эксплуатации различных категорий зависимого люда.

В Древнем Китае рано сложилась система эксплуатации управленческой знатью общинников-крестьян путем взимания ренты-налога, вначале в форме отработок на общественных полях, а затем путем присвоения правящей верхушкой части урожая с крестьянского надела.

В настоящее время, по единодушному мнению всех отечественных синологов, на протяжении длительной истории китайского традиционного общества (со второй половины II тысячелетия до н. э. до второй половины XIX в. н. э.) имел место лишь один коренной качественный перелом в развитии производительных сил и общественного производства — в V–IV вв. до н. э. Этот период сопровождался разрушением общинной земельной собственности, ростом крупного частного землевладения, распространением арендных форм эксплуатации малоземельных и безземельных крестьян-издольщиков, сидящих как на частновладельческих, так и на государственных землях.

В последние века до н. э. в Китае завершается в централизованных циньско-ханьских империях (III в. до н. э. — III в. н. э.) формирование традиционной системы эксплуатации государством податных мелких крестьян-землевладельцев путем взимания ренты-налога, исчисляемого с количества обрабатываемой земли. Эта система сохранилась здесь вплоть до

начала XX в.

Специфические черты политической организации древневосточных обществ. Еще от "отца истории" Геродота (V в. до н. э.), который писал о египетских царях-деспотах, насильственно закрывающих храмы и заставляющих весь народ возводить колоссальные усыпальницы для них, берет начало концепция "восточной деспотии". Утверждение, что и древним, и средневековым обществам Востока органически присуща одна деспотическая форма государства, прочно держалось на протяжении XVIII–XX вв., вплоть до последнего времени. Понятие "восточная деспотия" характеризовалось рядом признаков. Это — монархическая форма правления с неограниченной властью наследственного, обожествляемого монарха, выступающего единоличным законодателем и высшим судьей; централизованное государство, с жестким тоталитарным режимом, с всеохватывающим надзором за бесправными подданными разветвленного, подчиненного деспоту административного аппарата. При этом перечеркивалось действительное многообразие политических структур древневосточных цивилизаций, их последующей эволюции.

Формализованное понятие "восточная деспотия", обладающее вышеперечисленными признаками, с определенными основаниями можно отнести к централизованной империи Древнего Китая и царствам Древнего Египта. В Китае, например, император обожествлялся, существовал особый культ императора — "сына неба". Высшая законодательная власть была одним из важных признаков его широких полномочий. Рано сложился здесь и централизованный многоступенчатый бюрократический аппарат, возглавляемый самим правителем. Все имперские чиновники, независимо от рангов и занимаемых постов, были поставлены под строгий контроль центральных властей.

Но во многих древневосточных государствах власть верховных правителей ограничивалась советом знати или народным собранием, или самоуправляющимися большесемейными городскими общинами и пр.

Древневосточным обществам были известны также и республиканские государственные формы, в которых значительную роль играли традиции примитивной племенной демократии, например республики в городах-государствах — Финикии, Месопотамии. Не отличались некоторые восточные государства и полным набором вышеперечисленных формальных характеристик "восточной деспотии".

Правители Древней Индии, например, не располагали неограниченными законодательными полномочиями. Даже в крупном, относительно централизованном государстве Маурьев (IV–II вв. до н. э.) большое значение имели коллегиальные органы государственной власти, такие как совещательный орган при царе — раджа-сабха и совет сановников — мантрипаришад. Одной из наиболее ярких особенностей империи Маурьев было включение в нее полуавтономных республиканских государственных образований — ган и сангх.

В своем политическом развитии страны Древнего Востока прошли в целом общий путь — от небольших племенных образований, номовых городов-государств к гегемониям-царствам, а затем к относительно централизованным империям, как правило, полиэтническим, создаваемым за счет завоевания и аннексий своих соседей.

Но в Индии, в отличие от Китая, раздробленность была правилом, а централизованное государство — исключением. В Месопотамии царскую власть можно считать наследственной с оговорками. При передаче власти одному из сыновей правителя решающее слово принадлежало жрецам-оракулам. Не был царь и высшей судебной инстанцией. Здесь, как и в Индии, почти на всех этапах развития сохранялось определенное самоуправление общин. Органы общинного самоуправления несли главную тяжесть забот о благосостоянии общины, о своевременной выплате ренты-налога в казну и об организации общественных работ.

Вместе с тем нельзя отрицать, что в древневосточных цивилизациях в религиозном массовом сознании существовало особое мистическое отношение к власти, царственности, правителю.

Признание высшего, божественного авторитета, органически вытекающего из сущего миропорядка, а, следовательно, и неограниченных деспотических полномочий правителя, было основополагающим элементом восточной духовной культуры, религиозной идеологии, определяющим в значительной мере различные стороны жизнедеятельности древневосточных обществ. С учетом этих обстоятельств следует различать понятие "восточная деспотия" в культурно-цивилизационном, социально-историческом и формально-юридическом смысле.

Выступая как и всякое другое государство орудием социально-классового господства, древневосточное монархическое государство было призвано вместе с тем выполнять функции, связанные с координацией разрозненного общинного производства, с обеспечением насущных условий его развития. При отсутствии или слабом развитии рыночных отношений государство с его административно-командным аппаратом выполняло особые контрольно-регулирующие функции, что и обеспечивало исключительное место и значение управляющей верхушки в восточном обществе.

Но не меньшее значение имела деятельность властных структур, государства по поддержанию религиозно-культурного единства древневосточных обществ, обеспечиваемого на основе сохранения их самобытных, фундаментальных ценностей. Значение целенаправленной консервации, укрепления религиозной идеологии в древневосточных обществах также определялось в значительной мере слабостью экономических связей, почти полным отсутствием рыночных отношений при натуральном характере общинного производства. Религиозная идеология, играющая важную роль в поддержании единства того или иного восточного общества, строилась на основе различных морально-этических, религиозных ценностей, но неизменно отводила особое место "связующему единству" — правителю.

Так, например, еще в древнем царстве (III тысячелетие до н. э.) египетским фараонам стал присваиваться священный титул "сына бога Солнца", вырабатывается особо торжественный ритуал их погребения. Как символ величия фараонов строились знаменитые пирамиды, которые подавляли воображение людей, внушали им священный страх и почтение перед тронем. В Древнем Египте значительный сектор хозяйственной деятельности государственных чиновников, жрецов был так или иначе связан с заупокойной службой вокруг гробниц фараонов. "Ты Ра (бог Солнца), твой образ — его образ, ты небожитель" говорилось о юном Тутанхамоне в одном из древних египетских папирусов. Египетский царь — хранитель жизни на земле, без него невозможна жизнь и в загробном мире. Отдавая силы на возведение величественных гробниц фараонов, египтяне заботились и о собственном посмертном существовании.

Особое значение имела идеологическая функция в деспотическом Китае. Здесь государство на протяжении веков формировало унифицированное мировоззрение, прославляя правителя-деспота, поддерживало миф о божественном происхождении императора — "сына неба".

И в Древней Индии, и в Древнем Вавилоне, несмотря на их исторические особенности, цари также неизменно возвеличивались. Их имена ставились рядом с именами богов. В Вавилоне царь предстает человеком, который, однако, в силу своей избранности богами наделен божественной царственностью, возвышающей его над людьми.

В массовом сознании правители наделялись всемогущими, деспотическими полномочиями не только в силу божественного характера своей власти — царственности, но и в силу отводимой им единоличной роли в поддержании безопасности, правосудия, социальной справедливости в обществе. Устойчивость патриархально-общинных отношений, на базе которых развивались ранние государственные деспотические режимы, формировала в общественном сознании образ правителя-отца, защитника слабых и обездоленных. Например, конфуцианство — господствующая идеология Древнего Китая — прямо переносило строй большой патриархальной семьи на все китайское общество, во главе которого стоял император.

Индусская политико-религиозная концепция богоугодного царя (девараджи) предписывала ему выполнение особой дхармы (обязанностей). Одна из главных обязанностей — охрана подданных. "Все, что ни делает царь, — правильно. Таков признанный закон", — написано в Нараде, одном из религиозно-правовых трактатов Древней Индии. "Ведь ему вверена дхарма мира, а он охраняет его, основываясь на могуществе и милости ко всем живущим". Царю вверялось также осуществление правосудия с помощью опытных брахманов. Он, опекун всех малолетних и вдов, должен был возглавлять борьбу со стихийными бедствиями, голодом. Важной функцией царей, согласно древнему политическому трактату Индии — Артхашастре, была организация общественных работ, строительство ирригационных сооружений.

Эти представления о благих деяниях правителей должны были поддерживаться их общесоциально-значимой деятельностью, которая была особенно присуща, например, Древнему Вавилону (это и практика царских приказов "мишарум", освобождающих бедняков от долгов, и нормы права, ограничивающие долговое рабство трехгодичным сроком, и установленные проценты ростовщического займа и пр.). Характерно также, что усиление деспотических черт древневосточного государства происходит часто в процессе борьбы не с народом, а со знатью, с аристократическими и жреческими кругами, сепаратизмом. Усиление властных полномочий восточных правителей часто сопровождалось не столько произволом, сколько активным правотворчеством, созданием писаных правовых судебных кодексов (Судебник Хаммурапи в XVIII в. до н. э. в Вавилоне и др.).

Стремление к поддержанию правопорядка было свойственно восточным монархиям, как правило, в периоды их расцвета и подъема.

Вместе с государством в древневосточных обществах складывалось и право, которое в странах Древнего Востока имело ряд общих черт. В частности, оно открыто закрепляло социальное неравенство, что проявлялось прежде всего в приниженном положении рабов. Вне зависимости от того, мог ли раб иметь семью или владеть в интересах хозяина тем или иным имуществом, на Востоке он выступал в качестве вещи и таковой рассматривался действующим правом. Древневосточное законодательство закрепляло также сословное неравенство свободных. Оно в той или иной форме присутствовало во всех древневосточных правовых системах.

Право Древнего Востока неразрывно связано с религией и религиозной моралью. Правовая норма здесь, за редким исключением, имела религиозное обоснование. Правонарушение — это одновременное нарушение нормы религии и морали.

Основным источником права древневосточных государств на протяжении веков оставались обычаи, которые, являясь продуктом общинного творчества, в течение длительного времени не записывались, а сохранялись в устной традиции и памяти соплеменников. Ссылки на древних мудрецов, обладающих священным авторитетом, хранителей обычаев, можно найти почти во всех памятниках древневосточного права, в чем сказался его традиционный характер. Нормы права опирались на установившиеся образцы поведения, сложившиеся в прошлом, ориентировались на них. Обычай, наполняемый новым социальным содержанием, санкционированный государством, оставался главным источником права и тогда, когда появились письменные судебники, брахманские компиляции и пр.

Первые памятники права в основном закрепляли наиболее распространенные обычаи, установившуюся судебную практику. С этим связаны их неполнота, неразработанность ряда институтов и норм, их казуистический характер, ибо правовая норма фиксировалась не в абстрактной форме, а в виде конкретного случая. В правовых системах, которые формировались в медленно эволюционирующих древневосточных обществах, нашли отражение нормы старого родового строя, например, предусматривающие коллективную ответственность членов семьи или даже всех членов соседской общины за проступки, совершенные одним из них, кровную месть, самосуд, талион. На примере таких универсальных обычаев, как кровная месть и талион, в которых нашел отражение принцип

равного воздаяния родового строя (око за око, зуб за зуб), по памятникам древневосточного права можно проследить, как эти старые обычаи наполнялись новым содержанием. Появление имущественных, сословных, профессиональных и других различий привело к прямому извращению в нормах древневосточного права идеи первобытнообщинного строя о равном воздаянии. Эти нормы стали исходить из того, что цена крови знатного, богатого выше цены крови бедного, незнатного.

Общие традиционные черты древневосточного права определялись в значительной мере длительным существованием в странах Древнего Востока таких социальных форм, как община, большая патриархальная семья. Во всех нормах древневосточного брачно-семейного и наследственного права прослеживаются, например, такие традиционные черты, как подчиненное, приниженное положение женщин, детей в патриархальной семье, неравенство наследственных прав женщин с мужчинами и пр.

В древневосточном праве нельзя обнаружить представления об отраслях права, о четких отличиях преступлений от частных правонарушений. На первый взгляд, правовые документы Древнего Востока изложены не только бессистемно, но и без какой бы то ни было внутренней логики. Но внутренняя логика изложения норм в этих правовых памятниках присутствует. Она определяется или религиозными концепциями о тяжести, греховности того или иного поведения человека в Древнем Вавилоне и в Древнем Китае или религиозной концепцией мироздания, сословно-варнового деления в Древней Индии.

Говоря об общих элементах правовых систем стран Древнего Востока, нельзя не видеть и специфических черт их правовых принципов, институтов и норм, связанных с особенностями духовной культуры, религии, той или иной системы ценностей.

Так, в Древнем Египте, стране "поголовного рабства", в условиях засилия административно-командного царского аппарата, с его гипертрофированными контрольно-регулирующими функциями, не было создано условий даже для общих представлений о правоспособности, правовом статусе личности.

В древнем конфуцианском Китае и религия, и право изначально отвергали идею равенства людей, исходили из признания различий между членами китайского общества в зависимости от пола, возраста, места в системе родственных отношений и социальной иерархии. Здесь исключалось создание предпосылок не только для развития гражданского общества, частной собственности, субъективных прав и свобод, но и частного права как такового. Китайское традиционное право — это прежде всего уголовное право, включающее нормы брачно-семейного, гражданского права, нарушение которых влекло за собой уголовное наказание.

В отличие от Китая, где теология как таковая не играла существенной роли (конфуцианство лишь условно можно назвать религией, это скорее этико-политическое учение), индийская цивилизация имеет ярко выраженный религиозный характер. Все стороны жизни в древнеиндийском обществе регулировались строжайше разработанными этико-кастовыми нормами, традиционными правилами поведения, различными для разных социальных групп и ашрам (стадия жизни человека), выполнение которых приносило религиозную заслугу, нарушение же вело к религиозной и социальной деградации. В древнеиндийском обществе особую ценность в связи с этим имел ученый брахман, выполняющий функции воспитания людей в духе неукоснительного следования дхарме, правилам поведения религиозного индуса, кастовым нормам и ритуалу. Этим во многом объясняется как специфика источников права в Древней Индии, среди которых особое место занимали брахманские поучительные произведения — дхармашастры, так и другие особенности традиционного права индусов, пережившего века.

Глава 2. Древний Египет

Государство Древнего Египта сложилось в северо-восточной части Африки, в долине, расположенной по нижнему течению реки Нила. Все сельскохозяйственное производство

Египта было связано с ежегодными разливами Нила, с очень ранним строительством здесь ирригационных сооружений, на которых и стал впервые использоваться труд рабов-военнопленных. Естественные границы Египта служили защите страны от набегов извне, созданию этнически однородного населения — древних египтян.

Интенсивно развивающееся орошаемое земледелие способствует социальному расслоению, выделению управленческой верхушки во главе с первосвященниками-жрецами уже в первой половине IV тысячелетия до н. э. Во второй половине этого тысячелетия складываются первые государственные образования — *номы*, возникшие вследствие объединения вокруг храмов сельских общин для совместного ведения ирригационных работ. Территориальное расположение древних номов, вытянутых вдоль единой водной магистрали, очень рано приводит к их объединению под властью сильнейшего нома, к появлению в Верхнем (Южном) Египте единых царей с признаками деспотической власти над остальными номами. Цари Верхнего Египта к концу IV тысячелетия до н. э. завоевывают весь Египет. Предопределял раннюю централизацию древнеегипетского государства и сам характер хозяйства, связанный с постоянной зависимостью населения от периодических разливов Нила и необходимостью руководства из центра трудом многих людей по преодолению их последствий.

История Древнего Египта делится на ряд периодов: период Раннего царства (3100–2800 гг. до н. э.), или период царствования первых трех династий египетских фараонов; период Древнего, или Старого, царства (около 2800–2250 гг. до н. э.), в который включается время царствования III–IV династии; период Среднего царства (около 2250–1700 гг. до н. э.) — время царствования XI–XII династий; период Нового царства (около 1575–1087 гг. до н. э.) — время царствования XVIII–XX династий египетских фараонов. Периоды между Древним, Средним и Новым царствами были временем хозяйственного и политического упадка Египта. Египет Нового царства — первая в истории мировая империя, огромное разноплеменное государство, созданное путем завоеваний соседних народов. В его состав вошли Нубия, Ливия, Палестина, Сирия и другие богатые естественными ресурсами области. В конце Нового царства Египет приходит в упадок, становится добычей завоевателей, сначала персов, затем римлян, включивших его в состав Римской империи в 30 г. до н. э.

Социальная структура. Для Древнего Египта была характерна крайняя замедленность эволюции социальной структуры, определяющим фактором которой было почти безраздельное господство в экономике государственного царско-храмового хозяйства. В условиях всеобщей вовлеченности населения в государственное хозяйство разница в правовом положении отдельных слоев трудового люда не считалась столь существенной, как в других странах Востока. Она не отражалась даже в терминах, наиболее употребляемым среди которых был термин, обозначающий простолюдина, — *мерет*. Это понятие не имело четко выраженного правового содержания, как и спорное понятие "*слуга царя*" — полусвободный, зависимый работник, просуществовавшее во все периоды уникальной и длительной истории Египта.

Основной хозяйственной и общественной ячейкой в Древнем Египте на ранних этапах его развития была сельская община. Закономерный процесс внутриобщинного социального и имущественного расслоения был связан с интенсификацией сельскохозяйственного производства, с ростом прибавочного продукта, который начинает присваивать общинная верхушка, сосредоточившая в своих руках руководящие функции по созданию, содержанию в порядке и расширению ирригационных сооружений. Эти функции впоследствии перешли к централизованному государству.

Процессы социального расслоения древнеегипетского общества особенно усиливаются в конце IV тысячелетия до н. э. когда формируется господствующий социальный слой, в который входили родоплеменная номовая аристократия, жрецы, зажиточные общинники-крестьяне. Этот слой все больше отделяется от основной массы свободных общинников-крестьян, с которых взимается государством рента-налог. Они же привлекаются

к принудительному труду по строительству каналов, дамб, дорог и пр. С первых династий Древнему Египту были известны проводимые по всей стране периодические переписи "людей, скота, золота", на основе которых и устанавливались налоги.

Раннее создание единого государства с централизованным в руках фараона земельным фондом, к которому переходят функции управления сложной ирригационной системой, развитие крупного царско-храмового хозяйства способствует фактическому исчезновению общины как самостоятельной единицы, связанной коллективным землепользованием. Она прекращает существование вместе с исчезновением свободных земледельцев, независимых от государственной власти и неподконтрольных ей. Неким подобием общин остаются постоянные сельские поселения, главы которых отвечают за уплату налогов, за бесперебойное функционирование ирригационных сооружений, принудительные работы и пр. Вместе с тем укрепляет свои экономические и политические позиции правящая верхушка, пополняющаяся в основном за счет местной номенной аристократии, чиновничества, складывающегося централизованного административного аппарата и жречества. Ее экономическая мощь растет, в частности, за счет рано сложившейся системы царских пожалований земель и рабов. От времени Древнего царства сохранились царские указы, устанавливающие права и привилегии храмов и храмовых поселений, свидетельства о царских пожалованиях земельных участков аристократии и храмам.

В царских хозяйствах и хозяйствах светской и духовной знати трудились различные категории зависимых подневольных лиц. Сюда входили бесправные рабы-военнопленные или соплеменники, доведенные до рабского состояния, "слуги царя", выполнявшие предписываемую им норму работы под надзором царских надсмотрщиков. Они владели небольшим личным имуществом и получали скудное пропитание из царских складов.

Эксплуатация "слуг царя", оторванных от средств производства, строилась как на внеэкономическом, так и на экономическом принуждении, так как земля, инвентарь, тягловый скот и прочее были собственностью царя. Границы, отделяющие рабов (которых в Египте никогда не было много) от "слуг царя", были выражены нечетко. Рабов в Египте продавали, покупали, передавали по наследству, в дар, но иногда сажали на землю и наделяли имуществом, требуя с них часть урожая. Одной из форм возникновения рабской зависимости стала самопродажа египтян за долги (которая, однако, не поощрялась) и превращение в рабов преступников.

Объединение Египта после переходного периода смут и раздробленности (XXII в. до н. э.) фиванскими номами в границах Среднего царства сопровождалось успешными завоевательными войнами египетских фараонов, развитием торговли с Сирией, Нубией, ростом городов, расширением сельскохозяйственного производства. Это привело, с одной стороны, к росту царско-храмового хозяйства, с другой — к укреплению позиций частного хозяйства вельмож-сановников и храмовых жрецов, органически связанного с первым. Номенная знать, имеющая кроме пожалованных за службу земель ("дом номарха") наследственные земли ("дом отца моего"), стремится превратить свои держания в собственность, прибегая с этой целью к помощи храмовых оракулов, которые могли засвидетельствовать ее наследственный характер.

Рано выявившаяся неэффективность громоздких царских хозяйств, основанных на труде подневольных земледельцев, способствует широкому развитию в это время надельно-арендной формы эксплуатации трудящегося люда. Земля стала отдаваться "слугам царя" в аренду, она обрабатывалась ими в основном своими орудиями в относительно обособленном хозяйстве. При этом выплачивалась рента-налог казне, храму, номарху или вельможе, но по-прежнему выполнялась трудовая повинность в пользу казны.

В Среднем царстве выявляются и другие изменения как в положении правящих кругов, так и низших слоев населения. Все более заметную роль в государстве, наряду с номенной аристократией и жречеством, начинает играть нетитулованное чиновничество.

Из общей массы "слуг царя" выделяются так называемые *неджес* ("маленькие"), а среди них "*сильные неджес*". Их появление было связано с развитием частного

землевладения, товарно-денежных отношений, рынком. Не случайно в XVI–XV вв. до н. э. в египетском лексиконе впервые появляется понятие "торговец", а мерилем стоимости при отсутствии денег становится серебро (1 г серебра был равен стоимости 72 литров зерна, а раб стоил 373 г серебра).

Неджес вместе с ремесленниками (особенно таких дефицитных в Египте специальностей, как каменотесы, золотых дел мастера), будучи не столь прочно связаны с царско-храмовым хозяйством, приобретают более высокий статус, продавая часть своей продукции на рынке. Вместе с развитием ремесла, товарно-денежных отношений растут города, в городах возникает даже подобие цехов, объединения ремесленников по специальностям.

Об изменении правового положения состоятельных групп населения свидетельствует и расширение понятия "дом", ранее обозначающее родственно-клановую группу подвластных патеру-вельможе членов семьи, родственников, слуг-рабов и пр. Главой дома мог выступать теперь и неджес.

Сильные неджес вместе с низшими звеньями жречества, мелкого чиновничества, зажиточными ремесленниками в городах составляют средний, переходный слой из мелких производителей к господствующему классу. Растет число частных рабов, усиливается эксплуатация зависимых земледельцев-надельщиков, несущих главные тяготы податного обложения, военной службы в царских войсках. Еще более нищает городская беднота. Это приводит к крайнему обострению социальных противоречий в конце Среднего царства (усилившегося под воздействием вторжения в Египет гиксосов), к крупному восстанию, начавшемуся в среде беднейших слоев свободных египтян, к которым впоследствии присоединились рабы и даже некоторые представители состоятельных земледельцев.

События тех дней описаны в красочном литературном памятнике "Речение Ипувера", из которого следует, что восставшие захватили царя, изгнали сановников-вельмож из их дворцов и заняли их, завладели царскими храмами и храмовыми закромами, разгромили судебную палату, уничтожили книги учета урожаев и пр. "Земля перевернулась, словно гончарный круг", — пишет Ипувер, предостерегая правителей от повторения подобных событий, приведших к периоду междуусобиц. Они длились 80 лет и завершились после многолетней борьбы с завоевателями (в 1560 г. до н. э.) созданием фиванским царем Яхмосом Нового царства.

В результате победоносных войн Египет Нового царства становится первой крупнейшей империей в древнем мире, что не могло не сказаться на дальнейшем усложнении его социальной структуры. Ослабляются позиции номовой родовой аристократии. Яхмос оставляет на местах тех правителей, которые изъявили ему полную покорность, или заменяет их новыми. Благосостояние представителей правящей верхушки отныне прямо зависит от того, какое место они занимают в должностной иерархии, насколько близко стоят к фараону и его двору. Центр тяжести администрации и всей опоры фараона существенно перемещается на нетитулованные слои выходцев из чиновников, воинов, земледельцев и даже приближенных рабов. Дети сильных неджес могли пройти курс обучения в специальных школах, руководимых царскими писцами, и по окончании его получить ту или иную чиновничью должность.

Наряду с неджес в это время появляется и особая категория египетского населения, близкая к нему по положению, обозначаемая термином "немху". В эту категорию включались земледельцы, имеющие свое хозяйство, ремесленники, воины, мелкие чиновники, которые по воле фараоновской администрации могли быть повышены или понижены в своем социально-правовом статусе, в зависимости от потребностей и нужд государства.

Связано это было с созданием по мере централизации в Среднем царстве системы общегосударственного перераспределения рабочей силы. В Новом царстве, в связи с дальнейшим ростом многочисленного имперского, иерархически соподчиненного слоя чиновничества, армии и пр., эта система нашла дальнейшее развитие. Суть ее заключалась в

следующем. В Египте систематически проводились переписи, учитывающие население в целях определения налогов, комплектования армии по возрастным категориям: отроки, юноши, мужи, старики. Эти возрастные категории в определенной мере были связаны со своеобразным сословным делением населения, непосредственно занятого в царском хозяйстве Египта, на жрецов, войско, чиновников, мастеров и "простых людей". Своеобразие этого деления заключалось в том, что численный и персональный состав трех первых сословных групп определялся государством в каждом конкретном случае с учетом его потребностей в чиновниках, мастерах и пр. Происходило это в ходе ежегодных смотров, когда формировались штаты той или иной государственной хозяйственной единицы, царского некрополя, ремесленных мастерских.

"Наряд" на постоянную квалифицированную работу, например архитектора, ювелира, художника, относил "простого человека" к категории мастеров, что давало ему право на должностное владение землей и неотчуждаемую частную собственность. До тех пор, пока мастер не переводился в разряд "простых людей", он не был бесправным человеком. Работая в том или ином хозяйственном подразделении по указанию царской администрации, он не мог покинуть его. Все то, что производилось им в урочное время, считалось собственностью фараона, даже его собственная гробница. То, что производилось им во внеурочное время, было его собственностью.

Чиновники, мастера противопоставлялись "простым людям", положение которых мало чем отличалось от положения рабов, их только нельзя было купить или продать как рабов. Эта система распределения рабочей силы мало затрагивала основную массу надельных земледельцев, за счет которых и содержалась эта огромная армия чиновников, военных и мастеров. Периодический учет и распределение на работу основного резерва рабочей силы в Древнем Египте были прямым следствием неразвитости рынка, товарно-денежных отношений, полного поглощения государством египетского общества.

Государственный строй. Древнеегипетское государство было централизованным почти на всех этапах своего развития, за исключением непродолжительных периодов распада. Объединение Египта в конце IV тысячелетия до н. э. под началом единого царя ускорило создание здесь централизованного бюрократического аппарата, который на региональном уровне был организован по древним традиционным нормам и представлен правителями-номархами, храмовыми жрецами, вельможами и царскими чиновниками различных рангов.

С помощью этого аппарата, систематически одариваемого центральной властью, происходило дальнейшее укрепление могущества фараона, который начиная с III династии не просто обожествлялся, но считался равным богам. Логическим следствием изменений в египетской теологии становится скрупулезная разработка ритуала поклонения богу-фараону, строительство гигантских пирамид на местах их захоронений. Геродот, посетив Египет в середине V в. до н. э., на основе собранных им преданий и жреческих сообщений о царе IV династии Хуфру (Хеопсе) писал, что работы над сооружением его пирамиды продолжались 40 лет (20 лет на заготовку материалов и 20 лет на само строительство). Привлекались к сооружению пирамиды все египтяне по очереди (на 3 месяца по 100 тыс. человек).

Наибольшее могущества власть фараонов достигает в Новом царстве, когда окончательно утверждается основанная на военной силе и многочисленном бюрократическом аппарате имперская власть центра, полностью подчинившего себе управление обширной территорией.

Приказы фараона неукоснительно соблюдались, он был главным законодателем и судьей, назначал всех высших чиновников. Считалось, что от фараона-бога зависели урожай, справедливость в государстве и его безопасность. Всякий социальный протест против царя — преступление против религии. Фараону, как носителю высшей государственной власти, принадлежало верховное право на земельный фонд. Он мог жаловать землю вместе с государственными рабами знати, чиновникам, жрецам, мастерам. Жаловал он и титулы.

Власть фараона уже в Древнем царстве передавалась по наследству (по крайней мере во

времена царствования той или иной династии). Но династии, как известно, часто менялись, некоторые фараоны царствовали, особенно в период смут, три-четыре года, что находило оправдание в египетской теологии, в представлениях египтян о власти. Согласно этим представлениям божественности фараона было недостаточно, чтобы родить нового фараона-бога. В единственного родившегося ребенка вместе с семенем отца-бога должен войти бог, божественное царственное начало. В противном случае все другие дети фараона были бы ипостасью бога-творца, а при множестве жен и наложниц у фараонов их было бы чересчур много.

Египетские фараоны обычно имели главную жену, египтянку, которой по традиции становились их родные или единокровные сестры, и несколько второстепенных жен и наложниц. Дети от всех этих жен могли претендовать на престол, но принцип первородства был при этом традиционно решающим.

Царственное богосыновство как уникальное качество правящего монарха не передавалось непосредственно по наследству. Оно могло быть передано, "войти" в любую женщину, которая, даже никогда не видя царя, способна была произвести нового бога-фараона.

Эти представления и служили признанию нового ненаследственного фараона, легитимации власти новой правящей династии, которые, как свидетельствует длительная история Древнего Египта, могли основываться и одним из многочисленных номархов или главных жрецов храмов.

При всей широте полномочий фараона его власть нельзя рассматривать как личную, произвольную. Политическая стабильность единого государства Египта, неприкосновенность трона зависели от того, насколько успешно фараон служил интересам господствующих социальных слоев, особенно военной и жреческой верхушки. Власть фараонов сдерживалась и религиозно-моральными нормами справедливости (*маат*), следование которым считалось особой заслугой царя-бога. Аменхотеп III (1491–1424 гг. до н. э.), например, в своих надписях указывал, что он всегда "соблюдал закон", т. е. установленный в Египте правопорядок.

В главе 125 "Книги мертвых", обширном произведении, составленном в эпоху Нового царства на основе более ранних жреческих записей (которые клались в гробницу при погребении царей и сановников в качестве своего рода путеводителя для мертвеца на том свете), одна из заповедей-клятв гласила: "Я не чинил людям зла, я не нанес ущерб скоту. Я не совершал греха в месте истины, я не творил дурного". "Речение Ипувера", как и другое литературное произведение древности "Пророчество Неферти", содержит предостережение в адрес правителей, нерадение и ошибки в управлении которых могут привести к краху государства, его гибели, "когда Нил иссыхает, а женщины не рожают".

Все эти тексты свидетельствуют о двойственном представлении египтян о носителях власти. Фараон не только Бог, но и человек, который умирает как все, впадает в грехи, приходит к "Суду вечности", обремененный хорошими или дурными делами, и может быть осужден.

Природа фараона-человека слабая, смертная, подверженная страданиям, всяческим напастям, только соединившись с природой божественной, оказывается способной к выполнению исключительной сверхъестественной роли, в которой египтяне видели залог их благополучия не только на земле, но и при вхождении в посмертное бытие. В этом свете можно по-иному взглянуть и на само понятие "восточная деспотия", и на массовое участие египтян в строительстве пирамид, которое стимулировалось, видимо, не одним насилием, приказом.

Двойственность представлений египтян о власти отражалась и в особенностях управленческого аппарата древнеегипетского государства, который, несмотря на свою многочисленность, был слабо дифференцирован. Почти все чиновники Египта были одновременно связаны с хозяйственной, военной, судебной и религиозной деятельностью. Причем если со временем прямая связь царских чиновников с деятельностью тех или иных

хозяйственных подразделений возрастала, то их роль в религиозной сфере падала. В Новом царстве религиозные функции сосредоточиваются в руках замкнутой касты жрецов, противостоящей в ряде случаев царским чиновникам. Все больше усиливается роль армии, воинских начальников в сфере хозяйственного управления.

На всех этапах развития Египта особая роль в управлении государством принадлежала царскому двору. О развитии функций государственного аппарата могут свидетельствовать изменения полномочий первого помощника фараона — *джати*. Джати сначала жрец города — резиденции правителя. Он вместе с тем начальник царского двора, ведающий придворным церемониалом, канцелярией фараона: Полномочия джати со временем выходят за рамки управления царским двором, царским хозяйством. В Новом царстве джати осуществляет контроль за всем управлением в стране, в центре и на местах, распоряжается земельным фондом, всей системой водоснабжения. В его руках — высшая военная власть. Он контролирует набор войска, строительство пограничных крепостей, командует флотом и пр. Ему принадлежат и высшие судебные функции. Он рассматривает жалобы, поступающие к фараону, ежедневно докладывает ему о наиболее важных событиях в государстве, непосредственно следит за выполнением полученных от фараона указаний.

Должность джати обычно исполнял один из царевичей или иных близких родственников фараона; при некоторых династиях, например V и VI, — какой-либо из высокопоставленных сановников-вельмож из знатных фамилий, что было свидетельством ослабления центральной власти в это время.

Под непосредственным контролем джати находились главы специализированных управлений: "начальник дома оружия", руководивший военным ведомством, отвечавший за вооружение, за снабжение армии, строительство крепостей и пр., "заведующий тем, что дает небо, производит земля и приносит Нил" — хранитель государственных амбаров и складов, "начальник работ", отвечавший за крупное строительство и пр.

Слабая дифференциация отдельных звеньев управленческого аппарата, их неразрывная связь с религиозно-хозяйственной деятельностью в Древнем Египте определили существование здесь особых групп лиц, получивших при XVIII династии название "*послушных призыву*". Каждая из этих групп не была однородной ни с сословной, ни с классовой точек зрения. В одну из этих групп могли входить лишь крупные сановники, придворные фараона, в другую — вместе со свободными и рабы, в третью — только рабы. Эти группы лиц занимали определенное место и в производстве, и в управлении древнеегипетским обществом.

"Послушные призыву" — это те, кто мог непосредственно выслушать и должен был выполнить приказ своего господина. Одно и то же лицо могло иметь "послушных призыву" и состоять в группе "послушных призыву" своего господина, начальника высшего ранга.

В системе органов управления особую роль играла группа "*больших послушных призыву царя*" — придворных, крупных вельмож, государственных деятелей, телохранителей царя. Часть своих управленческих функций представители этой группы могли передавать своим "послушным призыву". Они зачастую совмещали ряд должностей, получая за каждую из них особое должностное земельное владение. "Большие послушные призыву царя" возглавляли все высшие ведомства в государстве, в которых служили их "послушные призыву".

Так, например, особо многочисленную группу составляли работники "*белых домов*", центров по переработке, хранению и распределению продуктов сельского хозяйства и ремесла, дома "*царских сокровищ*" — своеобразного налогового ведомства. Древние надписи говорят о "начальнике послушных призыву дома его величества", ведавшего, видимо, дворцовым хозяйством, о "начальнике послушных призыву, сопровождающих его величество", о "начальнике послушных призыву местопребывания царя", т. е. собственно дворцовых слуг и пр.

Особую группу "послушных призыву богов" составляли работники храмовых хозяйств, поминальных храмов умерших египетских фараонов. Их деятельность возглавлялась

особыми начальниками. Весь этот сложный комплекс служб, хозяйственных подразделений так или иначе был связан с тремя главными отраслями управления, с тремя главными ведомствами (военным, налоговым и ведомством общественных работ), выражались ли эти работы в строительстве ирригационных сооружений или царских гробниц.

Местное управление. Древнее царство — это объединение небольших сельских общин, во главе которых стояли общинные старосты и общинные советы — *джаджаты*. Общинные советы в Древнем царстве, состоящие из представителей зажиточного крестьянства, были органами судебной, хозяйственной и административной власти на местах. Они регистрировали акты передачи земли, наблюдали за состоянием сети искусственного орошения, за развитием земледелия. Но впоследствии общинные советы полностью теряют свое значение, а общинные старосты превращаются в чиновников централизованного государственного аппарата.

Номархи — представители небольших государств, созданных на базе старых общин, а затем отдельных областей централизованного государства, со временем также теряют свою самостоятельность. Еще в Среднем царстве номархи, обладающие различным объемом полномочий в зависимости от своего богатства, силы и влияния при дворе, могли возглавлять местное ополчение, выступать жрецами местных богов и руководителями храмовых хозяйств. В Новом царстве номовая администрация целиком подчиняется центру, назначавшему в каждый ном особого царского чиновника, при котором были секретарь-писец и административная палата.

Центральной фигурой разветвленного административно-командного аппарата в Древнем Египте на всех этапах его развития была фигура писца-канцеляриста. Их готовили в специальных школах, они ведали многочисленными приходно-расходными книгами, два раза в год составляли кадастр всех земель в стране, переписывали население, его имущество и пр.

Страна делилась не только на области, но и на два больших округа — Южный и Северный Египет, во главе которых стояли царские наместники. Такое административное деление, соответствующее древнему делению Египта на Верхнее и Нижнее царства, определяло и особые титулы фараона, сохранившиеся и в поздней истории страны, — "владыка двух стран", "царь Нижнего и Верхнего Египта".

Армия. В Древнем царстве не существовало регулярной армии. Армия создавалась из ополченцев по всей стране на случай проведения военных операций, преследующих, как правило, грабительские цели захвата рабов, скота, другого имущества. Участие в таких военных походах было прибыльным делом, так как воины принимали непосредственное участие в дележе военной добычи, большая часть которой отдавалась фараону. В мирное время ополченцы занимались своим хозяйством. Во главе военных отрядов выступал или сам фараон, или назначенный им сановник. Кадрового офицерства не было.

В период раздробленности военная сила из ополченцев находилась в распоряжении местных номархов. Уже в Среднем царстве организация военного дела была достаточно высокой, ею непосредственно занимался джати, следивший за набором армии, командующий военно-торговым флотом. В это же время появляется кадровое офицерство, пополняющее специальные формирования "спутников царя", выполняющих особо важные военные поручения фараона. Рано в Египте стала формироваться и царская гвардия, личная охрана царя.

В XVIII в. до н. э. гиксосы в ходе завоевания Египта приводят с собой лошадей. С этого времени в египетской армии наряду с пехотой появляется конница и боевые колесницы.

В Новом царстве после разгрома гиксосов в связи с активизацией военной политики создается постоянная боеспособная армия из земледельцев-египтян, мелких и средних горожан, которые были на полном содержании фараона.

Расширение границ государства за счет соседних территорий потребовало строительства пограничных крепостей, опорных охраняемых пунктов, флота, а вместе с тем увеличения регулярной армии, создаваемой в ходе периодически проводимой переписи

населения и переписи военных наборов из юношей-новобранцев (*неферу*). Помимо новобранцев в армии начали входить и отряды наемников, завербованных среди нубийцев и др.

Растет число офицеров, повышается их роль в государстве и социальный престиж. Воины за особые заслуги награждаются земельными наделами и пр. Командный состав армии в связи с общей военизацией государственного аппарата наделяется функциями гражданских чиновников, руководит сооружением оросительных каналов. Военским начальникам экспедиционных отрядов еще в Древнем Египте передавались функции управления захваченными территориями. Непрекращающийся рост числа наемников из иноземцев в конце Нового царства ослабляет египетскую армию, а вместе с тем и военное могущество империи.

Армия сначала выполняла полицейские функции, а в эпоху Нового царства эти функции стали выполнять специальные полицейские отряды, призванные нести охрану столицы, каналов, зернохранилищ, храмов.

Суд. Суд на всех этапах исторического развития Древнего Египта не был отделен от администрации. В Древнем царстве функции местного суда сосредоточиваются в основном в общинных органах самоуправления, которые разрешают споры о земле и воде, регулируют семейные и наследственные отношения. В номах царскими судьями выступали номархи, носившие титулы "жрецов богини истины". Высшие надзорные функции над деятельностью чиновников — царских судей осуществлял сам фараон или джати, который мог пересмотреть решение любого суда, возбудить судебное преследование против должностных лиц. Джати непосредственно подчинялся "начальник шести великих домов", возглавлявший судебное ведомство и отвечающий за судопроизводство по всей стране. В Новом царстве джати подчинялась и верховная судебная коллегия из 30 судей. Фараон мог назначить чрезвычайную судебную коллегию из его доверенных лиц для рассмотрения тайных дел, связанных с государственными преступниками, заговорами против него. Определенные судебные функции имели и храмы. Решение жреца-оракула, имевшего огромный религиозный авторитет, не могло быть оспорено царским чиновником. В Египте были своеобразные тюрьмы, представляющие собой административные и хозяйственные поселения преступников и специально привлеченных к работе в них "царских людей". Их деятельность осуществлялась в тесной связи с "ведомством поставщика людей" — царского бюро, занятого распределением различных категорий бесправного населения: преступников, рабов-иноземцев и других — на тяжелые принудительные работы.

Глава 3. Древние государства Месопотамии

Еще в IV тысячелетии до н. э. в южной части Двуречья, между Тигром и Евфратом начало развиваться земледелие, связанное с проведением ирригационных работ.

Первые города-государства стали возникать здесь в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. на месте постоянных поселений земледельцев, разросшихся общин или группы общин, в центре которых были храмовые комплексы, посвященные тому или иному божеству. При этом жрецы храма во главе с верховным жрецом выполняли простейшие функции управления.

Рост сельскохозяйственного и ремесленного производства способствовал укреплению месопотамских городов, росту их населения. Во второй трети III тысячелетия до н. э. в городах-протогосударствах Урук, Киш, Ур, Лагаш население достигало нескольких тысяч человек. Здесь четко наметились социальные различия, выделилась родовая аристократия, обладающая большими участками земли. Во многих крупных хозяйствах родовой аристократии стал все шире применяться рабский труд.

В III тысячелетии до н. э. складывается и царско-храмовое хозяйство за счет отделения храмовых земель от общинных. Общинные земледельцы отныне не участвуют как ранее в

обработке храмовых земель, а уплачивает ренту-налог в храмовую казну, земли же храмов обрабатываются различными категориями зависимого люда, рабами. Это, однако, не освобождает общинников от общественных работ, строительства дорог, ирригационных сооружений и пр. Вместе с усложнением управленческих функций в городах растет административный аппарат, состоящий из лиц, занимающихся учетом земель, храмовым хозяйством, культом, общественными работами. Вырастая из органов общинного управления, этот аппарат выполняет новую социальную роль. Он становится аппаратом города-государства, осуществляющим многообразные управленческие функции по отношению к другим общинам-селениям.

Возникновение городов-государств вместе с набирающими силу процессами социального расслоения затронули прежде всего две племенные группы, населяющие южное Двуречье: шумеров и аккадян. К концу III тысячелетия до н. э. населявшие Двуречье различные племенные группы окончательно слились, но сохранились названия основных его частей — Шумера на юге и Аккада на севере. Первым центром шумерской цивилизации был Урук. Самым древним из городов аккадян-семитов был Аккад. Жители Урука, например, поклонялись богу неба Ану, храм в честь которого был не только административным центром, но и центром ремесла, рано развивавшейся торговли, общественным складом для страховых нужд и пр.

На социально-экономическое и политическое развитие Двуречья оказало большое влияние то обстоятельство, что города-государства возникали здесь как близко расположенные локальные центры, окруженные полуоседлым и кочевым людом, ино-культурными племенами. От постоянных переселений и набегов соседних племен зависело не только политическое значение того или иного города, но и само его существование.

Раннединастийный период шумерской истории был эпохой ожесточенной борьбы соседних городов-государств за политическую гегемонию, а их правителей — за упрочение и расширение своей власти за счет покорения соседей.

В XXVIII–XXVII вв. до н. э. возвышается город Киш, правители которого первыми приняли титул лугалья ("большой человек", "господин"). Затем успех перешел к Уруку, имя его правителя Гильгамеша, подчинившего Лагаш, Ниппур и пр., впоследствии вошло в легенду и оказалось в центре шумерского эпоса.

В XXV в. верховенство перешло к правителям — лугальям Ура, религиозным и культурным центром которого был Ниппур, а затем на рубеже XXV–XXIV вв. — к правителям Лагаша, среди которых особую известность приобрели Лугальянда и его противник Уруингина. Если первый, стремясь к укреплению своей власти, к централизации страны, вызвал резкое недовольство населения, вылившееся в восстание против разрушения старых общинных порядков, злоупотреблений властью, то второй вошел в историю как реформатор, стремившийся облегчить положение бедняков, уменьшить поборы с разоряющегося населения и пр.

Последующее недолгое возвышение правителя Уммы Лугаль-загеси сменяется в конце XXIV в. до н. э. гегемонией семитского Аккада во главе с Саргоном Аккадским, ставшим правителем большого государства, включавшего многие бывшие города-государства.

Аккад, расположенный на берегу Евфрата, при Саргоне стал центром первого политического объединения северной и южной частей Двуречья. Создав обширную централизованную аккадско-шумерскую державу, Саргон принял титул "царя Шумера и Аккада", ""царя четырех стран света".

Последовавшие затем нашествия горных племен, не затухающая борьба отдельных месопотамских городов за гегемонию приводили к смене политических центров, к возникновению новых правящих династий и царств, среди которых следует отметить новошумерскую династию Ура (III династия Ура), объединившую Двуречье в границах обширного шумерского государства в XXII–XX вв. до н. э.

Правители III династии Ура управляли своими владениями с помощью хорошо

организованной профессиональной армии, создавали царские суды, первые судебники (Судебник Ур-Намму) и пр. Это относительно централизованное государство-гегемония, единство которого скреплялось главным образом военной силой его правителей, раздиравшееся внутренними усобицами, прекратило свое существование под ударами эламитов в 2007 г. до н. э.

Крупнейшим и важнейшим по своему политическому влиянию в регионе стало с конца XIX в. до н. э. Древневавилонское царство, трехсотлетнее существование которого (1894–1595 гг. до н. э.) составило особую эпоху в истории Двуречья. Вавилон, достигший своего социально-экономического и политического расцвета при царе Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), объединивший на новых административно-территориальных организационных основах (путем создания административных областей и округов, управляемых царскими сановниками) огромные территории от Персидского залива до Сирии, предстает в качестве государства-империи, идеологической базой которой стал культ единого бога, "царя над богами" — Мардука.

Вавилон неоднократно подвергался нашествию горных племен, разрушался, но каждый раз восставал из руин. Он переживает новый временный подъем в эпоху Нововавилонского царства в VII–VI вв. до н. э., а в III в. до н. э. фактически прекращает свое существование.

Картина развития месопотамского общества была бы неполной без упоминания о другой крупнейшей древневосточной державе — Ассирии, судьба которой тесно переплеталась в древности с Вавилоном.

Место Ассирии в истории древнего мира, политическое значение среднеассирийского царства (XV–XI вв. до н. э.) определялось его важной ролью в экономике всей Ближней Азии, благодаря крайне выгодному географическому положению на торговых, караванных путях, связывающих государства этого региона.

Большое число социальных, экономических, политических структур, религия, равно как и письменность, были заимствованы Ассирией у Вавилона. А правовые институты Вавилона, представленные знаменитыми Законами царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.), и Ассирии — Законами Среднеассирийского царства (XII в. до н. э.) (законы царя Хаммурапи — далее ЗХ, Среднеассирийские законы — далее САЗ), дают благодатную возможность выявить целый ряд особых черт вавилоно-ассирийской региональной цивилизации древности, ее государства и права.

Правовой статус основных групп населения. Социальная структура месопотамского общества отличалась сложностью, которая была связана с многоукладным характером экономики, с незавершенностью процессов образования классов, с ранним и относительно высоким уровнем развития товарно-денежных отношений, развивавшихся главным образом в царско-храмовом хозяйстве и не затронувших в значительной мере общинного производства.

Наиболее четкие социальные границы проводились в праве между рабовладельцами и рабами. Самые первые законодательные источники (например, Законы Ур-Намму) содержат статьи о вознаграждении за возвращение "человеку" (господину) его беглого раба (2 сикли серебра). Между тем рабский труд не преобладал ни в одной из отраслей производства Месопотамии. Он был одним из типов принудительного труда. Наряду с рабами в самую эксплуатируемую часть населения входили другие подневольные лица, лишенные собственности на средства производства.

Не было здесь и античных понятий "свобода" или противопоставления "свободный — раб", которое заменялось противопоставлением "господин — раб". "Господин" выступал в качестве полноправного члена месопотамского общества, обладателя подвластных ему рабов, зависимых членов семьи, вещей, за нанесение вреда которым возмещение (компенсация) полагалось лично ему. Характерно, что такие содержащиеся в самых ранних законах правонарушения, как посягательство на чужую жену и чужого раба, были тесно связаны. Существовало и такое понятие, как "отпущенный", т. е. освобожденный от тех или иных обязанностей и связанной с ними личной зависимостью человек.

Граница социально-экономических различий четко проходила между господствующей верхушкой, не принимавшей участия в производительном труде, состоящей из высших царских и храмовых чиновников во главе с самим царем, купцов, ростовщиков и пр., а также общинников-земледельцев, ведущих самостоятельное мелкое хозяйство, не эксплуатирующих, как правило, чужого труда. Они и составляли самую значительную по количеству и роли в общественном производстве часть населения. Производимый свободными крестьянами прибавочный продукт путем взимания налогов и принудительной трудовой повинности присваивался правящей эксплуататорской верхушкой.

Имущественное расслоение общины, разорение мелких производителей-крестьян способствовали широкому развитию аренды земли, личного найма. Разорившиеся общинники-земледельцы поглощались царским и храмовым хозяйством, пополняя ряды рабов и зависимых арендаторов.

Право Месопотамии закрепляло широкую палитру форм личной зависимости. Например, зависимость раба от господина отличалась от зависимости незамужней дочери от отца, имевшего право продать ее в рабство, или сына от отца, который в Вавилоне, например, не только не мог продать сына в рабство, но и беспричинно лишить его наследства.

Распространенной формой личной зависимости была и долговая кабала, которая при определенных условиях приводила человека в рабство, например, в случаях, когда сын должника передавался храму, или при продаже за границу.

Но должник, отрабатывающий свой долг кредитору, не был рабом. Об этом свидетельствуют те статьи ЗХ, которые ограничивают срок отработки долга тремя годами, по их истечении должник освобождался из дома кредитора (ЗХ, 117). Смерть от дурного обращения заложенного за долги сына должника в доме кредитора влекла за собой смерть сына кредитора (ЗХ, 116). Не мог безоговорочно распоряжаться человеком, отданным в залог, и кредитор по САЗ. Он не имел права продать в жены отданную ему в залог девушку без разрешения ее отца, не мог подвергать телесному наказанию заложенного человека. Лишь при неуплате долга, когда должник переходил в собственность кредитора, он мог безнаказанно избивать его и даже продавать в рабство за пределы Ассирии.

В САЗ нашел отражение своеобразный институт "оживления", заключающийся в принятии обеспеченной семьей "на прокорм" члена голодающей семьи, обычно девушки. Принявшая девушку семья пользовалась ее трудом, распоряжалась ее судьбой, "продавала" замуж и пр. Фактически "оживление" превратилось в распространенную форму продажи детей свободными родителями.

Регулирующие, контрольные рычаги государства сдерживали развитие частнособственнических отношений, а вместе с тем и развитие рабовладения. Стремление поддержать статус основного населения, свободного общинника нашло отражение в самых ранних правовых актах государств Месопотамии, например, в законах из Эшнуны (начало II тысячелетия до н. э.), которые в целях ограничения богатеющего собственника, в стремлении не дать ему в обиду разорившегося строго определяли цену наемного труда, размер ростовщического процента и пр. О защите традиционных прав и имущества свободных вавилонян, особенно когда они находились под угрозой, свидетельствует и широко распространенная практика издания царских указов (мишарум), например, об освобождении бедняков от долгов.

Характерно, что право здесь оговаривает не столько бесправие раба (это была норма для иноплеменника), сколько те или иные ограничения его прав. Дворцовый раб или раб мушкенума по ЗХ могли взять, например, в жены свободную женщину, дети от которой признавались свободными (ст. 175). Дети, рожденные от свободного и рабыни, были также свободны, даже если они не были признаны отцом. Рабыня, родившая детей свободному, не могла быть продана "за серебро" (ст. 171). Свободные дети раба наследовали половину его имущества, другая шла хозяину (ст. 176).

В Новоавилонском же царстве нашли отражение специфические формы рабской

зависимости, связанные с прогрессом товарно-денежных отношений. Раб в это время все чаще стал выступать в качестве земледельца-арендатора, наделенного хозяйственной самостоятельностью. Некоторые рабы имели право не только вести свое хозяйство как свободные, иметь семью, но и владеть землями, домами, иногда значительным движимым имуществом, брать и давать ссуды другим рабам и свободным, продавать и покупать рабов и нанимать для работы рабов и свободных. За ними признавалось, в отличие от старовавилонских времен, право выступать в суде в качестве истцов, ответчиков, свидетелей. Однако, несмотря на это, раб оставался в жесткой зависимости от своего господина, обязанным выплачивать ему своеобразный ежемесячный оброк.

В соответствии со строгой системой социальных ролей, отводимых в традиционном обществе каждому человеку, неравенство разделяло и свободных жителей Месопотамии. Эта система определяла не только правовой статус индивида, отмеченный, как правило, тем или иным внешним знаком, но и правила его поведения, манеру одеваться и пр. Выход за рамки своей социальной роли и даже присвоение чужого знака влекли за собой наказание. Так, по САЗ жестоко каралась блудница, покрывшая голову как порядочная женщина; по ЗХ — цирюльник, сбивший с раба его знак рабства, и пр.

В праве Вавилона выделялись две группы свободных. Первая — *авилумы* ("человек", "сын человека"), вторая — *мушкенумы*, лица более низкого социального статуса ("падающие ниц", т. е. бывшие чело́м", обращающиеся к царю с просьбой о принятии на службу). Зависимость мушкенумов, видимо, и определялась, тем, что они не были потомками "своих" и не имели корней в общине. Мушкенум был царским служилым человеком низшей категории. Высшие царские служащие относились к авилумам, так как наряду с большими служебными наделами они владели общинной землей. Различия между этими социальными группами особенно ярко проявились в нормах права, касающихся охраны жизни, здоровья, чести их самих и членов их семей.

В некоторых случаях мушкенумы пользовались особой правовой защитой. Например, кража их имущества по ЗХ каралась как кража из дворца, а их рабы, как уже говорилось, обладали некоторыми преимуществами перед рабами частных лиц.

Для торговли зерном, приобретения так недостающих здесь полезных ископаемых, металла, а также камня, леса и пр. еще общины Шумера и Аккада стали посылать в длительные путешествия своих торговых агентов. Торговые пути, шедшие через Ассирию, связывали Вавилон с Сирией, Малой Азией, Арменией и др. Очень рано в связи с этим в праве Месопотамии сложилось понятие *тамкар* — ростовщик, кредитор, торговец, человек, связанный с торговой, ростовщической деятельностью дворца. По ЗХ царской властью на тамкаров накладывались не только обязанности по отчислению в царскую казну части свои доходов, но и другие обязанности: например, выкуп пленного воина с последующим возмещением затрат самим воином, его общиной или храмом.

Будучи зависимыми, тамкары между тем пользовались широкой свободой финансово-торговой деятельности, совершали крупные торговые сделки, объединяли капиталы, создавали торговые организации. Правовая практика Вавилона I тыс. до н. э. знает торговые объединения, банковские дома, которые вели крупные денежные операции, скупали и продавали землю, кредитовали освоение новых земель и т. д.

Зависимообязанным было и ремесленное производство, развивающееся главным образом в царском хозяйстве. Царскими надсмотрщиками контролировалось не только ремесленное производство, но и сбыт продукции. В Нововавилонском царстве практиковалось обучение рабов квалифицированному ремеслу. Но представители таких важнейших ремесел, как кузнецы, плотники, пивовары, обладали той или иной степенью самостоятельности, создавали профессиональные объединения и пр. По ЗХ, например, особой защите подлежали права отца-усыновителя, обучившего приемного сына своему ремеслу (ст. 188).

Большей независимостью пользовались организации некоторых "ученых" профессий, таких, например, как специалисты по "изгнанию духов", предсказатели будущего, врачи,

писцы. Жречество в Вавилоне не сложилось в оформленное сословие, в административном совете храма были представлены как жрецы, так и царские чиновники, должности жрецов продавались.

Государственный строй. В Месопотамии наиболее ранней формой государственной организации были города-государства. Следует, однако, иметь в виду условность различий между некоторыми городскими и сельскими общинами, так как горожане также занимались земледелием и пользовались всеми правами членов общины. Не случайно и город и село по-аккадски имели одно название — ур.

Во главе первых месопотамских городов-государств стоял правитель-царь, который носил название *энси* ("возглавляющий род", "закладывающий храм") или *лугаль* ("большой человек", "хозяин", "господин"). В городах созывались общинные собрания и советы старейшин. Эти общинные органы не только избирали и в некоторых случаях низвергали правителей, но и определяли объем их полномочий, наделяя большими или меньшими правами в военной и законодательной областях. Лугаль, видимо, и отличался от энси большими военными полномочиями. Самим общинным собраниям принадлежали законодательные, финансовые (право установления цен, всякого рода сборов), судебные функции и функции по поддержанию общественного порядка.

Правитель города являлся главой общинного культа, ведал ирригационным, храмовым и другим общественным строительством, предводительствовал войском, председательствовал в совете старейшин или в народном собрании.

Усиление царской власти при Саргоне и его преемниках, продолжающееся при царях III династии Ура, чему способствовали победоносные войны этих правителей, было закономерным явлением. Оно было продиктовано необходимостью объединения общин, централизованного и рационального использования ирригационно-водного хозяйства. Отсюда возникает и новый вид правителя *лугалья-гегемона*, власть которого выходила за рамки отдельного города и в силу этого не ограничивалась общинными органами. Власть правителей стала приобретать наследственный характер, а административный аппарат и сам царь — олицетворять единство обширных территорий. Местные энси были низведены до положения чиновников, царю была подчинена храмовая администрация.

Усилению централизаторских тенденций способствовало представление о божественном характере власти, ниспосланной якобы царям небесами. Все цари династии Ура, кроме первого, Ур-Намму, писали свои имена рядом с именем Бог, в силу якобы своей избранности, наделенности особой царственностью богами, что возвышало их над всеми людьми. Царственность воплощалась в особых атрибутах царской власти — одежде, диадеме, жезле и пр.

Наибольшей степени концентрации царская власть достигла в Древневавилонском царстве, в котором складывается одна из разновидностей восточной монархии. Хаммурапи пользовался формально неограниченными законодательными полномочиями. Он выступал главой большого управленческого аппарата. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней около 60 приказов Хаммурапи царским наместникам в городах и отдельных областях, а также военачальникам, послам: о смещении и назначении чиновников, проведении переписи населения, строительстве каналов, взыскании налогов.

Как и в других древневосточных государствах, в руках царя сосредоточивались обширные хозяйственные функции: руководство ирригационным хозяйством, строительство храмов, регулирование цен на товары, ставок вознаграждения ремесленникам, врачам, строителям. При Хаммурапи купцы были превращены в царских агентов. С широким развитием ростовщичества была связана деятельность особых царских чиновников, государственных контролеров.

Страна была разделена на области, находящиеся под управлением царских чиновников *шакканаккум*, ответственных за сбор налогов, за поддержание порядка и за созыв ополчения, а также контролировавших назначаемых глав общин — *рабианум*.

Однако власть древневавилонских царей нельзя безоговорочно назвать деспотической.

И во времена Хаммурапи продолжали существовать общинные органы управления, советы старейшин, общинные сходки. Их полномочия были значительно урезаны, но они сохраняли ряд административных, финансовых и судебных функций, а также функций по поддержанию общественного порядка (управляли общинной землей, разрешали совместно с представителями царской власти спорные вопросы между общинниками и держателями наделов от царя, распределяли налоги и определяли размеры сборов и пр.).

Некоторые самые древние и важные города в Вавилонии (Ниппур, Сиппар, Вавилон) могли иметь особый юридический статус, поскольку рассматривались как находящиеся под защитой местного божества. Жители этих городов могли освобождаться от налогов, трудовой повинности, военной службы.

Вавилонские цари, видимо, не смогли сломить в полной мере сопротивление некоторых сельских общин и племен. Судя по Законам Хаммурапи, они хорошо знали опасность "неподаваемых смут, мятежей, ведущих к гибели". В интересах политической стабильности цари вынуждены были предоставлять ряд привилегий (освобождать от налогов и военной службы, трудовых повинностей) не только своим слугам, крупным землевладельцам, но и некоторым вождям племен, храмам. Их привилегии записывались на каменных монументах — *кудурру* ("пограничный камень").

Отношения между центральной властью и храмами были также сложны и противоречивы. Храмы, опираясь на собственное крупное землевладение и значительное число зависимых от них лиц, стремились к экономической независимости. Лишь при Хаммурапи храмы почти полностью были подчинены в административном и хозяйственном отношении царю, который назначал в них жрецов и администраторов, требовал отчета о хозяйственной деятельности.

Хаммурапи назывался "богом царей, знающим мудрость", "сердцем Вавилона", "возлюбленным богини Иштар", но не был самим божеством и даже верховным жрецом. Царь, например, мог войти в храм только во время празднования Нового года, здесь ежегодно повторялся обряд коронации, принятия им из рук бога Мардука царской власти. Междуцарствием считались годы, когда этого не происходило. Коронация делала правителя-человека в Вавилоне способным царствовать, но не делала его Богом. Царь мог быть и низведен до состояния обычного человека, лишиться царственности в силу крайней опасности того дела, за которое он брался. Только в его добрых, справедливых делах, служении и почитании богов, поддержке храмов было его спасение. Великий, благодаря своей власти, в сравнении с подвластными ему народами, царь из-за своей человеческой природы, согласно месопотамской теологии, оставался лишь подданным по отношению к природе и олицетворяющим ее богам.

Судебное устройство. В старовавилонском обществе до Хаммурапи ведущее место в отправлении правосудия принадлежало храмовым и общинным судам. В качестве судебного органа выступали советы храмов, общинные собрания или специально выделяемая ими коллегия общинных судов. Рано упоминаются в источниках и царские суды. Так, еще в шумерском городе-государстве Лагаше существовал особый верховный судья — один из крупных сановников правителя.

Усиление царской власти привело к ограничению судебных полномочий общин и храмов. В общинах коллегияльные суды по-прежнему состояли из членов совета старейшин, но руководить ими стали рабианумы. Этим судам не были подсудны царские люди, они не могли рассматривать дела, касающиеся царского имущества. Царские суды при Хаммурапи были введены во всех больших городах, они рассматривали главным образом дела царских людей. Но царь не выступал ни высшей кассационной, ни апелляционной инстанцией. Он имел право помилования в случае вынесения смертного приговора. Ему приносили жалобы на судебную волокиту, на злоупотребления судей, на отказ в правосудии. Жалобы передавались царем для решения соответствующим административным или судебным органам: общинным или царским. Здесь вообще не было судебных инстанций, всякое судебное решение было в принципе окончательным. Царские заместники почти повсеместно

могли осуществлять вызов в суд, арест и розыск преступников.

Наряду с профессиональными царскими судьями, как свидетельствуют источники, существовали особые судебные должности глашатаев, полицейских или судебных исполнителей, судебных гонцов и писцов. Не потеряли полностью судебных полномочий и храмы. Им принадлежала важная роль в принятии клятв, в засвидетельствовании законности сделок, в процедуре ордалий — "божьего суда", который считался важным средством установления истины.

В Вавилоне судебные решения в сознании людей издавна связывались с представлениями о справедливости. Богиня справедливости Китту считалась дочерью всемогущего бога Солнца Шамаша, ей посвящались специальные храмы. Однако вавилонские судьи нередко злоупотребляли своим положением. Об этом свидетельствует, в частности, ст. 5 Законов Хаммурапи, предусматривающая наказание для судьи, изменившего свое решение после того, как оно было записано в специальном документе на глиняной табличке с печатью. Характерно, что такой провинившийся судья должен был быть "поднят со своего судейского кресла" и лишен права отправлять правосудие не царем, а общинным собранием.

В нововавилонском обществе в храмовый совет, осуществляющий судебные функции, включались представители народных собраний городов, на территории которых находились святилища.

Армия. Усилению царской власти в шумерских городах-государствах способствовало наличие у их правителей определенной военной силы, которая первоначально состояла из лиц, зависимых от храма или от его правителя лично. Создание постоянной армии, противопоставление ее общинному ополчению было важным свидетельством усиления царской власти.

Превращению Саргона во властителя могучего государства в значительной мере способствовало постоянное войско, которое он создал из малоземельных земледельцев-общинников, получающих дополнительный надел за свою службу из царских земель. Саргон сам утверждал, что у него была постоянная армия, насчитывающая 5400 воинов.

При Хаммурапи происходит окончательный отрыв постоянной армии от общинного землевладения. Воин (редум, баирум) получает надел царской земли, обеспечивающий не только его, но и его семью. Воинские наделы полностью исключались из оборота, всякая сделка относительно земли воина считалась ничтожной. Даже попав в плен, воин сохранял право на земельный надел, на часть участка сохранялось право его малолетнего сына (ст. 27–29). Если воин ради избавления от службы бросал надел, он не терял права на него в течение года при условии возвращения к своим обязанностям.

В целях укрепления боеспособности, дисциплины в армии Законы Хаммурапи предписывали жестоко карать воинов, нарушивших царский приказ о выступлении в поход, а также воинских начальников — декум и лубуттум, использовавших в своих целях имущество солдата или отдавших его внаем. Служба воина считалась "вечной". В отличие от Вавилона в Ассирии, если воин был достаточно зажиточен, он мог выставить вместо себя заместителя из числа бедняков. Он давал при этом обязательство снабжать продовольствием своего заместителя с условием, что его семья будет на него работать. Эта система "заместительства" свидетельствовала о глубоко зашедшем разорении земледельцев в Ассирии.

Профессиональные воины выполняли полицейские функции в Вавилоне. Не потеряло между тем окончательного значения и общинное ополчение, созываемое во время крупных военных походов. Помимо лучников и тяжеловооруженной пехоты в армии особое место занимали отряды колесниц. Древневавилонские источники, например, сообщают о том, что их командиры за воинские доблести вознаграждались царем землями, освобождались от налогов и несения других повинностей.

Глава 4. Древняя Индия

Одна из самых древних цивилизаций в мире сложилась более четырех тысяч лет тому назад в долине Инда, с центрами в Хараппе и Махенджо-Даро. Археологические раскопки дали возможность установить, что еще в III тысячелетии до н. э. здесь существовали крупные города — центры ремесленного производства, развитое земледелие, торговля, имущественное расслоение населения.

Наука, к сожалению, располагает скудными историческими сведениями по этому периоду истории Древней Индии. Полнее представлены исторические свидетельства по так называемому ведическому периоду (вторая половина II тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия до н. э.), когда углубляется социальное расслоение и складывается государственность в долине Ганга, чему способствует продолжающееся ряд столетий волнообразное проникновение на территорию Индии с северо-запада индо-арийских племен, консолидировавшихся где-то на рубеже III–II тысячелетия до н. э. в районах Причерноморья и Прикаспия. Долина Ганга к началу проникновения ариев (XIV–XIII вв. до н. э.) была заселена этническими общностями мундов и дравидов, которые были либо оттеснены к югу, либо ассимилированы ариями, носителями более высокой материальной и духовной культуры. До нас дошли относящиеся к этому периоду литературные памятники религиозного содержания — *веды*, ставшие позже священными книгами индусов, а также произведения народного эпоса.

Хараппская культура долины Инда, существовавшая несколько веков раньше индо-арийской, не оказала существенного воздействия на исторические судьбы народов долины Ганга, с которыми и связано возникновение одной из самобытных, сохранивших до настоящего времени свои культурные ценности цивилизаций Востока.

Наиболее многочисленные и разнообразные исторические сведения (при их общей бедности и ограниченной научной ценности) относятся к следующему, так называемому магадхо-маурийскому периоду (вторая половина I тысячелетия до н. э. — до I в. н. э.), периоду складывания и существования самого крупного не только в Древней Индии, но и на всем Древнем Востоке государственного образования — империи Маурьев (IV в. до н. э. — II в. до н. э.) Среди литературных памятников этого периода особое место занимает древнеиндийский политический трактат Артхашастра, приписываемый Каутилье, советнику основателя империи Маурьев Чандрагупте, а также целый ряд религиозно-ритуальных и правовых брахманских компиляций — дхармасутр и дхармашастр, в частности наиболее известная дхармашастра, получившая название "Законы Ману" (II в. до н. э. — II в. н. э.).

Правовое положение отдельных групп населения. Правовые памятники дают яркую картину сословно-кастового деления древнего общества Индии, которое приобрело здесь наиболее законченные формы.

Процесс социального расслоения древнеиндийского общества начался в недрах разрозненных племенных общин. В результате разложения родоплеменных отношений выдвигались более сильные и влиятельные роды, которые сосредоточивали в своих руках общественные функции управления, военной охраны, жреческие обязанности. Это привело к развитию социального и имущественного неравенства, рабовладения, к превращению племенной верхушки в родовую аристократию. Способствовали развитию социального неравенства и войны, в ходе которых возникали отношения зависимости, подчинения между отдельными племенами и общинами.

Социальное расслоение в Древней Индии привело, однако, не к формированию классов (рабовладельцев и рабов), а к возникновению особых сословных групп — варн: *брахманов* (священнослужителей, жрецов), *кшатриев* (воинов, правителей), *вайшиев* (земледельцев, ремесленников) и *шудр* (слуг). Первое упоминание о брахманах, кшатриях, вайшиях и шудрах содержится в самом раннем произведении ведической литературы — Ригведе. В более поздних ведах указывается на наследственный характер религиозной и военно-управленческой деятельности брахманов и кшатриев.

Формированию варны жреческой верхушки брахманов способствовала монополизация ими на определенном этапе исторического развития отправления религиозных церемоний, знание ведических гимнов. Особая воинская верхушка, военная аристократия — кшатрии начала складываться в процессе завоевания ариями речных долин Северной Индии. В эту категорию первоначально входили только арии, но в ходе ассимиляции завоеванных племен варна кшатриев пополнялась и местными вождями, главами сильных родовых групп, на что, в частности, указывает существование в Древней Индии особой категории "вратья-кшатриев", т. е. кшатриев по обету, а не по рождению.

Название третьей варны "вайшии" произошло от слова "виш" — народ, племя, поселение. Это основная масса трудового люда, земледельцев и ремесленников. Обособлению кшатриев среди своих соплеменников — вайшиев-простолюдинов способствовали представления, что кшатрии — полновластные распорядители богатства, приобретаемого войной, в том числе и рабов-военнопленных.

В основе этой первой, трехчленной дифференциации древнеиндийского общества лежало разделение труда, та глубокая социально действенная ступень разделения, когда труд физический отделялся от умственного, материальный от духовного, производительный от управленческого. В таком разделении труда уже были заложены основы социально-экономического неравенства, эксплуатации родовой аристократией простого народа.

По мере консолидации высших варн — брахманов и кшатриев складывался особый порядок регулярных отчислений от сельскохозяйственного продукта доли, получившей название *боли* (налог). Налог шел на содержание брахманов и кшатриев. Он все время возрастал, став со временем своеобразной формой государственной эксплуатации рядовых общинников-крестьян.

С формированием самой многочисленной и эксплуатируемой варны шудр связаны процессы завоевания аборигенных племен, но не меньшую роль играло и развитие социального неравенства внутри самого арийского общества; разряд шудр пополнялся представителями не только коренного населения, но и беднейшей части арийской общины, тех ее членов, которые отрабатывали долги, находились в услужении, попадали в зависимость, иногда и в рабскую.

В Законах Ману (VIII, 415) указаны семь разрядов рабов (а соответственно и семь источников рабства): захваченный под знаменем (военный плен), раб за содержание, рожденный в доме, купленный, подаренный, доставшийся по наследству, и раб в силу наказания. Право хозяина распоряжаться жизнью и смертью раба было общепризнанным в Древней Индии. Раб был неспособен, заключенные им сделки считались недействительными (VIII, 163 и др.). Рабов продавали, уплачивая при этом пошлину, равную 20–25 % их цены, как при продаже других товаров, сдавали внаем, закладывали и пр. Потомство рабыни считалось собственностью хозяина (IX, 48, 54–55).

В дхармаштрах в одних случаях проводятся различия между рабами и шудрами, между рабами и лицами, находящимися в услужении, в других — эти различия отсутствуют. Слово "даса" в Законах Ману (X, 32) одновременно обозначает и раба, и лицо, находящееся в услужении. Связано это было с тем, что рабство в Древней Индии было одной из форм зависимости, но далеко не единственной. Здесь широко были представлены многочисленные переходные социальные формы, промежуточные социальные состояния (от свободных, но неполноправных беднейших слоев населения — к рабам).

Дхармашастры закрепляют четкие религиозно-правовые границы между брахманами, кшатриями, вайшиями и шудрами, основанные на многочисленных религиозно-ритуальных ограничениях, запретах, предписаниях. Шудры устранились, например, от участия в жертвоприношениях, ритуалах — "*самскарах*", за исключением самскары брака. За каждой варной строго закрепляется наследственный круг занятий. Изучение священных книг — привилегия брахманов, кшатриев и вайшиев, которые получают название дважды рожденных (в отличие от шудр — единожды рожденных). Второе рождение и было связано с

ритуалом особого посвящения в связи с началом изучения священных книг. Целые главы дхарма-шастр посвящены жесткой регламентации поведения людей, их общения друг с другом, с представителями так называемых неприкасаемых каст (на определенном этапе развития древнеиндийского общества по мере углубления процесса разделения труда, неравенства стали складываться новые, кастовое деление, кастами становились обособленные группы лиц с наследственным характером их деятельности, складывающиеся по профессиональному, родовому, религиозному и другим признакам. Кастовое деление в Индии существует и в настоящее время наряду с традиционным делением на четыре варны), стоящих вне варн индийского общества, ритуалам "очищения" от "загрязнения" при таком общении и пр. Тяжесть наказания за совершение тех или иных преступлений определяется в дхармашастрах в строгом соответствии с принадлежностью к той или иной варне.

Закрепляемые правом границы варн чаще всего отражали фактическое положение индивида в системе общественного производства и распределения, непосредственно связанного с его отношением к собственности на землю: государственной и общинной. Это и дает основания говорить с определенной долей условности о варнах как о сословиях-классах.

Формированию государственных земель способствовали арийские завоевания, войны. Одна часть земель завоеванных племен по мере укрепления государственной власти и расширения государственной территории непосредственно переходила в царские владения (сита), судя по Артхашастре здесь применялся труд рабов и зависимых арендаторов; другая — очень рано стала передаваться знати, лицам управленческого аппарата в виде служилых временных пожалований, в "кормление". Они приобретали право сбора налогов с общин, целых областей, деревень одного или нескольких домохозяйств.

С государственной собственностью на землю была связана эксплуатация общинников-крестьян господствующей правящей верхушкой, состоящей из лиц управленческого аппарата, царских чиновников, военачальников и пр., осуществляемая путем взимания ренты-налога. Другая система эксплуатации существовала в рамках самих полуавтономных изолированных общин с присущим им органическим соединением земледелия и ремесла. Общинная верхушка эксплуатировала труд рабов и других неполноправных жителей общины.

Владельческие права общин в Индии отличались исключительной прочностью. Община имела почти неограниченное право распоряжения общинной землей: продавать, сдавать в аренду, дарить ее, особенно храмам. В общинной собственности были пастбища, ирригационные сооружения, дороги. Коллективно ответственная за сбор ренты-налога община в лице своей управляющей верхушки получала часть поборов с общинников-крестьян в свою пользу.

Общинное землевладение сосуществовало с частным крестьянским землевладением или землевладением большой семьи, которое также было связано с широкими правомочиями — продажей, сдачей в аренду, дарением земли. Основное ограничение землевладения свободного общинника-крестьянина выражалось в обязанности платить налог в пользу государства и частных лиц, если государство передавало им свои права.

Полноправный общинник-земледелец, чаще всего вайший, сам мог быть эксплуататором. В хозяйствах богатых общинников трудились безземельные наемные работники, представители "неприкасаемых" каст, которые в основном и создавали прибавочный продукт, присваиваемый различными категориями эксплуататоров, рабы. Рабский труд, однако, не был преобладающим в Древней Индии даже в царском хозяйстве. В наиболее распространенном мелконатуральном хозяйстве общинника в использовании труда рабов не было нужды. Невелико было число рабов и в ремесле.

Усиление имущественной дифференциации во второй половине I тысячелетия до н. э. все чаще стало проявляться в расхождении варнового статуса и фактически занимаемого человеком места в обществе. В Законах Ману можно найти упоминание о брахманах, пасущих скот, брахманах-ремесленниках, актерах, слугах, к которым предписывается относиться "как к шудрам".

В маурийский период к кшатриям, сосредоточившим в своих руках военную, политическую и экономическую власть, стали относить в основном тех, кто принадлежал непосредственно к царскому роду и к категории привилегированных наемных воинов. Расцвет городов и расширение торговли вызвали появление зажиточной торгово-ремесленной верхушки среди вайшиев, включающей крупных купцов, ростовщиков, преуспевающих ремесленников. Они объединялись в корпорации, выполняли роль торговых агентов царя, сборщиков налогов и пошлин.

В буддийской и джайнистской литературе древности описывается высокое положение богатых купцов, которые, вопреки предписаниям дхармашастр, причислялись к варне кшатриев, пользовались большой властью, в том числе и в суде. Затронуло имущественное расслоение и варну шудр. Об этом свидетельствуют Законы Ману (X, 129): "Шудра не должен накапливать богатство, даже имея возможность (сделать это), так как шудра, приобретая богатство, притесняет брахманов". О неоднородности варны шудр свидетельствует и то, что к шудрам по мере усиления кастового деления стали относить отверженные, "неприкасаемые" касты париев, выполняющих самую унижительную работу. В Законах Ману упоминаются лица, "презренные даже для отверженных" (X, 39).

Таким образом, внутри каждой варны развивалось социальное неравенство, деление на эксплуатируемых и эксплуататоров, но кастовые, общинные, большесемейные границы, скрепленные правом, религией, сдерживали их слияние в единую классовую общность. Это и создавало особую пестроту сословно-классовой социальной структуры Древней Индии.

Государственный строй. Прimitивные государственные образования складывались в Древней Индии в I тысячелетии до н. э. на основе отдельных племен или союза племен в форме так называемых племенных государств. Они представляли собой небольшие государственные образования, в которых племенные органы перерастали в органы государственного управления. Это были монархии, в которых главенствующую роль играли брахманы, или олигархические кшатрийские республики, в которых политическое господство осуществлялось непосредственно военной силой кшатриев.

Правители первых государственных образований (протогосударств) *раджи* выполняли простейшие функции управления, обеспечивали внешнюю безопасность, вершили суд, распоряжались как военачальники фондом земель, наделяя землей храмы, брахманов, знать, собирали ренту-налог.

В некоторых государственных образованиях власть *раджи* была выборной, лишь со временем утвердился наследственный принцип получения царственности. При выборных монархах вся полнота власти сосредотачивалась в руках совета старейшин. По мере укрепления власти правителя, формирования административных органов совет старейшин теряет свои былые полномочия, превращается в совещательный орган при монархе — *паршиад*. Но зависимость правителей от брахманской ученой верхушки и военной кшатрийской аристократии, как и соперничество между представителями правящих варн, была неизменной.

Примерно в IX–VIII в. до н. э. в Древней Индии на базе старых племенных государств, растущих вместе с развитием ремесла и торговли городских центров, складываются первые более или менее крупные государства, которые ведут между собой непрекращающиеся войны, истощая друг друга. Эти государства, кроме воспетых в древнеиндийских эпических сказаниях войн, не оставили заметного следа в индийской истории.

С этого времени и ведет свое начало традиция слабых и кратковременных государственных образований, возникающих, возвышающихся и быстро приходящих в упадок, как и не востребовавшая централизации, сильной государственной власти, ставшая характерной чертой древнеиндийской цивилизации.

Данная цивилизационная особенность Древней Индии связана с рядом исторических причин, главнейшие из которых заключались в варново-кастовом строе и крепости общинной организации. Жесткая варново-кастовая система с раз и навсегда определенным местом человека в ней, с кастовым конформизмом, неукоснительным следованием,

соблюдением религиозно-нравственных установок поведения человека была своеобразной альтернативой принудительного характера государственной власти. Бесспорно, способствовала этому замкнутость, автономность индийской общины с ее натуральным хозяйством, с патриархально-патронажными межкастовыми взаимосвязями земледельческой части общины с ее ремесленниками, слугами, получившая название "джаджмани". Самодостаточная устойчивость и одновременная адаптивность, вариабельность индийской общины сделали ее в определенном смысле внеисторичной (система внутриобщинных, межкастовых экономических взаимосвязей "джаджмани", консервирующая относительно высокую степень застойности социальной жизни в индийской деревне, продолжает существовать в отдаленных от городов и индустриальных центров районах в современной Индии).

Дальнейшие процессы политической консолидации, ускоренные внешней угрозой, привели в V в. к возникновению относительно сильных древнеиндийских государств Кошалы и Магадхи, соперничество между которыми привело в IV в. до н. э. к победе Магадхи, занимающей выгодные географические, стратегические и торговые позиции в северо-восточной части страны. Упрочение позиций новой правящей династии в Магадхе после разгрома ставленника Александра Македонского привело к созданию обширной империи Маурьев.

Империя Маурьев достигла наивысшего расцвета в III в. до н. э. в период правления Ашоки, когда в Индии складывается относительно централизованная восточная монархия. Ее границы простирались от Кашмира и Гималаев на севере до Майсура на юге, от областей современного Афганистана на западе до Бенгальского залива на востоке.

Империя складывалась не только в результате войн, покорения ряда племен и народов, установления вассальных отношений между Магадхой и отдельными княжествами, но и в результате так называемого морального завоевания — распространения религиозно-культурного влияния развитых областей северо-восточной Индии на другие части страны. Относительная централизация в империи держалась не только на военной силе Маурьев, но и на проводимой ими гибкой политике объединения страны. В пестрый состав империи был включен ряд полуавтономных государств, сохранивших свои органы управления, обычаи. Это вассальные княжества, обязанные Маурьям выплатой дани и военной помощью, республиканские государства-общины, ганы и сангхи, которые, по свидетельству Артхашастры, "в силу своей сплоченности неодолимы для других", родоплеменные объединения.

В империи Маурьев — сложном политическом образовании — не прекращалась борьба двух тенденций: к установлению единогодержавного правления и к сепаратизму, раздробленности. Последняя, в конечном счете, во II в. до н. э. побеждает. В силу этого нельзя преувеличивать ни централизации, ни бюрократизации государства, несмотря на картину "идеального" всеохватывающего правления, нарисованную в Артхашастре.

Центральный административно-военный аппарат в Индии был относительно слаб по сравнению с другими государствами Древнего Востока, что было тесно связано с сохранением важной роли в государстве органов общинного самоуправления. Все это дает основания утверждать, что в монархических государствах Индии в периоды значительного их усиления, как, например, в империи Маурьев, власть древнеиндийских царей не была деспотической в прямом смысле этого слова. Она сдерживалась не только самоизоляцией общин, но и положением в государстве господствующей наследственной знати, установившимися традиционными религиозно-этическими нормами. Религия, в частности, исключала законодательные функции индийских царей, утверждала незыблемость и неизменность норм права, заключенных якобы в ведах. Веды же должны были толковаться только мудрецами-брахманами. Эта традиция была поколеблена лишь при Ашоке, когда правительственный указ стал включаться в число источников права.

Индусская политико-религиозная концепция "богоугодного царя" (*девараджи*) предписывала ему выполнение особой дхармы (обязанностей). Одна из главных

обязанностей — охрана подданных (Законы Ману, VII, 2–3). "Защищая" народ, царь мог заставить его платить налог — бали (VII, 80 и др.). Наряду с основным налогом, рассматриваемым как плата царю за охрану подданных, существовали другие многочисленные поборы в пользу центральной власти: торговые пошлины, "приношения плодов" и пр. О широте налоговых полномочий древнеиндийских царей, которые могли по своему усмотрению увеличивать налоговую ставку, свидетельствуют содержащиеся во всех дхармашастрах безуспешные призывы к царям соблюдать умеренность в сборе налогов (VII, 128, 129 и др.).

Царю вверялось также осуществление правосудия с помощью опытных брахманов (VIII, 1, 10). Он считался опекуном всех малолетних, больных, вдов (VIII, 27, 28), должен был возглавлять борьбу со стихийными бедствиями, голодом. Важнейшей функцией царей была организация публичных работ, освоение и заселение царских земель (Артхашастра, II, 1, 2), строительство ирригационных сооружений.

Согласно религиозным воззрениям, как и во всех странах Древнего Востока, царская власть обожествлялась. Однако древнеиндийские государства, в том числе и государство Маурьев, нельзя рассматривать как теократические монархии. Ашока называл себя не богом, а "милым богам". В Законах Ману (VII, 8) обожествляется скорее царская власть, а не царь-человек, который может быть "глупым, жадным, необразованным" (VII, 30), "приверженным к порокам" (VII, 46). Лишь свободная воля индийских царей давала им, согласно дхармашастрам, возможность реализовать заключенные в них божественные начала, и тогда все подданные процветали, если были верны царю, если следовали за ним. Но та же самая воля позволяла царю уклоняться от выполнения своей дхармы, следовать греховным человеческим целям, что вело к гибели и его самого, и управляемый им народ. "От отсутствия смирения погибали многие цари вместе с достоянием, — предостерегали Законы Ману (7, 10), — благодаря смирению даже отшельники наследовали царство". Царю-человеку предписывается почитать брахманов, знающих веды (VII, 37), поступать по их совету.

Царь являлся главой административного аппарата. От него зависели назначения должностных лиц и контроль за их деятельностью (VII, 54–63, 81). Все царские чиновники, согласно Артхаша-стре, делились на группы центрального и местного управления. Особое место занимали советники царя — высшие сановники (*мантрины*, *махаматры*). Из советников царя состоял и совещательный коллегиальный орган — *мантрипаришад*, своеобразный пережиток органов племенной демократии. Членство в мантрипаришаде не было четко установлено, наряду с сановниками в него иногда приглашались представители городов. Этот орган сохранял некоторую независимость, но лишь по ряду второстепенных вопросов мог принимать самостоятельные решения.

Сохранение государственного единства требовало твердого государственного управления. Маурьи в период централизации пытались держать все нити управления в своих руках, опираясь на различные категории чиновников, составляющих разветвленную сеть органов исполнительного и судебного аппарата.

Специальная группа царских чиновников была связана, например, с организацией управления царским хозяйством, с деятельностью по пополнению царской казны. Артхашастра упоминает чиновников, призванных надзирать за царскими пастбищами, за гаванями, за судоходством, ведавших морской торговлей, судостроением и пр. С регулированием экономической жизни страны была связана деятельность специальных категорий чиновников (*адхьякша*), среди которых важное место занимали чиновники финансового ведомства, ведавшие сбором налогов, государственной казной. Эти чиновники, согласно Законам Ману, должны были обладать "честностью, умом и твердостью" (VII, 60). Выделялась также особая группа чиновников, следившая за снабжением армии. В зависимости от рода своей деятельности они подчинялись или главному сборщику налогов, или главному казначею, или главнокомандующему армией (*сенapati*). Среди других высших чиновников особое место занимали главный судья, юридический советник царя и

советник царя по делам культа, воспитатель его сыновей, верховный придворный жрец (*пурохита*).

Наряду с назначением чиновников царской властью существовала практика передачи чиновничьих должностей по наследству, чему способствовала кастовая система. Для придания должной эффективности государственному аппарату Маурьи создали сеть контрольных, надзорных должностей, инспектирующих чиновников — шпионов, царских тайных агентов, которых царь "принимал и днем и ночью" (Артхашастра, I, 19).

Местное управление. Особой сложностью в империи Маурьев отличалось административное деление и связанная с ним система местного управления.

Лишь часть территории империи находилась под непосредственным управлением царя и его двора. Самой крупной административной единицей была провинция. Среди них выделялись пять наиболее крупных провинций, управляемых царевичами, и пограничные провинции, управляемые другими членами царской семьи. В функции правителя провинции входила защита ее территорий, охрана порядка, сбор налогов, обеспечение строительных работ.

Менее крупной административной единицей был округ, возглавляемый окружным начальником, "думающим о всех делах", в его обязанности входил контроль над сельской администрацией. Он получал доход "с города" (ЗМ, VII, 119).

Артхашастра (II, 1) выделяет четыре вида сельских областей, состоящих из 800, 400, 200 и 10 селений, и соответствующих им в органах местного управления управителей. Характерно, что жалованье давалось управителю начиная с 10 деревень. Это свидетельствует о том, что староста деревни-общины, "главный житель" деревни (*грамика*) не был царским чиновником. В обязанности старосты входили сбор налогов, наблюдение за порядком в общине и пр. Наиболее важные вопросы внутриобщинной жизни — ирригация, отправление общинных культов, охрана от разбойников и прочие — решались на общинных сходках. В решении вопросов, связанных с продажей земли, границами земельных участков, важная роль принадлежала общинному совету старейшин.

Суд. В Древней Индии существовали две системы судов — царские и внутриобщинные.

Высшей судебной инстанцией был суд, в котором участвовал сам царь "вместе с брахманами и опытными советниками" или замещающая его судебная коллегия (*сабаа*), состоящая из назначенного царем брахмана, "окруженного тремя судьями" (ЗМ, VIII, 10). Толковать в суде нормы права, дхармы мог брахман, в крайнем случае кшатрий или вайший (VIII, 21). Как высшему судье царю принадлежало право ежегодно объявлять амнистии.

Судя по Артхашастре (III, 1), во всех административных единицах, начиная с 10 деревень, должна была назначаться судебная коллегия из трех судебных чинов. Кроме того, специальные судьи разбирали уголовные дела, осуществляли "надзор за ворами". Особенно большая ответственность в борьбе с преступлениями лежала на городских властях, которые с помощью своих агентов проводили обыски, задерживали неизвестных, устраивали облавы в мастерских, кабаках, игорных домах. Большинство дел рассматривалось общинными кастовыми судами. Неофициальные кастовые суды сохранились в Индии до настоящего времени.

Армия. Армия играла огромную роль в государствах Древней Индии. Войны и грабеж других народов рассматривались как важный источник процветания государства. Почитался царь — мужественный воин, добывающий силой "то, что он не имеет" (ЗМ, VII, 101). Царю переходила и большая часть награбленного имущества, в частности земля, оружие, золото, серебро; остальное подлежало дележу среди солдат (VII, 97).

Армия комплектовалась из наследственных воинов, наемников, воинов, поставляемых отдельными объединениями, в частности торговыми гильдиями, зависимыми союзниками, вассалами. Армия была кастовой. В основном лишь кшатрии могли носить оружие, другие "дважды рожденные" могли братья за оружие лишь тогда, когда для них "наступает время бедствий" (VIII, 348).

Армия выполняла и функции охраны общественного порядка. Она бдительно должна была стоять на защите государственной целостности. Военские отряды помещались в связи с этим среди "двух, трех, пяти, а также сотен деревень" (VII, 114).

Глава 5. Древний Китай

История Древнего Китая обычно делится на ряд периодов, обозначаемых в исторической литературе по имени царствующих династий: период Шан (Инь) (XV–XI вв. до н. э.), период Чжоу (XI–III вв. до н. э.). В период Чжоу выделяются особые периоды:

Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.) и Чжаньго — "борющихся царств" (V–III вв. до н. э.), последний завершился созданием централизованных империй в периоды Цинь и Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.).

Первые очаги цивилизации городского типа в Древнем Китае начали возникать во II тысячелетии до н. э. в долине реки Хуанхэ на базе перешедших к оседлому земледелию родовых групп иньских племен. В иньском Китае вследствие разложения родоплеменных связей, прогрессирующего разделения труда выделяется управляющий слой родовой аристократии: правитель-ван и его приближенные, родственники, сановники, племенные вожди и рядовые соплеменники, а также чужаки-иноплеменники, превращаемые, как правило, в рабов.

Создание первоначального примитивного государственного образования в Шан (Инь) было связано с необходимостью организации производства, орошения земель, предотвращения пагубных последствий разлива рек, защиты территорий. Это выразилось, во-первых, в превращении племенного вождя в обожествляемого правителя иньского царства — *вана*, обладавшего значительной властью, во-вторых, в образовании административного аппарата, состоящего из многочисленных управителей, военачальников, жрецов и прочих, противостоящих массе общинников. В эпоху Инь утверждается верховная собственность царя-вана на землю, этому способствовали представления о ванах как о земном божестве.

Социальное и политическое развитие народов всего бассейна реки Хуанхэ было значительно ускорено завоеванием царства Инь в конце XII в. до н. э. пришедшими с запада чжоусскими племенами, которые установили господство над населением всего Северного Китая, над множеством разрозненных родоплеменных коллективов, находящихся на различных стадиях разложения родовых отношений. Чжоуский ван был поставлен перед необходимостью организации управления огромной территорией. С этой целью он передал завоеванные земли в наследственные владения своим родственникам и приближенным, которые вместе с землей получали и соответствующие титулы.

Первоначально власть титулованных владельцев уделов сдерживалась силой центральной власти. Однако в VIII в. до н. э. удельные правители, бывшие верные подданные вана, начинают приобретать фактически полную независимость. Власть вана ограничивается пределами его владения-домена. Становясь местными царьками, удельные правители сами начинают жаловать земли за службу, обрастая своими вассалами, своим аппаратом управления. Таким образом, в чжоусском Китае господствует раздробленность с характерной ей междуусобицей, приводящей к захвату то одним, то другим местным царством позиций гегемона, к поглощению им более мелких царств.

Долголетние непрерывные войны привели к экономическому упадку, к разрушению ирригационных сооружений и, наконец, к осознанию необходимости мира, сближения народов Китая. Выражением новых настроений стали проповедники конфуцианской религии, призывающие к объединению страны "без пристрастия и уничтожения людей". Несмотря на войны, в период Чжаньго усиливаются экономические и культурные контакты различных районов и народов, что приводит к их сближению, к "собираанию" земель вокруг семи крупных китайских царств.

В истории Древнего Китая V в. до н. э. был во многих отношениях переломным. В это

время зарождается действие тех факторов, которые приводят к объединению царств в единую империю, где господствующей политической идеологией и стало конфуцианство. Благодаря внедрению железных орудий труда происходит резкий подъем экономики. Освоение новых земель, улучшение ирригационных сооружений, рост сельскохозяйственного и ремесленного производства способствуют развитию товарно-денежных отношений, складыванию рынка, выделению купечества. В этих условиях происходит интенсивное разложение общинной и утверждение частной собственности на землю, создание крупного частного землевладения.

Все это приводит к тому, что в последние века до н. э. в Китае проявляется противоборство двух тенденций в развитии общества. С одной стороны, развивается крупная частная собственность на землю, основанная на эксплуатации крестьян-арендаторов, наемных работников, рабов; с другой — формируется широкий слой податного крестьянства, непосредственно подчиненного государству. Это были два возможных пути развития: 1) через победу крупной частной собственности на землю — путь раздробленности, междоусобиц; 2) через упрочение государственной собственности на землю и создание единого централизованного государства. Утверждается второй путь, носителем которого выступает царство Цинь. В 221 году до н. э. оно победоносно закончило борьбу за объединение страны.

Основы социальных порядков, государственная машина, созданные в циньском Китае, оказались столь приспособленными к нуждам империи, что они без всяких изменений были перенесены в Хань. Став традиционными, они фактически сохранились в императорском Китае до буржуазной революции 1911–1913 гг.

Сословно-классовое деление в Древнем Китае. В шаньско-иньском (XV–XII вв. до н. э.) и раннежоусском (XI–X вв. до н. э.) переходном от общинно-родового к классовому обществу Китае складывающиеся сословно-классовые границы проходили между тремя социальными слоями: а) привилегированной правящей родовой аристократией, состоящей из верховного правителя, его родственников и приближенных, местных правителей с их родственниками и приближенными, а также из глав родовых и большесемейных (клановых) объединений; б) свободными крестьянами-общинниками; в) бесправными рабами, которые находились в услужении у представителей знати.

Правящая знать жила за счет эксплуатации не только рабов, но и общинников-крестьян, присвоения их прибавочного продукта.

Этому соответствовала система "общественных полей", при которой 1/9 часть общинной земли обрабатывалась сообща общинниками, а урожай с "общественных земель" в виде ренты-налога шел на содержание правителя и знати, а также на государственные и общественные нужды.

В связи с дальнейшим развитием государственного аппарата, усложнением управленческих функций в жоусском Китае формируется еще одно привилегированное сословие — чиновников различных рангов, существующих за счет той же ренты-налога, получаемой в форме "кормления" с определенных общин, территорий.

Разложение общинной собственности на землю, присвоение общинной земли (особенно "общественных полей") знатью, верхушкой чиновничества приводит в VI, V вв. до н. э. к росту как крупного, так и мелкокрестьянского частного землевладения, а вместе с тем и к увеличению числа безземельных и малоземельных крестьян, которые становятся, как правило, арендаторами-издольщиками на частновладельческих и государственных землях.

Вместе с исчезновением "общественных полей" рента-налог в форме отработок на "общественных полях" была заменена налогом продуктами соответственно количеству земли, находящейся у отдельных семей. Впервые налог с количества обрабатываемой земли, закрепленной за отдельными хозяйствами, был введен в царстве Лу в 594 году до н. э.

Несмотря на качественный перелом в экономике в это время, процесс образования классов в Древнем Китае шел медленно. Основная эксплуатируемая масса населения не была однородной ни с классовой, ни с сословной точек зрения. В нее входили работники,

лишенные полностью или в значительной мере собственности на землю и на другие средства производства; арендаторы-издольщики из свободных безземельных и малоземельных крестьян, рабы, наемные работники.

Эксплуататорский социальный слой был также неоднороден. Он состоял из титулованной знати, из ранжированного чиновничества и из незнатных крупных землевладельцев и купцов. Выделялся еще один социальный слой, более однородный в классовом отношении, слой непривилегированных свободных мелких производителей, собственников средств производства — крестьян и ремесленников. Они находились под тяжким бременем налоговой эксплуатации.

Различия между тремя вышеуказанными общественными слоями находили выражение и в праве. "Благородные" противопоставлялись законом и традицией как "подлым" (бесправным рабам, крепостным, оброчным невольникам), так и "простонародью" (свободному крестьянству, ремесленникам).

Рост крупного землевладения, сопровождаемого массовым обезземеливанием общинников-крестьян, подтачивал основы традиционной системы эксплуатации податного крестьянства. Катастрофическое сокращение числа налогоплательщиков вынуждало государство с помощью реформ ограждать их от разорения. В 119 году до н. э., например, ханьский император Уди издает указ о конфискации у крупных землевладельцев (купцов и ростовщиков) частных земель и рабов. Им вводится большой налог на крупные состояния. Еще более радикальная попытка ограничить рост крупного землевладения была предпринята императором Ван Маном в 9 году до н. э. Он попытался провести перераспределение земельного фонда. Вся земля была объявлена императорской собственностью, запрещалась ее купля-продажа. Однако этот запрет был снят под давлением крупных собственников ровно через три года.

Реформы и в дальнейшем способствовали установлению определенного равновесия государственного и частного землевладения.

Государственный строй. Деспотические черты правления стали складываться еще в иньском Китае, где сначала не существовало строгого порядка престолонаследия — наследовали братья, сыновья, племянники. В конце Инь престол стал передаваться старшему сыну. В это время складывался и административный аппарат, в котором чиновники из поколения в поколение занимали одни и те же должности, передаваемые по наследству, однако с соизволения вана.

В раннечжоусском Китае власть и личность вана окончательно сакрализуется. Он носит титул "сына Неба", который "управляется Небом", его называют "отцом и матерью" своих подданных. Ван — первосвященник.

Центром управления в чжоусском Китае был двор вана. Дворцовая система управления замыкала на дворце всю деятельность по обслуживанию самого вана и по управлению государственными делами. Ближе к вану стоял *цзай* — управитель, который вместе с подчиненными ему чиновниками был глашатаем воли вана внутри дворца, ведал дворцовыми ремесленниками, следил за храмами предков вана и пр. Особое место при дворе занимали *шаньфу* (стольники), обслуживающие личные нужды вана, выполняющие универсальную и особо доверительную работу по выполнению его различных административных и военных поручений. Ряд должностей был связан с функциями контроля над государственной хозяйственной деятельностью. Леса, воды, пастбища, например, были объектом забот особых чиновников, подчиненных "надзирателю земель".

По образцу двора вана строилось управление и в автономных уделах. Администрация в уделах возглавлялась удельными правителями — *чжухоу*, они опирались на советников и помощников. Правителей уделов собирал ван для обсуждения вопросов о "наказаниях, о ритуале, о справедливости". В VII–VI вв. до н. э. *чжухоу*, вышедшие из подчинения вана, стали заключать на своих съездах "клятвенные договоры" между собой, ставшие основной формой их взаимоотношений.

В циньско-ханьском Китае складываются централизованные деспотические империи.

Победу централизации в Древнем Китае можно объяснить рядом причин, в частности этнической, духовной, культурной общностью населения Китая. Не последнюю роль сыграло и осознание наиболее дальновидными представителями правящих слоев Китая необходимости объединения, прекращения междоусобной борьбы "всех против всех". Эти стремления выразились в распространении в эпоху Чжаньго идеологии логистов (легисты (законники) — сторонники сильного бюрократического государства, строгих, обязательных для всех законов, лежащих в основе государственного управления).

"Власть — это то, чем располагает лишь правитель", — писал Шан Ян, один из идеологов легизма и государственный деятель Циньской империи. Деятельность легистов, отстаивающих в качестве главных интересы правителя, государства, казны, была ответом на развитие частной земельной собственности, угрожавшей традиционной системе эксплуатации податного крестьянства.

Шан Ян в IV в. до н. э. провел серию реформ, которые привели к централизации царства Цинь и его последующему усилению, завершившемуся созданием Циньской империи. На основании этих реформ была разрешена свободная купля-продажа земли, введен налог на землю, который взимался с каждого землевладельца в зависимости от размеров его земельного владения. С налогом на землю было введено четкое административно-территориальное деление, а также круговая порука в *десяти-, пятидворках*, призванных на основе взаимной слежки охранять порядок на своих территориях. В целях предотвращения длительных распрей семейных кланов была запрещена кровная месть. Введены единые мера и вес и др.

Политика легистов в царстве Цинь нанесла сильный удар главному противнику централизации — потомственной титулованной аристократии. По новому положению о рангах знатности они присваивались не в связи с аристократическим происхождением, а за заслуги перед правителем. В конце III в. до н. э. в империи Хань была создана система 20 чиновничьих рангов, соответственно которым чиновники занимали должности и получали жалованье. Последнее означало выплату от 10 тыс. даней (1 дань — 103,5 литра зерна, часть жалования выплачивалась деньгами) зерна в год обладателю 1-го ранга, до 100 даней — обладателю 20-го ранга.

Власть монарха в циньско-ханьском Китае обожествлялась. Правитель царства Цинь, объединивший в границах Циньской империи обширные территории, принял титул императора (ди). Император выступал в качестве символа, олицетворения "связывающего единства" страны. Важное место в государственном аппарате занимали органы, которые были связаны с ритуалом и обрядами, призванными поддерживать миф о божественном происхождении "сына Неба". В руках китайского деспота сосредоточивалась полнота военной и законодательной власти. Он был высшим судьей, стоял во главе многоступенчатого военно-бюрократического аппарата, назначал всех высших чиновников центрального и местного аппаратов.

Центральный аппарат империи включал в себя ряд ведомств: финансовое, военное, судебное, обрядов, сельского хозяйства, ведомство императорского двора, дворцовой стражи. Главы ведущих ведомств приглашались на совещания к императору, на которых обсуждались важные вопросы государственной жизни.

По сравнению с государственным аппаратом других древневосточных государств этот аппарат отличался и многочисленностью, и большим объемом полномочий, что в свою очередь определяло социальную значимость, престиж чиновничества.

Финансовое ведомство вместе с военным ведомством сложились еще в VII–IV вв. до н. э. в царстве Лу. Во главе его в Ханьской империи стоял канцлер (*чэнсян*), выполнявший обязанности первого министра, главного помощника правителя (вначале их было два — "левый" и "правый"). Он разрабатывал финансовую политику, определял суммы налоговых и других поступлений в доход казны, государственные расходы и пр.

Со временем вместе с усложнением функций государственного аппарата стала больше разграничиваться деятельность отдельных ведомств, но это был длительный и

незавершенный в Древнем Китае процесс. Командующим армией, например, считался сам император, но положение канцлера как первого помощника и главы административного аппарата делало его ответственным за все военные приготовления.

Финансовое ведомство осуществляло свои функции вместе с ведомством императорского двора, которое выполняло и некоторые функции организатора общественных работ.

Ведомство императорского двора сложилось в Ханьской империи, когда содержание императора и придворных стало требовать много денег и за правителем была закреплена часть налоговых поступлений, идущих на его личные нужды. Налоговые функции финансового ведомства и ведомства императорского двора, располагавших значительным штатом, делились в соответствии с характером налога и его назначением. Ведомству императорского двора шли налоги в основном от эксплуатации водных сооружений и горных разработок. В этом ведомстве существовала должность особого чиновника (*душуйя*), руководящего строительством и эксплуатацией оросительных сооружений. Сам факт взимания налогов за пользование оросительными сооружениями для личных нужд правителя свидетельствует о том, что верховная собственность на воду сосредоточивалась в руках императора.

Особая роль отводилась военному ведомству, возглавляемому *тайвэем*, к ведению которого относились комплектование армии, назначение военных чинов и пр. О его важной роли свидетельствовало, в частности, то, что тайвэй наряду с первым министром (чэн-сяном) и верховным цензором (*юйшидафу*) входил в высшую, наиболее привилегированную категорию чиновников — "трех гунов".

В империи существовало особое ведомство обрядов, руководимое верховным жрецом. Унифицированный ритуал должен был служить социальному сплочению, воспитанию населения в духе признания незыблемости и святости существующих порядков. Характерно, что верховный жрец осуществлял надзор за созданной в 124 году до н. э. императорской академией, готовящей высокопоставленных чиновников. Он тем самым выступал в роли "министра образования".

Цензорские органы возглавлялись верховным цензором. Чиновники этого ведомства, доверенные лица и личные представители императора стояли на страже существующих порядков как в центре, так и на местах. Они были "глазами и ушами" императора в каждом округе, контролировали работу всех его должностных лиц, следили за их благонадежностью, расследовали по прямому поручению императора заговоры и другие государственные преступления.

Глава ведомства сельского хозяйства был своеобразным верховным казначеем, ответственным за поступления в государственную казну налогов, откупных платежей за трудовые повинности, доходов от государственных монополий на соль и железо. Он контролировал также расходы на содержание чиновничества и армии.

Местное управление. Государственные формы эксплуатации податного крестьянства требовали установления четкого административно-территориального деления. Еще в Западном Чжоу в середине IX в. до н. э. появились первые элементы территориального деления. Здесь были введены округа, являющиеся налоговыми и военными единицами. Уездная территориальная администрация в Китае начала складываться еще в начале VII в. до н. э., в период существования удельной системы. В каждый уезд направлялся чиновник, ответственный перед правителем царства или крупного удела. Это впоследствии сыграло важную роль в ликвидации самой удельной системы, в укреплении власти центра на местах.

Циньско-ханьский Китай делился на области или округа, те — на уезды, уезды — на волости, а волости — на общины — низшие административно-территориальные единицы. На местах действовала сложная система управления, основанная на соподчинении гражданских и военных чинов. Так, во главе каждой провинции стояли губернаторы, которые делили свою власть с представителями военного ведомства, в их подчинении были расквартированные там армейские подразделения. Только в пограничных областях

гражданские и военные функции сосредоточивались в руках губернатора.

Община, несмотря на разрушение общинного землевладения, продолжала играть роль относительно обособленной единицы. Руководство общиной осуществляли староста и "отцы-старейшины". Низший административный персонал, начиная с волостных старейшин, не входил в состав чиновничества. Его представители, как и другие общинники, выплачивали налоги и несли трудовые повинности, но пользовались большой властью, вплоть до мобилизации общинников-крестьян для защиты общинной территории. Во главе городского самоуправления стоял совет старейшин (саньлао).

Бюрократический контроль распространялся и на органы местного самоуправления. Система взаимной слежки, ответственности действовала на всех уровнях: от сельской общины, построенной на круговой поруке, до высших чиновников, отвечающих за нарушения приказа или за плохую работу подчиненных им чиновников.

Армия. Армия играла огромную роль в Древнем Китае, что определялось частыми войнами и крестьянскими восстаниями. Войны, в частности завоевание чжоусцами значительных территорий шаньско-иньской эпохи, оказали непосредственное влияние на становление китайского государства.

Основу военной силы чжоусцев составляли воины-полупрофессионалы, входившие в армейские группы и размещенные в военных поселениях и лагерях. Военным лагерям выделялись земельные угодья, составлявшие их хозяйственную базу. Источники сообщают о 14 армиях, находящихся в распоряжении вана. Должности командующих группой армий передавались по наследству.

Воинские повинности в империи Цинь существовали наряду со строительными и гужевыми. В армию брали мужчин от 23 до 56 лет, которые должны были пройти годичную подготовку, нести гарнизонную службу в течение года и месяц в году служить в ополчении по месту жительства. На охрану государственных границ без указания сроков службы направлялись прежде всего провинившиеся чиновники, преступники, потерявшие свободу за долги заложники, бродячие торговцы и только в последнюю очередь свободные земледельцы.

Постепенно формировалась и постоянная армия, находящаяся на содержании казны. Она состояла из телохранителей императора, частей, охранявших столицу. На эти части, численность которых в 140 году до н. э. достигала 20 тыс. человек, возлагались и полицейские функции. Так, поимка бандитов и разбойников была обязанностью военного ведомства. Начальник императорской гвардии, телохранитель вана, занимал важное место при дворе.

Суд. Наличие специального судебного ведомства в империи Цинь во главе с *тинвэем* и провинциальных судей свидетельствует об определенном выделении судебных функций из общеадминистративных, которое, однако, проводилось непоследовательно и касалось, видимо, только уголовных дел. Провинциальный судья был одновременно и начальником тюрьмы в округе.

Судебное ведомство ("ведомство наказаний") строго следило за применением уголовных законов. Все дела о наиболее тяжких преступлениях проходили через его руки, особенно дела, связанные с превышением власти чиновниками и пр. Вместе с тем в ханьском Китае почти все административные органы обладали судебной властью. Пресечение злоупотреблений чиновников возлагалось также на представителя верховного цензора в провинциях. Низшим судом по гражданским делам была уездная администрация. Если в уезде дело не было разрешено, оно направлялось губернатору провинции, который в случае его сложности мог адресовать дело в центр, начальнику судебного или другого ведомства. В качестве последней инстанции выступал сам император, который мог непосредственно разбирать судебные дела.

Глава 6. Право древних государств Месопотамии

Источники права. В государствах Древней Месопотамии основным источником права очень рано стал писанный законодательный акт, принятый по воле правителя того или иного царства. Появление царских узаконений было обусловлено здесь особыми условиями становления и развития многочисленных государств; возникавших в ходе войн, переворотов, завоеваний, когда складывались непрочные территориально-политические объединения, падала или укреплялась власть того или иного правителя — гегемона, устанавливалось верховенство того или иного этноса. Царское законодательство стимулировалось и относительно ранним развитием товарно-денежных отношений, внутренней и внешней торговли. Вавилон был одним из главных центров международной торговли в древнем мире.

Первые царские надписи не были законами или реформами в собственном смысле слова. Они содержали сведения о действительных или мнимых победах месопотамских царей, их благодеяниях жителям своей страны, городам, храмам, богам. Непременным атрибутом этих апологетических надписей становится утверждение о восстановлении справедливости, о защите царем обездоленных: бедных, сирот, вдов и т. д. К числу таких исторических документов и принадлежат так называемые "реформы" Уруингины, правителя царства Лагаша, относящиеся к 2400 году до н. э. В них говорилось о проведенных им реформах, об освобождении бедняков от долгов, побоев, произвольных поборов, о защите храмового имущества, на которое посягали прежние правители.

Основная цель Уруингины — оставить память о себе грядущим поколениям как о радетеле "старых порядков", "старых обычаев", в чем сказалось влияние общинной идеологии. Не будучи изложением действующих законов, первые надписи, между тем, заложили основу письменной традиции составления и обнародования законодательных повелений правителя, законов в собственном смысле слова.

Таковыми действующими законодательными актами и были дошедшие до нас, правда не в полном объеме, древнейшие Законы царя Ур-Намму, основателя династии Ура (конец III тысячелетия до н. э.), Законы Липид-Иштара, правителя царства Исины, Законы царя Билаламы царства Эшнунны (начало II тысячелетия до н. э.), Среднеассирийские законы (середина II тысячелетия до н. э.) и самый значительный правовой документ Месопотамии — Законы царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), древневавилонского правителя крупнейшего государства Двуречья (Законы Хаммурапи были найдены в 1901–1902 гг. французской археологической экспедицией при раскопках в Сузах (столице древнего Элама). На черном базальтовом столбе, видимо захваченном эламитами в качестве трофея, было высечено изображение Хаммурапи, стоящего в молитвенной позе перед богом Солнца вавилонян — Шамашем, который вручает ему Законы и законодательные положения на аккадском языке).

Так, например, Законы Ур-Намму начинаются с пролога, содержащего сведения об исторических событиях, добрых деяниях царя, "установившего в стране справедливость, изгнавшего зло и раздоры". Далее следует изложение законодательных нововведений, в частности об установлении единой системы меры и веса (гири в 1 мину и в 1 сикль и пр.) как гарантии новых справедливых порядков: "дабы сирота не был отдаваем (во власть) богатого, вдова не была отдаваема (во власть) сильного, человек сикля (бедный) не был отдаваем (во власть) человека мины (богатого)" (сикль и мина — серебряные денежные единицы в государствах древней Месопотамии. Сикль был равен 1/120 кг серебра, стоимость 225 литров ячменя, которая была равна среднемесячной плате наемному работнику).

По той же схеме — преамбула и изложение действующих правовых положений — построены и другие законы. Главная цель пышных прологов (особенно это характерно для ЗХ), гласящих о справедливости, великих заслугах правителя, заключалась в том, чтобы обосновать угодность, обязательность царских постановлений и тем самым законность самой царской власти.

Примечательно и меняющееся содержание этих обоснований, отражающее укрепление государственных порядков, степень могущества того или иного правителя. Так, если

Лугальзагеси, правитель Уммы (2373–2349 гг. до н. э.), связывал свою власть с тем, что "в святилищах Шумера в качестве энси страна его избрала", то Хаммурапи ссылается на свою богоизбранность, полномочие как "царя царей", даровавшего великие блага всем важнейшим городам Месопотамии, их многочисленным святилищам и бегам. Вавилон выступает здесь столицей большого централизованного царства, местом "вечной царственности" его главного бога Мардука, призвавшего якобы Хаммурапи "даровать стране справедливость".

Несмотря на сходство (иногда текстуальное), совпадение ряда норм, все эти законы не могли не содержать и глубоких расхождений, так как каждый правовой акт отражал реалии своего времени, особенности своего государства и пр. Так, САЗ, появившиеся на несколько столетий позже ЗХ, были более архаичны по своему содержанию, по отражению строгих патриархальных порядков, жестоких наказаний за преступления и т. д. Уступали они ЗХ и по правовой технике, по степени разработанности правовых институтов.

Традиционно в законодательстве Месопотамии значительное место занимали правонарушения, причиняющие ущерб личности или имуществу человека, влекущие за собой наказания в форме возмещения этого ущерба; кража, нанесение телесных повреждений, нарушение собственнических прав господина на раба, колдовство, насилие над женщиной, измена жены и пр.

Суровые наказания предписывались во всех законах за такие преступления, как лжесвидетельство, клевета, что было связано с особым почитанием и даже обожествлением понятий "правдивость", "верность слову".

Со временем, под влиянием роста товарного хозяйства, ростовщичества, долговой кабалы, распада больших семей все большее место стало отводиться договорам: займа, аренды земли, купли-продажи, а также наследованию имущества и пр.

Характерной чертой вышеуказанных правовых документов была их незавершенность. Положения ЗХ, например, касались главным образом правового регулирования отношений, связанных с царско-храмовым хозяйством. Они не затрагивали многие важные области внутриобщественных отношений, отношений общин с царской властью и пр. Лакуны в законах, нередкая констатация лишь противоправности того или иного деяния без указания санкции (например, в ЗХ за такие тяжкие преступления, как убийство, чародейство и др.) являются лишним свидетельством того, что наряду с законом особое место среди источников права отводилось общинным обычаям, которыми и определялись эти санкции. Обычай были главным строительным материалом для царских кодексов.

Вместе с тем расхождения ЗХ, в том числе и терминологические, с живой юридической практикой, с текстами договоров, записанных на многочисленных дошедших до нас глиняных табличках, свидетельствуют о том, что над обычаем работали, а не просто воспроизводили его в законе.

Право Месопотамии так же, как право других древневосточных государств, несло на себе заметное влияние религии, религиозной идеологии. Но это влияние не было столь глубоким, как, например, в Индии, да и сама религиозная идеология отличалась рядом специфических черт.

Перечень грехов в вавилонской книге религиозных заклинаний "Шурпу" (XII в. до н. э.) и преступлений в ЗХ в основном совпадали. В "Шурпу" к грехам отнесены нарушения религиозно-ритуального характера (прямые и косвенные контакты с ритуально "нечистым" человеком, принятие "нечистой" пищи и пр.), любая ложь, обман, сутяжничество, насилие, неоказание помощи нуждающемуся в ней, непостоянство, внесение раздоров в семью и такие деяния, которые прямо закреплены в качестве преступлений в ЗХ: кража (ст. 6–8), предъявление ложного иска или обвинения (ст. 11, 126), грабеж (ст. 22), пролитие крови (ст. 206–208), непочтительное отношение к родителям и старикам (ст. 169, 195), прелюбодеяние (ст. 129) и некоторые другие.

Но в представлении вавилонян понятия греха (намеренного или ненамеренного нарушения воли божьей) и преступления разнились. Совершение греха возможно было без

вины: грешник мог даже не знать, какой грех он совершил, например, в случае нарушения ритуальной чистоты. Преступление же предполагало вину, правда, не всегда последовательно. "Небесная" кара не учитывала ни субъективной, ни объективной стороны греховного деяния. За любой грех боги могли послать любое наказание, любые бедствия, избежать которых можно было только с помощью жреца-заклинателя (при этом не требовалось даже раскаяния). Земное же правосудие считалось неотвратимым, как и раскаяние в случае совершения преступления.

Определенная приземленность религиозной идеологии, древ-немесопотамская система ценностей также нашли отражение в праве. В религиозных верованиях Месопотамии не были разработаны понятия об аде и рае в загробной жизни, о посмертном воздаянии за добродетельный образ жизни. Потусторонний мир в представлении жителей Месопотамии, сложившемся в начале II тысячелетия до н. э. и поддерживавшемся тысячелетия, считался абсолютным злом, а все хорошее связывалось с земной жизнью. В шумерско-вавилонской иерархии ценностей не духовному совершенству, как, например, в Индии, а имуществу, богатству неизменно отводилось главенствующее место (выше ставились лишь здоровье, долголетие, дети), ибо не что иное, как материальное благосостояние открывало доступ к наслаждению, которое наряду со служением богам считалось уделом человека.

В заповеди "небо далеко, а земля драгоценна" заключались воззрения людей практически мыслящих, всецело обращенных к земным радостям и печалям. Это обстоятельство объясняет многие особенности древневавилонского права, например, почти полное отсутствие в нем сакрально-религиозных мотивировок преступлений и религиозных санкций за их совершение, признание определенной личностной ценности человека, индивида, в том числе женщины (особенно владеющей имуществом), "светского" подхода в праве к храмовым должностям, которые могли продаваться, передаваться по наследству, да и к самим храмам с их широкой торговой, ростовщической и другой предпринимательской деятельностью.

Для источников права Месопотамии, в том числе и для ЗХ, характерна примитивная правовая техника, казуистичность норм права, их формализм, символический характер. В них нельзя найти ни четкого понятия преступления, которое не всегда можно отделить от частного правонарушения, ни абстрактно сформулированной нормы, касающейся убийства, кражи и пр.

Символична была ответственность за ряд преступлений, например отрезание груди у кормилицы, подменившей ребенка (ЗХ, 194). Формальный и символический характер имела также клятва.

Нет в источниках права и обоснованной системы изложения норм: нормы уголовного права чередуются с нормами процессуальными, регулирующими имущественные отношения и пр. Однако внутренняя логика изложения правового материала присутствует и здесь. В ЗХ, например, нормы права группируются по предметам правового регулирования, а переход от одной группы к другой осуществляется путем ассоциаций.

Так, ст. 6-25 ЗХ посвящены охране собственности царя, храмов, общинников и царских людей. Эта группа норм заканчивается нормой о противоправном завладении чужим имуществом. Казалось бы, переход к следующей, ст. 26, открывающей раздел об имуществе, полученном от царя за службу, согласно которой воин, не пошедший в поход, подлежал смертной казни, нелогичен. Между тем логика древнего законодателя заключалась в том, что речь шла не столько об ответственности за дезертирство, сколько за использование чужого (царского) поля, право на которое воин потерял, отказавшись идти в поход. Следующая группа норм (ст. 42-88) регулирует операции с недвижимостью и ответственность за правонарушения, касающиеся этого имущества.

Регулирование имущественных отношений. В Месопотамии не сложился институт частной собственности на землю. Земля рассматривалась правом в категориях свободного и зависимого владения, пользования. Значительные массивы плодородной обрабатываемой земли сосредоточивались в царских хозяйствах, а также хозяйствах храмов, которые часто

пополнялись за счет многочисленных пожертвований со стороны правителей. Царские и храмовые земли обрабатывались различными категориями зависимого люда, сдавались в аренду, передавались за службу: воинам, тамкарам, жрицам и др.

Общинная земля находилась или в коллективном владении (выгоны для скота, луга и пр.), или во владении частносемейном. Как свидетельствуют и САЗ, и ЗХ, свободный общинник-крестьянин обладал широкими правами за свой земельный участок, которые были близки к правам собственника. Он мог продавать, менять, закладывать, сдавать в аренду, передавать по наследству свой участок как особую недвижимую собственность (ЗХ, 39–47, 60–65), при этом не требовалось ни согласия правителя, ни согласия самой общины. Однако земля не стала обычным предметом купли-продажи. Отчуждение земли в представлении жителей Месопотамии было "несчастьем", а покупка чужой земли — несправедливостью. В связи с этим передача земли общинника за пределы общины или круга членов его семьи была, как правило, невозможной. При отчуждении земли человек как бы оставлял после себя заместителя. САЗ, закрепляя исключительную собственность общины на арыки, колодцы и другие объекты коллективного общинного владения, лишь в порядке исключения предоставляли право на покупку участков земли с колодцами и арыками. Их покупали, как правило, крупные землевладельцы, ростовщики, собиравшие большие массивы земли за счет невыкупленных участков, заложенных за долги.

Полноправие вавилонянина было прямо связано с земельным наделом общинной земли. По ЗХ он терял не только земельный участок, но и другие права, если порывал с общиной, даже жена могла отказаться от беглеца (136).

Землевладение общинника-крестьянина всемерно охранялось правом. По САЗ присвоение чужого поля с переносом межи влекло за собой возвращение потерпевшему втрое большего земельного участка, отрубание пальца правонарушителю и наложение на него обязанности отработать месяц на царских работах. Во всех случаях присуждались к царским работам лица, вырывшие колодец на чужом поле, нарушившие границы землевладения собственника (САЗ, 9-10, I). Если же на пустующем поле "выращивались овощи и сажались деревья, то хозяин мог забрать свое поле с урожаем" (САЗ, 13, I).

Значительное внимание в законодательстве уделялось землевладельческим правам воина. Но в правовом статусе земельного участка воина — "илку" в Ассирии и Вавилоне были существенные различия, так как в Ассирии он выделялся из общинной земли (здесь не было крупного царского земельного фонда), а в Вавилоне — из земли царской.

Воинский надел по ЗХ полностью исключался из торгового оборота, всякая сделка относительно земли воина считалась ничтожной. Если воин ради избавления от службы бросал надел, он не терял права на него в течение года при условии возвращения к своим обязанностям. Эта земля не переходила по наследству. По САЗ земельный участок, выделенный общиной человеку, выполняющему царскую повинность, назывался "долей дворца". О самом человеке говорилось, что он несет повинность "поля и дома в своей общине" (45, III). Такой же "долей дворца" обеспечивались и Другие лица внутри общины, обязанные снабжать царя тем или иным продуктом. Существовала и относительная свобода распоряжения "долей дворца", которая становилась все больше объектом продажи, залога и других сделок. По ЗХ в подобном режиме находилось дворцовое имущество, передаваемое за службу жрице, купцу. Они могли продавать "за серебро" свое поле, сад, но на покупателя при этом переходили обязанности службы (ст. 40).

Отдельные виды договоров, например займа, мены, купли-продажи, в месопотамском законодательстве стали регулироваться очень рано. Наибольшая степень разработанности и полноты норм, касающихся договорных отношений, была характерна для ЗХ. В САЗ говорилось главным образом о договорах, связанных с транзитной торговлей, — хранения, перевозки, товарищества и пр.

Все сделки делились на две группы с отчуждением вещи и без такового. Первый вид сделок в силу традиционных представлений о тесной связи вещи с жизнью индивида требовал выполнения более строгих условий, чем второй: письменного договора, клятвы,

присутствия свидетеля и пр. К ним относились договоры купли-продажи, дарения, раздела наследства, усыновления. В письменном договоре купли-продажи требовалось точное обозначение объекта купли, удостоверение собственнических прав продавца на вещь, чтобы оградить покупателя от иска со стороны третьего лица, от обвинения в краже, от притязаний государства (в частности при продаже неотчуждаемых царских земель, земельных наделов воинов и т. д.), Этот договор мог включать в себя обоюдный или односторонний отказ от иска и обещание не оспаривать законченную сделку, скрепляемую часто специальной прибавкой к договорной цене ("*вартум*"). После уплаты цены договор купли-продажи мог быть расторгнут только при определенных обстоятельствах, например, при преднамеренном сокрытии продавцом изъянов вещи. В ЗХ говорится, например, о продаже раба, страдающего эпилепсией. Договор в этом случае мог быть расторгнут в течение одного месяца (ст. 278).

Жесткие требования договора купли-продажи о немедленной плате обходились путем оформления фиктивной купчей, наряду с которой оформлялась и долговая расписка. Число свидетелей при такой сделке доходило до трех десятков. Эти "кредитные сделки", в основном касающиеся приобретения земли, при которых не требовалось немедленной уплаты за проданную вещь, скреплялись в Ассирии свидетельством царя и общины.

В правовом закреплении договора займа, найма вещей и людей, ростовщических операций особенно наглядно проявились различия двух крупных правовых систем древнейших восточных государств: компромиссно-умеренной для своего времени правовой системы Вавилона (ее нормы в значительной мере были продиктованы политикой Хаммурапи на снижение уровня социально-классовых противоречий, на предотвращение дальнейшего обезземеливания общинников-крестьян) и бескомпромиссно-жесткой системы среднеассирийского права, отражающей интересы главным образом олигархической рабовладельческой верхушки.

Сам факт большого количества статей в ЗХ, связанных с ответственностью арендатора земли и пр., свидетельствует о распространении кабальных условий займа, найма, аренды земли, от которых страдали прежде всего бедняки. Так, например, по ЗХ долг мог быть погашен за счет имущества должника, отработки долга самим должником, его женой, детьми. Арендатор земли должен был не только уплатить арендную плату, которая достигала 2/3 урожая, но и вернуть землю обработанной (ст. 42–43). Найденные таблички свидетельствуют о частых сделках жриц Шамаша в Сиппаре, передававших землю в аренду при условии не только арендной платы, но и различных преподношений арендатора храмам — мясом, мукой, деньгами. Арендатор платил полностью оговоренную сумму за аренду чаще вперед, реже в договор включались условия о выплате части урожая. Для стимулирования аренды целины дополнительно к ней в аренду передавался и обработанный участок, чтобы малоимущий арендатор мог прокормиться с поля, пока он поднимает целину.

Прямая ассоциация просматривается в расположении в ЗХ блока норм о найме работника-земледельца после блока норм о найме животных. При этом проводятся четкие различия между наймом лиц "благородных" профессий: врачей, строителей, корабельщиков (ст. 215–225 и др.) и наймом сельскохозяйственных работников, а также рабов. Характерно, что размеры оплаты услуг врача зависели в ЗХ от социального положения пациента: при успешной хирургической операции врач получал 10 сиклей серебра, если больной был авилумом; 5 сиклей — если он был мушке-нумом; только 2 сикля уплачивалось хозяином, если больной был рабом.

Специально предусмотрены в законах условия найма земледельца. Статья 257 оговаривает своего рода заработную плату, выдаваемую ему серебром или хлебом, которая была более высокой в летний период основных полевых работ (ст. 273). Наемный работник, не вырастивший хлеб на поле, укравший семена, изнуливший скот хозяина, должен был уплатить штраф зерном. Неуплата штрафа грозила ему жестокой смертью — его разрывали с помощью скота на части (ЗХ, 256). При оставлении работы до срока нанявшийся терял наемную плату. Иногда при заключении договора найма работника в качестве условия оговаривалась возможность "кражи чего-либо", в случае совершения которой нанявшийся

терял наемную плату, даже если вором был не он.

Вместе с тем тамкар не мог брать более 20 % при займе серебра и 33,5 % — при займе хлеба (ЗХ, 89). При отсутствии серебра у должника он обязан был брать в счет погашения долга и процентов другую движимость при свидетелях (ЗХ, 90). Превышение тамкаром процентных ставок по договору займа зерна влекло за собой потерю долга (ст. 91) так же, как в случае самоуправного изъятия им хлеба должника из жилища или с гумна (ст. 113). Возврат долга мог происходить по частям. С согласия кредитора долг мог быть перенесен на другое лицо путем изготовления специального документа. Причем заемный документ мог содержать в качестве условия возможность выплаты долга предъявителем. Появление такого договора в храмах и при дворце стало своеобразной предтечей векселя.

Все эти нормы и являются свидетельством той самой "справедливости", которая так широко рекламировалась месопотамскими правителями. В отличие от них в САЗ не ограничивались процентные притязания ростовщиков и сроки долговой кабалы, не проводилось различий между рабами и членами семьи несостоятельного должника, а заем здесь давался под залог "поля, дома, членов семьи". "Либеральные" нормы вавилонского права находились в тесной связи с вышеупомянутой традиционной практикой издания особых "указов справедливости", по которым прощались долги свободных общинников, а заложенные в силу нужды сады, поля, дома безвозмездно возвращались прежним владельцам.

Преступление и наказание. Правовая мысль Месопотамии не достигла такого уровня развития, при котором стало бы возможным закрепление в законодательстве общинных принципов уголовного права, абстрактно сформулированных норм, касающихся таких понятий, как формы вины, обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание, соучастие, покушение и пр. Но определенные упоминания об этих понятиях есть в ЗХ: например, понимание различий между умышленным и неумышленным преступлением (ЗХ, 206, 207), соучастия в форме пособничества, подстрекательства, доносительства или укрывательства, обстоятельств, отягчающих преступление и пр.

Так, нанесение в драке побоев, повлекших смерть свободного человека, наказывалось штрафом, сумма которого определялась в зависимости от того, кто был потерпевший: авилум или мушкенум. Эта норма стала исключением из общего правила обычного права: убийство человека, умышленное или неумышленное, наказывается смертью преступника или его родственника. Неумышленное нанесение раны в драке, по ЗХ, освобождало от наказания свободного человека. С особой жестокостью — немедленным сожжением — каралась кража на пожаре (ЗХ, 25), сообщничество женщины в убийстве своего мужа (ЗХ, 153) и др.

Вместе с тем правовые источники Месопотамии свидетельствуют о закреплении архаических норм первобытнообщинного строя, самосуде, коллективной общинной ответственности, объективном вменении.

По САЗ "правосудие" в отношении жены было в основном в руках мужа, который мог или простить ее, или наказать. Муж мог взять на себя ответственность за жену в случае кражи. Ему предоставлялась возможность выкупить жену, отдав краденое, но при этом отрезать ей уши. Женщине-воровке, от которой отказывался муж, угрожало отрезание носа, и собственник краденого мог "забрать ее". Кража, совершенная женой у своего мужа, влекла за собой также отрезание ей ушей мужем (САЗ, 3, III). По ЗХ (129) женщину, изменившую мужу, бросали в воду, если муж ее не прощал. По ст. 23 в случае грабежа на территории общины, "если грабитель не будет схвачен", "все пропавшее" должна была возместить потерпевшему община и ее глава — рабианум.

Общая черта месопотамского законодательства — его жестокость, что было особенно характерно для САЗ. Большой круг преступлений (в ЗХ — около 30) карался смертной казнью, которая применялась и по принципу талиона не только в случае умысла преступника, но и по его неосторожности. Согласно ст. 229 ЗХ строитель, построивший дом, который обвалился, убив хозяина дома, подлежал смерти. Если при этом погибал сын хозяина, то убивали и сына строителя (ст. 230). Лекарю, неосторожно выколовшему глаз

больному во время операции, отрубали кисть руки (ст. 218).

Смертная казнь предписывалась в форме сожжения, утопления, сажания на кол; применялись и членовредительские наказания: отсечение рук, пальцев, отрезание уха, языка, в том числе по принципу талиона (око за око, зуб за зуб), если потерпевший и преступник были равны по социальному положению. Эти наказания соседствовали с другими: обращением в рабство, изгнанием из общины и семьи, штрафом (композицией), принудительным трудом, клеймением, битьем палками и пр.

Штраф в виде взыскания многократной стоимости похищенного был равнозначен смертной казни. Заведомая непосильность таких штрафов, как например 30-кратная стоимость похищенного из дворца или храма вола, ладьи и пр., предполагала неизбежную смерть преступника. Величина штрафа (так же как и тяжесть членовредительских наказаний) зависела от социального положения преступника и потерпевшего.

Если попытаться как-то систематизировать все составы преступления, закрепленные в ЗХ, то следует прежде всего выделить так называемые преступления против личности. Это — умышленное или неумышленное убийство (убийство женой мужа, неудачная операция врача, повлекшая смерть больного, доведение до смерти голодом должника в доме кредитора и пр.), телесные повреждения, оскорбление словом и действием, ложные обвинения, клевета и т. д.

Другую группу составляли преступления против собственности. Воры и покупатели краденого у частных лиц сурово наказывались, но особо охранялась, как уже говорилось, собственность дворца или храма. Вопреки общему правилу такой состав преступления как посягательство на собственность дворца или храма был сформулирован в ст. 6 ЗХ в абстрактной форме. "Если человек украдет достояние бога или дворца, то этого человека должно убить; а также того, кто примет из его рук украденное, должно убить".

К имущественным преступлениям, кроме кражи и грабежа, относились снятие с раба его знаков рабства (ст. 226–227), мошенничество корчемницы или тамкара в отношении заимодавца (ЗХ, 90–95, 108), повреждение и уничтожение чужого имущества, в частности затопление по нерадивости чужого поля водой из своего арыка или плотины (ЗХ, 53–55), потравка поля скотом (ЗХ, 57) и пр.

Третья группа — это преступления против семейных устоев: кровосмешение, неверность жены, ее распутное поведение (ЗХ, 129, 133, 143), изнасилование (ЗХ, 130), похищение и подмена ребенка (ЗХ, 14, 194), бегство женщины от мужа, укрывательство беженки, увоз замужней женщины и др. При определении наказания за эту группу преступлений учитывалось не только социальное положение преступника и потерпевшего, но и их пол, семейный статус. В САЗ, например, сравнительно меньшее наказание следовало за изнасилование незамужней, чем замужней женщины (55–56, III).

Регулирование брачно-семейных отношений. Жизнь человека в Древней Месопотамии не считалась полной, если у него не было хорошей жены и нескольких детей. Патриархальные отношения в семье здесь сохранялись в течение длительного времени, они особенно ярко выражены в праве Древней Ассирии.

Вместе с тем процессы разрушения больших патриархальных семей затронули во II тысячелетии до н. э. почти все месопотамское общество. В Вавилоне, кроме того, проявилась больше, чем в Ассирии, тенденция ослабления власти мужа над женой, отца над детьми. Так, например, по САЗ из-под патриархальной семейной власти могли выйти только блудницы, храмовые проститутки, разведенные женщины, вдовы, если при этом в семье не оставалось ни одного мужчины, способного осуществить эту власть. После смерти мужа женщину мог взять в жены свекор, братья мужа и даже пасынок (САЗ, 45, III). Только при отсутствии всех этих брачных возможностей она объявлялась вдовой и могла "ходить куда хочет". Жена была лишена дееспособности. Например заклад ею семейной собственности расценивался как кража у мужа, ее безнаказанно мог истязать муж.

С точки зрения права вавилонскую женщину II тыс. до н. э. нельзя назвать полностью беззащитной, хотя в общественном сознании ее роль еще долго сводилась к тому, чтобы

быть собственностью мужа. В Вавилоне женщина могла быть свидетелем, жрицей, могла владеть имуществом и заниматься торговлей. Иным, чем в Ассирии, был ее статус в семье.

Так, месопотамский брак скреплялся договором между семьями жениха и невесты или жениха и семьей невесты, но на содержание его в Вавилоне могла оказывать влияние и женщина. Она, например, могла потребовать особого договора с будущим мужем, лишившего его права закладывать ее за долги (ЗХ, 151).

Ни ранний возраст невесты, ни отсутствие согласия женщины не были препятствием для заключения брака. В ряде случаев, как уже говорилось, не было препятствием к браку и рабское положение мужа (ЗХ, 175–176).

Одним из распространенных условий брака была выкупная плата ("*тархатум*"), вносимая женихом семье невесты в качестве компенсации за потерю рабочей силы. Сначала выплачивался задаток, предварительный брачный дар по случаю обручения ("*библум*"). Нарушение брачного договора со стороны жениха влекло за собой потерю им и задатка, и выкупной платы, со стороны тестя — двойную плату того и другого. САЗ не знали брачного обряда обручения, здесь термин "*библум*" обозначал выкуп за жену и был связан с наступлением брака. В случае смерти жены выкуп мог быть истребован мужем обратно, или ее отец должен был передать свекру другую дочь (31, III).

Безусловное осуждение всего, что нарушало целостность семьи, лежало в основе одной из религиозных заповедей вавилонян — не прелюбодействуй. Среди грехов, перечисленных в "*Шурпу*", неоднократно назывались и резко осуждались действия тех, кто "сына с отцом разлучит, отца — с сыном, дочь — с матерью, невесту — со свекровью, мужа — с женой".

Семья, в которой были дети, в принципе была в Вавилоне моногамной (сожителство с рабыней не бралось в расчет). Если в Ассирии понятия супружеской верности мужа не существовало, а верность жены обеспечивалась жестокими наказаниями, то в Вавилоне были несколько иные порядки. Если женщину, изменившую мужу, бросали в воду (когда муж ее не прощал), то и длящаяся измена мужа, который "ходит из дома и очень позорит свою жену", давала право женщине уйти от мужа со своим приданым в дом отца. Это право она приобретала и тогда, когда муж покидал общину или клеветал на нее.

Оправдывался также уход женщины к другому мужчине "из-за пропитания" — в случае отсутствия мужа. После возвращения мужа она должна была вернуться к нему, дети же должны "были идти за своими отцами" (ст. 135).

Брак в Месопотамии не считался "священным и нерасторжимым". По Законам Ур-Намму "человек" мог оставить жену, уплатив ей 1 мину серебра, если она не была ранее замужем, и полмины — если была. В Ассирии муж мог оставить свою жену вообще без всякой откупной платы, если "не найдет нужным". По ЗХ оставление мужем жены оговаривалось определенными условиями. Муж не мог покинуть даже больную проказой жену (ст. 142). Он мог уйти от бесплодной жены, дав ей выкуп и вернув приданое (ст. 138). Но он не мог ввести в дом в этом случае наложницу, если жена предоставляла ему рабыню с целью рождения детей. Рабыня, однако, не могла "равняться с госпожой" (ЗХ, 146). Только расточительную и позорящую мужа жену можно было покинуть без всякой выкупной платы, оставив ее "в доме в качестве рабыни" (ЗХ, 141).

Одной из распространенных форм сделок по ЗХ было усыновление, которое осуществлялось в двух четко зафиксированных правом формах: с назначением усыновленного наследником и без такового. В основе этих различий лежали неодинаковые цели усыновления. В первом случае — продолжение рода в бездетной семье, во втором — приобретение рабочих рук. Соответственно первая форма усыновления могла осуществляться только свободным мужчиной свободных детей от свободных родителей. Связи усыновленного по первой форме со своей семьей порывались, он лишался в ней права наследования. Усыновленный без права наследования мог вернуться к своим родителям беспрепятственно. Приемные дети, не обладавшие наследственными правами, могли получить по наследству часть семейного имущества, если они работали в доме усыновителя "уже взрослыми" (ЗХ, 189).

Если говорить о наследственных правах родных детей, то традиционно наследство получали сыновья в равных долях. По САЗ старший сын мог сам выбрать наследственную долю, когда делились "дом, поле, сад, рабы, скот" и пр. Дочерям выделялось приданое.

Лишение сына наследства было чрезмерно затруднено в Вавилоне, отец не мог лишить сына наследства даже в случае нанесения ему сыном тяжкой обиды; только повторная тяжкая обида со стороны сына давала ему это право (ЗХ, 169). Дочь, не получившая приданого от отца, могла вступить в наследство после смерти отца наряду с сыновьями (ЗХ, 189). По ЗХ получала право наследования и пережившая мужа супруга, если он не подарил ей определенного имущества при жизни (ст. 172). Дарение в Вавилоне стало своеобразным эквивалентом наследования по завещанию. Дар мог предназначаться дочери в качестве приданого, сыну — для женитьбы или для последующей передачи в качестве приданого сестре, а также жене, которая могла отдать дар мужа после его смерти любому из своих детей.

Судебный процесс. Четких различий между уголовным и гражданским судопроизводством в праве не проводилось, однако уже выделился ряд правонарушений, преследование за которые государством не могло быть прекращено даже в случае примирения сторон и уплаты компенсации. Так как ростовщические операции тамкара требовали присутствия царского контролера, последний имел право привлечь тамкара к ответственности за правовые нарушения.

В большинстве случаев истец или потерпевший должен был сам доставить ответчика в суд. Розыск и арест особо опасных преступников были делом царских наместников. И истец и ответчик сами представляли суду доказательства. Так, за кражу, совершенную на территории квартала, отвечал весь квартал, который мог избежать уплаты штрафа, доказав, что "ничего не пропало" (ЗХ, 126). Еще шумерские законы знали понятия алиби, вещественного доказательства.

Важным способом доказывания были свидетельские показания, особенно если они сопровождалась клятвой, и ордалии — испытания с помощью воды и пр. Клятва могла освободить от преследования человека, "не удержавшего беглого раба", пастуха, не сохранившего стадо по не зависящим от него причинам, разрешить спор между арендатором и арендодателем о взыскании убытков, снять все обвинения с женщины, оклеветанной мужем, и пр.

Отказ от дачи клятвы в суде еще по законам Ур-Намму означал потерю спорной вещи или суммы; отказ от ордалии — признание вины. По САЗ ордалии мог подвергнуться не только обвиняемый, но и обвинитель. Ордалия здесь часто выступала как средство проверки клятвы, а отказ от нее был равносителен не только признанию вины, но и самопроклятию. Клятва давалась перед жрецами, клялись именем царей, богов, святилищ. Жрецы принимали участие в организации ордалий и в допросах (например при обвинении в чародействе (САЗ, 47, III). По ряду дел обязательно требовались письменные документы. Частноправовой документ, известный еще Шумеру, сначала удостоверял заключенную сделку. На рубеже III–II тысячелетия до н. э. документ становится необходимой частью самой сделки в силу предписания закона или договоренности сторон (необходимо отметить в этой связи, что грамотность в Вавилоне во II-I тысячелетии до н. э. при сложной и трудной для овладения системе письма не была уделом лишь избранных).

Отличительная особенность документа — его формализм, сочетавшийся с деловой краткостью. Чтобы исключить возможность внесения каких-либо изменений, правовой документ запечатывался. С целью правильного его составления издавались юридические справочники, пособия, в которых приводились практические примеры, юридическая терминология.

Судебное дело считалось законченным после выдачи судьей решения, которое он не мог изменить. Решение суда о смертной казни и членовредительных наказаниях приводилось в исполнение немедленно и публично.

Глава 7. Право Древней Индии

Источники права. Специфические черты права, отразившие особенности культурного, социально-экономического и государственного развития Древней Индии, проявились прежде всего в источниках права, среди которых особое место занимают дхармашастры — сборники религиозно-нравственных, правовых предписаний, правил (дхарм) и артхашастры — трактаты о политике и праве. Понятие дхармы многогранно. Это и религиозная добродетель, и мораль, и норма поведения, и свод правил, обязательных для каждого правоверного индуса, регламентирующих различные стороны его жизнедеятельности.

Наряду с термином дхарма в древнеиндийском праве существовало понятие "ньяя", сходное с европейским — закон, более узкое понятие, чем дхарма, обозначающее общепринятую норму поведения, нарушение которой влекло за собой наказание, применяемое государством.

Дхармашастры, составленные брахманами сначала для своих учеников, со временем были признаны не только авторитетными источниками права, но на определенном этапе даже вытеснили артхашастры, взяв из них то, что относилось к собственно праву. Включение в дхармашастры правовых тем и предписаний явилось вначале прямым следствием определения дхармы царя (раджа-дхармы) как охранителя мира и порядка.

К важной потере для исторической науки относится то, что не установлено ни полного количества дхармашастр, писавшихся и распространявшихся в Древней Индии в течение столетий, ни точного времени их появления. Они содержали материалы разного происхождения и достоверности, следы поздних вставок, многочисленных исправлений. Практически ни одна дхармашастра не может быть датирована более точно, чем в пределах двух-трех веков, ибо эти брахманские произведения строились по традиционным канонам, свойственным литературе данного жанра, комментирующей священные книги индусов — веды, с неизменными ссылками на древних мудрецов.

Старейшие дхармашастры — Гаутама, Баудхаяна, Апастамба, Васиштха, носившие название дхармасутр (сутра — нить), появились, видимо, в начале второй половины I тысячелетия до н. э. и на рубеже н. э. На их основе возникла обширная литература собственно дхармашастр — Манусмрити, или Законы Ману (II в. до н. э. — II в. н. э.) (в дальнейшем — ЗМ), джнавалкьясмрити (II–III вв. н. э.), Нарадасмрити (III–IV вв. н. э.) (Смрити — "запомненное", передаваемая по памяти традиция). Законы Ману, содержание которых чаще всего воспроизводилось в более поздних произведениях этого жанра, среди других дхармашастр занимают особое место.

Появление ЗМ и последующих дхармашастр знаменовало качественно новый этап развития правовой мысли в Древней Индии, которая стала все больше испытывать светское влияние и приспосабливаться к нуждам практического применения. Это сказалось в углублении самого понятия дхармы, трактуемой в контексте правил жизни четырех варн (а не четырех стадий жизни индуса — ашрам, одним из принципиальных положений индусской религии, философии и права является положение о четырех ступенях нравственного развития личности на пути к совершенству и духовной свободе (артха, кама, дхарма и мокша) и соответствующих этим ступеням четырех ашрамах, стадиях жизни индуса: брахма-чарии — периода учебы и самодисциплины, грихастхи — стадии хозяина (главы семьи), ванапрастхи — стадии лесной жизни аскета для очищения души от греховности и обуздания чувств и санньясы — жизни в отречении для спасения души), и в большем разнообразии, обособлении собственно правовых предписаний, входящих в раздел раджадхарма.

Если в дхармасутрах в основном рассматривались деликты-преступления против личности: убийство, прелюбодеяние, оскорбление, воровство, которые объединялись общим понятием — хим-са (нанесение ущерба, обиды личности), то в более поздних дхармашастрах

все большее внимание стало уделяться договорным и имущественным отношениям, ответственности за их нарушение (о неуплате долга, закладе, границах земельных участков, разделе наследства и пр.). Правовые нормы в этих дхармашастрах были более упорядочены, классифицированы. Начиная с ЗМ, они стали строиться на основе 18 поводов судебного разбирательства.

Первая группа поводов (норм) судебного разбирательства по ЗМ касается договорных отношений — неуплата долга, заклад, продажа чужого, участие в торговом или ином объединении, неотдача данного (VIII, 4); затем идут нормы, касающиеся неуплаты жалования, нарушения соглашения, отмены купли-продажи, спора хозяина с пастухом (VIII, 5). Следующая группа носит иную направленность. От обязательственных отношений составитель переходит к конкретным деликтам-преступлениям. Это споры о границе (земельных участков), клевета и оскорбление действием, кража, убийство, насилие и прелюбодеяние (ЗМ, VIII, 6). Все эти деяния, а также потрава скотом урожая, ранее других были закреплены в дхармашастрах, составив ядро древнеиндийского деликтного права. Они входили в понятие вреда, нанесенного личности человека (химса).

Последующие поводы судебного разбирательства, ассоциативно связанные с предыдущими, касались нарушения норм брачно-семейного и наследственного права (VIII, 7), а также азартных игр, приравниваемых к преступлениям. Таким образом, имеющая внутреннюю логику система изложения норм в шастрах в соответствии с 18 поводами судебного разбирательства значительно отличалась от современной отраслевой системы, ибо здесь нельзя разделить нормы гражданского и уголовного права и пр.

Другой известной дхармашастрой стала Яджнавалкья. Рассматривая правовые нормы в соответствии с 18-членной системой ЗМ, Яджнавалкья (в дальнейшем — Ядж.) значительно больше внимания уделяет процессуальным нормам, формулирует ряд правовых принципов, например о приоритетных средствах доказывания в суде, состоящих из документов пользования вещью и свидетельских показаний, о необходимости судебной проверки фактов, относящихся к рассматриваемой тяжбе. Она оперирует понятием "тяжкое правонарушение", выделяет преступления против царя, требует беспристрастности судей и пр.

Нарадсмрити предстает законченным юридическим произведением, целиком посвященным вопросам права, которое свидетельствует о достаточно высоком уровне развития правовой культуры. Составитель Наряды отходит от указаний на конкретные наказания по каждому виду преступления, ограничиваясь абстрактными рекомендациями в форме: "заслуживает штрафа", "пусть его накажет царь или судья", отсылая в большинстве случаев к обычаю, к признанным на местах нормам обычного права. Это обстоятельство — явный признак сугубо практического назначения данной дхармашастры.

При большом разнообразии дхармашастр можно увидеть глубокое сходство между ними, взаимовлияние, взаимозависимость, текстуальное совпадение, а главное — единство религиозно-философских концепций, принципов, на которых они основывались. Это прежде всего понятие самой дхармы, закрепление неравенства варн, особого значения ритуала, ритуальной чистоты и нечистоты индуса, системы искупления с целью очищения, в том числе и за совершенные преступления.

К этим концепциям относится и традиционный религиозный взгляд на источники права Древней Индии, согласно которому все его содержание, границы действия норм предопределены ведами — священными источниками "всех знаний". Отсюда делается вывод, что между дхармашастрами не может быть противоречий. Если же они выявляются, а их в действительности было множество, то они должны быть разрешены соответствующим толкованием. "Когда имеются противоречия в двух отрывках священного откровения, они оба... объявлены правильной дхармой", — записано в ЗМ (III, 14).

Особое место среди источников права Древней Индии на определенном этапе ее истории занимала литература чисто светского жанра, относящаяся к науке политики, — артахашастры. Одно из таких произведений, дошедших до нас, представляет собой научный трактат об искусстве политики и управления государством, предписываемый Каутилье,

советнику царя из династии Маурьев Чандрагупты (конец IV в. до н. э.). В этом произведении (по уточненным данным относящемся к рубежу I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э.) содержатся обширные сведения, имеющие прикладной, деловой смысл: об администрации и финансах Древней Индии, судопроизводстве, организации суда, преступлениях и наказаниях.

Главное содержание Артхашастры (в дальнейшем — Арт.) - рассмотрение дхармы царя, внутренней и внешней политики, в центре внимания которой стоит понятие государственной выгоды, пользы (артхи), отодвигающей на второй план и религиозную мораль, и греховность правонарушения, и необходимость религиозного искупления.

Эта кшатрийская литература опиралась, видимо, на другую предшествующую ей литературу практического характера, а также на нормы царского законодательства. Об этом свидетельствуют содержащиеся в Арт. сведения о хранящихся в государственном архиве записях обычаев отдельных мест, общин, каст, копиях царских указов, а также о специальной "науке о поимке воров" и руководстве по организации "пытков, наказаний, сопряженных с истязаниями" (Арт., IV, 11(26) в Арт. римскими цифрами обозначаются номера книги, арабскими — главы и в скобках — статьи).

Важное значение для изучения права имеет книга III Арт. — "Область деятельности суда", логически связанная с книгой IV "О поддержании общественного порядка". В III книге легко найти отражение 18 поводов судебного разбирательства, известных дхармашастрам, но в ней более полно представлена картина правовой системы страны. Здесь в логико-тематической последовательности рассматриваются вопросы, касающиеся судебного процесса, брака, наследования, собственности, обязательственного права и пр.

Дхармашастры признают неортодоксальную артхашастру в качестве источника права. Вместе с тем в Ядж. (II, 21) подчеркивается, "что дхармашастра имеет большее значение, чем артхашастра". Уже в этих положениях нашел отражение процесс постепенного изменения роли Арт. в судопроизводстве, которая стала все больше уступать место дхармашастрам, активно заимствующим ее правовые нормы и положения. Эти же процессы привели, видимо, в начале I тысячелетия н. э. к прекращению дальнейшего развития литературного жанра артхашастр, в котором Артхашастра, приписываемая Каутилье, являлась последним, обобщающим произведением.

Одновременное появление двух традиционных жанров в правовой литературе было связано с историческими особенностями развития Древней Индии, с той же слабостью государственной власти, автономностью общин, особым положением в социальной структуре варны брахманов. Оно демонстрирует развитие права в Древней Индии как бы двух уровней: государственного (артхашастра) и общинного (дхармашастра). Сами же юридические трактаты, развивающиеся в одной и той же культурной среде, за счет отбора и включения в свои тексты многочисленных обычаев тесно взаимодействовали друг с другом, о чем свидетельствует сходство их многих положений.

Как бы ни было велико значение писаных памятников права в Древней Индии, следует отметить, что на всех этапах развития страны за обычаем признавалась роль его приоритетного источника. В дхармашастрах содержатся отсылки к обычаю и в общей декларативной форме, и по конкретным нормам права.

Обычай (ачара, адачара и пр.) трактовался в плане поведения "добрых, благоразумных людей" в соответствии с моралью, общественной пользой. Постепенно под влиянием ряда факторов, в частности непрекращающегося воздействия на общинно-кастовую систему соседствующего с индийскими общинами первобытного окружения, установилась практика, что не только одобренный брахманом обычай, но и всякий другой (в том числе обычай шудр и лиц, имеющих смешанное происхождение, а также жителей завоеванных стран) мог признаваться в царских судах.

На отдельных этапах эволюции правовой системы Древней Индии менялось отношение к царскому узаконению, повелению (эдикту) как источнику права. Ранние дхармашастры (дхармасутры), такие как Гаутам, Васишхта, не говорят о законодательных полномочиях

царей и объявляют дхармой правителя лишь наказание преступников и суд над ними в соответствии с положениями "священного закона". В этих дхармасутрах нет свидетельств о вмешательстве царей в деятельность общинных судов. Иначе решается вопрос в "светской" Артхашастре. Здесь эдиктам царей отводится большая сила, чем дхармашастрам. Одна из особенностей поздней из дхармашастр — Нарады в том, что согласно ее предписаниям (XVIII, 24, 25) царские повеления превосходят любые положения смрити. Вместе с тем в Нараде указано, что по мере возможности эдикты царя не должны нарушать фундаментальных принципов и правил, которые содержатся в дхармашастрах.

Регулирование имущественных отношений. Шастры свидетельствуют, с одной стороны, об имущественном расслоении в Древней Индии, а с другой — о довольно строгом сохранении общинных, кастовых, патриархальных, большесемейных связей. В общинном землевладении находились пастбища, ирригационные сооружения, дороги и пр. Нормы древнеиндийского права охраняют земельные права общин, деревень, селений, которые имели почти неограниченное право распоряжения землей: продавать, сдавать в аренду, дарить, в частности — храмам.

Частное крестьянское землевладение также было связано с широкими правомочиями: продажей, сдачей в аренду, дарением земли и пр. Об этом свидетельствуют те положения шастр (ЗМ, VIII, 248–266 и др.; Арт., III, 8–9 и др.), которые посвящены спорам между общинами, общинниками-крестьянами о границах земельных участков, межевых знаках, колодцах, каналах и др.

Широкие полномочия общинника-земледела были, однако, ограничены в интересах упрочения общинных связей. Так, собственник не мог свободно продавать землю, ибо сохранялось преимущественное право ее покупки за родственниками или соседями, не мог забросить и не обрабатывать принадлежащий ему участок (Арт., III, 9(1), 10, (1-12) и др.).

Судя по всему, понятие собственности сложилось в Индии еще в первой трети I тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствует изменение смысла таких слов, как "агама" и "прамана", используемых в древнеиндийской литературе. "Агама" (от простого присвоения, приобретения имущества) получила смысл титула собственности, поддающейся измерению и исчислению, а также смысл триады доказательств собственнических прав: документа, свидетельских показаний и пользования вещью. В Яджнавалькье, например, титул собственности становится выше пользования, за исключением прав, проистекающих от предков. "Пользование сына или внука превалирует над титулом собственности" — записано здесь (Ядж., II, 27, 28).

О сложившемся понятии собственности, в отличие от пользования вещью, свидетельствует и появление в дхармашастрах, например в ЗМ, норм о сроках давности пользования, владения вещью, влекущих за собой превращение владения в собственность. Этот срок по ЗМ составляет 10 лет (VIII, 147). Арт. уже различает сроки давности для движимого и недвижимого имущества, соответственно определяя их в 10 и 20 лет, предусматривая при этом и исключения в отношении собственности, принадлежащей детям, слабоумным, больным, бедствующим, царю и брахману — знатоку веды. Не распространялось правило давности на залог и вклад (ЗМ, VIII, 148, 149). Право собственности утрачивалось на оросительное сооружение, если оно бездействовало 5 лет (Арт., III, 9 (32)). Предписания шастр направлены на всемерную охрану недвижимости — дома, поля, которые Нарада называет двумя основами существования домохозяина.

Вместе с тем шастры свидетельствуют о верховных собственнических правах правителя на землю, или его власти-собственности. Правитель, царь выступает как бы третьей стороной в поземельных отношениях. Так, Нарада рекомендует царю, имеющему право на получение налога, не подрывать "корень домохозяйства, ибо, когда имеет место процветание сельской местности, увеличиваются религиозные заслуги царя..." (Нар., XI, 43).

Цена за землю была фиксирована, но не возбранялась при этом надбавка, которая шла не продавцу, а вместе с налогом в казну. В спорах по поводу поля участвовали соседи, а также городские и сельские старейшины. Если не было людей, знающих границы поля, сам

царь проводил ее по своему разумению. Если же в споре обе стороны ложно заявляли о своих правах, он мог взять землю как лишенную хозяина. Особая заинтересованность казны в обработке земли, и тем самым в получении налога, проявлялась и в предоставлении возможности каждому человеку обработать любое заброшенное поле.

В характерной семизначной манере ЗМ четко закрепляют законные способы приобретения имущества: путем передачи вещи по наследству, получения ее в дар, покупки, завоевания, ростовщичества, исполнения работы, а также получения милостыни (X,115). Наследственно-профессиональный принцип деления на варны проявился при этом и в представлении о законных способах приобретения собственности. Если первые три способа, как записано в ЗМ, были доступны для всех, то четвертый — только для кшатриев, пятый и шестой — для вайшиев, седьмой же был привилегией брахманов. Этот идеальный порядок часто не отражал реального положения представителей отдельных варн.

Больше половины из 18 поводов судебного разбирательства, указанных в шастрах, занимают нормы, касающиеся обязательств, договоров: займа, найма, купли-продажи, хранения (вклада) и др. При этом предусматриваются гарантии исполнения договоров — залог (заклад), поручительство. При трактовке договорных отношений формулируются и некоторые общие принципы. В специальной главе Арт. (III, 1) — "Установление о сделках" — перечисляются, например, условия, каким должен отвечать правомерный договор, указывается его форма. Заключался договор письменно, с указанием точного времени, места совершения сделки, местожительства, рода, касты и пр. сторон и поручителей.

Сделки считались недействительными, если заключались тайно, без свидетелей, путем обмана или насилия, пьяным или безумным человеком, находившимся в состоянии гнева, горя, а также стариком, ребенком, уродом (ЗМ, VIII, 163–165; Арт., III, 1). Была ограничена также дееспособность женщин, несамостоятельных членов больших неразделенных семей (сына, зависящего от отца, отца, зависящего от сына, брата, не имеющего семьи, и др.). Неправомерные сделки не только считались недействительными, но и наказывались штрафом. Строгие формальности ослаблялись, если сделки были связаны с царским поручением, с охраной государственной тайны или заключались лицами, ведущими бродячий образ жизни: охотниками, пастухами, артистами и пр. (для которых совершение формальностей было затруднительным). Детально разработан в шастрах договор займа, который скреплялся, как правило, распиской (Ядж., II, 93).

В соответствующих положениях шастр нашел отражение весь многовековой путь развития этого института. С одной стороны, нормы, касающиеся займа, свидетельствовали о расцвете ростовщичества, взимании высоких процентов (традиционное правило допускало двойное увеличение суммы долга за счет начисления процентов); с другой — о сохранении первобытных элементов самоуправства, расправы. Кредитору фактически предоставлялись неограниченные возможности для получения задолженности (с помощью хитрости, принуждения, путем осады дома, захвата животных или сыновей должника, а также силы, "когда кредитор, схватив должника, приводит его в свой дом и держит моря голодом и избивая его до тех пор, пока тот не заплатит долга"). При этом ЗМ прямо предписывают царю штрафовать должника, жалующегося на кредитора, добивающегося уплаты долга по "произволу".

В главе I Наряды — "Невозвращение долга" — изложен ряд общих правил, касающихся таких споров: "где наследство — там долг", "долг женщины не падает на мужа", "женщина — имущество мужа, даже покойного, отсюда правило: ее сожителю после смерти мужа должен вернуть его долги", "долговые отношения связывают и человека, обещавшего дар" и пр.

Размер процентов по долгам различался в зависимости от того, в каком количестве и что было взято взаймы: деньги, зерно и пр., к какой варне принадлежал должник. Для шудры он был больше, согласно Ядж., чем для брахмана. Попытки фиксации процентов по долгам, направленные на предотвращение полного разорения земледельцев, плательщиков налога,

вряд ли были эффективны, так как они наталкивались на действие разнообразных норм местного обычного права. Арт., ограничивая ростовщический процент, признает тщетность этих попыток в государстве (Арт., III, 11 (3)). В интересах слабого была предусмотрена не только фиксация процентов, но и декларативное запрещение злоупотреблений со стороны кредитора при получении долга, прекращение роста процентов по долгам в случае болезни, обучения, несовершеннолетия должника и пр. (Арт., III, 10, 11 и др.).

Особо оговаривались в Арт. обязательства по выплате долгов мужа женой и наоборот, что свидетельствует о признании за женщиной больших прав, чем по дхармашастрам. Она не привлекалась к выплате долгов мужа, если не принимала их на себя, а муж, вопреки общему правилу, мог привлекаться к выплате долгов жены, если уехал, не обеспечив ее средствами существования (Арт., III, 11 (23–24)).

Многовековой практикой были установлены нормы оплаты труда работника — 1/10 часть урожая, но они, как правило, не соблюдались из-за его зависимости. Он вынужден был отказываться от остатков личной свободы, становясь рабом "за содержание".

Наемный труд презирался высшими варнами, не случайно в ЗМ (примечание к шлоке 4, гл. IV) услужение характеризуется как "собачий образ жизни", а брахману всячески рекомендуется избегать его. Крайне тяжелы были и условия личного найма. Наемный работник, не выполнивший работу, подвергался штрафу (ЗМ, VIII, 215), ему не выплачивалась наемная плата, даже если он был болен и работа в связи с этим была немного не законченной (ЗМ, VIII, 217).

В то же время в шастрах специально предусматривалась в качестве повода для судебного разбирательства невыплата жалованья пастуху, торговцу, возчику, плата проститутке, которые могли быть возмещены через суд в двойном размере.

Подробно рассматривались в шастрах договоры хранения (вклад), товарищества, поручительства и купли-продажи. В них предусматривалось освобождение от ответственности хранителя вклада, если он был потерян в результате стихийного бедствия, а также "вмешательства царя, бога или воров" (Ядж., II, 65).

Для договора купли-продажи характерным было то, что кастовые барьеры накладывали ряд ограничений на возможность заниматься торговлей, особенно представителям высших варн (ЗМ, X, 85). Самопродажа и продажа родственников в рабство влекла за собой изгнание из касты (ЗМ, XI, 60–62).

Относительно слабое развитие товарно-денежных отношений отразилось на некоторой нестабильности договора купли-продажи, который, согласно ранним дхармашастрам, мог быть расторгнут в любое время, по ЗМ — в течение 10 дней. Не чем иным как стремлением упорядочить торговые отношения стало выделение в поздних шастрах таких поводов судебного разбирательства, как непередача проданного или отказ от купленного.

Расторгнуть договор купли-продажи, согласно Нараде, можно было в тот же день, на второй день — с уплатой неустойки. В Арт. отказу от проданного или купленного как поводу судебного разбирательства была посвящена целая глава. Характерно, что в этой же главе рассматривались и вопросы отказа от заключенного брака, в частности, при выявлении недостатков у жениха или невесты. Особо оговаривались сроки расторжения сделок о продаже животных (1,5 месяца) и людей (1 год) (Арт., III, 15 (17,18)).

Преступления и наказания. Тесная связь права с религией и моралью определила главную характерную черту древнеиндийского права, проявившуюся в отсутствии четкой дифференциации преступлений и грехов. В основу их разграничения в ЗМ положен не характер самого правонарушения, а наказание за него. В одном случае это штраф, телесное наказание, в другом — искупление.

Так, к великим грехам в ЗМ отнесены такие деяния, которые влекли за собой ритуальную нечистоту виновного и необходимость тяжелого искупления, в частности убийство брахмана, пьянство, кража, прелюбодеяние с женой гуру (учителя), а также сообщество с таким грешником (ЗМ, XI, 55). Эти же деяния отнесены в другой главе (IX, 235) к разряду деликтов-преступлений, следствием которых являлось наказание вплоть до

лишения всей собственности и изгнания из страны. Характерно, что такой великий грех, как сообщество с великим грешником не был отнесен к числу преступлений.

Само понятие преступления можно применять лишь условно при характеристике права древнего мира, ибо в это время не проводилось еще четких различий между частноправовым правонарушением (деликтом) и преступлением. В Арт. (III, 16) положения о продаже несобственником и невозвращении долга даны в логической связи и трактовались в понимании ущерба, наказуемого штрафом (Арт., III, 16 (2)). Правда, Ядж. оперирует понятием тяжкого проступка — преступления, исключаящего отсрочку для ответчика дачи показаний на заявление истца — потерпевшего.

Шастры при рассмотрении конкретных преступлений исходят из неких общих понятий, принципов: из признания форм вины (умысел или неосторожность), необходимой обороны, рецидива, соучастия, обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказания, и пр. Так, хозяин не отвечал за нахождение в его доме чужой женщины, если не знал об этом или если она находилась там вопреки его воле (Арт., III, 4, (8)). Убийца освобождался от наказания, если убил, защищая себя, при охране жертвенных даров и при защите женщин и брахманов (ЗМ, VIII, 349). При этом не имело значения, был ли убит гуру, ребенок, престарелый или даже брахман, весьма ученый в ведах (ЗМ, VIII, 350). Подстрекатели к грабежу наказывались (Арт., III, 17, (11) двойным штрафом. Как смягчающее обстоятельство учитывалось при оскорблении словом или действием отсутствие умысла, состояние преступника, находившегося в опьянении, умопомрачении и пр. (Арт., III, 18(10); 17(14)).

Учитывалось иногда, что преступник действовал не по своей воле, а по прямому указанию лица, от которого зависел. Штраф, налагаемый на него, был в этом случае вдвое меньше штрафа, налагаемого на подстрекателя. Смягчающими обстоятельствами признавались беда или несчастье, постигшее преступника.

Обстоятельствами, отягчающими ответственность, признавались групповой характер преступления (Арт., III, 19(16)), рецидив и пр. При вынесении наказания, как во всем древневосточном праве; учитывался личный статус преступника и потерпевшего, пол, возраст, варна, родственные связи сторон. Как правило, более высокий варновый статус преступника смягчал его ответственность, более высокий варновый статус потерпевшего — отягчал ее, кроме воровства, когда действовал обратный принцип. По ЗМ на брахмана в этом случае накладывался больший штраф, чем на шудру. Оскорбление жены наказывалось, например, вдвое меньшим штрафом, чем оскорбление чужой женщины (Арт., III, 18(5)). Особо наказывались преступления, затрагивающие интересы царя и храма. Так, например, ЗМ предписывают казнить без промедления взламывающих царский склад, арсенал или храм (VIII, 280).

Отсутствие сколько-нибудь полного перечня так называемых государственных преступлений — характерная черта древневосточного права. Но даже это свидетельствует о том, что право выделяло их. Нарада, например, предусматривала тяжкое наказание за незаконное ношение оружия с "вражескими" намерениями. Арт. (III, 18(12)) определяет самый высокий штраф за поношение своей страны или деревни. Если неповиновение приказу главы деревни наказывалось штрафом (Арт., III, 16(39–40)), то можно предположить, как тяжело наказывалось неповиновение приказу царя. Иногда суд рассматривал как оскорбление действием нанесение ущерба общественно значимым объектам и царской собственности (Арт., III, 19(30)).

Выделялись и правонарушения, носящие характер святотатства, и должностные преступления. К первым относилось, например, такое деяние, как поношение богов и святых (Арт., III, 18(12)), заклад священного водоема (Арт., III, 10(2)), ко вторым — мздоимство служащих царя, их злоупотребления, составление ложных приказов и пр. (ЗМ, IX, 231–232).

Большая группа норм, входящих в общее понятие "насилие", касается преступлений против личности. Среди них первое место занимает убийство, влекущее за собой смерть преступника. "Убийство убийцы — открытое или тайное — никогда не является для

убивающего грехом" — провозглашено в ЗМ (VIII, 351). Самым тяжким преступлением считалось убийство брахмана, сам же брахман не мог быть наказан смертной казнью даже за убийство. В этом случае он изгонялся из страны. Телесные повреждения рассматривались в шастрах в контексте оскорблений действием, к числу которых Арт. относил, например, прикосновение, замахивание, удар (Арт., III, 19(1)). Наказание штрафом за оскорбление действием варьировалось в зависимости от последствий: было ли избивание с кровью или без крови или "почти до смерти", была ли сломана рука или нога, выбиты зубы, отрезаны уши, нос, потерял ли потерпевший способность говорить, двигаться, принимать пищу. В последнем случае наряду со штрафом требовалось возмещение расходов на лечение (Арт., III, 19(12)). Групповые побои влекли удвоенную сумму штрафа для каждого преступника.

К оскорблению словом Арт. (III, 18(1)) относил "поношение, посрамление и угрозу", при этом учитывался прямой и тайный смысл оскорбительного слова, а также соответствовало ли оно действительности, например, при оскорблении умалишенным, прокаженным. С этой целью привлекались показания врачей, близких людей.

Как и жизнь, достоинство людей в шастрах расценивалось в зависимости от сословно-варновой принадлежности. Если оскорбление словом или действием равного себе по положению или представителя низшей варны наказывалось, как правило, штрафом (ЗМ, VIII, 276, 268 и др.), то такое же преступление шудры в отношении дважды рожденных влекло за собой телесное наказание, внушающее трепет, — отрезание языка, губ, рук, ноги, кастрацию (ЗМ, VIII, 270–280). "Ту часть тела, какой шудра ударит брахмана, — провозглашает Арт. (III, 19(8)), — следует у него отрубить". Характерно, что в одном ряду с оскорблением действием в Арт. рассматривается и повреждение чужой вещи, и нанесение ударов чужому скоту (III, 19(23,26,27)).

Прелюбодеяние было одним из первых известных шастрам великих грехов и тяжких преступлений. В ЗМ нормы о прелюбодеянии идут вслед за убийством. "Людей, домогающихся чужих жен, царю следует изгонять, подвергать наказанию, внушающему трепет" — гласит правило ЗМ (VIII, 352). Все виновные в прелюбодеянии (которому в шастрах дается очень широкая трактовка, включающая, в частности, тайную беседу с чужой женой, услужливость, заигрывание с ней, прикосновение к ее одежде и украшениям и пр.) подлежат смертной казни. Характерно, что проституция жены с согласия мужа не наказывалась (ЗМ, VIII, 362; Нарада, I, 183 и др.). Шастры не проводят различий между прелюбодеянием и изнасилованием (лишение чести девушки против ее воли) (ЗМ, VIII, 364). Это преступление влекло за собой телесное наказание, отрезание пальцев, если преступник был не равен по положению с потерпевшей. Равный по положению отделялся высоким штрафом. Неверную жену, "обнаглевшую вследствие знатности родственников", ЗМ рекомендовали затравливать собаками (VIII, 371), а ее сожителя сжигать на раскаленном железном ложе. Наказывался мужчина за преступное сожительство со свободной женщиной, при этом учитывалось ее социальное положение и была ли она охраняема или нет. Если шудра сожительствовал с женщиной из высшей варны, он подлежал кастрации.

Значительное место в шастрах занимали и имущественные преступления — кража, грабеж, которые рассматривались как однопорядковые явления с преступлениями против личности, клеветой, прелюбодеянием, ибо имущество в правосознании древнего индуса являлось как бы продолжением личности, было неразрывно связано с нею.

В имущественном плане рассматривалось, например, положение женщины и жены. Отсюда частые ассоциации в дхармашастрах прелюбодеяния и потравы поля (женщина считалась воплощением поля, мужчина — семенами) (ЗМ, IX, 32–33). Характерно, что Яджнавалкья под тяжким преступлением понимает смертоубийство, а также уничтожение чужого имущества. В полном соответствии с этой логикой "светская" Арт. (книга III, гл. 19) под единой рубрикой "Оскорбление действием" помещает правовые нормы, касающиеся оскорбления словом или действием, нанесения телесных повреждений, убийства, кражи, повреждения чужой вещи (в том числе деревьев), нанесения ударов и ран чужому скоту и пр.

В шастрах проводятся, однако, четкие различия между грабежом, или

насильственными действиями присвоения вещи в присутствии собственника, и кражей — в отсутствие собственника, к которой приравнивалось отрицание получения чужой вещи на хранение и пр. (Арт., III, 17, (1,2)). Наказание варьировалось в зависимости от стоимости похищенного и варновой принадлежности преступника.

"Собирание корней, плодов от деревьев, дров для огня и травы для корма скота" не считалось преступлением (ЗМ, VIII, 339,341).

Захват (грабеж) наиболее ценного имущества: крупного рогатого скота, людей, домов, золота, по Арт. (III, 17(19)), влек за собой крупный штраф. По ЗМ похищение "родовитых людей, особенно женщин, так же как и лучших драгоценных камней" наказывалось смертной казнью, захват же коров — отсечением половины ноги (ЗМ, VIII, 323–324).

Из этого, как и из других примеров, можно сделать вывод, что предписания Арт. носили в ряде случаев более гуманный характер. Объясняется это видимо тем, что наказания, предусматриваемые Арт., имели более действенный характер, чем в дхармашастрах, главной целью составителей которых было не строгое применение предписаний о наказаниях, а предупреждение, предостережение преступника о тех тяжких последствиях (часто самых невероятных), которые его ждут. Угрозы излагались в ЗМ даже в самой общей, декларативной форме, не сопряженной с конкретной санкцией.

Исчерпывающего перечня наказаний в шастрах нет. В ЗМ (VI–II, 310) царю предписывалось обуздывать беззаконие тремя мерами: заточением, заковыванием в цепи и различными видами телесных наказаний. В другом месте в перечень наказаний (ЗМ, VIII, 129) вошли замечание, выговор, штраф, телесное наказание смертная казнь. Но в нем не упоминаются ни позорящие наказания: клеймение, обречение головы и пр., ни изгнание из страны, касты, семьи, которые в действительности применялись, о чем свидетельствуют другие шлоки.

В ЗМ различается простая (отрубание головы) и квалифицированная (сажание на кол, утопление и пр.) смертная казнь (IX, 279), которая в ряде случаев могла быть заменена уплатой высшего штрафа, т. е. 1000 пан (средний штраф — 500 пан, низший — 250 пан), что ставило в неравное положение бедного и богатого преступника. К брахманам смертная казнь не применялась, к ней приравнивалась своеобразная гражданская смерть, связанная с публичным оглашением, клеймением, изгнанием из касты и страны. Клеймение применялось и к представителям других варн вместе с телесным наказанием и денежными штрафами (ЗМ, IX, 236, 237).

Регулирование брачно-семейных отношений. Брачно-семейным и наследственным отношениям — "вечным дхармам мужа и жены" — посвящен в шастрах ряд глав, в ЗМ в основном главы III, IX, в Арт. — главы 3–7 книги III.

Все предписания "о дхарме мужа и жены" свидетельствуют о приниженном, подчиненном положении женщины в древнеиндийском обществе, в сохранившихся здесь еще в незыблемом виде больших, неразделенных патриархальных семьях-кланах, в которых глава семьи обладал огромной, почти неограниченной властью. В сфере семейных отношений наиболее отчетливо проявилось влияние социокультурных традиций, норм обычного права. Об этом свидетельствует указание на восемь разноречивых форм брака, которые были распространены в Индии и которые шастры не могли не учитывать. Первые четыре, поощряемые брахманами, сводились в основном к выдаче отцом замуж дочери, "наделенной драгоценностями" (с определенным приданым). Такова, например, форма, носящая название "брахма" (ЗМ, III, 27), которая вместе с тремя последующими ("дайва", "арша", "праджапатья") противопоставляется браку "асура" — покупке невесты, признаваемому, но порицаемому наряду с браками по любви, без согласия отца и матери ("пандхарва"), с похищением невесты ("ракшаса") и с насилием над ней ("пайшача"). Все эти формы сводились в результате к покупке невесты, будущей работницы в семье. Не случайно в шастрах первые четыре формы супружества предписывались брахманам и кшатриям, вайшию и шудре предписывался брачный союз с выкупом невесты. Брак с похищением невесты, заканчивающийся, видимо, тем же выкупом, входящий в прямое противоречие с

другими его формами, — явный пережиток первобытного общества.

Таких противоречий, вызванных включением архаичных норм обычного права, в шастрах было множество. Провозглашение, например, дневной и ночной зависимости женщины от мужчин (отца — в детстве, мужа — в молодости, сына — в старости) (ЗМ, IX, 2,3), соседствовало с утверждением, что мать превосходит почтенностью отца в тысячу раз (ЗМ, II, 145). В ЗМ можно найти следы полиандрии, когда братья имели одну жену, ребенок которой считался сыном всех братьев (IX, 182).

Главным назначением женщины считалось рождение и воспитание детей, прежде всего сыновей, на которых падала обязанность совершать поминальные обряды по умершим предкам. Потомство, как и скот, признавалось основным видом богатства. В силу этого законным отцом ребенка считался муж матери независимо от того, кто им был фактически. Женщина в данном случае приравнивалась к домашним животным, рабыням, потомство которых принадлежало хозяину (ЗМ, IX, 52–55). Допускалась также, хотя и считалась грехом, продажа жены и детей (ЗМ, XI, 69). Продажа сыновей не влекла, как правило, обращения их в рабов. Подаренные и проданные в крайних обстоятельствах сыновья (видимо, в бездетные семьи) получали все права прямых родственников в новых семьях. Жена считалась не только собственностью мужа, она составляла как бы часть его самого. Не случайно даже проданная жена не освобождалась от мужа (ЗМ, IX, 46), а право на нее в представлении древнего индийца сохранялось и за умершим мужем. Традиционные установки, пережившие века, лежали и в основе запрещения повторных браков вдов (ЗМ, IX, 64) и обычая самосожжения вдов на погребении своего мужа ("сати").

В случае смерти бездетного мужа жена должна была по требованию его родственников родить сына от деверя или другого близкого человека (ЗМ, IX, 57–65), хотя эта архаичная норма обычного права также лишь допускалась, но не поощрялась и называлась в ЗМ дхармой, "свойственной животным" (IX, 66). Не поощрялось и многоженство мужчин. Но муж мог привести в дом другую жену, если первая не отличалась добродетелью, была привержена к пьянству, была злобна или расточительна (ЗМ, IX, 80).

Обязанность жены — послушание и уважение мужа. "Если жена не рождает детей, может быть взята другая жена на восьмом году, если рождает детей мертвыми — на десятом, если рождает только девочек — на одиннадцатом, но если говорит грубо — немедленно" — записано в ЗМ (IX, 81). Штраф женщине, непристойно ведущей себя, мог быть заменен поркой розгами на торговой площади. Это наказание усугублялось тем, что пороть женщину должен был чандал (неприкасаемый) (Арт., III, 3, (27–28)).

Условия вступления в брак не запрещали (ЗМ, IX, 88), а скорее поощряли супружество несовершеннолетних, хотя Арт. (III, 3(1)) устанавливала для женщин возраст брачного совершеннолетия 12 лет и 16 лет — для мужчин (это социальное зло (браки несовершеннолетних), связанное с религиозными установками, не изжито в Индии до настоящего времени).

Межварновые браки не поощрялись, но допускались, когда муж принадлежал к более высокой варне, чем жена (анулома), но строго запрещались браки женщин из высших варн с мужчинами низших варн (пратилома).

В полном соответствии с принципами индуизма развод запрещался дхармашастрами, но разрешался Арт., если супруги ненавидели друг друга или вследствие жестокого обращения одного с другим (III, 3 (15–17)). Арт., вопреки запретам дхармашастр, допускала и повторный брак вдов. Шастры, как правило, исключали женщин из списка наследников семейной собственности, так же как и изгоев, больных, калек, слабоумных и пр., утверждали неравенство наследственных прав детей, рожденных от жен различных варн. Так, сын шудры и дважды рожденного не получал наследства, кроме того, что давал ему отец (ЗМ, IX, 155).

Необходимо отметить, что правила наследования имущества умершего шудры были менее строгими, допускали, например, к наследованию даже сына, рожденного от рабыни, если он был признан своим отцом (ЗМ, IX, 179). Лица, лишенные наследства, могли рассчитывать

только на помощь в пропитании со стороны наследников. Особая собственность женщин (стридхана) после ее смерти могла переходить по наследству всем детям, в том числе и дочерям.

Судебный процесс. Судопроизводство подробно описывается как в Арт., так и в поздних дхармашастрах, причем правила обвинительного по своему характеру процесса и по уголовным, и по гражданским делам в основном совпадали. Судебное дело начиналось с подачи искового заявления и показаний в суде истца, затем ответчика (Арт., III, 1 (17)). В зависимости от характера дела каждая из сторон выставляла поручителей, гарантирующих исполнение решения суда (в основном по долговым обязательствам). Ответчик при этом не имел права выдвигать встречного иска (обвинения), за исключением случаев рассмотрения дела о ссорах, кражах, соглашениях торговцев. Рассмотрение прекращалось, если ответчик признавал свою вину, в противном случае ему давалась отсрочка для ответа: первый раз от 3 до 7 дней, второй (с целью поиска новых доказательств) — полтора месяца. Истец должен был доказательно оспорить показания ответчика в тот же день, в противном случае он подлежал штрафу (Арт., III, 1 (17,27 и др.)). Бегство и истца, и ответчика от суда было равнозначно признанию вины.

Публичная состязательность, как необходимое условие ведения дел, усиливалась правом истца и ответчика биться об заклад, который выплачивался проигравшей стороной определенной суммой царю.

Значительное внимание в шастрах уделяется требованиям, предъявляемым к надежным свидетельским показаниям (ЗМ, VIII, 68, 69, 72; Арт., III, 11 (25–33)). Действовал общий принцип: свидетель должен быть равным по социальному статусу той стороне в процессе, относительно которой он дает показания. Это требование ослаблялось лишь в случае тяжких преступлений (воровство, насилие и пр.), когда свидетели не проверялись слишком тщательно (ЗМ, VIII, 72).

Только при отсутствии надлежащих свидетелей разрешалось принимать свидетельства ребенка, старика, ученика (в отношении учителя), родственника, раба и женщины (ЗМ, VIII, 70, 71 и др.). К этому перечню Арт. добавляет больных, лиц, исключенных из каст, неприкасаемых, лишенных органов чувств, если это были не тяжбы "подобных им" (III, 11(30)). Лжесвидетельство считалось преступлением, наказываемым иногда штрафом, равным десятикратной сумме иска, или изгнанием из страны (Арт., III, 11(45)). Предписывался также специальный ритуал приведения к присяге свидетеля. Арт. признает и доказательства, добытые "обманным путем".

С древнейших времен применялся суд божий — ордалий. Подробно пять великих ордалий (весами, огнем, водой, простой и священной, и ядом) описываются в Ядж. Но к ним можно было прибегать, во-первых, по согласию сторон, во-вторых, при отсутствии авторитетных доказательств — документов, свидетельских показаний, факта пользования вещью и, в-третьих, публично.

По мере того как в шастрах все больше внимания стало уделяться имущественным отношениям, возрастала роль документов как надежного способа доказывания. В поздних шастрах проводится их классификация, регламентируется порядок составления, особенно договоров займа (Ядж., II, 84–94; Нар., I, 134–146).

В Арт. заметен некоторый отход от состязательного характера судебного процесса. Об этом свидетельствуют и усиление в судопроизводстве роли органов власти, царя, который обязывался, в частности, вызвать ответчика в суд, если сам истец был не в состоянии сделать это, и возможность применения пыток.

Глава 8. Право Древнего Китая

Ни одна правовая система в мире не испытала столь мощного влияния двух противоборствующих философских учений, как правовая система Древнего Китая, в истории которой этико-политические догматы конфуцианства и политико-правовые концепции

легизма стали определяющими факторами самого поступательного развития права, его идейных основ, принципов и институтов, а также механизмов правоприменения, традиционного правопонимания китайцев.

Общей чертой этих двух древнекитайских школ была их политическая направленность, стремление организовать жизнь китайского общества на "рациональных", "справедливых" началах, но понимаемых каждой школой по-разному. Это привело к острой борьбе между ними, закончившейся в результате компромиссом.

В развитии древнекитайского права можно выделить три этапа. На первом этапе в шаньско-иньском и раннечжоусском Китае в регулировании общественных отношений главную роль играли этические нормы (ли), определяющие отношение членов китайского общества к правителю — вану и внутрисемейные отношения. Эти нормы строились на почитании родителей, старших, на преклонении перед знатностью, на преданности вану.

Правовые нормы в это время не вычленились еще из общей массы религиозно-этических норм, с которыми они составляли единое целое. Вместе с тем все большее значение по мере укрепления власти ванов приобретают распоряжения и приказы правителя, его приближенных, высших чиновников, исполнение которых обеспечивается принуждением.

В VI в. до н. э. создает свое учение великий философ Конфуций, непререкаемый авторитет которого пережил в китайском обществе века. Основная философская идея конфуцианства — идея гармонии как главного условия всеобщего космогонического порядка, равновесия в мире, а следовательно, и счастья людей. Она включает в себя как гармонию между людьми и природой, так и гармонию между самими людьми, выражающуюся в их поведении, которое должно соответствовать "естественному порядку", т. е. добродетели и морали.

Средством поддержания справедливого порядка у Конфуция является не закон, а соблюдение традиций, моральных норм (ли), закрепляющих некий образ идеального поведения, основанного на соблюдении "меры" во всем, что, в свою очередь, должно побуждать человека к уступкам, компромиссам.

Гармоничное общество, согласно учению Конфуция, созданное на основе "веления Небес" — это совокупность групп (объединений людей), каждая из которых должна существовать в социальных и правовых условиях, максимальных для осуществления отведенных ей функций. Главной идеей такого объединения является идея "сяо" — сыновней любви, почитания старших, а также вышестоящих на иерархической лестнице.

Требование строгого соблюдения "ли", находящего выражение в скрупулезно разработанном ритуале, определяло особое, принципиально отличное от легистов, отношение конфуцианцев к законодательной форме как к некоему мерилу, образцу правильного поведения, не требующему во всех случаях ни строгого соблюдения, ни обязательной судебной защиты.

На втором этапе развития древнекитайского права, начиная с периода Чжаньго (V–III в. до н. э.), усиливается роль права с его стабильным комплексом наказаний. В этот период и было создано законченное легистское учение об управлении народом и государством наиболее ярким представителем легизма Шан Яном, отстаивающим абсолютную власть правителя, который с помощью строго установленного, не подлежащего обсуждению закона определяет всю жизнь подданных.

Легисты проповедовали идею бесполезности и невозможности существования людей вне рамок жесточайших наказаний, исходили из обязательности превентивных мер и коллективной ответственности, обеспечивающих "хорошее управление", отказывались признавать наличие какой-либо связи между мерой наказания и тяжестью содеянного преступления. Жестоко карать, по их мнению, следовало даже за малейшее нарушение приказов государя. Проповедуя своеобразное "равенство" перед законом, неотвратимость наказаний за совершенные преступления, легисты стремились лишить знать, чиновничество различных княжеств наследственных привилегий во имя укрепления сильной центральной

власти. Не случайно крайнее ужесточение наказаний, требование их неотвратимости было прямо связано с развитием понятия преступления против государства.

Обострение противоборства двух идеологий, давшего новый импульс становлению традиционных черт и институтов древнекитайского права, относится ко второй половине III в. до н. э., когда легизм в его крайней форме становится официальной идеологией первой китайской империи Цинь (221–207 гг. до н. э.), а легисты приходят к власти, претворяя в жизнь свои правовые воззрения путем безуспешных попыток насильственно вытравить из массового сознания конфуцианские догматы с помощью преследования их поборников и носителей, уничтожения конфуцианских книг и пр. Согласно легенде, Циньский император Шихуанди в 213 году до н. э. приказал сжечь все конфуцианские книги, предав казни 400 ученых-конфуцианцев.

С утверждением династии Хань на последнем этапе формирования древнекитайского права (III в. до н. э. — III в. н. э.) — этапе формальной победы конфуцианства — происходит слияние легизма и конфуцианства в новое учение — ортодоксальное ханьское конфуцианство, главным назначением которого становится осмысление с позиций тогдашних знаний, оправдание и увековечивание существующих социально-экономических и политических порядков как разумных, отвечающих интересам сохранения и функционирования древнекитайского общества. Доминирующей идеей этой идеологии была конфуцианская идея неравенства людей, их социальных, сословных, ранговых различий, а также различий в зависимости от места в семье, пола, возраста. Незыблемости этих различий должна была служить тщательная регламентация поведения людей в обществе, семье с помощью жестких моральных норм "ли", официально признанного ритуала.

Ортодоксальное конфуцианство не отвергало закона, строгих наказаний, предполагая взаимодействие строгости и снисхождения. Из этого предположения вытекало, что мораль и право совпадали. Мораль задавала стереотип поведения, право с помощью наказаний запрещало от него уклоняться. Нормы господствующей конфуцианской морали должны были отныне насаждаться силой, строгой карой закона ("фа"), что и нашло выражение в формулах ортодоксального конфуцианства: "там, где недостает "ли", следует применять "фа", или то, что наказуемо по "фа", не может быть дозволено по "ли", то, что позволено по "ли", не может быть наказуемо по "фа".

Слияние конфуцианства и легизма способствовало тому, что нормы "ли" приобрели большую обязательность и формализм, а в право были перенесены целые пассажи из канонизированных к этому времени конфуцианских произведений "Чжоу ли", "И ли", "Ли цзы", в которых еще в начале второй половины I тысячелетия до н. э. были систематизированы и закреплены нормы конфуцианской морали.

Источники права. Согласно исторической традиции первые писанные законы в Китае появились в государстве Шань, а в X в. до н. э. в Чжоу якобы существовал Уголовный кодекс, насчитывающий 3 тысячи статей. Ссылки на исключительную давность китайских кодексов — дань традиции, конфуцианскому учению, что правитель "не создает право, а передает его, доверяя древним и любя их".

Появление писанных законов в Китае фактически относится к VI–V вв. до н. э., что было связано с усилением социального расслоения китайского общества. Не случайно одним из первых писанных законов был Закон о поземельном налоге, принятый в VI в. до н. э. в царстве Лу, закрепивший ликвидацию общинного и установление частного землевладения.

Усиление законодательной деятельности в период Чжаньго "Воюющих царств", в V–III вв. до н. э., было связано также с необходимостью использования закона в целях стабилизации политической обстановки в условиях изнурительной, непрекращающейся борьбы отдельных китайских княжеств между собой.

Одним из первых материальных свидетельств писанных законов в Древнем Китае стал найденный бронзовый треножник с текстом "Обозрения законов", относящийся к 536 году до н. э., основой которого стало понятие "у син" — пяти видов наказаний за преступления: клеймение, отрезание носа, отрубание одной или обеих ног, кастрация и смертная казнь,

ставшая наиболее распространенным наказанием. Лишь на рубеже V–IV вв. до н. э. появился один из первых сводов законов "Книга законов царства Вэй", составленная Ли Фуем на основе правовых положений, принятых в отдельных княжествах и по традиции считающихся законами предков. Он состоял из 6 глав: законы о ворах, о разбойниках, о заключении в темницу, о поимке преступников, об орудиях казни и пытки.

Этот сборник положил начало последующей практике разработки сборников законов. В ханьском Китае в III–II вв. до н. э. проводилась огромная работа по описанию, переписке, комментированию и восстановлению древних законов. "Книга законов царства Вэй" была в это время дополнена еще рядом глав, в частности нормами права о военном деле, о государственном коневодстве и о финансах.

Появление писаных законов не могло изменить свойственный всему древнему праву Китая порядок, при котором непосредственному приказу вышестоящего лица, вплоть до правителя, или правилам нравственности, возведенным в ранг общепринятых установлений Конфуцием или его последователями, отводилось главное место в регулировании жизнедеятельности китайского общества. Законы не вытеснили и широко распространенных во все времена на общинном уровне норм обычного права, регулирующих многие стороны общественных отношений, в частности поземельных.

Уголовное право. Традиционное право Китая развивалось в основном как уголовное право, нормы которого носили как бы надотраслевой характер. Они пронизывали сферу и брачно-семейных, и гражданских отношений и пр.

Это обстоятельство и определяет необходимость изначального рассмотрения, вопреки установившейся в учебной литературе практике, институтов и норм уголовного права, являющихся самостоятельной, особо значимой частью не только правовой системы Китая, но и всей традиционной конфуцианской культуры. Именно в этой сфере с наибольшей отчетливостью проявлялся многовековой спор между конфуцианством и легизмом: что является лучшим средством управления — моральная норма (ли) или наказание (син).

Понятие преступления в Древнем Китае связывалось с проявлением преступной воли человека. Правонарушитель рассматривался как "низкий человек", его "низость" определялась тем, что он выступал носителем этой пагубной, преступной воли, которая в зависимости от характера преступления могла разрушить или весь мир, или порядок, гармонию в той социальной группе, к которой преступник принадлежал.

Из признания примата моральных норм вытекало, что мера виновности и суровость наказания должны были соответствовать не столько характеру самого поступка, сколько характеру духовного состояния преступника, не столько тяжести преступного действия, сколько интенсивности преступной воли.

В ханьском Китае, согласно конфуцианскому принципу "если воля добрая, человек не нарушает закон", стали складываться специфическое учение о форме вины, учитываться преступная воля при определении меры наказания. Требование учета воли преступника было закреплено и законом в 120 году до н. э. В соответствии с этим требованием в китайском праве стали выделять предумышленные и преднамеренные преступления, совершенные с умыслом и без такового, а также по ошибке. Одно наказание следовало за умышленную клевету, другое, более легкое, — за неподтвердившийся донос. Тяжесть наказания за телесное повреждение зависела от того, было оно нанесено со "злодейским умыслом" или в драке.

В древнем праве проводились различия и между окончанным преступлением и покушением как проявлением преступной воли, наказываемым в принципе более мягко. Но нечеткость действия многих общих принципов уголовного права, которые деформировались под прессом конфуцианских догматов, приводила к тому, что часто покушение наказывалось как законченное преступление, например, в случае намерения убить кровного родственника.

Концепция "преступной воли" определяла и содержание таких институтов как соучастие и групповое преступление. Еще на рубеже новой эры сложилась особая норма, согласно которой главарем в преступной группе считалось лицо, непосредственно

замыслившее преступление, планировавшее его. Преступление признавалось групповым, если оно было совершено по предварительному сговору, в противном случае участники преступной группы отвечали каждый за отдельное преступление. Выделение главаря, идейного вдохновителя преступления, вина которого считалась особо тяжкой по сравнению с другими участниками преступной группы, было победой конфуцианцев над универсальной идеей наказания легистов, закрепленной еще в вышеупомянутом законе в 120 году до н. э.

Содержание правых положений о смягчающих вину обстоятельствах и отягчающих их (понятия невменяемости китайское традиционное право не знало) определялось также наставлением Конфуция: "Любить родителей и родственников преимущественно перед другими, всячески оказывать почтение престарелым, проявлять сострадание к калечным и милосердие к детям". В свете этой заповеди освобождались от телесных наказаний дети младше 8 лет и старики старше 70 лет.

Включение тех или иных противоправных действий в список преступлений, определение тяжести наказаний за них зависели от ряда причин: от субъективной воли императора, от доминирующего влияния тех или иных правовых концепций: конфуцианских или легистских. Этот список носил крайне дробный и неопределенный характер. Уголовному преследованию, например, подвергались невыплатившие долг должники.

Уже чжоускому законодательству, как сообщают источники, были известны 500 видов преступлений. Неизменно в этом списке особое место стали занимать государственные преступления — измена императору, бунт и др. В царстве Цинь одним из тяжких государственных преступлений считалось хранение запрещенной литературы конфуцианского толка.

В IV–III вв. до н. э. в пособиях для чиновников содержались такие примеры рассмотрения уголовных дел, как кража из храма, кража предметов культа, нанесение ранений, клевета, дезертирство из армии. Рано выделились в соответствии с канонами конфуцианской морали и такие преступления, как непочтение к отцу, к старшим в семье. Еще в древности была введена ставшая традиционной ответственность вышестоящих и нижестоящих сослуживцев чиновника, совершившего ошибку или проступок по службе. В III в. до н. э. была введена и ответственность чиновников, знавших о вине своего коллеги и не донесших на него.

Наказания. Термин "бао" использовался в Древнем Китае в значении воздаяния за совершенное преступление. Живучесть представления о наказании как о воздаянии по принципу талиона, берущего свое начало с первобытнообщинного строя, определила длительное существование в Китае обычая кровной мести, с которым безуспешно боролись китайские правители.

Окончательное утверждение традиционной системы наказаний в V–IV вв. до н. э. было связано с ее философским осмыслением на основе использования сакральной у древних китайцев цифры "пять". Шкала наказаний включала в себя: клеймение, отрезание носа, отрубание ног, кастрацию и смертную казнь. Она дополнялась другими наказаниями — битьем толстыми или тонкими палками от 100 ударов до 500 ударов (500 ударов толстыми палками было равносильно смертной казни), обращением в рабство, штрафом. Крайняя жестокость наказаний, особенно при господстве легистов в царстве Цинь, где преступников варили в котле, вырывали у них ребра, сверлили головы, уравнивалась в определенной мере возможностью применения символических уголовных санкций. Еще шаньско-иньскому Китаю, например, была известна особая система символических наказаний ("сян"), когда отрезание ноги заменялось покраской тушью колена, смертная казнь — ношением холщовой рубахи и пр. Общество тем самым пыталось перевоспитать преступника, выставляя его на всеобщее осуждение и презрение.

Пережитки символических наказаний встречались и в период Чжоу. Определенные попытки возродить эту систему предпринимались и в ханьском Китае, когда в 167 году до н. э. Сяо Вэнь специальным указом отменил телесные наказания и заменил их символическими. Эта попытка оказалась безуспешной, так как она противоречила

воззрениям конфуцианцев, что тяжесть наказания должна соответствовать силе нарушения "ли", ибо всякое несоответствие нарушает гармонию, порождает ненависть. На тех же основаниях конфуцианцами велась борьба с легистами и против тяжких наказаний за легкие преступления. Своеобразным напоминанием "сян" в праве последующих столетий стало сохранение татуировки в качестве одного из наказаний.

Традиционным институтом китайского права, против которого конфуцианцы вели безуспешную борьбу с легистами, был институт коллективной ответственности родственников преступника. В глубокой древности истреблялся весь род преступника. В циньском Китае за государственные преступления казнили не только преступника, но и три поколения его родственников по линии отца, матери и жены. Казни таких преступников предшествовали все другие наказания, сначала татуировка, а затем забивание палками. У тех преступников, кто клеветал, злословил, оскорблял, проклинал императора, предварительно отрезали языки.

Наказание, таким образом, преследовало сугубо устрашающие цели. Некоторое смягчение наказания под влиянием конфуцианизации права на третьем этапе его развития выразилось во временной отмене наказания невиновных родственников преступника и в утверждении нормы о безнаказанности укрывательства родственниками (детьми, женами, внуками) близких лиц, совершивших преступление. Наказание неизменно отражало сословно-классовое положение преступника и потерпевшего. Карательная политика в отношении рабов менялась. В I в. до н. э. была запрещена распространенная ранее практика безнаказанного убийства частных рабов, отменен закон о смертной казни раба, ранившего свободного.

Брак и семья. Семья носила в Древнем Китае патриархальный характер. Большие семейные связи отличались прочностью. Во главе большой семьи как хозяйственной единицы стоял старший в семье мужчина, которому подчинялись все члены семьи: жены и наложницы, сыновья и внуки, их жены и дети, рабы и слуги.

Глава семьи выступал в роли ее властителя, хозяина имущества. Понятие "отец" обозначалось иероглифом "фу", выражавшим руку, державшую прут, — символ наказания за непослушание членов семьи.

Большие семейные связи стали ослабевать вместе с развитием частной собственности на землю. Этот процесс был ускорен политикой легистов. Борясь против сепаратизма влиятельных больших семей, семейных кланов, являющегося препятствием на пути создания сильной центральной власти, Шан Ян в 356–350 гг. до н. э. санкционировал принудительный раздел больших семей, но большая семья, вместе с жесткими патриархальными порядками, как социально-хозяйственная ячейка не исчезла и в последующие века.

Основы брачно-семейного права строились на конфуцианских представлениях о семье как о первичной социальной ячейке, функционирующей на основе естественных законов в общей системе социального порядка. Первейшей целью брака было обеспечение физического и духовного воспроизводства семьи, которое достигалось рождением прежде всего мужского потомства, "чтобы человек, — как было записано в Ли цзы, — был в состоянии правильно служить усопшим предкам и иметь возможность продолжать свой род". Отсутствие потомства рассматривалось конфуцианцами как проявление сыновней непочтительности, наиболее тяжким из других видов непочтения к родителям.

Для заключения брака необходимо было соблюдение ряда условий. Брак заключался семьями жениха и невесты или самим женихом и скреплялся частным соглашением, нарушение которого влекло за собой не только определенные материальные потери, но и наказание в уголовном порядке старших в семье. Традиционное убеждение, что брак — это не только соглашение между живыми, но и умершими предками, крайне заинтересованными в приобретении жены и ее плодовитости, находило выражение в соответствующем ритуале сватовства, включавшем в себя не только дары от семьи жениха семье невесты (деньги, украшения, скот и пр.), но и молебен в храме предков.

Если в шаньско-иньском Китае допускались браки между родственниками, то

впоследствии были запрещены браки не только между родственниками, но и утвердилось правило, что жених и невеста не должны носить одну и ту же фамилию, чтобы ненароком не смешать родственные семьи. Скучность семейных фамилий в китайском обществе предопределила определенное исключение из этого жесткого правила — при покупке "второстепенной жены" (Ли цзы, кн. I).

В книге V Ли цзы были закреплены своеобразные нижний и верхний пределы брачного возраста: для мужчин с 16 до 30, для женщин с 14 до 20 лет, фиксировавшие как бы пределы терпения и сдерживания гнева предков на неблагодарного и непочтительного потомка. В соблюдение этих возрастных пределов в древности было вовлечено и само государство, следившие за тем, чтобы они не нарушались. С этой целью, по свидетельству Чжоу ли (кн. XI), особый чиновник составлял списки мужчин и женщин, достигших предельного возраста, и наблюдал, чтобы мужчины, достигшие 30 лет, брали себе в жены девиц, которым исполнилось 20 лет.

Одним из основополагающих принципов установленного социального порядка был принцип "Один муж — одна жена", но действовал он своеобразно, требуя лишь строгой верности жены мужу. Муж мог иметь "второстепенных" жен и наложниц (особенно в случае бесплодия жены), число которых определялось в зависимости от социального положения мужчины (Ли цзы, кн. XIV, Чжоу ли, кн. VII). Служили препятствием к браку и определенные сроки ношения траура по мужу и его родителям, а также браки с лицами, совершившими преступление. Запрещались и межсословные браки, влекущие за собой уголовную ответственность, особенно браки свободных с рабами. Свободный, взявший в жены рабыню, наказывался как вор. В китайском традиционном праве в отличие от большинства других восточных правовых систем развод не только разрешался, но и поощрялся или прямо предписывался под угрозой уголовного наказания в случае "нарушения супружеского долга". Имелось в виду, например, причинение вреда путем оскорблений, побоев, ранений и пр. самому супругу и его родственникам. Требование развода могло предъявляться не только супругами, но и членами их семей. "Ли" предписывали развод мужчине под страхом наказания, если жена не "оправдала надежд предков", была непослушна свекру и свекрови, бесплодна, распутна, завистлива, болтлива, тяжело больна, а также воровски использовала семейное имущество (еще в XIX в. подлежал наказанию муж, не разведшийся с распутной женой, а убийство жены и ее любовника мужем, застигшим их вместе, оставалось без наказания).

Возможности женщины оставить своего мужа или протестовать против развода были незначительны. Согласно древнему правилу, жена должна была оставаться с мужем в "жизни земной и загробной" (Ли цзы, кн. XI), ей нельзя было выходить второй раз замуж, но и мужу, требующему развода без оснований, грозила каторга. Он не мог развестись, если жене некуда было уйти или она носила траур по его родителям и пр. Ответственность мужа за жену выражалась и в том, что при всех ее правонарушениях, кроме тяжкого преступления и измены, она выдавалась ему на поруки.

В древности отец мог продавать детей, кроме старшего сына, пользовавшегося рядом преимуществ перед другими детьми. Беснаказанность убийства отцом, матерью, дедом и бабкой по отцу сына, внука, невестки, явившегося следствием нанесения им побоев, сохранилась до XIX в. Члены семьи, связанные обязанностью ношения траура по умершим родственникам, несли ответственность за целый ряд "семейных" преступлений, например несоблюдение сроков ношения траура. Наказывались сыновья, внуки, пытавшиеся без разрешения отселиться от большой семьи или присвоить часть семейного имущества. Родственные отношения, положение старших и младших в семье влияли на тяжесть наказания как за "семейные", так и за другие преступления. Например, кража отца у сына не считалась преступлением, но донос на старшего в семье, даже совершившего преступление, строго наказывался.

Регулирование имущественных отношений. Нормы частного права не получили самостоятельного развития в традиционном праве Китая, хотя глагол "ю" в значении "иметь

собственность" известен был Китаю еще с конца Чжоу (IV–III вв. до н. э.).

Верховная государственная собственность на землю сосуществовала в Древнем Китае с общинным и частным землевладением крестьян.

Земля в Китае стала продаваться и покупаться, дробиться на мелкие участки или концентрироваться в крупные наделы, но, какие бы превращения землепользование не претерпевало, частный или коллективный владелец мог распоряжаться лишь правом владения ею, никогда не переходящим в полную частную собственность. На этом пути стояло всесильное государство, сохранявшее неизменно свою руководящую роль в хозяйственной жизни. "Азиатская" социально-экономическая структура исключала правовые и политические гарантии, которые могли бы создать условия для процветания частной собственности вообще, на землю в особенности. Кризисный для такой структуры рост частной собственности незамедлительно влек за собой реформы, восстанавливающие экономический контроль государства.

Несмотря на ранний переход основной массы общинной земли в частное владение, община еще в I в. до н. э. могла вступать в договорные поземельные отношения как самостоятельная сторона, а присутствие представителя общины являлось неперенным условием при совершении поземельных сделок. Согласно источникам I в. н. э. заключать договоры купли-продажи земли могли женщины и государственные рабы. Поземельная сделка (купчая крепость) заносилась красной киноварью на медную доску, что являлось отражением ранее распространенного обычая записывать подобные сделки кровью жертвенных животных. Наряду с куплей-продажей распространен был договор аренды земли, как правило, на условиях испольщины, ее заклад. Широко были распространены также договоры найма людей, ростовщического займа, условия которых регулировались обычным правом.

В целях поощрения земледелия с древнейших времен существовало право каждого занимать бесхозные или покинутые земли. По истечении определенного срока эти земли записывались в кадастр как частные за обрабатывающими их.

В Древнем Китае часто издавались законы, которые в той или иной мере отражали требования защиты мелкого крестьянского землевладения. Это особенно ярко проявилось в I в. до н. э. в изменении государственной политики в отношении лиц, попавших в рабство за долги, и в отношении рабовладения. Обычай закладывать детей за долги, которые становились рабами, если не были выкуплены в течение трех лет, существовал повсеместно.

В I в. н. э. император Уди издал рескрипт об освобождении всех обращенных ранее в государственных рабов и рабынь, "если прежними законами не было предусмотрено наказание за совершение ими преступлений". Были освобождены в ряде областей Китая также рабы, продавшие себя из-за голода и насильно проданные в рабство, а также женщины, отданные в наложницы. Запрещено было клеймение рабов, а к лицам, "силой чинившим препятствия" освобождению рабов, было предписано применять наказания "в соответствии с законом о насильственной продаже людей в рабство".

Судебный процесс. В состязательном по своему характеру процессе в Древнем Китае очень рано стали вводиться элементы розыскного процесса, который со временем утвердился безраздельно. Расследование преступлений еще в древности поручалось особому чиновнику (линьши).

Оно начиналось с заявления или доноса в уездную управу или окружное управление. Донос, особенно касающийся кражи и убийства, должен был быть точно определенным, неточность влекла за собой наказание. "Право" на донос зависело от социального положения лица и его места в системе кровнородственных связей, за исключением доноса о преступлении против государя и государства. Жестко, на основе принципа "возврата обвинения", карался лжедонос. В этом случае доносителю грозила та же кара, которая предполагалась лицу, если бы донос был правдив. Запрещались под угрозой смертной казни доносы на родителей, деда, бабу и других близких родственников, кроме убийства отца, при котором доносить можно было даже на мать. Подлежали давлению рабы, донесшие на

своего хозяина, за исключением обвинения последнего в мятеже и измене. Запрещались анонимные доносы, осужденные по такому доносу освобождались. Выдавать своих людей, т. е. представлять в суд домохозяев и рабов должен был глава семьи, в противном случае он наказывался сам. Ему же предоставлялось право наказывать своих рабов, а по специальному разрешению властей даже убивать их за провинности. Уездные чиновники вели следствие и приводили в исполнение приговор, например битье палками осуществлялось тут же, в суде. Расследование тяжких преступлений (мятежей, измены и пр.) передавалось в окружные управы.

Одним из важных доказательств, наряду со свидетельскими показаниями и вещественными доказательствами, добытыми в ходе осмотра места преступления или освидетельствования трупа, считалась клятва. Циньское руководство по расследованию уголовных преступлений свидетельствует о применении пыток в судах в том случае, "если преступник был изобличен, но отказывался признать себя виновным, или если преступник менял свои показания в ходе дознания". Действовал принцип презумпции виновности обвиняемого. Гарантией от злонамеренного применения пыток, битья палками было наказание следователя каторжными работами за смерть обвиняемого под пытками. Широко применялось вынесение решения по делу по аналогии.

Тела или головы преступников, подвергшихся смертной казни выставлялись для публичного обозрения в открытом поле, на рынке или во дворе дворца, если преступник был сановным лицом.

Раздел II. Государство и право античного мира

Глава 9. Общая характеристика государства и права в Древней Греции и в Древнем Риме

§ 1. Возникновение государства в античном мире и полисная система

История цивилизации с присущей ей государственно-правовой организацией человеческой жизни начинается, как было показано в предыдущем разделе, с Древнего Востока. Ее новая и более высокая ступень связана с развитием античного (греко-римского) общества, сформировавшегося на юге Европы в бассейне Средиземного моря. Своего апогея и наибольшего динамизма античная цивилизация достигает в I тысячелетии до н. э. — в начале I тысячелетия н. э. Именно к этому времени относятся впечатляющие успехи греков и римлян во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в политико-правовой. Именно античности человечество обязано многими шедеврами литературы и искусства, достижениями науки и философии, уникальными образцами демократической государственности.

Греко-римский мир сложился не на пустом месте, не изолированно, не по типу "закрытого общества". Ранние очаги цивилизации и первые протогосударства возникли в средиземноморском бассейне еще в III–II тысячелетии до н. э., причем не без заметного влияния восточного мира. В последующем, особенно в период "великой колонизации" (VIII–VII вв. до н. э.), с основанием целого ряда греческих поселений (городов) на азиатском побережье, взаимодействие двух цивилизаций стало еще более тесным и глубоким. Греческие города в Малой Азии — Милет, Эфес и др. стали распахнутыми воротами, через которые осуществлялись торговые, культурные и иные связи тогдашних Востока и Запада. Все возрастающие политические контакты греков, а позднее римлян с восточными странами позволяли им использовать и переосмысливать чужой, заморский государственно-правовой опыт, искать свои более рационалистические подходы к законотворчеству и к политике.

Создание первых протогосударств, а затем и более крупных государственных

образований на юге Балканского полуострова и на островах Эгейского моря в III–II тысячелетии до н. э. было результатом завоевания греками-ахейцами автохтонного населения этого региона (пеласгов, минойцев). Завоевание привело к перемешиванию и скрещиванию различных культур, языков и народов, что породило высокую крито-микенскую цивилизацию, представленную целым рядом возвышавшихся и приходивших в упадок государств (Кносского, Микенского царства и т. д.).

Монархический характер этих государств, наличие крупного государственно-храмового хозяйства и земельной общины свидетельствовало об их сходстве с типичными восточными монархиями. Крито-микенские традиции еще долго сказывались на последующей государственности греков-ахейцев, для которой было характерно наличие общинного уклада, связанного с царским дворцом, выполнявшим функции верховного хозяйственного организатора.

Одной из важнейших особенностей в образовании государства в Древней Греции было то, что сам этот процесс в силу постоянной миграции и перемещения племен шел волнообразно, прерывисто. Так, вторжение в XII в. до н. э. в Грецию с севера дорийских племен вновь отбросило весь естественный ход становления государственности назад. Последовавшие за дорийским вторжением "темные века" (XII в. до н. э. — первая половина VIII в. до н. э.), а затем и архаический период вновь вернули эллинов к племенной государственности и протогосударствам.

Своеобразное сочетание внутреннего и внешнего факторов в процессе генезиса государства в Греции делает недостаточно убедительным распространенный в отечественной литературе тезис о том, что возникновение государства в Афинах происходит в "чистом виде", т. е. непосредственно из разложения родового строя и классовообразования. Существенное влияние внешнего фактора, в частности этрусского, еще не в полной мере изученного, сказалось и пагенезисе римского государства.

Особенности процесса становления государственности в античном мире (в отличие от стран Востока) во многом предопределялись природно-географическими факторами. Греция, например, представляла собой горную страну, где было мало плодородных и пригодных для зерновых культур земель, особенно таких, которые требовали бы, как на Востоке, проведения коллективных ирригационных работ. В античном мире не могла получить распространение и сохраниться земельная община восточного типа, зато в Греции сложились благоприятные условия для развития ремесла, в частности металлообработки. Уже в III тысячелетии до н. э. греки широко использовали бронзу, а в I тысячелетии до н. э. орудия из железа, что способствовало повышению эффективности труда и его индивидуализации. Широкое развитие обменных, а затем и торговых отношений, особенно морской торговли, способствовало быстрому становлению рыночного хозяйства и росту частной собственности. Усилившаяся социальная дифференциация стала основой острой политической борьбы, в результате которой переход от примитивных государств к высоко развитой государственности проходил более стремительно и с более значимыми социальными последствиями, чем это имело место в других странах древнего мира.

Природные условия повлияли на организацию государственной власти в Греции и в другом отношении. Горные хребты и заливы, которые пересекали морское побережье, где проживала значительная часть греков, оказались существенным препятствием для политического объединения страны и тем более делали невозможным и ненужным централизованное управление. Таким образом, сами естественные барьеры предопределили возникновение многочисленных, сравнительно небольших по размеру и достаточно изолированных друг от друга городов-государств — полисов. Полисная система была одной из самых значительных, практически уникальных черт государственности, характерных не только для Греции, но и для всего античного мира.

Географическая и политическая замкнутость полиса (в материковой части и на островах) при далеко зашедшем разделении труда делала его зависимым от вывоза ремесленных изделий, от ввоза зерна и рабов, т. е. от общегреческой и международной

морской торговли. Море играло огромную роль в жизни античного (прежде всего — греческого) полиса. Оно обеспечивало его связь с внешним миром, с другими полисами, с колониями, с восточными странами и т. д. Море и морская торговля связывали в единую полисную систему все города-государства, создавали открытую общегреческую и средиземноморскую политическую культуру, цивилизацию.

С точки зрения своей внутренней организации античный полис представлял собой закрытое государство, за бортом которого оставались не только рабы, но и чужаки-иностранцы, даже выходцы из других греческих полисов. Для самих же граждан полис являлся своего рода политическим микрокосмосом со своими священными для данного города формами политического устройства, традициями, обычаями, правом и т. д. Полис заменил у древних греков распавшиеся под влиянием частной собственности земельно-общинные коллективы гражданской и политической общиной. Большие различия в экономической жизни, в остроте политической борьбы, в самом историческом наследии являлись причиной большого разнообразия внутреннего устройства городов-государств. Но безусловное преобладание в полисном мире имели различные республиканские формы — аристократия, демократия, олигархия, плутократия и т. п.

Само развитие греческого общества от патриархальных структур и протогосударств гомеровской эпохи до классического рабства и расцвета античной демократии обнаруживает некоторые закономерности в развитии политической жизни и в смене самих форм устройства городов-государств. В конце II тысячелетия до н. э., о чем свидетельствует и гомеровский эпос, в греческом мире наблюдалась сравнительно общая тенденция к усилению власти царя как военачальника, судьи, верховного руководителя дворцового хозяйства и т. д. В методах его правления все более проступали деспотические черты, присущие монархам древности, особенно восточным. Аналогичную картину можно видеть несколькими веками позже в Риме в эпоху царей.

Распад патриархально-общинных связей, на которые опиралась единоличная власть царя (базилевса, рекса), рост оппозиции со стороны аристократических семей, обладающих большими богатствами и общественным влиянием, имели своим результатом практически во всем античном мире уничтожение царской власти, сопровождавшееся в ряде случаев (как было в Риме с Тарквинием Гордым) убийством самого царя.

Ликвидация монархии привела к победе в античном мире республиканского строя, а также к окончательному утверждению (до эпохи кризиса и разложения рабовладельческого общества) полисной системы организации государства. Но в раннереспубликанский период демократический потенциал, присущий полисной системе, предусматривающей элементы непосредственной демократии (народные собрания и т. д.), не получил полного развития. Простой народ в полисах, не имевший политического опыта и черпавший свои представления о власти из патриархально-религиозного прошлого, уступил бразды правления практически во всех античных полисах родовой, жреческой и новой имущей аристократии. Именно таковой была государственная власть в Афинах накануне реформ Солона, в ранний период патрицианской республики в Риме и т. д. Дальнейший процесс демократизации политической жизни в античных городах-государствах сопровождался обострением борьбы между аристократией, державшей в своих руках власть и стремившейся законсервировать старые полисные порядки, и народом (демосом), все более осознающим свое гражданское единство. Результатом этой борьбы (эвпатридов и демоса в Афинах, патрициев и плебеев в Риме и т. д.) стала серия законодательных реформ, подрывающих монополию аристократии в государственных органах и создающих основу для развития демократических институтов.

Во многих греческих городах-государствах окончательному утверждению демократического строя предшествовала узурпация власти единоличными правителями-тиранами, обычно выходцами из аристократической среды, но использующими свою власть для подрыва старых аристократических и патриархальных порядков, для защиты интересов широких слоев населения полиса. Такие режимы личной власти, получившие

название тирании, установились в Милете, Эфесе, Коринфе, Афинах, Мегаре и способствовали укреплению частной собственности и ликвидации привилегий аристократии, утверждению демократии как формы государства, в наибольшей степени отражающей общие интересы гражданской и политической общины.

К VI–V вв. до н. э. на первый план среди нескольких сотен древнегреческих полисов выдвигаются два наиболее крупных и сильных в военном отношении государства-города: Афины и Спарта. Под знаком антагонизма этих двух полисов развертывалась вся последующая история государственности Древней Греции. В Афинах, где наиболее полное развитие получили частная собственность, рабство, рыночные отношения, где сложилась гражданская община, связывающая ее членов при всем различии их имущественных и политических интересов в единое интегральное целое, античная демократия достигает своей вершины и становится, как свидетельствует последующая история, огромной созидательной силой.

В противоположность Афинам Спарта вошла в историю как образец аристократического военно-лагерного государства, которое ради подавления огромной массы подневольного населения (илотов) искусственно сдерживало развитие частной собственности и безуспешно пыталось сохранить равенство среди самих спартиатов. Таким образом, соперничество Афин и Спарты вылилось в своеобразное соревнование двух разных гражданских и политических общин в Греции. Поучительным в истории древнегреческой государственности является то, что конфронтация двух "полисных сверхдержав" втянула весь греческий мир в кровопролитную и затяжную Пелопоннесскую войну, результатом которой стало ослабление всей полисной системы и падение демократических институтов. В конечном итоге и Афины, и Спарта оказались добычей Македонской монархии.

Причиной гибели древнегреческой государственности, в частности Афин, ставших идеалом демократического государства, основанного на автономии частного собственника как полноправного члена гражданской общины, является не столько рабство, сколько внутренняя слабость самого полисного устройства государства. Это устройство, связанное с заранее данными территориальными и политическими параметрами, не имело простора для политического маневра и для дальнейшей поступательной эволюции.

К I в. до н. э. исчерпала себя и полисная система в Риме, когда особенно стало очевидным, что республика-город не может справиться с восстаниями рабов и не в состоянии обеспечить внутреннее гражданское единство. В этих условиях сохранение республиканской системы, рассчитанной на управление государством-городом, становится анахронизмом. На смену республике, превратившейся к I в. до н. э. в мировую державу, приходит империя. Влияние полисной системы за долгую историю Римской республики стало столь велико, что в течение первых веков (принципат) императоры, стремящиеся создать централизованную бюрократическую монархию, еще долго не могли освободиться от республиканских полисных институтов.

Укрепление власти поздних римских императоров и принятие христианства подводят окончательную черту под полисными порядками. Что же касается самой поздней Римской империи, то она окончательно порывает с республиканско-полисной демократией и все больше приобретает, особенно в восточной своей части черты средневековой государственности.

§ 2. Право в государствах античного мира

Право как один из факторов, скрепляющих гражданское общество и элементы его культуры, не сразу достигло в эпоху античности зрелости и совершенства. На ранних этапах своего развития оно по уровню юридической техники и степени разработанности основных институтов имело немало сходства с правовыми системами стран Востока. Развитие права в античных Греции и Риме осуществлялось в рамках отдельных полисов, и уровень развития демократических институтов в отдельных городах-государствах находил свое отражение и в

праве.

Утверждение полисной системы имело результатом активизацию правотворческой деятельности и ее постепенное освобождение от религиозно-мифологической оболочки. На смену неписаным обычаям, толкование которых нередко произвольно осуществлялось светской или греческой аристократией, приходит закон, имеющий светский характер и выраженный обычно в письменной форме. Право в античном мире, таким образом, предстает в своем чистом виде как авторитетный и обязательный регулятор полисной жизни, лишенный какой-либо мистической или религиозной силы.

Признание законодательства, а не обычая в качестве основной формы правотворчества (Греция), или же его утверждение в качестве одного из важнейших источников права (Рим) сопровождалось кодификацией сложившихся в более архаичную эпоху правовых обычаев. Такова древнейшая, согласно греческой традиции, кодификация права, проведенная Залевком в Локрах (Италия), а также кодификация Харонда в Катане (Сицилия). Подобные сборники составлялись и в других греческих городах-государствах, в том числе и в Афинах в конце VII в. до н. э. (Законы Драконта).

Начало новой демократической конституции в Афинах, предусматривающей разработанную процедуру принятия законов народным собранием, было заложено реформами Солона и Клисфена в VI в. до н. э. В Риме традиционные правовые обычаи подверглись обработке и были записаны в Законах XII таблиц. В этих законах также предусматривалось правило, согласно которому законом считается решение народного собрания.

Как отмечал Солон, жизнь общества должна регулироваться правом и законами, принятыми при всеобщем согласии. В греческих городах-государствах у граждан с детских лет воспитывалось уважение и даже почтение как к законам, так и к установленным в них полисным порядкам. Сократ, утверждавший, что полисные законы восходят к разумному началу, пропагандировал соблюдение законов всеми афинянами.

В Афинах, где утвердилась демократическая система законодательства, где право в глазах граждан ассоциировалось с разумом и со справедливостью, сложилось своеобразное правовое государство, благами которого не могли, однако, пользоваться рабы и иностранцы. Еще в большей степени культ права и законопочитание сложились в римском обществе. Безусловное следование республиканским законам было для римлян не только юридической обязанностью, но и делом чести. Ту же связанность Римского республиканского государства собственными законами и правом в целом отразил выдающийся римский юрист Цицерон, который рассматривал государство не только как выражение общих интересов всех его членов, но и как соединение многих людей, "связанных между собой согласием в вопросах права". Таким образом, идея правового государства берет свое начало и в республиканском Риме.

Не случайно, что именно в римском обществе, где законы рассматривались издавна как священные, была выработана наиболее совершенная в условиях древнего мира правовая система, имеющая целостный и всеобъемлющий характер. Римское право впервые в истории выступило в качестве системного, тщательно разработанного, собственно правового образования. Классическое римское право — это вершина в истории права античности и древнего мира в целом. Оно представляет собой одно из величайших достижений античной культуры, влияние которого на последующее развитие европейского права и цивилизации трудно переоценить. Оно приобрело в известной мере вневременной, внеисторический характер.

Римское право лишь со значительными оговорками можно рассматривать как рабовладельческое. На первый взгляд оно может казаться таким, поскольку сформировалось и достигло своего апогея в обществе, в основе которого лежало наиболее развитое во всем античном мире классическое рабство. Но очевидно, что не рабство предопределило основное содержание римского права, его филигранную юридическую технику. Римское право в том виде, в каком оно приобрело мировое значение (это прежде всего частное право,

закрепляющее интересы индивида, частного собственника), представляет собой порождение рыночных отношений и торгового оборота.

На ранних этапах истории Римского государства, когда в обществе сохранялись многие элементы патриархального быта, а товарно-денежные отношения не получили еще развития, римское право отличалось традиционализмом, формализмом и сложными обрядами, тормозившими экономический оборот. Постепенный процесс превращения Рима из города-республики в гигантскую по тем временам империю имел своим результатом не только рост рабства, но и товарного производства, а в конечном счете создание самого сложного за всю историю древнего мира рыночного хозяйства, настоятельно требовавшего адекватной правовой регламентации.

Сила частной собственности и построенного на ней товарного оборота ломала устаревшие и стеснительные правовые формы. На их месте создавалось новое и совершенное в технико-юридическом отношении право, способное урегулировать тончайшие рыночные отношения, удовлетворить другие потребности развитого гражданского общества. Именно в таком виде римское право стало универсальной правовой системой, применимой в разных исторических условиях вне зависимости от типа общества, если только в его основе лежит частная собственность и рыночное хозяйство. Вместе с римским правом в историю цивилизации вошла и римская юриспруденция, представляющая огромную культурную ценность. На базе римской юриспруденции зародилась юридическая профессия, а соответственно с нее берет начало и специальное правовое образование.

Глава 10. Государство в Древней Греции

§ 1. Государство в Афинах

Возникновение государства. Территорию Аттики (область Греции, где впоследствии возникло Афинское государство) населяло в конце II тысячелетия до н. э. четыре племени, каждое из которых имело свое народное собрание, совет старейшин и выборного вождя — базилевса. Переход к производящей экономике с индивидуализацией труда привел к разделу общинной земли на участки с наследственным семейным владением, к развитию имущественной дифференциации и постепенному выделению родовой верхушки и обнищанию массы свободных общинников, многие из которых превращались в фетов — батраков или за долги попадали в рабство. Эти процессы ускорялись благодаря развитию ремесла и торговли, чему благоприятствовало приморское положение Афин. Богатые семьи стали и первыми собственниками рабов, в которых обращали военнопленных. К началу I тысячелетия до н. э. рабовладение было распространенным явлением, хотя эксплуатация рабского труда еще не стала основой общественного производства. Рабы были заняты главным образом в домашнем хозяйстве, ремесле, реже на полевых работах. Наряду с ними трудились и их хозяева, хотя рабы выполняли наиболее тяжелые работы. Только со временем рабский труд станет преобладать, а рабовладельцы, прежде всего крупные, перестанут участвовать в производительном труде. Родоплеменная организация власти начинает приспосабливаться к обеспечению интересов не только ее членов, но и богатеющей верхушки свободных, к эксплуатации рабов. В народном собрании возрастает влияние знатных родов, из их представителей формируется совет старейшин и избираются базилевсы. Первобытное общество превращается в политическое общество, часто называемое военной демократией. Но и оно, сохраняя традиции родоплеменной организации власти, не было способно разрешить или хотя бы умерить развившиеся в обществе антагонизмы — между складывающимися классами рабов и свободных, между рядовыми общинниками и родоплеменной верхушкой. Важную роль сыграли и внешние факторы его существования.

Географические условия, требовавшие приспособления ведения хозяйства к условиям

окружающей природной среды, истощение локальных природных ресурсов, усилившееся с переходом к производящей экономике, развитие обмена и связанная с ним интенсификация межплеменных контактов и, как следствие, ослабление кровнородственных связей и ассимиляция родов и племен, необходимость урегулирования и устранения возникающих конфликтов, вышедших за племенные рамки, стали предпосылками для объединения племен Аттики под единой властью.

Следствием этого и одновременно важным этапом в длительном процессе образования государства в Афинах были реформы, связываемые по традиции с именем легендарного героя Тесея. Приписываемые ему реформы — результат постепенных изменений, происходивших в течение ряда веков и завершившихся к VIII в. до н. э. Одной из таких реформ было объединение (синойкизм) племен, населявших Аттику, в единый афинский народ. В результате синойкизма в Афинах был создан Совет, управлявший делами всех четырех племен. По старой родоплеменной организации был нанесен первый удар.

Афинский полис становится территориальной формой политической организации общества.

Территориальная организация общества настоятельно требовала единообразного (независимого от племенных различий) и, следовательно, централизованного управления общественными делами, гораздо более активного регулирования развивающихся социальных отношений. Ранее достаточно монолитное родоплеменное общество оказалось в сложном положении. Еще сохранялись межродовые и межплеменные распри. Но уже возникали новые острые конфликты в связи с усиливающейся имущественной дифференциацией в Аттике. Эти конфликты, наиболее отчетливо проявившиеся в углубляющихся противоречиях между свободными афинянами и различными группами неполноправного и зависимого населения (феты, иностранцы, рабы и т. д.), создавали почву для формирования новых механизмов власти. Возникла необходимость в политической (государственной) власти, стоящей над обществом и способной стать, с одной стороны, средством соглашения и примирения, с другой — силой подчинения и порабощения. Начало этому было положено закреплением не только социального, но и политического неравенства между свободными, их разделением (также приписываемым Тесею) на эвпатридов — благородных, геоморов — земледельцев и демиургов — ремесленников.

К эвпатридам, родоплеменной верхушке, перешло исключительное право на занятие общественных должностей, что вело к дальнейшему отделению публичной власти от населения. Геоморы и демиурги вместе с торговцами и бедняками, составлявшими большинство свободных, постепенно отстранялись от непосредственного активного управления общественными делами. За ними сохранилось лишь право участвовать в народном собрании, роль которого в это время значительно упала. Вместе с тем положение мелких землевладельцев становилось все более тяжелым. Они разорялись и вынуждены были закладывать за долги земли. Наряду с залогом земли возникала и долговая кабала, по условиям которой неисправный должник мог быть продан в рабство за границу.

Архонты и ареопаг. Эвпатриды, опираясь на свое богатство и исключительное право на занятие общественных должностей, по степенно ограничивают власть базилевса, связанную с традициями родовой демократии. Его функции переходят к новым, выборным из эвпатридов должностным лицам — архонтам. Поначалу должность архонта была пожизненной, затем ее ограничили десятилетним сроком. С VII в. до н. э. стали избираться девять архонтов сроком на один год. Коллегия архонтов не только восприняла военные, жреческие и судебные функции базилевса, но и со временем взяла в свои руки все руководство страной.

Тогда же, в VIII в. до н. э., возник еще один новый орган публичного управления — ареопаг. Заменяв совет старейшин, ареопаг избирал и контролировал архонтов, а также народное собрание, и осуществлял высшую судебную власть. В состав ареопага входили все бывшие и действующие архонты, т. е. опять-таки представители эвпатридов.

Аттическое общество превращается в политическое общество — общество,

находящееся под властью, выделившейся из него и стоящей над ним. Былому синкретизму (нерасчлененности) общества и власти приходит конец.

Одновременно продолжает развиваться и другой процесс, характерный для возникновения государства, — территориальное деление населения. В VII в. до н. э. страна была разделена на округа — навкратрии, жители которых, независимо от племенной принадлежности, были обязаны на свои средства построить и снарядить военный корабль, а также поставить для него экипаж.

Реформы Солона и Клисфена. К VI в. до н. э. в Афинах складывается крайне сложная обстановка. Развитие товарно-денежных отношений привело к дальнейшему социальному расслоению свободного населения. В среде эвпатридов и геоморов выделяются богатые землевладельцы, некоторая часть эвпатридов беднеет, а геоморов — превращается в батраков, обрабатывающих чужую землю, получая за это 1/6 часть урожая, или попадает в долговую кабалу, теряет свободу и продается в рабство за границу. Растет экономическая роль богатой торгово-ремесленной верхушки горожан, по-прежнему отстраненной от власти. Растет и число бедняков-ковфетов. Все не устойчивее становится положение средних и мелких землевладельцев и ремесленников. В результате в среде свободных возникает целый комплекс противоречий — между богатыми и обедневшими эвпатридами, все еще удерживающими власть, и богачами из землевладельцев, торговцев и ремесленников, стремящимися к власти и использующими недовольство бедноты и средних и мелких собственников. Эти противоречия кристаллизовались как противоречия между богатой родовой аристократией и народом (демосом), возглавляемым богачами.

Для смягчения этих противоречий и сплочения всех свободных в единый господствующий класс требовались глубокие социальные и политические преобразования. Начало им положил Солон, избранный архонтом в 594 году до н. э. Хотя Солон был эвпатридом, он разбогател на торговле и пользовался доверием среди широких слоев населения. Главной целью реформ Солона было примирение интересов различных враждующих группировок свободных. Поэтому они носили компромиссный, половинчатый характер.

Реформы Солона явились важным этапом в образовании государства в Афинах, и их результаты можно сравнить с политической революцией. Прежде всего Солон провел сисахфию — долговую реформу, которая означала прямое вмешательство в отношения собственности. Задолженность бедняков была аннулирована. Афиняне, попавшие в рабство за долги, освобождались, а проданные за долги за границу, — выкупались. Долговое рабство в Афинах впредь отменялось.

Сисахфия посягала на интересы родовой знати и была уступкой демосу. В то же время Солон не выполнил важного требования бедноты — не произвел передела земли, хотя и установил максимальный размер земельного владения. Но разрешив в интересах богатых афинян свободную куплю-продажу земли и дробление земельных владений, он сделал неизбежным дальнейшее обезземеливание бедноты.

С именем Солона связана также цензовая реформа, которая была направлена на уничтожение наследственных привилегий знати, замену привилегий происхождения привилегиями богатства. Солон закрепил деление граждан на четыре разряда по имущественному признаку.

Самые богатые граждане были отнесены к первому разряду, менее богатые — ко второму и т. д. Каждый разряд имел определенные политические права: общественные должности могли занимать только граждане первых трех разрядов, а должность архонта (и, следовательно, члена ареопага) только граждане первого разряда. Бедняки, входившие в низший, четвертый разряд, этого права по-прежнему были лишены. Но они могли участвовать в народном собрании, роль которого увеличивается. Собрание стало вырабатывать законы, избирать должностных лиц и принимать от них отчеты.

Одновременно Солон сделал уступки и бедноте, и эвпатридам, интересы первых получили отражение в создании нового судебного органа — гелизи, в которую мог быть

избран любой афинский гражданин независимо от его имущественного положения. В интересах вторых был учрежден новый орган управления — Совет четырехсот, избиравшийся из граждан первых трех разрядов по 100 человек от каждого племени, где еще сохранялись родовые традиции и влияние эвпатридов.

Реформы нанесли удар по родовой организации власти и привилегиям родоплеменной аристократии. Они были важным этапом формирования политической организации в Афинах. Но компромиссный характер реформ помешал разрешению острых противоречий. Реформы вызвали недовольство родовой аристократии и не удовлетворили полностью демос. Борьба между ними продолжалась и привела через некоторое время к установлению тирании Писистрата, а затем его сыновей (560–527 гг. до н. э.), которые закрепили успехи демоса в борьбе с аристократией и упрочили политический строй, созданный Солоном. Существовавшие органы управления продолжали функционировать, но теперь уже под контролем захватившего власть тирана. Тираном в Афинах считался незаконный правитель, не обязательно устанавливающий жестокий режим. Писистрат облегчил положение мелких землевладельцев, предоставив им кредит. Активная внешняя политика и создание военного флота привлекли на его сторону афинских торговцев. Большой размах строительства общественных сооружений, украшавших город, давал средства существования бедноте. Немаловажную роль играло и соблюдение действовавших в Афинах законов.

Однако эти мероприятия требовали все возрастающих денежных средств, пополнение которых возлагалось на богатых афинян, что в конце концов вызвало их недовольство. При поддержке Спарты, опасавшейся усиления Афин, тирания была свергнута. Предпринятая вслед за этим попытка аристократии захватить власть закончилась неудачей. Опираясь на бедноту, богатая торгово-ремесленная верхушка афинских рабовладельцев, возглавленная Клисфеном, изгнала спартиатов и закрепила свою победу новыми реформами. Реформы Клисфена, проведенные в 509 году до н. э., ликвидировали в Афинах последние остатки родового строя. Они уничтожили старое деление населения на четыре племени.

Атика была разделена на 10 территориальных фил, каждая из которых включала три находящиеся в разных местах территории (тритии) — городскую, прибрежную и земледельческую. Они делились в свою очередь на демы. Такая структура фил подрывала политические позиции земельной аристократии, так как на первых двух территориях преобладали торгово-ремесленные слои рабовладельцев. Крестьянство было освобождено от влияния древних родовых традиций, на которых основывался авторитет знати, доступ к участию в политической позиции получили и те, кто не входил в местную племенную организацию. На смену кровнородственному пришел территориальный принцип деления населения.

Клисфен упразднил Совет четырехсот и на основе вновь созданной территориальной организации населения учредил Совет пятисот, формировавшийся из представителей 10 фил по 50 человек от каждой. Совет руководил политической жизнью Афин в период между созывами народного собрания и осуществлял исполнение его решений. Был создан еще один орган — коллегия десяти стратегов, которая также комплектовалась с учетом территориальной организации населения: по одному представителю от каждой филы. Первоначально стратеги имели лишь военные функции, но позднее они оттеснили на второй план архонтов и стали высшими должностными лицами Афинского государства.

С целью предотвратить попытки аристократии реставрировать старые порядки при Клисфене в практику народных собраний была введена особая процедура, получившая название остракизма. Ежегодно созывалось народное собрание, определявшее голосованием, нет ли среди сограждан таких лиц, которые являются опасными для государства. Если такие лица назывались, собрание созывалось вторично, и каждый его участник писал на остраконе (глиняном черепке) имя того, кто, по его мнению, был опасен. Осужденный большинством голосов удалялся за пределы Атики сроком на 10 лет. Остракизм, направленный вначале против родовой аристократии, использовался впоследствии в политической борьбе между различными группировками, существовавшими в афинском обществе.

Реформы Клисфена завершили длительный процесс становления государства в Древних Афинах.

Зарождающаяся после Тесея дифференциация властных функций приводит к организации органов их осуществления. В результате постепенно возникает специальный и постоянно действующий аппарат осуществления политической власти. Параллельно идет процесс приобретения этим аппаратом монополии на власть над обществом. Монополизация права на осуществление властных функций становится легитимным правом на использование принуждения. Политическая власть начинает осуществляться в форме государственной власти, становится государственной властью, а аппарат ее осуществления — государственным аппаратом.

Так, вслед за растянувшейся на века революцией в экономических отношениях происходила социальная революция, а затем и революция политическая, завершившаяся возникновением государства. Все они не были единовременными актами. Возникновение государства в Афинах сопровождалось ожесточенной борьбой между родовой аристократией и демосом, завершившейся победой демоса. В результате этой победы в Афинах возникло рабовладельческое государство в форме демократической республики.

Афинское государство в V -IV вв. до н. э. В первую половину V в. до н. э. Афины превращаются в одно из ведущих государств греческого мира. Этому способствовали победа греческих государств в греко-персидских войнах, интенсивное экономическое развитие Афин и укрепление в них демократического строя. Образованный в ходе греко-персидских войн союз греческих государств был первоначально возглавлен Спартой. К 70-м годам, когда военные действия были перенесены на море, руководство союзом перешло к Афинам. В 478 году до н. э. был образован Делосский морской союз (симмахия), возглавляемый Афинами. В союз входило 140–160 греческих государств, снаряжавших военные корабли и делавших взносы (форос) в союзную казну. Командование флотом было поручено Афинам.

Со временем постройка флота перешла к Афинам, туда же была переведена с Делоса казна союза, а форос превратился в налог, собираемый с союзников и находившийся в бесконтрольном распоряжении Афин. Недовольство союзников подавлялось силой, на их территории стали создаваться афинские поселения (клерухии), превратившиеся практически в военные гарнизоны, во многие союзные государства направлялись афинские должностные лица, к афинским судам перешло рассмотрение некоторых дел граждан союзных государств, а Совет пятисот стал решать дела союза.

Гегемония Афин в союзе превратила его в могущественную Афинскую архэ — державу, беспощадно эксплуатировавшую союзников, обогащавшуюся за их счет и силой удерживавшую их в союзе.

Изменение внешнеполитического положения Афин, их обогащение повлекли за собой изменения в социально-политических отношениях. Эфиальт почти полностью лишил ареопаг политической власти, передав его основные функции народному собранию, Совету пятисот и гелиэе. За ареопагом сохранились лишь некоторые судебные и религиозные функции.

С именем Перикла связан расцвет афинской демократии. При нем потеряла значение цензовая реформа Солона, поскольку возможность замещения государственных должностей была признана за всеми полноправными гражданами. Для приобщения к активной политической жизни малоимущих граждан вводилось вознаграждение за исполнение государственных должностей.

Отходит в прошлое патриархальное рабство. На смену ему идет классическое, античное рабовладение. Рабы, которые начинают рассматриваться как простые орудия труда, превращаются постепенно в основную производительную силу. Государственные рабы эксплуатируются преимущественно в рудниках и каменоломнях, частные рабы — на полях и в ремесленных мастерских или сдаются внаем. Численность рабов значительно возросла и примерно в четыре раза превышала число свободных афинян. Противоречие между бесправными рабами и рабовладельцами превратилось в основное антагонистическое противоречие афинского общества. Обострились и противоречия между афинскими

гражданами и метеками (поселившимися в Афинах иностранцами), число которых росло и достигло половины численности афинян. Метеки, занимавшиеся торговлей и ремеслом, были существенно ограничены в имущественных правах, полностью лишены права участвовать в политической жизни.

Афинская демократия вступила в период своего расцвета. Важную роль в этом сыграли проведенные в середине V в. до н. э. реформы Эфиальта и Перикла.

Но и после этих реформ существенную роль в истории Афин играли нараставшие противоречия между различными социальными группами свободных афинян. Все более углублявшаяся имущественная дифференциация разделила свободных граждан на две неравные и фактически неравноправные группы — небольшую группу богатых рабовладельцев (землевладельцы, торговцы, судовладельцы, ростовщики, хозяева ремесленных мастерских) и основную массу свободной бедноты (земледельцы, ремесленники, моряки) и лишенных собственных средств существования люмпенов, живших за счет подачек государства и богачей.

Афинская демократия в период своего расцвета превратилась в политическую форму совместного господства свободных (рабо владельцев, бедноты, люмпенов) над рабами. Вместе с тем она была и формой господства рабовладельцев над неимущими согражданами. Она стала и формой, в которой развивались противоречия между свободными — рабовладельцами, с одной стороны, и мелкими производителями и люмпенами — с другой. Эти характерные черты афинской демократии отразились на ее государственном строе.

Рабовладельческая демократия в Афинах в V в. до н. э. По своей сущности Афинское государство являлось политической организацией свободных граждан, обеспечивающей защиту их интересов и повиновение огромной массы рабов. По форме правления оно представляло собой демократическую республику, в которой афинские граждане пользовались равными правами и могли принимать активное участие в политической жизни. Она окончательно сложилась в V в. до н. э. и просуществовала (с некоторыми перерывами) до тридцатых годов IV в. до н. э.

Основными органами Афинского государства являлись: народное собрание, Совет пятисот, гелиэя. Они направляли и контролировали деятельность должностных лиц.

Народное собрание — верховный орган власти Афин. Оно собиралось сначала десять, а позднее сорок раз в год. При особых обстоятельствах (неожиданное нападение врага, стихийное бедствие) могло быть созвано чрезвычайное "собрание ужаса и смятения". Компетенция народного собрания была обширной: оно принимало законы, издавало постановления по частным вопросам (псе-физмы), избирало должностных лиц и производило проверку их деятельности, решало вопросы войны и мира, обсуждало продовольственное положение страны и т. д. Специальные собрания посвящались рассмотрению просьб граждан и решению вопроса об изгнании отдельных лиц в порядке ostracism из пределов государства.

В работе народного собрания могли участвовать только полноправные афинские граждане, достигшие 20-летнего возраста. Женщины и метеки в народное собрание не допускались. Как правило, редко участвовали в его деятельности крестьяне, занятые в своих хозяйствах, хотя, начиная с IV в. до н. э., за посещение собрания полагалось вознаграждение. Для решения даже самых важных вопросов требовалось присутствие всего 6000 человек, то есть примерно 1/5 всех полноправных афинян.

Повестка дня каждого собрания определялась заранее. Одно из собраний каждого месяца считалось главным. Оно проверяло деятельность должностных лиц, обсуждало продовольственное положение и др. Главное собрание шестого месяца, кроме того, решало вопрос об ostracism, обвинениях должностных лиц. На трех других собраниях месяца рассматривались жалобы граждан, религиозные, административные и другие вопросы. Выступать в народном собрании и вносить проекты новых законов формально мог каждый участник. Практически же с речами выступали главным образом профессиональные ораторы — демагоги, защищавшие интересы отдельных групп свободных. Законопроекты

предварительно вывешивались для всеобщего обозрения и поступали на обсуждение народного собрания после их рассмотрения в Совете пятисот, который по каждому законопроекту давал заключение. Голосование по законопроекту производилось поднятием руки.

Важным средством, использовавшимся в целях обеспечения стабильности законодательства, было право любого участника собрания, сославшись на незаконность предложенного законопроекта, потребовать снятия его с обсуждения или голосования под угрозой привлечения автора к суду. Кроме того, председатель народного собрания мог не ставить на голосование те предложения, которые, с его точки зрения, являлись незаконными.

Принятый народным собранием законопроект становится законом только в том случае, если он не отвергался затем гелизеей.

В Совет пятисот (буле) входило по 50 человек от каждой из десяти территориальных фил. Члены совета (булевты) избирались по жребию на один год из граждан, достигших 30 лет. К компетенции Совета относились вопросы управления: осуществление дипломатических сношений с другими государствами, управление финансами, надзор за арсеналами, доками, флотом, регулирование торговли, контроль за должностными лицами. Последние имели право выступать в Совете и вносить на его рассмотрение свои предложения. Важнейшей функцией Совета было предварительное обсуждение вопросов, поступавших на рассмотрение народного собрания, что позволяло Совету направлять деятельность последнего.

Для ведения текущих дел Совет был разделен на 10 комиссий (пританий), состоящих из 50 представителей одной филы. Комиссии по очереди выполняли обязанности Совета, ежедневно избирая по жребию нового председателя Совета, который во время работы народного собрания являлся и его председателем. В IV в. до н. э. этот порядок был изменен: председатель стал избираться перед каждым заседанием Совета (собрания). По окончании срока службы каждый член Совета пятисот отчитывался в своей деятельности и мог быть привлечен к ответственности.

Гелиэя была высшим судебным органом государства и состояла из 5000 судей и 1000 запасных: по 600 человек от каждой из 10 территориальных фил. Члены гелиэи избирались по жребию на один год из граждан, достигших 30 лет. В составе гелиэи функционировали 10 коллегий, в каждой из которых было по 500 судей и 100 запасных. В целях предотвращения возможных злоупотреблений коллегиям было неизвестно, когда их призовут к исполнению обязанностей. Это решалось жеребьевкой в день суда.

Гелиэя была судом первой инстанции по делам о государственных преступлениях и о злоупотреблениях должностных лиц и апелляционной инстанцией по делам, рассмотренным другими судами. Она также осуществляла некоторые контрольные функции и обладала важным правом отвергать законопроекты, принятые народным собранием.

Таким образом, законодательный процесс Древних Афин имел следующие стадии: а) внесение законопроекта в народное собрание в порядке законодательной инициативы, которой обладал каждый полноправный афинский гражданин; б) предварительное рассмотрение законопроекта Советом пятисот и дача по нему заключения для народного собрания; в) принятие законопроекта народным собранием; г) принятый законопроект мог быть отвергнут гелизеей.

Важную роль в управлении Афинским государством играли должностные лица. Основные принципы замещения должностей — выборность, срочность, возмездность, подотчетность и коллегиальность.

Выборы должностных лиц осуществлялись ежегодно или открытым голосованием в народном собрании, или по жребию. Перед вступлением в должность все избранные подвергались особой проверке — докимасии, во время которой выяснялись их право на занятие должности, политическая благонадежность и необходимые личные качества. Нельзя было занимать должность (кроме военных) дважды или две должности одновременно. Исполнение должностей оплачивалось (исключение составляли только стратеги). После

истечения срока должностные лица представляли отчеты о своей деятельности Совету пятисот и гелиэе. В период расцвета Афинского государства подавляющее большинство должностей было коллегиальным.

Главными должностными лицами в Афинах были стратеги и архонты.

Коллегия стратегов состояла из десяти членов, избираемых народным собранием из числа женатых и имевших недвижимость граждан. Стратеги к V в. до н. э. получили важные полномочия. Они стали распоряжаться средствами, отпущенными на содержание армии и флота, организовывать сбор чрезвычайных военных налогов, руководить доставкой продовольствия в Афины (в мирное время граждане не платили постоянных налогов, последние собирались только с метеков). К ним перешли и некоторые полномочия в области дипломатических сношений: они принимали капитуляцию противника, заключали перемирие. Кроме того, они вели следствие и председательствовали в судах по делам о воинских преступлениях. Наконец, стратеги имели право требовать созыва внеочередных заседаний Совета пятисот или народного собрания и принятия неотложных мер. Иногда из стратегов выделялся автократор, командовавший армией, а в чрезвычайных обстоятельствах получавший всю власть в государстве.

С ростом полномочий стратегов падало политическое значение архонтов. После реформ Солона девять архонтов стали избираться жребием из кандидатов, предложенных территориальными филами. Единой коллегией они действовали редко — при решении народным собранием вопроса об остракизме и при проверке должностных лиц. Первым архонтом считался архонт-эпоним, за которым с расцветом афинской демократии сохранились лишь судебные функции по семейным делам и делам о наследстве. Вторым архонтом был архонт-базилевс. Он ведал вопросами религиозного культа и рассматривал в суде дела об уголовных преступлениях. Далее шел архонт-полемарх, утративший имевшиеся у него ранее функции военного командования и занимавшийся в основном делами, связанными с метеками и другими иностранцами (ксенами). Остальные шесть архонтов-фесмофетов руководили отправлением правосудия в афинских судах.

Специальные должностные лица (всего в Афинах их было около 700) управляли государственным имуществом, ведали государственной казной, наблюдали за порядком на улицах и нравственностью граждан, за торговлей на рынке, воспитывали и обучали молодежь, проходившую военную подготовку и т. д. Свои должностные лица были в филах и демах.

Суд. Высшим судебным органом Афин, как отмечалось, была гелиэя. Некоторые судебные функции сохранил ареопаг. Под председательством архонта-базилевса он рассматривал дела об умышленном убийстве. По поручению народного собрания ареопаг мог проводить расследование дел о государственных преступлениях. Дела о неумышленных убийствах рассматривались судом эфетов. Разбой, кража и другие имущественные преступления — коллегией одиннадцати. Гражданско-правовые споры об имуществе подлежали ведению третейского суда диэтетов и (по мелким делам) коллегии сорока. Со времени Перикла были созданы суды по делам. Иногда, когда речь шла об особо тяжком преступлении, в качестве суда выступало само народное собрание.

Афинская армия формировалась на основе всеобщего ополчения свободных граждан в возрасте от 18 до 50 лет. Подлежащие мобилизации возрасты определялись народным собранием. Во время войны каждая фила должна была выдвинуть отряд тяжеловооруженных воинов (гоплитов), отряд легковооруженных и определенное число всадников, сражавшихся, впрочем, в пешем строю. В мирное время все афинские граждане от 18 до 20 лет обязаны были пройти военное обучение. Их нередко привлекали к несению патрульной службы на границах. Со второй половины V в. до н. э. для охраны государственных границ стали привлекать постоянные наемные войска. Со времени Пелопоннесской войны они стали использоваться и в военных действиях. К IV в. до н. э. в армии и на флоте появились наемники. Полицейские функции осуществляли рабы — токсоты (около 200 человек). Возложение полицейских функций на рабов говорило об остроте противоречий между

враждующими группировками господствующего класса, не доверявшими друг другу. Немаловажную роль играло и то, что выполнение полицейских функций представлялось свободному афинянину неправомерным по отношению к согражданам.

Упадок афинской демократии. Формальное равноправие афинских граждан сочеталось с их имущественным неравенством, которое резко возросло к концу V в. до н. э. Наряду с процветанием небольшой группы крупных (по масштабам Афин) землевладельцев и торгово-ремесленных богачей значительно ухудшилось положение основной массы граждан — мелких земледельцев, ремесленников и люмпенов. Выросли противоречия и между афинянами и ограниченными в правах метеками. Все это привело афинскую демократию к острому кризису.

Кризисная ситуация резко обострилась в результате начавшейся в 431 году до н. э. Пелопоннесской войны между Афинами и фактически подвластными им государствами Афинского морского союза, с одной стороны, и Спартой, стоявшей во главе Пелопоннесского союза. Поражение в войне, приведшее к большим материальным и людским потерям, распаду морского союза и, следовательно, к утрате возможности пользоваться ресурсами входивших в него государств, имело своим следствием олигархический переворот крупных рабовладельцев, тяготившихся демократическими порядками и особенно возлагавшимися на них финансовыми обязанностями по отношению к бедноте и государству. Правда, вскоре демократия была восстановлена, но после капитуляции Афин в войне в 404 году до н. э. последовал новый олигархический переворот. Его успех также оказался недолговременным. Демократический строй был восстановлен, но от былого величия Афин не осталось и следа. Страна была разорена, государственная казна опустела, торговля пришла в упадок, морская гегемония ушла в прошлое. Крестьяне разорялись, продавали свою землю и пополняли ряды городской бедноты, не получавшей уже достаточной помощи от государственной казны. Недовольство охватило и богатых рабовладельцев, вынужденных теперь только из своих средств поддерживать свободную бедноту — единственного союзника перед лицом угнетаемых рабов.

Раздираемая внутренними противоречиями, ослабленная всеобщим недовольством, афинская демократия оказалась бессильной оказать сопротивление возвысившейся к IV в. до н. э. Македонии. В 338 году до н. э. фаланги Филиппа Македонского разгромили греческие войска, а в 336 году до н. э. Афины вместе со всей Грецией были включены его сыном Александром в состав Македонской монархии, а затем одного из государств, образовавшихся после ее распада. Во II в. до н. э. после вторжения римских легионов Афины, как и вся Греция, превратились в одну из провинций Римской Державы.

§ 2. Государство в Спарте

Другим полисом, оказавшим большое влияние на историю Древней Греции, была Спарта. В основе возникновения государства в Спарте, относимого обычно к VIII–VII вв. до н. э., лежали общие закономерности разложения первобытнообщинного строя. Но если в Афинах эти закономерности привели практически к почти полному отмиранию родоплеменных отношений, то в Спарте процесс возникновения государства отличался существенными особенностями и сопровождался сохранением значительных остатков родовой организации.

Главной особенностью исторического развития Спарты было вмешательство в становление классового общества внешнего насильственного фактора. Миграция племен на Балканском полуострове, начавшаяся в XII в. до н. э., сопровождалась военными столкновениями между ними. Объединение завоевателей пришлых дорийских племен с местными ахейскими в долине Лакеонии привело к образованию спартанской общины и позволило ей в VIII–VII вв. до н. э. расширить пределы своих владений, поработить население завоеванной соседней области — Мессении и поставить в зависимость население,

жившее на периферии завоеванной территории.

Завоевание привело к возникновению совместной собственности завоевателей на землю — основное в тех условиях средство производства — и рабов. Вместе с ней возникла и четкая классовая дифференциация — спартиаты превратились в господствующий класс рабовладельцев, а покоренные жители в рабов или неполноправных граждан.

Организация политической власти у спартиатов была типичной для периода распада первобытнообщинного строя — два родоплеменных вождя (как результат объединения дорийских и ахейских племен), совет старейшин, народное собрание. Но она не давала достаточных средств для господства над покоренным населением, численность которого примерно в 20 раз превышала численность завоевателей. Объективно возникла потребность в организации политической власти, не совпадающей со всем населением, обеспечивающей незначительной его части господство над массой поработанных.

В то же время необходимость господства над поработанными массами, обеспечения их эксплуатации требовала единения спартиатов, сохранения некоторых элементов родоплеменной общности. Этому благоприятствовали и аграрный характер хозяйства Спарты, известная изоляция территории страны, замкнутой горными хребтами, что препятствовало развитию внешней торговли и товарно-денежных отношений. Совокупность этих обстоятельств обусловила сохранение значительных элементов военной демократии и в условиях окончательно оформившегося классового общества.

Социальное и политическое устройство Спарты этого периода было закреплено ретрой (договором), приписываемой легендарному законодателю Ликургу. Ликург как историческая личность, вероятно, не существовал, время его реформ точно не установлено. Считается, что ретра относится к VIII–VII вв. до н. э., а окончательно "ликургов строй" сложился к концу VII — началу VI в. до н. э. Ретра (возможно, их было несколько) пыталась решить две основные задачи — обеспечить единство спартиатов путем сдерживания имущественной дифференциации между ними и создать организацию их совместного господства над завоеванным населением.

Особенности общественного строя. В Спарте сложилось своеобразное классовое рабовладельческое общество, сохранившее существенные пережитки первобытнообщинных отношений.

Господствующий класс составляли спартиаты. Только они считались полноправными гражданами. При сохранении совместной собственности граждан на землю принадлежность к господствующему классу поддерживалась предоставлением каждому спартиату в пользование земельного надела (клера) вместе с прикрепленными к нему рабами — илотами, труд которых обеспечивал средствами существования спартиата и его семью. Земля разделена на 9000 примерно равных неделимых и неотчуждаемых клеров. Их нельзя было продать, подарить или завещать.

Жили спартиаты в подобии города, объединявшего 5 селений и напоминавшего своеобразный военный лагерь. Их быт был строго регламентирован. Главной обязанностью считалась военная. Для подготовки детей к выполнению этой обязанности их, начиная с семи лет, отдавали на государственное воспитание в специальные школы. Особые должностные лица — педономы вырабатывали у них дисциплинированность и беспрекословное выполнение указаний старших, силу и выносливость, военные навыки и храбрость. Обучение заканчивалось в 20-летнем возрасте. С 20 до 60 лет спартиаты несли военную службу. Взрослые мужчины объединялись в возрастные и иные союзы, определявшие социальный статус их членов. Немногие избранные граждане входили в привилегированный корпус 300 всадников. Женщины, почти полностью освобожденные от домашнего хозяйства и заботы о воспитании детей, обладали некоторой самостоятельностью и имели досуг для развития личности.

В целях поддержания единства спартиаты должны были участвовать в общественных трапезах — сисситиях, организуемых за счет установленных ежемесячных взносов спартиатов. Порции участников сисситий были равными. Почетные доли получали

должностные лица. Одинаковыми были одежда и вооружение воинов. Поддержанию единства спартиатов способствовали и установленные Ликургом правила против роскоши. Запрещалось спартиатам и торговать, для них вводились тяжелые, неудобные в обращении железные монеты.

Однако эти ограничения не могли предотвратить развитие имущественной дифференциации, подрывавшей единство и "равенство" спартиатов. Поскольку земельные наделы наследовались только старшими сыновьями, остальные могли получить лишь выморочные наделы. Если таких не было, они переходили в разряд гипомейонов (опустившихся) и теряли право участвовать в народном собрании и сисситиях. Численность гипомейонов неуклонно возрастала, а численность спартиатов соответственно сокращалась — с девяти до четырех тысяч к концу IV в. до н. э.

Периеки — жители периферийных горных неплодородных районов Спарты — занимали в правовом отношении промежуточное положение между спартиатами и илотами. Они были лично свободны, обладали имущественной правоспособностью, но не пользовались политическими правами и находились под надзором особых должностных лиц — гармостов. На них распространялась военная обязанность: они должны были участвовать в сражениях в качестве тяжеловооруженных воинов. Основное занятие периеков — торговля и ремесло. По своему положению они были близки к афинским метекам, но в отличие от последних высшие должностные лица государства могли казнить их без суда.

Илоты — порабощенные жители Мессении — были собственностью государства. Они предоставлялись в распоряжение спартиатов, обрабатывали их землю и отдавали им около половины урожая (на домашних работах спартиаты использовали рабов из военнопленных). Хотя в Спарте, как и в Афинах, эксплуатация рабского труда стала основой общественного производства, коллективное спартанское рабовладение отличалось от классического рабства. Илотия была специфической формой рабства. Илоты практически самостоятельно вели свое хозяйство, не были товаром, подобно рабам, и свободно распоряжались оставшейся у них частью урожая. Их экономическое и социальное положение было близким к положению крепостных крестьян. Предполагается, что они имели семью и образовывали какое-то подобие общины, являвшейся коллективной собственностью общины спартиатов.

Илоты участвовали в войнах Спарты в качестве легковооруженных воинов. Они могли выкупиться на свободу, но в других отношениях были совершенно бесправными. Ежегодно спартиаты объявляли илотам войну, сопровождавшуюся массовыми убийствами. Впрочем, убийство илота допускалось и в любое другое время.

Организация власти. Государственный строй Спарты сформировался в результате преобразования военной демократии в государственную организацию, сохранявшую некоторые черты родо-племенной организации власти. Это привело к "ликургову строю", сложившемуся, как отмечалось, к VI в. до н. э. Некоторые историки рассматривают его как переворот, связанный с окончанием завоевания Мессении и установлением илотии, потребовавшими консолидации общины спартиатов путем уравнивания их в экономическом отношении и политических правах, превращения ее в военный лагерь, господствующий над массами порабощенного населения.

Во главе государства стояли два архагета. В литературе их часто называют царями, хотя даже афинский базилевс, в отношении которого термин царь условен, обладал большей властью, чем спартанские вожди. Власть архагетов, в отличие от власти родо-племенных вождей, стала наследственной, что, однако, не делало ее прочной. Каждые 8 лет проводилось гадание по звездам, в результате которого архагеты могли быть преданы суду или отстранены от должности. Иногда они смещались и без этой процедуры.

Но в целом положение архагетов было почетным. Они получали большую часть военной добычи, совершали жертвоприношения, входили в состав совета старейшин, осуществляли суд по некоторым делам, имевшим значение для всей общины. Первоначально наиболее полной была военная власть архагетов. Им подчинялось войско, в походах они пользовались правом жизни и смерти. Однако в дальнейшем и их военные полномочия

были существенно ограничены.

Совет старейшин (герусия), как и архагеты, — орган власти, унаследованный от родоплеменной организации. В состав герусии входило 28 геронтов, пожизненно избираемых народным собранием из знатных спартиатов, достигших 60-летнего возраста. В герусию входили и оба вождя. Первоначально герусия рассматривала вопросы, выносившиеся на обсуждение народного собрания, и тем самым имела возможность направлять его деятельность. Со временем полномочия герусии расширились. В случае несогласия геронтов и вождей с решением народного собрания они могли воспрепятствовать ему, покинув собрание. Герусия участвовала в переговорах с другими государствами, рассматривала уголовные дела о государственных преступлениях и вела судебные процессы против архагетов.

В народном собрании участвовали все спартиаты, достигшие 30-летнего возраста. Первоначально собрание созывали вожди, они же в нем председательствовали. Выступать в народном собрании могли только должностные лица или послы иностранных государств, участники же собрания лишь заслушивали выступления и голосовали. Голосование проводилось криком, а в спорных случаях участники собрания расходились в разные стороны.

Созыв народного собрания (кроме чрезвычайных) производился раз в месяц. На собрании принимались законы, избирались должностные лица, решались вопросы войны и мира, союза с другими государствами, рассматривались вопросы о наследовании должности вождя, определялось, кому из вождей возглавлять войско в походе и т. д. В решении всех этих вопросов роль собрания в силу существовавшей в нем процедуры была меньшей, чем роль народного собрания в Афинах. Но все же преуменьшать ее не следует. Право избрания должностных лиц, право отклонять внесенные ими предложения позволяли ему если не контролировать их, то во всяком случае оказывать на них влияние, заставляя считаться с собой. Только к IV в. до н. э. оно становится пассивным, и роль его падает.

Эфоры в Спарте появились с VIII в. до н. э. в результате острых конфликтов между родоплеменными вождями и родовой аристократией. Последняя, получавшая большую долю военной добычи и возможность угнетать свободных общинников, стремилась ограничить пожизненную власть вождей властью избираемых на определенный срок представителей аристократии. Ими стали пять эфоров. Они избирались из "достоинных" на один год, действовали единой коллегией, принимавшей решения большинством голосов. Первоначально эфоры считались как бы помощниками архагетов и осуществляли судебное рассмотрение дел по имущественным спорам. С середины VI в. до н. э. власть эфоров заметно возросла. Они поставили под свой контроль архагетов — в походе их сопровождали два эфора. Эфоры получили право созывать герусию и народное собрание и руководить их деятельностью. Вместе с герусией они могли предотвратить принятие народным собранием неудобного им решения. К ним перешло руководство внешними сношениями Спарты и внутреннее управление страной, наблюдение за соблюдением спартиатами установленных порядков, суд над ними и наказание их, объявление войны и мира, контроль над деятельностью остальных должностных лиц (которых в Спарте было гораздо меньше, чем в Афинах). Деятельность самих эфоров практически не контролировалась — они отчитывались только перед своими преемниками. Особое положение эфоров подчеркивалось и их правом не участвовать в общих сисситиях и иметь собственный стол.

Кризис политической системы Спарты. Монолитная социальная структура господствующего класса, превратившегося в мощную военную организацию, способствовала быстрому возвышению Спарты среди греческих государств. К V в. до н. э. она установила свою гегемонию над почти всем Пелопоннесом, возглавив Пелопоннесскую симмахию. Застой в социально-экономической и политической жизни, духовное оскудение — цена господства над илотами — делают Спарту центром реакции в Греции. В то же время победа в Пелопоннесской войне (431–404 гг. до н. э.), громадная контрибуция, полученная с Афин, резко стимулировали процессы имущественной дифференциации спартиатов и развития

товарно-денежных отношений. Они еще более усилились с разрешением в начале IV в. до н. э. дарения и завещания земельных наделов (продажа их по-прежнему не допускалась, но, вероятно, имела место). Увеличиваются размеры наделов знати и за счет приобретения земель (у илотов) на окраинах государства. Запрещение торговли перестает соблюдаться.

Былой аскетический спартанский образ жизни уходит в прошлое. Массовое разорение рядовых спартиатов ведет к потере ими земельных наделов и, следовательно, полноправия. Единство спартанской общины разрушается, ее военная мощь падает — число полноправных спартиатов сокращается, появляются наемники. Потеря в IV в. до н. э. Мессении в результате македонского завоевания Греции, а вместе с ней части земли и илотов, подорвала экономическую основу Спартанского государства.

Предпринимавшиеся в III в. до н. э. по требованию разорившихся спартиатов попытки восстановить старые порядки путем передела земли, уничтожения долгов, восстановления военного могущества предоставлением прав гражданства неполноправным жителям Спарты потерпели крах. Объективные закономерности развития рабовладельческого общества неумолимо вели к крушению социальных и политических порядков, сохранявших коллективистские пережитки общинного строя.

Окончательно ослабленная, раздираемая внутренней борьбой Спарта, как и все греческие государства, в середине II в. до н. э. подпадает под власть Рима.

Глава 11. Государство в Древнем Риме

§ 1. Возникновение государства в Древнем Риме

Время основания города Рима, которое историческая традиция связывает с именами легендарных Ромула и Рэма и относит к 753 году до н. э., характеризуется процессами разложения первобытнообщинного строя у племен, обосновавшихся у реки Тибр. Объединение путем войн трех племен (подобное афинскому синойкизму) древних латин, сабин и этрусков привело к образованию в Риме общины (*civitas*). Члены старейших римских родов назывались патрициями.

Развитие скотоводства и земледелия повлекло за собой имущественную дифференциацию и появление частной собственности. Возникает и патриархальное рабство, источниками которого становятся преимущественно войны, а вместе с тем и зачатки классового деления общества.

С имущественной дифференциацией социальная структура общины усложняется. В родах выделяются отдельные богатые аристократические семьи. К ним переходят лучшие земельные участки, считающиеся еще коллективной собственностью общины. Они получают и большую долю военной добычи. Вместе с тем появляется и обособленная социальная группа клиентов из обедневших общинников, принятых в состав родов пришельцев, и, иногда, отпущенных на свободу рабов. Будучи лично свободными, но ограниченными в правах, они находились под покровительством патронов из патрициев, за что, в свою очередь, должны были оказывать им имущественные и личные услуги.

Благоприятные для скотоводства и земледелия климатические условия, выгодное с точки зрения обмена и торговли географическое положение и войны привлекали в Рим все возрастающее пришлое население из соседних племен. Они не входили в римскую общину. Ограниченность земельного фонда поставила в этих условиях под угрозу само благосостояние общины. Естественной возможностью, позволявшей хотя бы временно разрешить возникшее противоречие, было превращение общины в замкнутую организацию, не допускающую в свой состав новых родов или лиц и защищающую права только своих членов. Оказавшееся вне римской родовой общины пришлое население получило название плебса. Плебс пополнялся и за счет разорившихся и потерявших связь с общиной ее бывших

членов. Плебеи оставались свободными, но были ограничены в имущественных и личных правах. Они могли получать земельные наделы только из свободной части общинного земельного фонда, не имели права вступать в брак с членами общины и были лишены возможности участвовать в управлении ее делами. Во главе римской общины стоял выборный вождь — рекс. Хотя по традиции его называли царем (отсюда "период царей"), его полномочия были ограничены. Как и у афинского базилевса они сводились главным образом к военным, жреческим и судебным. Органом управления был совет старейшин родов — сенат. Общие вопросы рассматривались на народном собрании. Однако его решения могли быть отвергнуты сенатом и рексом. Последний мог издавать общеобязательные постановления.

В организации римской общины привлекает внимание ее стройность. В общину входило 300 родов, объединявшихся в 30 курий, которые, в свою очередь, входили в 3 трибы. Если трибы возникли в результате объединения трех племен, то стройность организации общины носит на себе явный отпечаток сознательной деятельности, вызванной потребностью "замкнуть" общину в условиях ограниченности ее земельного фонда и необходимости его расширения военным путем. Последнее подтверждается и тем, что народные собрания созывались по куриям (куриатные комиции). Каждая курия в собрании была представлена только воинами (100 пеших и 10 конных) и имела один голос.

Военизированный характер римской родовой организации позволял ей какое-то время поддерживать свой замкнутый характер. Но в Риме развивались процессы, которые неизбежно должны были ускорить ее крушение. Рост численности плебса, концентрация в его руках ремесленного производства и торговли превратили плебеев в своеобразную, правда, этнически пеструю, но с преобладанием этрусского элемента, общину. Социальное значение и сила этой общины возрастали. Внутри нее, также как и в римской общине, развивается имущественная дифференциация. Появляются плебеи — богатые ремесленники и торговцы, которые начинают играть все возрастающую роль в экономике Рима. Они остро ощущают свое бесправие. Вместе с тем увеличивается число плебеев-бедняков, многие из которых становятся неоплатными должниками патрициев и попадают в долговую кабалу. Беднеющая часть плебса в условиях возрастающей численности рабов становится еще более опасной для римской общины силой.

Положение осложнялось и тем, что римляне были вынуждены привлекать плебеев к участию в военных походах. Развивающееся несоответствие между большой ролью, которую в жизни Рима стал играть плебс, и его бесправным положением породило борьбу плебеев за уравнение в правах с членами ослабленной внутренними противоречиями римской родовой общины, представленной ее ведущей силой — патрициями. Перипетии этой борьбы неизвестны, но ее результат очевиден — она закончилась победой, разрушившей замкнутую римскую родовую организацию и расчистившей тем самым путь к образованию государства.

Таким образом, возникновение государства в Древнем Риме было результатом общих процессов разложения первобытнообщинного строя, порожденных развитием частной собственности, имущественной и классовой дифференциации. Но эти процессы были ускорены борьбой плебеев за равноправие с членами римской общины, окончательно разрушившей основы родового строя Древнего Рима. На смену полису как политической общине приходит государство.

Историческая традиция связывает закрепление победы плебеев и возникновение государства в Древнем Риме с реформами рекса Сервия Туллия, относимыми к VI в. до н. э., хотя, очевидно, эти реформы были результатом довольно длительных изменений в общественной жизни Рима, растянувшихся, может быть, на столетие.

Реформы Сервия Туллия положили в основу общественной организации Рима имущественный и территориальный принципы.

Все свободное население Рима — и члены римских родов, и плебеи — было разделено на имущественные разряды. В основу деления был положен размер земельного надела, которым владел человек (позднее, с появлением в IV в. до н. э. денег, была введена денежная

оценка имущества). Обладавшие полным наделом входили в первый разряд, тремя четвертями надела — во второй и т. д. Кроме того, из первого разряда была выделена особая группа граждан — всадники, а безземельные — пролетарии обособлялись в отдельный, шестой разряд.

Каждый разряд выставлял определенное число вооруженных мужчин, из которых формировались *центурии* — сотни. Всадники составляли центурии конницы, 1–3 разряды — тяжеловооруженной пехоты, 4–5 разряды — легковооруженной пехоты. Пролетарии выставляли одну невооруженную центурию. Общее число центурий равнялось 193. Из них 18 центурий всадников и 80 центурий первого разряда составляли больше половины всех центурий.

Наиболее важным в этой части реформ было то, что центурии стали не только военной, но и политической единицей. Со времени реформ наряду с куриатными народными собраниями стали созываться народные собрания по центуриям (центуриатные комиции), где каждая центурия имела один голос и голосование по традиции начиналось с центурий всадников и первого разряда, а при их единогласии, естественно, и заканчивалось этим. Решение народного собрания по центуриям получало силу закона, и это собрание оттесняло на вторые роли народное собрание по куриям.

Вторая часть реформ — деление свободного населения по территориальному принципу усилила процесс ослабления кровнородственных связей, лежавших в основе первобытнообщинной организации. В Риме было образовано 4 городских и 17 сельских территориальных округов, за которыми сохранили старое название племен — трибы. В трибу входили и патриции, и плебеи, жившие в ней, подчинявшиеся ее старосте. Он же собирал с них налоги. Несколько позднее по территориальным трибам также стали созываться свои собрания (трибутные комиции), в которых каждая триба имела один голос. Их роль долгое время оставалась второстепенной, но разделение населения по трибам, в которых патриции и плебеи несли одинаковые обязанности, свидетельствовало о появлении в организации общественной власти в Риме территориального, а не кровнородственного принципа ее действия.

Реформы Сервия Туллия, таким образом, завершили процесс ломки основ родового строя, заменив его новым социально-политическим устройством, основанным на территориальном делении и имущественных различиях. Включив плебеев в состав "римского народа", допустив их к участию в центуриатном и трибутном народных собраниях, они способствовали консолидации свободных, обеспечивали их господство над рабами. Возникшее государство стало формой такой консолидации и господства. Но одновременно государственная власть была направлена и против свободных пролетариев.

Реформы, приписываемые Сервию Туллию, подвели итог важнейшему этапу процесса образования государства, но не завершили его. Этот процесс развивался как путем трансформации органов власти, унаследованных от родовой организации, так и путем создания новых. В основе его лежала дальнейшая консолидация свободных в господствующий класс, что требовало окончательного устранения былых различий между патрициями и плебеями. Реформы Сервия Туллия допустили плебеев к участию в народных собраниях, но не устранили полностью политических и социальных их ограничений. Последующие два века в истории Рима характеризуются продолжением борьбы плебеев за уравнение в правах с патрициями.

В этой борьбе можно выделить два основных этапа. В V в. до н. э. плебеи добились успеха в стремлении ограничить произвол должностных лиц, которые по сохранившейся традиции были патрициями. В этих целях в 494 году до н. э. была учреждена должность плебейского трибуна. Плебейские трибуны, избиравшиеся плебеями в количестве до 10 человек, не имели управленческой власти, но обладали правом *veto* — правом запрещать исполнение распоряжения любого должностного лица и даже постановления сената. Второе важное достижение плебеев — издание в 451–450 гг. до н. э. Законов XII таблиц, ограничивших возможности патрицианских магистратов произвольно толковать нормы

обычного права. Эти законы свидетельствуют о почти полном уравнивании плебеев с патрициями в гражданских правах — само слово "плебей", судя по дошедшему до нас изложению текста Законов, упоминается в них только один раз в связи с сохранением запрета на браки между плебеями и патрициями. Однако и этот запрет вскоре в 445 году до н. э. был отменен по Закону Канулея.

Второй этап относится к IV в. до н. э., когда плебеи добились права на занятие государственных должностей. В 367 году до н. э. Законом Лициния и Секстия было установлено, что один из двух консулов (высших должностных лиц) должен был избираться из плебеев, а рядом законов 364–337 гг. до н. э. им было предоставлено право на занятие и остальных государственных должностей. В этом же веке были изданы также законы, способствовавшие консолидации плебеев и патрициев. Упомянутый Закон Лициния и Секстия ограничил размер земельного владения, которым могли владеть патриции из общественного земельного фонда, что расширило доступ плебеев к этому фонду. Законом Петелия 326 года до н. э. была отменена сохраненная Законами XII таблиц долговая кабала, от которой страдали главным образом плебеи.

Завершением борьбы плебеев за равноправие было принятие в 287 году до н. э. Закона Гортензия, по которому решения плебейских собраний по трибам стали распространяться не только на плебеев и, следовательно, получили такую же силу закона, как и решения центуриатных собраний.

§ 2. Римская республика

Положение населения. В 509 году до н. э. в Риме после изгнания последнего (седьмого) рекса Тарквиния Гордого установился республиканский строй. Период республики — период интенсивного восходящего развития производства, приведшего к значительным социальным сдвигам, нашедшим отражение в изменении правового положения отдельных групп населения. Значительную роль в этом процессе сыграли и успешные завоевательные войны, неуклонно расширявшие границы Римского государства, превращавшие его в могущественную мировую державу.

Основным социальным делением в Риме стало деление на свободных и рабов. Единство свободных граждан Рима (квиритов) некоторое время поддерживалось существованием их коллективной собственности на землю и рабов, принадлежавших государству. Однако со временем коллективная собственность на землю становилась фиктивной, общественный земельный фонд переходил к отдельным собственникам, пока, наконец, аграрный закон 3 года до н. э. не ликвидировал его, окончательно утвердив частную собственность.

Свободные в Риме распались на две социально-классовые группы: имущую верхушку рабовладельцев (землевладельцев, торговцев) и мелких производителей (земледельцев и ремесленников), составлявших большинство общества. К последним примыкала городская беднота — люмпен-пролетарии. В силу того, что рабство поначалу имело патриархальный характер, борьба между крупными рабовладельцами и мелкими производителями, которые чаще всего сами обрабатывали землю и работали в мастерских, долгое время составляла основное содержание истории Римской республики. Только со временем противоречие между рабами и рабовладельцами выступает на первый план.

Правовое положение личности в Риме характеризовалось тремя статусами — свободы, гражданства и семьи. Только лицо, обладавшее всеми этими статусами, имело полную правоспособность. В публичном праве она означала право участвовать в народном собрании и занимать государственные должности. В частном праве она давала право вступать в римский брак и участвовать в имущественных правоотношениях.

По статусу свободы все население Рима делилось на свободных и рабов. Полноправным мог быть только свободный.

Рабы в период республики превращаются в основной угнетенный и эксплуатируемый

класс. Главным источником рабства был военный плен. Так, после разгрома Карфагена в рабство было обращено 55 000 человек, а всего во II–I вв. до н. э. — более полумиллиона (число римских граждан, имевших имущественный ценз, в это время не достигало 400 000). Большое значение как источник рабства имела широко развившаяся работорговля — покупка рабов за границей. В силу тяжелого положения рабов меньшее значение имело их естественное воспроизводство. Можно отметить и то обстоятельство, что несмотря на отмену Законом Петелия долговой кабалы, фактически она, правда в ограниченных размерах, продолжала существовать. К концу периода республики получает распространение и самопродажа в рабство.

Рабы были государственные и частновладельческие. Первыми становилась большая часть военнопленных. Они эксплуатировались в рудниках и государственных мастерских. Положение частновладельческих рабов непрерывно ухудшалось. Если в начале римской истории, в период патриархального рабства, они входили в состав семей римских граждан и, целиком подчиняясь домовладыке, все же пользовались некоторой защитой сакрального (священного, основанного на религиозных верованиях) права, то в период расцвета республики эксплуатация труда рабов резко интенсифицировалась. Античное рабство становится такой же основой римской экономики, как и труд мелких свободных производителей. Особенно тяжелым было положение рабов в крупных рабовладельческих латифундиях. Положение рабов, занятых в городских ремесленных мастерских и домашнем хозяйстве, было несколько лучше. Значительно лучше было положение талантливых работников, учителей, актеров, скульпторов из числа рабов, многим из которых удавалось получить свободу и стать вольноотпущенниками.

Независимо от того, какое место занимал раб в производстве, он являлся собственностью своего хозяина и рассматривался как часть его имущества. Власть хозяина над рабом была практически неограниченной. Все произведенное рабом поступало хозяину: "что приобретается через посредство раба — приобретается для господина". Хозяин же выделял рабу то, что считал необходимым для поддержания его существования и работоспособности.

Рабовладельческие отношения определяли общую незаинтересованность рабов в результатах своего труда, что в свою очередь заставляло рабовладельцев искать более эффективные формы эксплуатации. Такой формой стал пекулий — часть имущества хозяина (земельный участок, ремесленная мастерская и др.), которую он предоставлял рабу для самостоятельного ведения хозяйства и получения части дохода от него. Пекулий позволял хозяину более эффективно использовать свое имущество для получения дохода и заинтересовывал раба в результатах своего труда. Другой формой, зародившейся в период республики, был колонат. Колоны были не рабами, а арендаторами земли, попадавшими в экономическую зависимость от землевладельцев и в конечном счете прикреплявшимися к земле. Ими становились обедневшие свободные, вольноотпущенники и рабы. У колонов было личное имущество, они могли заключать договоры и вступать в брак. Со временем положение колона становится наследственным. Однако в рассматриваемый период колонат, как и пекулий, еще не получил большого распространения.

Неэффективность рабского труда привела в конце республиканского периода к массовому отпуску рабов на волю. Вольноотпущенники оставались в определенной зависимости от своего бывшего хозяина, превратившегося в их патрона, в пользу которого они были обязаны нести определенные материальные и трудовые повинности и который в случае их бездетности наследовал их имущество. Однако развитие этого процесса в период, когда рабовладельческий строй еще развивался, противоречило общим интересам господствующего класса, и поэтому во 2 году до н. э. был издан закон, ограничивший эту практику.

По статусу гражданства свободное население Рима делилось на граждан и иностранцев (перегринов). Полную правоспособность могли иметь только свободнорожденные римские граждане. Помимо них, к гражданам относились

вольнотпущенники, но они оставались клиентами бывших хозяев и были ограничены в правах.

По мере развития имущественной дифференциации возрастает роль богатства в определении положения римского гражданина. В среде рабовладельцев в конце III–II в. до н. э. возникают привилегированные сословия нобилей и всадников.

В высшее сословие (нобилы) входили самые знатные патрицианские и богатые плебейские роды. Экономической базой нобилей было крупное землевладение и громадные денежные средства. Только они стали пополнять сенат и избираться на высшие государственные должности. Нобилитет превращается в замкнутое сословие, доступ в которое новому человеку был практически невозможен и которое ревниво охраняло свои привилегии. Только в редких случаях люди, не принадлежавшие к нобилитету по рождению, становились высшими должностными лицами.

Второе сословие (всадники) образовалось из торгово-финансовой знати и землевладельцев средней руки. В I в. до н. э. развивается процесс слияния нобилей с верхушкой всадников, получивших доступ в сенат и на важные судебные должности. Между отдельными их представителями возникают родственные отношения.

По мере расширения пределов Римского государства число свободных пополнялось за счет жителей Апеннинского полуострова (полностью завоеванного к середине III в. до н. э.) и других стран. Они отличались от римских граждан по своему правовому положению. Жители Италии, не входившие в римскую общину (латины), вначале не пользовались всеми правами римских граждан. Они делились на две группы — древние латины и латины колоний. За первыми признавались имущественные права, право выступать в суде и вступать в брак с римскими гражданами. Но они были лишены права участвовать в народных собраниях. Латины, жители колоний, основанных Римом в Италии, и некоторых ее городов и областей, заключивших с Римом договоры о союзе, пользовались теми же правами, что и древние латины, за исключением права вступать в брак с римскими гражданами. В дальнейшем в результате союзнических войн (I в. до н. э.) всем латинам были предоставлены права римских граждан.

Второй категорией свободных, не имевших прав римских граждан, были перегрины. К ним относились свободные жители провинций — стран, находящихся вне Италии и завоеванных Римом. Они должны были нести налоговые повинности. К перегринам относились также свободные жители иностранных государств. Перегрины не имели прав латинов, но получили имущественную правоспособность. Для защиты своих прав они должны были избирать себе покровителей — патронов, в отношении которых находились в положении, мало отличавшемся от положения клиентов.

Статус семьи означал, что полной политической и гражданской правоспособностью пользовались только главы римских семей — домовладыки. Остальные члены семьи считались находящимися под властью домовладыки. Последний был лицом "собственного права", члены же его семьи назывались лицами "чужого права" — права домовладыки. Вступая в имущественные правоотношения, они приобретали имущество не для себя, а для него. Но ограничения в частном праве не влияли на их положение в публичном праве. К тому же эти ограничения стали ослабевать, стало признаваться право членов семьи на приобретение собственного имущества.

Правовое положение лица изменялось с утратой того или иного статуса. Наибольшие изменения происходили с утратой статуса свободы (плен, обращение в рабство). Она означала потерю и статусов гражданства и семьи, т. е. полную потерю правоспособности. С утратой статуса гражданства (изгнание) терялась правоспособность гражданина, но сохранялась свобода. И наконец, утрата статуса семьи (в результате, например, усыновления главы семьи другим лицом) вела к потере только "собственного права".

Государственный строй. В период республики организация власти была достаточно проста и некоторое время отвечала условиям, какие были в Риме ко времени возникновения государства. На протяжении последующих пяти веков существования республики размеры

государства значительно увеличились. Но это почти не отразилось на структуре высших органов государства, по-прежнему находившихся в Риме и осуществлявших централизованное управление громадными территориями. Естественно, что такое положение снижало эффективность управления и стало со временем одной из причин падения республиканского строя.

В отличие от рабовладельческой демократии в Афинах, в Римской республике сочетались аристократические и демократические черты, при существенном преобладании первых, обеспечивавших привилегированное положение знатной богатой верхушки рабовладельцев. Это отразилось в полномочиях и взаимоотношениях высших государственных органов. Ими являлись народные собрания, сенат и магистратуры. Хотя народные собрания считались органами власти римского народа и были олицетворением свойственной полису демократии, не они преимущественно управляли государством. Это делали сенат и магистраты — органы реальной власти нобилитета.

В Римской республике существовали три вида народных собраний — центуриатные, трибутные и куриатные.

Главную роль играли центуриатные собрания, обеспечивавшие благодаря своей структуре и порядку принятия решений преобладающих аристократических и богатых кругов рабовладельцев. Правда, их структура с середины III в. до н. э. с расширением пределов государства и увеличением числа свободных изменилась не в их пользу: каждый из пяти разрядов имущих граждан стал выставлять равное количество центурий — по 70, а общее число центурий было доведено до 373. Но преобладание аристократии и богатства все же сохранилось, так как в центуриях высших разрядов было гораздо меньше граждан, чем в центуриях низших разрядов, а неимущие пролетарии, чья численность значительно возросла, по-прежнему составляли только одну центурию.

В компетенцию центуриатного собрания входило принятие законов, избрание высших должностных лиц республики (консулов, преторов, цензоров), объявление войны и рассмотрение жалоб на приговоры к смертной казни.

Второй вид народных собраний представляли трибутные собрания, которые в зависимости от состава жителей триб, участвовавших в них, делились на плебейские и патрицианско-плебейские. Поначалу их компетенция была ограниченной. Они избирали низших должностных лиц (квесторов, эдилов и др.) и рассматривали жалобы на приговоры о взыскании штрафа. Плебейские собрания, кроме того, избирали плебейского трибуна, а с III в. до н. э. они получили и право принятия законов, что привело к росту их значения в политической жизни Рима. Но вместе с тем в результате увеличения к этому времени числа сельских триб до 31 (с сохранившимися 4 городскими трибами всего стало 35 триб) жителям отдаленных триб стало затруднительно являться в собрания, что позволило богатым римлянам усилить свои позиции в этих собраниях.

Куриатные собрания после реформ Сервия Туллия потеряли былое значение. Они лишь формально вводили в должность лиц, избранных другими собраниями, и в конце концов были заменены собранием тридцати представителей курии — ликторов.

Народные собрания в Риме созывались по усмотрению высших должностных лиц, которые могли и прервать собрание, и перенести его на другой день. Они же председательствовали в собрании и объявляли вопросы, подлежащие решению. Участники собрания не могли изменять внесенные предложения. Голосование по ним было открытым и только в конце республиканского периода было введено тайное голосование (участникам собрания раздавались специальные таблицы для голосования). Важную, чаще всего определяющую роль играло то обстоятельство, что решения центуриатного собрания о принятии законов и избрании должностных лиц в первый век существования республики подлежали утверждению сенатом, но и затем, когда в III в. до н. э. это правило было отменено, сенат получил право предварительного рассмотрения вопросов, выносимых в собрание, что позволяло ему фактически направлять деятельность собрания.

Важную роль в государственном механизме Римской республики играл сенат.

Сенаторы (вначале их было 300, по числу патрицианских родов, а в I в. до н. э. число сенаторов было увеличено сначала до 600, а затем до 900) не избирались. Специальные должностные лица — цензоры, распределявшие граждан по центуриям и трибам, раз в пять лет составляли списки сенаторов из представителей знатных и богатых семей, уже занимавших, как правило, высшие государственные должности. Это делало сенат органом верхушки рабовладельцев, фактически независимым от воли большинства свободных граждан.

Формально сенат был совещательным органом, и его постановления назывались сенатус-консульты. Но компетенция сената была обширной. Он, как указывалось, контролировал законодательную деятельность центуриатных (а затем и плебейских) собраний, утверждая их решения, а впоследствии предварительно рассматривая (и отвергая) законопроекты. Точно таким же образом контролировалось избрание народными собраниями должностных лиц (вначале утверждением избранных, а впоследствии — кандидатур). Большую роль играло то обстоятельство, что в распоряжении сената находилась казна государства. Он устанавливал налоги и определял необходимые финансовые расходы. К компетенции сената относились постановления по общественной безопасности, благоустройству и религиозному культу. Важное значение имели внешнеполитические полномочия сената. Если войну объявляло центуриатное собрание, то мирный договор, а также договор о союзе утверждал сенат. Он же разрешал набор в армию и распределял легионы между командующими армиями. Наконец, в чрезвычайных обстоятельствах (опасная война, мощное восстание рабов и т. п.) сенат мог принять решение об установлении диктатуры.

Магистратурами в Риме именовались государственные должности. Как и в Древних Афинах, в Риме сложились определенные принципы замещения магистратур. Такими принципами были выборность, срочность, коллегиальность, безвозмездность и ответственность.

Все магистраты (кроме диктатора) избирались центуриатными или трибутными собраниями на один год. Это правило не распространялось на диктаторов, срок полномочий которых не мог превышать шести месяцев. Кроме того, полномочия консула, командовавшего армией, в случае незакончившейся военной кампании могли быть продлены сенатом. Как и в Афинах, все магистратуры были коллегиальными — на одну должность избиралось несколько человек (диктатор назначался один). Но специфика коллегиальности в Риме заключалась в том, что каждый магистрат имел право самостоятельно принимать решение. Это решение могло быть отменено его коллегой (право интерцессии). Вознаграждения магистраты не получали, что, естественно, закрывало путь к магистратурам (а затем и в сенат) малоимущим и неимущим. В то же время магистратуры, особенно в конце республиканского периода, стали источником значительных доходов. Магистраты (за исключением диктатора, цензора и плебейского трибуна) по истечении срока их полномочий могли быть привлечены к ответственности народным собранием, избравшим их.

Необходимо отметить и еще одно существенное отличие римской магистратуры — иерархию должностей (право вышестоящего магистрата отменить решение нижестоящего).

Власть магистратов подразделялась на высшую (*imperium*) и общую (*potestas*). В *imperium* включались высшая военная власть и право заключать перемирие, право созывать сенат и народные собрания и председательствовать в них, право издавать приказы и принуждать к их исполнению, право суда и назначения наказания. Эта власть принадлежала диктатору, консулам и преторам. Диктатор имел "высочайший империум" (*summum imperium*), включавший право приговаривать к смертной казни, не подлежащее обжалованию. Консулу принадлежал большой империум (*maius imperium*) — право выносить смертный приговор, который мог быть обжалован в центуриатном собрании, если он был вынесен в городе Риме, и не подлежал обжалованию, если был вынесен за пределами города. У претора был ограниченный империум (*imperium minus*) — без права приговаривать к смертной казни.

Власть *potestas* принадлежала всем магистратам и включала в себя право отдавать распоряжения и налагать штрафы за их невыполнение.

Магистратуры делились на ординарные (обычные) и экстраординарные, (чрезвычайные). К ординарным магистратам относились должности консулов, преторов, цензоров, квесторов, эдилов и др.

Консулы (в Риме избирались два консула) были высшими магистратами и возглавляли всю систему магистратур. Особенно существенными были военные полномочия консулов: набор в армию и командование ею, назначение военачальников, право заключать перемирие и распоряжаться военной добычей. Преторы появились в середине IV в. до н. э. в качестве помощников консулов. В силу того, что последние, командуя армиями, часто отсутствовали в Риме, к преторам перешло управление городом и, что особенно важно, руководство судопроизводством, позволявшее в силу имевшегося у них имперiums издавать общеобязательные постановления и тем самым создавать новые нормы права. Вначале избирался один претор, затем два, один из которых рассматривал дела римских граждан (городской претор), а другой — дела с участием иностранцев (претор перегринов). Постепенно число преторов увеличилось до восьми.

Два цензора избирались раз в пять лет для составления списков римских граждан, распределения их по трибам и разрядам и для составления списка сенаторов. Кроме того, к их компетенции относилось наблюдение за нравственностью и издание соответствующих эдиктов. Квесторы, бывшие сначала помощниками консулов без специальной компетенции, со временем стали ведать (под контролем сената) финансовыми расходами и расследованием некоторых уголовных дел. Число их, соответственно, росло и к концу республики достигло двадцати. Эдилы (их было два) наблюдали за общественным порядком в городе, торговлей на рынке, организовывали празднества и зрелища.

Коллегии "двадцати шести мужей" состояли из двадцати шести человек, входивших в пять коллегий, ведавших надзором за тюрьмами, чеканкой монеты, очисткой дорог и некоторыми судебными делами.

Особое место среди магистров занимали плебейские трибуны. Их право *veto* играло большую роль в период завершения борьбы плебеев за равноправие. Затем, по мере увеличения роли сената, активность плебейских трибунов пошла на убыль, а попытка Гая Гракха во II в. до н. э. усилить ее окончилась крахом.

Экстраординарные магистратуры создавались только в чрезвычайных, грозящих особой опасностью Римскому государству обстоятельствах — тяжелая война, большое восстание рабов, серьезные внутренние беспорядки. Диктатор назначался по предложению сената одним из консулов. Он обладал неограниченной властью, которой подчинялись все магистраты. Право *veto* плебейского трибуна на него не действовало, распоряжения диктатора не подлежали обжалованию, и за свои действия он не нес ответственности. Правда, в первые века существования республики диктатуры вводились не только в чрезвычайных обстоятельствах, а для решения конкретных задач и полномочия диктатора ограничивались рамками этой задачи. За ее пределами действовали ординарные магистратуры. В период расцвета республики к диктатуре почти не прибегали.

Срок диктатуры не должен был превышать шести месяцев. Вместе с тем в период кризиса республики это правило было нарушено и появились даже пожизненные диктатуры (диктатура Суллы "для издания законов и устройства государства").

К экстраординарным магистратам могут быть отнесены и комиссии децемвиров, образованные в период одного из подъемов борьбы плебеев за свои права для подготовки Законов XII таблиц, созданных в 450–451 гг. до н. э.

Армия. Военная организация Рима сыграла очень большую роль в его истории. Уже само создание центуриатных собраний, состоявших из вооруженных воинов, означало признание роли военной силы в возникшем государстве. Громадное расширение его пределов, достигнутое вооруженным путем, свидетельствовало как о роли армии, так и о росте ее политического значения. Да и сама судьба республики оказалась во многом в руках

армии.

Первоначальная военная организация Рима была проста. Постоянной армии не было. Все граждане с 18 до 60 лет, обладавшие имущественным цензом, были обязаны участвовать в военных действиях (причем клиенты могли выполнять военные обязанности вместо патронов). Воины в поход должны были являться со своим оружием, соответствовавшим их имущественному цензу, и продовольствием. Как отмечалось выше, каждый разряд имущих граждан выставлял определенное число центурий, объединявшихся в легионы. Командование армией сенат вручал одному из консулов, который мог передать командование претору. Во главе легионов стояли военные трибуны, центуриями командовали центурионы, отряды конницы (декурии) возглавлялись декурионами. В случае если военные действия продолжались больше года, консул или претор сохранял свое право командовать армией.

Большая военная активность повлекла изменения в военной организации. С 405 года до н. э. в армии появились добровольцы, которым стали платить жалованье. В III в. до н. э. в связи с реорганизацией центуриатного собрания число центурий возросло. На их базе формировалось до 20 легионов. Появляются, кроме того, легионы от союзников, организованных Римом муниципий и присоединенных к нему провинций. Во II в. до н. э. они составляли уже до двух третей римской армии. В это же время понижается имущественный ценз, с которым была связана военная обязанность.

Длительность и частота войн превращает армию в постоянную организацию. Они же вызвали растущее недовольство основного контингента воинов — крестьянства, отвлекаемого от своих хозяйств, приходящих из-за этого в упадок. Назрела необходимость реорганизации армии. Она была проведена Марием в 107 году до н. э.

Военная реформа Мария, сохранив воинскую повинность римских граждан, допустила набор добровольцев, получавших вооружение и жалованье от государства. Кроме того, легионерам полагалась часть военной добычи, а с I в. до н. э. ветераны могли получать земли в Африке, Галлии и в Италии (за счет конфискованных и свободных земель). Реформа существенно изменила социальный состав армии — большую ее часть теперь составляли выходцы из малоимущих и неимущих слоев населения, чье недовольство собственным положением и существующими порядками нарастало. Армия профессионализировалась, превратилась в постоянную и становилась самостоятельной деклассированной политической силой, а полководец, от успехов которого зависело благосостояние легионеров, — крупной политической фигурой.

Первые последствия сказались скоро. Уже в 88 году до н. э. при Сулле армия впервые в римской истории выступила против существующей власти и свергла ее. Впервые римская армия вошла в Рим, хотя по древней традиции ношение оружия и появление войска в городе запрещалось.

§ 3. Падение республики и переход к империи

Во II–I вв. до н. э. развитие рабовладельческого общества в Риме приводит к обострению всех его классовых и социальных противоречий. Сдвиги в экономике, расширение и изменение форм эксплуатации рабского труда, ее интенсификация сопровождалась усилением конфликтов между группировками правящих верхов рабовладельцев, а также между ними и большинством свободных, малоимущих и неимущих. Успешная завоевательная политика, превратившая Средиземное море во внутреннее море Римского государства, подчинившая ему почти всю Западную Европу до Рейна, поставила перед Римом новые сложные военные и политические проблемы подавления завоеванных народов, обеспечения управления ими.

В этих условиях становится все более очевидным, что старое политическое устройство уже бессильно справиться с возникшими и обострившимися противоречиями. Рим вступает в период кризиса, который коснулся прежде всего существующих политических учреждений,

устаревшей полисной формы государственного устройства, аристократического политического режима правления нобилей, замаскированного республиканской формой правления, создавшей видимость власти римского народа. Возникла объективная потребность их перестройки, приспособления к новым историческим условиям.

При завоевании Италии в V–IV вв. до н. э. Рим стремился прежде всего к конфискации земель, так как рост населения требовал расширения земельных владений. Эту тенденцию не остановила и интенсивная урбанизация, развившаяся ко II в. до н. э. Войны II–I вв. до н. э. несколько сместили акценты — они сопровождались массовым порабощением завоеванного населения, что привело к резкому увеличению количества рабов в Риме. Рабство приобретает "классический", античный характер. Значительная масса рабов эксплуатируется в государственных и крупных частных землевладельческих латифундиях с крайне тяжелыми условиями труда и существования и жестоким террористическим режимом. Естественный протест рабов выливается в ряд все более широких и мощных восстаний. Особенно большой размах имели восстания рабов в Сицилии во II в. до н. э. и восстание под руководством Спартака 74–70 гг. до н. э., поставившее под угрозу само существование Римского государства.

Параллельно с восстаниями рабов и вслед за ними вспыхивают гражданские и союзнические войны, вызванные борьбой за власть между группировками господствующего класса, противоречиями между ним и мелкими производителями и возросшей (до 300 000) массой люмпен-пролетариев, получавших незначительную материальную помощь государства. Рост числа люмпенов становится убедительным свидетельством общей деградации свободных.

Экономическое и политическое засилье нобилей вызвало во II в. до н. э. широкое движение протеста неимущего населения, возглавляемое братьями Тиберием и Гаем Гракхами. Гракхи стремились ограничить крупное землевладение знати и за счет этого создать земельный фонд для наделения землей мелких землевладельцев, а также ослабить власть оплота знати — сената и восстановить потерявшую былое значение власть народного собрания и народного трибуна.

Получив должность трибуна, Тиберий Гракх, опираясь на народное движение, сумел, несмотря на сопротивление сената, провести в 133 году до н. э. через народное собрание Аграрный закон. Закон ограничил максимальный размер земли, получаемый от государства. За счет изымаемых излишков создавался земельный фонд, распределяемый между безземельными или малоземельными гражданами. Получаемые ими участки становились неотчуждаемыми, что должно было предотвратить обезземеливание крестьянства. Несмотря на то, что Тиберий Гракх в том же году был убит, его земельная реформа начала осуществляться, и несколько десятков тысяч граждан получили землю.

Реформаторскую деятельность Тиберия продолжил его брат Гай Гракх, избранный трибуном. Им были проведены законы, ослаблявшие политическое влияние знати, — введение тайного голосования в народном собрании, право народного трибуна избираться на следующий срок. Осуществляя аграрную реформу своего брата, Гай вместе с тем в 123–122 гг. до н. э. провел законы о создании в провинциях колоний римских граждан с наделением их землей и о продаже зерна из государственных складов гражданам по очень низким ценам. Последний закон ограничил важное право сената — распоряжаться государственными расходами, так как финансирование продажи зерна переходило к народному собранию, роль которого значительно возросла. Гай провел и военную реформу. Было ограничено число обязательных для римских граждан военных походов, отменялась военная обязанность для граждан, достигших 46-летнего возраста, воины стали получать жалованье и вооружение от государства и могли обжаловать приговор о смертной казни в народное собрание.

Наряду с этими мероприятиями в интересах низших слоев римских граждан Гай Гракх провел и мероприятия в интересах всадников. В их пользу был изменен порядок откупа налогов с провинций.

Наконец, поскольку Гай Гракх был трибуном, возросла роль этой магистратуры, оттеснившей на второй план даже консулов. Однако, удовлетворив интересы большинства римских граждан, Гай потерял их поддержку в попытке распространить права римского гражданства на свободных жителей Италии. Сенатской аристократии удалось провалить этот непопулярный среди римских граждан законопроект, популярность Гая упала, он был вынужден сложить с себя полномочия трибуна и в 122 году до н. э. был убит.

Провал законопроекта о предоставлении прав римских граждан свободным жителям Италии, считавшимся союзниками Рима, вызвал крайнее недовольство союзников, вылившееся в I в. до н. э. в союзнические войны, существенно осложнившие положение Рима в условиях массовых восстаний рабов и длившихся десятилетиями завоевательных войн в провинциях.

В результате Союзнической войны 91–88 гг. до н. э. жителям Италии удалось уравниваться в правах с римскими гражданами. Но это не ослабило политическое напряжение в Риме — обострились противоречия между возникшими в среде свободных граждан группировками оптиматов, опиравшихся на сенат, и популяров, боровшихся против сенатской олигархии. И те и другие использовали подкупаемых люмпенов. Борьба между ними привела в I в. до н. э. к гражданским войнам.

Крайнее обострение политической ситуации в Риме, вызванное восстаниями рабов, недовольством мелких землевладельцев, чьи хозяйства приходили в упадок, не выдерживая конкуренции с крупными латифундиями в результате участия хозяев в бесконечных военных походах, союзнических и гражданских войнах, потребовали усиления центральной государственной власти. Все более очевидной становится неспособность старых политических учреждений справиться с осложнившейся ситуацией. Предпринимаются попытки приспособить их к новым историческим условиям. Наиболее важная из них была предпринята в период диктатуры Суллы (82–79 гг. до н. э.). Опираясь на верные ему легионы, Сулла заставил сенат назначить его диктатором на неопределенное время. Он приказал составить проскрипции — списки своих противников, которые подлежали смерти, а их имущество — конфискации. Увеличив число сенаторов, упразднив должность цензора, он пополнил сенат своими сторонниками и расширил его компетенцию. Ограничена была власть трибуна — его предложения должны предварительно обсуждаться сенатом, — а также и компетенция народного собрания — из нее были изъяты судебные полномочия и контроль за финансами, возвращенный сенату.

Установление пожизненной диктатуры выявило стремление нобилей и верхушки всадников выйти из кризисной ситуации путем установления сильной единоличной власти. Оно же показало, что попытки приспособить старую государственную форму к новым историческим условиям обречены на неудачу (реформы Суллы были отменены Помпеем и Крассом). После Союзнической войны 91–88 гг. до н. э. жители Италии получили права римских граждан. Если до нее этими правами пользовались около 400 000 человек, то теперь их число возросло до двух миллионов. Включение союзников в римские трибуны привело к тому, что комиции перестали быть органами римского народа. Их законодательная деятельность приостанавливается, право избрания должностных лиц утрачивается. Успешные завоевательные войны превратили Рим из небольшого государства-города в столицу огромного государства, к управлению которым старая государственная форма полиса была совершенно не приспособлена.

Установление пожизненной диктатуры и гражданские войны показали, что профессиональная наемная армия превращается в важный политический фактор. Заинтересованная в успехах полководца, она становится в его руках орудием достижения честолюбивых политических целей, способствует установлению диктатуры.

Необходимость выйти из острого политического кризиса, неприспособленность старой государственной формы к новым историческим условиям и переход к наемной армии были основными причинами падения полисно-республиканского строя в Риме и установления военно-диктаторского режима.

Через короткий промежуток времени после диктатуры Суллы власть захватывает первый триумvirат (Помпей, Красс, Цезарь). После него устанавливается диктатура Цезаря, получившего в 45 году до н. э. титул императора (до этого дававшийся иногда как награда полководцу). Затем образуется второй триумvirат (Антоний, Лепид, Октавиан) с неограниченными полномочиями "для устройства государства". После распада триумvirата и победы над Антонием Октавиан получает звание императора и пожизненные права народного трибуна, а в 27 году до н. э. — полномочия на управление государством и почетное наименование Август, ранее употреблявшееся как обращение к богам. Эта дата и считается началом нового периода истории Римского государства — периода империи.

§ 4. Римская империя

Общественный строй. Установление военно-диктаторского режима, завершившее период гражданских войн, стабилизировало ситуацию в Риме, позволило преодолеть острый политический кризис. Рабовладельческий строй достигает кульминации в своем развитии. Закрепляются социальные изменения, происходившие в последние века существования республики, возникают новые классовые и социальные противоречия.

С расширением пределов Римского государства растет численность свободного населения, в том числе количество римских граждан (как отмечалось, уже в период республики права гражданства были предоставлены жителям Италии). Этот процесс продолжался и с переходом к империи: права граждан все чаще предоставлялись и внеиталийским жителям провинций — завоеванных Римом стран. Наконец, в 212 году эдиктом императора Каракаллы право гражданства было предоставлено всем свободным жителям Римской империи.

Наряду с этим развивается социальная и сословная дифференциация свободных. С развитием рабовладельческого строя и расширением государственных границ значительно вырос и укрепился класс рабовладельцев. Окончательно оформилось и сословное деление в нем. Ряды нобилей и всадников, поредевшие в период гражданских войн, пополняются крупными рабовладельцами из Италии и провинций — муниципалами, провинциальной знатью, а также государственными чиновниками. Нобилитет превращается в сенаторское сословие с имущественным цензом в один миллион сестерциев. Сенаторы занимают высшие посты в государственном аппарате и армии и становятся наиболее прочной опорой императорской власти. Сословие всадников с имущественным цензом от 400 000 до миллиона сестерциев превратилось в служилое сословие, поставлявшее кадры для императорской администрации в Риме, провинциях и для командных должностей в армии. Более значительной по численности была провинциальная знать, сословно не оформленная, но игравшая влиятельную роль в местном управлении. К ней примыкали римские и неримские владельцы ремесленных мастерских, судовладельцы и торговцы.

Происходят изменения и в положении рабов. Рабский труд как основа производства требовал постоянного притока новой рабской силы. Однако эпоха успешных завоевательных войн уходит в прошлое, и военный плен, бывший ранее основным источником пополнения численности рабов, начинает иссякать. Положение рабов несколько (правда, временно) улучшается. Жестокое обращение с рабами, как и беспричинное убийство раба, запрещаются; поощряются семейные отношения рабов. Эти меры имели целью смягчение классовых антагонизмов. Не случайно первым векам империи почти неизвестны крупные восстания рабов. Но вместе с тем подавление сопротивления рабов остается важной задачей государства, и по постановлению сената в 10 году н. э. в случае убийства хозяина подлежали казни все рабы, находившиеся в это время в его доме.

Развиваются и формы эксплуатации, которые появились еще в республике, — широкое распространение получают пекулий и колонат.

Сохраняется в период империи и широкая прослойка свободных мелких производителей в городе и сельской местности, растет число земледельцев из

воинов-ветеранов, получивших земельные наделы. Однако положение этих слоев населения становится все более неустойчивым, что влечет за собой во II–III вв. распространение самопродажи в рабство и особенно колоната. Колон становится в сельском производстве такой же заметной, а со временем и более заметной фигурой, как и свободный крестьянин и раб. Ряды колонов со временем пополняют не только свободные и вольноотпущенники, но и "варвары", селившиеся в приграничных областях Римского государства. Колонат из договора аренды, заключаемого на определенный срок (5 лет), в силу неизбежно возникавшей задолженности колонов становится пожизненным, а затем и наследственным. Колоны превращаются в людей, зависимых от землевладельцев, которые заменяют им и местную власть, и императорскую администрацию; они навечно прикрепляются к земле и теряют возможность освободиться.

Аналогичный процесс наблюдается в городах, где ремесленники наследственно прикрепляются к профессии и включаются в ремесленные коллегии.

Государственный строй. То обстоятельство, что социально-экономические изменения в период империи были в основном порождением процессов, зародившихся еще в республиканский период, определило и характер политической структуры Рима — устаревшие республиканские учреждения сохраняются и в первые века существования империи. Немалую роль в этом сыграли и традиционные республиканские представления, утверждавшиеся почти половину тысячелетия, покончить с которыми сразу было невозможно. Империя поначалу как бы рядилась в республиканские одежды, маскирующие действительную власть главы государства. Да и само наименование государства — "империя" достаточно условно. Титул "император" долгое время оставался почетным военным титулом, и только со временем глава государства стал именоваться императором. Во всяком случае до середины III в. императоры получали свой титул как почетный военный титул по несколько раз (Октавиан, например, — 21 раз, последним был Гордиан III, получавший этот титул за шесть лет своего правления 6 раз). Но и после этого они продолжали получать по несколько раз власть трибуна и консула.

Постепенно власть императоров усиливается. Необходимость в ее маскировке республиканскими учреждениями и влияние республиканских традиций, проявлявшееся в периодически возникавших конфликтах между императором и сенатом, уходят в прошлое. К концу II в. сенат окончательно отстраняется от управления. Оно переходит к чиновничье-бюрократическому и военному аппарату, возглавляемому императором. В конце III в. монархия утверждается в чистом виде.

Период империи принято делить на два этапа:

1) принципат (I в. до н. э. — III в. н.э.), от "принцепс-сенатус" — первый сенатор. Этот титул впервые получил от сената основатель империи Октавиан Август, поставленный первым в списке сенаторов и получивший право первым выступать в сенате, что позволяло предопределять решения последнего;

2) доминат (III–V вв.), от "доминус" — господин, владыка, что свидетельствовало об окончательном признании абсолютной власти императора.

Принципат. Переход управления государством к принцепсу произошел благодаря наделению его высшей властью *imperium*, избранию на важнейшие должности, созданию им отдельного от магистратур чиновничьего аппарата, обеспечиваемого образованием собственной казны принцепса, и командованию всеми армиями.

Уже Октавиан получил *imperium*, включавший помимо традиционного командования армией (он взял на себя командование всеми армиями) право объявлять войну, заключать мир и международные договоры, содержать собственную гвардию (преторианские когорты), право высшего уголовного и гражданского суда, право толковать законы. Постановления принцепса начинают рассматриваться как имеющие силу закона, и к концу принципата общепризнанным станет положение: "что решил принцепс, то имеет силу закона".

Принцепсы избираются в нарушение республиканских традиций одновременно консулами, цензорами и народными трибунами (Октавиан 13 раз избирался консулом, 3 раза

цензором и 37 раз народным трибуном). Как консул он мог, воспользовавшись правом интерцессии, отменить решение любого магистрата, как цензор — формировать сенат из своих сторонников, как трибун — наложить вето на постановление сената или решение магистрата. Кроме того, Октавиан получил звание понтифика — верховного жреца, ведавшего отправление религиозных культов.

Первоначально власть принцепса не была наследственной. Юридически он получал власть по решению сената и римского народа, но он мог указать своего преемника (обычно сына или усыновленного), которого сенат и избирал принцепсом. Вместе с тем все чаще бывали случаи свержения принцепсов и назначения новых в результате дворцовых переворотов, совершаемых с помощью армии. Преемники Октавиана стали пользоваться теми же полномочиями, постепенно усиливая власть принцепса, хотя поначалу им приходилось иногда преодолевать оппозицию сената.

Компетенция сената существенно изменяется. Поскольку из народных собраний сохранились только трибутные, созывавшиеся к тому же все реже, с I в. постановления сената — сенатус-консульты получают силу закона. Но право принцепса назначать сенаторов и периодически проводившиеся принцепсами "чистки" сената привели к тому, что со II в. сенат практически только утверждал предложения принцепса. Почти то же произошло с перешедшим от народного собрания к сенату правом избирать и контролировать магистратов — часть из них могла быть избрана только из кандидатов, предложенных принцепсом. Ограничиваются права сената по распоряжению государственными финансами и управлению провинциями. Полностью утрачивается его компетенция в военной и внешнеполитической областях.

Параллельно с республиканскими магистратурами создается императорский чиновничий аппарат, на вершине которого стояли совет и канцелярия принцепса, в которую входило несколько ведомств со штатом чиновников. В совет включались префекты, "друзья" императора, начальники ведомств канцелярии. В канцелярию входили ведомства финансов, прошений, официальной переписки, личного имущества императора, императорского суда и др. Члены совета, выполнявшие совещательные функции, и начальники ведомств канцелярии назначались самим принцепсом из его приближенных. Чиновничьи должности стали получать и вольноотпущенники императора, и даже его рабы. К высшим чиновникам, назначавшимся из сенаторов и всадников, относились префект претория, командовавший императорской гвардией, префект города Рима, распоряжавшийся полицейскими когортами, префект Египта, префект, отвечавший за снабжение продовольствием и др.

Произошла реорганизация управления провинциями, ставшими составными частями Римского государства. Они были разделены на императорские и сенатские. Первые управлялись назначаемыми принцепсом легатами, осуществлявшими военную и гражданскую власть с помощью собственного совета и канцелярии, вторые — назначаемыми сенатом проконсулами и пропреторами, избиравшимися из сенаторов по жребию и находившимися в двойном подчинении — сената и принцепса.

Создаваемый чиновничий аппарат не представлял собой стройной системы и был, особенно в первые века империи, сравнительно малочисленным. Но по сравнению с республиканским он обеспечивал более эффективное управление разросшимся государством в силу складывающейся централизации и иерархии чиновничества.

Разделение провинций на императорские и сенатские имело еще одно важное последствие. Доходы с сенатских провинций поступали в государственную казну, которой распоряжался сенат, доходы же с императорских провинций шли в казну принцепса — фикс. Поскольку к первым были отнесены немногочисленные (11 из 45), давно завоеванные и, следовательно, разграбленные Римом провинции, казна сената была перманентно скудной, а порой и пустой. Императорские провинции были завоеваны сравнительно недавно, и ограбление их только начиналось, что давало принцепсу громадные доходы, увеличиваемые поступлениями от императорских поместий и широко практиковавшихся проскрипций. Сенат иногда вынужден был брать у принцепса деньги взаймы.

Постепенно власть принцепса распространялась и на сенатские провинции, и к III в. они все стали императорскими.

Армия. Право командования армией и возможность содержать ее за счет не только государственной, но и собственной казны позволили принцепсам превратить ее в мощную опору личной и государственной власти. Более того, армия превращается во влиятельную политическую силу, от которой зависела порой и судьба самого принцепса. Если при республике единство политической власти и военной силы олицетворялось центуриатным собранием военнообязанных граждан и сенатом, распоряжавшимся армией, то теперь это единство олицетворялось принцепсом. В Риме возникает единая военно-бюрократическая организация управления.

После перехода к профессиональной армии она превращается в корпоративную организацию. Октавиан произвел ее реорганизацию, разделив на три части. Привилегированное положение занимала преторианская гвардия. Ее когорты при Октавиане насчитывали 9000 человек. Преторианцы набирались из римских граждан италийского происхождения и получали жалованье в 3,5 раза больше, чем легионеры, служили 16 лет и после отставки располагали солидным имуществом и пополняли ряды господствующего класса. Основную часть армии (при Октавиане 300 000 человек) составляли легионеры, набиравшиеся из граждан римских провинций. Они служили 20 лет и получали жалованье, позволявшее после отставки завести небольшое рабовладельческое хозяйство и влиться в состав провинциальной знати. Третью часть армии составляли вспомогательные войска (численностью до 200 000 человек), комплектовавшиеся из жителей провинций, не имевших прав римских граждан. И хотя жалованье у них было в три раза меньше, чем у легионеров, и срок службы 25 лет, а дисциплина жестче и наказания суровее, служба во вспомогательных войсках все же привлекала возможностью получить римское гражданство, а для неимущих и скопить некоторые средства. После упоминавшегося эдикта Каракаллы, давшего римское гражданство всем свободным империи, социальная разница между легионными и вспомогательными частями исчезает, растет корпоративный дух армии, что еще больше увеличивает ее политическую роль.

Доминат. Уже в период принципата рабовладельческий строй в Риме начинает клониться к упадку, а во II–III вв. назревает его кризис. Углубляется социальное и сословное расслоение свободных, усиливается влияние крупных земельных собственников, растет значение труда колонов и уменьшается роль рабского труда, приходит в упадок муниципальный строй, исчезает полисная идеология, на смену культу традиционных римских богов идет христианство. Экономическая система, основанная на рабовладельческих и полурабовладельческих формах эксплуатации и зависимости (колонат), не только перестает развиваться, но и начинает деградировать. К III в. становятся все более частыми и широкими восстания рабов, почти неизвестные начальному периоду принципата. К восставшим рабам присоединяются колоны и свободная беднота. Положение осложняется освободительным движением покоренных Римом народов. От захватнических войн Рим начинает переходить к оборонительным. Резко обостряется борьба за власть между враждующими группировками господствующего класса. После правления династии Северов (199–235 гг.) наступает полувековая эпоха "солдатских императоров", приводимых к власти армией и правивших по полгода, году, самое большее пять лет. Большинство из них были убиты заговорщиками.

Принципат подавил дух гражданственности у римлян, республиканские традиции ушли теперь уже в далекое прошлое, последний оплот республиканских учреждений — сенат окончательно подчинился принцепсу. С конца III в. начинается новый этап истории империи — доминат, во время которого Рим превратился в монархическое государство с абсолютной властью императора.

Окончательный переход к доминату датируется 284 годом и приходом к власти Диоклетиана, приказавшего именовать себя Доминусом.

Титулы императора — Август и Доминус подчеркивали неограниченный характер его

власти. Как правило, императоры обожествлялись, а некоторые из них после смерти объявлялись богами со своими религиозными культами. Население империи превратилось из граждан в подданных императора, которые стали рассматриваться даже как его рабы — сервы.

Существовавший при принципате совет принцепса превращается в государственный совет — консистиориум. Складывается развитый аппарат чиновников, разделенных на ранги, с определившейся иерархией и правилами повышения в должности. С отделением гражданской власти от военной появляются гражданские и военные чиновники. Особняком стоит третья группа чиновников — придворные, возглавляемые играющим большую роль управляющим дворцом императора.

В отличие от принципата старые республиканские учреждения потеряли всякое общегосударственное значение. Римом стал управлять префект, назначаемый императором и подчиненный ему. Сенат превратился в совет города Рима, а магистраты — в муниципальных должностных лиц.

Изменилась и военная организация. В связи с массовыми восстаниями рабов и покоренных народов, а также возросшей необходимостью защищать пределы государства от вторжения германских, славянских и малоазиатских племен, армия подразделяется на подвижные (для подавления восстаний) и пограничные войска. Широкий доступ в армию получают "варвары", порой используется и вооруженная сила их племен.

Преторианская гвардия, сыгравшая важную роль в эпоху "солдатских императоров", преобразуется в дворцовую стражу, которая, впрочем, порой тоже определяла судьбу императоров. Общеимперская полиция возглавлялась начальником императорской канцелярии (в Риме — префектом города), развившаяся тайная полиция — префектом претория.

Большое значение для дальнейших судеб империи имели реформы Диоклетиана, закрепленные и развитые в законодательстве Константина.

Диоклетиан провел экономическую, военную и административную реформы. В экономической области Диоклетиан попытался приостановить обесценение денег в результате выпуска монет с низким содержанием драгоценного металла. Он выпустил полноценные золотые и серебряные монеты, но они скоро исчезли из обращения, и пришлось вернуться к выпуску низкопробных монет.

Более эффективной оказалась реформа налогообложения. Большая часть налогов стала взиматься не натурой, а деньгами. В целях обеспечения поступления налогов была введена периодически повторявшаяся перепись населения. В основу налогообложения в сельской местности были положены размер землевладения и количество обрабатывающих землю лиц. В городах вводилось подушное налогообложение. Поскольку за уплату налогов отвечали землевладельцы и городские чиновники, реформа способствовала прикреплению основной массы сельского и городского населения (колонов и ремесленников) к месту жительства и профессии.

Военная реформа, закрепившая образование пограничных и подвижных войск, ввела помимо существовавшего набора в армию добровольцев рекрутский набор. Землевладельцы в зависимости от размера землевладения были обязаны поставлять определенное число рекрутов из колонов и сельскохозяйственных рабочих.

Наиболее далеко идущие последствия имела административная реформа Диоклетиана. Сложная внутривластная обстановка, тяжелое внешнеполитическое положение империи, далеко зашедшие процессы экономического обособления провинций, да и бесконечные государственные перевороты времен "солдатских императоров", предшествовавших приходу к власти Диоклетиана, вынудили его в 285 году назначить себе соправителя — цезаря. Через год цезарь был объявлен Августом, с такой же, как у Диоклетиана, властью по управлению частью империи. Империя была разделена на две части — западную и восточную. Правда, законодательство еще оставалось единым, поскольку законы издавались от имени обоих императоров. Каждый из них назначал себе

соправителя — цезаря. В результате возникла тетрархия, состоявшая из четырех частей, включавших 100 провинций. Рим был выделен в особую 100-ю провинцию, но город Рим перестал быть столицей империи. Столица Западной империи была перенесена в Медиолан (Милан), а затем в Равенну. Столицей Восточной империи стала Никомедия, расположенная на восточном берегу Мраморного моря.

После двадцатилетнего правления Диоклетиана и последовавшей борьбы за власть между его преемниками наступает период тридцатилетнего правления Константина (306–337 гг.), вновь восстановившего единство власти.

Константин продолжил экономические реформы Диоклетиана. Новая денежная реформа оказалась более удачной и привела к стабилизации денежного обращения. Упорядочение налогообложения еще более усилило прикрепление колонов и ремесленников к земле и профессии. Эдиктами Константина ремесленные коллегии были превращены в наследственные, а постановлением (конституцией) "О беглых колонах" 332 года беглые колоны возвращались на свои участки и должны были работать закованными в цепи как рабы. Лица, укрывавшие беглых колонов, в наказание должны были выплачивать налоги за них.

В военной области профессия воина становилась наследственной. В армию стали широко привлекаться варвары, получавшие римское гражданство и возможность продвигаться по служебной лестнице вплоть до высших должностей.

Завершена была и административная реформа Диоклетиана. Хотя тетрархия была упразднена, в каждой из двух частей империи было образовано по две префектуры, управлявшиеся префектами, обладавшими гражданской властью. Военная власть в префектурах принадлежала военным магистрам — двум начальникам пехоты и двум начальникам конницы.

Префектуры делились на диоцезы (6 в западной части империи и 7 в восточной), возглавляемые викариями, диоцезы — на провинции, которыми управляли ректоры, провинции — на округа с окружной администрацией.

Если эти мероприятия Константина были продолжением дела, начатого Диоклетианом, то в вопросах религиозной политики первый перешел на противоположные Диоклетиану позиции. Диоклетиан в христианской церкви видел организацию автономную от государственной и, следовательно, препятствовавшую утверждению единовластия, а поэтому он запрещал отправление христианских религиозных обрядов, разрушение церквей, гонения на христиан. Константин же уловил, что христианство из религии бедняков и угнетенных, каким оно было в период своего возникновения, превратилось в религию, которая может идеологическими средствами укрепить государственный строй. Он увидел в христианской церкви прочную опору абсолютной власти императора, что повлекло за собой резкий поворот в религиозной политике. В 313 году императорским эдиктом христианство было признано равноправным с другими религиями, существовавшими в империи, а затем, после крещения Константина в 337 году, — государственной религией.

Армия, чиновничество и христианская церковь становятся тремя главными опорами домината — военной, политической и идеологической.

Наконец, учитывая, что восточная часть империи относительно меньше западной подвергалась нападениям варварских племен и была экономически более развитой, Константин перенес туда свою столицу — в древнегреческий город Византии, дав ему новое название Константинополь. В 330 году Константинополь был официально провозглашен столицей империи. Перенос столицы в Константинополь закрепил процесс распада империи на две части, приведший в 395 году к окончательному ее разделу на Западную Римскую империю и Восточную Римскую империю (Византию).

Экономическое обособление и политическое разделение империи совпало с периодом дальнейшего углубления общего кризиса рабовладельческого строя и было его проявлением и результатом. Раздел единого государства объективно был попыткой предотвратить гибель этого строя, разрушавшегося ожесточенной политической и идеологической борьбой,

восстаниями покоренных народов, вторжениями варварских племен, от которых особенно страдала Западная Римская империя.

В 476 году командующий императорской гвардией германец Одоакр сверг с престола последнего римского императора и отослал в Константинополь знаки императорского достоинства. Западная Римская империя прекратила свое существование.

Глава 12. Основные черты афинского права

Афинское право представляло собой наиболее развитую в Древней Греции систему права, оказавшую заметное влияние на правовые системы других полисов, особенно входивших в состав Афинского морского союза.

Источники права. Существовавшая в родоплеменной организации Аттики мононорма в процессе становления политической власти и затем государства начинает "расщепляться". С появлением новых социальных отношений и расширением сферы социального регулирования, необходимости его большей определенности и фиксированности основные элементы мононормы (обычаи, религиозные установления, нравственные предписания) приобретают все большую самостоятельность, хотя и остаются взаимосвязанными. Часть из них приспособляется к складывающемуся менталитету политически, а затем государственно организованного общества, являя собой древнейшие источники права. Они получают новое истолкование (некоторые родоплеменные обычаи становятся территориальными правовыми обычаями, появляется правовая фиксированность и защищенность культа богов, из элементарной нравственной нормы "взял — отдай" возникает долговая кабала). Поначалу это соответствовало интересам прежде всего эвпатридов и закреплялось решениями ареопага и архонтов, а со временем — и большинства свободных, когда с конца VII в. до н.э. основным источником права становится законодательная деятельность верховных органов власти, хотя правовые обычаи продолжают играть важную роль.

Обширная законодательная деятельность связывается с именами Драконта и Солона. Законы, приписываемые Драконту, были изданы в 621 году до н.э. Не исключено, что и сам Драконт был мифической личностью. До нас законы Драконта не дошли, но из сообщений древних авторов известно, что они санкционировали ряд религиозных установлений и обычаев, вводя жестокие наказания. Так, смертной казнью карались не только святотатство и умышленное убийство (неумышленное каралось изгнанием), но и кража овощей, праздность. Характерно, что такой пережиток родового строя, как кровная месть, был запрещен. Законодательство Солона, относящееся к 594 году до н.э., затрагивало широкий круг вопросов, связанных с организацией государственной власти и регулированием новых гражданско-правовых отношений (долговая реформа, закрепление частной собственности на землю и др.).

Активная законодательная деятельность в Афинах в V–IV вв. до н.э. привела к накоплению большого законодательного материала, порою противоречивого и в целом неупорядоченного. От законов отличались принятые народным собранием псефизмы — постановления, касавшиеся отдельных лиц, но иногда содержавшие и такие же общие правовые нормы, как и законы. Однако основные институты гражданского и уголовного права в Афинах не были разработаны в законодательстве с достаточной полнотой. Многие из них сохранили те или иные пережитки родового строя.

Право собственности и обязательства. В афинском праве различалось владение — как фактическое обладание имуществом с его использованием и собственность — как владение с правом распоряжения. Самого же понятия права собственности как абсолютного права лица еще не было. Коллективная собственность господствующего класса имела ограниченное распространение. К ней относились государственные имения и рудники,

доходы с которых делились между гражданами, а затем шли на военный флот, храмовое имущество и др. Помимо государственной земли, сдаваемой преимущественно в аренду, существовали общественные земли фил и демов. Имущество, находившееся в частной собственности, делилось на "видимое" (земля, дом, рабы и т. п.) и "невидимое", способное "ускользнуть" от налогообложения и конфискации (деньги, драгоценности).

Между государственной и частной земельной собственностью существовала органическая связь — частная собственность на землю считалась ведущей свое происхождение от государственной, а государственная существовала в форме частной. Поэтому, несмотря на окончательное утверждение со времен Солона частной собственности, она носила еще отпечатки прежних коллективистских представлений об общности имущества и считалась предоставленной государством. Поэтому архонты, вступая в должность, ежегодно объявляли о сохранении за гражданами принадлежащего им имущества. Само название земельных участков происходило от слова "жребий" (клерос) — т. е. участок, полученный от общины в результате жеребьевки. Существенным обременением, лежащим на частной собственности, была обязанность состоятельных граждан устраивать за свой счет пышные празднества (литургии) для афинян. Размер расходов на литургию определялся богатством обязанного лица. Во время войны на богатых возлагалась и триерархия — обязанность снаряжать за свой счет военный корабль.

Афинское право различало обязательства из договоров и обязательства из причинения вреда ("вольные" и "невольные" обязательства).

Основанием возникновения договоров считалось соглашение сторон, не требовавшее особых формальностей. Но наиболее важные договоры заключались, как правило, в письменной форме. В зависимости от характера договора соответствующий документ подписывался или обеими сторонами (договор купли-продажи), или одной обязанной стороной (договор займа).

Исполнение договора обеспечивалось задатком, поручительством третьих лиц и залогом (до реформ Солона договор займа обеспечивался и самозакладом должника). Если от исполнения договора отказывался покупатель, он терял свой задаток, продавец же был обязан вернуть двойную сумму задатка. При поручительстве материальные гарантии исполнения договора брали на себя третьи лица. Особое значение в истории Афин имел залог земли — ипотека. При ипотеке заложенная земля оставалась во владении и пользовании должника, лишенного, однако, права распоряжаться ею. При неисполнении обязательства должником заложенная земля переходила к кредитору. Заложенные движимые вещи находились во владении кредитора, который мог их продать, если должник не исполнил обязательство.

Среди договоров важное место занимала купля-продажа, получившая большое распространение в связи с широким развитием торговли как в самой Греции, так и с соседними странами; заем, в том числе у ростовщиков под большие проценты (до 20 %); имущественный наем движимости (в том числе и рабов) и недвижимости (особенно домов метеками, не имевшими или имевшими ограниченное право приобретать дома); личный найм и некоторые другие. Был известен и договор товарищества, по которому несколько лиц вносили средства в общее имущество для достижения каких-либо целей (торговые, религиозные и иные товарищества). Доходы и убытки товарищества распределялись между его участниками так, как это было обусловлено договором, или пропорционально сделанному взносу.

Обязательства из причинения вреда возникали при нанесении ущерба имуществу (повреждение или истребление имущества, причинение убытков и т. п.). Они влекли за собой возмещение ущерба, а вред, причиненный сознательно, возмещался в двойном размере. Ответственность возникала и тогда, когда вред был результатом действий подвластных лиц — детей, рабов. Раб мог быть передан потерпевшему в компенсацию за причиненный ущерб. При причинении вреда личности (а в некоторых случаях и имуществу) возникала ответственность за преступление.

Брак и семья. Безбрачие в Афинах морально осуждалось. Брак заключался посредством договора между женихом и главой семьи невесты. Жених был обязан уплатить за невесту, приданое же невесте давалось не во всех случаях. Многоженство не допускалось.

После замужества женщина находилась и под властью отца, и под властью мужа. Положение ее в семье было принижено. Развод для мужчины был свободен, для женщины весьма затруднен. Власть отца над детьми до Солона была практически неограниченной (он мог продать сына в рабство). Со временем она ослабла, но оставалась значительной. Дети были обязаны повиноваться отцу, он мог лишить сына наследства за неповиновение, а дочь выдать замуж по своему усмотрению.

Преступления и наказания. Афинское право различало преступления, направленные против государства, и преступления против личных интересов. Однако граница между ними зачастую была условной. И в том и в другом случае обвинение возбуждалось или самим потерпевшим, или гражданами, считавшими себя заинтересованными в привлечении виновного к ответственности.

Наиболее тяжкими преступлениями считались государственная измена, обман народа, внесение противозаконных предложений в народное собрание, оскорбление богов, безбожие, кража храмового имущества. К серьезным преступлениям относились также убийство, телесные повреждения, клевета, оскорбление, плохое обращение детей с престарелыми родителями, измена жены, похищение девушки. Эти деяния могли рассматриваться и как преступления против личности, и как преступления против государственных интересов. Близки к ним были и имущественные преступления (кража, поджог), которые также могли рассматриваться как преступления против государственных интересов (кража в общественном месте) или против личных интересов.

Характер наказания зависел прежде всего от тяжести содеянного. При преступлениях против личных интересов речь чаще всего шла о возмещении вреда и штрафе (обычно в двойном размере от ущерба), при преступлении против интересов государства — о наказании как таковом. За наиболее тяжкие преступления (измена, безбожие, умышленное убийство) грозила смертная казнь. Вора-рецидивиста обращали в рабство. Широко были распространены штрафы и конфискация имущества. Телесные наказания применялись только к рабам, ответственность которых за преступления была более суровой, чем у свободных. Широкое распространение получила атимия (бесчестье), лишавшая осужденного политических прав (на участие в народном собрании, занятие государственных должностей). За ложное обвинение в политическом преступлении доносчик (сикофант) мог быть предан суду.

Глава 13. Римское право

Роль римского права в мировой истории и основные этапы его развития. Римское право занимает уникальное место в правовой истории человечества. Оно представляет собой наивысшую ступень в развитии права в античном обществе и древнем мире в целом.

Оно отличается прежде всего необыкновенно широким охватом самых разнообразных жизненных отношений и ситуаций. Особенно тщательно были разработаны в римском праве различные способы защиты интересов частных собственников, а также многообразных участников имущественного оборота. Именно римляне, опираясь на весь предшествующий мировой опыт, в том числе и стран Востока, впервые сделали индивидуальную частную собственность, а также другие имущественные права и интересы предметом искусного и весьма совершенного юридического регулирования. На базе римского права, отличавшегося большой разработанностью своих форм, сложилась богатейшая правовая культура, ставшая общим достоянием человечества на последующих этапах развития цивилизации. Одним из элементов этой правовой культуры была римская юриспруденция, которая положила начало как самостоятельной науке о праве, так и профессиональному юридическому образованию.

За более чем тысячелетний период истории Римского государства право претерпело в нем глубокие изменения. История римского права, естественно, отразила перемены в государственном строе Рима. Но, будучи связанным и с более глубинными пластами римского общества, оно в своей эволюции испытало на себе влияние все усложняющихся экономических и иных общественных отношений, в том числе связанных и с рабством.

Кроме того, римское право пережило ту рабовладельческую государственность (Западную Римскую империю), на базе которой оно исторически сложилось и достигло наивысшего расцвета. Поэтому периодизация истории римского права, несмотря на ее теснейшую связь с важными событиями в политической жизни, не может быть сведена к периодизации Римского государства. В обширной литературе по римскому праву имеются различные варианты выделения главных и более дробных этапов его развития. Наиболее общей и удобной для учебных целей представляется следующая периодизация истории римского права.

1. *Древнейший период* (VI — середина III вв. до н. э.). Римское право этого периода характеризуется еще полнотой замкнутостью, архаичностью, неразвитостью и сакральным характером основных институтов.

2. *Классический период* (середина III в. до н. э. — конец III в. н. э.). Именно в течение данного периода римское право постепенно освобождается от остатков патриархальности и религиозности и превращается в светскую юридическую систему, характеризующуюся высшей степенью разработанности не только рабовладельческих, но и иных универсальных человеческих отношений. Совершенство этой правовой системы находит свое выражение и в юриспруденции, давшей миру образцы глубокого правового анализа и филигранной юридической техники.

3. *Постклассический период* (IV–VI вв.). В это время в связи с разложением рабовладельческого общества и государственности римское право практически перестает развиваться, несет на себе печать общего экономического и политического кризиса. Изменения в римском праве данного периода связаны главным образом с его систематизацией и постепенным приспособлением к формирующимся новым феодальным отношениям, что происходит, однако, уже в восточной части Римской империи (Византии).

Для более глубокого изучения истории римского права, а также для специальных научных целей разработаны и более детализированные схемы периодизации. Так, многие ученые вслед за архаическим периодом выделяют в качестве особого этапа истории римского права предклассический период (III–I вв. до н. э.). Такое вычленение предклассического периода имеет под собой серьезные основания, но оно в большей степени подходит для специализированного изучения истории римского права, выходящего за рамки данного учебного курса.

§ 1. Развитие источников права

Источники права древнейшего периода. Огромную роль в формировании римской правовой традиции в архаический период играли жрецы. Особенно выделялась среди них коллегия понтификов, которая присвоила себе привилегию формирования и толкования норм права. Понтифики были по сути дела первыми римскими юристами. В Риме (в отличие от стран Востока) сравнительно рано происходит разделение религиозных норм (*fas*), связанных с верованиями римлян и их долгом перед богами, и собственно правовых норм (*ius*), связанных с деятельностью или с санкцией римского государства. Тем не менее понтифики по-прежнему контролировали всю юридическую деятельность в Риме. В связи с этим право в архаический период сохраняло во многом сакральный характер, совершение юридических актов требовало выполнения религиозного ритуала: жертвоприношения, клятвы и т. д.

Древнейшим источником права в Риме были правовые обычаи (*mores majorum*). Согласно римской исторической традиции, другим источником права являлось

законодательство римских царей (*leges regiae*). Однако существование этих законов время от времени подвергается сомнению. В последние десятилетия исследователи склонны не отвергать эту традицию, считать достоверными сведения о законах римских царей, по крайней мере Нумы Помпилия и Сервия Туллия.

Поскольку эти источники права, тесно связанные с традицией и религией римского народа (квиритов), выступали первоначально как патрицианские, в литературе высказывалось предположение о существовании особой системы правовых обычаев у плебеев. Движение плебеев за равноправие отразилось и в правовой сфере, поскольку патрицианские магистры и жрецы (понтифики) произвольно толковали неписанные обычаи, игнорируя интересы плебеев. С борьбой плебеев и патрициев связывается принятие (около 450 года до н. э.) первых писанных римских законов — Законов XII таблиц. Согласно традиционной версии, для их составления была создана первоначальная комиссия из 10 патрициев (децимвиры), подготовившая законы на десяти таблицах, текст которых не удовлетворил плебейское население Рима. В результате острого политического конфликта была создана новая комиссия децемвиров, состоявшая как из патрициев, так и из плебеев, дополнившая первоначальный текст еще двумя таблицами.

Традиционная версия происхождения Законов XII таблиц в настоящее время нередко ставится под сомнение. В самом тексте Законов нет положений, свидетельствующих непосредственно об уравнивании в правах патрициев и плебеев. Но очевидно, что Законы стали основой общего для патрициев и плебеев единого квиритского, или гражданского, права (*ius civile*), предназначенного исключительно для римских граждан. Возможно, что принятие Законов XII таблиц было связано с борьбой плебеев с патрицианско-жреческой верхушкой, а также с противоречиями между светской и религиозной аристократией. Принятие Законов XII таблиц означало ослабление былых позиций понтификов, которые сохраняли за собой право хранить и толковать неписанные обычаи и законы, вырабатывать формы судебных исков и злоупотребляли этим правом. Хотя в Законах XII таблиц предусматривалось использование клятв и совершение других ритуальных действий, право уже было отделено от религиозных норм и приобрело светский характер.

Законы XII таблиц были выполнены на 12 медных досках, выставленных для всеобщего обозрения на форуме — центре политической жизни республиканского Рима. Знание этих Законов было обязательным, а следовательно, с их принятия стало необходимым светское правовое воспитание (образование) римских граждан.

В своем первоначальном виде Законы XII таблиц не сохранились (погибли в 390 году до н. э. при нашествии галлов), и их содержание реконструировалось (в XVI–XVII вв.) на основе фрагментов из сочинений более поздних римских авторов. Но и в настоящее время текст Законов XII таблиц остается неполным, в ряде случаев неясным, требующим критического подхода. В исследованиях некоторых ученых (Е. Паис, Э. Ламбер, Р. Шульц и др.) без достаточно веских аргументов оспаривается время принятия этих Законов (их относят к последующим векам), ставится под сомнение их характер и сам факт существования. Ряд противоречий в Законах XII таблиц (например, исчисление штрафов в деньгах, хотя, как известно, в V в. до н. э. в Риме еще не было монеты) может быть объяснен тем, что в их текст со временем были внесены частичные изменения.

По своей сути Законы XII таблиц представляли обработку и консолидацию обычного права Рима. Известное влияние на них оказало греческое право южноиталийских полисов. Но были включены и отдельные новые положения, отступавшие от норм обычного права (например, система штрафов была отходом от древнего принципа талиона).

Законы XII таблиц отражали еще сравнительно низкий уровень развития римского общества и правовой техники. Они были изложены в виде кратких повелительных суждений и запретов, некоторые из которых несли на себе печать религиозных ритуалов.

Несмотря на свои недостатки, они достаточно точно отразили коренные потребности римского архаического периода, а поэтому в течение многих веков пользовались в Риме огромным авторитетом, рассматривались, по словам Тита Ливия, как "источник всего

публичного и частного права".

Другим важным источником квинитского (цивильного) права были законы. Законы XII таблиц завершались указанием на то, что впредь всякое решение народного собрания должно иметь силу закона (*lex*). С предложением о принятии нового закона в собрании обычно выступали должностные лица (магистраты), затем законопроект обсуждался в сенате и за три недели до голосования предавался гласности. В принятом законе выделялись, как правило, три части. В первой указывался инициатор принятия закона, вторая содержала саму норму, т. е. правовые предписания, а в третьей устанавливалась санкция. Принятый народным собранием закон немедленно вступал в силу, если не предусматривалась специальная отсрочка, и его текст в случае особой важности выставлялся на форуме.

В древнейший период правовую силу имели также решения сената (сенатус-консульты), а в исключительных случаях и постановления магистратов. Так, на основе решения чрезвычайной комиссии децимвиров были изданы, например, Законы XII таблиц.

Толкование законов, как и гражданского права вообще, а также составление судебного календаря и исковых требований вплоть до конца IV века оставались привилегией понтификов, всячески охранявших свою монополию на судебные тайны. Окончательному освобождению права от религиозной оболочки, подрыву позиций жречества и началу светской юриспруденции способствовали хищения и предание гласности в 302 году до н. э. писцом Клавдием Флавием судебного календаря, формы исков и записей и толкований норм и обычаев, которые ранее в строгой секретности хранились в архивах понтификов.

Источники права в классический период. В III веке до н. э. — III веке н. э. формально продолжали действовать Законы XII таблиц (официально они были отменены в VI веке н. э. в ходе законодательных реформ византийского императора Юстиниана). Глубокое уважение римлян к своим правовым традициям и особенно благоговейное отношение к Законам XII таблиц не позволяли им открыто отказаться от этого исторического памятника. Но существенные изменения в экономической и политической жизни Рима сделали необходимым фактический отказ в повседневной правовой практике от устаревших норм Законов XII таблиц и квинитского права в целом. Возникла насущная необходимость в создании новых форм правотворчества, более гибких и позволяющих учитывать меняющиеся общественные условия.

На новом этапе истории римского права его наиболее характерным источником становятся эдикты преторов, на базе которых наряду с гражданским правом (по-прежнему уважаемым, но все менее применяемым) вырастают две новые и совершенно самостоятельные правовые системы: "преторское право" (*jus praetorium*) и "право народов" (*jus gentium*). Обе эти системы были результатом правотворческой деятельности преторов. Таким образом, в Риме возникла сложная (по сути дела — тройная) система источников права.

Вступая в должность, претор обнародовал свой эдикт, где содержались юридические формулы, с помощью которых он намеревался поддерживать порядок и вершить суд. Эти формулы существенно отклонялись от норм гражданского права, хотя формально претор должен был действовать в его рамках. Положения, которые содержались в эдиктах, сами не имели силу закона, но были обязательными, поскольку поддерживались преторской властью. Сам претор был обязан следовать своему эдикту, срок действия которого истекал через год. Приходящий ему на смену претор, как правило, лишь несколько изменял эдикт своего предшественника, внося в него новые положения (*edictum novum*) и отбрасывая устаревшие. Но поскольку основная часть эдикта сохранялась (*edictum tralaticium*), преторское право, наряду с гибкостью и приспособляемостью, характеризовалось определенной преемственностью и стабильностью.

Особую роль в развитии права в классический период сыграли эдикты претора перегринов, должность которого была учреждена в 242 году до н. э. Последний регулировал отношения между римскими гражданами и иностранцами (перегринами), а поэтому вообще

не был связан нормами гражданского права. В своем правотворчестве (при издании эдикта) он обладал большой свободой усмотрения, мог в своих правоположениях ссылаться на "справедливость" (*aegitas*) или на "естественный разум" (*naturalis ratio*). Созданное преторами перегинов "право народов" было не международным, а внутригосударственным, т. е. римским правом, причем его наиболее развитой и совершенной частью.

С установлением империи постепенно изменилось и положение преторов в политической системе Рима. Формально преторы сохраняли право на издание эдикта, но их активное правотворчество приходило в противоречие с растущим самовластием императоров. Поэтому уже в первые века нашей эры преторы взяли за правило полностью копировать эдикт своего предшественника. Таким образом, содержание эдикта становилось неизменным, и он не порождал новых норм права. В связи с этим император Адриан решил кодифицировать преторское право, поручив эту работу известному юристу Юлиану (между 125 и 138 гг. н. э.). Составленный последним эдикт (известный как эдикт Юлиана) был официально одобрен сенатус-консультумом и получил название "вечного эдикта" (*edictum perpetuum*). Он стал обязательным для всех последующих магистратов. С этого времени преторский эдикт по сути дела застывает и перестает быть источником новых правовых норм.

Уже в первые годы империи падает значение народных собраний, которые к концу I в. н. э. крайне редко принимали новые законы, а затем вообще лишились этого права. При императорах вновь выросло значение сенатус-консультумов, которые в предшествующий период (в эпоху поздней республики) не обладали правовой силой. В первой половине I в. н. э. сенатус-консультумы обычно не имели санкций, но они приобретали обязательную силу благодаря эдикту претора. Но Адриан вновь вернул сенату законодательную власть, и сенатус-консультумы стали выступать в качестве закона. Роль их как источника права возросла, поскольку они составлялись от имени принцепса и часто назывались по его имени.

Постепенно укреплялась и расширялась и самостоятельная законодательная власть императоров. Первоначально императорские законы (конституции) рассматривались как результат делегации власти со стороны народных собраний, но во II в. н. э. юристы обосновали положение, согласно которому римский народ передал свою законодательную власть императорам. К этому времени законодательство императоров превращается в важнейший источник права. Законы императоров в отличие от многих актов магистратов действовали на всей территории римского государства, а не были ограничены пределами города или отдельной провинции.

Акты императорской власти (конституции) делились на следующие основные виды:

1) *Эдикты* — общие положения, основанные на власти "империум", а поэтому юридически обязательные только при жизни данного императора. Но уже со II в. н. э. они начинают соблюдаться и его преемниками.

2) *Рескрипты* — ответы или советы императора отдельным лицам или магистратам, запрашивающим консультации по правовым вопросам.

3) *Декреты* — решения, вынесенные императором в судебных делах, на основе которых сложилась самостоятельная императорская юриспруденция.

4) *Мандаты* — инструкции, адресованные правителям провинций, которые в ряде случаев содержали также нормы гражданского или уголовного права, которые применялись и к перегинам.

Первоначально конституции императоров касались лишь вопросов публичного порядка (организации администрации, преступлений и т. п.), но постепенно они все более и более охватывали все сферы правового регулирования. Многие выработанные в императорскую эпоху формы правовых актов оказали впоследствии большое влияние на законодательную технику средневековых монархий.

Роль римских юристов в развитии права. Исключительно важным и своеобразным источником развития римского права в классический период становится деятельность юристов, которая способствовала развитию стройности и цельности всей правовой системы

Древнего Рима.

Римская юриспруденция приобретает чисто светский характер начиная с плебейского понтифика Тиберия Корункания (с 254 года до н. э.), правовые консультации которого впервые носили публичный и открытый характер. Юристы республиканского периода играли важную роль в судебной практике. Они давали юридические консультации, особенно по вопросам судебного процесса, формулируя в связи с ними правовые ответы, редактировали и составляли юридические акты, в ряде случаев принимали участие в самом судебном процессе, оказывая помощь одной из сторон. Юристы республиканской эпохи происходили, как правило, из аристократических кругов — из сенаторской знати, а в I в. до н. э. также и из всадников. Наиболее известными из них были Катон Старший, Марк Манилий, Алфен Вар, Квинт Муций Сцевола, Публий Муций Сцевола, Сервий Сульпиций, Руф (причем двух последних часто считают основателями римской юридической науки). Они впервые предприняли попытку дать обобщение судебной практики, систематически изложив гражданское право (Публий Сцевола) и составив первый комментарий преторского права (Сульпиций).

В эпоху принципата круг юристов становится шире. Многие из них, например Ульпиан, Гай и другие, были уже не римлянами, а выходцами из восточных провинций. Юристы этого времени играли более активную роль в развитии юридической доктрины и практики, были подлинными творцами классического римского права. Важное значение приобретает преподавательская деятельность юристов. В I — начале II в. н. э. возникают две основные школы права: сабиньянцы (основатель Капитон) и прокульянцы (основатель Лабейон), которые вели преподавание права и давали разную трактовку некоторых (правда, второстепенных) правовых институтов. Наиболее известными представителями первых были Сабин и Юлиан, а вторых — Прокул и Цельз.

Римские юристы составляли многочисленные труды. Одни из них предназначались для учебных целей, другие — для практического использования.

Большой популярностью пользовались комментарии гражданского права и преторского права, а также дигесты, которые представляли собой наиболее значительные произведения по различным правовым вопросам, с попытками синтеза гражданского и преторского права. В дигестах обычно использовались выдержки из более ранних работ ("Ответов", "Вопросов" и т. д.) того же самого или других авторов, причем правовой материал располагался в строго определенном порядке (отсюда и сам термин *digesta* — "приведенное в систему"). Наибольшей известностью в Риме пользовались дигесты Альфена Вара, Цельза, Марцелла, Цервилия Сцевола и, особенно, Сальвия Юлиана.

Важное место среди работ римских юристов занимали институции, систематически излагавшие римское право в учебных целях. Наибольшую известность приобрели Институции Гая (143 год н. э.), которые давали сжатое и логически построенное изложение обширного правового материала.

Институции Гая в основном посвящены разбору гражданского (гражданского) права, но включают ряд добавлений по преторскому эдикту. От институций других римских юристов они отличаются большей полнотой и четкостью изложения. В них дается стройное и логичное деление гражданского права: "Все право, которым мы пользуемся, относится или к лицам, или к вещам, или к искам" (1.8). Хотя многие исследователи не считают систему, использованную Гаем, оригинальной, она была значительным шагом вперед в понимании права. Здесь впервые материальное право отделено от процесса, а индивидуальные права — от средств их защиты.

Несмотря на трехчленную классификацию самого правового материала, Институции Гая разделены на 4 книги: о лицах, о вещах, об обязательствах, об исках. Эта система, получившая впоследствии название институционной, оказала большое влияние на последующую историю права.

Но даже самые блестящие и эрудированные юристы классической эпохи не были склонны к отвлеченным рассуждениям и к простому теоретизированию. Они стремились с

помощью дедукции и иных логических методов решать отдельные, хотя бы и сложные, правовые казусы. Именно поэтому они даже в своих сочинениях избегали абстрактных конструкций, обобщений и определений. По словам Яволена Приска, "всякое определение в гражданском праве опасно: редко бывает, чтобы оно не могло быть опровергнуто". В связи с этим в римской классической юриспруденции не встречаются определения таких ключевых для гражданского и преторского права понятий, как иск (actio), собственность (dominium), договор (contractus), сервитуты (servitutes) и т. п. Но зато в ней имеются многочисленные блестящие образцы конкретных жизненных и подлежащих судебному решению правовых проблем.

С установлением в Риме императорского правления активизируется практическая деятельность юристов — дача правовых консультаций. Эти консультации (так называемые "ответы") оказывали большое влияние на судей, которые часто следовали мнению авторитетных юристов.

Император Август предпринял попытку несколько унифицировать деятельность юристов, разрешив только определенному их кругу давать ответы, имеющие официальное значение (jus respon-dendi). Эти юристы должны были записывать свои ответы (консультации), ставить свою печать, чтобы тем самым засвидетельствовать легальность правового источника. Данная система закреплена при императоре Адриане, который подтвердил установившийся порядок, согласно которому только мнение определенных юристов имело правовую, т. е. обязательную силу. Если таковые юристы по какому-либо вопросу приходили к общему согласию, судья обязан был с ним считаться при вынесении решения.

Укреплению авторитета римской юриспруденции как источника права во II–III вв. н. э. способствовал тот факт, что императоры стали нередко приближать видных юристов к своей особе, назначать их на ключевые государственные посты (префекты претория и т. п.). Так, при императоре Септимии Севере государственную карьеру сделал Папиниан (был убит затем по приказу Каракаллы), при Александре Севере — Павел и Ульпиан и т. д.

Источники права постклассического периода. В период домината в связи с глубоким кризисом рабовладельческой системы римское право претерпевает некоторые незначительные изменения, но его основные институты практически сохраняются в прежнем виде. Наибольшие изменения в это время происходят именно в источниках права, среди которых все больший удельный вес приобретает законодательство императоров. В связи с установлением всевластия императоров новые поколения юристов утрачивают право давать обязательные консультации, лишаются возможности формулировать новые правовые нормы, как это уже раньше произошло с преторами.

Сокращается число классических юристов, труды и мнения которых по-прежнему рассматривались в качестве источника права. В 426 году специальными знатоками Феодосия II и Валентиана III о цитировании была признана юридическая сила за сочинениями лишь пяти юристов: Папиниана, Павла, Ульпиана, Мадестина и Гая. Судьи должны были выявлять общее мнение этих юристов, а в случае разногласия между ними — мнение большинства. В случае равенства голосов решающим признавалось мнение Папиниана, если же в этом случае Папиниан не высказывался, судья мог действовать самостоятельно.

Утрата римским правом былого динамизма, стирание граней между гражданским и преторским правом, поскольку это деление в едином императорском законодательстве утрачивает свой смысл, создали благоприятные условия для проведения кодификационных работ. Особенно оживленно работы по систематизации права велись в восточной части Римской империи (Византии). Здесь в конце III века н. э. были составлены частные сборники римского права — Кодекс Грегориана и Кодекс Гермогениана, включившие в себя подлинные тексты императорских законов со 196 по 365 г. н. э., а в 438 году осуществлена первая официальная кодификация императорских конституций (Кодекс Феодосия). Особенностью сборника Феодосия, свидетельствующей о более высоком уровне кодификационных работ, было то, что он включал в себя только действующее

императорское законодательство.

Всеобъемлющая систематизация римского права была проведена в 528–534 гг., т. е. уже после падения Западной Римской империи, по указанию византийского императора Юстиниана. Руководство кодификационными работами осуществлял видный юрист Трибониан. Результатом работы комиссии явилось составление ряда крупных сборников римского права, подвергнутого, однако, некоторым интерполяциям — включениям норм более позднего, в частности греческого и восточного права. На более позднем этапе истории права (уже в средние века) эти сборники стали выступать как единый Свод законов Юстиниана (*Corpus juris civilis*).

Обширные кодификационные работы, которые велись под непосредственным руководством самого императора, снискавшего себе славу самого великого законодателя всех времен и народов, начались с составления Кодекса Юстиниана. Подготовка Кодекса была поручена созданной в феврале 528 года комиссии, состоявшей из десяти высших должностных лиц и юристов, среди которых особенно выделялись Трибониан и Феофил. Комиссия была уполномочена, используя ранее изданные частные и официальные сборники, а именно: Кодексы Грегориана и Гермогениана, Кодекс Феодосия, собрать воедино императорские конституции, устранить имеющиеся в них противоречия, исключить устаревшие законодательные положения. Кодекс Юстиниана, первая редакция которого не сохранилась, был составлен с поразительной быстротой и издан 7 апреля 529 года. Не вошедшие в него законодательные акты отныне подлежали отмене.

Поспешность в составлении Кодекса была причиной многих его недостатков (противоречий, устарелых положений), которые стали особенно очевидными в связи с составлением других частей кодификации Юстиниана. Целый ряд нововведений, содержащихся в законодательстве Юстиниана, особенно в сборнике "50 решений" (отмена различий между гражданским правом и "правом народов", между квинтской и бонитарной собственностью и т. д.), делали необходимой разработку новой редакции Кодекса Юстиниана. Эта работа была поручена в начале 534 года комиссии из 5 юристов под руководством Трибониана. Переработанный вариант Кодекса (именно в этом виде он и сохранился) был опубликован 16 ноября 534 года, а 29 декабря того же года был наделен силой закона.

По примеру Законов XII таблиц Кодекс Юстиниана был разделен на 12 книг. В книге I рассматриваются вопросы церковного права и христианской теологии, книги 2–8 посвящены различным вопросам частного права, в книгах 9 — 12 затрагиваются различные стороны публичного права (административное управление, преступления и наказания и т. д.). Каждая книга распадается на титулы, а последние — на фрагменты.

В рамках отдельных титулов императорские конституции расположены в хронологическом порядке; древнейшая из использованных в Кодексе — Конституция Адриана 117 года (6.23.1), самая поздняя — Конституция Юстиниана от 4 ноября 534 года. Фрагменты, содержащие текст отдельных конституций, включают сведения об издавшем их императоре, о лице, кому они адресованы, о дате и месте их издания. Составителем Кодекса было разрешено вносить существенные изменения в цитируемые законодательные положения (редактировать, сокращать и т. д.), о чем свидетельствуют сравнения с соответствующими текстами конституций по Кодексу Феодосия.

Важнейшую часть кодификации императора Юстиниана, выделявшуюся по богатству использованного правового материала, составляют дигесты, или пандекты. Последний термин позаимствован из греческого языка, что означает "содержащий в себе все".

По замыслу Юстиниана, изложенному в специальной Конституции от 12 декабря 530 года, его дигесты должны были стать всеобъемлющим сборником, охватывающим правовое наследие классической эпохи. Подготовка дигест была поручена специальной комиссии под руководством Трибониана, в которую вошли помимо видных чиновников и практиков известные профессора константинопольской (Феофил, Грациан) и бейрутской (Дорофей и Анатолий) правовых школ. Составители дигест (позднее они стали называться

компиляторами) были наделены широкими полномочиями по отбору и сокращению текстов классических юристов ("древних юристов"), по устранению в них противоречий, повторений и устаревших положений, по внесению в них иных изменений с учетом императорских конституций.

В процессе работы над дигестами комиссия просмотрела и использовала 2 тыс. сочинений, обработала 3 млн. строчек. В случае возникновения спорных вопросов она обращалась за разъяснениями к Юстиниану, который издавал соответствующие конституции, составившие "50 решений". Дигесты, учитывая масштабность использованного в них материала, были подготовлены исключительно за короткий срок, опубликованы 16 декабря 529 года специальной Конституцией.

Дигесты представляют собой уникальный правовой памятник, насчитывающий около 150 тыс. строк, включающий более 9 тыс. текстов, взятых из книг римских юристов, живших с I в. до н. э. по IV в. н. э. Более других в Дигестах цитируются Ульпиан, Павел, Папиниан, Юлиан, Помпоний, Модестин. Так, тексты Ульпиана составляют 1/3, Павла — 1/6, Папиниана — 1/18 часть.

Структурно Дигесты делятся на семь частей (в самом тексте такой рубрики нет) и на 50 книг, которые в свою очередь (кроме книг 30–32 о легатах и фидеикомиссах) расчленяются на титулы, имеющие названия. Титулы состоят из фрагментов, число и размеры которых неодинаковы. Каждый фрагмент содержит в себе текст из сочинения какого-нибудь юриста. Фрагмент приводится с указанием автора и названия работы, откуда почерпнута цитата.

Содержание Дигест весьма широко и разнообразно. В них рассматриваются некоторые общие вопросы правосудия и права, обосновывается деление права на публичное и частное, дается очерк возникновения и развития римского права, излагается понимание закона и т. д. Сравнительно немного места отведено публичному праву, главным образом в последних книгах (47–50), где говорится о преступлениях и наказаниях, о процессе, правах фиска, городском управлении, военном пекулии и т. п. Представлены здесь и вопросы, относящиеся к сфере международного права: ведение войны, прием и отправка посольств, статус иностранцев и т. д.

Наиболее полно в Дигестах представлено частное право. Особенно много внимания в них уделено наследованию (по закону и завещанию), брачным отношениям, вещному праву, различным видам договоров. Здесь отразились многие новые тенденции, характерные для постклассического римского права: слияние преторского и гражданского права и устранение многих формальностей последнего (например деления вещей на манципируемые и неманципируемые), смягчение отцовской власти, стирание различий между легатами и фидеикомиссами и т. д. В стремлении приспособить римскую классическую юриспруденцию к византийской действительности в VI в. комментаторы нередко искажали первоначальный текст, включали новые положения, причем делая это от имени цитируемого автора (интерполяции). Вероятно, целый ряд изменений в классических текстах был осуществлен непосредственно компиляторами, а составителями копий работ, которыми они пользовались и в которые ранее на полях рукописи и между строчками были внесены уже вставки и исправления. Выделение интерполяций и глоссем, позволяющее различать классическое и постклассическое право, составляет одно из наиболее важных направлений в современной романистике.

Дигесты написаны на латыни, но многие термины, а иногда и целые извлечения (из Марциана, Папиниана и Модестина) даны по-гречески. Придав Дигестам силу закона, Юстиниан запретил их комментирование, а также ссылки на старые законы и сочинения юристов.

Первоначальный текст Дигест Юстиниана не сохранился. Наиболее древняя и полная копия (флорентийская рукопись) относится к VI или VII вв. Сохранился также ряд копий Дигест Юстиниана, составленных в XI–XII вв., но в них были допущены значительные сокращения, а также значительные искажения текста (так называемые "вульгата").

Своеобразной частью кодификации Юстиниана являются Институции — элементарный

учебник права, обращенный императором к "юношеству, любящему законы". Для составления Институций по указанию Юстиниана в 530 году была составлена специальная комиссия из Трибониана (председатель) и профессоров права Феофила и Дорофея. Последние и являются фактическими авторами Институций Юстиниана, поскольку Трибониан в это время был занят подготовкой Дигест. Институции были изданы 21 ноября 533 года и в том же году (одновременно с публикацией Дигест) получили силу императорского закона, стали применяться как официальный источник права.

В основу Институций Юстиниана были положены сочинения Гая (Институции и "Повседневные дела"), а также Институции Флорентина, Марциана, Ульпиана и Павла. Определенное влияние на них оказали дигесты, а также ряд императорских конституций. Институции Юстиниана, хотя и в меньшей степени, чем Дигесты, отразили черты постклассического (позднеримского, византийского) права. Многие устаревшие правовые институты были из них исключены (например вышедшие из употребления формы брака, легисакционный и формулярный процесс и т. п.). С другой стороны, был включен ряд новых положений, относящихся к юридическому лицу, конкубинату, колонату, кодициллу и т. п. Некоторые вопросы в Институциях Юстиниана разработаны подробнее, чем в Институциях Гая, в частности получила дальнейшее развитие классификация вещных прав, расширен круг оснований возникновения обязательств (добавлены квазиделикты).

Как и Институции Гая, Институции Юстиниана состоят из 4 книг. Под влиянием Дигест они были разделены на титулы, которые состоят из отдельных фрагментов. Хотя систематика Институций Юстиниана позаимствована из Институций Гая, расположение материала (особенно в последней книге) имеет некоторые отличия.

В первой книге даются общие сведения о правосудии и праве, о правовом статусе лиц, о вольноотпущенниках, о браке, об отцовской власти, об опеке и попечительстве. Вторая книга посвящена вещному праву. В ней подробно рассматриваются новые способы деления и свойства вещей, предусматриваются новые способы их приобретения. Здесь же говорится о завещаниях и легатах.

В третью книгу включены титулы, относящиеся к наследованию без завещания, степени когнатского родства и т. п. В этой же книге излагаются общие положения об обязательствах и обстоятельно освещаются отдельные виды договоров. В отличие от Институций Гая обязательства из деликтов включены в четвертую книгу, где особенно подробно рассмотрен закон Аквилы о возмещении вреда. Далее разбираются вопросы защиты прав (разные виды исков и интердиктов). В заключительной части Институций Юстиниана добавлены два титула, где перечислены обязанности людей и разные виды преступлений, особенно разработанные в императорском законодательстве (оскорбление величества, прелюбодеяние, отцеубийство, подлоги и т. д.).

Как исторический источник Институции Юстиниана имеют меньшую ценность, чем Дигесты и Кодекс Юстиниана, но они обладают и несомненными достоинствами — систематическим, сжатым и четким изложением правового материала по широкому кругу вопросов. Подлинный текст Институций Юстиниана не сохранился, наиболее древняя копия относится к IX веку.

Кодификация Юстиниана подвела своеобразную черту под многовековым развитием римского права, представляя собой концентрированный итог всей его предшествующей истории. Поэтому Свод законов Юстиниана хотя и отразил некоторые постклассические и чисто византийские черты, является в своей основе источником римского права.

В 535–555 гг. указанные выше три сборника римского права были дополнены сборниками конституций (новелл) самого Юстиниана, в которых в большей степени отразились уже особенности не римского права, а византийского общества и права. Однако эти сборники были составлены частными лицами и не имели официального характера. Наиболее крупный из них включал 168 новелл, из которых 153 принадлежат Юстиниану. Значительно позднее (в средние века) сборники новелл Юстиниана стали включаться в *Corpus juris civilis* в качестве его четвертой книги.

§ 2. Римское право древнейшего периода

Общая характеристика. Вплоть до середины III в. до н. э. безраздельно господствующей правовой системой было квиритское право. Оно отличалось сакральным характером, большой степенью традиционности, связью с древнеримским правом (квиритскими обычаями и ритуалами), нашедшим свое отражение и в Законах XII таблиц. Квиритское, или цивильное (буквально — гражданское, т. е. связанное с римским гражданством) право несло на себе следы своего происхождения в условиях небольшого земледельческого государства — общины. Оно на всех этапах применялось только к лицам, обладавшим римским гражданством (но не к peregrini — иностранцам), и рассматривалось как особая привилегия римского гражданина.

Совокупность правомочий, которые цивильное право предоставляло римскому гражданину, открывало перед ним возможность (во всяком случае, формально) участвовать в политической жизни республики, претендовать на определенные преимущества, в том числе на выделение земельного участка из государственного фонда. Борьба плебеев с патрициями за равноправие, красной нитью проходящая через всю историю ранней республики, завершилась в конечном счете их приобщением ко всем привилегиям, предусмотренным в цивильном праве.

Квиритское право отражало сравнительно примитивные отношения раннеклассового общества. Оно долгое время было связано с деятельностью жрецов-понтификов. И даже с постепенным усилением в нем светского начала оно многое сохранило от религиозной торжественности и ритуальности. Вместе с тем оно отличалось строгостью, суровостью, подчеркнутой точностью. Особенно четко в архаическом римском праве регулировались уже имущественные отношения и в первую очередь — право частной собственности (*dominium ex jure quiritium*), которое рассматривалось как полное господство собственника над своей вещью (*plena in re potestas*). Однако гражданская община долгое время сохраняла право верховного контроля за распоряжением земель и другим хозяйственно важным имуществом, которое имело семейный характер.

Большое значение в квиритском праве имело строжайшее соблюдение торжественных судебных обрядов, в силу чего форма в этот период превалировала над его содержанием, а судебный процесс — над материальным правом. Формализм был одним из условий поддержания в раннеклассовом обществе устойчивого правопорядка, способствовавшего сохранению и воспроизводству патриархального уклада жизни. Но объективно он тормозил развитие не только частнособственнических отношений, но и демократических форм общественной и политической жизни. К III веку до н. э. консервативное по своей социальной роли цивильное право стало превращаться в определенное препятствие на пути роста торгового оборота и пришло в противоречие с потребностями быстро развивающейся рабовладельческой системы.

Манципация. Уже в древнейший период в Риме большое внимание уделялось способам приобретения вещных прав и классификации самих вещей. Вещи, находившиеся в общем пользовании (воздух, море и т. п.), а также ряд других хозяйственно важных вещей (общественная земля — *ager publicus*) рассматривались как находящиеся вне имущественного, торгового оборота (*res extra commercium*). Однако государственные земли расхищались патрицианской знатью, что вело к появлению крупного землевладения, а поэтому по вопросу о выделении участков земли из общественного фонда в течение значительной части республиканского периода шла острая борьба между плебеями и патрициями. Эта борьба была несколько смягчена законом Лициния (около 367 года до н. э.), по которому были предусмотрены равные права плебеев и патрициев на пользование землей и устанавливался максимальный размер участка, выделяемого из общественного фонда — 500 югеров (около 125 га).

В цивильном праве наиболее значительным делением вещей, которые находились в

хозяйственном обороте и могли быть объектом права собственности, было их деление на манципируемые (*res mancipi*) и неманципируемые (*res nec mancipi*) вещи. К первой группе относились земли в Италии, рабы, крупный домашний скот, земельные сервитуты, т. е. экономически наиболее важные объекты вещного права, которые в архаический период выступали в качестве коллективной семейной собственности; ко второй — все остальные вещи, обладание которыми могло быть индивидуализировано.

Согласно традиционной точке зрения, восходящей к римскому юристу Гаю, отчуждение вещей, составлявших первую группу, могло осуществляться только путем манципации — процедуры, требовавшей особо сложной и торжественной обрядности. Манципация относилась к числу строго формальных сделок, заключаемых "посредством меди и весов". Она предполагала приглашение пяти свидетелей и весодержателя. Покупатель, держа в руках кусок меди, произносил торжественную формулу: "Утверждаю, что этот раб по праву квиритов принадлежит мне и что он должен считаться купленным мною за этот металл и посредством этих медных весов". Затем он ударял этим металлом о весы (этот обряд возник, когда еще не было чеканной монеты) и передавал его в качестве покупной суммы тому, от кого приобретал вещь посредством манципации. Неманципируемые вещи продавались путем простой их передачи (традиции) за медь или за деньги без каких-либо особых формальностей.

Древнейшему праву был известен еще один формальный способ передачи права собственности путем сложного обряда, который мог применяться как к манципируемым, так и неманципируемым вещам (*in jure cessio*). Данная процедура представляла собой фиктивный судебный спор, который разыгрывался в присутствии претора. Покупатель делал вид, что отчуждаемая вещь принадлежит ему и торжественно заявлял о своем праве собственности ("данная вещь по праву квиритов принадлежит мне"), отчуждатель не возражал против такого утверждения, и претор присуждал данную вещь приобретателю, как будто являющуюся его собственностью.

Уже в древнейший период в Риме сложился порядок, согласно которому вещь могла быть приобретена в собственность в силу длительного владения ею (*usucapio*). Законы XII таблиц запрещали лишь приобретение права собственности по давности в отношении краденых вещей. Для движимых вещей срок приобретательной давности устанавливался в один год, для недвижимых вещей — в два года. Этим способом пользовался приобретатель вещи в тех случаях, когда, например, при совершении манципации допускались неточности в формальностях, а поэтому при строгости квиритского права покупатель не приобретал права собственности на вещь, и квиритский собственник мог даже требовать возвращения последней через суд.

Сервитуты. Особым видом вещного права, возникшим уже в древнейший период, были сервитуты — фиксированное в обычаях или законе и строго ограниченное право пользования чужой вещью. Сервитуты вырастали вместе с частной собственностью и необходимостью четкого юридического урегулирования взаимоотношений собственников (или владельцев) соседних участков. В силу их хозяйственной важности сервитуты относились к категории манципируемых вещей. Наиболее древними и существенными из них были следующие: право прохода через соседний участок, право прогона скота, право провозить груженые повозки, право отвести воду с участка соседа. Отдельно сервитуты предусматривались и Законами XII таблиц. Так, предписывались меры к тому, чтобы деревья на высоте 15 футов обрезались кругом для того, чтобы их тень не причиняла вреда соседнему участку (VII, 9a), разрешалось собирать желуди, падающие с соседнего участка (VII, 10).

Обязательства из договоров. В древнейший период при неразвитости товарно-денежных отношений договоры (контракты) были еще немногочисленными и отличались ярко выраженным формализмом. Именно внешняя оболочка, а не содержание определяли природу того или иного контракта, в форме которого могли быть выражены самые различные обязательственные отношения. Другая черта древнейших договоров — их

односторонний характер. Правом требования наделялась в договоре лишь одна сторона (кредитор), на другую сторону (должник) возлагались только обязанности.

В числе контрактов, наиболее ярко отражавших черты раннерабовладельческого права, был нексум, в форме которого выражались самые различные обязательственные отношения, в том числе аренда, отчуждение собственности, заем. Этот договор (подобно манципации) заключался в присутствии пяти свидетелей и весовщика посредством "меди и весов". Он состоял в фиктивном обряде отвешивания меди (до появления денег это, видимо, имело вполне реальное значение) и в произнесении особой словесной формулы кредитором, в которой определялась суть обязательства должника (размер долга и т. д.).

Если должник не возвращал в срок установленную таким образом сумму, кредитор мог "наложить на него руку" и держать его в течение 60 дней в заточении в своем доме. За это время должник трижды выводился в базарные дни к претору на Форум, где объявлялась сумма его долга (в расчете на выплату ее сородичами), а затем он продавался в рабство за границу. В Законах XII таблиц говорилось даже о том, что должник, не вернувший деньги сразу нескольким кредиторам, мог быть разрублен ими на части (111,6). Вероятно, в таких случаях использовались и особые соглашения об отработке долга. Но наиболее характерная черта этого договора состояла в том, что взыскание было направлено на самую личность должника. Развитие острых антагонизмов на почве долговых отношений привело к принятию в 326 году до н. э. закона Петелия, согласно которому кредитор лишался права превращать должника в раба или его убивать.

В глубь истории к религиозным клятвам восходит и другой древнейший контракт — *стипуляция* (stipulatio). Формальный характер этого договора проявился в произнесении строго определенных словесных формул. Кредитор задавал должнику вопрос о том, обязуется ли последний совершить какое-то действие, на что должник отвечал в утвердительной форме, используя при этом те же слова. Первоначально в вопросе и ответе можно было пользоваться только одним глаголом — *spondeo* ("торжественно клянусь"), а сама стипуляция носила название "спонсии" (sponsio). Как и нексум, стипуляция представляла собой абстрактный контракт, т. е. могла включать в себя различные обязательства отношения: заем, передачу вещи в ссуду, на хранение и т. д. Однако стипуляция могла совершаться только в отношении неманципируемых вещей. Исполнение обязательства по стипуляционному договору было строго ограничено лишь тем, что было упомянуто в вопросе и ответе. Выполнение стипуляции, наряду с совершением предусмотренного в ней действия, также требовало совершения торжественной процедуры в противоположном порядке (акцептация).

Деликты. Уже в древнейший период, как это можно видеть из Законов XII таблиц, обязательства возникали не только из договоров, но и из деликтов (правонарушений). Большинство предусмотренных в квиригском праве деликтов еще не считались нарушением общественного интереса, а рассматривались как посягательство на права частного лица, как частный деликт (*delictum privatum*), совершение которого как бы ставило обидчика (правонарушителя) в положение должника потерпевшего.

Многие из таких частных деликтов, известных Законам XII таблиц, стали рассматриваться как преступления в последующем. Но по квиригскому праву к категории частных правонарушений относились личная обида (*injuria*), тяжелые членовредительские повреждения, а также воровство (*furtum*). Обязательство, ложившееся на виновного (строго говоря, по Закону XII таблиц на вину не обращалось внимания, достаточно было самого факта совершения деликта), выражалось чаще всего в обязанности уплатить штраф в пользу потерпевшего (от 25 до 200 ассов). Но в случае членовредительства допускался еще талион, а кража, когда вор был пойман с поличным, влекла за собой бичевание. После бичевания вор выдавался потерпевшему, который, вероятно, мог поступить с ним так же, как с неоплатным должником. Вор, совершивший ночную кражу, мог быть убит на месте. Обязательство в виде уплаты штрафов или возмещения причиненного ущерба полагалось согласно Законам XII таблиц в случае порубки чужих деревьев (VIII, 11) или же неосторожного поджога строения

или скирды хлеба, сложенной около дома (VIII, 10).

Гражданскому праву, в частности и Законам XII таблиц, были известны и публичные деликты (*delictum publicum*), т. е. преступления, которые наказывались от имени римского народа, а взыскания по ним шли не частным лицам, а государству. Круг преступлений, однако, не был еще широк. К ним относились прежде всего преступления против республики. Так, предавались смертной казни лица, которые подстрекали "врага римского народа к нападению на Римское государство" или же предавали "врагу римского гражданина" (X,5). Среди прочих преступлений также выделялись убийства, сочинение и распевание песен, содержащих клевету или позорящих других лиц, лжесвидетельство, умышленный поджог, тайное истребление чужого урожая, а также его потрава или жатва в ночное время и т. д.

Хотя в самих Законах XII таблиц (в пересказе римских юристов) утверждается, что смертная казнь применялась "за небольшое число преступных деяний", последняя упоминалась в целом ряде статей. В зависимости от характера преступления смертная казнь принимала различные формы: отсечение головы, утопление, распятие, сбрасывание с Тарпейской скалы и т. д. Постепенно, однако, смертная казнь начинает выходить из употребления и для римских граждан заменяется изгнанием с утратой гражданства ("лишением огня и воды"). Использовались также членовредительские наказания, битье кнутом, штрафы и конфискации имущества, ограничения гражданского статуса (например, запрещение быть магистратом), лишение права на погребение. Некоторые преступления рассматривались как оскорбление богов (например, причинение вреда клиенту со стороны патрона) и влекли за собой религиозные проклятья.

При неразвитости и простоте системы публичных деликтов (преступлений) в древнейшем римском праве не получили еще разработки общие принципы уголовной ответственности (вина, степень участия в преступлении и т. д.). Лишь в редких случаях различались умышленные (преднамеренные) и неосторожные преступления, что влекло за собой и разные юридические последствия (наказания). В отдельных статьях предусматривалось смягчение наказания для несовершеннолетних (за жатву на чужом поле в ночное время — VIII, 9; за кражу с поличным — VIII, 14). Уголовное право уже в древности обнаружило свои классовые подходы: по общему правилу рабы наказывались более строго, чем свободные люди. Они нередко приговаривались к смертной казни.

Брак и семья по Законам XII таблиц. Древнеримское право закрепило исторически сложившуюся патриархальную семью, хозяйственно обособленную и связанную с обществом и государством через его главу (*pater familias*). Типичной формой брака был брак с властью мужа (*cum manu mariti*). Но жена чаще всего оказывалась под властью домовладыки (отца мужа), если только муж не был лицом *sui juris*, т. е. имел самостоятельный семейный статус. Она полностью порывала со своими кровными родственниками (когнатами), подпадала под власть нового домовладыки и становилась связанной родственными отношениями с членами семьи мужа (агнатами). Муж или домовладыка имели над ней неограниченную власть, вплоть до продажи, обращения в рабство или предания смерти. Отсутствие в древнейший период юридических ограничений для власти мужа еще не означало, что он мог пользоваться ею произвольно, т. е. без совета родственников (агнатов), а иногда и когнатов жены. Постепенно проявлялась тенденция к смягчению власти домовладыки и мужа.

Для вступления в брак требовалось согласие глав обеих семей и согласие самих вступающих. Брачный возраст для женщины был 12 лет, для мужчин устанавливался путем осмотра. Заключать брак по гражданскому праву могли только граждане. Такого права не имели рабы, перегрины, латины (до Латинских войн). Длительное время не разрешались браки между патрициями и плебеями, этот запрет нашел свое отражение в Законах XII таблиц, но вскоре (445 год до н. э.) был отменен законом Канулея. Брак мог заключаться в различных формах, в том числе путем религиозного обряда в виде фиктивной покупки жены (по типу *манципации*) или же в результате фактического совместного проживания мужа и

жены в течение года. В последнем случае власть мужа не возникала, если жена ежегодно отлучалась из дома мужа 3 ночи в году.

Брак прекращался в случае смерти одного из супругов или утраты им правоспособности, а также в силу развода, который был в древнейший период редким явлением и допускался только по инициативе мужа в строго ограниченных условиях (прелюбодеяние жены или изгнание плода).

Для древнеримской семьи характерной была также сильная отцовская власть, которая включала право продажи детей в рабство, наказания за проступки вплоть до лишения жизни (*jus vitae ac pecis*). Дети не могли самостоятельно приобретать имущество, все купленное ими становилось собственностью отца. Обязательства, принятые на себя сыном, не связывали отца. Но потерпевший мог привлечь отца к имущественной ответственности в случае деликта, совершенного подвластным членом семьи.

Заинтересованность главы семьи в привлечении дополнительной рабочей силы привела к развитию института усыновления, которое совершалось в народном собрании в присутствии понтификов. Усыновление осуществлялось также путем трехкратной фиктивной продажи члена семьи в рабстве (*in iure cessio*), а затем с мнимой переуступкой прав, которая вела к освобождению сына от власти отца. Древнейшее римское право знало также опеку, которая устанавливалась над малолетними и женщинами, не вышедшими замуж, а также попечительство над сумасшедшими и расточителями.

В римском праве архаического периода существовало два способа наследования имущества умершего домовладыки. По общему правилу оно переходило к детям или внукам умершего ("подвластным") или к другим агнатам, состоявшим с ним в ближайшем родстве. Только в случае отсутствия агнатов имущество передавалось сородичам умершего. Очень рано в Риме возникает и передача наследства по завещанию, хотя первоначально нельзя было завещать имущество при наличии детей. Поскольку завещание рассматривалось как исключение из нормального порядка наследования, оно, как правило, утверждалось на народных собраниях. Законы XII таблиц уже указывали, что завещательные распоряжения на случай смерти являются ненарушаемыми (V,3). В завещании наряду с установлением наследника могли содержаться и иные распоряжения: назначение опекунов, отпуск рабов на волю, легаты. Последние представляли собой завещательный отказ какой-либо из вещей умершего в пользу постороннего лица, которое могло истребовать эту вещь у наследника.

Легисакционный процесс. Подавляющее большинство судебных дел в данный период в Риме рассматривалось в частном (гражданском) порядке. С древнейших времен особенностью организации судебной системы и процесса было то, что они предусматривали две стадии судебного производства: "ин юре" (*in iure*) и "ин юдицио" (*in iudicio*).

На первой стадии дело рассматривалось у магистрата (обычно у претора), к которому должны были явиться лично истец и ответчик. В Законах XII таблиц предусматривалась особая процедура вызова ответчика истцом к магистрату. Неявка ответчика отдавала его во власть истца, который мог "наложить на него руки", т. е. поступить с ним как с неоплатным должником. У претора истец в торжественной форме заявлял свои претензии к ответчику. В случае, если ответчик соглашался с истцом, процесс завершался на первой стадии. Но, как правило, ответчик также в торжественных выражениях заявлял о своей несогласии. Совокупность ритуальных и строго формальных действий, жестов и слов, которые совершались на суде сторонами и магистратом, называлась "легис акцио" (*legis actio*), а отсюда и сам процесс получил название легисакционного. Было выработано пять основных легисакционных формул. Наиболее распространенная из них (*legis actio per sacramentum*) заключалась в том, что наряду с торжественными заявлениями стороны вносили залог, который терялся проигравшим дело в пользу казны. Нарушение одной из сторон порядка внесения залога автоматически влекло за собой проигрыш дела.

Если же обе стороны у претора соблюдали установленную процедуру, дело переходило во вторую стадию и рассматривалось назначенным претором судьей или коллегией судей, которые разрешали спор по существу. На этой стадии допускались представители сторон и

защитники (адвокаты). Если одна из сторон без уважительных причин не являлась в суд, то проигрывала дело. На данной стадии процесс не был связан строгими формами. Судьи знакомились с доказательствами, заслушивали речи сторон и их защитников. Решение судей было окончательным и обжалованию не подлежало.

В уголовных делах магистрат, который вел дело, использовал инквизиционную процедуру. В течение всего процесса он поддерживал обвинение, вел допрос. Если консул выносил смертный приговор, то для приведения его в исполнение требовалось одобрение народного собрания.

§ 3. Римское право классического и постклассического периодов

Публичное и частное право. В судебной практике и юриспруденции Рима в классический период было выработано деление права на публичное и частное. Это деление, отразившее присущее любому цивилизованному обществу противоречие между частным и общественным интересом, оставило глубокий след в последующей истории права. По характеристике Ульпиана, публичное право относится к положению римского государства, а частное — к пользе отдельных лиц.

Деление права на публичное и частное, которое в произведениях римских юристов объяснялось чисто логически и в отрыве от социального содержания права, имело под собой объективные различия в методах правового регулирования. Публичное право носило императивный характер, оно включало в себя отношение власти — подчинения. В частном праве выражались отношения формально равных лиц, но находящихся в обществе с имущественной дифференциацией всегда в экономически неравном положении. Его субъекты имели определенную правовую и хозяйственную автономию. Охрана частных интересов осуществлялась лишь по инициативе заинтересованных лиц.

Римские юристы утверждали, что публичное право как выражение "общественного интереса" стоит выше частного ("частные соглашения не должны изменять публичного права"). Но публичное право классического и постклассического периода было менее разработанным, чем частное право. Кроме того, в связи с кризисом республиканских порядков, а затем и утверждением монархического строя "общественный интерес", лежащий в основе публичного права, в римской юриспруденции все более откровенно связывался с интересами императоров. В период империи верноподданически настроенными юристами по существу было создано новое публичное право, которое порывало с республиканскими и демократическими традициями, обосновывало произвол римских императоров.

Частное право, где коллективные интересы общества и государства реализовывались путем защиты интересов отдельных его представителей, выступавших в качестве собственников, в классический период получило значительно более глубокую и тонкую разработку. Отражая объективные потребности развитого торгово-денежного оборота, оно преодолело былой формализм и охватило более широкий круг отношений, связанных с товарным производством. Римское частное право в классическую эпоху достигло высокого для своего времени уровня юридической техники. Именно частное право Рима оказало большое влияние на последующую историю права, было воспринято многими правовыми системами в эпоху средневековья и в новое время. Достижения римской юриспруденции используются также в праве и юридической науке даже тех стран мира, где не существует деления права на публичное и частное.

Вещное право. Правовое регулирование вещных отношений занимало центральное место в римском частном праве. Само понятие вещного права еще не было известно римским юристам, но они четко отличали вещные иски (*actiones in rem*) от личных исков (*actiones in personam*), связанных с обязательственными отношениями.

Для практических целей римские юристы классической и постклассической эпохи использовали целый ряд классификаций вещей, с которыми в имущественном обороте были связаны различные последствия. Это уже известное нам деление вещей на манципируемые и

неманципируемые, утратившее постепенно свое былое значение, а также на движимые и недвижимые, делимые и неделимые, заменимые (определяемые родовыми признаками) и незаменимые (индивидуально определенные) вещи и т. п.

Особое место в имущественных отношениях в римском государстве, где экономика носила аграрный характер, занимала земля. Наряду с землями, которые еще в древнейший период перешли в частную собственность отдельных рабовладельцев, длительное время существовала также государственная земля, рассматриваемая как общественная (*ager publicus*). После принятия закона Лициния борьба вокруг этой земли не только не ослабла, но разгорелась с новой силой. Нобилитет расхищал эти земли, создавая на них крупные рабовладельческие латифундии, с которыми не могли конкурировать мелкие крестьянские хозяйства. Поскольку чрезвычайные законодательные меры, которые осуществили братья Гракхи с целью перераспределения земли в пользу мелких собственников, не дали результата, логическим итогом всего предшествующего развития Рима стал аграрный закон 111 года до н. э., который предусмотрел, что земли, составлявшие общественный фонд, больше не подлежат переделу. Это окончательно закрепило частную собственность на землю, сделало ее безраздельно господствующей.

Потребности имущественного оборота и расширение территории римского государства привели к появлению в классическую эпоху новых видов права собственности. Поскольку известная предшествующему периоду квиритская собственность имела ярко выраженный национально-римский характер и становилась все более архаичной в силу целого ряда условностей, необходимых для ее приобретения, сама жизнь потребовала выработки новых и менее сложных форм закрепления собственнических интересов. В рамках преторского права с помощью особых юридических средств была создана конструкция так называемой преторской, или бонитарной, собственности. Претор в тех случаях, когда в силу несоблюдения формальностей квиритского права приобретатель вещи не мог получить статус квиритского собственника, брал под защиту интерес покупателя, фактически закрепляя приобретенную им вещь в составе его имущества (*in bonis*).

Для защиты прав бонитарного собственника преторы использовали и институт давностного владения, известный квиритскому праву. Претор признавал бонитарную собственность в конечном счете и квиритской, как если бы такое право возникло на основе приобретательной давности. Таким образом, бонитарный собственник, владеющий вещью, получал защиту претора от притязаний со стороны квиритского собственника, чье право на вещь становилось "голым". Со временем преторы стали предоставлять бонитарному собственнику юридическую поддержку и на тот случай, когда в силу тех или иных обстоятельств последнему приходилось добиваться возврата вещи от других лиц (в том числе и от квиритского собственника). С этой целью применялся особый Публицианов иск (*actio in rem Publiciana*).

В связи с расширением границ римского государства, включением в него все новых провинций и роста числа иностранцев получили признание и правовую защиту также провинциальная собственность (для римских граждан) и собственность перегринов.

Римские юристы специально не разрабатывали саму конструкцию права собственности как таковую, но они раскрыли его юридическое содержание путем признания различных полномочий, принадлежащих собственнику вещи. К этим полномочиям ими относились: право владения, право пользования, право распоряжения, право на плоды или доходы, которые приносит вещь, право истребования своей вещи от третьих лиц. Право собственности рассматривалось как наиболее полное господство лица над вещью, как абсолютное и неограниченное право. Такое понимание частной собственности было использовано и развито впоследствии в праве многих государств нового времени.

В римском праве классического и постклассического периода большое внимание уделялось способам приобретения права собственности, поскольку развитие имущественного оборота требовало большой точности юридических отношений и предельной ясности в вопросе о титуле (юридическом основании) приобретения права

собственности.

Наряду с манципацией, которая использовалась все реже, а в период домината практически вышла из употребления, решающее значение как основной способ переуступки права собственности приобрела "традиция" (*traditio*). Удобство этого способа заключалось в его простоте и неформальном характере. При традиции право собственности приобреталось в силу самой фактической передачи вещи лишь при условии наличия "справедливого", т. е. законного основания (*justa causa*).

В классический период, особенно в "праве народов", получил более детальную разработку и ряд других способов приобретения права собственности, некоторые из которых были известны еще с древнейших времен. Это захват брошенных вещей, а также вещей, которые не имели хозяев (например, продукты рыбной ловли, охоты и т. п.). Сюда же относились вещи, захваченные у врага. Согласно рескрипту Адриана, найденный клад делился пополам между лицом, нашедшим его, и собственником земли, на участке которого он был обнаружен.

К числу особых способов приобретения права собственности относилось создание новой вещи из чужого материала (спецификация). Между основными школами юристов (сабиньянцами и про-кульянцами) велись споры по вопросу о том, кому в данном случае принадлежит вещь — ее изготовителю или собственнику материала. Право собственности могло возникнуть также путем соединения вещей. Так, если на участке, принадлежавшем одному лицу, был выстроен дом из материалов, собственником которых являлось другое лицо, земельный собственник приобретал право собственности на выстроенный на его участке дом. Дальнейшее развитие в классический период получила *приобретательная давность* (*usucapio*). В преторском праве был расширен круг лиц, которые могли приобрести право собственности по давности владения. Так, после десяти лет добросовестного и непрерывного владения это право признавалось даже за peregrinami. В постклассический период (при императоре Юстиниане) в результате непрерывного владения вещью в течение более 30 лет право собственности признавалось даже в случае отсутствия законного титула, т. е. "справедливого основания владения" (так называемая экстраординарная приобретательная давность).

В классический период получили дальнейшее развитие гражданско-правовые формы защиты прав частного собственника. Наиболее важной из них был *виндикационный иск*. Он предоставлялся собственнику вещи, которая в силу каких-либо причин была им утеряна и оказывалась у третьего лица. Виндикационный иск по существу представлял собой спор о праве собственности, в котором настоящий собственник должен был доказать свой титул на спорную вещь. При наличии таких доказательств вещь возвращалась собственнику вне зависимости от того, как она попала последнему владельцу. Если этот владелец чужой вещи был добросовестным, т. е. не знал о незаконности обладания ею, он должен был вернуть собственнику вещь и все плоды, полученные от нее с момента возбуждения виндикационного иска. Недобросовестный владелец сверх того присуждался к возмещению всех плодов, полученных от вещи за время владения ею.

Для защиты прав и интересов частного собственника в римском праве в классический и постклассический периоды использовался также *негаторный иск*, который был направлен против третьих лиц, выдвигающих необоснованные претензии на чужую вещь (например, на соседний земельный участок), и *прогибиторный иск*, имеющий своей целью устранение помех, которые препятствовали собственнику осуществлять нормальное использование своей вещи.

С развитием преторского права получил окончательное юридическое оформление еще один самостоятельный вид вещного права — *институт владения* (*possessio*). Он вытекал из всего строя частнособственнических отношений и в известном смысле дополнял право собственности. Под владением вещью понималось фактическое обладание ею (*corpus possessionis*), сопровождавшееся намерением владеть ею самостоятельно (*animus possessionis*), как на праве собственности. Последнее обстоятельство отличало владение от

простого держания вещи (*detentio*), которое часто возникало на основе договора и передачи вещи держателю самим собственником.

Защита интересов владельца вещи осуществлялась не с помощью исков, которые служили для защиты прав собственника, а посредством преторских интердиктов (приказов) об удержании владения в случае грозящего нарушения прав владельца вещи или же о возврате уже изъятой третьим лицом вещи. Интердикт хотя и не имел такой юридической силы, как иск, отличался большей простотой, поскольку избавлял владельца вещи от необходимости прибегать к сложной процедуре доказывания титула приобретения вещи. Поэтому к преторскому интердикту прибегали и собственники вещей, когда предпочитали использовать более быстрый путь защиты своих нарушенных прав.

В классический период получает дальнейшее развитие и такой вид вещного права, как *право на чужие вещи* (*iura in re aliena*). Появляется ряд новых земельных сервитутов (пастбищный и т. п.), но особенно городских: право пристройки к чужому дому, право опереть свою стену на стену дома соседа, право на то, чтобы сосед своими застройками не лишал света и вида и т. п. Источники постклассического периода упоминают о появлении такого вида права на чужую вещь, как суперфиция, которое возникало в связи с постройкой дома на чужой земле. Сначала права застройщика регулировались договором имущественного найма, т. к. дом рассматривался в качестве подчиненной вещи, а поэтому становился собственностью владельца земельного участка. Однако затем претор стал осуществлять более широкую защиту интересов застройщика, признал его право на дом как вещное, а не как личное, т. е. вытекающее из договора найма.

Из греческого права в эту эпоху был позаимствован *эмфитевзис* — наследственная аренда земли с внесением установленной платы. Держатель земли (эмфитевт) не мог быть согнан с участка в силу признанного за ним претором и защищаемого вещного права, которое могло даже переуступаться третьим лицам.

В классический период получило развитие и *залоговое право*. Все более редкой становится древняя форма залога, построенного на доверии, когда заложенная вещь считалась собственностью кредитора (федуция). Если должник не выполнял обязательства, эта вещь навсегда оставалась у кредитора даже в том случае, если ее стоимость была больше, чем сумма долга. С развитием товарного обращения все чаще стал использоваться залог (пигнус), при котором заложенная вещь передавалась кредитору не в собственность, а в держание, защищавшееся, как и владение, с помощью интердикта, что несколько облегчало положение должника. В императорскую эпоху под влиянием греческого права распространяется и такая форма залога, как *ипотека*, при которой заложенная вещь (обычно земля) оставалась у должника. Кредитор же получал ограниченное вещное право — не допускать продажи должником заложенной земли и истребовать ее в случае неисполнения обязательства.

В классическую эпоху получили развитие и разработку и *личные сервитуты*, которые предусматривались обычно в завещаниях и представляли собой пожизненное право лица, в чью пользу устанавливался сервитут, пользоваться чужой вещью с правом получения от нее плодов (узуфрукт) или же без такого права (узус).

Обязательственное право. Наиболее разработанной частью римского права в классический период было обязательственное право, которое являлось юридической формой товарно-денежного обращения. В отличие от вещных прав, которые в случае отсутствия нарушений не порождали конкретных правоотношений, обязательства рассматривались именно как *правовая связь* (*juris vinculum*) по крайней мере двух лиц. Римский юрист Павел подчеркивал, что сам смысл обязательства (в противоположность вещному праву) состоял в том, чтобы "связать перед нами другого в том отношении, что он нам что-нибудь дал, сделал ими предоставил".

С развитием товарного производства обязательства в значительной мере утратили свой былой формализм, а, также из односторонних превратились в основном в двусторонние, поскольку каждая из участвовавших в нем сторон имела как права, так и обязанности.

Ответственность должника по обязательству не затрагивала его личность и ограничивалась лишь пределами его имущества.

Наиболее тщательную и точную разработку получили договоры (контракты). Но не все договорные связи имели юридическую силу. Некоторые соглашения носили неформальный характер (*пакты*) и не пользовались исковой защитой, хотя предусмотренные в них обязательства на практике обычно соблюдались. Со временем отдельные пакты были признаны преторским правом, а в постклассический период закрепились в императорском законодательстве.

Важное значение имели выработанные классическими юристами некоторые общие положения о договоре. Так, для заключения договора требовалось согласие сторон, выраженное добровольно, а не в результате заблуждения, обмана или угрозы. Договоры могли заключаться устно или письменно, в том числе посредством переписки. Допускалось присоединение новых лиц на стороне кредитора или должника, а также полная замена первоначальных участников договора другими лицами (*новация*). Договоры рассматривались как нерушимые и должны были строго соблюдаться. Невыполнение договорного обязательства влекло за собой юридическую ответственность, например принудительное изъятие вещи или обязанность возместить убытки, понесенные другой стороной. Однако для взыскания убытков требовалось установление вины в действиях стороны, не выполнившей условий договора (умысел или неосторожность). Степень ответственности определялась также самим характером неосторожности, которая могла быть грубой или легкой.

В Институциях Гая договоры (контракты) были разделены на четыре основные группы: вербальные, литеральные, реальные, консенсуальные.

Вербальные договоры (от лат. *verbum* — слово) брали свое начало от древнейших религиозных договоров-клятв, но в рассматриваемый период их форма была значительно упрощена. Для возникновения обязательства в таких договорах требовалось произнесение установленных слов. Основным и наиболее распространенным видом вербальных договоров по-прежнему была стипуляция. Но для ее заключения уже не требовалось соблюдения многих былых жестких условий. Так, в вопросе кредитора и ответе должника можно было использовать не только торжественный глагол "*spondeo*", но и другие глаголы. Сторонами в стипуляции могли быть и peregrini. Допускалось произнесение вопроса-ответа даже и не на латинском языке.

Литеральные договоры (от лат. *littera* — буква) представляли собой особые письменные договоры, принятые в торговом обороте. Обязательство в этих договорах возникало в силу записи в специальных книгах доходов и расходов одной из сторон, составления долговых расписок, подписанных обеими сторонами (синграфы) или же одним должником (хирографы). Последние были позаимствованы из греческого права.

Реальные договоры (от лат. *res* — вещь) помимо соглашения сторон по основным условиям контракта требовали обязательной передачи вещи, которая составляла предмет договора. Без передачи вещи обязательственное отношение не возникало. К реальным договорам относился прежде всего заем (*mutuum*). Юридическое содержание этого договора состояло в том, что кредитор давал должнику в собственность обусловленное количество заменимых вещей, определяемых мерой, весом или числом, а должник обязывался вернуть в установленный срок такое же количество таких же вещей (обычно денег). В принципе этот договор был безвозмездным, но нередко одновременно с займом оформлялось стипуляционное соглашение о выплате процентов. Поскольку процветавшие в это время в Риме ростовщические круги стремились все более увеличить процентные ставки, что усиливало социальное напряжение, в законодательстве (особенно в императорский период) устанавливался (но без особого успеха) предельный размер взимаемых процентов. К реальным контрактам относилась также *ссуда* (*commodatum*), т. е. предоставление в безвозмездное пользование (а не в собственность, как при займе) индивидуально определенной вещи, которую должник обязывался вернуть в обусловленный срок. К этой же

группе договоров относилось *хранение* (depositum), а также *закладной договор* (о передаче заложенной вещи кредитору).

Наиболее разработанными и наименее формальными были *консенсуальные договоры* (от лат. consensus — согласие), которые получили признание позднее других групп договоров. Обязательство в консенсуальных договорах возникало в силу простого соглашения сторон по всем основным условиям контракта. К этой группе относился прежде всего договор *купли-продажи* (emptio-venditio). Юридическая связь между сторонами в этом договоре возникала уже с того момента, когда продавец соглашался продать какую-либо вещь, а покупатель обязывался уплатить установленную цену. Фактическая передача вещи или денег могла иметь место позднее. Купля-продажа была возможна даже в отношении вещи, которой еще не было в натуре, но которую продавец обязывался произвести и поставить в указанный срок.

В преторском праве была подробно разработана и обусловлена ответственность продавца за проданную им вещь, так продавец отвечал за скрытые недостатки вещи, о которых покупатель не мог знать в момент заключения договора, но которые обнаруживались позднее и имели существенный характер. В этом случае покупатель мог требовать или убавления цены, или возврата всей суммы денег. Продавец нес ответственность также в случае так называемой эвикции вещи, если проданная им вещь была с помощью виндикационного иска отчуждена у покупателя настоящим собственником. До передачи вещи покупателю продавец отвечал за ее повреждения, связанные с небрежностью хранения (даже при самой незначительной неосторожности), а также нес на себе риск случайной гибели вещи.

К консенсуальным договорам относился также договор *найма* (locatio-conductio), представленный в это время тремя разновидностями. *Наем вещей* (locatio-conductio rerum) предполагал предоставление во временное пользование и за плату (последним договор найма отличался от ссуды) какой-либо индивидуально определенной вещи. Этот вид найма (аренда) имел большое хозяйственное значение в Риме особенно в период империи, поскольку с окончательным утверждением частной собственности на землю в это время широкое распространение получила аренда земли. В постклассический период было установлено правило, согласно которому колон (или его наследники) в случае невозобновления договора аренды при молчаливом согласии сторон оставался на земле бессрочно.

Договор найма рабочей силы (locatio-conductio oper arum), который заключался на определенный срок и с фиксированной оплатой труда наемного работника, не мог получить большого развития в условиях рабовладельческой системы, где основную рабочую силу составляли рабы. Римскому праву был известен также наем рабочей силы для выполнения работы, имеющей своим результатом изготовление какой-либо конкретной вещи, т. е. своеобразный *подряд* (locatio-conductio operis). К этому виду найма прибегали в тех случаях, когда речь шла об изготовлении вещей, которое требовало особых навыков и умений. Но поскольку платный наемный труд в римском рабовладельческом обществе для свободных людей считался унижительным занятием, юристы, художники и иные представители "свободных" профессий не прибегали к договору найма. Они получали за проделанную ими работу или за оказанные услуги не наемную плату, а "почетное вознаграждение" — гонорар.

К консенсуальным контрактам относились также *договор поручения* (mandatum) и *договор товарищества* (societas). Последний заключался для совместного ведения какой-либо определенной хозяйственной деятельности.

В классический период получили дальнейшее развитие и *обязательства из деликтов* (правонарушений). С одной стороны, наблюдался заметный процесс превращения целого ряда частных деликтов в публичные (преступления), с другой — создавались новые виды частных деликтов. К числу последних относился обман (dolus malus), который порождал обязательство уплатить вознаграждение, равное по размеру причиненному ущербу, а также

угроза (*metus*), влекущая за собой возмещение ущерба в четырехкратном размере. Преторское право знало и такой специфический деликт, как обман кредиторов.

Большую роль в развитии деликтного права сыграл закон Аквилія (III в. до н. э.), в котором были систематизированы ранее существовавшие виды ответственности за вред, причиненный имуществу. Предусмотренный этим законом деликт общего характера, состоявший в повреждении или уничтожении чужого имущества (*damnum iniuria datum*), порождал обязательство по возмещению нанесенного ущерба, что отражало потребность более единообразного регулирования обязательств из причинения вреда и укрепления всего строя имущественных отношений. Особое внимание в законе Аквилія уделялось ответственности за уничтожение чужого скота и рабов, которая определялась с учетом наивысшей стоимости данных вещей за предшествующий год.

Брачно-семейное и наследственное право. Характерной чертой классической эпохи является прогрессирующее разложение патриархальной семьи. Брак с мужней властью уже ко II в. н. э. выходит из употребления, а проживание жены в доме мужа в течение года уже не влечет за собой автоматически возникновения власти мужа. Становится распространенной новая форма брака без мужней власти (*sine manu mariti*). Женщина, вступая в такой брак, не порывала со своей прежней семьей, сохраняла определенную имущественную самостоятельность, получала некоторые права в отношении детей.

Брак без мужней власти мог быть легко расторгнут по обоюдному согласию супругов, а также по требованию одного из них. На общем фоне кризиса римского рабовладельческого общества ослабли и семейные связи, разводы стали обычным явлением. Широкое распространение получил так называемый конкубинат — неоформленное постоянное сожительство мужчины и женщины. Стремясь преодолеть негативные явления в сфере семейных отношений, император Август издал закон, предусматривающий санкции за безбрачие и бездетность. Даже из двух консулов преимущество по службе получал тот, у кого было больше детей.

В связи с участвовавшими разводами, задевавшими интересы и богатых римских семей, были введены новые правила, касающиеся приданого, с тем, чтобы гарантировать положение состоятельных римлянок, часто становившихся жертвами в браках, в которые мужчины вступали исключительно из корысти. Хотя приданое по-прежнему считалось собственностью мужа, последний должен был использовать его в целях устройства совместной жизни и терять его в случае развода. Со времени Августа муж не мог отчуждать земельный участок, полученный им в качестве приданого, без согласия жены или ее родственников (когнатов).

Разложение патриархальной семьи нашло свое выражение и в ослаблении отцовской власти. Прекратилась практика продажи детей, а их убийство отцом стало рассматриваться в постклассический период как тяжкое преступление. Усилилась имущественная самостоятельность подвластных членов семьи. Сыновья нередко получали от отца особое имущество (пекулий) для занятия земледелием, ремеслом или торговлей. Юридически собственником пекулия и всего того, что было приобретено сыном, считался отец. Но фактически пекулий все более обособливался, особенно когда речь шла о земельном участке, выделенном сыну в связи с его поступлением на военную службу. Практически сын получал такую землю в собственность, мог оставить ее своим наследникам и даже вступать по поводу данного имущества в сделки со своим отцом.

Ряд изменений претерпел и институт опеки. Преторским эдиктом была установлена ответственность опекуна за ведение дел подопечного. Постепенно исчезает опека над взрослыми женщинами, и в постклассический период их дееспособность фактически была уравнена с дееспособностью мужчин.

Смягчение суровой отцовской власти, скреплявшей ранее патриархальную семью, определило также основные направления развития и наследственного права. Преторским эдиктом был значительно расширен круг наследников, куда помимо подвластных членов семьи (агнатов) были включены также эмансипированные дети умершего, когнаты вплоть до

шестой степени родства, пережившая мужа супруга. Ослабление бывшего значения агнатской системы родства и признание в наследственном праве когнатского родства, основанного на кровной связи, было постепенно закреплено в императорском законодательстве.

Преторский эдикт изменял и форму завещания, установление которого уже не требовало использования сложной процедуры (с помощью "меди и весов"). Завещание, как правило, стало составляться не в устном, а в письменном виде, но с соблюдением определенной формы. Лишь солдатские завещания в период принципата не требовали каких-либо формальностей. В постклассический период наряду с частными завещаниями, которые составлялись в присутствии семи свидетелей, в практику вошли так называемые публичные завещания, позаимствованные из греческого права, составляемые в присутствии магистратов с внесением в протокол местных властей или с передачей на хранение в императорский архив. Усиливаются ограничения завещательной свободы. Так, не признается юридическая сила за завещаниями, в которых без достаточных оснований лишались имущества законные наследники. Увеличивается при составлении завещаний размер обязательной доли (до 1/3 имущества) для законных наследников.

В классический период более широкое распространение получило установление в завещаниях *легатов* (завещательных отказов), согласно которым наследник обязан был выдать определенную часть имущества указанному наследодателем лицу. Для защиты интересов наследника в законодательном порядке в I в. до н. э. было установлено, что при выдаче имущества в виде легатов он может сохранить за собой по крайней мере одну четверть наследства. Распоряжения о выдаче части имущества какому-либо лицу давались и без составления завещания (например, лицам, которые формально не могли быть наследниками по завещанию — peregrinam, женщинам и т. д.). Такие распоряжения, получившие название *фидеикомиссов*, не были первоначально обязательны для наследников. Но в период императора Августа им была придана юридическая сила. В постклассический период (особенно в кодификации Юстиниана) большинство фидеикомиссов практически слились с легатами.

Изменения форм гражданского процесса. С развитием преторского права на смену сложному и архаичному лигисакционному процессу приходит *формулярный процесс*. Этот вид процесса утвердился со второй половины II в. до н. э. после принятия специального закона (*lex Aebutia*). В формулярном процессе значительно повысилась роль претора, который перестал быть пассивным участником сакраментальных обрядов, совершавшихся сторонами при лигисакционном процессе. Возросло значение первой стадии судопроизводства ("ин юре"), так как именно здесь устанавливалась юридическая суть спора. Она находила свое выражение в заключении (формуле) претора, в котором присяжному судье указывалось, как следует решать данное дело. Постепенно преторы начинают составлять новые формулы исков, отходя от старых законов и обычаев, руководствуясь при этом требованиями торгового оборота и необходимостью укрепления частной собственности. Создавая новые формулы и иски, претор посредством своего эдикта способствовал развитию самого содержания частного права.

К концу классического периода, а особенно при доминате, все большее распространение получает *экстраординарный процесс*. К концу III в. н. э. он почти полностью вытесняет формулярный процесс, и последний уже даже не упомянут в важном законе Диоклетиана (294 год), где речь идет о ведении судебных дел.

В экстраординарном процессе исчезает традиционное деление судопроизводства на две стадии: "ин юре" и "ин юдицио". Магистрат, принявший дело к рассмотрению, ведет теперь его с начала и до конца, т. е. до вынесения решения. Если на последнем этапе и привлекается присяжный (третейский) судья, то он действует лишь от имени назначившего его магистрата. Явка ответчика на суд перестает быть предметом заботы истца. Магистрат, не связанный теперь жесткими процессуальными рамками, мог сам применять меры воздействия на участников процесса, принуждать их к исполнению его распоряжений. Процесс перестает быть публичным, проводится в закрытых помещениях. Если ранее судопроизводство было

бесплатным, то теперь вводятся судебные пошлины, ставшие особенно распространенными в период домината. Хотя гражданский процесс в целом остается еще устным, основные заявления сторон фиксируются в судебных протоколах, что кладет начало письменному судопроизводству.

Вводится апелляция на вынесение магистратом судебного решения. Но лицо, подавшее апелляцию в высшую инстанцию, в случае повторного проигрыша дела уплачивало крупный штраф.

Уголовное право и процесс. Существенные изменения в уголовном праве Рима происходят под влиянием политических перемен — кризиса республиканских институтов и роста всевластия императоров. Уголовное право непосредственно отразило обострение политической борьбы и стремление рабовладельческой верхушки во главе с императором любой ценой, в том числе путем усиления уголовной репрессии, спасти пошатнувшиеся социальные и политические порядки. Римское уголовное право к этому времени было распространено на всю территорию империи и на все категории населения, включая перегринов.

Характерной тенденцией развития уголовного права данного периода является то, что ряд частных деликтов постепенно становятся уголовно наказуемыми, включаются в категорию преступлений (*crimen publicum*). Так, кражи по-прежнему считаются частным деликтом, но в ряде случаев (кражи со взломом или с насилием, кражи на больших дорогах и т. п.) к традиционным штрафным мерам добавляются и государственные наказания.

Появляется также большое число новых преступлений, в том числе таких, которые рассматриваются как опасное посягательство на устои государства. Но если в республиканский период "оскорбление величия" охватывало преступления, направленные против республиканских институтов (сопротивление магистратам и т. д.), то уже с эпохи принципата это понятие сводится к преступлениям против императорской власти. В числе этих преступлений — заговор с целью свержения императора, покушение на его жизнь или жизнь его чиновников, непризнание религиозного культа императора и т. д.

К числу преступлений, непосредственно затрагивавших интересы римского государства, относилось также присвоение казенного имущества и расхищение государственных средств, взяточничество, подлог, фальшивомонетничество, участие в запрещенных собраниях и объединениях, спекуляция зерном и другими продуктами, неуплата налогов и т. п. В связи с ростом постоянной армии увеличилось число воинских преступлений, среди которых выделялись измена в бою, дезертирство, утеря оружия, неповиновение командиру и т. п. Существовал также целый ряд религиозных преступлений, число которых значительно возросло в постклассический период после официального признания христианства.

Среди преступлений против личности кроме различных видов убийств публичными деликтами стали считаться "обиды", прежде всего телесные повреждения, которые по Законам XII таблиц рассматривались как частный деликт. В связи с углублением имущественного и сословного неравенства в период империи ответственность за телесные повреждения стала дифференцироваться в зависимости от того, какое место занимал потерпевший в социальной иерархии.

Расширился также (особенно под влиянием христианской религии) круг преступлений, относящихся к сфере семьи и нравственности. В их число входили кровосмешение, супружеская измена, полигамия, сожителство с незамужней женщиной, мужеложство и т. д.

В императорском Риме происходит также резкое увеличение видов наказания, усиление их карательной направленности. Если первоначальное наказание строилось еще на принципе возмездия, то в период домината оно все более преследует цели устрашения. При императорах вновь восстанавливается смертная казнь, которая в позднюю республику не применялась к римским гражданам, причем появляются новые ее виды: сожжение, повешение, распятие на кресте, утопление.

За тяжкие преступления назначались также каторжные работы на рудниках

(осужденный при этом рассматривался как вечный раб государства), принудительные работы на установленный срок (на строительстве дорог и т. п.), отдача в гладиаторы. Широко применялись различные виды ссылок: изгнание из Рима с потерей гражданства, ссылка на острова с полной изоляцией, временная ссылка. Осужденный, самовольно покидавший место ссылки, предавался смерти. По некоторым видам преступлений предусматривались телесные наказания, часто практиковалась конфискация имущества осужденных (лишь некоторая часть имущества сохранялась за детьми).

Характернейшей чертой уголовного права императорского периода (особенно при доминате) становится ярко выраженный сословный принцип уголовной ответственности. Особо сурово, как и в предшествующий период, наказывались рабы. Были предусмотрены и новые репрессивные меры. Сенатус-консультум, принятым в 10 году н. э., предписывалось в случае убийства хозяина предать смерти всех рабов, находящихся в доме, если они не предприняли попытки спасти его жизнь. Представители высших сословий (сенаторы, всадники, декурионы и др.) освобождались от таких наказаний, как каторга и принудительные работы, порки и т. п., которые заменялись ссылкой. В ранней империи привилегированные лица могли наказываться смертной казнью только в случае убийства родственников, а в период домината в 4 случаях: убийство, поджог, магия и оскорбление величества. В то же самое время лица низшего сословного положения наказывались смертной казнью за 31 вид преступлений. Некоторые привилегии в области наказаний имели солдаты: они не приговаривались к повешению, к ссылкам на рудники, хотя по ряду преступлений их ответственность была более строгой. В большей степени выбор наказания и его тяжесть зависели от судей, которые в императорский период в связи с перестройкой всей системы уголовного суда и процесса получили широкую свободу усмотрения.

Уголовный процесс (особенно при доминате) приобретает четко выраженный инквизиционный характер. Судья (императорский чиновник) сосредоточивает в своих руках и обвинительные, и судебные функции. Суд происходит при закрытых дверях, обвиняемый лишается права на юридическую помощь и утрачивает другие процессуальные гарантии, существовавшие в республиканскую эпоху. В ходе судебного процесса к лицам низших сословий, как ранее к рабам, стали применяться пытки. Судебный приговор можно было обжаловать в апелляционном порядке в вышестоящий императорский суд (сначала допускались две инстанции, после Диоклетиана — три). Новой и единственной гарантией для обвиняемого стало право убежища в императорских храмах и около статуй императоров, что временно могло спасти его от ареста.

В римском уголовном праве классической эпохи наблюдался некоторый прогресс в области юридической техники (разработка понятий вины, соучастия, покушения и т. п.), но рост произвола императоров привел к тому, что многие эти общие и важные категории не использовались в практике императорских судов. Однако впоследствии они оказали определенное влияние на развитие средневекового права Западной Европы, хотя королевская власть заимствовала из арсенала римского уголовного права прежде всего его карательные и репрессивные положения.

Раздел III. Государство и право в странах Европы

Глава 14. Особенности средневекового государства и права в Европе

§ 1. Общая характеристика средневекового государства в Западной Европе

Падение Западной Римской империи означало окончательное крушение античных политико-правовых порядков и гибель цивилизации, представлявшей собой высшее

достижение древнего мира. На смену приходят средние века, когда западноевропейское общество надолго было отброшено назад и вынуждено было проделать новый виток развития от примитивных протогосударств к крупным и конгломеративным "варварским" королевствам, а в конечном счете — к централизованным национальным государствам. Сам термин "средние века" западноевропейского происхождения, он восходит к итальянским гуманистам XV–XVI вв., видевшим в средневековье длительную, но промежуточную эпоху между двумя великими европейскими культурами — античной и новой, начавшейся с Возрождения. Поэтому данный термин лишь со значительной долей условности может быть применен к государствам как Востока, так даже и Восточной Европы.

Гибель Римской империи, хотя и повлекла за собой на долгое время утрату богатейших духовных ценностей античного мира (особенно его политического демократического наследия), не была регрессом в истории государственности и человечества в целом. Развал Римской империи сделал возможным выход на политическую арену Западной Европы новых этносов и народов. Они уступали римлянам в политико-правовой культуре, но сумели в средние века создать свои, неизвестные странам Востока и античному миру, исторически более перспективные формы организации экономической, социальной и политической жизни.

Важным катализатором исторического развития, определившим уникальность западноевропейской цивилизации и в последующие века, были унаследованные от античности частная собственность, выступавшая в средние века прежде всего в виде феодальных поместий, и христианская религия.

Влияние античных традиций в средневековой Европе с большой силой проявилось в эпоху Ренессанса, когда в рамках феодального общества с невиданной для всего тогдашнего мира быстротой складываются материальные и духовные предпосылки капитализма.

Историю средневековья, которая охватывает в Западной Европе более тысячи лет, принято делить на периоды в зависимости от тех ее аспектов, которые составляют предмет рассмотрения (хозяйственная жизнь и степень развития феодальных отношений, культура, религия и т. д.). В мировой литературе нет единого подхода и к самому понятию "феодализм", который нередко отождествляется с политической раздробленностью, с феодальной иерархией, с определенными ступенями церковной организации и т. д. В отечественной литературе последних лет доминировала марксистская трактовка феодализма как особой общественно-экономической формации. Соответственно и периодизация средневековья связывалась прежде всего с уровнем развития феодального способа производства (становление феодализма — раннее средневековье, расцвет феодализма — развитое средневековье, упадок феодализма — позднее средневековье).

В данном учебнике, посвященном истории государства, а не общества в целом, целесообразно пользоваться периодизацией, которая (с некоторыми вариантами) стала наиболее употребительной в отечественной историко-правовой науке. Эта периодизация учитывает прежде всего эволюцию и последовательную смену самих форм средневекового европейского государства, которые не были известны античному миру и которые, как это будет показано далее, кардинально отличаются от государственных форм, существовавших в ту же эпоху в странах Востока.

Так, в Европе в период ранних (варварских) государств, когда формирующийся класс земельных собственников-феодалов спланивался вокруг королевской власти, пользовавшейся также поддержкой христианской церкви и крестьян-общинников, первые, как правило, крупные государственные образования приобретали форму *раннефеодальных монархий*.

Развитие феодальных поземельных отношений, базировавшихся на натуральном хозяйстве и на эксплуатации феодально-зависимого крестьянства, породило и новые виды связей между земельными собственниками разного ранга, которые приобретали характер феодальной иерархии. В условиях крайней степени политической децентрализации, фактически феодальной раздробленности, единственным способом организации и

поддержания государственной власти стали особые договорные отношения, построенные на принципе сюзеренитета-вассалитета. Средневековое государство, превратившееся в Западной Европе в IX–XIII вв. в великое множество государств-поместий и отличавшееся крайней степенью экономической и политической децентрализации, приняло форму *сеньориальной монархии*.

Экономический подъем в XIII–XV вв., связанный с ростом городов и развитием торгового оборота, с накоплением капитала, породил сословную консолидацию западноевропейского общества. В новых условиях стало возможным постепенное территориальное объединение государств на национальной основе, усиление королевской власти, искавшей поддержки у представителей сословий. Для этого периода характерно становление *сословно-представительных монархий*.

Наконец, в позднем средневековье (XVI–XVII вв.), когда полным ходом идет разложение феодализма и формируются основные элементы капиталистической системы, только сильная королевская власть способна укрепить и поддержать пошатнувшееся общественное здание. Она смогла еще какое-то время обеспечивать экономическое развитие и умерять нарастающие общественные антагонизмы. Но при этом королевская власть все более возвышается над обществом, делает ставку на бюрократический централизм, на военно-полицейскую силу, на устранение политической оппозиции. Таким образом, на своей последней стадии средневековое государство выступает в форме *абсолютной монархии*. Падение абсолютизма означало уже конец всего старого режима и начало Новой истории, давшей миру образцы представительной и демократической государственности.

Особенность западноевропейской модели средневекового государства определяется не только эволюцией монархического строя и последовательной сменой его форм. Для нее также характерной является (особенно в периоды децентрализации и территориальной раздробленности) диффузия политической (государственной) власти, которая переходит от короля в руки отдельных светских и духовных магнатов, а также в поместья крупных земельных собственников. Сама политическая власть, дающая возможность управлять вассалами, крепостными и лично свободными крестьянами, горожанами, становится неотъемлемым атрибутом земельной собственности.

В таких условиях связи государства с другими элементами (институтами) политической системы становятся особенно сложными. В истории западноевропейского средневековья сельская (крестьянская) община не породила каких-либо особых проблем для государства. Она являлась простым объединением крестьян, ведущих индивидуальное хозяйство, и обладала минимальными административными и судебными функциями. В политическом плане она полностью находилась под властью короля, сеньора или церкви. Иначе строились отношения государства с теми средневековыми общественными институтами и объединениями, которые в Западной Европе обладали реальной политической властью, прежде всего с церковью и городами.

Особенно сложными и неоднозначными на разных ступенях средневековья были взаимоотношения государственной (королевской) власти и христианской церкви. Они нередко порождали острые конфликты, а в ряде случаев приводили и к прямому противоборству.

В раннем средневековье "варварские" короли, принимая христианство и получая тем самым поддержку церкви, подносили ей большие дары, прежде всего в виде обширных земельных владений. Так церковь постепенно превратилась в крупного земельного собственника, имеющего по сравнению с самими королями и светскими магнатами несомненное преимущество, ибо церковные и монастырские земли не подлежали дроблению и возврату в мирской земельный фонд. Отсюда возникла поговорка, что церковь держит земли "в мертвой руке". Однако до IX–X вв. церковь, хотя ее политический вес в обществе неуклонно возрастал, не была еще в полном смысле политической организацией. Она являла собой духовное сообщество, оказывающее глубокое нравственное воздействие на верующих, а также способствующее формированию общеевропейской культуры и самосознания.

Церковь до XI в. находилась еще не под контролем римского папского престола, а под эгидой императоров и королей, обладавших в то время еще относительно сильной властью.

Прогрессирующая во всей Западной Европе феодальная раздробленность, ослаблявшая королевскую власть, превращавшая ее из публичной в частную, сеньориальную, способствовала росту политических амбиций и притязаний римских пап на мировое господство. Эти амбиции привели к разделу христианской церкви на восточную (греко-католическую) и западную (римско-католическую). Хотя формально раскол вытекал из расхождений по чисто религиозным вопросам (по догмату о происхождении Святого духа, по учению о благодати, по порядку причащения и т. д.), в основе раскола лежали прежде всего политические противоречия — борьба за руководство христианским миром и светской государственной властью.

Возрастающий авторитет римско-католической церкви опирался не только на земельные богатства, на Священное писание и религиозные чувства верующих. Он имел под собой и созданную к этому времени мощную и централизованную церковную организацию, построенную на четком отделении клира от мирян, на строго иерархических началах жизни духовенства и на его безусловном подчинении епископату, римской курии и верховному понтифику — папе. Большую политическую силу последнему придавали и возникавшие еще с VI в. различные монашеские, а позднее духовно-рыцарские ордена, представлявшие собой строго централизованные объединения, уставы которых утверждались папством. По сути дела, в XI–XII вв. (с так называемой папской революции), когда римские папы начинают претендовать на руководство всем христианским миром, римско-католическая церковь превращается в своеобразную надтерриториальную и общеевропейскую теократическую монархию. Она создала к этому времени свои политические, финансовые и судебные органы, свою дипломатическую службу. Наибольшего могущества в качестве самостоятельного политического института в западноевропейском обществе католическая церковь добивается в XIII в. при папе Иннокентии III (1198–1216 гг.), установившем порядок, при котором коронация европейских монархов должна была осуществляться актом римского папы. В это же время развернулась острая политическая борьба римского престола за отмену так называемой духовной инвеституры, т. е. права светской власти утверждать выборы высших церковных лиц (епископов, аббатов) и вручать им символы духовной власти (кольцо и посох). В борьбе с европейскими монархами за политическое влияние римские папы прибегали и к таким сильнодействующим средствам, как наложение интердикта, т. е. запрета совершать богослужение и религиозные обряды в пределах указанного государства, и даже к прямому отлучению от церкви "провинившегося" монарха. Так, при Иннокентии III были отлучены от церкви германский император, английский и французский короли.

Особый политический симбиоз церкви и государства в Западной Европе в средние века имел своим результатом создание целой системы специальных церковных трибуналов, призванных защищать устои христианского вероучения, бороться с еретиками, — инквизиции. Эти трибуналы отвергли варварские, дохристианские виды судебных доказательств (ордалии и т. п.), пытались внести рациональное начало в уголовный процесс (письменное судопроизводство, система формальных доказательств и т. п.). Вместе с тем инквизиция породила презумпцию виновности обвиняемого, целый ряд утонченных по своей жестокости истязаний обвиняемого и т. д., что явно выходило за рамки складывавшегося в западноевропейском средневековом обществе (особенно на поздних его ступенях) типа политико-правовой культуры.

Иную роль в формировании политического и правового сознания в Западной Европе сыграли средневековые города, некоторые из которых вели свое начало от римских времен. Но наиболее бурный рост городов относится к концу XI–XII в., когда начинается быстрое развитие ремесла и торговли, зарождаются капиталистические отношения. Естественно, города во всех сферах своей жизни испытали влияние феодальных порядков. Так, городские общины основывались и развивались долгое время на землях, составлявших феодальную собственность королей и других светских сеньоров, монастырей и т. п. Первоначально

городское население испытало на себе те или иные формы личной зависимости от сеньора, но даже и в более позднюю эпоху, уже после приобретения личной свободы, оно в условиях господства феодальной власти не могло преодолеть сословную неполноценность. Даже сама основа городской жизни — производство и торговля не были свободны от всевозможных феодальных пут (цеховой строй, торговые монополии и т. д.).

Но тем не менее по своей сути западноевропейские города (в отличие от городов Восточной Европы) были как бы чужеродным телом в системе феодальных отношений. И в политической жизни города, особенно в эпоху Возрождения, горожане все больше ориентировались на забытые на долгое время античные демократические порядки, а не на феодальные методы властвования. Учитывая все возрастающий экономический и политический потенциал городов, королевская власть, особенно в XI–XIII вв., искала у них политическую поддержку и финансовую помощь.

История средневековых городов — это борьба городского населения как за личную свободу и иные вольности и привилегии, так и за политическое самоуправление, а в ряде случаев и за полную независимость. Эта борьба особенно характерна для XI–XIII вв., т. е. того периода, когда еще не получил силу процесс политической централизации и повсеместного усиления королевской власти. Политическая автономия городов в феодальном мире достигалась разными средствами: от вооруженной борьбы до простой покупки права самоуправления. Политико-правовой статус городов в разных странах в зависимости от конкретных исторических условий, от силы королевской власти отличался многообразием форм и видов. Наибольшую степень политической автономии в средневековом государстве имели городские общины, приобретавшие статус коммуны, т. е. полного самоуправления. Отдельным городам, особенно при слабости центральной государственной власти, например в Италии, удалось приобрести статус самостоятельного государства-города. В таких городах-государствах устанавливалась обычно форма городской республики (Венеция, Флоренция, Генуя и т. д.). Эти государства, несмотря на свои миниатюрные размеры и сравнительно несложную систему управления, суда и т. д., занимали важное место в международной торговле и тем самым приобретали все больший политический вес на европейской арене. Даже в тех случаях, когда городские советы в этих карликовых республиках оказывались в руках местной олигархии, аристократии, плутократии и т. д., города, будучи проводниками античных демократических традиций, уже своим существованием подрывали устои феодализма и содействовали переходу к новым, более высоким формам государственно-правовой жизни.

Несмотря на характерную, особенно для определенных периодов западноевропейского средневековья, рассредоточенность политической власти, главным институтом в политической системе все в большей степени становилось государство. Его политическое значение и вес определялись тем, что королевская власть, даже в эпоху глубокой феодальной раздробленности, являлась единственным общепризнанным представителем страны и народа в целом. Закрепляя феодальные формы поземельной собственности, сословные привилегии феодалов, средневековое государство, как любое другое государство, осуществляло общесоциальные функции (поддержание мира, традиционного правового порядка и т. д.). В средние века в странах Западной Европы сложилась и приобрела общесоциальную ценность национальная государственность, которая при всех ее различиях в разных странах стала стержнем единой европейской культуры и цивилизации.

§ 2. Основные черты средневекового права в Западной Европе

Средние века — это эпоха, когда в рамках складывающихся национальных государств постепенно формируются основы будущих национальных правовых систем. Этот длительный процесс завершается в большинстве стран уже в следующую историческую эпоху — в Новое время. Но именно в средние века определяются контуры и будущих крупных мировых правовых систем (семей права) — континентальной и англосаксонской,

складываются их специфические и несхожие правовые институты.

Исходный "строительный материал" средневековое право черпало в правовых обычаях, которые долгое время оставались важнейшим источником права. За несколько веков в странах Западной Европы происходит сравнительно плавный и безболезненный переход от варварских (племенных) правовых обычаев к правовым обычаям феодальным, имеющим уже не персональный, а территориальный принцип действия. Расцвет феодализма в Европе в XI–XII вв. означал и повсеместное преобладание обычного права. К этому времени в западноевропейском обществе были утрачены многие элементы правовой культуры и даже письменности, получившие когда-то широкое развитие в античном мире, а поэтому и сама устная форма, в которой длительное время выражались обычаи, была практически единственно возможной.

Правовые обычаи достаточно органично интегрировались в феодальные отношения, закрепляли все их основные виды. Прежде всего обычай (часто обычай-договор) регулировал личностные и поземельные связи между самими феодалами-сеньорами и вассалами (ленное право). В равной мере правовые обычаи охватывали отношения между феодалами (собственниками земли) и крестьянами, ее держателями. Эта часть правовых обычаев (манориальное право) в наибольшей степени отражала зависимое положение крестьян, привязанных к земле и вынужденных работать на собственника (манора).

Со временем правовые обычаи записывались и включались в хартии и в другие пожалованные грамоты, в которых сеньоры определяли привилегии и обязанности вассалов, горожан и крестьян. В силу сходства самых простейших форм регуляции феодальных отношений правовые обычаи даже при сохранении местных различий отличались тождественностью многих своих институтов и подходов. И это позволяло уже средневековым юристам находить в них определенную систему. Так, в XI веке появляются первые сборники (обычно в городах) с изложением основных принципов феодального права. Примером могут служить "Обычаи Барселоны" (1068 год), а также работа миланского ученого Умберто де Орто под названием "Обычаи феодалов", в которой автор по существу впервые сделал попытку систематического изложения обычного феодального права. В более поздний период появляются другие частные записи правовых обычаев с попыткой их теоретического осмысления ("Саксонское зеркало" в Германии, "Кутюмы Бовези" во Франции и т. д.).

Реально действовавшие вплоть до буржуазных революций правовые обычаи, получившие основательную доктринальную обработку, стали одним из элементов национальной правовой культуры в общеевропейском масштабе.

Особую роль в становлении общеевропейской правовой культуры сыграло городское право. В основном это было писаное право. Его положения фиксировались городскими статутами, королевскими или иными сеньориальными хартиями, пожалованными городу.

Городское право, несмотря на закрепление в нем некоторых чисто феодальных институтов, по своему основному содержанию не являлось феодальным правом, оно скорее предвосхищало будущее буржуазное право, разрабатывало именно его принципы. Города широко использовали различные сборники международного торгового права и морских обычаев, составленные в городах Италии, Испании и т. д., и тем самым внесли заметный вклад в формирование единых правовых традиций в странах Западной Европы.

Особое место в процессе формирования общеевропейской правовой культуры в средние века занимало каноническое право. Оно возникло первоначально как право христианской церкви в целом. Затем, после раскола церкви сложились две самостоятельные ветви канонического права. В Западной и Центральной Европе каноническое право получило под влиянием "папской революции" особенно большое развитие и превратилось в самостоятельную и эффективно действующую систему средневекового права. Восточная ветвь канонического права, оформившаяся в рамках греко-православной церкви, действовала в Византии, а также в ряде других стран Юго-Восточной и Восточной Европы, но не имела здесь такого авторитета, как каноническое право на Западе.

Большая значимость норм канонического права в западноевропейском обществе определялась рядом факторов. Прежде всего, каноническое право здесь разрабатывалось и поддерживалось могущественной римско-католической церковью и папством, о политической силе которых уже говорилось. Каноническое право отличалось универсальностью и экстерриториальностью, поскольку его нормы действовали во всех странах, принявших католицизм. Оно не знало государственных границ и соединяло в единое целое всех католиков. Каноническое право отличалось также широтой регулируемых им общественных отношений. Оно включало в себя вопросы как духовной, так и светской жизни, было обязательным как для клириков, так и для мирян. Наконец, особый вес каноническому праву придавала его традиционность, поскольку оно своими корнями уходило в античность, в греческую философию и в римскую правовую культуру. Каноническое право вобрало в себя и передало последующим поколениям целый ряд норм римского права, его язык, что нашло свое отражение в формуле: "церковь живет по римским законам" (*ecclesia vivit lege romanae*).

Источники канонического права ("старого права" — *jus anti-quum*) восходят к раннехристианской литературе (Священное писание, Деяния Святых Апостолов, Послания к римлянам и др.). После эдикта императора Константина о свободном исповедании христианства (313 год) нормы церковного права (*jus ecclesiasticum*) закреплялись в императорских законах, в писаниях отцов церкви (Св. Августина и др.), постановлениях региональных и вселенских церковных соборов, где был установлен ряд основных догматов христианства и правил церковной жизни (начиная с Никейского в 325 году). Каноническое право развивалось также в решениях римских пап, получивших позднее название декреталий и сводившихся в особые сборники. Из них наибольшую известность получил сборник Дионисия младшего (середина VI века). По решению Карла Великого в 802 году данный сборник получил официальное признание во Франкском государстве. В середине IX в. под видом собрания декреталий первых римских пап был составлен сборник декреталий, приписываемый испанскому епископу Исидору Севильскому. Эти декреталий долгое время принимались за подлинные и использовались как источник канонического права вплоть до XV в., когда они утратили свою силу и получили название Псевдоисидоровы, или Фальшивые декреталии.

В XI–XII вв. в период "папской революции" складывается "новое право" (*jus novum*). Именно в это время заканчивается процесс складывания канонического права в качестве самостоятельной правовой системы западноевропейского общества. Более четким становится его юридическое содержание. Утверждается само понятие "каноническое право" (*jus canonicum*). Главенствующим источником нового канонического права становятся папские конституции (буллы, бреве, энциклики, рескрипты и др.). С папы Григория VII начинается преподавание канонического права в университетах.

Решающую роль в переходе к новому каноническому праву сыграл составленный в 1140–1141 гг. декрет Грациана ("Гармония несогласующихся канонов" — *Concordia discordantium canonum*), в котором были сведены воедино около 3800 канонических текстов. В последующем значительный вклад в преподавание и развитие канонического права внесли путем толкования и комментирования декрета Грациана профессор канонического права (канонисты).

В XII–XIII вв. папское правотворчество получило особенно широкий размах, в связи с чем возникла необходимость дальнейшей систематизации канонического права. По указанию папы Григория IX в 1234 году был составлен сборник декреталий, не вошедших в декрет Грациана и объединенных в пяти книгах (*Liber extra*). В 1298 году при папе Бонифации VIII в дополнение к этому сборнику на базе более поздних церковных постановлений была создана шестая книга (*Liber sextus*), а при папе Иоанне XXII в едином сборнике были сведены декреталий и другие акты последующих римских пап, начиная с Климения (*Constitutiones Clementinae*).

Процесс систематизации канонического права в средние века имел своим конечным

результатом составление в 1500 году обширного свода, который с 1580 года был признан в качестве официального источника права римско-католической церкви. По аналогии с Кодификацией Юстиниана он получил название свода канонического права (*Corpus juris canonici*). Средневековое каноническое право охватывало широкий круг вопросов и играло важную роль в правовой жизни западноевропейских стран. Оно регламентировало организацию церковной власти (право римского папы назначать на церковные должности, процедуру рассмотрения споров между священниками и т. п.), а также отношения церкви со светской властью, статус церковной собственности и режим владения и пользования церковными землями, источники доходов церкви и т. д.

В каноническом праве содержались нормы, относящиеся к уголовному праву, в частности предусматривался список епитимий, налагаемых за убийство, ложную клятву и некоторые другие преступления. В нем закреплялись нормы, относящиеся к договорному праву, к завещаниям, наследованию и особенно к брачно-семейным отношениям.

В XVI веке Реформация подорвала позиции католической церкви и ослабила влияние канонического права. На Тридентском соборе (1545–1563 гг.), хотя и проходившем под лозунгами контрреформации, был осуществлен коренной пересмотр норм канонического права, сужена сфера церковной юрисдикции. Собор учредил Конгрегацию, которая официально толковала нормы канонического права, в частности решения самого собора. Потесненное Реформацией каноническое право продолжало оставаться в западноевропейском обществе в Новое время не только своеобразным юридическим феноменом, но и важным духовным фактором, оказавшим непосредственное воздействие на правовую культуру и на духовную жизнь католических стран.

Одним из наиболее значительных и уникальнейших явлений в правовой жизни Западной Европы стала рецепция римского права, т. е. его усвоение и восприятие средневековым обществом. После падения западной части империи римское право не утратило своего действия, но с образованием варварских государств сфера его применения в Западной Европе сузилась. Оно сохранилось прежде всего на юге, у испано-романского и галло-романского населения. Постепенно синтез римской и германской правовых культур привел к тому, что римское право стало оказывать влияние на правовые обычаи вестготов, остготов, франков и других германских народов.

Однако со временем собственно римские источники права выходят из употребления и забываются. Им на смену приходит упрощенное и варваризированное римское право, которое по приказу королей объединялось в специальные кодексы. Наибольшую известность получил Кодекс короля вестготов Аларика II, составленный в начале VI века. Основным источником Кодекса был опубликованный еще в 438 году Кодекс Феодосия II, а также законодательство других римских императоров, Институции Гая, Сентенции Павла и т. д.

Римские тексты в Кодексе Аларика были использованы с большими сокращениями, поэтому он получил впоследствии название "бревиарий", что означало "сокращенный" (*Breviarium Alaricianum*). Следует отметить, что этот весьма популярный в ряде стран Европы памятник римского права нередко издавался и под другими названиями (например, *Lex Romana visigothorum*). С последующими изменениями и искажениями он действовал вплоть до начала широкой рецепции римского права.

Новая жизнь римского права в Западной Европе, его второе рождение, начинается в XI–XII вв. В основе этого бурно развивающегося процесса лежал целый ряд исторических факторов, среди которых особую роль сыграло оживление экономической жизни, особенно торговли. Зарождающиеся буржуазные отношения не могли пробиться сквозь гущу правовых обычаев и чисто феодального права, рассчитанного на замкнутое общество. Римское же право содержало в себе точные и готовые формулы закрепления абстрактной частной собственности и торгового оборота. Не случайно центром зарождения римского права стали города-республики Северной Италии, которые переживали в XI в. экономический подъем и представляли собой в то время наиболее развитый в хозяйственном отношении регион Европы.

Однако рецепция римского права была вызвана не только экономическим фактором, но и социальными и духовными потребностями общества, которое остро нуждалось в правовом порядке, правовой стабильности, а соответственно и в распространении юридического образования и мышления. Рецепцию римского права поддержала католическая церковь, увидевшая в нем средство, способное поддержать каноническое право и притязания пап на мировое господство.

Рецепцию римского права в конечном счете санкционировала и королевская власть, стремившаяся к централизации, а следовательно, и к юридизации всей общественной и государственной жизни. Именно римское право в это время проявило себя как наиболее разработанное, универсальное и рациональное право, содержащее регуляторы, необходимые для общества в целом и для основных его групп.

Римское право как никакой другой фактор эпохи средневековья способствовало преодолению государственных и иных территориальных границ, созданию единого стержня европейской правовой культуры, юридической науки и образования.

Важную роль в "открытии" римского права для средневекового общества сыграли университеты Северной Италии (в Равенне, Падуе, Болонье и в других городах). После обнаружения в Пизе в середине XI в. рукописи юстиниановых Дигест (копии VI или VII вв.), получившей впоследствии название Флорентийской рукописи, в университетах начинается систематическое изучение и преподавание римского права.

Особую известность приобрел юридический факультет Болонского университета, который к XIII в. насчитывал около 10 тыс. студентов практически из всех стран Западной Европы. Его основателем был один из крупнейших средневековых знатоков римского права Ирнерий (1055–1130 гг.). Созданная им школа римского права, имевшая общеевропейское значение, получила название школы глоссаторов. Само название школы установилось потому, что глоссаторы, следуя за ранними канонистами, делали свои пояснения, уточнения и т. п. по тексту юстиниановых памятников римского права в виде глосс, т. е. записей (комментариев) на полях или между строчек рукописи. Для учебных целей профессор комментировал (глоссировал) классические документы слово за словом, строчка за строчкой, ставил перед студентами вопросы, классифицировал и обобщал правовой материал. Некоторые глоссы представляли собой суммированное изложение комментируемого отрывка (так называемые брокардики), другие содержали широкие правила, выводимые из изучаемого текста (правовые максимы).

Глоссаторы составляли учебники права, включавшие краткий пересказ глосс и именовавшиеся суммами, сборники спорных вопросов, уточнений и различий понятий, а также казусов, специально подобранных для пояснения источников. Они писали и самостоятельные труды по отдельным вопросам права. Школа глоссаторов проделала огромную работу по восстановлению и обработке классического римского права, по разъяснению устаревших или ставших к тому времени малопонятными текстов и терминов, по внутреннему упорядочению правовых памятников (прежде всего Дигест).

Аналитически сопоставляя содержащийся в кодификации Юстиниана конкретный материал по тому или иному правовому вопросу, глоссаторы преодолевали казуистический характер, присущий классическому римскому праву, вводили в него широкие обобщения, создавали новую систематику. Так, посредством суммирования суждений римских юристов по отдельным видам договоров профессора-глоссаторы выработали общее понятие договора. Они четко различали личные и вещные права, создали единую концепцию вещного права в отличие от классических юристов, описывавших отдельные виды прав на вещи, более последовательно выделяли особенно важный для системы феодального землевладения институт владения и т. д. По существу именно с глоссаторов начинается развитие юридической науки в собственном смысле слова.

Хотя деятельность глоссаторов отличалась академизмом и не оказала непосредственного воздействия на практику феодальных судов, в дальнейшем по мере распространения римского права глоссы приобретали все больший авторитет, практически

равный самому глоссируемому тексту. Со временем установилось правило: "То, что не признает глосса, не признает суд".

У Ирнерия, положившего начало систематическому изучению Дигест, было большое число последователей и учеников, среди которых наибольшую известность получили Булгар, Мартин, Уго и Яков (*quattuor doctores*). К числу видных глоссаторов XII–XIII вв. относятся также Рогедо, Бургундио, Родже, Ацо, Унголин и др. Деятельность глоссаторов подготовила почву для изучения и преподавания римского права и за пределами Италии, в том числе в Оксфордском университете в Англии (Вакарий).

Последним выдающимся представителем глоссаторов был Аккурций, который около 1250 года опубликовал в едином сборнике глоссы своих предшественников и современников, сделанные по тексту Кодекса, Дигест и Институций Юстиниана. Этот сборник, который насчитывал 96 940 глосс, получил название *glossa ordinaria* ("расположенная в порядке") или *glossa magistralis* ("учительская"). Он превосходил по своей масштабности и тщательности обработки материала, по четкости плана и устранению противоречий и т. д. все предшествующие работы глоссаторов. Этот сборник, который впоследствии стали называть "Большая глосса" или даже просто "Глосса", в течение нескольких веков рассматривался как образцовое и наиболее авторитетное руководство по римскому праву.

С "Большой глоссы" Аккурция школа глоссаторов прекратила свое существование, уступив в последующем место постглоссаторам — новому поколению итальянских профессоров римского права. Наиболее известными среди них были Синус де Пистойя (1270–1339 гг.), Бартол де Сассоферрато (1313–1357 гг.), Балдус де Убалдис (1347–1400 гг.). Но самым выдающимся постглоссатором был Бартол, по имени которого саму школу нередко называли бартолистами. Становление этой школы было связано с новым экономическим и культурным подъемом в Италии и в ряде других стран Западной Европы, который породил острую потребность в преодолении феодального правового партикуляризма, в распространении вневременного и абстрактного права. Именно таким правом благодаря постглоссаторам и предшествующей деятельности глоссаторов стало римское право, которое рассматривалось как "писанный разум".

Постглоссаторы не проявляли интереса к классическому римскому праву. Они занимались главным образом толкованием правовых понятий и отдельных отрывков из кодификации Юстиниана, содержащихся в работах глоссаторов, с целью выведения так называемого общего мнения ученых (*communis opinio doctorum*). Такая обработка римского права, хотя и отличалась крайней схоластичностью, способствовала превращению его в теоретическую базу формирующихся национальных правовых систем (даже в Англии, которая не знала рецепции римского права как таковой).

В своих комментариях постглоссаторы нередко отступали от первоначальных конструкций римского права, но провели большую работу по его согласованию с нормами средневекового канонического, городского и обычного права. Именно в системной обработке римского права, осуществленной постглоссаторами, оно вышло за рамки простого "права ученых" и было воспринято судебной практикой в большинстве стран Западной Европы.

Глава 15. Государство франков

На огромной территории Римской империи было рассеяно множество варварских племен: готы, франки, бургунды, аламанны, англосаксы и пр.

Римляне все чаще использовали германцев в качестве наемных солдат и поселяли их на своих границах. В V в. высшие звания римских магистратов стали носить вожди варварских племен, возглавлявшие союзные Риму армии, которые заключили соглашение о переходе

под власть Рима.

Упадок императорской власти, все возрастающая непопулярность римского правления создавали благоприятные условия королям-союзникам Рима для расширения полномочий, для удовлетворения их политических претензий. Они часто со ссылкой на императорское поручение присваивали всю полноту власти, взимали налоги с местного населения и пр.

Вестготы, например, поселенные Римом в качестве своих федератов в 412 году в Аквитании (Южная Франция), впоследствии расширили территорию своего Тулузского королевства за счет территориальных завоеваний, признанных в 475 году римским императором. В 507 году это королевство было покорено франками. В 476 году власть в Западной Римской империи была захвачена одним из варварских военачальников Одоакром. Он был убит в 493 году основателем королевства остготов Теодорихом I, установившим свое единоличное правление во всей Италии. Это королевство пало в 555 году. Возникали и поглощались в результате кровавых войн, междоусобиц и другие "племенные государства" варваров.

Но особую роль в Западной Европе суждено было сыграть салическим (приморским) франкам, входившим в союз германских племен, сложившийся в III в. на северо-восточной границе Галлии, провинции Римской империи.

Салические франки, во главе со своим вождем Хлодвигом (481–511 гг.), в результате победоносных войн в Галлии, иногда в противоборстве, иногда в союзе с Римом, создают обширное королевство, простиравшееся к 510 году от среднего течения Рейна до Пиренеев. Хлодвиг же, утвердившись как представитель римского императора, становится властителем земель, повелителем единого, уже не племенного, а территориального королевства. Он приобретает право диктовать собственные законы, взимать налоги с местного населения и пр.

Галлия, однако, еще долго сохранялась под сенью Восточной Римской империи (Византии). Только в VIII в. титул римского императора был присвоен франкскому королю Карлу Великому. Благодаря влиянию Рима и римской христианской церкви Галлия вопреки географической раздробленности сохраняла на протяжении веков своеобразное единство, превратившись в ходе длительного эволюционного процесса в ту Франконию, которая стала прародительницей будущей Франции и Германии, а также территориальной первоосновой развития западной христианской цивилизации.

Формирование феодального общества и государства франков. Завоевательные войны франков ускорили процесс создания Франкского государства. Глубинные же причины становления франкской государственности коренились в разложении франкской свободной общины, в ее классовом расслоении, начавшемся еще в первых веках новой эры.

Государство франков по своей форме было *раннефеодальной монархией*. Оно возникло в переходном от общинного к феодальному обществу, которое миновало в своем развитии стадию рабовладения. Это общество характеризуется многоукладностью (сочетанием рабовладельческих, родоплеменных, общинных, феодальных отношений), незавершенностью процесса создания основных классов феодального общества. В силу этого раннефеодальное государство несет на себе значительный отпечаток старой общинной организации, учреждений племенной демократии.

Государство франков прошло в своем развитии два основных периода (с конца V до VII в. и с VIII по середину IX в.). Рубеж, разделяющий эти периоды, характеризуется не только сменой правящих династий (на смену Меровингам пришли Каролинги). Он стал началом нового этапа глубокой социально-экономической и политической перестройки франкского общества, в ходе которой постепенно складывалось собственно феодальное государство в форме сеньориальной монархии.

Во втором периоде в основном завершается создание крупной феодальной земельной собственности, двух основных классов феодального общества: замкнутого, иерархически соподчиненного, связанного вассально-ленными узами класса феодалов, с одной стороны, и эксплуатируемого им зависимого крестьянства — с другой. На смену относительной

централизации раннефеодального государства приходит феодальная раздробленность.

В V–VI вв. у франков сохранились еще общинные, родовые связи, отношения эксплуатации среди самих франков не были развиты, немногочисленной была и франкская служилая знать, сформировавшаяся в правящую верхушку в ходе военных походов Хлодвига.

Наиболее ярко социально-классовые различия в раннеклассовом обществе франков, как свидетельствует Салическая правда, правовой памятник франков, относящийся к V в., проявлялись в положении рабов. Рабский труд, однако, не получил широкого распространения. Раб в отличие от свободного общинника-франка считался вещью. Его кража приравнивалась к краже животного. Брак раба со свободным влек за собой потерю последним свободы.

Салическая правда указывает также на наличие у франков других социальных групп: *служилая знать*, *свободные франки* (общинники) и *полусвободные литы*. Различия между ними были не столько экономическими, сколько социально-правовыми. Они были связаны главным образом с происхождением и правовым статусом лица или той социальной группы, к которой это лицо принадлежало. Важным фактором, влияющим на правовые различия франков, стала принадлежность к королевской службе, королевской дружине, к складывающемуся государственному аппарату. Эти различия наиболее ярко выражались в системе денежных возмещений, которые служили охране жизни, имущественных и иных прав отдельных лиц.

Наряду с рабами существовала особая категория лиц — полусвободные литы, жизнь которых оценивалась половиной вергельда свободного, в 100 солидов. Лит представлял собой неполноправного жителя общины франков, находящегося в личной и материальной зависимости от своего господина. Литы могли вступать в договорные отношения, отстаивать свои интересы в суде, участвовать в военных походах вместе со своим господином. Лит, как и раб, мог быть освобожден своим господином, у которого, однако, оставалось его имущество. За преступление литу полагалось, как правило, то же наказание, что и рабу, например смертная казнь за похищение свободного человека.

Право франков свидетельствует и о начавшемся имущественном расслоении франкского общества. В Салической правде говорится о господской челяди или дворовых слугах-рабах (виноградарях, конюхах, свинопасах и даже золотых дел мастерах), обслуживающих господское хозяйство.

Вместе с тем Салическая правда свидетельствует о достаточной прочности общинных порядков, об общинной собственности на поля, луга, леса, пустоши, о равных правах общинников-крестьян на общинный земельный надел. Само понятие частной собственности на землю в Салической правде отсутствует. Она лишь фиксирует зарождение аллода, предусматривая право передачи надела по наследству по мужской линии. Дальнейшее углубление социально-классовых различий у франков и было непосредственно связано с превращением аллода в первоначальную форму частной феодальной земельной собственности. Аллод — отчуждаемое, переходящее по наследству землевладение свободных франков — сложился в процессе разложения общинной собственности на землю. Он лежал в основе возникновения, с одной стороны, вотчинного землевладения феодалов, а с другой — земельного держания зависимых от них крестьян.

Процессы феодализации у франков получают мощный импульс в ходе завоевательных войн VI–VII вв., когда в руки франкских королей, служилой аристократии, королевских дружинников переходит значительная часть галло-римских поместий в Северной Галлии. Служилая знать, связанная в той или иной мере вассальной зависимостью от короля, захватившего право распоряжения завоеванной землей, становится крупным собственником земель, скота, рабов, колонов. Она пополняется частью галло-римской аристократии, которая переходит на службу к франкским королям.

Столкновение общинных порядков франков и позднеримских частнособственнических порядков галло-римлян, сосуществование и взаимодействие столь различных по характеру

общественных укладов и ускорило создание новых феодальных отношений. Уже в середине VII в. в Северной Галлии начинает складываться феодальная вотчина с характерным для нее разделением земли на господскую (домен) и крестьянскую (держание). Расслоение "рядовых свободных" в период завоевания Галлии происходило и в силу превращения общинной верхушки в мелких вотчинников за счет присвоения общинной земли.

Процессы феодализации в VI–VII вв. на юге Галлии не получили столь бурного развития, как на севере. В это время размеры франкской колонизации здесь были незначительны, сохранялись обширные поместья галло-римской знати, продолжал широко использоваться труд рабов и колонов, но глубокие социальные перемены происходили и здесь, главным образом за счет повсеместного роста крупного церковного землевладения.

V–VI вв. в Западной Европе были отмечены началом мощного идеологического наступления христианской церкви. Служители десятков вновь возникающих монастырей, храмов выступали с проповедями о человеческом братстве, о помощи бедным и страждущим, о других нравственных ценностях.

Население Галлии под духовным воздействием священнослужителей, возглавляемых епископами, стало воспринимать все больше христианские догматы, идею искупления, полагаясь на заступничество святых отцов ради обретения прощения при переходе в иной мир. В эпоху бесконечных войн, разрушений, повсеместного насилия, болезней, в условиях доминирования религиозного сознания внимание людей естественно концентрировалось на таких вопросах, как смерть, посмертный суд, воздаяние, ад и рай. Страх перед чистилищем и адом церковь стала использовать в своих корыстных интересах, собирая и накапливая за счет и правителей, и простых людей многочисленные пожертвования, в том числе и земельные. Рост церковного землевладения начался с земельных отказов церкви от Хлодвига.

Возрастающая идеологическая и экономическая роль церкви не могла рано или поздно не проявиться в ее властных притязаниях. Однако церковь в это время не была еще политическим образованием, не имела единой организации, представляя собой некое духовное сообщество людей, руководимое епископами, из которых по традиции важнейшим считался епископ Рима, получивший впоследствии звание папы римского.

В деятельность церкви в качестве "христовых наместников" на земле все больше вторгались и короли, которые в целях укрепления своей крайне нестабильной власти назначали епископов из своих приближенных, созывали церковные соборы, председательствовали на них, выступая иногда и по проблемам богословия. В 511 году на созванном Хлодвигом Орлеанском церковном соборе было принято решение, что ни один мирянин не может быть введен в церковный сан без королевского разрешения. Последующим решением Орлеанского церковного собора в 549 году было окончательно закреплено право королей контролировать назначение епископов.

Это было время все более тесного переплетения светской и религиозной власти, когда епископы и другие религиозные деятели заседали в правительственных органах, а гражданская администрация на местах осуществлялась епархиальными управлениями.

При Дагобере I в начале VII в. отправление церковных функций стало неотъемлемой частью пути к почету, пройдя который приближенные короля становились местными правителями — графами и епископами одновременно; нередко были случаи, когда епископы управляли городами и окружающими их сельскими поселениями, чеканили деньги, собирали подати с земель, подлежащих налогообложению, контролировали рыночную торговлю и пр.

Сами же епископы, владея большими церковными хозяйствами, стали занимать все более высокое место в складывающейся феодальной иерархии, чему способствовали и незапрещенные браки священников с мирянами, представителями феодальной верхушки.

Бурным ростом феодальных отношений характеризуются VII–IX вв. В это время во франкском обществе происходит *аграрный переворот*, приведший к повсеместному утверждению крупной феодальной земельной собственности, к утрате общинником земли и свободы, к росту частной власти феодальных магнатов. Этому способствовало действие ряда исторических факторов. Начавшийся с VI–VII вв. рост крупного землевладения,

сопровождаясь распрями землевладельцев, выявил всю непрочность королевства Меровингов, в котором то тут, то там возникали внутренние границы в результате выхода из повиновения местной знати или сопротивления населения взиманию налогов. К тому же к концу VII в. франки потеряли ряд земель и реально занимали территорию между Луарой и Рейном.

Одной из попыток решить проблему укрепления государственного единства в условиях повсеместного неповиновения центральным властям стал церковный собор "прелатов и знатных людей", прошедший в Париже в 614 году. Эдикт, принятый собором, призвал к "пресечению наисуровейшим образом мятежей и наглых вылазок злоумышленников", грозил наказанием за "хищения и злоупотребление властью чиновникам, сборщикам налогов на торговых местах", но одновременно ограничивал и право гражданских судей и сборщиков налогов на церковных землях, закладывая таким образом законодательную основу их иммунитета. Епископы к тому же по решению собора должны были впредь избираться "духовенством и народом" при сохранении за королем лишь права одобрять результаты выборов.

К ослаблению власти франкских королей привело прежде всего истощение их земельных ресурсов. Только на основе новых пожалований, предоставления новых прав землевладельцам, установления новых сеньориально-вассальных связей могло произойти в это время усиление королевской власти и восстановление единства франкского государства. Такую политику и стали проводить Каролинги, фактически правившие страной еще до перехода к ним королевской короны в 751 году.

Реформа Карла Мартелла. Майордом Карл Мартелл (715–741 гг.) начал свою деятельность с усмирения внутренней смуты в стране, с конфискации земель своих политических противников, с частичной секуляризации церковных земель. Он воспользовался при этом правом королей на замещение высших церковных должностей. За счет созданного таким образом земельного фонда стали раздаваться новой знати земельные пожалования в пожизненное условное держание — *бенефиций* (от лат. *beneficium* — благодеяние, милость) при несении той или иной службы (чаще всего конной военной). Землю получал тот, кто мог служить королю и приводить с собой войско. Отказ от службы или измена королю влекли за собой потерю пожалования. Бенефициарий получал землю с зависимыми людьми, которые несли в его пользу барщину или платили оброк. Использование такой же формы пожалований другими крупными землевладельцами привело к складыванию отношений сюзеренитета-вассалитета между крупными и мелкими феодалами.

Расширению феодального землевладения в VIII в. способствовали новые захватнические войны, сопровождавшая их новая волна франкской колонизации. Причем если во франкской колонизации VI–VII вв. принимала участие в основном верхушка франкского общества, то к колонизации VII–IX вв., происходившей в значительно больших размерах, были привлечены зажиточные аллодисты, за счет которых и пополнялся в это время конным рыцарством класс феодалов.

С середины VIII в. начинается период, предшествующий завершению процесса расслоения франкского общества на класс феодальных землевладельцев и класс зависимых от них крестьян, широкое распространение получают отношения покровительства, господства и подчинения, возникающие на основе особых договоров *коммендации*, *прекария*, *самозакабаления*. На развитие отношений покровительства большое влияние оказал римский институт — клиентеллы, патроната. Отношения покровительства и патроната у франков были вызваны к жизни крушением старых родовых связей, невозможностью экономической самостоятельности мелко-крестьянского хозяйства, разоряемого войнами, грабежами феодалов. Покровительство влекло за собой установление личной и имущественной зависимости крестьян от землевладельцев-магнатов, так как крестьяне передавали им право собственности на свои земельные участки, получая их обратно на условиях выполнения определенных повинностей, уплаты оброка и пр.

В процессах установления власти крупных землевладельцев над крестьянами в Западной Европе огромную роль играла христианская церковь, ставшая сама крупным земельным собственником. Оплотом господствующего положения церкви были монастыри, а светской знати — укрепленные замки, которые становились вотчинными центрами, местом сбора ренты с крестьян, символом могущества сеньоров.

Договоры коммендации (покровительства) возникли прежде всего в отношениях крестьян с церковью, монастырями. Они не всегда были непосредственно связаны с потерей свободы и прав собственности на земельный участок коммендируемого, как это имело место в случае договора самозакабаления. Но раз попав под такое покровительство, свободные крестьяне постепенно теряли свою личную свободу и через несколько поколений в большинстве своем становились крепостными.

Договор прекария был непосредственно связан с передачей земли. Он влек за собой возникновение условного держания земли, передаваемой во временное пользование, сопровождался возникновением тех или иных обязанностей прекариста в пользу крупного землевладельца (работать на полях господина, отдавать ему часть урожая). В лице прекаристов создавался переходный слой от свободных общинников-аллодистов к зависимым крестьянам. Существовали три формы прекария: *precaria data* ("прекарий данный") — своеобразная форма аренды земли, на основании которой безземельный или малоземельный крестьянин получал участок земли во временное пользование. По договору *precaria remuneratoria* ("прекарий возмещенный") прекарист первоначально отдавал свой участок земли землевладельцу и получал его обратно во владение. Этот вид прекария возникал, как правило, вследствие залога земли в обеспечение долга. По договору *precaria oblata* ("прекарий подаренный") прекарист (чаще всего под прямым нажимом землевладельца), уже попавший в экономическую зависимость, отдавал свой участок господину, а затем получал от него свой и дополнительный участок земли, но уже в качестве держания.

Владелец прекария обладал правом судебной защиты против третьих лиц, но только не в отношении землевладельца. Прекарий мог быть взят обратно землевладельцем в любую минуту. По мере того как число подвластных магнату людей (прекаристов, коммендируемых) росло, он приобретал над ними все большую власть.

Государство всемерно содействовало укреплению этой власти. В капитулярии 787 года, например, запрещалось кому-либо принимать под покровительство людей, оставивших сеньора без его разрешения. Постепенно вассальные связи, или отношения зависимости, охватывают всех свободных. В 808 году им было предписано идти на войну со своим сеньором либо с графом.

Поздние "варварские правды" свидетельствуют и о других изменениях в социальной структуре варварских обществ, происходящих в связи с развитием новых феодальных отношений. В Аламаннской и Баварской правдах (VIII в.) все чаще упоминается фигура колона. Колон или раб, посаженный на землю, был известен и римскому праву, которое лишало его хозяйственной самостоятельности, права заключать договоры, подписывать документы и пр.

Вестготы в V–VI вв. восприняли из Рима эти запреты. Но остготы начали отходить от них. По ст. 121 Остготской правды, например, "если кто давал в долг деньги колону или рабу, без ведома господина, то он мог вернуть долг из пекулия", то есть из имущества, которым он владел.

Возникла новая феодальная форма колоната, отличающаяся от прежней тем, что колоном мог стать не только раб или безземельный арендатор, но и свободный крестьянин. Согласно Аламаннской правде (22, 3 — первой цифрой в "варварских правдах" обозначается титул, второй — статья) колон ведет самостоятельно хозяйство, но должен платить подати натурой церкви или отрабатывать барщину 3 дня в неделю.

Происходят изменения и в правовом статусе рабов. Ослаблялись, например, строгие запреты на браки рабов со свободными. Если по римскому праву свободная женщина за

связь с рабом обращалась в рабство, а по Салической правде ее можно было безнаказанно убить, то Аламманская правда давала такой женщине право возражать против "рабской работы служанки" (18,2).

И, наконец, в IX в. крупные бенефициарии добиваются права передавать бенефиций по наследству. На смену бенефицию приходит *фео* (наследственное, в отличие от бенефиция, феодальное земельное владение, пожалованное сеньором своему вассалу за службу). Крупные феодалы превращаются в суверенов, обладающих политической властью в своих владениях.

Государственный строй. В процессах становления и развития государственного аппарата франков можно выявить три главных направления. Первое направление, особенно характерное для начального этапа (V–VII вв.), проявилось в перерождении органов племенной демократии франков в органы новой, публичной власти, в собственно государственные органы. Второе — определялось развитием органов вотчинного управления, третье — было связано с постепенным превращением государственной власти франкских монархов в "частную" власть государей-сеньоров с формированием сеньориальной монархии, что выявилось в полной мере на завершающем этапе развития франкского общества (VIII–IX вв.).

Завоевание Галлии послужило мощным импульсом создания нового государственного аппарата у франков, ибо оно потребовало организации управления завоеванных областей, их защиты. Хлодвиг был первым франкским королем, утвердившим свое исключительное положение единоличного правителя. Из простого военачальника он превращается в монарха, добиваясь этого положения всеми средствами: вероломством, хитростью, уничтожением сородичей, других племенных вождей. Одной из важнейших политических акций Хлодвига, укрепивших позиции франкского государства за счет поддержки галло-римского клира, было принятие христианства.

С принятием христианства Хлодвигом церковь становится мощным фактором укрепления королевской власти. Именно церковь дала в руки франкских королей такое оправдание захватническим войнам, как ссылка на "истинную веру", объединение в вере многих народов под эгидой единого короля как верховного, не только светского, но и духовного главы своих народов.

Постепенный переход галльской элиты в христианскую веру становится также важным историческим фактором объединения Галлии, развития особой региональной феодально-христианской, западноевропейской (романо-германской) цивилизации.

Социально-экономические, религиозно-идеологические, этнографические и др. изменения в галльском обществе оказали непосредственное влияние и на процессы складывания и развития специфических черт государственного аппарата франкской империи, поглотившей в VIII–IX в. большинство варварских государств Западной Европы. Уже в V в. у франков на место старой родовой общины окончательно приходит община территориальная (марка), а вместе с ней и территориальное деление на округа (паги), сотни. Салическая правда говорит уже о существовании должностных лиц королевства: графах, сацебаронах и пр. Вместе с тем она свидетельствует о значительной роли органов общинного управления. Общеплеменного народного собрания в это время у франков уже не было. Оно было заменено смотром войска — сначала в марте ("мартовские поля"), затем (при Каролингах) в мае ("майские поля"). Но на местах продолжали существовать сотенные собрания ("малюс"), выполняющие судебные функции под председательством *тугинов*, которые вместе с *рахинбургам*, знатоками права ("выносящими приговор"), были представителями общины.

Роль общины в судебных делах была исключительно велика. Община отвечала за убийство, совершенное на ее территории, выставляла соприсяжников, свидетельствующих о добром имени своего члена, сами родственники доставляли в суд своего сородича, вместе с ним уплачивали вергельд.

Король выступал прежде всего как "охранитель мира", как исполнитель судебных

решений общины. Его графы, сацебароны выполняли в основном полицейские и фискальные функции. Салическая правда предусматривала наказание для королевских должностных лиц, отказывающихся удовлетворить требование свободного человека и применить власть к правонарушителям. Вместе с тем, ограждая в определенной мере самостоятельность общины со стороны королевских должностных лиц, Салическая правда запрещала, например, чтобы на одно общинное собрание являлось больше трех сацебаронов.

Королевские предписания, согласно Салической правде, касаются незначительного круга государственных дел — призыва в войско, вызова в суд. Но Салическая правда свидетельствует и об усилении власти королей. Так, например, исполнение королевской службы оправдывает неявку обвиняемого в общинный суд. Более того, король прямо вторгается во внутриобщинные дела, в ее поземельные отношения, разрешает чужаку селиться на общинной земле.

Власть франкских королей стала передаваться по наследству. В VI–VII вв. под прямым воздействием позднеримских порядков законодательные полномочия королей усиливаются, а в капитуляриях не без влияния церкви уже говорится о священном характере королевской власти, о неограниченности ее законодательных полномочий. Показательно, что там же появляется понятие измены королю, относимой к тяжким преступлениям.

Однако король в это время — прежде всего военный предводитель, военачальник, главной заботой которого является "порядок" в королевстве, усмирение выходящей из повиновения местной знати. С ограниченностью королевских функций было связано и отсутствие эффективно действующих органов центральной администрации, казначейства, самостоятельных королевских судов, обладающих апелляционными функциями.

Складывающийся государственный аппарат отличается еще крайней аморфностью, отсутствием четко разграниченных должностных полномочий, соподчиненности, организации делопроизводства. Нити государственного управления сосредоточиваются в руках королевских слуг и приближенных. Среди них выделяются дворцовый граф, референдарий, камерарий. *Дворцовый граф* выполняет главным образом судебные функции, руководит судебными поединками, наблюдает за исполнением приговоров. *Референдарий* (докладчик), хранитель королевской печати, ведает королевскими документами, оформляет акты, предписания короля и пр. *Камерарий* следит за поступлениями в королевскую казну, за сохранностью имущества дворца.

В VI–VII вв. главным управителем королевского дворца, а затем и главой королевской администрации являлся палатный мэр, или *майордом*, власть которого всемерно усиливалась в условиях непрекращающихся походов короля, который управлял своими территориями "из седла".

Формирование местных органов власти происходит в это время под значительным влиянием позднеримских порядков. Меровингские графы начинают управлять округами как римские наместники. Они обладают полицейскими, военными и судебными функциями. В капитуляриях тунгин в качестве судьи почти не упоминается. Понятия "граф" и "судья" становятся однозначными, их назначение входит в исключительную компетенцию королевской власти.

Вместе с тем вновь возникающие органы государственного аппарата франков, копируя некоторые позднеримские государственные порядки, имели иной характер и социальное назначение. Это были органы власти, выражавшие интересы прежде всего германской служилой знати и крупных галло-римских землевладельцев. Они и строились на иных организационных основах. Так, например, широко использовались на государственной службе дружинники короля. Первоначально состоявшая из королевского военного отряда свободных франков дружина, а следовательно, и государственный аппарат пополнялись впоследствии не только романизированными галлами, которые отличались своим образованием, знанием местного права, но и рабами, вольноотпущенниками, составлявшими придворный королевский штат. Все они были заинтересованы в усилении королевской власти, в разрушении старого племенного сепаратизма, в укреплении новых порядков,

суливших им обогащение и социальный престиж.

Во второй половине VII в. складывается новая система политического господства и управления, своего рода "демократия знати", которая предполагает непосредственное участие верхушки формирующегося класса феодалов в управлении государством.

Расширение участия феодализирующейся знати в управлении государством, "сеньоризация" государственных должностей привели к потере королевской властью той относительной самостоятельности, которой она пользовалась ранее. Это произошло не сразу, а именно в тот период, когда крупное землевладение приобрело уже значительные размеры. В это время большую власть присваивает созданный еще ранее *Королевский совет*, состоящий из представителей служилой знати и высшего духовенства. Без согласия Совета король фактически не мог принять ни одного серьезного решения. Знати постепенно передаются ключевые позиции в управлении не только в центре, но и на местах. Вместе с ослаблением власти королей все больше независимости, административных и судебных функций приобретают графы, герцоги, епископы, аббаты, ставшие крупными землевладельцами. Они начинают присваивать налоги, пошлины, судебные штрафы.

Еще в 614 году вышеупомянутым эдиктом (ст. 12) запрещалось назначение "должностного лица (*judex* — вероятно, герцога или графа), как и подчиненного ему человека", если они не были местными землевладельцами. В 673 году светская знать добилась подтверждения Хильпериком II этой статьи эдикта. Функции управления, таким образом, закреплялись за крупными местными феодалами.

В поздних правдах местным правителям — герцогам и графам — уделяется не меньше внимания, чем королю. Штраф по Аламаннской правде грозит любому за невыполнение требований герцога или графа, за "пренебрежение к их повестке с печатью" Специальный титул 2-й Баварской правды посвящен герцогам, "которых народ поставил или их избрал"; он свидетельствует о широте тех дел, "которые их касаются". Здесь предусмотрено наказание в виде значительного штрафа не только за невыполнение, но и за "небрежность" при выполнении их приказов (2, 13), в частности говорится о безнаказанности в случае выполнения приказа герцога об убийстве какого-либо лица (2, 6), вероятно, "поступившего против закона" (2, 2).

Более того, по Аламаннской правде должность герцога наследуется его сыном, которому, однако, грозит "изгнание и лишение наследства" за попытку "завладеть ею грабительски" (25, 1–2), правда, король мог "простить сына... и передать ему наследство" (34, 4). Со временем все важнейшие должности в государственном аппарате стали наследственными.

Сохранявшееся в той или иной степени повиновение местной знати королю начинает все больше определяться ее личными отношениями с королевским двором, вассальной зависимостью от короля как сеньора.

С середины VII в., в эпоху так называемых ленивых королей, знать уже непосредственно берет бразды правления в свои руки, отстраняя короля. Сначала это делается за счет все большего усиления роли и значения должности майордома, а затем путем прямого смещения короля. Ярким примером этому может служить сама смена королевской династии у франков. Еще в VII в. своим могуществом, земельным богатством стал выделяться род майордомов Пипинидов. Один из них. Карл Мартелл, фактически уже правил страной. Благодаря проведенным реформам ему удалось на определенное время укрепить единство франкского государства, переживавшего длительный период политической дестабилизации, расчленения. Сын и преемник Карла Мартелла, не желая даже формально признавать короля, произвел государственный переворот, заточил последнего царствующего Меровинга в монастырь и занял его престол.

Аграрный переворот VIII в. способствовал дальнейшему развитию феодального государства, той административной системы, в которой главную роль начинают играть органы вотчинного управления. Новой перестройке аппарата управления способствовало широкое распространение в это время *иммунитетных грамот*, в силу которых территория,

принадлежащая владельцу иммунитета, изымалась (частично или полностью) из ведения государственных властей в судебных, податных, административных делах. Вотчинник таким образом получал политическую власть над своими крестьянами. Иммунитетные грамоты, как правило, санкционировали уже сложившиеся отношения политической зависимости крестьян от своих сеньоров-вотчинников.

Франкская империя в VIII–IX вв. Система иммунитетов неизбежно должна была повлечь за собой усиление раздробленности, местного сепаратизма. Но при Карле Великом (768–814 гг.) государство франков достигает своего наивысшего могущества, охватывая огромную территорию. Более того, Карл в 800 году был коронован папой в Риме императорской короной, что подчеркивало его силу как преемника власти римских императоров. Карлу и поддерживающей его церкви коронация нужна была в качестве политико-идеологического средства укрепления королевской власти за счет атрибутов Римской империи.

Еще задолго до коронации Карл стал называться хранителем "христианской империи" (*imperium christianum*). Он сам в 794 году созвал во Франкурте Вселенский церковный собор, на котором объявил важные изменения в богословской доктрине и церковном праве. Борясь за "чистоту веры", он рассылал во все концы страны миссионеров, издавал капитулярии, предусматривающие смертную казнь за оскорбление священников и христианской веры.

Несмотря на все усилия Карла I и церкви, империя не стала единым территориальным образованием. Летопись свидетельствует о непрерывных войнах, мятежах в империи. Множество кланов, племенных, феодальных полуавтономных государственных единиц во Франкской империи скреплялось личной властью императора, обеспечивавшей ему подчинение местных армий, которые призваны были защищать ее от скандинавских, арабских, славянских и др. набегов.

Усилению личной власти императора способствовал и бурный процесс закрепощения крестьян в это время. В условиях хищнического захвата земель в VIII–IX вв. король (император) вы ступает в качестве высшего сеньора, высшего распорядителя земли, закрепляя земельные владения духовных и светских феодалов, общин, но неизменно за счет общин, в интересах крупного землевладения.

Свободный крестьянин был при Меровингах опорой королевской власти. Из свободных общинников-франков состояло народное ополчение, они участвовали в суде, в охране порядка. До тех пор пока эта опора сохранялась, королевская власть могла противостоять притязаниям на власть земельных магнатов. Реальная власть Каролингов опиралась уже на иные силы, на их прямых вассалов, бенефициариев. Это были те социальные слои, которые находились под их непосредственным покровительством. Власть Каролингов становилась все более сеньориальной, частной, она растаскивалась местными владыками, графами, епископами.

В руках Карла Великого оставалась лишь определенная часть общегосударственных полномочий. К таким реальным полномочиям по-прежнему относилась "охрана мира", охрана границ, определенная координация действий центральной власти и вотчинных властей.

В капитулярии, прибавленном к Баварской правде Карлом I, указывалось, что император "как охранитель мира" должен пресекать "нарушение власти", обеспечивать "правильный мир для церкви, вдов, сирот и слабых", уделять "особое внимание" наказанию "разбойников, убийц, прелюбодеев и кровосмесителей", строго охранять "права церкви и ее имущество". Формально император обладал и высшей апелляционной властью. "Если кто заявит, что его неправильно судили, — записано в том же капитулярии, — то пусть явится перед нами". Но тут же указывалось, что все имущественные споры должны "получать окончательное решение с помощью графов и судей на местах".

К выполнению этих функций был приспособлен и императорский аппарат управления. Совет, состоящий из высших представителей духовной и светской знати, решал все дела, "имеющие отношение к благу короля и королевства". Этот аристократический орган

обеспечивал Карлу Великому повиновение подданных. При его же слабых преемниках он прямо навязывал им свою волю.

Во главе местной администрации стояли крупные землевладельцы, губернаторы и графы, дележащие власть с епископами. "Епископы вместе с графами и графы с епископами, — предписывал капитулярий Карла I, — должны быть в таком положении, чтобы каждый из них имел возможность исполнять свою службу". Важную роль играли *маркграфы*, военные начальники в пограничных графствах, следящие за безопасностью границ государства.

Карл правил не через имперскую бюрократию, у него не было даже столичного города, а через рассеянный по империи административно-судебный аппарат "государевых посланцев", которые призваны были проводить в жизнь королевские распоряжения. Государевы посланцы, состоящие из одного светского и одного духовного лица, объезжали ежегодно округа, включающие несколько графств. В их компетенцию входило прежде всего наблюдение за управлением королевскими поместьями, за правильностью совершения религиозных обрядов, за королевскими судьями, рассмотрение апелляционных жалоб на решения местных судов по тяжким преступлениям. Они могли требовать выдачи преступника, находившегося на территории духовного или светского сеньора. Неповиновение епископа, аббата и других грозило им штрафом. Контролирующий тандем светских и церковных посланцев короля — еще одно свидетельство слабости и неэффективности центральной власти, не имеющей опоры на местах.

После смерти Карла Великого империя была разделена между его наследниками. В 987 году умер последний каролингский король Людовик V, преемником которого стал Гуго Капет. Титул императора перешел к вождю восточных франков, населяющих территорию, названную много столетий спустя Германией.

Капетинги сохраняли власть только за счет контроля над вассалами в родовом домене короля. Так, вместе с превращением власти монарха-вождя во власть государя-сеньора на смену раннефеодальной монархии постепенно приходила новая феодальная государственная форма — *сеньориальная монархия*.

Армия. На ранних этапах развития феодального государства армия не отделялась от народа. Это было народное ополчение, принимавшее активное участие в политической жизни. В конце V — начале VI в. она еще строилась на племенной основе. Устранение вооруженного народа от дел управления было прямым следствием крушения племенной основы франкской армии, пополняемой в VII в. галло-римлянами, свободными прекаристами. На военную организацию франков оказали влияние римские учреждения. Так, были введены гарнизонная служба, подчинение военных отрядов местным должностным лицам, назначение королем командиров-тысячников, сотников.

По мере становления феодальных отношений не только должностные лица короля предводительствовали в ополчении, но и крупные землевладельцы-сеньоры. Впоследствии военные отряды приводил с собой сеньор.

Непосредственной причиной введения бенефициарной системы Карлом Мартеллом была необходимость создания конницы для борьбы с вторгшимися на территорию королевства в первой половине VII в. арабами. Вооруженные всадники должны были быть состоятельными людьми, так как каждый должен был иметь коня и позаботиться о снаряжении. Постепенно на протяжении VIII, IX, X столетий в империи франков сформировалось военное сословие всадников. Они назывались рыцарями или у французов — шевалье (лат. *milites*), единственным их занятием была служба своему сеньору и война. Благодаря системе вассалитета рыцари были включены в систему ленного держания земли и тем самым в систему управления.

Военная служба стала неотделимой от земельной собственности. Одним из показателей победы феодальных отношений и явилось то, что высшая власть в военном деле и в суде стала атрибутом, т. е. существенным свойством земельной собственности.

Глава 16. Средневековое государство во Франции

Образование самостоятельного государства во Франции явилось прямым следствием становления феодальных отношений во Франкской империи, раздел которой был зафиксирован в 843 году Верденским договором, заключенным между внуками Карла Великого. По этому договору Карлу Лысому, ставшему первым французским королем, достались земли к западу от Рейна. Однако Франция (само это название утвердилось в X в.) была единым королевством лишь чисто номинально, так как ее территориальный распад продолжался. К XI в. она представляла собой конгломерат многочисленных сеньорий разных размеров с весьма различным в этническом отношении составом населения (кельты, баски, нормандцы и др.). К этому времени во Франции в результате территориальной раздробленности государственная власть была буквально расщеплена между королем и множеством других феодалов равного ему или более низкого ранга.

На последующих этапах развития средневекового общества во Франции классовая и внутриклассовая борьба, а также политические формы, в которых она протекала, приобретали наиболее яркие и типичные черты. Французский феодализм в целом дает нам классические образцы того, как глубинные изменения в экономической и политической структуре общества влекут за собой неизбежную и закономерную смену форм организации государства. Соответственно и история средневекового государства во Франции может быть разделена на следующие периоды: 1) сеньориальная монархия (IX–XIII вв.); 2) сословно-представительная монархия (XIV–XV вв.); 3) абсолютная монархия (XVI–XVIII вв.).

Глубокий кризис всей феодальной системы привел в 1789 году к революции, результатом которой было крушение абсолютизма, а вместе с ним всего старого режима.

§ 1. Сеньориальная монархия

Формирование правовых основ сословного строя. В IX–XI вв. феодальные отношения во Франции получают дальнейшее развитие и становятся повсеместно господствующими. С утверждением монопольного права на землю феодалов исчезает свободное крестьянское землевладение. Одновременно в условиях господства натурального хозяйства продолжается дробление крупных сеньорий и возникновение новых поместий, что окончательно подрывало единство страны и вело к ее территориальному распаду.

Становление господствующего класса феодалов непосредственно связано с развитием феодальной собственности на землю и сложной системы вассальных отношений. Крупные феодалы не стремились сохранить свои земли в непосредственной собственности, поскольку их политический вес и сила определялись не столько размерами земельных владений, сколько количеством вассалов. Поэтому обычно феодал удерживал в своем личном распоряжении лишь часть земельных угодий, которые составляли его родовое имение с укрепленным замком. Остальные земли он раздавал вассалам.

Хотя отношения между сеньором и вассалом строились на основе договора, стороны в нем не занимали равного правового положения. Вассальный договор содержал в себе элементы иерархии и зависимости, так как получатель феода (фьефа) обязывался признавать верховенство сеньора (сюзерена). Большая экономическая и политическая значимость вассальных договоров была причиной того, что они заключались публично и посредством торжественного и тщательно разработанного обряда. Главное в нем составляло официальное введение вассала во владение землей (инвеститура) и его клятва верности своему сеньору (оммаж).

Вассальные договоры четко фиксировали обязанности сторон. Сеньор наряду с предоставлением феода должен был обеспечить защиту вассала и переданной ему земли. Обязанность вассала выражалась прежде всего в военной службе на сеньора. К XI в. установился и срок такой службы — до 40 дней в году. Вассал должен был также

участвовать в судебных и других собраниях феодалов под председательством сеньора. Денежные выплаты вассала были строго определены: выкуп сеньора из плена, подарки при посвящении в рыцарский сан его старшего сына и выходе замуж старшей дочери.

Первоначально вассальные договоры считались заключенными на срок жизни сторон, носили персональный характер. Но вскоре обязанности, связанные с ними, стали передаваться по наследству. Соответственно при уплате сеньору установленного вознаграждения (рельефа) к наследнику переходило и земельное владение, постепенно превращающееся в потомственное. Таким образом, уже к XI в. *феод*, т. е. наследственное родовое поместье, утверждается как основная форма поземельной собственности.

Если вассал нарушал клятву верности сеньору и не выполнял своих обязанностей, он должен был вернуть феод. Но юридический механизм разрешения споров между сеньорами и вассалами (в суде сеньора), как правило, был малоэффективен, так как крупные вассалы, располагавшие самостоятельной военной силой, не желали подчиняться решению суда. Это вело к многочисленным феодальным распрям и войнам. В целом к XII в. в результате острой внутриклассовой борьбы произошло некоторое расширение прав вассалов на землю и ограничение сроков их службы.

К XI в. в связи с процессом феодализации и последовательными раздачами земли возникла сложная структура класса феодалов, состоящего не только из сеньоров и вассалов, но и подвассалов разных ступеней (арьер-вассалов). В самом низу феодальной лестницы находились *рыцари (шевалье)*, которые не имели своих вассалов и выступали как сеньоры лишь по отношению к своим крестьянам.

На вершине феодальной лестницы стоял *король*, но многие крупные феодалы — *герцоги* и *графы* — считали себя равными королю (*пэрами*) и часто фактически не признавали по отношению к нему вассальных обязанностей. Слабость короля в IX–XI вв. проявлялась в том, что по его зову на военную службу являлись только его непосредственные вассалы из королевского домена, т. е. непосредственных земельных владений короля, размеры которых были относительно невелики. Основная масса феодалов (арьер-вассалов) не подчинялась королю, как, впрочем, и другим крупнейшим феодалам, так как действовал принцип: "вассал моего вассала — не мой вассал".

С середины XII в. в связи с начавшимся экономическим подъемом и ростом городов, явившихся естественным союзником королевской власти, отношения внутри класса феодалов претерпевают некоторые изменения. Короли начинают добиваться признания вассальной зависимости и клятвы верности от всех феодалов в стране. Этот процесс, в ходе которого произошло превращение арьер-вассалов в непосредственных вассалов короля, получил название *иммедиатизации*.

С XII в. практически прекращается процесс дробления земельных владений. Феодальные поместья окончательно принимают родовой характер. Доступ новых лиц в ряды феодалов становится ограниченным. Лишь королевская власть продолжает раздачу участков, захваченных в ходе войн с непокорными вассалами. Более четко фиксируется *иерархическая структура господствующего класса*, наследственный характер приобретают феодальные титулы и ранги. Таким образом, к XIII в. складываются предпосылки для формирования замкнутого сословия дворянства.

Другой путь формирования господствующего класса в IX–XII вв. был связан с развитием церковного землевладения, которое быстро росло в результате пожалований короля и других светских феодалов. Поскольку церковь требовала от священнослужителей безбрачия, их правовой статус не передавался по наследству. Нередко ряды духовенства пополнялись за счет светских феодалов. В рамках католической церкви во Франции сложилась своя сложная иерархия, причем пользование церковным имуществом связывалось с должностью, которую занимало то или иное духовное лицо.

Между светскими и духовными феодалами, а также между феодальными землевладельцами разных рангов и ступеней существовали противоречия, которые нередко вели к вооруженным столкновениям. Но, несмотря на складывавшиеся внутрисословные

перегородки, феодалы представляли собой правящую верхушку средневекового общества во Франции, которая, как единое целое, противостояла и крестьянскому, и городскому населению.

В IX–XI вв. происходит окончательное оформление класса *феодално-зависимых* крестьян. Он складывается из многочисленных категорий сельского населения, известных еще Франкской империи (свободные общинники, рабы, полусвободные и т. д.).

Подавляющее большинство крестьян (за исключением крестьян церковных земель, Нормандии, Пикардии) превращается в сервов, правовой статус которых как лично зависимых людей в известной степени был унаследован от рабства. Сервы рассматривались как простая принадлежность земли. По словам французского средневекового юриста Ф. Бомануара, "право, которое я имею на моего серва, — это право моего феода". Сервы платили подушную подать (шеваж), ежегодный оброк, выполняли барщинные работы (обычно три дня в неделю). Серв не мог жениться без согласия господина, поступать в священнослужители, быть свидетелем в судебном процессе или участвовать в судебном поединке, так как считалось, что он не должен рисковать своей жизнью, принадлежащей сеньору.

Однако личная зависимость сервов не привела к превращению их в крепостных людей. Объем их повинностей, как правило, был определен правовыми обычаями. Серв мог продать свой надел или же просто уйти от сеньора, поскольку во Франции не было общегосударственного сыска беглых крестьян.

Другую группу зависимых крестьян составляли *вилланы*. Они считались лично свободными держателями земли, принадлежащей феодалу. Вилланы уплачивали сеньору оброк (талья), размер которого также фиксировался обычаями, но был более легким, чем у сервов. До XII в. вилланы уплачивали и шеваж, но он рассматривался как оказание чести сеньору, а не как проявление личной зависимости. Как и все сельские жители, они должны были получать у сеньора (фактически выкупать за плату) *формарьяж* — разрешение на женитьбу. С XII в. большая часть вилланов освобождается от этой обязанности, внося единовременную выкупную плату. В это же время крестьяне начинают выкупать лежащую на них обязанность уплачивать сеньору специальный взнос (менморт) при получении ими земельных участков по наследству.

Все крестьянское население было обязано соблюдать феодальные монополии земельных собственников (баналитеты): печь хлеб в пекарне сеньора, жать виноград в его винодельне и т. д. Освободиться от этого бремени крестьянин мог, только отдавая часть производимой им продукции сеньору. Последний сохранял также в отношении зависимых от него крестьян "право первой ночи".

В XI–XII вв. в связи с быстрым ростом городов увеличивается новая прослойка феодального общества, имеющая особый правовой статус, — городское *население*. Первоначально правовое положение горожан мало чем отличалось от остальной массы феодально-зависимых людей. Но с XII в. во Франции начинается широкое движение за освобождение городов от власти отдельных сеньоров и за самоуправление. Королевская власть, которая не допускала самостоятельности горожан в своем домене (так, в 1137 году было жестоко подавлено городское движение в Орлеане), охотно поддерживала города, выступавшие за освобождение от сеньориальной власти. В конечном счете города путем вооруженной борьбы или иными средствами (выкупы и т. п.) добивались предоставления им специальных хартий вольностей.

Правовой статус горожан не выступал как универсальный, а был связан с конкретной городской ассоциацией. Поэтому его в принципе не могли получать дворяне, священники, сервы. Но серв в силу постоянного проживания в городе приобретал личную свободу. Даже если город оставался под непосредственной юрисдикцией короля или отдельного феодала, обязанности горожан по отношению к сеньору были ограничены и строго фиксированы. Принудительные работы и баналитеты отменялись. Устанавливались точные размеры судебных пошлин, штрафов и т. п. Однако население городов оставалось интегрированным в

феодалную систему. Городская жизнь рано начала приобретать сословно-корпоративный характер, способствовать образованию цехов и гильдий.

Возникновение и развитие сеньориальной монархии. В IX–XII вв. в условиях политической децентрализации, приведшей к глубокой территориальной раздробленности, королевская власть утратила свое былое значение. Король рассматривался феодалами как "первый среди равных" (*primus inter pares*). Фактически власть короля распространялась лишь на территорию его домена, но и там ему приходилось вести упорную борьбу с непокорными вассалами. Вне пределов королевского домена власть принадлежала крупным землевладельцам (герцогам Бургундии и Нормандии, графам Фландрии, Тулузы, Шампани и др.). Такая форма феодального государства, построенная по принципу сюзеренитета-вассалитета, может быть определена как *сеньориальная монархия*. Политическая власть в ней фактически была разделена между королем и феодалами различного уровня, связанными сеньориально-вассальными отношениями, и приобрела тем самым частноправовой характер.

Становление сеньориальной монархии (IX–XI вв.) означало упадок центральной государственной власти, подрыв внутреннего единства страны, ослабление ее внешнеполитического положения. На данном этапе развития средневекового общества во Франции эта форма государства наиболее точно отражала существующую социальную политическую реальность. В условиях экономической и политической децентрализации отдельные феодалы более эффективно осуществляли государственные функции, чем это делала королевская власть.

Сеньориальную монархию нельзя рассматривать лишь как проявление политического регресса. Она непосредственно вытекала из отношений, связанных с натуральным хозяйством и феодальной собственностью на землю, в рамках которой имело место экономическое развитие, хотя и медленное. Политическая раздробленность не могла остановить поступательного движения общества во Франции. Когда в XII–XIII вв. постепенно начинают вызревать новые экономические потребности, связанные с развитием городов и товарно-денежного хозяйства, политическая децентрализация постепенно прекращается, уступая место противоположной тенденции — неуклонному усилению королевской власти. В XIII в., особенно после реформ Людовика IX, центр политической власти в сеньориальной монархии постепенно перемещается к королю, уже реально выступающему в качестве сюзерена всех феодалов во Франции.

В IX–X вв. во Франции, когда королевская власть была особенно слабой, король избирался верховной светских и духовных феодалов, хотя и с соблюдением династического принципа. В 987 году с избранием королем Гуго Капета прекращается и сама династия Каролингов. При первых Капетингах выборность короля сохраняется, но будущий преемник правящего короля избирается еще при жизни последнего. В XII в. утверждается порядок передачи трона по наследству.

Первоначально функции королевской власти были крайне ограниченными, хотя формально у короля сохранялись некоторые традиционные привилегии. Он считался главой французского войска, законодательствовал, осуществлял суд. Но при первых Капетингах королевское законодательство (издание капитуляриев) фактически прекратилось. Другие королевские полномочия также существовали лишь в теории, а не на практике. На короля возлагались обязанности "защиты королевства и церкви", а также "поддержания мира" в стране, но он не имел реальной власти для их осуществления. Судебную власть король имел только в пределах своего домена.

С XII в. положение короля постепенно меняется, некоторые функции реализуются им более активно. Так, восстанавливается практика издания королем законодательных актов — установлении (*etablissement*), хотя для этого требовалось согласие крупных феодалов (Большого совета). В XIII в. признается, что королевский акт, которому присягнули вассалы, обязателен и для отсутствующих феодалов. Расширяется сфера судебной юрисдикции короля.

Центральная королевская администрация. В условиях феодальной раздробленности и длительного ослабления королевской власти органы центрального управления не были структурно оформлены и дифференцированы. Дворцово-вотчинная система сочеталась с управлением, основанным на вассальных отношениях.

От эпохи Каролингов сохранился королевский двор, состоявший из знатных феодалов и дворцовых слуг (*министериалов*). Главную роль в королевской администрации (до конца XII в.) играл *сенешал*. Он считался главой королевского двора, командовал армией, подписывал государственные документы. Должность сенешала находилась в руках одной из наиболее знатных феодальных семей Франции. Со временем она приобрела такой вес, что король Филипп II Август (в 1191 году) предпочел оставить эту должность незамещенной, и вскоре она прекратила свое существование. В военных делах за сенешалом следовал *коннетабль* — глава королевской конницы, помощником которого был маршал, а с XIII в. — королевский адмирал. *Королевский казначей*, которому помогал камергер, ведал государственными архивами и королевской казной. Однако в XIII в. его функции существенно сократились, так как казна была передана духовно-рыцарскому ордену тамплиеров. Королевской канцелярией руководил *канцлер*, который редактировал королевские акты, представлял их на подпись королю, а затем скреплял печатью. Влияние канцлера на государственные дела было велико, а поэтому с усилением королевской власти в XIII в. (с Людовика IX) этот пост длительное время (до 1315 года) не замещался.

Министериалы первоначально были выходцами из светских феодалов королевского домена и священников. В XIII в. в органы центрального управления все чаще привлекаются представители городов, мелкие и средние феодалы (рыцари короля), а также юристы (легисты).

Развитие феодальных отношений нашло свое отражение в собрании королевских вассалов — *курии короля* (*curia regis*), возникновение которой также относится к эпохе Каролингов. При первых Капетингах курия почти не имела значения, поскольку пэры и другие могущественные вассалы не являлись на ее заседания. Вначале в ней участвовали лишь непосредственные вассалы короля, с которыми он обсуждал вопросы политического, финансового, судебного характера. Короли прибегали к ее советам для решения вопросов о войне и мире, о крестовых походах, об отношениях с римским папой, о предполагаемой женитьбе и т. д. На одобрение курии представлялись законодательные акты короля. С XIII в. на заседания курии для решения сложных правовых вопросов все чаще стали приглашаться легисты.

Местное управление. Органы местного королевского управления создавались лишь в домене короля, где признавалась его власть. В крупных сеньориях действовала своя система местного управления. Королевские чиновники на местах осуществляли самые разнообразные функции: административные, военные, судебные, финансовые. Сфера действия местного государственного управления расширялась по мере увеличения королевского домена и присоединения владений крупных феодалов.

С середины XI в. король ввел в своем домене должность *прево*, которые назначались в специальные округа — превоства. Их помощниками в деревнях были сержанты, в городах — майоры. Прево занимался главным образом сбором средств в королевскую казну, комплектовал феодальное ополчение, решал вопросы управления и рассматривал судебные дела (с конца XII в. крупные дела были изъяты из юрисдикции прево).

С конца XII в. возникают более крупные административные единицы — бальяжи. Их границы не были четко определены, но обычно они объединяли несколько превоств. Число бальяжей росло по мере увеличения королевского домена. Во главе бальяжа стояли назначаемые королем (обычно из мелких феодалов) специальные чиновники — *балги*, созданные по образцу английских бейлифов. Балги осуществлял контроль над находившимися под его властью прево, следил за исполнением королевских законов и приказов, организовывал в масштабах бальяжа военные формирования.

Нередко короли, присоединяя крупные сеньории, не ломали сложившуюся

административно-территориальную структуру, а назначали туда специального чиновника из числа местных феодалов — *сенешала* — с функциями, в основном аналогичными бальи. Как правило, сенешальства создавались на пограничных территориях и были более независимы от королевской власти.

Бальи и сенешалы в XIII в. осуществляли правосудие от имени короля, рассматривали наиболее серьезные уголовные дела (так называемые королевские случаи), а также споры, затрагивающие интересы феодальной знати. Они принимали апелляции на приговоры прево, но постепенно стали пересматривать решения и сеньориальных судов, которые раньше считались окончательными.

Прево, бальи и сенешалы играли важную роль в укреплении финансовой базы королевской власти. Они контролировали сбор налогов, пошлин, штрафов и следили за их своевременным поступлением в королевскую казну.

Важным источником доходов казны была чеканка королевской монеты, взимание королевского налога (королевской тальи), торговых пошлин и судебных штрафов в пределах домена. Ссылаясь на чрезвычайные обстоятельства, король нередко через сенешалов и бальи требовал от крестьян, священников и нотаблей (знати) специальных денежных взносов или пожертвований.

Реформы Людовика IX. Большую роль в повышении авторитета королевской власти и укреплении центральной администрации сыграли реформы короля Людовика IX (1226–1270 гг.). Важное место среди них занимала военная реформа: создание городской милиции, отрядов наемников. В результате король в меньшей степени стал зависеть от феодального ополчения, более эффективно использовал вооруженные силы в борьбе с непокорными вассалами.

Стремясь обуздать феодальную междоусобицу, Людовик IX запретил частные войны в королевском домене. На остальной территории вводились так называемые 40 дней короля. В течение этого срока феодалы не могли начинать военные действия, с тем чтобы любая из спорящих сторон могла перенести спор в суд короля. Новый порядок существенно усиливал позиции королевской власти.

При Людовике IX из королевской курии, представлявшей ранее съезд феодалов, начинают выделяться специализированные центральные ведомства. Малый королевский совет стал постоянным совещательным органом при короле, счетная палата ведала королевскими финансами. В 1260 году на базе королевской курии был создан специальный судебный орган — *парламент*, который собирался на сессии в Париже четыре раза в год и стал высшим судом во Франции. Он состоял из назначаемых королем духовников, рыцарей, легистов — выпускников юридических факультетов университетов, активно поддерживавших королевскую власть. Первоначально короли участвовали в заседаниях Парижского парламента, но затем перестали их посещать.

Людовик IX ввел на территории домена единую королевскую монету, запретив здесь использование денег, выпущенных другими феодалами. На остальной части страны королевская монета имела право обращения наряду с местными монетами и постепенно вытесняла последние. Королевская казна получила таким образом новый источник доходов. Была создана также система специальных инспекторов, которые следили за верностью королю сенешалов и бальи, рассматривали жалобы на их действия.

Реформы Людовика IX, активно проводившего политику по преодолению феодальной раздробленности, начатую еще в начале XIII в. Филиппом II Августом, способствовали территориальному объединению страны и консолидации основной массы феодалов и городского населения вокруг короля. Таким образом, происшедшие в XIII в. изменения в общественном и государственном строе заложили основу для последующего возникновения во Франции сословно-представительной монархии.

§ 2. Сословно-представительная монархия

Изменения в правовом положении сословий в XIV–XV вв. Дальнейший рост городов и товарного производства повлек за собой не только рост численности и политической активности городского населения. Он вызвал перестройку традиционного феодального хозяйства, форм эксплуатации крестьянства. Под влиянием товарно-денежных отношений произошли существенные изменения в правовом положении крестьян. К XIV в. в большей части Франции исчезает серваж. Основная масса крестьянства представляет собой лично свободных *цензитариев*, обязанных платить сеньору денежную ренту (ценз), размер которой возрастал.

Усиление феодальной эксплуатации, а также экономические трудности, связанные со Столетней войной с Англией, вызвали обострение внутривосполитической борьбы. Это нашло свое отражение в ряде городских восстаний (особенно в Париже в 1356–1358 гг.) и крестьянских войнах (Жакерия в 1358 г.). Произошли изменения и в борьбе среди самих феодалов, что было связано с усилением королевской власти и ее столкновением в процессе объединения страны с феодальной олигархией. Во время Столетней войны было произведено много конфискаций земель крупных феодалов, изменивших французскому королю. Эти земли были розданы мелким и средним дворянам, активно поддерживавшим королевскую власть.

В XIV–XV вв. во Франции завершилась перестройка сословного строя, выразившаяся во внутренней консолидации сословий. Оформление трех крупных сословий не означало исчезновения унаследованного еще от предыдущего периода иерархического строения класса феодалов. Однако ради укрепления своих общих позиций феодалы были вынуждены поступиться былой самостоятельностью, отказаться от некоторых традиционных сеньориальных привилегий. Консолидация сословного строя означала постепенно прекращение истребительных междоусобных феодальных войн и установление новых механизмов улаживания внутрикласовых конфликтов.

Первым сословием во Франции считалось *духовенство*. Объединение всех священнослужителей в единое сословие было результатом того, что королевская власть к XIV в. одержала принципиально важную победу в борьбе с папством. Было признано, что французское духовенство должно жить по законам королевства и рассматриваться как составная часть французской нации. При этом ограничивались некоторые церковные прерогативы, которые мешали политическому объединению страны и признанию верховенства королевской власти, был сокращен круг лиц, подпадавших под церковную юрисдикцию.

С установлением единого правового статуса духовенства укрепились его важнейшие сословные привилегии. Духовенство, как и ранее, имело право на получение десятины, различных пожертвований, сохраняло свой налоговый и судебный иммунитет. Оно освобождалось от любых государственных служб и повинностей. Последнее не исключало того, что отдельные представители духовенства привлекались королем к решению важных политических вопросов, выступали в качестве его ближайших советников, занимали высокие посты в государственной администрации.

Вторым сословием в государстве являлось *дворянство*, хотя фактически в XIV–XV вв. оно играло ведущую роль в социальной и политической жизни Франции. Это сословие объединило всех светских феодалов, которые рассматривались теперь не просто как вассалы короля, а как его слуги. Дворянство представляло собой замкнутое и наследственное (в отличие от духовенства) сословие. Первоначально доступ в сословие дворян был открыт для верхушки горожан и зажиточных крестьян, которые, разбогатев, покупали земли у разорившихся дворян. Родовое дворянство, стремившееся сохранить дух феодальной кастовости, добилось того, что покупка поместий лицами неблагородного происхождения перестала давать им дворянские звания.

Важнейшей привилегией дворянства оставалось его исключительное право собственности на землю с передачей по наследству всех недвижимостей и рентных прав.

Дворяне имели право на титулы, гербы и другие знаки дворянского достоинства, на особые судебные привилегии. Они освобождались от уплаты государственных налогов. По существу единственной обязанностью дворянства становится несение военной службы королю, а не частному сеньору, как было раньше.

Дворянство по-прежнему было неоднородным. Титулованная знать — герцоги, маркизы, графы, виконты и другие — претендовала на высокие посты в армии и в государственном аппарате. Основная же масса дворянства, особенно низшего, вынуждена была довольствоваться значительно более скромным положением. Ее благополучие непосредственно связывалось с усилением эксплуатации крестьян. Поэтому мелкое и среднее дворянство энергично поддерживало королевскую власть, видя в ней главную силу, способную держать в узде крестьянские массы.

В XIV–XV вв. в основном завершилось формирование и "*третьего сословия*" (tiers etat), которое пополнялось за счет быстро растущего городского населения и увеличения числа крестьян-цензитариев. Это сословие было весьма пестрым по своему составу и практически объединило в себе трудовое население и формирующуюся буржуазию. Члены этого сословия рассматривались как "неблагородные", не имели каких-либо особых личных или имущественных прав. Они не были защищены от произвола со стороны королевской администрации и даже отдельных феодалов. Третье сословие было единственным податным сословием во Франции, и на него ложилось все бремя уплаты государственных налогов.

Сама организация третьего сословия носила феодально-корпоративный характер. Оно выступало прежде всего как совокупность городских ассоциаций. В это время не возникла еще идея равенства и всеобщности интересов членов третьего сословия, оно не осознало себя единой общенациональной силой.

Образование сословно-представительной монархии. В начале XIV в. во Франции на смену сеньориальной монархии приходит новая форма феодального государства — *сословно-представительная монархия*. Становление сословно-представительной монархии здесь неразрывно связано с прогрессивным для данного периода процессом политической централизации (уже к началу XIV в. было объединено 3/4 территории страны), дальнейшим возвышением королевской власти, ликвидацией самовластия отдельных феодалов.

Сеньориальная власть феодалов по существу утратила свой самостоятельный политический характер. Короли лишили их права собирать налоги на политические цели. В XIV в. было установлено, что для взимания сеньориальной подати (тальи) необходимо согласие королевской власти. В XV в. Карл VII вообще отменил сбор тальи отдельными крупными сеньорами. Король запрещал феодалам устанавливать и новые косвенные налоги, что привело постепенно к их полному исчезновению. Людовик XI отнял у феодалов право чеканить монету. В XV в. в обращении во Франции была лишь единая королевская монета.

Короли лишали феодалов и их традиционной привилегии — вести частные войны. Лишь отдельные крупные феодалы сохраняли в XV в. свои независимые армии, которые давали им некоторую политическую автономию (Бургундия, Бретань, Арманьяк).

Постепенно исчезло сеньориальное законодательство, а также посредством расширения круга дел, составлявших "королевские случаи", существенно ограничивалась сеньориальная юрисдикция. В XIV в. была предусмотрена возможность апелляции на любое решение судов отдельных феодалов в Парижский парламент. Этим окончательно был разрушен принцип, согласно которому сеньориальная юстиция считалась суверенной.

На пути французских королей, стремившихся к объединению страны и к усилению личной власти, в течение ряда веков было еще одно серьезное политическое препятствие — римско-католическая церковь. Французская корона никогда не соглашалась с притязаниями папства на мировое господство, но, не чувствуя необходимой политической поддержки, избегала открытой конфронтации. Такое положение не могло сохраняться бесконечно, и к концу XIII — началу XIV в. окрепшая королевская власть становилась все более несовместимой с политикой римской курии. Король Филипп Красивый бросил вызов римскому папе Бонифацию VIII, потребовав от французского духовенства субсидий для

ведения войны с Фландрией и распространив королевскую юрисдикцию на все привилегии клира. В качестве ответной меры папа издал в 1301 году буллу, в которой грозил королю отлучением от церкви. Этот конфликт закончился победой светской (королевской) власти над духовной и переносом под давлением французских королей резиденции римских пап в г. Авиньон (1309–1377 гг.) — так называемое "авиньонское пленение пап".

Победа французской короны над римским папством, постепенная ликвидация самостоятельных прав феодалов сопровождалась в XIV–XV вв. неуклонным возрастанием авторитета и политического веса королевской власти. Большую роль в юридическом обосновании этого процесса сыграли легисты. Легисты отстаивали приоритет светской власти над церковной, отрицали божественное происхождение королевской власти во Франции: "Король получил королевство ни от кого другого, кроме как от себя, и с помощью своей шпаги".

В 1303 году была выдвинута формула: "король является императором в своем королевстве". Она подчеркивала полную независимость французского короля в международных отношениях, в том числе и от германо-римского императора. Французский король, согласно утверждениям легистов, имел все прерогативы римского императора.

Со ссылкой на известный принцип римского права легисты утверждали, что король сам является верховным законом, а следовательно, может создавать законодательство по своей воле. Для принятия законов королю уже не требовался созыв вассалов или согласие королевской курии. Был выдвинут также тезис: "всякое правосудие проистекает от короля", в соответствии с которым король получил право рассматривать любое судебное дело сам или же делегировать это право своим слугам.

Сословно-представительная монархия утвердилась на определенном этапе централизации страны, когда не были до конца преодолены автономные права феодальных сеньоров, католической церкви, городских корпораций и т. д. Решая важные общенациональные задачи и принимая на себя ряд новых государственных функций, королевская власть постепенно ломала политическую структуру, характерную для сеньориальной монархии. Но при осуществлении своей политики она сталкивалась с мощной оппозицией феодальной олигархии, сопротивление которой не могла преодолеть лишь собственными средствами. Поэтому политическая сила короля в значительной мере проистекала от той поддержки, которую он получал от феодальных сословий.

Именно к началу XIV в. окончательно оформляется построенный на политическом компромиссе, а поэтому не всегда прочный союз короля и представителей разных сословий, в том числе и третьего сословия. Политическим выражением этого союза, в котором каждая из сторон имела свои специфические интересы, стали особые сословно-представительные учреждения — Генеральные штаты и провинциальные штаты.

Генеральные штаты. Возникновение Генеральных штатов положило начало изменению формы государства во Франции — превращению его в сословно-представительную монархию.

Появлению Генеральных штатов как особого государственного органа предшествовали расширенные собрания королевской курии (консилиумы и т. д.), имевшие место еще в XII–XIII вв. Созыв Генеральных штатов королем Филиппом IV Красивым в 1302 году (само название "Etats generaux" стало использоваться позднее — с 1484 года) имел под собой вполне конкретные исторические причины: неудачная война во Фландрии, серьезные экономические трудности, спор короля с римским папой. Но создание общенационального сословно-представительного учреждения было и проявлением объективной закономерности в развитии монархического государства во Франции.

Периодичность созыва Генеральных штатов не была установлена. Этот вопрос решал сам король в зависимости от обстоятельств и политических соображений. Каждый созыв штатов был индивидуальным и определялся исключительно усмотрением короля. Высшее духовенство (архиепископы, епископы, аббаты), а также крупные светские феодалы приглашались лично. Генеральные штаты первых созывов не имели выборных

представителей от дворянства. Позднее утверждается практика, согласно которой среднее и мелкое дворянство избирает своих депутатов. Выборы проводились также от церквей, конвентов монастырей и городов (по 2–3 депутата). Но горожане и особенно легисты иногда избирались и от сословий духовенства и дворянства. Примерно 1/7 часть Генеральных штатов составляли юристы. Депутаты от городов представляли их патрицианско-бюргерскую верхушку. Таким образом, Генеральные штаты всегда были органом, представляющим имущие слои французского общества.

Вопросы, выносимые на рассмотрение Генеральных штатов, и продолжительность их заседаний также определялись королем. Король прибегал к созыву Генеральных штатов для того, чтобы получить поддержку сословий по разным поводам: борьба с орденом тамплиеров (1308 год), заключение договора с Англией (1359 год), религиозные войны (1560, 1576, 1588 гг.) и т. д. Король запрашивал мнение Генеральных штатов по ряду законопроектов, хотя формально их согласия на принятие королевских законов не требовалось. Но чаще всего причиной созыва Генеральных штатов была нужда короля в деньгах, и он обращался к сословиям с просьбой о финансовой помощи или разрешении на очередной налог, который мог собираться только в пределах одного года. Лишь в 1439 году Карлом VII было получено согласие на взимание постоянной королевской талли. Но если речь шла об установлении каких-либо дополнительных налогов, то, как и прежде, требовалось согласие Генеральных штатов.

Генеральные штаты обращались к королю с просьбами, жалобами, протестами. Они имели право вносить предложения, критиковать деятельность королевской администрации. Но поскольку существовала определенная связь между просьбами сословий и их голосованием по запрашиваемым королем субсидиям, последний в ряде случаев уступал Генеральным штатам и издавал по их просьбе соответствующий ордонанс.

Генеральные штаты в целом не были простым инструментом королевской знати, хотя объективно они помогли ей усилиться и укрепить свои позиции в государстве. Они в ряде случаев противостояли королю, уклоняясь от вынесения удобных ему решений. Когда сословия проявляли неуступчивость, короли длительное время их не собирали (например, с 1468 по 1484 г.). После 1484 года Генеральные штаты практически вообще перестали собираться (до 1560 года).

Наиболее острый конфликт Генеральных штатов с королевской властью произошел в 1357 году в момент восстания горожан в Париже и пленения французского короля Иоанна англичанами. Генеральные штаты, в работе которых приняли участие главным образом представители третьего сословия, выдвинули программу реформ, получившую название *Великий мартовский ордонанс*. Взамен предоставления королевской власти субсидий они потребовали, чтобы сбор и расходование денежных средств производились самими Генеральными штатами, которые должны были собираться три раза в год, и без созыва их королем. Были избраны "генеральные реформаторы", которые наделялись полномочиями контролировать деятельность королевской администрации, увольнять отдельных чиновников и наказывать их, вплоть до применения смертной казни. Однако попытка Генеральных штатов закрепить за собой постоянные финансовые, контролирующие и даже законодательные полномочия не имела успеха. После подавления в 1358 году Парижского восстания и Жакерии королевская власть отвергла требования, содержащиеся в Великом мартовском ордонансе.

В Генеральных штатах каждое сословие собиралось и обсуждало вопросы отдельно. Только в 1468 и 1484 гг. все три сословия проводили свои заседания совместно. Голосование обычно организовывалось по бальяжам и сенешальствам, где и избирались депутаты. Если обнаруживались различия в позиции сословий, голосование проводилось по сословиям. В этом случае каждое сословие имело один голос и в целом феодалы всегда имели перевес над третьим сословием.

Депутаты, избранные в Генеральные штаты, наделялись императивным мандатом. Их позиция по вопросам, выносимым на обсуждение, в том числе при голосовании, была

связана инструкцией избирателей. После возвращения с заседания депутат должен был отчитаться перед избирателями.

В ряде регионов Франции (Прованс, Фландрия) с конца XIII в. возникают местные сословно-представительные учреждения. Сначала они назывались "консилиум", "парламент" или просто "люди трех сословий". К середине XV в. стали употреблять термины "штаты Бургундии", "штаты Дофина" и т. д. Название "провинциальные штаты" закрепилось лишь в XVI в. К концу XIV в. было 20 местных штатов, в XV в. они имелись практически в каждой провинции. В провинциальные штаты, так же как и в Генеральные штаты, крестьяне не допускались. Нередко короли выступали против отдельных провинциальных штатов, поскольку они оказывались под сильным влиянием местных феодалов (в Нормандии, Лангедоке), и проводили политику сепаратизма.

Центральное и местное управление. Возникновение сословно-представительной монархии и постепенная концентрация политической власти в руках короля не повлекли за собой сразу же создания нового аппарата государственного управления.

Центральные органы управления не подверглись существенной реорганизации. В это же время утверждается важный принцип, что король не связан мнением своих советников, а, напротив, все административные и иные властные полномочия государственных чиновников проистекают от короля. Из прежних должностей, которые превратились теперь в придворные титулы, сохранила свое значение только должность канцлера, ставшего ближайшим помощником короля. *Канцлер*, как и раньше, являлся главой королевской канцелярии, он составлял теперь многочисленные королевские акты, назначал на судебные должности, председательствовал в королевской курии и в совете в отсутствие короля.

Дальнейшее развитие централизации проявилось в том, что важное место в системе центрального управления занял созданный на базе королевской курии *Большой совет* (с 1314 по 1497 г.). В этот совет входили легисты, а также 24 представителя высшей светской и духовной знати (принцы, пары Франции, архиепископы и т. д.). Совет собирался один раз в месяц, но его полномочия носили исключительно совещательный характер. По мере укрепления королевской власти его значение уменьшается, король чаще прибегает к созыву узкого, тайного совета, состоящего из лиц, приглашенных по его усмотрению.

Появляются и новые должности в центральном королевском аппарате, подбираемые из легистов и преданных королю незнатных дворян, — клерки, секретари, нотариусы и т. п. Эти должности не всегда имели четко обозначенные функции, не были организационно сведены в единый аппарат управления.

Прево и бальи, которые ранее были основными органами местной администрации, в XIV в. теряют ряд своих функций, в частности военную. Это связано с падением значения феодального ополчения. Многие судебные дела, которые ранее рассматривали бальи, переходят к назначаемым ими лейтенантам. С конца XV в. короли непосредственно назначают в бальяжи *лейтенантов*, а бальи превращаются в промежуточное и слабое административное звено.

Стремясь к централизации местного управления, короли вводят новые должности *губернаторов*. В некоторых случаях губернаторы, получавшие звание королевского лейтенанта, имели чисто военные функции. В других случаях они назначались в бальяж, заменяя бальи и получая более широкие полномочия: запрещать строить новые замки, не допускать частные войны и т. д.

В XIV в. появляются такие должностные лица, как *генерал-лейтенанты*, назначаемые обычно из принцев крови и знатного дворянства. Сначала эта должность учреждалась на короткий срок и с узкими полномочиями: освобождение от уплаты некоторых налогов, помилование и т. п. В XV в. число генерал-лейтенантов увеличилось и сроки их деятельности возросли. Обычно они управляли группой бальяжей или административным округом, который в конце XV в. стал называться провинцией.

Централизация на местах затронула и городскую жизнь. Короли часто лишали города статуса коммун, изменяли ранее изданные хартии, ограничивали права горожан. Королевская

администрация начинает контролировать выборы городской администрации, подбирая угодных кандидатов. Над городами была установлена система административной опеки. Хотя в XV в. коммуны в некоторых городах были восстановлены, они полностью интегрировались в королевскую администрацию. Городская аристократия по-прежнему пользовалась ограниченным самоуправлением, но на всех важных заседаниях городских советов, как правило, председательствовал королевский чиновник.

Организация финансового управления. Отсутствие стабильной финансовой базы долгое время сказывалось на общем положении королевской власти, тем более что огромных расходов потребовала Столетняя война. Первое время важным источником поступления средств в государственную казну оставались доходы с домена и от чеканки монет, причем короли, стремясь укрепить свое финансовое положение, нередко выпускали неполноценные деньги. Однако постепенно основным источником пополнения казны становится сбор королевских налогов. В 1369 году был узаконен постоянный сбор таможенной пошлины и соляного налога. С 1439 года, когда Генеральные штаты санкционировали взимание постоянной королевской талли, финансовое положение короля существенным образом укрепилось. Размеры талли неуклонно увеличивались. Так, при Людовике XI (1461–1483 гг.) она выросла в три раза.

В этот же период возникают специализированные органы финансового управления. В начале XIV в. было создано королевское казначейство, а затем из королевской курии выделилась специальная *счетная палата*, которая давала королю советы по вопросам финансов, проверяла доходы, поступающие от талли, и т. д. При Карле VII Франция была разделена на генеральства (женералите) в фискальных целях. Поставленные во главе их генералы имели ряд административных, но прежде всего налоговых функций.

Организация вооруженных сил. Общая перестройка управления затронула и армию. Продолжает сохраняться феодальное ополчение, но с XIV в. король требует непосредственной военной службы от всего дворянства. В 1314 году крупные сеньоры оспорили этот порядок, но в годы Столетней войны он утвердился окончательно.

Постепенно достигалась основная цель королевской власти — создание самостоятельной вооруженной силы, являющейся надежным инструментом централизованной государственной политики. Укрепление финансовой базы короля позволило ему создать наемную вооруженную силу (из немцев, шотландцев и др.), организованную в ударные отряды. В 1445 году, получив возможность взимать постоянный налог, Карл VII организует регулярную королевскую армию с централизованным руководством и четкой системой. По всему королевству были также расквартированы постоянные гарнизоны, призванные не допускать возрождения феодальной смуты.

Судебная система. Королевская администрация проводила политику унификации и в судебном деле, несколько ограничивая церковную и вытесняя сеньориальную юрисдикцию. Судебная система по-прежнему была крайне запутанной, суд не был отделен от администрации.

Мелкие судебные дела решал прево, но дела о серьезных преступлениях (так называемые королевские случаи) рассматривались в суде талли, а в XV в. — в суде под председательством лейтенанта. В суде талли принимало участие местное дворянство, королевский прокурор. Поскольку прево, талли, а позднее и лейтенанты назначались и увольнялись по усмотрению короля, вся судебная деятельность полностью контролировалась королем и его администрацией. Выросла роль Парижского парламента, члены которого с 1467 года стали назначаться не на один год, как раньше, а пожизненно. Парламент превратился в высший суд по делам феодальной знати, стал важнейшей апелляционной инстанцией по всем судебным делам. Наряду с осуществлением чисто судебных функций парламент в первой половине XIV в. приобретает право регистрации королевских ордонансов и других королевских документов. С 1350 года регистрация законодательных актов в Парижском парламенте становится обязательной. Низшие суды и парламенты других городов при вынесении своих решений могли пользоваться только зарегистрированными

королевскими ордонансами. Если Парижский парламент находил в регистрируемом акте неточности или же отступление от "законов королевства", он мог заявить *ремонтрацию* (возражение) и отказать такому акту в регистрации. Ремонтрация преодолевалась только посредством личного присутствия короля на заседании парламента. В конце XV в. парламент неоднократно использовал свое право ремонтрации, что повышало его авторитет среди других государственных органов, но привело в конечном счете к конфликту с королевской властью.

§ 3. Абсолютная монархия

Изменения в правовом положении сословий в XVI–XVIII вв. Возникновение абсолютизма как новой формы монархии во Франции вызвано глубинными изменениями, которые произошли в сословно-правовой структуре страны. Эти изменения были вызваны прежде всего зарождением капиталистических отношений. Становление капитализма шло быстрее в промышленности и в торговле, в сельском хозяйстве для него все большей преградой становилась феодальная собственность на землю. Серьезным тормозом на пути общественного прогресса становился архаичный, вступающий в противоречие с потребностями капиталистического развития сословный строй. К XVI в. французская монархия утратила существовавшие ранее представительные учреждения, но сохранила свою сословную природу.

Как и прежде, первым сословием в государстве было *духовенство*, насчитывавшее около 130 тыс. человек (при 15 млн. населения страны) и державшее в своих руках 1/5 всех земель. Духовенство, полностью сохраняя свою традиционную иерархию, отличалось большой неоднородностью. Между верхушкой церкви и приходскими священниками усилились противоречия. Духовенство проявляло единство только в своем ревностном стремлении удержать сословные, число феодальные привилегии (взимание десятины и др.).

Более тесной стала связь духовенства с королевской властью и дворянством. Согласно конкордату, заключенному в 1516 году Франциском I и римским папой, король получил право назначения на церковные должности. Все высшие церковные посты, связанные с большим богатством и почестями, предоставлялись дворянской знати. Многие младшие сыновья дворян стремились получить тот или иной духовный сан. В свою очередь представители духовенства занимали важные, а иногда и ключевые посты в государственном управлении (Ришелье, Мазарини и др.). Таким образом, между первым и вторым сословиями, имевшими ранее глубокие противоречия, сложились более прочные политические и личные узы.

Господствующее место в общественной и государственной жизни французского общества занимало сословие *дворян*, насчитывавшее примерно 400 тыс. человек. Только дворяне могли владеть феодальными поместьями, а поэтому в их руках находилась большая часть (3/5) земли в государстве. В целом светские феодалы (вместе с королем и членами его семьи) держали 4/5 земель во Франции. Дворянство окончательно превратилось в чисто личный статус, приобретаемый главным образом по рождению. Требовалось доказывать свое дворянское происхождение до третьего-четвертого колена. В XII в. в связи с участвовавшими подделками дворянских документов была учреждена специальная администрация, контролировавшая дворянское происхождение.

Дворянство предоставлялось также в результате пожалования специальным королевским актом. Это было связано, как правило, с покупками богатыми буржуа должностей в государственном аппарате, в чем была заинтересована королевская власть, постоянно испытывавшая нужду в деньгах. Такие лица обычно назывались дворянами мантий, в отличие от дворян шпаги (потомственных дворян). Старое родовое дворянство (придворная и титулованная знать, верхушка провинциального дворянства) с презрением относилось к "выскачкам", получившим звание дворянина благодаря своим должностным мантиям. К середине XVIII в. было примерно 4 тыс. дворян мантий. Их дети должны были

нести военную службу, но затем, после соответствующей выслуги (25 лет), становились дворянами шпаги.

Несмотря на различия в родовитости и должностях, дворяне имели ряд важных общесословных привилегий: право на титул, на ношение определенной одежды и оружия, в том числе при дворе короля, и т. п. Дворяне были освобождены от уплаты налогов и от всяких личных повинностей. Они имели преимущественное право назначения на придворные, государственные и церковные должности. Некоторые придворные должности, которые давали право на получение высоких окладов и не были обременены какими-либо служебными обязанностями (так называемые *синекуры*), были зарезервированы за дворянской знатью. Дворяне имели преимущественное право на обучение в университетах, в военной королевской школе. Вместе с тем дворяне в период абсолютизма утратили некоторые свои старые и число феодальные привилегии: право на самостоятельное управление, право на дуэль и т. д.

Подавляющую массу населения во Франции в XVI–XVII вв. составляло *третье сословие*, которое все более становилось неоднородным. В нем усилилась социальная и имущественная дифференциация. В самом низу третьего сословия находились крестьяне, ремесленники, чернорабочие, безработные. На верхних его ступенях стояли лица, из которых формировался класс буржуазии: финансисты, торговцы, цеховые мастера, нотариусы, адвокаты.

Несмотря на рост городского населения и его увеличивавшийся вес в общественной жизни Франции, значительную часть третьего сословия составляло крестьянство. В связи с развитием капиталистических отношений в его правовом положении произошли изменения. Практически исчезли *серваж*, *формарьяж*, "право первой ночи". Менморт по-прежнему предусматривался в правовых обычаях, но применялся редко. С проникновением товарно-денежных отношений в деревню из крестьян выделяются зажиточные фермеры, капиталистические арендаторы, сельскохозяйственные рабочие. Однако подавляющее большинство крестьян было *цензитариями*, т. е. держателями сеньориальной земли с вытекающими отсюда традиционными феодальными обязанностями и повинностями. Цензитарии к этому времени почти полностью были освобождены от барщинных работ, но зато дворянство постоянно стремилось к увеличению ценза и других поземельных поборов. Дополнительными обременениями для крестьян были баналитеты, а также право сеньора охотиться на крестьянской земле.

Исключительно тяжелой и разорительной для крестьянства была система многочисленных прямых и косвенных налогов. Королевские сборщики взымали их, нередко прибегая к прямому насилию. Часто королевская власть отдавала сбор налогов на откуп банкирам и ростовщикам. Откупщики проявляли такое рвение при взимании законных и незаконных сборов, что многие крестьяне были вынуждены продавать свои постройки и инвентарь и уходить в город, пополняя ряды рабочих, безработных и нищих.

Возникновение и развитие абсолютизма. Неизбежным результатом формирования капиталистического уклада и начавшегося разложения феодализма было становление абсолютизма. В переходе к абсолютизму, хотя он сопровождался дальнейшим усилением самовластия короля, были заинтересованы самые широкие слои французского общества XVI–XVII вв. Абсолютизм был необходим дворянству и духовенству, поскольку для них в связи с ростом экономических трудностей и политического давления со стороны третьего сословия укрепление и централизация государственной власти стали единственной возможностью сохранить на какое-то время свои обширные сословные привилегии.

В абсолютизме была заинтересована и крепнущая буржуазия, которая не могла еще претендовать на политическую власть, но нуждалась в королевской защите от феодальной вольницы, вновь всколыхнувшейся в XVI веке в связи с Реформацией и религиозными войнами. Установление мира, справедливости и общественного порядка было заветной мечтой основной массы французского крестьянства, связывающего свои надежды на лучшее будущее с сильной и милосердной королевской властью.

Когда внутренняя и внешняя оппозиция королю (в том числе и со стороны церкви) была преодолена, а единое духовное и национальное самосознание объединило широкие массы французов вокруг трона, королевская власть сумела существенным образом укрепить свои позиции в обществе и государстве. Получившая широкую общественную поддержку и опирающаяся на возросшую государственную мощь королевская власть приобрела в условиях перехода к абсолютизму большой политический вес и даже относительную самостоятельность по отношению к породившему ее обществу.

Становление абсолютизма в XVI в. имело прогрессивный характер, поскольку королевская власть способствовала завершению территориального объединения Франции, формированию единой французской нации, более быстрому развитию промышленности и торговли, рационализации системы административного управления. Однако по мере усиливающегося упадка феодального строя в XVII–XVIII вв. абсолютная монархия, в том числе и в силу саморазвития самих ее властных структур, все более возвышаясь над обществом, отрывается от него, вступает с ним в неразрешимые противоречия. Таким образом, в политике абсолютизма с неизбежностью проявляются и приобретают первенствующее значение реакционные и авторитарные черты, в том числе открытое пренебрежение к достоинству и правам личности, к интересам и благу французской нации в целом. Хотя королевская власть, используя в своих корыстных целях политику меркантилизма и протекционизма, неизбежно подстегивала капиталистическое развитие, абсолютизм никогда не ставил своей целью защиту интересов буржуазии. Напротив, он использовал всю мощь феодального государства для того, чтобы спасти обреченный историей феодальный строй вместе с классовыми и сословными привилегиями дворянства и духовенства.

Историческая обреченность абсолютизма стала особенно очевидной в середине XVIII в., когда глубокий кризис феодальной системы привел к упадку и разложению всех звеньев феодального государства. Крайнего предела достиг судебный произвол. Символом бессмысленного расточительства и времяпрепровождения (бесконечные балы, охоты и другие развлечения) стал сам королевский двор, который называли "могилой нации".

Усиление королевской власти. Верховная политическая власть при абсолютной монархии всецело переходит к королю и не делится им с какими-то государственными органами. Для этого королям необходимо было преодолеть политическую оппозицию феодальной олигархии и католической церкви, ликвидировать сословно-представительные учреждения, создать централизованный бюрократический аппарат, постоянную армию, полицию.

Уже в XVI в. Генеральные штаты практически перестают функционировать. В 1614 году они были созваны в последний раз, вскоре были распущены и уже не собирались до 1789 года. Некоторое время для рассмотрения проектов важных реформ и решения финансовых вопросов король собирал нотаблей (феодальную знать). В XVI в. (по Болонскому конкордату 1516 года и Нантскому эдикту 1598 года) король полностью подчинил себе католическую церковь во Франции.

В качестве своеобразной политической оппозиции королевской власти в XVI–XVII вв. выступил Парижский парламент, который к этому времени превратился в оплот феодальной знати и неоднократно использовал свое право ремонстрации и отклонял королевские акты. Королевским ордонансом в 1667 году было установлено, что ремонстрация может быть заявлена лишь в течение определенного срока после издания королем ордонанса, а повторная ремонстрация не допускается. В 1668 году король Людовик XIV, — явившись в Парижский парламент, собственноручно изъял из его архива все протоколы, относящиеся к периоду Фронды, т. е. к антиабсолютистским выступлениям середины XVII в. В 1673 году им же было решено, что парламент не имеет права отказывать в регистрации королевских актов, а ремонстрация может быть заявлена лишь отдельно. Практически это лишило парламент его важнейшей прерогативы — опротестовывать и отклонять королевское законодательство.

Изменилось и общее представление о власти короля и о характере его конкретных полномочий. В 1614 году по предложению Генеральных штатов французская монархия была объявлена божественной, а власть короля стала рассматриваться как священная. Вводилось новое официальное титулование короля: "король божьей милостью". Окончательно утверждаются представления о суверенитете и неограниченной власти короля. Все чаще государство начинает отождествляться с личностью короля, что нашло свое крайнее выражение в высказывании, приписываемом Людовику XIV: "Государство — это я!".

Представление о том, что абсолютизм зиждется на божественном праве, не означало восприятия идеи личной власти короля, тем более отождествления ее с деспотизмом. Королевские прерогативы не выходили за рамки законного порядка, и считалось, что "король трудится для Государства".

Вообще французский абсолютизм основывался на концепции неразрывной связи короля и государства, поглощения первого вторым. Считалось, что сам король, его имущество, его семья принадлежат французскому государству и нации. Юридически король признавался источником любой власти, которая не подлежала какому-либо контролю. Это, в частности, привело к закреплению полной свободы короля в сфере законодательства. При абсолютизме законодательная власть принадлежит только ему одному по принципу: "один король, один закон". У короля было право назначения на любую государственную и церковную должность, хотя это право могло быть делегировано им нижестоящим чиновникам. Он являлся окончательной инстанцией во всех вопросах государственного управления. Король принимал важнейшие внешнеполитические решения, определял экономическую политику государства, устанавливал налоги, выступал высшим распорядителем государственных средств. От его имени осуществлялась судебная власть.

Создание централизованного аппарата управления. При абсолютизме центральные органы разрослись и усложнились. Однако сами феодальные методы управления препятствовали созданию стабильной и четкой государственной администрации. Нередко королевская власть создавала по своему усмотрению новые государственные органы, но затем они вызывали ее же неудовольствие, реорганизовывались или упразднялись.

В XVI в. появляются должности *государственных секретарей*, один из которых, особенно в случаях, когда король был несовершеннолетним, выполнял фактически функции первого министра. Формально такая должность отсутствовала, но Ришелье, например, совмещал в одном лице 32 государственных поста и титула. Но при Генрихе IV, Людовике XIV, а также при Людовике XV (после 1743 года) король сам осуществлял руководство управлением в государстве, убирая из своего окружения лиц, которые могли иметь на него большое политическое влияние.

Старые государственные должности ликвидируются (например, коннетабль в 1627 году) или теряют всякое значение и превращаются в простые sinecуры. Сохраняет свой быллой вес лишь *канцлер*, который становится после короля вторым лицом в государственном управлении.

Потребность в специализированной центральной администрации привела в конце XVI в. к возрастанию роли *государственных секретарей*, которым поручаются определенные сферы управления (иностранное дело, военные дела, морские дела и колонии, внутренние дела). При Людовике XIV государственные секретари, которые первоначально (особенно при Ришелье) играли чисто вспомогательную роль, приближаются к особе короля, выполняют роль его личных чиновников.

Расширение круга функций государственных секретарей ведет к быстрому росту центрального аппарата, к его бюрократизации. В XVIII в. вводится должность заместителей государственных секретарей, при них создаются значительные по размерам бюро, которые в свою очередь делятся на секции, со строгой специализацией и иерархией чиновников.

Большую роль в центральном управлении играл сначала *суперинтендант финансов* (при Людовике XIV был заменен Советом по делам финансов), а затем *Генеральный контролер финансов*. Этот пост приобрел огромное значение начиная с Кольбера (1665

год), который не только составлял государственный бюджет и непосредственно руководил всей экономической политикой Франции, но практически контролировал деятельность администрации, организовывал работы по составлению королевских законов. При Генеральном контролере финансов со временем также возник большой аппарат, состоявший из 29 различных служб и многочисленных бюро.

Неоднократной перестройке подвергалась и система королевских советов, выполнявших совещательные функции. Людовик XIV в 1661 году создал *Большой совет*, куда входили герцоги и другие пэры Франции, министры, государственные секретари, канцлер, который председательствовал в нем в отсутствие короля, а также специально назначаемые государственные советники (главным образом из дворян мантий). Этот совет рассматривал важнейшие государственные вопросы (отношения с церковью и т. д.), обсуждал проекты законов, в некоторых случаях принимал административные акты и решал важнейшие судебные дела. Для обсуждения внешнеполитических дел созывался более узкий по составу *Верхний совет*, куда обычно приглашались государственные секретари по иностранным и военным делам, несколько государственных советников. Совет *депеш* обсуждал вопросы внутреннего управления, принимал решения, относящиеся к деятельности администрации. Совет по вопросам *финансов* разрабатывал финансовую политику, изыскивал новые источники поступления средств в государственную казну.

Управление на местах отличалось особой сложностью и запутанностью. Некоторые должности (например, бальи) сохранились от предшествующей эпохи, но их роль неуклонно падала. Появились многочисленные специализированные службы на местах: судебное управление, финансовое управление, надзор за дорогами и т. д. Территориальные границы этих служб и их функции не были точно определены, что порождало многочисленные жалобы и споры. Особенности местной администрации нередко проистекали из сохранения в некоторых частях королевства старой феодальной структуры (границ бывших сеньорий), церковной земельной собственности. Поэтому политика централизации, которую проводила королевская власть, не затронула в равной степени всю территорию Франции.

В начале XVI в. в качестве органа, проводившего политику центра на местах, были *губернаторы*. Они назначались и смещались королем, но со временем эти должности оказались в руках знатных дворянских семей. К концу XVI в. действия губернаторов в ряде случаев стали независимыми от центрального управления, что противоречило общему направлению королевской политики. Поэтому постепенно короли сводят их полномочия к сфере чисто военного управления.

Для укрепления своих позиций в провинциях короли, начиная с 1535 года, посылают туда комиссаров с разными временными поручениями, но вскоре последние становятся постоянными должностными лицами, инспектирующими суд, администрацию городов, финансы. Во второй половине XVI в. им дается титул *интендантов*. Они действовали уже не просто как контролеры, а как настоящие администраторы. Их власть стала приобретать авторитарный характер. Генеральные штаты в 1614 году, а затем собрания нотаблей протестовали против действий интендантов. В первой половине XVII в. полномочия последних были несколько ограничены, а в период Фронды должность интенданта вообще была упразднена.

В 1653 году система интендантов была вновь восстановлена, и они стали назначаться в специальные финансовые округа. Интенданты имели прямые связи с центральным правительством, прежде всего с Генеральным контролером финансов. Функции интендантов были чрезвычайно широки и не ограничивались финансовой деятельностью. Они осуществляли контроль за фабриками, банками, дорогами, судоходством и т. д., собирали различные статистические сведения, относящиеся к промышленности и сельскому хозяйству. На них возлагалась обязанность поддерживать общественный порядок, наблюдать за нищими и бродягами, вести борьбу с ересью. Интенданты следили за набором рекрутов в армию, за расквартированием войск, обеспечением их продовольствием и т. д. Наконец, они могли вмешиваться в любой судебный процесс, проводить расследование от имени короля,

председательствовать в судах бальяжа или сенешальства.

Централизация коснулась и городского управления. Муниципальные советники (эшвены) и мэры перестали избираться, а назначались королевской администрацией (обычно за соответствующую плату). В деревнях постоянной королевской администрации не было, а низовые административные и судебные функции возлагались на крестьянские общины и общинные советы. Однако в условиях всеилия интендантов сельское самоуправление уже в конце XVII в. приходит в упадок.

Государственные финансы. Главным источником поступления денежных средств в казну были налоги, важнейшим из которых оставалась *талья*. Большое значение имела также *капитация* — подушная подать, введенная первоначально Людовиком XIV для покрытия военных расходов. Все налоги распределялись между представителями третьего сословия, тогда как высшие сословия, имевшие громадные доходы, были полностью от них освобождены.

Важным источником поступлений в королевскую казну были также и косвенные налоги, число которых постоянно росло. Особенно тяжелым для населения был налог на соль (габель). В казну поступали также сборы от торговых пошлин, доходы от королевских монополий (почтовая, табачная и др.). Широко практиковались государственные займы.

Несмотря на возросшие доходы, государственный бюджет сводился с огромным дефицитом, что было вызвано не только большими расходами на постоянную армию и разбухший бюрократический аппарат. Огромные средства шли на содержание самого короля и его семьи, на проведение королевских охот, пышных приемов, балов и иных увеселений.

Судебная система. Несмотря на усиливающуюся централизацию судебной системы, она также оставалась архаичной и сложной. В некоторых частях Франции вплоть до XVIII в. сохранилась сеньориальная юстиция. Королевские ордонансы лишь регламентировали порядок ее осуществления. Иногда короли выкупали сеньориальное право суда, как, например в 1674 году в сеньориях, примыкающих к Парижу. Самостоятельную систему представляли собой церковные суды, юрисдикция которых уже ограничивалась в основном внутрицерковными делами. Существовали и специализированные трибуналы: коммерческие, банковские, адмиралтейские и др.

Крайне запутанной была и система королевских судов. Низшие суды в превоствах к середине XVIII в. были ликвидированы. Сохранились суды в бальяжах, хотя их состав и компетенция постоянно изменялись. Важную роль, как и прежде, играл Парижский парламент и судебные парламенты в других городах. Для разгрузки парламентов от растущих апелляционных жалоб королевский эдикт в 1552 году предусмотрел создание особых апелляционных судов в ряде наиболее крупных бальяжей по рассмотрению уголовных и гражданских дел.

Армия и полиция. В период абсолютизма завершилось создание централизованно построенной постоянной армии, которая была одной из крупнейших в Европе, а также регулярного королевского флота.

При Людовике XIV была проведена важная военная реформа, суть которой состояла в отказе от найма иностранцев и в переходе к вербовке рекрутов из местного населения (матросов — из прибрежных провинций). Солдаты вербовались из низших слоев третьего сословия, нередко из деклассированных элементов, из "лишних людей", быстрый рост числа которых в связи с процессом первоначального накопления капитала создавал взрывоопасную обстановку. Поскольку условия солдатской службы были крайне тяжелыми, вербовщики часто прибегали к обманам и хитростям. В армии процветала палочная дисциплина. Солдаты воспитывались в духе безусловного выполнения приказов офицеров, что позволяло использовать воинские части для подавления восстаний крестьян и движений городской бедноты.

Высшие командные посты в армии были отведены исключительно представителям титулованной знати. При замещении офицерских постов нередко возникали острые противоречия между потомственным и служилым дворянством. В 1781 году родовое

дворянство добилось закрепления за ним исключительного права на занятие офицерских должностей. Такой порядок комплектования офицерства отрицательным образом сказывался на боевой подготовке армии, был причиной некомпетентности значительной части командного состава.

При абсолютизме создается разветвленная полиция: в провинциях, в городах, на крупных дорогах и т. д. В 1667 году была учреждена должность генерал-лейтенанта полиции, на которого возлагалась обязанность поддерживать порядок в масштабах всего королевства. В его распоряжении находились специализированные полицейские подразделения, конная полицейская гвардия, судебная Полиция, проводившая предварительное расследование.

Особое внимание уделялось укреплению полицейской службы в Париже. Столица была поделена на кварталы, в каждом из которых действовали особые полицейские группы, возглавляемые комиссарами и сержантами полиции. В функции полиции наряду с поддержанием порядка и розыска преступников входил контроль за нравами, в частности наблюдение за религиозными манифестациями, надзор за ярмарками, театрами, кабаре, трактирами, домами терпимости и т. п. Генерал-лейтенант наряду с общей полицией (полицией безопасности) возглавлял также политическую полицию с разветвленной системой тайного сыска. Был установлен негласный контроль за противниками короля и католической церкви, за всеми лицами, проявляющими свободомыслие.

Глава 17. Средневековое государство в Германии

Германия как самостоятельное феодальное государство образовалась на землях восточных франков после распада Франкской империи. Ее территория включала пять основных племенных герцогств — Саксонию, Франконию, Швабию (Аллеманию), Баварию и отвоеванную у Франции Лотарингию, а также присоединенные позднее французские, итальянские и славянские земли — Бургундию, города Северной Италии. Богемию, Австрию и др.

После короткого периода относительного единства в X–XII вв. в Германии начался закономерный процесс феодальной раздробленности. Однако в отличие от Франции он принял здесь необратимый характер. Это объясняется целым рядом причин, среди которых важную роль сыграли внешнеполитические факторы. Два основных направления внешней экспансии феодальной Германии (в Италию и на славянский Восток) привели к искусственному объединению германских герцогств, насильственно присоединенных славянских земель и Северной Италии в империю, получившую в XV в. название Священной Римской империи германской нации.

Германские императоры унаследовали не только титул "короля франков", но и короновались в Риме как "императоры римлян", получая корону из рук папы и претендуя тем самым на духовное и светское лидерство в христианском мире. Этим объясняется то особое значение, которое приобрели в истории Германии взаимоотношения между государством и церковью, в том числе ее центром в Риме.

Поскольку основной тенденцией развития Германии оставалась тенденция к децентрализации, периодизация развития феодального государства Германии представляет известную сложность. Смена форм феодального государства прослеживается здесь не столько в масштабе всей империи и собственно Германии, сколько по отдельным германским княжествам, землям. С XIII в. они постепенно превращались в самостоятельные государства, лишь формально связанные между собой императорской властью. Что же касается Германского феодального государства в целом (т. е. империи), то его историю можно условно разделить на два больших этапа:

1. Становление и развитие относительно централизованного раннефеодального

государства в Германии в рамках империи (X–XII вв.).

2. Территориальная раздробленность в Германии (XIII — начало XIX в.) и развитие автономных германских княжеств — государств.

После образования самостоятельных княжеств и юридического оформления олигархии крупнейших князей-курфюрстов (XIII–XIV вв.) Германия вплоть до XIX в. не представляла собой единого государства и сохраняла форму сеньориальной монархии с отдельными элементами сословно-представительной монархии. Различные стадии развития феодального государства могут быть выявлены здесь только в пределах локальных территорий, государств-княжеств. В XIV–XVI вв. в княжествах Германии устанавливаются сословно-представительные, а в XVII–XVIII вв. абсолютные монархии. В 1806 году под ударами войск Наполеона "Священная Римская империя" пала.

§ 1. Становление и развитие раннефеодального государства

Особенности сословной структуры. Развитие феодализма происходило в различных германских герцогствах достаточно неравномерно. Устойчивые пережитки родоплеменного строя сохранялись, например, в Саксонии, которая ревностно охраняла свою автономию, старинные племенные обычаи населения.

В XI–XII вв. в Германии сформировались основные классы — сословия феодального общества. Многочисленные войны способствовали консолидации военно-рыцарского сословия. Его верхушка складывалась из разнородных элементов родовой и служилой аристократии. К первой принадлежали *герцоги* — племенные князья, превратившиеся в крупных землевладельцев. Должностная аристократия состояла в основном из лиц *графского* ранга, сосредоточивших в своих руках важнейшие светские и церковные должности в административных округах (графствах). Крупными землевладельцами стали также *фогты* — королевские чиновники, осуществлявшие судебные функции в церковных вотчинах. По мере феодализации Германии, на рубеже XI–XII вв. эти верхушечные слои постепенно консолидируются, образуя мощный союз сепаратистских сил, уже не заинтересованных в сильной центральной власти. Происходит их слияние в сословие территориальных князей. В него вошли и крупнейшие церковные магнаты — "князья церкви". Окончательно особое сословие духовных и светских князей оформляется к середине XIII в.

Среднее и мелкое рыцарство образовалось не только из мелкопоместных дворян, но и из верхушки свободного крестьянства. По военной реформе Генриха I (919–936 гг.) всякий свободный, способный сражаться на коне, зачислялся в военное сословие. В число рыцарей зачастую зачислялись и *министериалы*, которые выделались из несвободных слуг короля и феодалов, исполняющих некоторые административные функции. Образуя слои имперских служащих, они несли вместе с господами военную службу. К XII в. многие из них получают свободу и земли, сливаясь с различными слоями рыцарства. В XII в. еще сохранялось деление на "благородных" и "неблагородных" рыцарей, но в 1186 году был издан указ о запрещении вступать в рыцари сыновьям крестьян и священников.

Феодальное дворянство и духовенство было разделено по иерархическому принципу на своеобразные ранги, так называемые щиты. "Саксонское зеркало" (20-е гг. XIII в.) упоминает семь военных "щитов" (рангов): король, духовные князья (епископы, аббаты), светские князья, их вассалы и т. д. В ранги были включены и "неблагородные" свободные, получившие название "*шеффенское сословие*". Из них подбирались судьи в общинных судах — шеффены. Позднее они превратились в низшую категорию "благородных".

Крестьянство в Германии к XIII в. разделилось на две категории — свободное и несвободное. Категория юридически свободных крестьян, согласно "Саксонскому зеркалу", складывалась из крестьян-чиншевиков и арендаторов. Чиншевики — это держатели господской земли с выплатой определенной денежной повинности (чинша). Они подразделялись на две группы: одна из них могла передавать земельное держание по наследству и продавать его, другая была лишена этих прав. Арендаторы не имели своей

земли и получали землю во временную обработку. Фактически чиншевики и арендаторы находились в определенной зависимости от феодальных землевладельцев.

Большая же часть крестьян находилась в зависимом положении не только фактически, но и юридически. Эту категорию крестьянства составляли полусвободные литы, батраки и лично зависимые крепостные. Многообразие форм зависимости, в том числе переходных, свидетельствует о незавершенности в данный период процесса феодализации и закрепощения крестьянства. По мере развития феодализма границы между различными категориями крестьян стирались.

В пограничных областях Германии, на границах между герцогствами с X в. началось строительство многочисленных крепостей — бургов, часть которых впоследствии превратилась в города. В XI–XII вв. в результате развития городов стало складываться особое сословие свободных людей — *горожан*. Взаимоотношения городов с императорской и местной сеньориальной властью отличались в Германии особой пестротой. Союз императорской власти и городов здесь практически не сложился.

Раннефеодальная монархия. В первой трети X–XII вв. Германия представляла собой относительно единое государство. Слабое развитие феодализма, внешняя угроза и активная политика централизации первых германских королей способствовали утверждению раннефеодальной монархии, временному усилению королевской власти. Королям удалось создать государственные объединения из прежних племенных герцогств. Вместе с тем отсутствие этнической общности, слабые экономические связи между отдельными герцогствами делали единство этого государства относительным.

В этот период произошло значительное территориальное расширение германского государства. В результате присоединения части Италии, Бургундии, Чехии и образования Бранденбургской, Восточной и других марок возникла обширная империя. Германские короли с X в. получили титул императоров "Священной Римской империи".

Временному усилению королевской власти способствовала деятельность Оттона I (936–973 гг.), который в своей борьбе с герцогами пытался опереться на церковное землевладение и церковные учреждения. Его мероприятия в отношении местной церкви получили название "оттоновских привилегий". Оттон I ограничил права герцогов в отношении церкви, частично передал герцогские функции епископам, создал в областях независимые, обладающие иммунитетом, епископские территории за счет передачи под управление епископов герцогских земель или их частей. Духовные феодалы были подчинены исключительно королевской власти. Верховенство короля в церковных делах обеспечивалось тем, что у прелатов отсутствовали наследственные права на земли, а также практикой королевской инвеституры (представление духовного сана светской властью). "Епископальная система" Оттона I позволила ему произвольно назначать епископов, замещать епископские кафедры, пользоваться частью доходов с церковных земель.

Эти доходы составляли материальную основу относительно сильной королевской власти, равно как и доходы от других исключительно королевских прав (регалий), главной из которых было право на осуществление высшего суда. Германский король "творил справедливость", издавал имперские законы и даже церковные каноны.

Епископальная политика Оттона I нашла свое логическое завершение в захвате Рима как центра католической церкви. Используя феодальные распри в Италии, Оттон I короновался в 962 г. в Риме императором. Этот акт должен был означать восстановление распавшейся империи Карла Великого и символизировать преемственность короны германских королей от римских цезарей. При короновании Оттон I признал притязания папы на светские владения в Италии, но с сохранением суверенитета императора над ними. Кроме того, от римского папы требовалось принесение вассальной присяги императору. С Оттона I германские императоры стали распоряжаться церковными кафедрами в Италии, низлагать и возводить на престол пап, контролировать их избрание. Однако с конца XI в. усиливающееся папство начинает постепенно освобождаться от опеки германских императоров и добиваться верховенства в борьбе с ними.

Центральный аппарат в Германии в X-XII вв. сохранял в себе черты дворцово-вотчинной системы управления, свойственной эпохе Каролингов. Избираемый феодалами император постоянно разъезжал со своим двором по империи, поддерживая свою власть в различных ее частях. Высшие слуги дворца (канцлер, маршал и т. п.) исполняли важнейшие государственные функции. Их должности постепенно становятся наследственными и возлагаются на крупнейших духовных и светских князей — герцога Саксонского, архиепископов Майнцкого, Трирского и других, бесконтрольно управлявших германскими землями в периоды длительного отсутствия императоров. С начала XI в. при императоре создается королевский совет (*гофмаг*), рассматривающий важнейшие государственные дела. Решения по ним часто принимались и на общих съездах феодалов при решающем голосе князей.

С XII в. начинается постепенный процесс разложения системы королевской администрации на местах. Прежние королевские чиновники — графы — превращаются в наследственных ленников. Они создают собственный аппарат управления своими владениями, защищенный привилегиями и иммунитетами от вмешательства центральной власти. Таким образом, начиная с XII в. деятельность центрального и местного аппарата Германии все меньше зависела от воли и желания императора и все больше определялась политическими интересами и привилегиями князей.

Особый аппарат был создан для управления Италией. Его возглавлял канцлер, являвшийся одним из высших духовных князей Германии. Кроме него существовали императорские посланцы с административными и военными полномочиями, пфальцграфы — заведующие императорским имуществом, префекты городов.

Военные силы империи подразделялись на имперские и княжеские. Королевское (императорское) войско состояло из воинских контингентов, поставляемых его вассалами, хотя первое время император мог опираться также на министерялов, управляющих его поместьями и обязанных служить императору "конно и оружно". Число воинов, которых были обязаны приводить светские и духовные князья, устанавливалось императором, однако условия участия в военных походах определялись феодальным обычаем и решениями феодальных съездов. В итальянских кампаниях участие всех вассалов в походе было обязательным, но на деле не всегда соблюдалось.

Верховным главнокомандующим был император. Командование контингентами поручалось князьям, которые осуществляли его через графов и сотников. До XII в. в случае нападения на страну в ополчение могли призываться крестьяне.

Судебная система Германии была унаследована от каролингской монархии. По мере складывания княжеского управления судебная власть императора постепенно ограничивалась в пользу светских и духовных князей, а судебная система приобретала все более сложный и многоступенчатый характер. Феодалы, которые первоначально имели право судить лишь своих крепостных, распространили свою юрисдикцию на все население принадлежавших им владений. Для свободных существовали сословные суды, действовавшие на основе принципа "суда равных": княжеские, графские, шеффенские и т. п. В зависимых городах суд находился в руках представителя сеньора, а в освободившихся создавались городские суды, действовавшие на основе норм городского права. Свои суды имели и церковные корпорации.

§ 2. Феодальное государство в период территориальной раздробленности

Изменения в сословной структуре. В XIII–XIV вв. Германия окончательно распадается на множество княжеств, графств, бароний и рыцарских владений, экономически и политически разобщенных регионов.

Одновременно завершается оформление системы сословий и сословного представительства. Важной особенностью сословной структуры, выросшей в Германии непосредственно из "щитов" вассально-ленной иерархии, были дробность и отсутствие

единства в масштабе всей страны. В империи существовали имперские сословия, или чины, а в княжествах — земские сословия. К первым относились имперские князья, имперские рыцари и представители имперских городов, а ко вторым — дворяне и духовенство княжеств и горожане княжеских городов.

В связи с дальнейшим расширением и усилением политической роли сословия князей среди них выделилась немногочисленная группа светских и духовных аристократов, которые и раньше оказывала решающее влияние на выборы королей, — так называемые курфюрсты (князья-избиратели).

Из феодальной иерархии германского средневековья почти полностью исчезает среднее дворянство. Часть его возвысилась до положения князей, другая перешла в ряды низшего дворянства. В свою очередь, низшее дворянство — основная масса *рыцарства* — утрачивает былое значение в связи с появлением огнестрельного оружия, значительная часть его разоряется.

Происходит и дифференциация *духовенства*, которое отчетливо разделилось на высшее (епископы, аббаты) и низшее (сельские и городские священники). Высшее духовенство Германии было многочисленнее, богаче и могущественнее, чем в других западноевропейских странах, и входило в состав князей, в том числе и курфюрстов. Низшее духовенство находилось в значительно худшем положении и по условиям своей жизни приближалось к трудящемуся населению.

Социальное расслоение в германских городах привело к образованию трех различных групп. Городская верхушка (патрициат) держала в руках все городские должности, передаваемые по наследству. Бургомистры имперских городов, избиравшиеся из патрициата, представляли город в рейхстаге. В оппозиции к патрициату стояли две другие группы: бюргерство (средняя часть населения городов, полноправные мастера) и городской плебс (подмастерья, поденщики, неимущие горожане).

В Германии XIV в. выделилось три района с различным положением крестьянского населения. В Саксонии распространилась практика отпуска крестьян на волю без земли и предоставления им наделов в аренду. На юге и юго-западе Германии барщина была в основном заменена денежной рентой. Наконец, на колонизированных восточных землях крестьяне получили значительные земельные наделы, экономическую самостоятельность и личную свободу. Феодалам выплачивались умеренные фиксированные платежи. Однако со второй половины XIV в. здесь усиливается тягловое бремя, происходит захват общинных земель, что, как и в других странах (например, в Англии), было связано с поиском феодалами дополнительных доходов в условиях развития рынка. Именно на восточных землях начала складываться та форма землевладения, которая явилась предшественником прусского юнкерского поместья.

Огромное влияние на дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие империи оказали Реформация (Реформация — религиозное по форме, буржуазное движение под лозунгом реформы католической церкви), крестьянская война 1525–1527 гг. и вызванная ими Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. Реформация еще больше разъединила Германию по признаку вероисповедания на протестантскую (север) и католическую (юг) части. Тридцатилетняя война — феодальная реакция на Реформацию и выступление крестьянства привела к сильному ослаблению городов и буржуазии, восстановлению крепостного права в самых жестких формах, дальнейшему усилению княжеской верхушки. Все это способствовало закреплению германской раздробленности.

Изменения в государственном строе. Политическое развитие Германии. Начиная с XIII в. центральный аппарат империи во главе с императором лишь номинально являлся носителем государственной власти, а фактически находился в руках или под контролем курфюрстов. Его деятельность на местах была в значительной степени парализована реальной властью территориальных князей, постепенно превращающихся в настоящих монархов.

После окончательного установления верховенства римских пап над церковью

император утратил положение главы церкви и перестал наделять епископов и аббатов церковными полномочиями. По Вормсскому конкордату 1122 г. духовную инвеституру отныне осуществлял папа, наделявший каноников символами духовной власти. Император мог присутствовать на выборах церковников, но осуществлял только светскую инвеституру — наделял каноника земельным владением с соответствующими вассальными обязанностями.

Избрание императора стало производиться узкой коллегией князей, которая при избрании перестала учитывать права наследников умерших императоров. Таким образом, мог быть избран любой кандидат княжеского рода, угодный коллегии.

Император продолжал оставаться верховным судьей в империи, что было связано с традиционными обязанностями королевской власти поддерживать "мир" и осуществлять правосудие. Однако эта прерогатива императора осталась, по существу, единственной и к тому же постепенно утрачиваемой регалией. Император практически лишился возможности облагать подданных налогами и получал доходы только со своих собственных земель. Если же, в связи с отсутствием наследников, в казну отходили земли вассалов императора, германское право требовало передачи таких земель другим вассалам (принцип "принудительного пожалования леном"). Попытки Фридриха Барбароссы возобновить императорские регалии — права на доходы от использования дорог и рек, от портов, таможен и монетных дворов, а также ввести подушную и земельный налоги окончились безрезультатно.

Императорская власть не смогла создать систему центральных имперских учреждений и "вырастить" королевскую бюрократию, сколько-нибудь сравнимых с судебно-финансово-административным аппаратом в Англии и Франции. Империя фактически не имела столицы, казначейства, профессиональной канцелярии, профессионального центрального суда.

После гибели династии Штауфенов в борьбе с папами в Германии с 1250 по 1273 г. не было императора. В этот период междуцарствия были утрачены многие коронные земли и регалии, отошедшие к князьям. В дальнейшем до 1356 года императорский титул поочередно присваивался представителям многих династий, пока в 1438 году окончательно не закрепился за Габсбургами. Император продолжал оставаться главой государства, олицетворял единство империи, но не имел реальной власти. Он исполнял в основном функции военного и внешнеполитического координатора действий немецких феодалов. Это положение было юридически санкционировано "Золотой буллой" 1356 г., изданной германским императором и чешским королем Карлом IV.

"Золотая булла" закрепила исторически сложившуюся практику, при которой управление Германией фактически сосредоточивалось в руках *семи курфюрстов*: трех архиепископов — Майнцкого, Кельнского и Трирского, а также маркграфа Бранденбургского, короля Чешского, герцога Саксонского, пфальцграфа Рейнского. Князья-избиратели большинством голосов определяли выбор императора. "Золотая булла" подробно регламентировала процедуру выборов императора курфюрстами. При равенстве голосов решающий голос принадлежал архиепископу Майнцкому. Он подавал голос последним, был председателем коллегии курфюрстов и должен был созывать собрание всей коллегии во Франкфурте-на-Майне. Архиепископ Майнцкий мог испрашивать заранее согласие других курфюрстов на ту или иную кандидатуру. Булла предусматривала превращение *коллегии курфюрстов* в постоянно действующий орган государственного управления. Ежегодно в течение одного месяца должен был проходить съезд коллегии для обсуждения государственных дел. Коллегия имела право суда над императором и его смещения.

"Золотая булла" признала полную политическую самостоятельность курфюрстов, их равенство императору. Она закрепила права их территориального верховенства, установила неделимость курфюршества, переход их по наследству. Курфюрсты сохранили за собой захваченные ими регалии, в особенности такие, как собственность на недра и эксплуатация

их, взимание пошлин, чеканка монеты. Они имели право высшей юрисдикции в своих владениях. Вассалам было запрещено вести войны против сеньоров, городам — заключать союзы против курфюрстов. Таким образом, в Германии была юридически оформлена олигархия нескольких крупнейших феодалов, сложившаяся еще до "Золотой буллы". Курфюршества были объединены только общим подданством императору и не обладали лишь правом самостоятельно объявлять войну и заключать мир с иностранными государствами (эта prerogative сохранялась за императором).

Впоследствии курфюрсты добились того, что каждый император при избрании должен был принимать выработанные ими условия, ограничивающие его власть. Эти условия с XVI в. получили название "избирательных капитуляций" и сохранялись в практике выборов германских императоров до конца XVIII в.

С XIV–XV вв. в Германии помимо императора существовали еще два общеимперских учреждения — *рейхстаг* и *имперский суд*. Рейхстаг был общеимперским съездом (букв. "имперский день"), который с XIII в. созывался императором достаточно регулярно. Его структура окончательно оформилась в XIV в. Рейхстаг состоял из трех коллегий: коллегии курфюрстов, коллегии князей, графов и свободных господ и коллегии представителей имперских городов. Характер представительства этих имперских сословий, или чинов, отличался от представительства трех сословий других западноевропейских государств. Прежде всего в рейхстаге отсутствовали представители мелкого дворянства, а также бюргерства неимперских городов. Духовенство не образовало отдельной коллегии и заседало в первой или во второй коллегии постольку, поскольку крупные прелаты входили в состав княжеского слоя. Все три коллегии заседали отдельно. Вместе собирались иногда только палаты курфюрстов и князей.

Таким образом, рейхстаг выступал не столько как орган сословного представительства, сколько как орган представительства отдельных политических единиц: курфюрсты представляли интересы своих государств, князья — княжеств, а бургомистры имперских городов представляли по должности.

Компетенция рейхстага не была точно определена. Император испрашивал его согласие по военным, международным и финансовым вопросам. Рейхстаг обладал правом законодательной инициативы; указы, изданные императором совместно с членами гофрата (императорского совета), представлялись на утверждение рейхстага. Акты рейхстага, как правило, не обладали обязательной силой и носили скорее характер имперских рекомендаций.

В конце XV в. рейхстаг предпринял ряд неудачных попыток ввести хотя бы некоторые элементы централизации в политический строй империи. Эти попытки отразили обеспокоенность некоторой части феодальной знати ослаблением центральной власти в условиях возрастания социальной напряженности в обществе. Вормский рейхстаг 1495 года, провозгласивший "вечный земский мир" (запрещение частных войн), учредил имперский верховный суд по делам имперских подданных и подданных отдельных княжеств. Члены суда назначались курфюрстами и князьями (14 человек), городами (2 человека), а председатель — императором. Империи решено было разделить на 10 округов во главе с особыми блюстителями порядка из князей, которые должны были приводить в исполнение приговоры суда. Им предоставлялись для этого воинские контингенты. Кроме того, была введена особая подать на нужды управления империей — "общеимперский пфенниг". Однако значительная часть этих мероприятий так и не была проведена в жизнь.

Слабость центрального аппарата нашла отражение и в принципах создания армии империи. Империя не имела постоянного войска. Военные контингенты в случае нужды поставлялись имперскими чинами по особым решениям сообразно с силами страны.

С XV в. основой имперской и княжеских армий становятся отряды наемников. Вместе с тем решениями рейхстага произвольная вербовка солдат в имперскую армию без согласия князей была запрещена. Наемные армии утвердились во всех немецких землях, будучи олицетворением полной политической раздробленности. Попытки введения общеимперского

налога на содержание армии императора и создания военных округов для формирования имперского войска были заблокированы князьями.

Таким образом, отсутствие профессиональной бюрократии, постоянного войска, достаточных материальных средств в имперской казне приводили к тому, что центральные учреждения не могли добиться выполнения своих решений. До конца XVIII в. политический строй империи сохранял видимость сословной монархии, прикрывавшей многовластие курфюрстов, при своеобразной конфедеративной форме государственного единства.

Эволюция территориальных единиц империи и местной власти. Еще Фридрих I Барбаросса к концу XII в. практически "создал" имперское сословие князей, пытаясь через вассальную пирамиду обеспечить стабильность и мир в германских землях. Оставаясь формально вассалами императора, светские и церковные князья стали осуществлять безраздельную власть на переданных им землях. Решающую же роль в юридическом оформлении политической власти князей на местах сыграла деятельность Фридриха II. В поисках поддержки в борьбе с папством он значительно расширил права духовных и светских феодалов. "Закон в пользу духовных князей" 1220 года гарантировал неприкосновенность церковного имущества, полноту их территориальной юрисдикции, право на пошлины, чеканку монеты. Владения духовной знати стали практически неприкосновенными для императорской власти. Аналогичные привилегии получили по "Закону в пользу сеньоров" 1232 года и светские вассалы императора. В королевских городах запрещалось принимать беглых людей феодалов и церкви. Кроме того, в специальном эдикте о городских коммунах (1232 год) запрещалось их образование без согласия феодального сеньора.

Привилегии, полученные феодальной верхушкой, к середине XIII в. сделали территориальных князей самостоятельными носителями политической власти в Германии. От классической феодальной раздробленности процесс распада на территориальные княжества отличался следующими особенностями. Это было дробление государства не на вотчины, сеньории с их вассально-иерархической зависимостью и иммунитетами, а на обособленные территориальные образования с полной политической властью князей. Княжества оформились в независимые государственные образования, небольшие королевства с системой общего подданства и собственным аппаратом власти и управления (княжеский двор, совет, чиновники и т. п.). Подчинение князей императору определялось лишь слабыми вассально-ленными связями, поскольку вассальные обязанности князей сводились к участию в коронационном походе на Италию, явке в курию и выставлению в случае войны определенного контингента воинов.

Именно отдельные "княжеские" государства развиваются в Германии по образцу централизованных западноевропейских монархий. В них были созданы профессиональные правительственные и судебные учреждения. Княжеские территории нередко делились на графства, которыми управляли министриалы, назначаемые князем (герцогом); многими городами также управляли назначенные князем должностные лица. В крупных княжествах были учреждены канцелярии с нотариусами, которые разрабатывали проекты нормативных актов и регистрировали сделки. Позднее крупные территории были разделены на несколько десятков административных единиц, которые управлялись одним административным и одним судебным чиновником, которые, в свою очередь, опирались на назначаемых чиновников и судей более мелких округов. Существовала также разветвленная система налогообложения подданных княжеств.

Высшая судебная власть, переданная князьям на их территориях, стала важнейшим, наиболее эффективным инструментом укрепления их самостоятельности, экономической и политической власти в целом. Кроме того, слияние духовной и светской власти в руках "князей церкви" обеспечивало идеологическое прикрытие их растущих прерогатив и, с другой стороны, обеспечило церкви особую силу на территории Германской империи.

В условиях слабости центральной власти в Германии получила значительное развитие и политическая автономия отдельных корпораций — городов, их союзов, религиозных

объединений и т. п. Особыми политическими правами пользовались объединение северогерманских городов — Ганза (XIV–XVI вв.), Союз рейнских городов (1254 год), Швабский союз (XVI в.), а также военно-религиозный Тевтонский орден (XII–XVI вв.).

Наибольшим объемом прав обладали в империи так называемые имперские и вольные города. Имперские города — непосредственные вассалы императора — получили большую часть императорских регалий (высший суд, чеканка монеты, войско). Их обязанности по отношению к императору сводились к присяге верности и приему императора с его двором. С XV в. имперские города (Любен, Бремен, Гамбург, Аугсбург, Нюрнберг и др.) имели постоянное представительство в рейхстаге. Что касается семи вольных городов Германии, к которым относились наиболее старые епископские города (Майнц, Кельн, Трир, Вормс и т. д.), то они получили привилегии, как от германского императора, так и от владеющих ими духовных князей. Эти города были освобождены от налога и поставки войска и являлись центрами епархии, церковно-светского управления епархией и княжеством. В XII–XV вв. эти города пользовались самоуправлением, в них избирались бургомистры и члены городского совета, которые решали местные вопросы, уголовные и гражданские дела. Духовные князья сохраняли юридический контроль над этими городами посредством назначения главных чиновников города — бургграфа, префекта, руководивших осуществлением правосудия.

Имперские и вольные города Германии нередко объединялись в союзы, которые проводили свою собственную политику, не всегда совпадающую как с интересами центральной, так и княжеской власти.

В XIV в. отдельные княжества-государства трансформируются в *сословно-представительные монархии*, отличающиеся известным многообразием форм. В большинстве государств сформировалось три замкнутых курии — духовенства, рыцарей и горожан. Собрания этих земских чинов внутри княжеств назывались *ландтагами*. Ландтаги несколько ограничивали власть князей внутри княжества и по структуре больше напоминали сословно-представительные учреждения Франции, чем рейхстаг. Однако в большинстве случаев ландтаги не пользовались решающим голосом при обсуждении областных и государственных дел. Правда, их согласие обязательно испрашивалось при решении финансовых вопросов. Но в этом случае князь всегда мог получить нужное решение при помощи двух сословий, свободных от уплаты налогов, но принимавших участие в расходовании этих средств, — высшего духовенства и рыцарства.

В XVI–XVIII вв. после религиозных войн количество самостоятельных государственных образований в Германии еще больше возросло (их стало более 300), утверждается так называемый княжеский абсолютизм. Он отличался от централизованных абсолютных монархий Запада (как и сословно-представительных монархий) тем, что сложился не в рамках всей империи, которая оставалась децентрализованной, а в пределах отдельных княжеских владений. Кроме того, его утверждение — не результат временного равновесия сил феодалов и буржуазии. Напротив, княжеский абсолютизм представляет собой торжество феодально-консервативных сил над буржуазным движением и подчинение слабой немецкой буржуазии князьям.

Не случайно абсолютизм утвердился ранее всего в Баварии (в первой трети XVII в.), которая отличалась экономической отсталостью. Княжеский абсолютизм не сыграл никакой позитивной роли, надолго закрепив состояние экономической и политической раздробленности Германии.

Пруссия и Австрия. Наиболее крупными абсолютистскими государствами империи были Пруссия и Австрия, между которыми уже начиналось соперничество за политическое верховенство в империи.

Бранденбургско-Прусское государство было создано в начале XVII в. на землях бывшего Тевтонского ордена, колонизаторская деятельность и идеология которого заложили начала великопрусского милитаризма в Германии. Окончательное оформление этого государства произошло в 1701 году, когда бранденбургский курфюрст добился титула короля Пруссии.

Глава государства — король Пруссии — входил в имперскую коллегия курфюрстов. Высшим органом государственного управления был *Тайный совет* при короле. Ему подчинялись первоначально три директории: финансовая, военных дел и королевских доменов. Особое значение приобрела директория военных дел, которая ведала организацией и вооружением созданной в 1655 году постоянной армии. Прусская армия была одной из самых больших в Европе и славилась своей муштрой и палочной дисциплиной.

Основными тенденциями развития государственного строя Пруссии в XVIII в. стали дальнейшая централизация и милитаризация государственного аппарата, возвышение военно-управленческих органов над гражданскими. Значительная часть полномочий Тайного совета переходит к генеральному военному комиссариату. Происходит слияние всех директорий в единый военно-финансовый орган во главе с президентом-королем. На местах земские советники (*ландраты*), назначавшиеся королем по рекомендации дворянских собраний, подпадают под жесткий контроль центральной власти и наделяются широкими военно-полицейскими полномочиями. Ликвидируется городское самоуправление. Городские советы были заменены коллегиями магистратов, назначавшихся королем. На весь государственный аппарат были распространены воинские звания, военная субординация и дисциплина.

По своему политическому режиму Прусская монархия может быть охарактеризована как *военно-полицейское государство*. В нем получили широчайшее развитие произвол властей, цензура и мелочная регламентация не только государственной, но и частной жизни подданных.

Австрия в отличие от Пруссии не представляла собой централизованного государства. Она была многонациональной страной. В Австрии господствовало католическое вероисповедание. С XV в. короли Австрии становились германскими императорами и Австрия считалась их доменальным владением.

Система центральных органов Австрии не была строго упорядоченной и постоянно перестраивалась. Высшим органом власти и управления вместе с монархом был Тайный совет. В дальнейшем он был заменен конференцией, которая стала постоянным учреждением (с начала XVIII в.). Военными делами ведал придворный Военный совет. В 1760 году с целью объединения всех отраслей управления был учрежден Государственный совет.

Во главе провинций Австрийской монархии стояли наместники. Они избирались местными сословно-представительными учреждениями и утверждались королем. В государствах, входивших в состав Австрии, имелись *сеймы* — *сословные собрания*. В городах управление находилось в руках выборных городских управ и бургомистров. При королеве Марии Терезии (1740–1780 гг.) важнейшие полномочия сосредоточиваются в руках королевских чиновников, выборные органы становятся под контроль правительства.

Во второй половине XVIII в. в Пруссии и Австрии проводилась политика так называемого *просвещенного абсолютизма*. Были предприняты определенные буржуазные преобразования, рекламируемые как плод содружества государей с французскими просветителями. По своей сути эта политика являлась попыткой приспособить общество и государство к ряду требований, выдвигаемых растущей буржуазией, не затрагивая при этом наиболее существенных интересов дворянства и устоев крепостничества.

Глава 18. Средневековое государство в Англии

Становление феодального государства в Англии связано с многочисленными завоеваниями Британских островов племенами германского и скандинавского происхождения. Римское завоевание оставило о себе практически только архитектурные и лингвистические памятники (названия местечек, городов). После ухода римлян в V в. н. э. населявшие Англию кельтские племена подверглись вторжению германских племен англос,

саксов и ютов, оттеснивших кельтское население на окраины острова (Шотландия, Уэльс, Корнуэлл). В VII в. англосаксы приняли христианство и образовали семь раннефеодальных королевств (Уэссекс, Сассекс, Кент, Мерсию и др.), которые в IX в. под главенством Уэссекса образовали англосаксонское государство — Англию. В начале XI в. английский престол был захвачен датчанами, которые правили вплоть до возвращения англосаксонской династии в лице Эдуарда Исповедника (1042 год).

В 1066 г. правитель Нормандии герцог Вильгельм, имея благословение римского папы и французского короля, высадился с войском на остров и, разгромив англосаксонское ополчение, стал английским королем. Нормандское завоевание оказало большое влияние на дальнейшую историю английского государства, которое развивалось в основном аналогично средневековым государствам континента. Вместе с тем отличительной чертой его эволюции начиная с XI в. стала ранняя централизация, отсутствие феодальной раздробленности и быстрое развитие публичных начал королевской власти.

В качестве главных этапов развития английского феодального государства можно выделить:

- 1) период англосаксонской раннефеодальной монархии в IX–XI вв.;
- 2) период централизованной сеньориальной монархии (XI–XII вв.) и гражданских войн за ограничение королевской власти (XII в.);
- 3) период сословно-представительной монархии (вторая половина XIII–XV в.);
- 4) период абсолютной монархии (конец XV — середина XVII в.).

§ 1. Англосаксонская раннефеодальная монархия

Становление феодального общества. Формирование феодального общества у германских племен в Британии происходило замедленными темпами, что в определенной степени связано с консервацией племенных обычаев англосаксов на острове и стойким влиянием скандинавских традиций. В правдах VI–VII вв. среди населения выделяются родоплеменная знать (эрлы), свободные общинники (кэрлы), полусвободные (лэты) и домашние слуги-рабы. Упоминаются также священники и король, причем вергельд епископа был выше вергельда короля. В VIII в. распространяется практика индивидуального патроната, когда человек должен был искать себе покровителя (глафорда) и не имел права уходить от него без его позволения. В памятниках VII–IX вв. особо упоминаются дружинники-танов, в число которых входили как эрлы, так и кэрлы, обязанные нести военную службу в пользу короля. Единственным критерием вхождения в эту категорию было обладание земельным участком определенного размера (5 гайд). Таким образом, границы между различными социальными группами свободных не были замкнутыми и резко ограниченными: английский крестьянин и даже потомок вольноотпущенника мог стать таном, получив от господина или короля участок земли. По свидетельству историков, почти четверть английских танов указанного периода произошли от крестьян и ремесленников.

Одновременно продолжается развитие отношений господства и подчинения. В X в. всем, не способным отвечать за себя в суде, было предписано найти себе глафорда (принудительная коммендация). Любой человек, прежде чем обращаться за правосудием к королю, должен был обратиться к своему глафорду. Жизнь господина была объявлена неприкосновенной как для эрлов, так и для кэрлов. Параллельно укрепляется институт поручительства — за любого человека поручались его глафорд и определенное количество свободных людей (не более 12 человек).

К XI в. определились поземельные службы как танов, так и зависимого крестьянства. Танов обладали основанным на королевском акте правом владения землей и должны были исполнять три основные обязанности: участвовать в походе, в строительстве укреплений и в починке мостов. Кроме того, для многих землевладельцев по приказу короля могли вводиться и другие службы: устройство заповедных королевских парков, снаряжение судов,

охрана побережья, церковная десятина и т. п. Постепенно таны образуют военное сословие.

Из обедневших кэрлов образовались многочисленные категории зависимого крестьянства — как с фиксированными повинностями, так и без них. Повинности определялись обычаем поместья. После смерти крестьянина глафорд получал все его имущество.

Значительное распространение по-прежнему имел рабский труд завоеванного населения. Церковь осуждала произвол и жестокое обращение с несвободными: раб, который работал в воскресный день по указанию своего господина, становился свободным.

Английское духовенство во главе с архиепископом Кентерберийским пользовалось более независимым положением в отношении папской власти, чем церковь на континенте. Богослужение велось на местном языке. Представители духовенства участвовали в разрешении светских дел в местных и королевском собраниях.

Английская церковь была крупным землевладельцем — ей принадлежало до одной трети всех земель. Вместе с тем духовные лица не были изъяты из общегосударственной системы налогов и повинностей.

В целом к моменту нормандского завоевания процессы феодализации англосаксонского общества, оформление феодального землевладения, вассально-ленной иерархии были еще далеко не завершены. Существовала значительная прослойка свободного крестьянства, особенно на востоке страны ("область датского права").

Англосаксонское государство. Несмотря на возвышение и укрепление королевской власти в англосаксонский период, сохраняются отношение к королю как к военному предводителю и принцип выборов при замещении престола. Постепенно, однако, монарх утвердил свое право верховной собственности на землю, монопольное право на чеканку монеты, пошлины, на получение натуральных поставок со всего свободного населения, на военную службу со стороны свободных. У англосаксов существовал прямой налог в пользу короля — так называемые "датские деньги", и взимался штраф за отказ участвовать в походе. Королевский двор постепенно стал центром управления страной, а королевские приближенные — должностными лицами государства.

Вместе с тем правовые памятники IX–XI вв. уже свидетельствуют об определенной тенденции к передаче крупным земельным собственникам прав и полномочий королевской власти: права судить своих людей, взыскивать штрафы и сборы, собирать ополчение на своей территории. Могущественные таны часто назначались королевскими представителями — управляющими в административных округах.

Высший государственный орган в англосаксонскую эпоху — витанагемот — совет витанов, "мудрых". Это собрание достойных, "многоимущих" мужей включало самого короля, высшее духовенство, светскую знать, в том числе так называемых королевских танов, получивших личное приглашение короля. При Эдуарде Исповеднике в витанагемоте заседала также значительная группа норманнов, получивших земли и должности при дворе. Кроме того, приглашались короли Шотландии и Уэльса и выборные от г. Лондона.

Все важные государственные дела решались "по совету и с согласия" этого собрания. Его основные функции — избрание королей и высший суд. Королевской власти в IX–X вв. удалось несколько ограничить стремление витанагемота вмешиваться в наиболее важные вопросы социальной политики — в частности в распределение земель.

Местное управление в Англии в значительной мере основывалось на принципах самоуправления. Законы англосаксонского короля Этельстана (X в.) и его последователей упоминают низовые единицы местного управления — сотни и десятки. Сотня, возглавляемая сотником, управлялась общим собранием, собиравшимся примерно раз в месяц. Сотни делились на десять десятков — семей во главе с десятником, основной задачей которых было поддержание правопорядка и уплата налогов. В сотенных народных собраниях рассматривались все местные, в том числе судебные, дела и дважды в год производилась проверка десятков, чтобы удостовериться, что каждый десяток связан круговой порукой, а все правонарушения известны и представлены властям надлежащим образом. Примерно в то

же время страна была разделена, в основном в военных целях, на 32 больших округа (графства). Центром графства был, как правило, укрепленный город. Собрание графства с конца X в. собиралось дважды в год для обсуждения наиболее важных местных дел, включая суд по гражданским и уголовным делам. В нем должны были участвовать все свободные люди округа и прежде всего светская и церковная знать. Города и порты имели свои собственные собрания, превратившиеся затем в городские и купеческие суды. Существовали также собрания деревень. Десятки, сотни и графства не составляли четкой иерархической системы и управлялись в значительной степени автономно друг от друга.

Во главе графства стоял, как правило, элдормен, назначаемый королем с согласия витанагемота из представителей местной знати. В основном его роль заключалась в руководстве собранием графства и его вооруженными силами. Постепенно в управлении сотней и графством возрастает роль личного представителя короля — герефы.

Герефа — королевский министерял — назначался королем из среднего слоя служилой знати и подобно графу у франков мог быть управляющим определенного округа или города. К X в. герефа постепенно приобретает важные полицейские и судебные полномочия, контролируя своевременное поступление в казну налогов и судебных штрафов.

Таким образом, уже в англосаксонскую эпоху стал складываться на местах механизм централизованного бюрократического управления через должностных лиц административных округов, подотчетных королю и действующих на основе письменных приказов за королевской печатью.

§ 2. Нормандское завоевание и его последствия. Особенности сеньориальной монархии

Нормандское завоевание Англии повлекло за собой углубление феодализации английского общества.

Основой феодального хозяйства в нормандской Англии стал манор — совокупность земельных владений отдельного феодала. Положение крестьян манора, подлежащих суду своего лорда, определялось манориальными обычаями. Более половины судов сотни превратились в манориальные суды — частные курии феодалов. Вместе с тем Вильгельм Завоеватель, используя как свое положение, так и английские политические традиции, проводил политику, способствовавшую централизации государства и укреплению основ королевской власти.

Значительная часть конфискованной у англосаксонской знати земли вошла в состав королевского домена, а остальная распределялась между нормандскими и англосаксонскими феодалами не сплошными массивами, а отдельными участками среди других держаний. Завоеватели принесли с собой и строгое "лесное право", давшее возможность объявить королевскими заповедниками значительные лесные массивы и строго наказывать за нарушение их границ. Более того, король объявил себя верховным собственником всей земли и потребовал от всех свободных землевладельцев принесения ему присяги верности. Такая присяга сделала феодалов всех рангов вассалами короля, обязанными ему прежде всего военной службой. Принцип "вассал моего вассала — не мой вассал", характерный для континента, в Англии не утвердился. Все феодалы разделились на две основные категории: непосредственных вассалов короны, в качестве которых обычно выступали крупные землевладельцы (графы, бароны), и вассалов второй ступени (подвассалов), состоящих из массы средних и мелких землевладельцев. Значительная часть духовенства несла те же службы в пользу короля, что и светские вассалы.

Таким образом, феодалы в Англии не приобрели той самостоятельности и тех иммунитетов, которыми они пользовались на континенте. Право верховной собственности короля на землю, дававшее ему возможность перераспределять участки земли и вмешиваться в отношения землевладельцев, послужило утверждению принципа верховенства королевского правосудия по отношению к судам феодалов всех рангов.

В целях налоговой политики и выявления социального состава населения страны в 1086 году была проведена перепись земель и жителей, результаты которой известны под названием "Книга страшного суда". По данным переписи, большая часть крестьян была закрепощена и выступала в качестве лично несвободных, наследственных держателей земли от лорда (вилланов). Однако в "области датского права" (Восточная Англия) и в некоторых других местностях сохранилась прослойка свободного крестьянства и близких к ним по положению сокменов, на которых распространялась лишь судебная власть лорда манора.

Свободное крестьянское население в XI–XII вв. находилось под воздействием противоречивых факторов. С одной стороны, королевская власть способствовала закрепощению низших категорий свободного крестьянства, превращению их в вилланов. С другой — развитие рынка в конце XII в. приводило к появлению более зажиточных крестьянских держателей, которых королевская власть рассматривала в качестве политических союзников в борьбе с сепаратизмом крупных феодалов. Королевские суды нередко защищали таких держателей от произвола лордов. Формально одинаковая защита королевским "общим" правом любого свободного держания (freehold) (рыцарского, городского, крестьянского) способствовала в конце XII в. сглаживанию правовых и социальных различий между верхушкой свободного крестьянства, горожанами, мелким рыцарством. Сближала эти слои и определенная общность их экономических интересов.

Относительное единство государства, связи с Нормандией и Францией способствовали развитию торговли. В условиях усиления центральной власти английские города не получили такой автономии, как на юге континента или в Германии, и вынуждены были все чаще покупать королевские хартии, в которых содержались лишь некоторые торговые привилегии.

Централизация государственной власти. Реформы Генриха II. Мероприятия нормандских королей способствовали государственной централизации и сохранению государственного единства, несмотря на углубляющуюся феодализацию общества. Однако до конца XII в. централизация обеспечивалась в основном за счет сеньориальных, частных прав англо-нормандских королей и зависела от их способности выступать авторитетным главой феодально-иерархической системы и местной церкви. Судебные и фискальные права короны в отношении своих подданных были лишь правами высшего сеньора по отношению к своим вассалам и основывались на присяге верности. Они регламентировались в значительной мере феодальным обычаем, хотя уже начали перерастать его рамки.

Соответственно, они могли быть в любое время оспорены недовольными вассалами. Свидетельством этому являются непрекращающиеся в XI–XII вв. мятежи баронов, обвиняющих корону в злоупотреблениях своими сеньориальными правами. С момента нормандского завоевания и в течение всего XII в. короли вынуждены были постоянно подтверждать свою приверженность исконным обычаям и вольностям англосаксов, а баронам и церкви даровать "хартии вольностей". Эти хартии содержали положения о мире, об искоренении "дурных" и поддержке старинных, "справедливых" обычаев, об обязательствах короны соблюдать привилегии и вольности феодалов, церкви и городов. Однако с середины XII в. попытки связать королевскую власть рамками феодального обычая и собственной присяги стали наталкиваться на усиление публичных начал в государственном управлении.

До второй половины XII в. в Англии не было профессиональных административно-судебных органов. Центр управления — королевский двор (курия) — постоянно перемещался и подолгу отсутствовал в Англии, поскольку король чаще жил в Нормандии. В своем расширенном составе королевская курия представляла собой собрание непосредственных вассалов и приближенных короля. Во время отсутствия короля Англией фактически правил главный юстициарий — духовное лицо, знаток канонического и римского права. Его помощником был канцлер, руководивший секретариатом. Центральная власть была представлена на местах "разъездными" посланцами и шерифами из местных магнатов, которые нередко выходили из-под контроля центра. Руководство ими сводилось в

основном к направлению им исполнительных приказов (writ) из канцелярии короля с указанием исправить те или иные нарушения, о которых стало известно короне. Большинство судебных дел решалось местными (сотенными, графскими) собраниями и манориальными судами, применявшими архаические процедуры типа ордалий и судебного поединка. Королевское правосудие имело, таким образом, исключительный характер и могло быть даровано лишь в случае отказа в правосудии в местных судах или особого обращения за "королевской милостью". Известен случай, когда один барон, непосредственный вассал короны, потратил почти пять лет и огромную по тем временам сумму денег в поисках короля для принесения ему жалобы по гражданскому делу.

Укрепление прерогатив короны, бюрократизация и профессионализация государственного аппарата, позволившие сделать централизацию в Англии необратимой, связаны в основном с мероприятиями Генриха II (1154–1189). Реформы Генриха II, которые способствовали созданию общегосударственной бюрократической системы управления и суда, не связанных с сеньориальными правами короны, можно условно свести к трем главным направлениям:

1) приведение в систему и придание более четкой структуры королевской юстиции (усовершенствование форм процесса, создание конкурирующей с традиционными и средневековыми судами системы королевского разъездного правосудия и постоянно действующих центральных судов);

2) реформирование армии на основе сочетания принципов ополченческой системы и наемничества;

3) установление новых видов налогового обложения населения.

Укрепление судебных, военных и финансовых полномочий короны было оформлено целой серией королевских указов — Великой, Кларендонской (1166 год), Нортгемптонской (1176 год) ассизами, ассизой "О вооружении" (1181 год) и др.

При перестройке Генрихом II судебно-административной системы были использованы применявшиеся на практике от случая к случаю англосаксонские, нормандские и церковные установления. Типичная для раннего средневековья практика разъездного управления приняла в Англии более постоянный и упорядоченный характер. С этого времени в Англии прочно утверждается деятельность разъездных судов — выездных сессий королевских судей. Если в 1166 году были назначены только два судьи для объезда графств, то в 1176 году были организованы шесть объездных округов и число разъездных судей увеличилось до двух-трех десятков. Назначение разъездных судей производилось королевским приказом о начале общего судебного объезда. Этим же приказом судьи наделялись чрезвычайными полномочиями (не только судебными, но и административными, финансовыми). В ходе судебного объезда разбирались все иски, подсудные короне, производились аресты преступников, расследовались злоупотребления местных чиновников.

Одновременно упорядочивалась система королевских приказов и узаконивалась специальная процедура для расследования дел по земельным спорам и правонарушениям. Такая процедура была дарована всем свободным как "привилегия" и "благоденствие", применяемые только в королевских судах. Для начала этой процедуры нужно было купить специальное распоряжение королевской канцелярии — приказ о праве (writ of right), без которого не мог быть возбужден гражданский или уголовный иск в королевских судах. После этого расследование должно было проводиться разъездными судьями или шерифами с помощью присяжных — двенадцати полноправных граждан сотни, которые давали присягу в качестве свидетелей или обвинителей. Такой порядок расследования создавал возможность для более объективного решения дел по сравнению с ордалиями и судебным поединком в судах феодалов. Постепенно развившаяся система королевских приказов приводила к ограничению юрисдикции манориальных курий по искам о праве собственности на землю. Что же касается правонарушений, то даже виллан мог обратиться в королевский суд с уголовным иском. Шерифы могли, не считаясь с правами феодалов, вступать в их владения с целью поимки преступников и проверки соблюдения круговой поруки.

Таким образом, во второй половине XII в. Генрихом II был создан специальный механизм королевского правосудия по гражданским и уголовным делам, который повысил авторитет и расширил юрисдикцию королевских судов.

В связи с введением усовершенствованных судебных процедур с середины XII в. происходит упорядочение структуры и компетенции высшего органа центрального управления — королевской курии. В процессе специализации функции и выделения в составе курии ряда отдельных ведомств окончательно сформировались канцелярия во главе с канцлером, центральный ("личный") суд короля и казначейство. В составе "личного" королевского суда, куда с 1175 года назначаются постоянные духовные и светские судьи и который обретает постоянную резиденцию в Вестминстере, постепенно выделяется Суд общих тяжб. Этот суд мог заседать без участия короля и не должен был следовать за ним при его переездах. Деятельность Суда общих тяжб сыграла решающую роль в создании "общего права" Англии.

Сложнее обстояло дело во взаимоотношениях королевской власти с английской церковью, между светским и церковным правосудием. После нормандского завоевания церковные и светские суды были разделены, причем церковные суды стали рассматривать все духовные и часть светских дел (браки, завещания и т. п.). Однако королевская власть сохраняла контроль над церковью. Нормандские короли сами назначали епископов, издавали церковные постановления для Англии и Нормандии, получали доходы с вакантных епископств. Однако по мере усиления папской власти и католического центра в Риме английская корона стала все чаще сталкиваться с сопротивлением церкви, и вопрос о "свободе церкви" в Англии стал одним из поводов для будущих драматических конфликтов между церковной и светской властью.

При Генрихе I в Нормандии был заключен конкордат с папой, согласно которому, как и позднее в Германии, духовная инвеститура каноников перешла к папе, а светская осталась у короля.

Генрих II, пытаясь усилить влияние короны на местную церковь, издал в 1164 году Кларендонские конституции. По ним король признавался верховным судьей по делам, рассматриваемым церковными судами. Все споры по поводу церковных назначений должны были решаться в королевском суде. Королевская юрисдикция устанавливалась и в отношении расследований о церковной собственности, по искам о долгах, при вынесении и исполнении приговоров в отношении клириков, обвиненных в тяжких преступлениях. Без согласия короля никто из его вассалов и чиновников не мог быть отлучен от церкви. Были подтверждены принципы светской инвеституры короля и возможность его вмешательства в выборы церковью высших духовных иерархов. Однако под сильным давлением папы и местного духовенства король вынужден был отказаться от ряда положений этих конституций.

После нормандского завоевания структура местного управления не изменилась. Сохранилось деление страны на сотни и графства. Представителями королевской администрации в графствах стали шерифы, в сотнях — их помощники, бейлифы. Шериф обладал высшей военной, финансовой и полицейской властью на территории графства, был основным исполнителем приказов королевской канцелярии.

Свои административно-судебные функции шерифы осуществляли в тесном взаимодействии с собраниями графств и сотен, созывая их и председательствуя на сессиях. Эти учреждения сохранялись в Англии и в последующий период, хотя постепенно утрачивали самостоятельность и все более превращались в орудие центрального правительства на местах. Несмотря на изъятие из их судебной компетенции большинства гражданских исков, их роль несколько возросла в связи с назначением лиц, участвовавших в расследованиях по уголовным делам (обвинительных присяжных). Участие населения в королевском судопроизводстве стало характерной чертой английской системы местного управления.

Военная реформа Генриха II состояла в распространении воинской повинности на все

свободное население страны: любой свободный — феодал, крестьянин, городской житель — должен был иметь вооружение, соответствующее его имущественному положению. Имея свое снаряжение, войско, тем не менее, содержалось за счет государственной казны, поступления в которую были значительно увеличены.

Прежде всего была узаконена замена личной воинской повинности уплатой "щитовых денег", которые стали взимать не только с феодалов, но даже с несвободных. Эта мера открывала возможность для короля содержать наемное рыцарское ополчение. Помимо практики взимания "щитовых денег" с феодалов и прямого налога (талы) с городов постепенно утвердился налог на движимое имущество.

Военные и финансовые реформы Генриха II позволили резко увеличить численность преданных королю войск и подорвать руководство войском со стороны крупнейших феодалов, а также получить средства на содержание профессионального чиновничества. Кроме того, очень доходной статьёй бюджета оставалось осуществление правосудия.

Error! Hyperlink reference not valid.

Особенности сословной структуры. В XIII в. соотношение социальных и политических сил в стране продолжало изменяться в пользу усиления начал централизации и концентрации всей власти в руках монарха.

В качестве непосредственных вассалов короля бароны несли многочисленные финансовые и личные обязательства перед сюзереном, в случае злостного невыполнения которых могла последовать конфискация их земель.

В течение XIII в. были существенно ограничены и иммунитетные права крупных феодалов. Глостерский статут 1278 года провозгласил проверку иммунитетных привилегий английских феодалов судебным путем. В целом же дворянский титул в Англии не сопровождался какими-либо податными и судебными привилегиями. Феодалы уплачивали налоги формально наравне с другими свободными и были подсудны одним и тем же судам. Однако политический вес английского высшего дворянства был значителен: оно являлось непременным участником работы высших совещательных и некоторых других органов при короле. В XIII в. крупные феодалы Англии постоянно вели между собой и с королем ожесточенную борьбу за землю и источники доходов, за политическое влияние в стране.

В результате субинфеодации и дробления крупных бароний количество средних и мелких феодалов увеличивается, составив к концу XIII в. не менее 3/4 господствующего класса Англии. Эти слои феодалов особенно нуждались в усилении государственной централизации, сплачивались вокруг короля.

Развитие товарно-денежных отношений заметно сказалось на положении крестьянства. Усиливается расслоение крестьянства, растет численность лично свободной крестьянской верхушки. Разбогатевшие крестьяне-фригольдеры часто приобретают рыцарское звание, сближаясь с низшими слоями феодалов.

Крепостное крестьянство — вилланы — в XIII в. оставалось бесправным. Исключение вилланов из всех привилегий "общего права", формально гарантированных всем свободным, получало название принципа "исключения вилланства". Собственником всего имущества, принадлежащего виллану, признавался его лорд. Вместе с тем юридическая теория и законодательство XIII в. признали за вилланами право на уголовный иск в королевском суде даже против своего господина. Этот факт отражал объективные процессы развития феодализма и определенные интересы королевской власти, заинтересованной в общегосударственном обложении вилланов наряду со свободным населением (в выплате всех поборов местного значения, талы, налога с движимого имущества). С конца XIV в. вилланы постепенно выкупают личную свободу, исчезает барщина, основной формой феодальной ренты становится денежная.

Среди горожан, как и среди других слоев населения, в XIII–XIV вв. усиливается

социальная дифференциация, которая шла параллельно с консолидацией городского сословия в масштабе всей страны. Города Англии, за исключением Лондона, были невелики. Городские корпорации, как и город в целом, не получили здесь такой самостоятельности, как на европейском континенте.

Таким образом, процессы государственной централизации в Англии (XIII в.) были ускорены наличием все возрастающей прослойки свободного крестьянства, сближением в экономическом и правовом отношении рыцарства, горожан и зажиточного крестьянства и, напротив, усилением различий между верхушкой феодалов и остальными их слоями. Общие экономические и политические интересы рыцарства и всей фригольдерской массы способствовали установлению их политического союза. Возрастание же экономической и политической роли этих слоев обеспечило им последующее политическое признание и участие в образовавшемся парламенте.

Великая хартия вольностей. К началу XIII в. в Англии складываются объективные предпосылки для перехода к новой форме феодального государства — монархии с сословным представительством. Однако укрепившая свои позиции королевская власть не проявляла готовности привлекать к решению вопросов государственной жизни представителей господствующих сословий. Напротив, при преемниках Генриха II, терпевших неудачи во внешней политике, возрастают крайние проявления монархической власти, усиливается административный и финансовый произвол короля и его чиновников. В связи с этим признание права сословий участвовать в решении важных политических и финансовых вопросов происходило в Англии в ходе острых социально-политических конфликтов. Они приняли форму движения за ограничение злоупотреблений центральной власти. Это движение возглавляли бароны, к которым периодически присоединялись рыцарство и масса фригольдеров, недовольных чрезмерными поборами и вымогательством королевских чиновников. Социальный характер антикоролевских выступлений являлся особенностью политических конфликтов XIII в. по сравнению с баронскими мятежами XI–XII вв. Не случайно эти мощные выступления в XIII в. сопровождались принятием документов, получивших большое историческое значение.

Основными вехами этой борьбы были конфликт 1215 года, закончившийся принятием Великой хартии вольностей, и гражданская война 1258–1267 гг., которая привела к возникновению парламента.

Великая хартия вольностей 1215 года была принята в результате выступления баронов при участии рыцарства и горожан против короля Иоанна Безземельного. Официально в Англии этот документ считается первым конституционным актом. Однако историческое значение Хартии может быть оценено лишь с учетом реальных условий развития Англии в конце XII — начале XIII вв. Закрепляя требования и интересы разнородных и даже противоборствующих, но временно объединившихся сил, Хартия является противоречивым документом, не выходящим за пределы феодального соглашения между королем и верхушкой оппозиции.

Большинство статей Хартии касается вассально-ленных отношений короля и баронов и стремится ограничить произвол короля в использовании его сеньориальных прав, связанных с земельными владениями. Эти статьи регламентируют порядок опеки, получения ренты, взыскания долга и т. п. (ст. 2-11 и др.). Так, ст. 2 Хартии ставила определение суммы ренты с вассалов короля в зависимость от размера землевладения, переходившего по наследству. Ленный опекун по ст. 4 должен был получать в свою пользу умеренные доходы и не наносить ущерба ни людям, ни вещам опекаемого владения. Уступка крупным феодалам сделана также в статьях, в которых говорится о заповедных королевских лесах и реках (ст. 44, 47, 48).

Вместе с тем среди чисто "баронских" статей Хартии выделяются такие, которые имели общеполитический характер. Наиболее откровенно политические претензии баронства выражены в ст. 61. В ней прослеживается стремление к созданию баронской олигархии путем учреждения комитета из 25 баронов с контрольными функциями в отношении короля.

Несмотря на целый ряд оговорок (о процедуре контроля, ссылки на "общину всей земли"), эта статья прямо санкционировала возможность баронской войны против центральной власти. Статьи 12 и 14 предусматривали создание совета королевства, ограничивающего власть короля по одному из важных финансовых вопросов — взиманию "щитовых денег". Соответственно определялся и состав этого "общего" совета (ст. 14) только из непосредственных вассалов короля. Характерно, что этот совет должен был решать вопрос и о взимании феодального вспомоществования с г. Лондона. Остальные виды налогов и сборов, в том числе наиболее тяжелый побор с городов — талью, король мог по-прежнему взимать единолично. Статьи 21 и 34 были направлены на ослабление судебных прерогатив короны. Статья 21 предусматривала подсудность графов и баронов суду "равных", изымая их из-под действия королевских судов с участием присяжных. Статья 34 запрещала применение одного из видов судебных приказов (приказа о немедленном восстановлении истца в правах или явке ответчика в королевский суд), тем самым, ограничивая вмешательство короля в споры крупных феодалов с их вассалами по поводу свободных держаний. Это мотивировалось в Хартии заботой о сохранении у "свободных людей" их судебных курий. Однако термин "свободный человек" здесь явно употребляется в целях маскировки чисто баронского требования. Ведь в условиях Англии XIII в. обладателями судебной курии могли быть только немногие крупные иммунитетисты.

Гораздо более скромное место занимают статьи, отражающие интересы других участников конфликта. Интересы рыцарства в наиболее общем виде выражены в ст. 16 и 60, где говорится о несении за рыцарский лен только положенной службы и о том, что положения Хартии, касающиеся взаимоотношений короля с его вассалами, относятся и к отношениям баронов с их вассалами.

Очень скупо говорится в Хартии о правах горожан и купцов. Статья 13 подтверждает за городами древние вольности и обычаи, ст. 41 разрешает всем купцам свободное и безопасное передвижение и торговлю без взимания с них незаконных пошлин. Наконец, ст. 35 устанавливает единство мер и весов, важное для развития торговли.

Большое значение имела многочисленная группа статей, направленных на упорядочение деятельности королевского судебно-административного аппарата. Данная группа статей (ст. 18–20, 38, 39, 40, 45 и др.) подтверждает и закрепляет сложившиеся с XII в. судебно-административные и правовые институты, ограничивает произвол королевских чиновников в центре и на местах. Так, по ст. 38 чиновникам нельзя было привлекать кого-либо к ответственности только по устному заявлению и без свидетелей, заслуживающих доверия. В ст. 45 король обещал не назначать на должности судей, констеблей, шерифов и бейлифов лиц, не знающих законов страны и не желающих их добровольно исполнять. Хартия также запрещала в ст. 40 взыскивать произвольные и непропорциональные судебные пошлины. Особую известность получила ст. 39 Хартии. Она запрещала арест, заключение в тюрьму, лишение владения, объявление вне закона, изгнание или "обездоливание каким-либо образом" свободных людей иначе, как по законному приговору равных и по закону страны. В XIV в. ст. 39 Хартии неоднократно уточнялась и редактировалась парламентом как гарантирующая неприкосновенность личности всех свободных.

Таким образом, Великая хартия отразила соотношение социально-политических сил в Англии начала XIII в., и прежде всего компромисс короля и баронов. Политические статьи Хартии свидетельствуют о том, что бароны стремились сохранить часть своих иммунитетов и привилегий, поставив осуществление отдельных прерогатив центральной власти под свой контроль или ограничив их использование в отношении феодальной верхушки.

Судьба Хартии отчетливо продемонстрировала бесперспективность баронских претензий и необратимость процесса государственной централизации Англии. Через несколько месяцев после окончания конфликта Иоанн Безземельный, опираясь на поддержку папы, отказался от соблюдения Хартии. В дальнейшем короли неоднократно подтверждали Хартию (1216, 1217, 1225, 1297 годы), однако из нее было изъято более 20 статей, в том

числе 12, 14 и 61-я.

Из политических институтов, предусмотренных "баронскими" статьями Хартии, более или менее утвердился Большой совет королевства, имевший совещательные функции и состоявший из крупных феодальных магнатов. В середине XIII в. он часто именовался "парламентом". Однако такой "парламент" не был ни сословным, ни представительным учреждением.

Образование парламента и расширение его компетенции. Более сложным и важным по своим политическим результатам был конфликт в 1258–1267 гг. В 1258 году на Совете в Оксфорде вооруженные бароны, вновь воспользовавшись недовольством широких слоев свободного населения королевской политикой, заставили короля принять так называемые *Оксфордские провизии*. В них предусматривалась передача всей исполнительной власти в стране Совету 15 баронов. Наряду с исполнительным Советом для решения важных вопросов три раза в год или чаще должен был собираться Большой совет магнатов, состоящий из 27 членов. Таким образом, это была новая попытка установления баронской олигархии, которая не удалась в 1215 году. Последовавшие затем в 1259 году *Вестминстерские провизии* предусматривали некоторые гарантии мелким землевладельцам от произвола со стороны сеньоров. Однако требования рыцарства об участии в центральном управлении страной удовлетворены не были. В этих условиях часть баронов во главе с Симоном де Монфором, искавшая более прочного союза с рыцарством, откололась от олигархической группы и объединилась с рыцарством и городами в самостоятельный лагерь, выступающий против короля и его сторонников.

Раскол в стане оппозиции дал возможность королю отказаться от соблюдения Оксфордских провизий. В ходе начавшейся в 1263 году гражданской войны силам де Монфора удалось одержать победу над сторонниками короля. В 1264 году де Монфор стал верховным правителем государства и реализовал требование рыцарства об участии в государственном управлении. Важнейшим итогом гражданской войны был созыв первого в истории Англии сословно-представительного учреждения — парламента (1265 год). В него наряду с баронами и духовными феодалами были приглашены представители от рыцарей и наиболее значительных городов.

К концу XIII в. королевская власть окончательно осознала необходимость компромисса, политического соглашения с феодалами всех рангов и верхушкой горожан в целях установления политической и социальной стабильности. Следствием такого соглашения явилось завершение формирования органа сословного представительства. В 1295 году был созван "образцовый" парламент, состав которого послужил моделью для последующих парламентов Англии. Помимо лично приглашенных королем крупных светских и духовных феодалов в него вошли по два представителя от 37 графств (рыцари) и по два представителя от городов.

Создание парламента повлекло за собой изменение формы феодального государства, возникновение монархии с сословным представительством. Соотношение социально-политических сил в самом парламенте и вне его определило особенности как структуры, так и компетенции английского средневекового парламента. До середины XIV в. английские сословия заседали вместе, а затем разделились на две палаты. При этом рыцари от графств стали заседать вместе с представителями городов в одной палате (палата общин) и отделились от крупнейших магнатов, образовавших верхнюю палату (палату лордов). Английское духовенство не являлось особым элементом сословного представительства. Высшее духовенство заседало вместе с баронами, а низшее — в палате общин. Первоначально при выборах в парламент не существовало избирательного ценза. Статут 1430 года установил, что в собраниях графств, избиравших представителей в парламент, могут участвовать фригольдеры, получавшие не менее 40 шиллингов годового дохода.

Первое время возможности парламента влиять на политику королевской власти были незначительны. Его функции сводились к определению размеров налогов на движимость и к подаче коллективных петиций на имя короля. Правда, в 1297 году Эдуард I подтвердил в

парламенте Хартию вольностей, в результате чего появился Статут "о неразрешенности налогов". В нем говорилось, что обложение налогами, пособиями и поборами не будут иметь места без общего согласия духовенства и светских магнатов, рыцарей, горожан и других свободных людей королевства. Однако в Статуте содержались оговорки, допускавшие возможность взимания королем ранее существовавших сборов.

Постепенно парламент средневековой Англии приобрел три важнейших полномочия: право на участие в издании законов, право решать вопросы о поборах с населения в пользу королевской казны и право осуществлять контроль над высшими должностными лицами и выступать в некоторых случаях в качестве особого судебного органа.

Право законодательной инициативы парламента возникло из практики подачи коллективных парламентских петиций королю. Чаще всего они содержали просьбу о запрете нарушения старых законов или об издании новых. Король мог удовлетворить просьбу парламента или отвергнуть ее. Однако в течение XIV в. было установлено, что ни один закон не должен быть принят без согласия короля и палат парламента. В XV в. установилось правило, что ходатайства парламента должны облекаться в форму законопроектов, которые получили название "биллей". Так оформилось понятие закона (статута) как акта, исходящего от короля, палаты лордов и палаты общин.

В течение XIV в. постепенно закрепились компетенция парламента в финансовых вопросах. Статут 1340 года провозгласил без каких-либо оговорок недопустимость взимания без согласия парламента прямых налогов, а статуты 1362 года и 1371 года распространили это положение на косвенные налоги. В XV в. парламента стал указывать назначение предоставляемых им субсидий и добиваться контроля над их расходованием.

Стремясь подчинить своему контролю государственное управление, парламента с конца XIV в. постепенно ввел процедуру *импичмента*. Она состояла в возбуждении палатой общин перед палатой лордов как высшим судом страны обвинения против того или иного королевского должностного лица в злоупотреблении властью. Кроме того, в XV в. утвердилось право парламента прямо объявлять преступными те или иные злоупотребления. При этом издавался специальный акт, утверждаемый королем и получивший название "билля об опале".

На протяжении XIII в. происходит также развитие нового исполнительного органа — Королевского *совета*. Он стал представлять собой узкую группу ближайших советников короля, в руках которой сконцентрировалась высшая исполнительная и судебная власть. В эту группу входили обычно канцлер, казначей, судьи, наиболее приближенные к королю министериалы, в основном выходцы из рыцарских слоев. Большой совет крупнейших вассалов короны утратил свои функции, которые отошли к парламента.

Развитие системы местного управления и правосудия. В период сословно-представительной монархии роль старых судов и собраний графств в местном управлении была сведена к минимуму, а их функции перешли к новым должностным лицам и новым видам разъездных судов, компетенция которых неуклонно расширялась.

Собрания графств в конце XIII–XV вв. созывались главным образом для избрания представителей в парламента и местных должностных лиц. Они могли рассматривать споры по искам, суммы которых не превышали 40 шиллингов.

В XIII в. главой королевской администрации продолжал оставаться шериф, а в сотне — его помощник, *бейлиф*. Кроме них представителями королевской администрации на местах были *коронеры* и *констебли*, избиравшиеся в местных собраниях. Коронеры осуществляли расследование в случае насильственной смерти, констебли были наделены полицейскими функциями. Огромная власть шерифа со временем стала вызывать недоверие короны, опасавшейся "феодализации" этой должности, превращения ее в наследственную. Не случайно после междоусобных войн в XIII в. должность шерифа стала краткосрочной и подвергалась контролю со стороны казначейства. Статья 24 Великой хартии вольностей 1215 года запретила шерифам разбирать иски короны, и с этого времени должность шерифа стала постепенно утрачивать свое значение, по крайней мере, в области правосудия.

С конца XIII в. окончательно утверждается практика назначения из местных землевладельцев в графствах так называемых охранителей мира, или *мировых судей*. Первоначально они обладали полицейскими и судебными полномочиями, но с течением времени стали выполнять наиболее важные функции местного управления вместо шерифов. По статуту 1390 года в каждое графство назначалось восемь мировых судей. Мировые судьи контролировали цены на продукты питания, следили за единством мер и весов, вывозом шерсти, осуществляли надзор за проведением в жизнь законов о рабочих (1349 и 1351 гг.), о еретиках (1414 год) и даже устанавливали размеры заработной платы (статут 1427 года). Имущественный ценз для занятия этой должности составлял 20 фунтов стерлингов годового дохода.

В судебную компетенцию мировых судей входило разбирательство уголовных дел, кроме убийств и особо тяжких преступлений. Разбирательства проводились на сессиях мировых судей, созывавшихся четыре раза в год. Эти собрания получили название судов "четвертных сессий".

В XIII–XIV вв. растет количество королевских судов различных рангов, усиливается их специализация. Вместе с тем судебные и административные функции многих учреждений еще не разделились. Высшими судами "общего права" в Англии в этот период стали *Суд королевской скамьи*, *Суд общих тяжб* и *Суд казначейства*.

Суд казначейства, который первым стал записывать свои слушания (еще в 20-х гг. XII в.), был в основном специализирован на рассмотрении финансовых споров, и прежде всего споров, касающихся долгов казны и короны.

Суд общих тяжб, или "общая скамья", рассматривал большинство частных гражданских исков и стал основным судом общего права. Все дебаты в суде записывались и размножались для ознакомления заинтересованных сторон и с XIV в. регулярно публиковались. Этот суд был также местом практики для всех студентов, изучающих право.

Суд общих тяжб осуществлял также надзор за местными и манориальными судами. По приказу из канцелярии жалобы могли быть перенесены в этот суд из любого другого низшего суда, а благодаря специальным судебным приказам Суд общих тяжб мог исправлять судебные ошибки других судов.

Из личного Суда короля постепенно сформировался Суд королевской скамьи, заседавший до конца XIV в. только в присутствии короля и его ближайших советников. Он стал высшей апелляционной и надзорной инстанцией для всех других судов, включая "общие тяжбы", но со временем был специализирован на рассмотрении апелляций по уголовным делам.

С развитием гражданского оборота из общей системы высших королевских судов выделился *Суд лорда-канцлера*, который решал вопросы "по справедливости". С деятельностью этого суда было связано возникновение новых форм процесса и норм права (права справедливости).

Более разветвленной и разнообразной стала в XIII–XIV вв. система королевского разъездного судопроизводства.

Поскольку процедура общих судебных объездов была громоздкой и дорогостоящей, в XIII в. была установлена периодичность общих объездов не чаще одного раза в семь лет. В XIV в. общие объезды утратили свое значение и уступили место более специализированным разъездным комиссиям, среди которых можно выделить Суды ассизов (по рассмотрению споров о преимущественном праве владения леном), комиссию по делам о мятежах и комиссию по общей проверке тюрем.

Значительную роль в отправлении правосудия приобретают большое и малое жюри присяжных заседателей. Большое, или *обвинительное, жюри* оформилось в связи с процедурой опроса разъездными судами обвинительных присяжных. Оно стало органом предания суду. Всего в жюри было 23 члена. Единого мнения 12 членов жюри было достаточно для утверждения обвинительного акта против подозреваемого.

Малое жюри, состоящее из 12 присяжных заседателей, стало составной частью

английского суда. Члены этого жюри участвовали в рассмотрении дела по существу и выносили вердикт, требовавший единогласия присяжных. По закону 1239 года для присяжных был установлен ценз в 40 шиллингов годового дохода.

Юрисдикция манориальных судов в XIII в. продолжала неуклонно ограничиваться. Лишь немногие крупнейшие феодалы сохранили право суда по делам, подсудным короне. Статуты 1260–1280 гг. запретили магнатам оказывать давление на свободных держателей с целью их явки в курии, выступать в качестве апелляционной инстанции. Шерифам было разрешено нарушать иммунитеты лордов для изъятия захваченного ими скота, а также во всех случаях, если лорд или его подручный хотя бы один раз не выполнили королевский приказ. Взаимоотношения светских и церковных судов по-прежнему отличались значительной напряженностью и сложностью в вопросах разграничения компетенции. В результате многочисленных коллизий был установлен принцип, согласно которому подсудность обоих видов судов определялась по характеру наказаний: только светские суды могли налагать светские наказания, например, взимать штрафы. Королевская власть постоянно пыталась ограничить компетенцию церковных судов, однако, как известно, эти попытки были наименее удачными. В конце концов, корона ограничилась использованием традиционного средства — изданием судебного приказа "о запрещении", который издавался в каждом конкретном случае, когда церковные суды, по мнению короны, а точнее, чиновников королевской курии, выходили за рамки своей компетенции.

Error! Hyperlink reference not valid.

Изменения в общественном строе. В течение XIV–XV вв. в экономике и социальной структуре Англии произошли значительные изменения, обусловившие становление абсолютизма.

Постепенно происходит капиталистическое перерождение феодального землевладения. Развитие товарно-денежных отношений и промышленности, увеличение спроса на английскую шерсть повлекли за собой превращение поместий феодалов в товарные хозяйства. Все это соответствовало накоплению капитала и возникновению первых мануфактур, прежде всего в портах и деревнях, где отсутствовал цеховой строй, ставший тормозом на пути развития капиталистического производства. Формирование капиталистических элементов в деревне ранее, чем в городе, являлось особенностью экономического развития Англии этого периода.

Пытаясь расширить свои владения с целью превращения их в пастбища для овец, феодалы захватывают общинные земли, сгоня крестьян с их участков ("огораживание"). Это привело к ускоренной дифференциации сельского населения на фермеров, малоземельных арендаторов и безземельных батраков.

К концу XV в. английское крестьянство разделилось на две основные группы — *фригольдеров* и *копигольдеров*. В отличие от фригольдеров копигольдеры — потомки прежних крепостных — продолжали нести ряд натуральных и денежных повинностей по отношению к феодалам. Их права на земельные участки были основаны на копиях решений манориальных судов.

Во второй половине XV в. происходят значительные изменения и в структуре самого класса феодалов. Междоусобные войны Алой и Белой розы подорвали мощь крупного феодального землевладения, привели к истреблению старой феодальной знати. Громадные владения светских и духовных феодалов пускались короной в продажу и покупались городской буржуазией и верхушкой крестьянства. Одновременно возрастала роль средних слоев дворянства, интересы которых были близки интересам буржуазии. Эти слои образовали так называемое новое дворянство (*gentry*), особенностью которого стало ведение хозяйства на капиталистических началах.

Развитие единого национального рынка, а также обострение социальной борьбы обусловили заинтересованность нового дворянства и городской буржуазии в дальнейшем

усилении центральной власти.

В период первоначального накопления капитала усилилась колонизация заморских территорий: при Тюдорах была основана первая английская колония в Северной Америке — Вирджиния, а в начале XVII в. была учреждена колониальная Ост-Индская компания.

Особенности английского абсолютизма. Абсолютная монархия установилась в Англии, как и в других странах, в период упадка феодализма и возникновения капиталистических производственных отношений. Вместе с тем английский абсолютизм имел свои особенности, благодаря чему получил в литературе название "незавершенного". Незавершенность этой политической формы в условиях Англии означала сохранение Политических институтов, свойственных предшествующей эпохе, а также отсутствие некоторых новых элементов, типичных для абсолютизма классического, французского образца.

Основная особенность английской абсолютной монархии состояла в том, что наряду с сильной королевской властью в Англии продолжал существовать парламент. К другим особенностям английского абсолютизма относятся сохранение местного самоуправления, отсутствие в Англии такой централизации и бюрократизации государственного аппарата, как на континенте. В Англии отсутствовала и крупная постоянная армия.

Центральными органами власти и управления в период абсолютной монархии в Англии были король, Тайный совет и парламент. Реальная власть сосредоточилась в этот период полностью в руках короля.

Тайный совет короля, окончательно сложившийся в период абсолютизма, состоял из высших должностных лиц государства: лорда-канцлера, лорда-казначея, лорда-хранителя печати и др.

Усилившаяся королевская власть не смогла упразднить парламент. Его устойчивость была следствием союза джентри и буржуазии, основы которого были заложены в предшествующий период. Этот союз не позволил королевской власти, используя разрыв сословий, ликвидировать представительные учреждения в центре и на местах.

Верховенство короны во взаимоотношениях с парламентом было оформлено статутом 1539 года, который приравнивал указы короля в Совете к законам парламента. Хотя в 1547 году парламент формально отменил этот статут, преобладание короны над парламентом фактически сохранялось.

Парламент продолжал сохранять за собой прерогативу утверждения размеров сборов и налогов. Противодействие парламента установлению новых налогов вынуждало английских королей прибегать к займам, введению пошлин на ввоз и вывоз товаров, к выдаче за крупные денежные выплаты привилегий компаниям на исключительное право торговли (так называемых монополий). Эти действия иногда вызвали сопротивление парламента, но его возможности влиять на политику королевской власти в этот период ослабли. В связи с бурной колонизацией не английских территорий Британских островов английская система управления постепенно распространялась на всю Британию. В 1536–1542 гг. в состав английского государства был окончательно интегрирован Уэльс. В 1603 году под власть английской короны перешла северо-восточная провинция Ирландии — Ольстер. С 1603 года в результате династического престолонаследия в личной унии с Англией (под властью одного короля) стала находиться Шотландия. Фактически это объединение было номинальным, и Шотландия сохраняла статус самостоятельного государственного образования.

В период абсолютизма окончательно утверждается верховенство королевской власти над английской церковью. С целью учреждения в стране церкви, подчиненной королевской власти, в Англии была проведена Реформация, сопровождавшаяся изъятием церковных земель и превращением их в государственную собственность (секуляризация). Парламент Англии при Генрихе VIII с 1529 по 1536 г. принял ряд законов, объявлявших короля главой церкви и наделявших его правом намечать кандидатов на высшие церковные должности. В конце XVI в. законодательным путем было установлено содержание вероучения новой

церкви, а также порядок богослужения. Таким образом, так называемая англиканская церковь перестала зависеть от римского папы и превратилась в часть государственного аппарата.

Высшим церковным органом страны была *Высокая комиссия*. В ее состав наряду с духовными лицами входили члены Тайного совета и другие должностные лица. Компетенция комиссии была чрезвычайно обширной. Она расследовала дела, связанные с нарушением законов о верховенстве королевской власти в церковных делах, "беспорядки духовного и церковного характера". Основной задачей комиссии была борьба с противниками реформированной церкви — как с католиками, так и со сторонниками наиболее радикальных и демократических форм протестантизма (например, пресвитерианства, укоренившегося в Шотландии). Любые три члена комиссии, если среди них был один епископ, обладали правом подвергать наказанию лиц, не посещающих церковь, пресекать ереси, смещать пасторов. В дальнейшем к ведению Высокой комиссии был отнесен ряд сугубо светских дел — о бродягах в Лондоне, о цензуре и т. п. Реформированная церковь, сохранив немало черт католицизма как в структуре, так и в богослужении, превратилась в орган, одной из задач которого стала пропаганда теории божественного происхождения власти короля.

С установлением абсолютизма система местных органов управления стала более стройной, возросла их зависимость от центральных органов власти. Основные изменения в местном управлении в этот период выразились в учреждении должности лорда-лейтенанта и административном оформлении местной единицы — церковного прихода. Лорд-лейтенант, назначаемый в графство непосредственно королем, возглавлял местное ополчение, руководил деятельностью мировых судей и констеблей.

Приход представлял собой низовую самоуправляющуюся единицу, сочетавшую функции местного церковного и территориального управления. Собрание прихожан, плативших налоги, решало вопросы распределения налогов, ремонта дорог и мостов и т. п. Кроме того, собрание избирало должностных лиц прихода (церковных старост, надзирателей за бедными и пр.). Ведение церковных дел в приходе осуществлялось настоятелем прихода. Вся его деятельность была поставлена под контроль мировых судей, а через них — под контроль органов управления графствами и центральных органов. Четвертные сессии мировых судей превратились в высшие инстанции по всем вопросам, относящимся к делам управления приходами. Собрания графств, еще сохранившиеся от прежнего периода, окончательно теряют свое значение.

При абсолютизме окончательно оформилась структура и юрисдикция центральных Вестминстерских судов, в том числе Суда справедливости и Высшего суда адмиралтейства. Однако помимо них создаются чрезвычайные суды, такие как *Звездная палата* и судебные советы в "мятежных" графствах. Звездная палата в качестве специального отделения Тайного совета являлась орудием борьбы с противниками королевской власти (первоначально — с непокорными феодалами). Судопроизводство в ней носило в основном инквизиционный характер, а решения выносились по усмотрению судей. Впоследствии Звездная палата стала выполнять также функции цензора и органа надзора за правильностью вынесения вердиктов присяжными. Судебные советы, подчиненные Тайному совету, были созданы в тех районах Англии, где часто нарушалось "общественное спокойствие" (Уэльс, Шотландия).

В период абсолютизма расширилась судебная компетенция мировых судей. Все уголовные дела предписывалось рассматривать разъездным и мировым судьям после утверждения по ним обвинительного акта большим жюри. Присяжные заседатели включались в состав суда. Имущественный ценз для присяжных по закону Елизаветы I был повышен с 40 шиллингов до 4 фунтов стерлингов.

Основные принципы организации армии изменились незначительно. Во время установления абсолютной монархии Генрих VII (1485–1509 гг.), чтобы подорвать окончательную военную мощь старой аристократии, издал закон о запрещении феодалам иметь свиту и утвердил монопольное право короны использовать артиллерийские орудия.

Упразднение вооруженных сил крупных феодалов в Англии не повлекло за собой создания постоянной королевской армии. Стража крепостей и королевская гвардия оставались малочисленными. Сухопутная армия продолжала основываться на ополчении в виде отрядов милиции.

Английское государство, занимая островное положение, нуждалось для защиты своей территории в сильном морском флоте. Военный флот стал основой вооруженных сил Англии, орудием господства на морях и колонизации других территорий.

Глава 19. Средневековое государство в Византии

Византийское государство оформилось в результате отделения восточной части Римской империи в конце IV в. н. э. Оно просуществовало свыше тысячи лет, вплоть до разгрома в 1453 г. ее столицы Константинополя в ходе турецкого нашествия.

Развитие Византийского государства, отличавшееся самобытностью, прошло несколько этапов. Первый этап (IV — середина VII в.) был периодом разложения рабовладельческого строя, зарождения в недрах византийского общества элементов раннефеодальных отношений. Государство этого периода представляло централизованную монархию с развитым военно-бюрократическим аппаратом, но с некоторыми ограничениями власти императора. Второй этап (с конца VII до конца XII в.) был периодом формирования феодальных порядков. В это время государство приобретает законченные черты своеобразной формы неограниченной монархии, отличной от деспотических монархий Востока и монархий феодального Запада. Императорская власть в Византии достигает наивысшего уровня. Наконец, на третьем этапе (XIII–XV вв.) происходит углубление политического кризиса византийского общества, вызванного усилением процесса его феодализации в условиях нарастания турецкой военной агрессии. Этот период характеризуется резким ослаблением византийского государства и его фактическим распадом в XIII–XIV вв., что привело его в XV в. к гибели.

Византия оказала значительное влияние на политическое развитие народов Южной и Восточной Европы, а также Закавказья. Она долгое время была хранителем и проводником государственно-правового наследия античности. Восприятие феодальными государствами Болгарии, Сербии, Киевской Руси и Грузии обширного культурного наследия Византийского государства способствовало их прогрессивному развитию.

Общественный строй. Специфические черты развития византийского средневекового общества проявляются уже на первом этапе его развития. Процесс разложения рабовладельческих порядков носил в Византии замедленный характер. Относительно высокий уровень развития товарно-денежных отношений, длительное сохранение сильных экономических и политических позиций многочисленных византийских городов (Антиохии, Александрии, Дамаска, Константинополя и др.) содействовали политической стабильности Византии и сдерживали процесс распада рабовладельческого строя.

Господствующий класс Византии IV–VII вв. был неоднороден. Ведущие экономические и социальные позиции в Византии занимали старая сенаторская аристократия и провинциальная знать, базу господства которых составляла крупная частная собственность на землю рабовладельческого типа. Наряду с ними высокое место в социальной структуре византийского общества занимала городская муниципальная верхушка крупных городов империи, особенно столицы — Константинополя.

Состав эксплуатируемой части византийского общества также отличался значительной разнородностью. На низшей ступени социальной лестницы находились рабы. Их правовое положение, определяемое нормами позднеимперского права, резко отличалось от положения различных категорий свободных. К последним относились прежде всего свободные

крестьяне-землевладельцы. Сохранение в IV–VI вв. свободного крестьянства — важная особенность общественного строя Византии. Свободные крестьяне жили соседскими общинами и обладали правом частной собственности на землю. Они эксплуатировались непосредственно Византийским государством: уплачивали поземельную подать и несли разного рода тяжелые имущественные и личные повинности. Широко использовалась в Византии этого периода и позднеримская форма эксплуатации крестьян — *колонат*. Византийское законодательство разделяло колонов на свободных и "приписных". Вынужденные арендовать землю у крупных землевладельцев, колоны находились в зависимом от своих господ положении. Особенно тяжелым было положение "приписных" колонов: они были прикреплены к земле. Свободные и "приписные" колоны несли повинности как в пользу своих господ, так и в пользу государства. Положение обеих категорий византийских колонов резко ухудшается в VI в.

Общественный строй Византии претерпевает серьезные изменения в ходе острейшего политического и социального кризиса конца VI — первой половины VII в. Арабское нашествие, вторжение варваров, сопровождаемые их массовым оседанием на территории империи, разрушение и упадок многих городов ускорили ломку рабовладельческих и образование феодальных порядков в Византии. В войнах и социальных столкновениях погибла значительная часть представителей тех социальных групп, которые господствовали в Византии в предшествующем периоде. Вместе с тем сохранение государственных форм собственности, общинного землевладения и огромная распространенность неограниченной частной собственности на землю и в последующие века серьезно замедляли формирование новой феодальной собственности и, кроме того, развитие эксплуатации византийского крестьянства.

Только к X в. возобладала тенденция к созданию феодальной сеньориальной системы, основанной на труде зависимого от земельных магнатов крестьянства при сохранении, однако, контроля со стороны государства. Основные же формы феодального землевладения — условные земельные пожалования в виде *прении*, *арифмоса* — утверждаются еще позже, в XI–XII вв. Так, наиболее известный феодальный институт — прения, расцвет которого приходится на XII–XIII вв., представлял собой различные виды земельных пожалований прониару от государства на условиях несения службы, обычно на время жизни прониара или императора.

Замедленный характер развития феодальных отношений определил особенности социального состава господствующего класса византийского общества на втором этапе его развития. Господствующий класс в это время состоял из разнородных социальных слоев: сановных светских и церковных чинов, местной военно-служилой знати и общинной верхушки, выделившейся из зажиточного крестьянства. Все эти силы долгое время не были консолидированы и не складывались в замкнутые сословия. Наследственная вассально-сеньориальная система, характерная для развитого феодального строя, начинает складываться в Византии только к XI–XII вв. Незавершенность развития феодального сеньориального строя обусловила относительную слабость византийской землевладельческой знати. Ведущее место в структуре господствующего класса Византии принадлежало столичной знати и высшему чиновничеству империи, остро соперничающим с военно-землевладельческой провинциальной знатью.

И во втором периоде развития Византийского государства сохранялись многочисленные различия в правовом положении отдельных слоев трудового населения. В Византии формирование класса феодально-зависимого крестьянства растянулось на длительное время. В империи по-прежнему сохранялась значительная категория свободных крестьян-общинников, а также особая прослойка государственных крестьян, сидевших на землях, принадлежавших казне и императору. Обе эти категории крестьян эксплуатировались главным образом в централизованной форме посредством государственной налоговой системы. Податные крестьяне, сидящие на государственных землях, фактически становятся в это время крепостными: приписываются к казне и теряют

свободу передвижения. Они должны были платить канон — поземельный налог, подушный налог, государственную хлебную ренту, налог на скот. Особенно разорительной для крестьян-общинников стала обязанность уплачивать налоги за выморочные и брошенные земли соседей.

С XI–XII вв. идет неуклонный рост числа частновладельческих крестьян за счет крестьян свободных и даже государственных, что свидетельствует о формировании в Византии землевладения феодального типа. Частновладельческие византийские крестьяне именовались *париками*. Они не имели права собственности на землю и рассматривались как наследственные держатели своих наделов, были обязаны выплачивать господину ренту в отработочной, натуральной, денежной формах. В отличие от государственных крестьян они не были прикреплены к земле вплоть до XIII–XIV вв.

Низшее положение в византийском обществе, как и ранее, занимали рабы. Длительное сохранение рабовладения составляло характерную черту общественного строя Византии. Рабский труд широко использовался в домашнем хозяйстве византийской знати. Слуги — рабы константинопольских вельмож исчислялись сотнями. В X–XI вв. социальное положение византийских рабов несколько улучшается, они, например, получают право заключать церковный брак. Пресекается обращение свободных в рабство. Рабов нередко переводят на положение париков. В XI–XII вв. усилилась тенденция к стиранию граней между рабами и другими категориями эксплуатируемых классов Византии.

Государственный строй. Византийское государство IV–VII вв. унаследовало, с теми или иными особенностями, основные черты государственного строя позднеримской империи. Во главе государства стоял император, наследник власти римских цезарей. Он обладал всей полнотой законодательной, судебной и исполнительной власти и являлся верховным покровителем и защитником христианской церкви. Византийская православная церковь играла огромную роль в укреплении авторитета императора.

Именно церковь разработала и освятила официальную доктрину божественного происхождения императорской власти и проповедовала единение государства и церкви, духовной и мирской власти (их симфонию). В отличие от католической (западной) византийская церковь в гораздо большей мере экономически и политически зависела от императора, так как существовала в условиях мощного централизованного государства.

Ранневизантийская церковь была прямо подчинена императору. Наиболее полно властно вмешивался в руководство делами церкви император Юстиниан I, нередко обращавшийся с высшими церковными иерархами (епископами и патриархами) как со своими чиновниками.

Власть византийского императора в IV–VII вв. не была произвольной. При всей широте полномочий императора она умерялась необходимостью следовать "общим законам" империи и особенно отсутствием принципа наследственности престола. Новый византийский император избирался сенатом, "народом Константинополя" и армией, роль которой в избрании императора Византии неуклонно падала.

Важным фактором политической жизни Византийского государства этого времени было одобрение кандидатуры императора "народом Константинополя". Еще в IV в. императорским указом "народу Константинополя" — различным социальным слоям и группировкам населения столицы, собиравшимся на константинопольском ипподроме, было предоставлено право выражать просьбы и предъявлять императору требования. На этой основе в Византии возникли особые политические организации — так называемые городские партии (*димы*). Социальную опору двух наиболее крупных димов — они назывались "голубые" и "зеленые" — составляли различные группировки господствующего класса. Первых поддерживала сенаторская и муниципальная аристократия, вторых — торгово-финансовая верхушка византийских городов. Димы имели определенную организацию и даже вооруженные отряды. В V в. аналогичные организации по типу столичных димов были созданы и в других городах Византийской империи. Они превратились с течением времени в своего рода общеимперские организации, тесно

связанные друг с другом. В IV–VI вв. роль димов в политической жизни была значительной. Византийские императоры должны были нередко делать ставку в своей политике на одну из названных партий.

Другим фактором, сдерживающим самовластие императора, являлось наличие особого государственного органа византийской аристократии — *константинопольского сената*. В сенате могли рассматриваться любые дела империи. Его влияние обеспечивалось самим составом сената, включавшим практически всю правящую верхушку господствующего класса Византии. К V в. число сенаторов составляло 2 тыс. человек. Обсуждение государственных дел сенатом, а также его право участвовать в избрании нового императора обеспечивало византийской аристократии известную долю участия в руководстве делами империи.

Именно поэтому ранневизантийские императоры, включая наиболее могущественного Юстиниана I, признавали в законодательных актах необходимость "согласия великого сената и народа". Это свидетельствует об устойчивости некоторых политических традиций, сохраняющихся со времен республиканской государственности.

С VIII в. начинается новое укрепление центральной власти Византии. Оно надолго определило пути развития византийской государственности. Базой централизации и широкой завоевательной политики Византии в IX–X вв. послужила стабилизация экономики на новой феодальной основе. Византийское государство, достигшее наивысшего развития во время правления Македонской династии (867–1057 гг.), стремилось контролировать с помощью огромного бюрократического аппарата все стороны экономической, политической и культурной жизни страны. Жестко централизованный характер империи резко отличал Византию от современных ей феодальных государств Европы.

В VIII в. политические организации и учреждения, ранее сдерживавшие всевластие византийского императора, приходят в упадок или полностью ликвидируются. С IX в. даже номинальное провозглашение императора "народом Константинополя" прекращается. Политическая роль константинопольского сената, упавшая еще в конце VII в., окончательно сводится на нет императорским указом конца IX в., лишившим сенат права участия в законодательстве империи.

Единственной крупной политической силой в Византийском государстве остается православная (греческая) церковь. Ее авторитет и влияние укрепляются. В частности, возрастает роль главы церкви константинопольского патриарха в общественно-политической жизни Византии. Патриархи нередко становятся регентами малолетних императоров и непосредственно вмешиваются в политическую борьбу за трон, пользуясь тем, что единственной процедурой, узаконивающей "поставление на царство", становится с VII в. венчание императора патриархом в храме Св. Софии. Однако и в это время византийской церкви не удалось добиться независимости от императорской власти. Император сохранил право выбирать патриарха из трех кандидатов, рекомендованных церковными иерархами, и низлагать неугодного патриарха.

Укрепление основ императорской власти в VIII–IX вв. сопровождалось изменением ее атрибутов. За византийскими императорами окончательно утверждаются греческие титулы *василевса* (царя) и *автократора* (самодержца). Культ императора-василевса достигает невиданных ранее размеров. Божественный император считался владыкой вселенной (Ойкумены). Его прерогативы были неограниченными. Василевс издавал законы, назначал и смещал высших чиновников, являлся верховным судьей и командующим армией и флотом.

Характерно, что при такой всевластности его положение не было очень прочным. Примерно половина всех византийских императоров была лишена власти насильственно. Система престолонаследия длительное время у византийцев отсутствовала: сын *ва-силевса* не рассматривался обычаем как обязательный законный наследник. Императором делало не рождение, а "божественное избрание". Поэтому императоры широко практиковали институт соправителей, выбирая, таким образом, еще при жизни наследника, принцип законного престолонаследия начинает утверждаться в Византии только с конца XI в.

Традиционализм, рутинность церемониалов, отработанных до мельчайших подробностей и освященных обычаем, серьезно сковывали личные возможности императоров. Их реальная власть, по мнению ряда исследователей, начинает неуклонно ослабевать. Этому способствовали новые тенденции, порожденные воздействием феодальных отношений. По мере развития в Византии феодализма между императорами и крупными феодальными землевладельцами (динатами) складываются новые для византийской государственной практики сеньориально-вассальные отношения. Начиная с X в. византийский самодержец нередко вынужден заключать феодальные договоры с некоторыми своими подданными — динатами, беря на себя обязанности феодального сеньора.

Для государственного строя Византии на основных этапах его развития характерно наличие огромного бюрократического аппарата, как центрального, так и местного. В его основе лежали начала строгой иерархии. Все византийское чиновничество было разделено на ранги (титулы). Их система была глубоко разработана. В X в. в византийской "табели о рангах" насчитывалось 60 таких рангов. Центральное управление империей сосредоточивалось в *Государственном совете (консистории, а позднее синклите)*. Это был высший орган при императоре, руководивший текущими делами государства. Его функции не были четко определены, и на практике он играл немалую политическую роль. Государственный совет состоял из высших государственных и дворцовых чинов, являющихся ближайшими помощниками императора. В их число входили оба *префекта претория*, префект Константинополя, магистр и квестор дворца, два комита финансов. Эти высшие чиновники империи обладали обширными полномочиями, в том числе судебными. Так, два префекта претория являлись высшими руководителями местного государственного аппарата; префект Константинополя являлся гражданским правителем столицы и председателем сената.

Важные функции имели и высшие дворцовые чины: *магистр* — начальник дворца и *квестор* — главный юрист и председатель консистория. Они осуществляли непосредственно управление делами империи с помощью разветвленного бюрократического аппарата. Общая численность византийских чиновников в это время была огромной. Только в ведомствах двух префектов претория служило не менее 10 тыс. гражданских чиновников.

Роль центрального государственного аппарата возросла в IX–XI вв. Государственный бюрократический аппарат в эту пору контролировал все сферы политической, экономической и даже культурной жизни Византии. Его структура стала еще более сложной и громоздкой. Количество ведомств ("секретов") увеличилось до 60. С IX в. вследствие роста императорского хозяйства и двора усложняется дворцовая администрация. Различия между государственными ведомствами и дворцовыми службами становятся все менее четкими. Дворцовая администрация все чаще вторгается в руководство общегосударственными делами. Другая черта, характерная для центрального управления Византии этого времени, — распыление отдельных государственных функций между различными, нередко дублирующими друг друга государственными ведомствами. Так, финансовое управление было разделено с VII в. на несколько неподчиненных друг другу "секретов". Судебные функции были разделены между различными учреждениями: судом патриарха, судом городского префекта (эпарха), особым судом для дворцовых служб императора и др.

Местное управление. Местный государственный аппарат империи в IV–VII вв. целиком базировался на позднеримской системе управления (деление на префектуры, диоцезы и провинции). Гражданская власть была отделена от военной и обладала в этот период приоритетом над последней. Во главе местного управления империи стояли два префекта претория. Эти высшие гражданские чиновники обладали широкой административной, судебной и финансовой властью. В непосредственном подчинении префектов находились гражданские правители диоцезов и провинций. Правители провинций, основного звена местного управления, наряду с обширными административными и финансовыми полномочиями обладали и судебной властью. Они являлись судьями первой инстанции по всем значительным судебным делам в пределах провинции.

В VII в. на смену старой системе местного управления пришла новая, фемная система. Фемы возникли как военные округа и были первоначально гораздо крупнее старых провинций. Во главе фемов стояли стратиги, которые объединяли в своих руках всю полноту военной и гражданской власти. Военизация местного управления империи была следствием обострения внешнеполитической обстановки и социально-классовых антагонизмов византийского общества. В дальнейшем, с усилением феодализации византийского общества, фемная организация местного управления начинает ослабевать и в XI в. окончательно приходит в упадок.

Армия. В IV–VII вв. армия Византии была построена на позднеримских началах, с делением на пограничные и мобильные войска. С целью ослабления угрозы захвата власти со стороны военных вождей византийские императоры практиковали раздробление высшего управления армией между пятью руководителями (магистрами). Состав византийской армии постепенно менялся. В VI–VII вв. все большую роль в армии играют контингенты варваров.

Основу армии с началом второго периода развития византийского государства (конец VII–IX в.) составляло стратиотское (крестьянское) ополчение. В это время в Византии был создан и мощный военный флот.

Дальнейшую трансформацию византийская армия испытала в последующих X–XI вв. С усилением процесса феодализации стратиотское ополчение распалось. Ядром армии становится конница, состоящая из экономически и социально обособившейся стратиотской верхушки. Это было уже профессиональное войско, не обладающее, однако, высокой боеспособностью. Поэтому византийские императоры все чаще стали прибегать к помощи наемных иноземных отрядов (главным образом из Западной Европы и Киевской Руси). В организационном отношении византийская армия, как и ранее, подразделялась на две части: столичные и местные (фемные) контингенты, причем роль и значение последних неуклонно падала.

На рубеже XI–XII вв. высокоцентрализованное Византийское государство становится объективным тормозом, мешавшим прогрессивному развитию народов, входивших в состав Византии.

Политический и социально-экономический кризис Византии в XIII в. и последующая гибель Византийского государства стали поэтому закономерным историческим итогом.

Глава 20. Раннефеодальное право в странах Западной Европы

Становление раннефеодального права Западной Европы. "Варварские правды". Наиболее полное представление о раннефеодальном праве дают так называемые "варварские правды", в которых были записаны многообразные правовые обычаи, устоявшиеся образцы судебных решений германцев. Одна из самых древних — Салическая правда, составленная в правление Хлодвига в конце V — начале VI в. Рипуарская правда — судебник другого франкского племени в своей основной части сложился в VI в., но известен и в редакции VIII в.

Вестготская правда в первой, полной редакции появилась в VI–VII вв. В ее основе был свод законов короля вестготов Эриха (466–489 гг.), расширившего свои владения в Галлии и получившего независимость от римских императоров. Вслед за вестготами бургунды приступили к созданию собственного судебного кодекса. Создавая его, они вместе с практическими целями преследовали и цели политико-символические — закрепления своего господства над территориями, освобожденными от власти Рима.

То, что готы, так же как и бургунды, долго жили среди римлян, сказалось на содержании их судебных кодексов, в значительной мере отразивших влияние порядков позднеримской империи.

Аламманская и Баварская правды появились в VIII в. Саксонская и Тюрингская правды известны в редакции конца VIII — начала IX в. Создавались "варварские правды" королями

вместе со "знатнейшими" (епископами, герцогами, графами) и "собравшимся народом", как записано в Аламаннской правде, или "с князьями и всем народом христианским", как указано в Баварской правде.

Все судебники, написанные тремя и более столетиями позже Салической правды, при всей архаичности их норм свидетельствуют о новом этапе развития феодальных отношений. Если Салическая правда относится к тому периоду развития франкского общества, когда процесс распада родоплеменных связей еще не завершился, не утвердилась феодальная частная собственность на землю, то в более поздних правдах зафиксировано уже рождение аллода, как отчуждаемой земельной собственности, более четко выражена социальная дифференциация, отношения зависимости среди свободных и пр. Все они написаны также под значительным влиянием римского и церковного права.

Близки по содержанию "варварским правдам" и англосаксонские записи норм обычного права, такие как Правда Этельберта (VI в.), Правда Инэ (около 690 г.), а также скандинавские провинциальные судебники XII–XIV вв.

Особое место среди судебныхников занимает свод законов (эдикт) остготского короля Теодориха, написанный в V в., содержание которого в ряде статей явно опережает свое время, что было связано с особыми условиями образования остготского королевства на Апеннинском полуострове.

Самая примечательная его черта состоит в том, что вопреки общему персональному принципу действия "варварских правд" эдикт распространял свое действие на всех лиц, проживающих на территории королевства, т. е. в равной мере, как на остготов, так и на римлян. В центре внимания эдикта были оформление и защита земельной собственности частных лиц (ст. 10–12, 27, 75 и др.).

Заимствована у завоеванных римлян и мотивация составления сборника, продиктованного, как здесь указано, "требованиями разума". В ст. 155 содержится ссылка на "старое право", которое "было воспринято", т. е. на нормы римского права, об уважении к которым и необходимости их сохранения постоянно заботился остготский король.

Подчеркивая свою лояльность к Риму, заботу о всем населении, король предписывал руководствоваться эдиктом в суде в отношении "знатных и богатых", а также могущественных людей, "занимающих какую-либо военную и гражданскую должность". Вероятнее всего, что в составлении эдикта принимали участие представители не только остготской, но и римской знати. Эдикт был записан, как некогда Законы XII таблиц, на бронзовых досках и выставлен на площади для всеобщего обозрения.

Столь широкие временные границы записи норм обычного права у германских народов связаны с медленным распространением феодальных отношений как на юге, так и на севере Западной Европы. "Варварские правды" отразили практику разных эпох, конкретные внутренние и внешние условия, в которых они появились.

Вместе с тем однотипность той общественной среды, в которой они складывались, растущее влияние христианской идеологии и церкви, нечеткость границ расселения отдельных племенных групп, слияние элит, перемешиваемых в ходе бесконечных войн, определяли значительное сходство их содержания. Так, например, англосаксонский король Этельберт следовал во многом Салической правде, когда создавал свои законы, по крайней мере 19 из 90 статей Законов Этельберта имеют прямые параллели с Салической и другими правдами.

"Варварские правды" — судебники, руководства для судей. Вместе с тем они не являются сборниками систематически изложенных правовых норм, касающихся всех сторон жизни раннеклассового общества. Их неполнота, фрагментарность, бессистемность — результат той общеправовой основы, на которой они складывались. Зафиксировать все многообразие обычаев было невозможно, особенно если учесть, что записывались они в форме конкретных юридических казусов, взятых непосредственно из жизни. "Если кто-либо умышленно, — записано, например, в Баварской правде, — сбросит лестницу или какой-либо предмет для восхождения и тот останется наверху, то должно уплатить 12 сол."

(4, 19). Предметно-наглядная форма правовой нормы в "варварских правдах" соответствовала конкретно-образному правосознанию германцев, для которых язык юридических абстракций был чужд и непонятен.

Для "варварских правд" характерно также подробное описание различных процедур и ритуальных действий, что свидетельствует об их огромном значении в раннефеодальном праве. Нарушение требований, относящихся к детально разработанной процедуре, с произнесением определенных слов, с использованием предметов-символов (например, "горсть земли" у салических франков при коллективной выплате вергельда, сломанные ветки "мерой в локоть" при отказе от родства и пр.) могло свести на нет действие самой нормы права. Совершались эти процедуры обязательно публично, так, например, вызов в суд ответчика при свидетелях, клятва в суде в присутствии соприсяжников и др.

Важная роль правового ритуала была связана с самим характером судопроизводства, не знающего еще сложившегося порядка публичной, государственной защиты жизни и интересов отдельной личности. Основная функция суда у германцев сводилась к организации состязания между сторонами. В публичном характере ритуально-правовых действий, в их наглядности заключались своеобразные гарантии соблюдения правовой нормы, выполнения сделки и пр.

"Варварские правды" несут на себе печать старых родоплеменных отношений, они выражают еще племенное сознание германцев. В этих памятниках права личность не отделена от коллектива, правоспособность человека определяется принадлежностью к роду, общине, большой семье. Вне этих коллективов человек не имел никаких прав. Изгнание из общины, рода, семьи оставалось одним из самых тяжелых наказаний, предусмотренных Салической правдой. Даже ответственность за то или иное правонарушение возлагалась не только на индивида, но и на ту социальную группу, к которой он принадлежал. С племенным сознанием варваров был связан и персональный характер действия норм, зафиксированных в "варварских правдах". Салические франки руководствовались своим "салическим законом", рипуарские — своим. Более того, в правдах, в частности в Салической правде, "свое" население прямо противопоставлялось "чужакам", римлянам.

Записывая свои обычаи, германцы стремились сохранить свою племенную общность перед лицом реальной угрозы ее крушения. Присущая любому праву интегрирующая роль в праве германцев проявилась особенно выпукло. Право у них было средством удержания людей вместе средством примирения. Отсюда и особенности судебных процедур с их публичными ритуальными действиями, которые должны были демонстрировать верность варваров своим исконным традициям, обычаям.

"Варварские правды" не были единственным источником раннефеодального права. С укреплением королевской власти появились королевские повеления, распоряжения, которые сначала дополняли правды, а впоследствии оформлялись отдельно. К ним относились, например, *капитулярии* франкских королей. Первый капитулярий был написан при Хлодвиге, особенно часто они издавались при Каролингах. Законодательство Каролингов, а также влияние католической церкви привели в VIII–IX вв. к постепенному утверждению нового территориального принципа раннефеодального права германцев.

К источникам раннефеодального права можно отнести также и иммунитетные грамоты, выдаваемые королями крупным феодалам, формулы-грамоты, устанавливающие образцы документов, с помощью которых оформлялись разного рода сделки: дарение, купля-продажа и пр.

Основным же источником права оставались обычаи, являющиеся продуктом народного (общинного) творчества, которые основывались на таких понятиях, как честь, клятва, возмездие, примирение (и его цена), коллективная ответственность и пр.

Наряду с так называемым "народным правом" очень рано стала вносить свою лепту в развитие права германцев и церковь, которая, начиная с первых веков, накапливала огромное количество церковных законов (канонов), постановлений церковных соборов и синодов, декретов и решений отдельных епископов, действовавших в пределах регионов их влияния.

Церковь выпустила также большое число "уложений о наказаниях" с перечнем грехов и наказаний за них, которые описывались не столько как действия, сколько как образ мысли, побуждение. При этом считалось, что все они почерпнуты из Библии (Ветхого и Нового заветов). Христианские заповеди переносились и в светские судебники. Так, в англосаксонской Правде Альфреда (IX в.) прямо дается ссылка на Законы Моисея, на такие христианские заповеди, как "равный суд бедного и богатого, друга и недруга". Очень часты были ссылки на Священное писание в обоснование наказаний за преступления против церкви. В Баварской правде, например, за похищение монахини — "невесты Христа" полагалось изгнание по принципу: "Устраните зло от самих себя" (I, 11).

Если сначала уложения о наказаниях распространяли свое действие только на клириков, то очень скоро — на всех верующих того или иного региона, ибо церковная и светская юрисдикция тесно переплетались. Не проводились явные различия и в самой природе греха и преступления, тех проступков, которые надо было искупать церковным покаянием, или тех, которые подлежали улаживанию переговорами с родичами, выплатой вергельда, штрафа и пр. Все преступления были грехами, наиболее тяжкими считались убийство, нарушение клятвы, воровство, в отношении которых установился относительно одинаковый набор норм во всей Западной Европе VI-X вв.

Иное отношение к преступлениям в то время было исключено и в силу того, что духовенство играло главную роль в светском судопроизводстве, а короли обладали и светской, и духовной властью.

Взаимодействие и взаимовлияние "народного права" и права церковного приводило к существенным изменениям и того, и другого. С помощью Библии церковь внедряла в обычное право германцев "Десять заповедей" христиан и другие нравственные принципы, несущие авторитет божественного наставления.

В уложения о наказаниях церковь ввела, например, наряду с нанесением того или иного числа ударов плетью, палкой и пр., публичное покаяние за грехи. В XI в., только после того, как церковь утвердила свою относительную независимость от светских властей, она узаконила отпущение грехов. Десакрализуя природу, отрицая колдовство, в которое верили германцы, церковь сделала колдовство, ведовство, как и святотатство, грехом. Церковь, ставившая под вопрос и сакральный характер обычая, и высшую святость рода, природы, воды и огня, не выступала прямо против кровной мести, ордалий, но учила, что они не принесут спасения, которое приобретается верой и добрыми делами.

Христианство признало клятву как одно из важнейших средств доказывания в суде. Она стала приниматься в церкви. До 1215 года церковь допускала и поединок при разрешении споров. Только в этом году священнослужителям было запрещено участие в них.

Религиозные нормы, однако, пробивались с трудом через толщу старых обычаев. На созываемых в VIII в. церковных соборах в Суассоне вновь и вновь ставился вопрос о запрещении языческих культов, а нормативные тексты соборов (*Indiculus superstitionum et paganiarum*) свидетельствуют о настойчивых усилиях совместить варварские обряды, обычаи с новыми верованиями и правилами. О трудностях в преодолении старых обычаев свидетельствует, например, Аламандская правда, запретившая "сжигать и поедать ведьм".

Церковь вносила в право германцев и нормы римского права, на которые она вначале всецело полагалась, когда затрагивались имущественные отношения, наследственное и процессуальное право, а также в делах, касающихся самих галло-римлян. Германцы считали церковь носителем римского права. В Рипуарской правде не случайно было закреплено положение, что "церковь живет по римскому праву" (*Ecclesia vivit iury Romano*).

Персональный принцип применения "варварских правд" германские короли распространяли и на римское право. В 506 году, например, король вестготов Аларик II издал для своих подданных судебник, известный под названием "Закон римских вестготов" (*Lex Romana Visigothorum*). Подобным же образом поступил и король бургундов Гундобад, введя в действие сокращенный, и упрощенный Кодекс Феодосия (около 437 года), получивший название "Римский судебник бургундов". В конце своего царствования Хлодвиг хотел, но не

успел распространить его действие на всю Галлию.

С помощью церкви и королевского законодательства вульгаризированные нормы римского права были включены и в "варварские правды", чему способствовало в значительной мере то обстоятельство, что они писались по-латыни. Вводились главным образом нормы римского гражданского права, которые не противоречили новым историческим условиям. При этом исчезали не только способы и методы формирования правовых норм, но и четкая система институтов гражданского и процессуального права, технико-юридическое совершенство и другие достоинства римского права.

Регулирование имущественных отношений. "Варварские правды" в зависимости от времени их появления отражают постепенный процесс формирования института феодальной частной собственности на землю, а вместе с тем договорного и наследственного права.

В Салической правде, отражающей наиболее ранние социально-экономические и политические процессы становления классового общества, государства и права, нет еще однозначного понятия собственности. К движимым вещам, находящимся в собственности отдельных лиц или семей, применялся термин "свой" (suus) в отличие от термина "чужой" (alienus). Движимое имущество у франков беспрепятственно отчуждалось, передавалось по наследству одному из членов семьи умершего или родственнику со стороны матери или отца. Большинство предписаний Салической правды посвящено охране права собственности на различные движимые вещи. В ней со всеми подробностями разбираются случаи кражи крупного рогатого скота, а также овец, коз, собак, голубей, пчел, свиней и пр.

Скотоводство занимало главенствующее положение в хозяйстве германцев, скот, являясь неким символом благосостояния, обеспечивал семью тем богатством, которое можно было захватить с собой в случае переселения, бегства. Скотом пользовались и как средством обмена, эквивалентом денежных расчетов. Два, три солида стоила у франков корова "здоровая, зрячая и рогатая".

По-иному закрепляет Салическая правда право на землю, которой владела семья, различая приусадебный участок, пахотную землю и луга, леса. Здесь многократно упоминается огороженный участок, при этом предусматривается значительный штраф за поджог и разрушение изгороди (XV, 5). Жилищу, территории двора, приусадебному участку как семейной собственности в Салической правде придается особое значение. Сюда приходит кредитор, чтобы истребовать долг у должника, чтобы вызвать ответчика в суд.

Наказуема была высоким штрафом (45–63 сол.) не только кража в пределах дома или двора, но и простое проникновение на территорию виллы после захода солнца. Кража с нападением и истреблением сторожевых собак, увозов на телеге значительной части домашнего имущества влекла за собой штраф в 200 сол., равный вергельду за убийство свободного.

О переходе пахотного участка земли (аллода) в частное владение свидетельствует различное отношение в Салической правде к пахотной земле, а также к лугам, пастбищам, лесам, которые остаются еще в общинной собственности. Салическая правда карает сам факт нарушения границы пахотного поля без разрешения хозяина, предусматривая наказание за проезд по чужому полю в 3 сол., за запашку чужого поля в 15 сол., за посев на чужом поле в 45 сол. Если же посторонний человек вступал на выделенный участок общинного луга, это не считалось преступлением. Более того, если он скошил траву, то терял лишь сено в пользу владельца луга.

В Салической правде ничего не говорится о купле-продаже земли. Институт наследования земли только зарождался. Земля передавалась по наследству мужским потомкам умершего (IX, 5). В титуле "Об аллодах" даже не ставится вопрос, кому передавался пахотный участок земли, если у умершего не было сыновей. Судя по всему, он становился выморочным имуществом или переходил роду. По-иному решался этот вопрос в VI в. На основании эдикта короля Хильперика (561–584 гг.) земля по наследству могла переходить не только к сыновьям, но и дочерям, братьям, сестрам умершего и др. В это же время отдельные луговые и лесные участки также переходят в аллодиальную собственность

отдельных лиц. По Аламманской правде женщина могла наследовать землю, если у нее были дети и если она выходила замуж за свободного, а не за колона.

О существовании у франков общинной собственности на землю свидетельствуют и другие титулы Салической правды, в частности "О переселенцах". Переселиться на территорию общины "чужаку" можно было только при согласии всех членов общины. Если хотя бы один из них высказывал протест, переселенец должен был покинуть общину. Характерно, что граф, исполняющий решение общинного суда о выселении "чужака", должен был являться не в дом переселенца, а на тот участок общинной земли, который был им обработан.

Но Салическая правда знала и исключение из этого общего правила. Если в течение года и одного дня ни один из членов общины не высказывал протеста против поселения "чужака", его землевладение начинало охраняться правом. Салическая правда по существу санкционировала присвоение общинной земли приближенными короля, так как запрещала высказывать протест против переселенца, если на то была специальная королевская грамота. Протестующий против королевского распоряжения присуждался к штрафу в 200 сол.

Через несколько веков частное землевладение получает широкое развитие. Первое, что бросается в глаза при знакомстве с Аламманской и Баварской правдой, это текстуальное совпадение содержания начальных, следовательно, особо значимых титулов 1 и 2, посвященных церкви и церковному землевладению. Эти титулы свидетельствуют о том, что церковь обладала большими участками пахотной земли, лесами, рабами (1, 1), всемерно поощряя дарение ей имущества "для спасения души". В самой первой статье этих правд предписывается: "ни король, ни герцог, ни кто-либо другой не имеет власти запретить ему (человеку) приносить в дар ради спасения души дома, земли, рабов или деньги" (1, 1). Полученная в дар земля навсегда закреплялась за церковью. Баварская правда настоятельно подчеркивает отсутствие впредь у кого-либо права на возвращение своей собственности, подаренной церкви.

И Аламманская, и Баварская правда пресекают всякие попытки оспорить дарение церкви наследниками дарителя (2, 2). Более того, попытки вернуть имущество влекли за собой "суд Бога и отлучение от святой церкви", с одной стороны, с другой — штраф и возвращение имущества церкви (1, 2). Подаренная же земля могла быть возвращена только на условиях пожизненного владения с возмещением всего того, что "торжественно обещано" дарителем.

Частным землевладением начинают охватываться не только поля, но и луга, леса. В Баварской правде появилось, например, понятие *silva alterus*, поделенный лес, т. е. выделенный конкретной семье. О переходе в феодальную частную собственность лесов свидетельствует и запрещение порубки деревьев в чужом лесу, которая каралась штрафом (12, 11). В отличие от Салической правды луговой участок, как и поле, отныне также свободно отчуждался, при этом лишь требовалось подтвердить законность продажи при помощи "документа или свидетелей" (16, 2).

Присущий всем "варварским правдам" категорический запрет нарушения границ чужого землевладения отражал настойчивое стремление германцев закрепить силой на завоеванных землях. Косвенным подтверждением этого является сохранявшаяся в течение веков традиция разрешать спор о земле с помощью поединка, если не хватало других доказательств. В Баварской правде целый титул (12) посвящен наказаниям за нарушение границ чужого землевладения. Простое нарушение границ, без различия поля или луга, влекло за собой наказание свободного штрафом в 6 сол., раба 50 ударами плетью. Даже "случайное", без умысла установление новых границ на участке "без согласия другой стороны и смотрителя" каралось штрафом, если проступок совершал свободный, и 200 ударами плетью, если его совершал раб (12,6–7).

Здесь же наряду со скрупулезным перечнем проступков, связанных с нарушением границ чужого землевладения, содержится четко сформулированная правовая установка: "совершенно очевидным знакам не может быть противопоставлено самое продолжительное

время владения" (12,1).

Германское право не содержало каких-либо норм о наследовании по завещанию. Предполагалось, что собственность умершего принадлежит семье, роду, пережившим родственникам. В Салической правде в определенной мере восполнял этот пробел *институт аффатомии* — своеобразный договор дарения, который заключался в пользу третьего лица. Суть аффатомии сводилась к тому, что собственник передавал свое имущество или часть его какому-либо доверенному лицу, которое не приходилось ему родственником, с обязанностью последнего через год передать имущество назначенным наследникам. Аффатомия совершалась публично в сотенном собрании под председательством тунгина, с соблюдением строгой символической процедуры, которая должна была быть (при передаче имущества наследникам) клятвенно удостоверена "в присутствии короля или в судебном заседании" не менее чем тремя свидетелями. В столь сложном характере дарения вещей можно видеть влияние старых запретов на отчуждение большесемейной собственности не члену семьи.

Вопреки общему правилу под влиянием римского права институт наследования по завещанию был закреплен в эдикте Теодориха. Эдикт предъявлял при этом, как и при дарении, строго формальные требования для признания завещания законным: составления при свидетелях официального документа, зарегистрированного чиновником, и пр. (ст. 53). Завещание могло быть составлено "где угодно", но при неукоснительном "уважении к воле умершего" (ст. 30).

С введением христианства имущество умершего стало передаваться церкви "на богоугодные дела и во благо души умершего". Это дарение после смерти (*post obitum*), широко распространенное у франков и англосаксов, не было в строгом смысле слова завещанием, так как не могло отзываться, касалось лишь определенной части имущества, и не предусматривало представителя умершего. Со временем такой дар церкви стал общепризнанным. Имущество умершего без завещания оказывалось в руках епископа, который передавал его родственникам, чтобы они сделали все "для спасения души умершего". Так возник *институт душеприказчика*.

Договорные отношения не получили значительного развития у франков. Это характерная черта права германского общества, которому свойственно мелкокрестьянское натуральное хозяйство, слабое развитие товарно-денежных отношений. В Салической правде отсутствуют указания на общие условия действительности договоров, но свободное волеизъявление сторон подразумевается при заключении таких договоров, как купля-продажа, мена, поклада, залог, заем, ссуда, дарение. Волеизъявление осуществлялось путем бросания другому лицу "в полу стебля" или, как известно по другим источникам, передачи двери при продаже дома и пр. Фактический владелец движимой вещи был обязан доказать, что купил или выменял ее, в противном случае он мог быть объявлен вором.

Нарушение договора могло повлечь за собой не только имущественную, но и личную ответственность должника. Должник в случае неисполнения обязательства, как правило, становился рабом кредитора. По некоторым правдам, например по Баварской правде, наряду с должником обращались в рабство его жена и дети.

Подробно рассматривается в Салической правде договор займа. Кредитор мог взыскивать долг непосредственно, минуя судебное заседание. Если должник "не пожелает выплатить по обязательству" после того как кредитор востребует долг, явившись к его дому в сопровождении свидетелей, он призывался кредитором в суд (до трех раз, через неделю). При каждой неявке в суд с должника взыскивался штраф. Долг мог быть взыскан и с помощью графа и рахинбургов путем конфискации соответствующей части имущества должника. В этом случае треть долга шла графу.

О договорах в Баварской правде говорится в большей мере в дополнительных главах (которые были "прибавлены декретом 722 г.", как сообщает сама правда). Здесь можно найти некоторые подходы к формулировкам общих принципов договорного права: об условиях законности договоров, их нерасторжимости, о "пороке воли" и пр.

"Договор или соглашение, — как гласит Баварская правда, — мы не разрешаем никоим образом изменять, если они заключены письменно или при посредстве трех и более поименованных свидетелей, поскольку в них ясно обозначены день и год" (ст. 16, 16). И там же: "Если продажа будет совершена при помощи насилия или из боязни смерти или заключения (в тюрьму), то она недействительна" (ст. 16, 2).

Здесь же говорится о залоге по решению суда, о договоре хранения, ссуде. Если вещь была сдана на хранение "без выгоды и погибла вследствие несчастного случая", то хранитель не нес ответственности. Убытки же от кражи вещи, сданной на хранение, делились поровну (15,5). Договор продажи не мог быть расторгнут вследствие низкой цены, это было возможно только в случае обнаружения скрытого порока вещи (16,9). Задаток давался для обеспечения договора купли-продажи и терялся в случае его нарушения.

Разрозненные положения, "прибавленные" к Баварской правде, свидетельствуют об определенном прогрессе в договорном праве, наряду с развитием торговли, не меняя, однако, общей картины Галлии, где почти полностью отсутствовали в это время города как многонаселенные торговые центры. Они ранее существовали, но пришли в упадок в условиях повсеместной военной разрухи и массового переселения народов.

Брак и семья. Семья у германцев носила патриархальный характер. В семью, возглавляемую отцом, наряду с нисходящими входили боковые родственники, родные и сводные братья, их жены, которых было много, так как они часто сменяли друг друга. Семьи жили под одной крышей вместе с челядью, а в некоторых случаях — и с вооруженной свитой.

Но власть отца по Салической правде не была столь широка, как, например, в Риме. Она напоминала скорей строгую пожизненную опеку над женой, дочерью или сыном. Опека над сыном прекращалась по достижении им 12 лет.

Браку, как и семье, в Салической правде посвящено незначительное число статей. Ему предшествовал сговор между семьями жениха и невесты. Согласие родителей прямо требовалось в Капитулярии I к Салической правде. Увод чужой невесты влек за собой возмещение ущерба жениху, равному 15 сол., увод чужой жены грозил штрафом в 200 сол.

В Аламаннской правде более ярко проявились элементы патриархальной семьи. Брак под угрозой штрафа требовал согласия отца. Как дань глубокой старине допускалась фактическая продажа жены. Согласно титулу 51,1 увод чужой жены, "если этого захочет первый муж", стоил 400 сол. Обычное право германцев запрещало браки между представителями отдельных социальных слоев, особенно между рабами и свободными. Браки с рабами влекли за собой потерю свободы, простое сожителство с рабыней наказывалось штрафом в 15 сол., со свободной — 45 сол. По Капитулярию I к Салической правде, женщина, вступившая в брак с рабом, объявлялась вне закона, ее имущество поступало в казну, родственники могли безнаказанно убить ее. Раб, женившийся на свободной, подвергался колесованию.

Баварская правда более терпимо относилась к таким бракам. Если женщина "не знала", что она вышла замуж за раба, она просто уходила от него (22, 17). Запрещались браки с рядом родственников и свойственников. Такие браки по Салической правде объявлялись недействительными, а дети, рожденные в них, — незаконнорожденными (13,9). Салическая правда предписывает большой штраф за похищение женщины, борясь против старогерманского обычая "умыкания" жен. Характерно, что в эдикте Теодориха это преступление каралось смертной казнью (ст. 17.).

Незамужняя женщина у германцев пользовалась некоторой самостоятельностью. Источники, например, не содержат каких-либо данных об опеке вдов со стороны старших родичей — мужчин. Тем не менее, на определенное ущемление прав вдов указывает Салическая правда. Она не могла, например, вторично выйти замуж без разрешения суда и уплаты определенной суммы (*reirus*) родственникам умершего мужа. В противном случае ее мужу грозил штраф 63 сол.

Особенностью старогерманского обычного права было то, что женщина обладала

собственным имуществом, приданым, которое ей предоставлялось не отцом, а мужем в качестве "брачного дара". Капитулярий I закрепляет особый правовой режим приданого. Женщина не могла ни дарить, ни продавать свое приданое. После ее смерти оно шло детям. В случае повторного брака часть приданого вдовы передавалась ближайшим родственникам мужа, при их отсутствии — в казну. Баварская правда также не поощряла браки вдов. Если вдова выходила замуж, то лишалась права пользоваться имуществом, полученным ею от первого мужа (15,8).

Салическая правда ничего не говорит о разводе, обычное же право германцев допускало свободу развода, не требуя ни согласия родственников, ни других формальных оснований. Более строг в этом отношении эдикт Теодориха, запрещавший "беспричинный развод" (ст. 49), строго осуждавший конкубинат, но разрешавший проституцию (ст. 52).

Под влиянием христианской церкви в VII–IX вв. вносятся значительные изменения в брачно-семейное право германцев. Капитулярий 744 года, подтвержденный в 789 году Карлом Великим, установил нерасторжимость брака, объявленного священным согласно христианским канонам.

На рубеже VII–IX вв. были изданы первые законодательные акты, устанавливающие обязательность церковного оформления браков, запрещающие повторные браки вдов и пр.

Преступление и наказание. Большая часть статей в "варварских правдах" посвящена, если использовать современную терминологию, преступлениям и наказаниям. Под деликтом — преступлением в "варварских правдах" понимались прежде всего обида, вред, причиненный личности или имуществу другого, и нарушение "королевского мира". Соответственно под наказанием понимались *возмещение, компенсация* за эту обиду или вред.

"Варварские правды", таким образом, не восприняли норм позднеримского уголовного права с их широким применением смертной казни, что было связано с иными, чем у римлян, целями и задачами наказания.

Главная цель *композиции*, штрафа, у германцев — предотвращение прямых боевых действий, кровной мести, дальнейшей междуусобицы, вражды между дворами, кланами, родами и пр., возникающей вследствие "нарушения чести".

Честь как средство завоевания славы, хвалы (*lof*) обеспечивала главную мотивацию поведения варвара в мире, где правили богиня войны и враждебная непостоянная судьба (*wurd*), темные силы, окружающие человека. Честь приобреталась тогда, когда захватывалось то, что защищалось другим, и соответственно терялась при противоположных обстоятельствах.

Композиция и была, с одной стороны, определенной формой восстановления, искупления чести, и тем самым победы над злой судьбой, с другой — формой примирения, установления мира. При этом искупление касалось чести не только конкретного человека, но и дома, рода, к которому он принадлежал. Отсюда прямая связь возмещения с понятием защиты дома, "мира дома" (*frith*), которое включало и понятие "мира королевского дома", трансформировавшегося по мере укрепления государства, королевской власти в более широкое понятие "королевского мира", нарушение которого возмещалось более крупным штрафом или влекло за собой более тяжкое наказание.

Законы англосакского короля Этельберта (VI в.), например, устанавливали за нарушение мира королевского дома штраф в 50 шиллингов, а мира дома простого керла в 6 шиллингов.

Если "обидчик" выплачивал композицию потерпевшему, он, как правило, не платил по Салической правде королю никакого штрафа. Только в некоторых случаях часть или вся композиция шла в казну. Например, граф, принимавший участие во взыскании долга, путем конфискации имущества с должника брал в качестве штрафа третью часть этого долга. Вергельд за убитого делился на две части: одна шла сыновьям убитого, другая — его ближайшим родственникам со стороны отца или матери. И только в том случае, если не было родственников, эта часть вергельда шла в казну (12,1–2).

Вместе с тем в Салической правде выделяется ряд правонарушений, приближающихся к понятию преступления в собственном смысле слова, уже упоминаются наказания в виде государственной кары за содеянное, например, за должностные преступления графа, если он "осмелился взять что-нибудь сверх законного" при взыскании долга или отказался восстановить "справедливость и правосудие". Характерно и наказание за эти преступления — смертная казнь, если граф не смог "выкупить себя за столько, сколько следует". Содержатся в Салической правде и косвенные указания на воинские преступления, например дезертирство. Простое оскорбление словом "дезертир" (XXX, 6) влекло за собой штраф. В Аламманской правде прямо указывалось на дезертирство как на преступление.

На изменения в понимании преступления и наказания все большее влияние оказывает христианская церковь, вводящая такую широко трактуемую правовую категорию, как "оскорбление или неуважение церкви", требующая "воспитания страха божьего" как цели наказания и пр. Так, и в Аламманской, и в Баварской правдах выделяется целая группа преступлений, в том числе и убийство, главным квалифицирующим признаком которых является место их совершения в церкви или во дворе церкви. Они относились к вышеназванной категории "оскорбления церкви" и влекли за собой большой штраф не в пользу потерпевшего и его родственников, которые отодвигались на второй план, а в пользу самой церкви.

Баварская правда изобрела под влиянием церкви и такое наказание, как "продолжительная композиция", которая уплачивалась сначала в 12 сол., затем по 1 сол. "до седьмого рода преступника ежегодно" за нанесение удара беременной женщине, приведшего к выкидышу плода. Мотивировалась "продолжительная композиция" тем, что душа неродившегося ребенка "терпит длительное наказание, так как она была передана в ад при помощи выкидыша, без таинства возрождения" (8, 21).

Говоря о наказаниях в Салической правде, следует отметить четко выявившуюся тенденцию почти полной замены штрафами всех старых наказаний родового строя. Штраф должен был предотвратить самосуд, затяжные распри. Некоторые статьи Салической правды прямо пресекали самосуд, например, наказывалась попытка самовольно увести чужой скот, причинивший травму полю (IX, 5), отобрать свое животное у владельца без суда при "преследовании по следу" вора (XXVII,1) и др. Салическая правда знает и такой вид наказания, как изгнание из общины или объявление человека вне закона (V,2). Такому человеку нельзя было давать пищу и приют, даже жена и родители штрафовались за помощь ему.

Самосуд пресекался непоследовательно и еще долго допускался в "варварских правдах". Так, Баварская правда, списавшая, видимо, дословно эту норму с Законов XII таблиц, разрешала убийство вора, "захваченного на месте во время преступления в ночное время" (9,4).

Смертная казнь через повешение, колесование применялась в качестве наказания в Салической правде в основном к рабам. Она прямо предписывалась лишь в редких случаях за преступления, совершенные свободными, например при поджоге и неявке после вызова на суд без уважительных причин (XVI, 1 приб. 1), при вышеуказанных преступлениях графа и др. Коллективная ответственность рода сохранялась наряду с коллективной ответственностью общины. Капитулярий I говорит об этом со ссылкой на "древний обычай".

При всех имущественных преступлениях наряду со штрафом требовалось возмещение стоимости украденного и других убытков. О простом возмещении убытков речь шла, в частности, при убийстве или избивании раба. Этот убыток расценивался в 1 и 1/3 сол., если раб после побоев в течение 40 дней оставался неработоспособным. При нанесении телесных повреждений свободному, наряду со штрафом, преступник должен был возместить расходы на лечение.

Сохранившийся на протяжении долгого времени в качестве основного наказания штраф как плата за обиду впоследствии трансформируется в простое возмещение ущерба, а также все чаще заменяется или дополняется такими наказаниями, как смертная казнь, битье

палками, конфискация имущества, ссылка, применяемыми и к свободным.

Казуистический характер "варварских правд" исключал четкие формулировки общих положений, которые относились бы ко всем преступным действиям. Но из анализа ряда конкретных составов преступлений можно сделать вывод, что в "варварских правдах" существовало понятие форм вины: умысла и неосторожности, покушения на преступление, соучастия, обстоятельств, отягчающих или смягчающих преступление. Так, при "небрежном" причинении свободным вреда животному другому человека по Салической правде следовало простое возмещение ущерба его хозяину (9,3). Обстоятельством же, смягчающим вину, было здесь признание причинившего вред. Злой умысел, вред, причиненный "по вражде или коварству", влекли за собой более высокий штраф.

В то же время Салическая правда знала ответственность без вины, когда, например, наказываются "скопом" все присутствующие на месте насилия над женщиной, если они были на этом месте и не знали о насилии (XIII, 10, приб. 5). Соучастник, покушавшийся на преступление, наказывался, как правило, менее строго, чем исполнитель преступления. Вместе с тем подстрекающий к краже или убийству с помощью подкупа наказывался строже, чем исполнитель преступления (XXVIII, 1–3).

Одним из обстоятельств, отягчающих преступление, было нарушение общепризнанных понятий чести — нападение на спящего, женщину, ребенка, надругательство над трупом. Ограбление могилы наказывалось штрафом в 200 сол., в то время как открытое нападение на свободного франка с целью ограбления — в 63 сол.

Тяжесть наказания во всех "варварских правдах" зависела от социального статуса преступника и потерпевшего: свободного или раба, знатного или незнатного, богатого или бедного. Богатство со временем наряду со знатностью выходит на первый план. В этом отношении характерна, например, ст. 59 эдикта Теодориха. Соблазнитель свободной девушки, записано здесь, обладающий богатством, принадлежащий к знатному роду, обязан взять ее в жены. Если же соблазнитель не обладает ни богатством, ни знатностью, то он "как осквернитель чести свободной девушки карается смертной казнью".

В германском обществе, несмотря на наличие некоторых разрозненных норм и статей в "варварских правдах", не сформировалось еще ясных представлений о различных государственных преступлениях, которые в основном воспринимались как действия, направленные против короля.

В Салической правде о таких преступлениях ничего не говорится, но по мере укрепления государственных властных структур происходит усиление их защиты, расширяется круг преступных деяний не только против короля и его должностных лиц, но и против государства, народа. Значительные заимствования из римского права в эдикте Теодориха выразились, в частности, в возрождении римско-имперской нормы об "оскорблении величества" (ст. 49), предусматривающей смертную казнь в форме сожжения, о "подстрекательстве к мятежу в народе и войске" (ст. 107), караемом также смертной казнью. Вопреки общему правилу, по этим преступлениям допускался донос раба, колона или слуги на своего господина.

В Аламманской и Баварской правдах в качестве субъекта преступного посягательства начинает выступать не только король, герцог, их посланцы и пр., но и народ, государство. Каралось, например, смертной казнью и конфискацией имущества приглашение чужого народа для грабежа или содействие "захвату государства врагом" (Баварская правда 2,1). Здесь же говорилось о таких преступлениях, как заговор против герцога, мятеж в войске (2, 3), призыв "врагов в провинцию" и др. По Аламманской правде каралось штрафом в 60 сол. в пользу государственной казны даже простое участие в "крикливом сборище".

Определенная часть преступлений в "варварских правдах" относится к посягательствам на личность. Это прежде всего убийство, размер вергельда за которое зависел не только от социального положения убитого, но и от его возраста, пола. За убийство свободного франка по Салической правде полагался значительный вергельд, равный 200 сол. Меньшим был вергельд за галло-римлянина, если он не был приближенным короля. Вергельд за убийство

франка, находящегося на королевской службе, утраивался. Так, за убийство графа, королевского должностного лица полагался вергельд, равный 600 сол. Вергельд понижался до 300 сол., если граф был из полусвободных литов или рабов короля.

Многokrратно увеличивался вергельд за жизнь королевского дружинника во время военных походов, а также за убийство представителя духовенства. За убийство священника уплачивался вергельд в 600 сол., за убийство епископа — 900 сол.

Непрекращающаяся борьба за удержание власти, за признание ее легитимности на завоеванных территориях диктовала настойчивые усилия германских королей предстать в качестве главных защитников церкви, папы римского.

Карл Великий не переставал заявлять, что главная забота его — защищать церковь, а церкви — молиться за него. С этим было связано и ужесточение наказания за посягательство на клирика, церковное имущество и пр. В Баварской правде, например, наказание за убийство епископа носило крайне устрашающий, символический характер: взять с убийцы столько золота, "сколь весила бы туника свинцовая, сделанная по фигуре убитого епископа". В случае невозможности выполнения этого предписания наказание могло быть заменено конфискацией в пользу церкви "земли, рабов, дома преступника, а также обращением в рабство его самого, его жены и детей" (1,10).

В Аламманской правде в абстрактной форме было записано правило: "за все, что противозаконно сделает против церкви, он должен уплатить втрое" (21). Ужесточалось наказание за преступления не только против иерархов христианской церкви, но и против рядовых дьяконов, монахов, их родственников (Аламманская правда, 11–15) и даже церковных рабов.

В правовом статусе раба или лита по Салической правде часто не проводилось принципиальных различий. Если раб или лит убивали свободного человека, то убийца отдавался родственникам убитого в счет половины вергельда, вторую половину платил его хозяин.

Во всех "варварских правдах" указывалось на особую охрану жизни, здоровья и чести свободной женщины. Утроенный вергельд за убийство женщины связывался в Салической правде с ее способностью к деторождению. Если женщина не могла рожать детей, вергельд составлял 200 сол. Беременность женщины повышала вергельд до 700 сол.

В Аламманской правде убийство женщины вообще считалось отягчающим обстоятельством. Там указывалось, что за убийство женщины платят "вдвое больше, чем за мужчину" (49,2). В Баварской правде содержится и прямое объяснение этому, "потому что женщина не может защищаться с оружием в руках" (4,29).

Девятикратный вергельд следовал в Салической правде за "человекоубийство скопищем" лица, находящегося на королевской службе, в его доме (XII,1).

В Салической правде подробно перечисляются и различные виды телесных повреждений, побоев, оскорблений словом или действием. Штрафы за нанесение телесных повреждений варьировались от 9 до 200 сол.; 200 сол. следовало за кастрацию человека; 100 сол. полагалось за ряд увечий, нанесенных одновременно, и за повреждение языка, лишившее человека способности говорить. В перечне телесных повреждений упоминаются и выбитый глаз, и оторванное ухо, и тот или другой оторванный палец. Например, за палец, "которым натягивают лук", присуждался штраф в 35 сол. и только 9 сол. — за четвертый палец. В общем ряду с нанесением телесных повреждений стояли и такие преступления, как "насылаение порчи", наказуемое штрафом в 62 и 1/2 сол. В Аламманской правде еще больше детализируются эти преступления. Их список включает и оскорбительное "острижение головы или бороды" (12 сол.) и др.

Не отличался оригинальностью и соответствующий перечень преступлений по Баварской правде (свидетельствующий о крайней жестокости нравов германцев), включающий выбитые зубы, сломанные пальцы, раны на голове, оторванные губы, носы и уши. Здесь же содержится призыв не приносить "вред чужеземцу" (которые, видно, и были главными жертвами этих преступлений), ибо "всеобщий мир необходим для всех" (4,30).

Сумма штрафов за оскорбление словом или действием зависела от ряда обстоятельств: от социального положения сторон, от тяжести оскорбления в понимании германцев. По Салической правде простое оскорбление свободного франка словом — уродом, зайцем, волком, лжецом и другими обидными прозвищами наказывалось штрафом в 3 сол., действием — в 15 сол. Суров был "салический закон" к тем, кто оскорблял женщину, без оснований называя ее "блудницей". Штраф в этом случае достигал 45 сол. Особо наказывалась клевета на мужчин и женщин, которых называли "пособниками ведьмы".

В титулах "варварских правд" о преступлениях против собственности содержится прежде всего длинный ряд статей, касающихся краж различных домашних животных, воровства в поле, саду. При этом по Салической правде различались кражи, совершенные свободными или рабами, со взломом, подделкой ключей или без таковых, одного или нескольких животных. Учитывалось также, оставались ли у хозяина другие животные, их возраст и пол, была ли, например, свинья супоросая или нет. Не случайно за Салической правдой закрепилось название "свиной кодекс".

Вместе с тем в ней устанавливались наказания и в общей форме, в зависимости от стоимости похищенного имущества или от того, была кража простая или квалифицированная. Соответственно различались три вида краж: на сумму от 2 до 40 динариев, на сумму свыше 40 динариев и кража со взломом или подделкой ключей. Для свободных во всех случаях устанавливался штраф соответственно в 15, 35 и 45 сол., рабы же присуждались в первом случае к возмещению ущерба и 120 ударам плетью, во втором — к кастрации или штрафу, в третьем — к смертной казни. Квалифицирующим признаком при краже была и принадлежность вещи королю, например, кража королевского быка удваивала сумму штрафа в 45 сол. по сравнению с кражей быка у простого франка.

В Баварской правде за любую кражу в общей форме устанавливался штраф, равный девятикратной стоимости вещи (9,1), при этом учитывалось и где похищена вещь. Если "внутри двора, на мельнице, в церкви (вероятно, не церковной утвари) или в мастерской", то штраф равнялся трехкратной стоимости похищенной вещи. Уменьшение штрафа объяснялось тем, что эти "четыре дома... являются общественными помещениями и всегда открыты" (9.2).

Салической правде были известны и такие преступления, как кража свободных людей (XX,9), кража рабов (XX, 10), которая приравнивалась к краже коня или упряжного животного, поджог дома, амбара, риги, разрушение чужого дома, поломка изгороди, самовольное использование чужой вещи.

Особую группу составляли преступления против нравственности. Сюда относились по Салической правде такие преступления, как "насилие над свободной девушкой", караемое штрафом в 63 сол., сожителство с ней "по ее доброй воле", караемое штрафом в 45 сол. Для сравнения можно указать, что оскорбление женщины словами "пособница ведьмы" наказывалось почти в три раза большим штрафом, чем насилие над ней. Раб, "причинивший насилие чужой рабыне", после которого наступила ее смерть, кастрировался или уплачивал 6 сол. Характерно, что прелюбодеяние с девушкой возмещалось в Аламманской правде меньшим штрафом (40 сол.), чем с замужней женщиной (80 сол.).

Судебный процесс. Судебный процесс носил обвинительно-состязательный характер. Отыскание украденной вещи, вызов в суд ответчика, свидетелей было обязанностью самого потерпевшего. Важная роль суда в германском обществе предопределяла особое место в судебном процессе не только самих сторон, но и свидетелей по делу. Салическая правда предписывала штраф за неявку ответчика и свидетеля в суд без уважительных причин. К числу уважительных причин относились королевская служба, болезнь, смерть родственников, пожар в доме. Лжесвидетельство сурово наказывалось, так же как отказ свидетеля говорить в суде то, что он знал по делу. Такие свидетели объявлялись вне закона и штрафовались. К свидетелю предъявлялся ряд требований. Прежде всего не мог свидетельствовать против свободного раба, не мог быть свидетелем тот, кто ранее был изобличен в ложных показаниях (Аламманская правда 42,2). По Баварской правде свидетель

должен был быть равного состояния с тем, против кого свидетельствовал. Если шел спор о земле, он должен был быть из той же общины и иметь хотя бы небольшое (в 6 сол.) состояние (17,2).

Важность этих дел влияла и на особую строгость в суде к свидетелю. Судья устанавливал срок его явки в суд. Если он не являлся, то подвергался штрафу в 12 сол. Несогласие со свидетелем ответчика могло привести к поединку между ними. Свидетелю драли уши, чтобы "сказал правду". Если свидетелей было много, они выбирались по жребию (Баварская правда 17,6). Бойцом в поединке мог быть выставлен и раб (18,1–2). Гарантией правдивости свидетельских показаний являлась клятва свидетеля на оружии (17,6). При отсутствии свидетелей, если не было "верных улик" или преступление не могло быть "должным образом доказано", привлекались соприсяжники (Салическая правда XVII, 5).

Институт соприсяжничества уходил своими корнями в далекое родовое прошлое франков. *Соприисяжники* — родственники, соседи, друзья, которые должны были защищать, оказывать поддержку в суде одной из сторон путем свидетельства ее правоты, исходя при этом не из знаний обстоятельств дела, а из присущих якобы ответчику, обвиняемому и другим честности, добронравия.

Институт соприсяжничества был тесно связан с традиционным институтом *компургазии* (помощи в клятве), когда обвиняемый очищал себя от обвинения, а заступники обвиняемого поддерживали его, клялись той же клятвой, принимая на себя тем самым все права и обязанности последнего. Соприисяжники определяли и сумму похищенного, если кража отрицалась. По Баварской правде соприисяжники клялись на алтаре над раскрытым Евангелием, в присутствии наместника церкви.

Салическая правда знает ордалии ("божий суд") с помощью котелка с кипящей водой, в которую опускалась рука обвиняемого. Обожженная и плохо заживающая рука была свидетельством его виновности. От испытания котелком можно было откупиться, причем сумма выкупа зависела от суммы предполагаемого штрафа в случае проигранного дела, но была значительно ниже, чем сам штраф. Например, если штраф равнялся 15 сол., то выкуп — 3 сол., если штраф равен 35 сол., то выкуп — 6 сол. (III, 1–3 и др.). Возможность "выкупа руки от котелка" была социальной привилегией богатого преступника.

Капитулярии знали и другие виды доказывания, например "испытание жребием", при котором наказание наступало в том случае, если обвиняемый "возьмет плохой жребий". К рабам применялись пытки. Раба пытали до тех пор, пока не вырывали у него признание. Выдача раба для "справедливой пытки" была обязанностью его господина. Трехкратное безрезультатное "увещевание" выдать раба переносило его вину и весь штраф на хозяина (X, 4–10).

Косвенные свидетельства частых наказаний невиновных при таких способах доказывания можно найти в самой Салической правде. Здесь, например, содержится предписание наказывать штрафом в 200 сол. "колдунью", если она была "уличена" в том, что "съела человека" (XIV,2, приб. 1).

Уготов были запрещены испытания водой, огнем, а также судебные поединки. Но клятва сохранялась в эдикте Теодориха (ст. 74).

В случае отказа добровольно выполнить решение суда, его выполнение брал на себя граф. Тот, кто препятствовал ему в выполнении решения суда, строго наказывался. Выплата вергельда через суд могла быть отсрочена с помощью поручителей. Для особой убедительности поручительство подтверждалось в судебном заседании четыре раза подряд (VIII, 1).

Ярким проявлением укрепления позиций христианской церкви были ее небезуспешные притязания на судебные полномочия. В Баварской правде по сравнению с более ранними правдами не только увеличивалась сумма штрафа за преступления против тех, кто "не имел страха перед Богом и уважения к святым", но и признавалось право церкви определять тяжесть наказания "по совету священнослужителей", и даже спасать от преследования, предоставлять преступникам право убежища в храме. Со ссылкой на Священное писание в

Баварской правде (1,7) утверждалось, что "нет такой тяжкой вины, чтобы нельзя было ив страха перед Богом и из уважения к святым сохранить ему жизнь".

Однако в это время священнослужители, в том числе и епископы "подлежали суду короля, герцога или народа", особенно за такие тяжкие преступления, "как убийство, распутство и соглашение с врагом" (1,10). В это время, как представляется, и начали прорасти корни тех противоречий, которые привели в XI в. к "грегорианской революции", приведшей к освобождению клириков от подсудности светским судам.

Глава 21. Право средневековой Франции

Источники права. В истории французского права нашли свое наиболее полное отражение типические черты средневекового права Западной Европы. В течение всей эпохи средневековья множественность и партикуляризм источников права, отражавшие разобщенность самого феодального общества, препятствовали образованию во Франции единой национальной правовой системы. Несмотря на политическое объединение страны, религиозно-духовную общность и утверждение абсолютизма, французское право вплоть до революции 1789 года представляло собой конгломерат многочисленных правовых систем, действие которых распространялось или на определенный круг лиц (духовенство, торговцы и т. д.), или на какую-либо конкретную, часто небольшую по размерам территорию. Как язвительно заметил Вольтер, во Франции, "меня почтовых лошадей, меняют право".

Важнейшим источником права, придававшим ему особую пестроту, был обычай. К X в. во Франции практически перестали действовать Салическая правда и другие варварские обычаи, которые применялись по персональному принципу. На смену им в условиях феодальной раздробленности пришли территориальные правовые обычаи (кутюмы) отдельных регионов, сеньорий и даже общин. В рамках крупных феодальных владений (Нормандия, Анжу, Бретань и др.) они отличались большим разнообразием. Особенно велика была роль кутюмов в северной Франции, которую даже называли в связи с этим "страной обычного права".

Обычаи складывались в устной форме (отсюда север Франции носил название "страны неписаного права"); они формировались на основе обыкновений, признававшихся из поколения в поколение на какой-либо определенной территории, местного или регионального масштаба. Сила и авторитет обычного права определялись тем, что оно отражало реальные потребности территориальных коллективов феодального общества, возникало, как правило, из компромисса и не зависело всецело от произвола государственной власти. Поэтому и соблюдение кутюмов в большинстве случаев было добровольным, хотя они и приобретали обязательную силу, подкрепляемую прежде всего судебной властью.

Для признания обычаев в судах было необходимо, чтобы они были известны с "незапамятных времен", т. е. по крайней мере 40 лет. Начиная с XII в. отдельные кутюмы стали записываться, а к середине XIII в. в Нормандии был составлен сравнительно полный сборник обычного права — Большой кутюм Нормандии, который использовался в судебной практике. С этого времени появляется ряд частных записей местного обычного права, сделанных королевскими судьями и легистами. Одной из таких ранних записей стал "Совет другу" (1253 год), принадлежавший перу Пьера де Фонтена. Но наиболее известным и популярным в средневековой Франции стал сборник обычаев — Кутюмы Бовези (около 1283 года), автором которых был королевский бальи Филипп де Бомануар. Хотя этот сборник опирался прежде всего на запись кутюмов одного из судебных округов графства Клермонта (на северо-западе Франции), Филипп де Бомануар дал в своем сочинении более широкий обзор обычного права со ссылками на кутюмы других судебных округов и с добавлением ряда положений канонического и римского права. Сборник, состоявший из пролога и 70 глав, хотя и не давал системного и цельного изложения правового материала, описывал

большое количество кутюмов по различным вопросам права (организация суда и процесс, правовой статус разных категорий лиц, юридический режим земельных владений и т. д.). Кутюмы Бовези подтверждали принцип непреложности правовых обычаев не только для местных жителей, но и для государственной власти: "Король должен сам соблюдать обычаи и заставлять других соблюдать эти обычаи".

За Кутюмами Бовези последовал ряд других подобных сборников: Кутюмы Тулузы (1296 год), Древний кутюм Бретани (1330 год). Особым авторитетом в судах пользовался сборник Большой кутюм Франции, составленный в 1389 году.

Поскольку частные сборники обычного права не отличались полнотой, проблема доказывания кутюмов в судах оставалась сложной. Если тот иной обычай вызывал сомнения или оспаривался, судья проводил специальное расследование с допросом десяти местных знатоков обычного права, которые должны были дать едино гласный ответ о существовании кутюма и его содержании. Такая процедура порождала много судебных споров и не устраняла юридических трудностей. Так, кутюмы разнообразились в зависимости от местности, но определить ее территориальные границы часто было чрезвычайно сложно.

В 1454 году Карл VII специальным ордонансом предписал всем балы свести в единые сборники кутюмы их бальяжей и направить для обобщения в Парижский парламент. В соответствии с этим предписанием были составлены, а в XVI в. отредактированы 60 сборников "больших" кутюмов и около 200 сборников "малых" кутюмов.

Составление сборников кутюмов, не ликвидировав пестроты обычного права, способствовало его консервации. Отредактированные кутюмы приобретали ряд качеств, которыми обладает закон: определенность, стабильность, неизменяемость. Но они формально не рассматривались как закон, хотя их редактирование по приказу королевской знати фактически означало государственное санкционирование.

В переработанном виде кутюмы стали более удобными и для их доктринального изложения. Поэтому в XVII–XVIII вв. появляется ряд крупных работ (Лвуазеля, Дома, Потье), в которых была предпринята попытка унифицировать кутюмы и судебные решения по отдельным правовым институтам и тем самым обосновать идею создания единого общезаконодательного права.

На Юге Франции постепенно важнейшим источником права становилось римское право, которое имело здесь достаточно глубокие исторические корни. Влияние римского права в Галлии восходило еще к завоевательным походам Юлия Цезаря. Оно сохранило свои позиции и в века, последовавшие за падением римской империи, но трансформировалось в своеобразное галло-римское право, опиравшееся не на византийскую кодификацию Юстиниана, а на упрощенную версию законодательства Феодосия и на варваризированный сборник римского права, составленный вестготским королем Алариком. Французские юристы, комментирующие эти памятники римского права и использующие при этом методы, подобные глоссированию, развернули свою деятельность еще до создания знаменитой итальянской школы глоссаторов. Но настоящий ренессанс римского права во Франции начинается с XIII в. на Юге страны, что было связано прежде всего с активной деятельностью школы глоссаторов, открывших дорогу для юстинианового римского права. Один из видных представителей этой школы — Плацетин — организовал в начале XIII в. преподавание римского права (прежде всего Дигест Юстиниана) в университете Монпелье. Затем юридические факультеты стали открываться и в других университетах Франции.

Метод, использованный французскими профессорами-глоссаторами, был таким же, который применяли итальянские основатели этой школы. Они комментировали Дигесты Юстиниана, вписывая в их текст комментарии и пояснения (глоссы), которые в свою очередь также изучались, обобщались и глоссировались. Возрожденное таким образом и объясненное глоссаторами римское право выступало во Франции как "право ученых", оно оставалось далеким от практики королевских судов.

Отношение королевской власти к римскому праву во Франции сначала было двойственным. С одной стороны, для укрепления своей власти короли ссылались на многие

формулы римского публичного права, использовали легистов в государственном аппарате. Но, с другой стороны, узаконение римского права могло быть понято как признание верховенства римско-германского императора. Поэтому король Филипп Август даже запретил преподавание римского права в Парижском университете, хотя оно изучалось в других университетах королевского домена. В Парижском университете официально преподавание римского права было разрешено в 1679 году при короле Людовике XIV.

Признав доктринальное значение римского права, французские короли ограничивали его практическое применение. Людовик Святой (XIII в.) постановил, что оно не является обязательным во французском королевстве. Филипп Смелый запретил практикующим юристам использовать римское право в стране обычного права. Что же касается Юга, то здесь был найден своеобразный выход в том, что королевская власть (с 1312 года при Филиппе Красивом) признала римское право как своего рода вид "писаного обычая". Отсюда Юг Франции первоначально считался страной обычного права, и только с XIV в. за ним окончательно закрепилось название "страны писаного права". Впрочем демаркационная линия между этими двумя территориальными правовыми массивами Франции никогда не была абсолютно точной и безусловной.

Постепенно на Юге местные правовые обычаи приходили в упадок, а римское право, которое во все большей степени следовало юстиниановым образцам, признавалось в качестве общего права и проникало в судебную практику. В XIV–XV вв. этот процесс затронул и страну неписаного права. Хотя здесь римское право рассматривалось лишь в качестве писаного разума и дополнительного источника права, оно оказывало заметное влияние на кутюмы в ходе их редактирования и записи. Этому способствовала деятельность парламентов, где в это время большим авторитетом пользовались постгlossаторы (бартолисты). Особую роль в использовании метода схоластики и формулировании общих принципов римского права сыграли профессора Орлеанского университета де Ревеньи и де Бельпарш, последователи известного итальянского постгlossатора Бартола. Французские бартолисты адаптировали римское право к условиям средневекового общества, т. е. к потребностям судебной практики. Влияние бартолистов, выведших из римских текстов общие принципы права, сказалось и в последующие века, о чем свидетельствуют, в частности, Пандекты, изданные в 1748 году известным юристом Потье.

В XVI в. во Франции сложилась и своя школа римского права, получившая название школы гуманистов. Представители этой школы, отражая идею эпохи Возрождения, отвергали методы схоластики и дедукции, присущие постгlossаторам. Если бартолисты изучали римское право для практических нужд, то юристы-гуманисты стали изучать его как таковое, взятое само по себе, пользуясь при этом историческим методом. Этот метод был привнесен во Францию итальянским профессором Альциатом, который преподавал сначала в Авиньоне, а затем (1529–1550 гг.) в университете Бурже. Он считал, что необходимо устанавливать подлинный смысл оригинальных текстов римского права и соотносить их с историческими условиями, в которых они создавались. Юристы-гуманисты создали в Бурже интеллектуальный центр с привлечением специалистов по античной филологии, истории, изящным искусствам, которые позволили поставить на более высокий научный уровень изучение кодификации Юстиниана, Законов XII таблиц и других римских юридических древностей. Наибольшую известность в этой школе приобрел Жак Куяций (1522–1590 гг.), признанный "князем романистов". Его труды состояли главным образом из комментариев к фрагментам работ римских юристов, представленных в кодификации Юстиниана. Ж. Куяций, привлекая дополнительные и вновь обнаруженные документы (из Ульпиана, Кодекса Феодосия и др.), устранял последующие напластования и искажения, восстанавливал подлинные римские тексты. Большую работу в этом направлении провел другой видный представитель школы гуманистов — Жак Годофрой. Пользуясь историческим методом, выявляя и устраняя интерполяции, он реконструировал Кодекс императора Феодосия. Юристы-гуманисты, ориентированные на научное изучение римского права, не повлияли на судебную практику, а поэтому в XVII–XVIII вв. вновь уступили

позиции бартолистам. Но их труды готовили почву для последующего использования конструкций римского права в послереволюционном законодательстве Франции. Таким образом, можно сделать вывод, что в средневековье римское право выступало не только как важнейший источник действующего права, но и как составной элемент формирующейся национальной правовой культуры.

К числу важных источников права, действовавших в равной мере на территории всей страны, относились также нормы канонического права. Право церкви создавать собственную юридическую систему для внутреннего употребления признавалось в римской империи и в монархии франков, откуда во Францию и перешло каноническое право. Своего апогея здесь оно достигло в XII–XIII вв., когда расширилась компетенция церковных трибуналов, которые, сохранив свои властные функции над клириками, существенным образом расширили свою юрисдикцию в отношении светского населения. В последующие века в ходе упорной борьбы королевской власти за укрепление своих судебных полномочий сфера действия канонического права во Франции начинает сужаться. Королевский ордонанс 1539 года запретил церковным судам рассматривать дела, касающиеся не клириков, а светских лиц. К этому времени утверждается положение, согласно которому король один осуществляет власть в королевстве, а поэтому декреты римских пап и постановления церковных соборов не являются обязательными для французов. В число королевских полномочий в период становления абсолютизма было включено придание обязательной силы нормам канонического права. В конечном счете в основу действия канонического права во Франции были положены следующие принципы.

В отношении старого канонического права, выработанного в период средневековья и включенного в Свод канонического права, действовала презумпция, согласно которой оно молчаливо признается королевской властью. Спорной оставалась только юридическая сила "Книги шестой", промульгированной в период острой ссоры Бонифация VIII и Филиппа Красивого.

Нормы канонического права, принятые церковью уже после утверждения свода канонического законодательства (1582 год), требовали специальной королевской санкции. Фактически королевские суды стали принимать во внимание лишь те акты церковных соборов и римских пап, которые сопровождались специальными королевскими грамотами, означавшими их официальную промульгацию. Более того, такие грамоты подлежали регистрации в парламентах, что означало их верификацию. Так, Болонский конкордат 1516 года, опубликованный в виде папской буллы, приобрел во Франции обязательную силу лишь после того, как к его тексту были составлены специальные королевские грамоты, зарегистрированные не без трудностей в Парижском парламенте. Благодаря такой юридической процедуре некоторые церковные постановления (например, решения трентского собора) вводились в действие не в полном объеме. Вмешательство королевской власти в применение норм канонического права привело к тому, что отдельные церковные каноны (особенно XXIV канон, посвященный брачно-семейным отношениям), действовали со многими национальными особенностями.

Большое значение во Франции в период средневековья имело и городское право, которое рассматривалось как своего рода обычное право. Оно отличалось значительным разнообразием, но ему были присущи и общие черты. Основным источником этого права являлись городские хартии, имевшие нормативный характер и отражавшие компромисс городского населения с королем или отдельными сеньорами. В хартиях и основанных на них внутренних регламентах городов предусматривалось поддержание мира и порядка, признавались важные права и свободы граждан, не защищенные обычным феодальным правом (право на жизнь и имущество горожан, неприкосновенность жилища и т. п.), регламентировалась торгово-ремесленная деятельность.

Постепенное развитие внутренней, а особенно международной торговли выявило и очевидные недостатки городского права, носившего местный партикулярный характер. Поэтому с XII в. в отношениях между купцами начинают использоваться нормы

международного морского и торгового права, позаимствованные из сборников морских обычаев и торговых обыкновений, записанных в итальянских и испанских городах (Пизе, Барселоне и др.). Со временем такие сборники стали составляться и во Франции. Наибольшую известность из них получил Реестр торговых и морских обыкновений, составленный в XIII в. в Олероне и применявшийся во многих портовых городах Франции и Англии.

По мере усиления королевской власти все более важное место среди других источников права занимают законодательные акты королей: установления, ордонансы, эдикты, приказы, декларации и др. Начиная с Филиппа Красивого (конец XIII — начало XIV в.) королевские акты чаще всего стали именоваться ордонансами.

Вплоть до второй половины XVII в. королевское законодательство не отличалось систематизацией и классификацией содержащегося в нем материала. Нередко ордонансы были многопрофильные, как, например, Ордонанс Мулена 1566 года, включавший в себя нормы, относящиеся к ипотекам, к судебным доказательствам, к полномочиям губернаторов провинций. Королевское законодательство часто страдало декларативностью, его применение порождало постоянные судебные трудности.

К середине XVI в. королевских ордонансов накопилось так много, что Генеральные штаты неоднократно требовали от короля их кодификации с целью устранения путаницы и противоречий в законодательстве. В связи с этим известным юристом Бриссоном была подготовлена обширная компиляция, составленная на основе действующего королевского законодательства. Эта компиляция, известная под названием Кодекс Генриха III, была опубликована в 1587 году как частное произведение, но пользовалась большим авторитетом в судах. Во второй половине XVII и в XVIII в., особенно при короле Людовике XIV, кодификационные работы поднимаются на более высокую ступень. Под руководством Кольбера был создан специальный Совет по реформе законодательства. В это время издается серия королевских законов (так называемых больших ордонансов), которые по существу кодифицируют правовые нормы в области уголовного права и процесса, торгового и морского права, завещаний и т. д. Однако законодательные акты королей, которые затронули сравнительно небольшой круг общественных отношений, связанных главным образом с публичным порядком, не могли ввести во французское право системность.

В качестве дополнительного и сравнительно менее значимого источника французского средневекового права выступала судебная практика парламентов, особенно Парижского парламента. По многим вопросам, в частности, связанным с применением кутюмов, решения парламентов, вынесенные по отдельным делам, приобретали нормативно-обязательную силу.

Право феодальной собственности на землю. Феодальная основа права Франции наиболее ярко проявилась в том, что оно закрепляло исключительные привилегии дворянства и духовенства на землю. К XI в. полностью исчезает свободная крестьянская собственность на землю, а также иные формы аллодиальных владений, которые дольше сохранялись на юге страны. Феод утверждается в качестве основной и практически единственной формы поземельной собственности. В результате развития процесса субинфеодации складывается правило, что каждый держатель земли должен иметь сеньора по принципу "нет земли без сеньора". Это правило, возникшее первоначально на севере, к XIII в. распространяется по всей территории Франции. С усилением власти короля легисты и королевские судьи стали исходить из того, что все земли в стране держатся от имени короля.

Другой чисто феодальной чертой права поземельной собственности во Франции была его расщепленность. Как правило, земля не находилась в неограниченной собственности одного лица, а выступала как собственность двух или более феодалов, принадлежавших к разным ступеням сословной лестницы. Четко разделяя правомочия верховного и непосредственного собственника земли, право закрепляло иерархическую структуру феодальной земельной собственности.

Юридическое обоснование расщепленности права собственности наиболее полно было дано глоссаторами. Сначала они обозначили права вассалов на землю с помощью

классической римской формулы как право пользования участком и извлечения плодов (*ius utendi ac fruendi*). Но позднее, отступая от классических принципов римского права, они сконструировали новое положение о существовании одновременно нескольких собственных прав на одну и ту же вещь. За сеньором стало признаваться "прямое право собственности" (*dominium directum*), а за вассалом — "полезное право собственности" (*dominium utile*).

Это означало, что за вассалом, который непосредственно использовал свои привилегии собственника земли, было закреплено право на эксплуатацию крестьян путем взимания различных поборов. Сеньор, выступая в качестве верховного собственника земли, сохранял за собой определенные административно-судебные права и контроль за распоряжением переданным участком. Так, субинфеодация, т. е. передача части феода подвассалам, требовала до XI в. согласия сеньора. Позднее она могла осуществляться вассалом самостоятельно, но с соблюдением предусмотренных в обычном праве ограничений. Как правило, кутюмы разрешали передавать арьер-вассалам от 1/3 до 1/2 полученного от сеньора фьефа. Но с XIII в. без согласия сеньора, а затем короля была запрещена передача земельных владений церкви, поскольку при этом происходило так называемое "умерщвление лена". Верховный собственник навсегда терял такую землю, которую церковь, не связанная обязанностями военной службы, держала, как говорилось, "в мертвой руке".

Права земельного собственника в части недвижимости рассматривались не как индивидуальные, а как семейно-родовые. Поэтому распоряжение родовыми землями ставилось под контроль родственников. Их согласие при продаже таких земель требовалось вплоть до XIII в. Позднее это требование смягчалось, но родственники сохраняли право выкупа семейного имущества (право ретракта) в течение одного года и одного дня после его продажи. Если глава семьи умирал, не оставив детей, семейное имущество возвращалось по той линии, по которой оно поступило в семью.

Особая конструкция поземельных прав была выработана в стране обычного права, где кутюмы не знали права собственности на землю как такового, а признавали особые владельческие права (сезину). Последняя представляла собой земельное держание, зависимое от сеньора, но признанное обычным правом и охраняемое как собственность в судебном порядке. Фактически сезина могла приобретать форму феода и передаваться вассалу с помощью инвеституры. Права держателя земли принимали устойчивый характер в результате давности обладания земельным участком. Сначала обычное право предусматривало для этого короткий срок (год и один день), но позднее этот срок увеличился от 10 до 30 лет.

Своеобразие права феодальной собственности на землю заключалось также в том, что оно было неразрывно связано с владельческими правами крестьян. Эти права были ограниченными, но постоянными. Первоначально крестьянин не мог отчуждать свой земельный надел без согласия сеньора, но и последний также не мог произвольно стогнать с земли даже лично зависимого серва. С XIII в. основной формой крестьянского держания земли становится *цензива*. Цензитарий освобождается от личных повинностей и получает большую свободу распоряжения землей. Однако право крестьян на землю по-прежнему рассматривалось как производное от права поземельной собственности сеньора, а поэтому крестьянское хозяйство было обременено различными феодальными поборами.

Сами сеньоры, стремившиеся получить от своих крестьян все возрастающую ренту, а также королевская власть, взимающая с крестьянских хозяйств налоги, были заинтересованы в расширении владельческих прав цензитариев. Крестьянин (особенно в эпоху абсолютизма) получил право продавать, дарить, закладывать и иным путем переуступать свою цензиву, но при условии, что феодальный собственник, как и прежде, исправно получает причитающийся ему ценз. Королевские юристы, руководствуясь фискальными соображениями, обосновали даже тезис, что цензива является почти полной собственностью, так как формально только собственность подлежала обложению королевской тальей. Но при этом они не забывали подчеркнуть и разницу между сеньориальной собственностью и

цензивой, а именно — вечное право сеньора на получение ценза и других сборов, т. е. феодальной ренты.

Вплоть до революции 1789 года право феодальной собственности на землю сочеталось также с элементами общинного крестьянского землепользования. Так, предусматривались общинные угодья (леса, луга и т. д.) для выпаса скота, заготовки дров, а также право членов общины собирать оставшиеся на чужих участках после уборки урожая колосья, солому и др.

С XVI в. процесс первоначального накопления капитала начинает существенным образом влиять на судьбу общинных земель. Французское дворянство неизбежно втягивалось в товарно-денежные отношения, но не могло, как это имело место в Англии, сгонять цензитариев с их земель. Поэтому оно активно проводило политику расхищения общинных угодий. Королевская власть первоначально из фискальных соображений препятствовала захвату общинных земель, но при Людовике XIV был издан эдикт о "триаже", который позволил дворянам с условием внесения в казну соответствующей платы изымать треть земли, принадлежавшей крестьянской общине. Фактически же было отрезано 2/3, а иногда и более, общинных земель.

Лишь в городах земельная собственность, концентрировавшаяся главным образом в руках патрицианско-бюргерской верхушки, под влиянием конструкций римского права по своему правовому режиму в некоторых отношениях приближалась к неограниченной частной собственности.

Обязательственное право. Длительное время замкнутый характер феодального хозяйства и территориальная раздробленность страны тормозили развитие товарно-денежных отношений, а следовательно, и договорного права. Но даже в эпоху позднего средневековья и зарождения капитализма договорные отношения, получившие более широкое распространение, несли на себе печать феодализма.

Феодальный характер права проявлялся даже в таком договоре, как купля-продажа. В ранний период продажа вещей, прежде всего недвижимости, совершалась в торжественной форме, которая должна была обеспечить устойчивость договора. С XII в., особенно на юге страны, где уже сказывалось влияние римского права, важные сделки купли-продажи начинают составляться в письменном виде, а в последующем — утверждаться нотариусами. Текст таких сделок нередко выступал в виде единообразных формул. Так, например, продавец специально указывал, что действует "честно и без дурного намерения" (*bona fide et sine dolo*), что продаваемая вещь получена им по наследству или в силу 30-летнего добросовестного владения (или иного срока приобретательной давности), что он принимает на себя ответственность в случае отчуждения (эвикции) вещи у покупателя и т. п. Первоначально необходима не только уплата цены, но и передача проданной вещи. С XIII в. с развитием торгового оборота такой договор возникал с момента его заключения сторонами, и его объектом могли выступать вещи, которые еще не были изготовлены.

Особо тщательно регламентировалась купля-продажа земли в обычном праве. За сеньором всегда признавалось право преимущественной покупки продаваемого вассалом феода. Кроме того, он, как и родственники продавца, в течение установленного кутюмами срока имел право выкупа проданной земли. Со временем во избежание последующих феодальных семейных распрей нотариусы стали требовать присутствия при оформлении договора продажи недвижимости членов семьи продавца, включая детей с 14 лет.

Продажа дворянских сеньорий и крестьянских держаний (цензив) становится обычным явлением с зарождением капиталистических отношений и кризисом феодального хозяйства. С XVII в. буржуа особенно охотно скупают дворянские земли, прежде всего вокруг городов, причем часто не с целью внедрения новых методов хозяйствования, а лишь с тем, чтобы иметь возможность взимать с крестьян феодальную ренту. Нередко объектом купли-продажи становилась не сама земля, а именно связанные с ней рентные права.

В X–XI вв., когда купля-продажа имущества была еще сравнительно редким явлением и не совмещалась с представлениями о феодальной чести, получил развитие договор дарения. Нередко этот договор маскировал сделку купли-продажи, становился фактически

двусторонним и возмездным. Получатель подаренного имущества принимал на себя обязательство передать дарителю в знак благодарности определенное имущество (лошадь, оружие и т. п.). Договор дарения использовался также для обхода предусмотренных во многих кутюмах ограничений на завещания. В свою очередь в обычном праве постепенно устанавливаются ограничения для дарителя, в частности связанные с дарением родовых имуществ. В 1731 году специальный королевский ордонанс о дарениях упорядочил и кодифицировал обычное право, запретив посмертные дарения (замаскированные завещания), если они не были специально предусмотрены брачным договором.

В период абсолютизма во Франции широкое распространение получает договор найма (аренды) земли, который способствовал проникновению капиталистических отношений в деревню. В XVI–XVIII вв. многие дворяне забрасывают свое хозяйство, отказываются от собственной запашки, раздают земли по частям в аренду за фиксированную плату или часть урожая. Такие договоры сначала заключались на год, но постепенно сроки их действия удлиняются (на одну, две и т. д. жизни арендатора). Такая форма эксплуатации крестьян давала дворянству большую выгоду, так как размер арендной платы (в отличие от ценза) не был определен обычаем и мог время от времени повышаться. Кроме того, в отличие от цензивы земля, сданная в аренду, по окончании срока договора возвращалась в распоряжение сеньора.

В предреволюционный период к сдаче земли в краткосрочную аренду (на 5–10 лет) все чаще прибегали буржуа, приобретающие дворянские поместья. Арендные отношения стали охватывать все более широкий круг имуществ. Нередко зажиточные крестьяне или буржуа получали от сеньоров в аренду за соответствующую плату на год или на несколько лет право на баналитеты (феодалные монополии земельных собственников) или иные виды феодальной ренты.

Важное место в средневековом праве Франции занимал договор займа. В ряде долговых документов XII–XIII вв. использовалась римская формула займа (*mutuum*), но она не получила распространения. Каноническое право запрещало взимание процентов, но, поскольку крупнейшим заимодавцем во Франции в это время была церковь, она же нашла и обходные пути для этого запрета. В некоторых случаях должник выплачивал кредитору заранее определенную сумму (до 25 % от полученной им в долг), которая не считалась процентами. В других случаях он принимал на себя встречное обязательство выплачивать кредитору фиксированную ренту в виде определенной части доходов. Со временем при договоре займа все чаще стал использоваться "мертвый залог", при котором должник закладывал земельный участок, причем доходы от него поступали кредитору и не засчитывались в счет уплаты долга.

С XIV–XV вв. в качестве заимодавцев во Франции выступает уже городская верхушка, ростовщики, которые под залог земли или за право взимать ренту ссужали деньги крупным феодалам и самому королю. В период абсолютизма ростовщические операции приобрели столь широкий размах, а число заложенных сеньорий стало столь значительным, что это вызывало всеобщее недовольство дворянства. Королевским ордонансом в XVIII в. был запрещен залог имущества, если он сопровождался передачей кредитору заложенной земли. Но еще с XII в., особенно в ростовщических операциях церкви, для гарантии по договору займа стала использоваться ипотека, когда заложенная земля оставалась у должника, но с выплатой последним установленной ренты.

Развитие торгового и ростовщического капитала, рост банковских операций потребовали специальной регламентации профессиональной деятельности купцов, банкиров, маклеров и т. п. С учетом сложившейся международной торговой практики в 1673 году был издан королевский ордонанс о торговле, известный по имени его составителя как Кодекс Савари, а в 1681 году — ордонанс о морской торговле. В этих актах определялся правовой статус купцов и порядок образования торговых товариществ, содержались нормы, относящиеся к специальным институтам, выработанным в практике международной и морской торговли, таким, как вексель, банкротство, страхование и т. д. Тем самым было

положено начало созданию во Франции наряду с общими нормами, регулирующими имущественный оборот (гражданское право), обособленных норм торгового права, что в последующем привело в этой стране к дуализму частного права.

Государственная регламентация производства и торговли. Феодалный характер права в средневековой Франции проявился также в многочисленных стеснениях торговли и производственной деятельности. Их появление исторически было связано с закреплением в королевских хартиях и нормах городского права сословно-корпоративной организации городской жизни. Предусматривая привилегии для ремесленных цехов и купеческих гильдий, средневековое право воздвигало непреодолимые препятствия на пути частного предпринимательства и ограничивало свободу в договорных отношениях. Тщательная правовая регламентация распространилась во Франции не только на торговую деятельность цехов и купцов, но и на внутреннюю организацию производства и его технологию, что нашло свое отражение в детальном определении видов сырья и способов его переработки, производственного процесса, номенклатуры и качества готовых изделий и т. п.

На первых порах развития ремесла и торговли, особенно в условиях феодального произвола, установление четких правовых рамок для производственной и торговой деятельности способствовало ее упорядочению и даже защите. Однако со временем мелочная регламентация производства и торговые монополии стали тормозом на пути развития более передовых капиталистических отношений. Именно поэтому с XVI в. цеховая система во Франции, несмотря на предоставление королевскими актами некоторых дополнительных привилегий отдельным цехам, приходит в упадок, уступая место мануфактурному производству.

Быстрому росту мануфактур во Франции способствовала проводившаяся при абсолютизме политика меркантилизма и протекционизма, предусматривающая активное вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Особенно широко политика протекционизма использовалась во второй половине XVII в. при Ж. Кольбере. Пытаясь добиться роста государственных доходов, Кольбер установил ограничения на ввоз иностранной продукции, запрещал вывоз сырья, поощрял экспорт готовых изделий и тем самым создавал более благоприятные условия для развития во Франции частного предпринимательства. Кольбер выдавал организаторам мануфактур льготные королевские патенты с установлением монопольных привилегий, предоставлял им государственные субсидии. Создаваемые королевские мануфактуры (накануне революции их было 514) нередко оказывались убыточными, но они способствовали становлению во Франции капиталистической промышленности.

Некоторые торговые компании, участвующие в международной коммерции (Ост-Индская, Вест-Индская, Левантийская и др.), также создавались с участием государственного капитала, отчисляли в казну часть прибылей. Абсолютистское правительство использовало и систему государственных займов, выпуская время от времени процентные государственные облигации. Приобретателем этих ценных бумаг была прежде всего ростовщическая буржуазия, которая, кредитуя короля, добивалась для себя важных привилегий.

Чисто феодальные методы правового регулирования торговли и промышленности получили свое выражение и в налоговой политике абсолютизма, выразившейся, в частности, в значительном увеличении косвенных налогов (акцизов), например на продажу соли, вина. Налоговый гнет тяжелым бременем ложился на крестьянские хозяйства. Он создавал преграды для формирования торгово-промышленного капитала во Франции и в то же время — поле деятельности для ростовщических и финансовых кругов буржуазии. Специальные компании откупщиков (из ростовщиков и банкиров), внося в королевскую казну крупную сумму денег, получали право на взимание государственных налогов на определенной территории. Эти компании имели своих собственных сборщиков налогов, которые, используя и государственный аппарат принуждения, взимали с населения поборы сверх установленной суммы на логот, хотя такая практика формально считалась незаконной. Система откупов

была разорительной для крестьянства и обременительной для растущей французской буржуазии в целом. Королевская власть в случаях особо скандальных разоблачений проводила судебные процессы над зарвавшимися откупщиками ("кровососами"), временами даже сворачивала практику откупов (в конце XVI — начале XVII в.), но в целом она процветала вплоть до революции 1789 года.

Государственная регламентация производства и торговли превратилась в очевидный тормоз экономического развития, и, обострив социальные конфликты в обществе, стала одним из факторов, приблизивших буржуазную революцию.

Семейное и наследственное право. Брак и семья во Франции регулировались в основном каноническим правом. В XVI–XVII вв. королевская власть, стремясь усилить государственное воздействие на брачно-семейные отношения, серией ордонансов отступила от церковных норм, относящихся к заключению брака. Сам брак, хотя по-прежнему фиксировался лишь в церковных книгах, стал рассматриваться не только как религиозное таинство, но и как акт гражданского состояния. Было пересмотрено старое каноническое правило, согласно которому при вступлении в брак не требовалось согласие родителей. Отныне дети, нарушившие волю родителей, могли быть лишены наследства. Кроме того, в XVII в. родители получили право обращаться в Парижский парламент с жалобой на действия кюре, заключившего браге без их согласия. В связи с нерасторжимостью брака по каноническому праву парламент не мог признать его недействительным, но объявлял заключенным незаконно. В результате брак не порождал юридических последствий.

Личные отношения супругов (главенство мужа, безусловное подчинение ему жены, совместное проживание и т. п.) также определялись каноническим правом, но положение детей в семье и имущественные отношения супругов были различными в северной и южной частях страны. В стране обычного права родительская власть рассматривались как своеобразная опека и сохранялась в основном до совершеннолетия детей. Здесь также длительное время действовал режим общности имущества супругов, которым распоряжался муж. На юге под влиянием римского права утвердилась сильная отцовская власть над детьми, но существовал раздельный режим имущества мужа и жены.

В период позднего средневековья под влиянием норм римского права сократилась имущественная правосубъектность жены. На юге все сделки, заключенные ею без согласия мужа, признавались ничтожными. Напротив, на севере режим общности имущества перестал быть обязательным, и за супругами закрепилась большая свобода решать свои имущественные взаимоотношения по обоюдному согласию. Повсеместно во Франции к этому времени усиливается родительская (прежде всего отцовская) власть над детьми, которые, как и в римском праве, не могли совершать юридические акты без согласия родителей. Отец получил право просить у королевской администрации заключения в тюрьму непокорных детей.

В наследственном праве Франции наиболее характерным институтом был *майорат*, т. е. передача по наследству земельного имущества умершего старшему сыну. Такой порядок позволял избегать дробления феодальных сеньорий и крестьянских хозяйств. На наследника возлагалась обязанность помогать своим несовершеннолетним братьям, выдавать замуж сестер. На юге Франции под влиянием римского права широкое распространение получили завещания. В них особенно было заинтересовано духовенство, поскольку священники считались исполнителями завещательной воли умершего и часть завещанного имущества отказывалась церкви. Под воздействием церкви завещание все более начинает проникать и в обычное право, хотя завещательная свобода на севере была существенно ограничена в пользу законных наследников. Последние не могли быть лишены наследства завещательным распоряжением без особо серьезных к тому оснований.

Уголовное право. В IX–XI вв. во Франции в основном продолжала существовать система преступлений и наказаний, восходящая к раннему средневековью. Преступление рассматривалось как действие (частная обида), затрагивающее интересы отдельных лиц, а наказания, которые еще не были отмечены печатью жестокости, сводились прежде всего к

компенсации за вред, причиненный частным лицам.

Однако к XI–XII вв. феодальные черты уголовного права раскрываются достаточно полно. Преступление перестает быть частным делом, а выступает как "нарушение мира", т. е. утвердившегося феодального правопорядка. Получают развитие такие качества уголовного права, как уголовная ответственность без вины, жестокость наказаний, неопределенность составов преступлений. Если еще в среде самих феодалов вопрос о преступлениях и наказаниях рассматривался в "суде равных", исходя из правовых обычаев и представлений о феодальной чести, то по отношению к подвластному крестьянскому населению сеньор в уголовных делах был по существу одновременно и законодателем и судьей. Он мог применять уголовную репрессию против крестьян за самые различные проявления неповиновения, вплоть до невыполнения сеньориальных повинностей.

С постепенной централизацией государства и усилением королевской власти в XIII–XV вв. ослабляется сеньориальная юрисдикция и возрастает роль законодательства королей в развитии уголовного права, которое все более приобретает репрессивный характер. Расширяется круг дел, которые рассматриваются как тяжкие преступления и входят в категорию так называемых "королевских случаев" (фальшивомонетничество, убийство, изнасилование, поджоги и т. д.). Короли своим законодательством начинают активно вмешиваться и в религиозную сферу, дополняя нормы канонического права. Так, еще в 1268 году Людовик IX издал ордонанс, предусматривающий особое наказание за богохульство. Появляется ряд новых составов преступлений, связанных с понятием "оскорбление величества". Окончательному исчезновению представления о преступлении как "частном деле" способствовал Великий мартовский ордонанс 1357 года, который предусматривал запрет на замену наказания денежной компенсацией. По требованию сословий король лишался права помилования лиц, совершивших тяжкие преступления.

Вплоть до революции 1789 года уголовная ответственность того или иного лица непосредственно связывалась с его сословным положением. К дворянам лишь в исключительных случаях применялись телесные наказания, которые обычно заменялись штрафами и конфискациями имущества, не допускалась смертная казнь через повешение. Особая система уголовной ответственности существовала для духовенства. Вместе с тем полностью отбрасывались всякие представления о законности в случаях подавления городских и крестьянских восстаний, когда окончательно исчезали разграничения между судебной и внесудебной расправой. Так, при подавлении Жакерии только за две недели было казнено 20 тыс. человек.

В средневековом уголовном праве Франции допускалось объективное вменение, т. е. уголовная ответственность без вины. Так, в королевских законах за некоторые политические преступления предусматривалась коллективная ответственность членов городских корпораций, а также членов семьи преступника, в том числе его детей. Законодательство и кутюмы в принципе знали понятие невменяемости, т. е. неспособности человека в силу психического расстройства осознавать значение своих действий. Но по ряду преступлений, в том числе за "оскорбление величества", к уголовной ответственности привлекались умалишенные и малолетние. Уголовному "преследованию" подвергались даже трупы преступников, а также животные и предметы, явившиеся причиной смерти человека.

В период абсолютизма законодательство особо детализирует составы преступлений, направленных против короля, французского государства и католической церкви. В связи с этим значительно расширяется круг действий, которые подпадают под понятие "оскорбление величества". Наиболее тяжкими считались покушения на короля или членов его семьи и заговор против государства. В XVII в. при Ришелье была создана "вторая ступень" преступлений, рассматривавшихся как "оскорбление величества". Это заговор против министров короля, командующих королевскими войсками, губернаторов провинций и других высших королевских чиновников, измена на войне, дезертирство, шпионаж, строительство крепостей без королевского разрешения и т. п.

Разнообразными были и религиозные преступления: богохульство, кощунство и

святотатство, колдовство, ересь и т. д. Понятие "ересь", как и понятия других религиозных преступлений, отличалось особой неопределенностью и менялось на разных этапах развития французского государства. Наиболее массовый характер преследование еретиков получило в период Реформации, особенно после эдикта Генриха II в 1547 году, предписавшего сжигать на кострах всех протестантов. Гонения на кальвинистов (гугенотов) в это время вылились в массовые внесудебные расправы (в 1572 году в Варфоломеевскую ночь было убито 2 тыс. человек), в кровопролитные религиозные войны XVI–XVII вв.

В связи с процессом первоначального накопления капитала и массовым разорением крестьянства королевскими ордонансами были предусмотрены специальные меры уголовной репрессии против бродяг, нищих и безработных, ставившие своей целью создание системы наемного труда. Незадолго до революции это законодательство пополнилось очередным королевским ордонансом (в 1764 году), по которому лица, не имеющие средств к существованию, посылались на тяжелые работы на галерах.

Так же как и преступления, наказания не были четко определены в королевском законодательстве, их применение во многом зависело от усмотрения суда, от сословного положения обвиняемого. Целью наказания стало возмездие и устрашение. Приговоры приводились в исполнение публично, с тем, чтобы страдания осужденного вызывали страх у всех присутствующих. Смертная казнь применялась в разнообразных формах: разрывание на части лошаадьми, четвертование, сожжение и т. д. Многочисленными были членовредительские и телесные наказания: отрезание языка, отсечение конечностей, терзание раскаленными щипцами и т. д. Широко стало применяться и тюремное заключение, которое в более ранний период предусматривалось главным образом церковными судами. В качестве основного и дополнительного наказания использовалась и конфискация имущества, что было выгодно королевской казне, когда дело касалось больших состояний буржуа.

В уголовном праве Франции четко проявилась и такая специфически средневековая черта, как явное несоответствие тяжести наказания характеру преступления. Она усугублялась произволом королевских судей, особенно злоупотреблявших конфискацией имущества, что вызывало большое недовольство французской буржуазии, передовые идеологи которой подвергли в XVIII в. сокрушительной критике всю систему дореволюционного уголовного "права".

Судебный процесс. Вплоть до конца XII в. судебный процесс, как это было ранее у франков, сохранял в основном обвинительный характер. Большое распространение получает судебный поединок, который проводился при взаимном согласии на то сторон или же в случае, когда одна из них обвиняла противника во лжи. Правовые обычаи детально регламентировали процедуру судебной дуэли.

При рассмотрении дел крестьян в сеньориальных судах наряду с традиционными доказательствами еще в XI в. стали применяться пытки, и процесс утрачивал свой былой состязательный характер. К этому времени розыскная (инквизиционная) форма процесса, называвшаяся еще римско-католической, утверждается в церковных судах, а с XIII в. постепенно вводится в судах короля и крупных феодалов. Вплоть до XV в. розыскной и обвинительный процессы существовали как бы параллельно, но последний постепенно начал выходить из употребления в связи с отменой важных традиционных видов доказательств ("божьего суда") — ордалий и судебного поединка.

Окончательное закрепление розыскного процесса происходит с утверждением абсолютизма путем издания серии королевских актов: ордонанса 1498 года, эдикта 1539 года и Большого уголовного ордонанса 1670 года. Правда, первоначально этот процесс именовался экстраординарным, но именно он применялся в большинстве важных уголовных дел. Именно в этот период получила распространение практика, когда для тюремного заключения человека требовалось только вписать его имя в пустой бланк королевского приказа на арест (*lettres de cachet*).

Первой стадией розыскного процесса было дознание, т. е. сбор предварительной и тайной информации о преступлении и преступнике. Судебное дело возбуждалось на

основании обвинения королевского прокурора, а также доносов и жалоб, содержание которых оставалось неизвестным для обвиняемого. Затем судебный следователь собирал письменные доказательства, допрашивал свидетелей и обвиняемого, проводил очные ставки. При розыском процессе подразумевалась виновность обвиняемого, поэтому показаний одного свидетеля было достаточно для применения пытки. Цель ее состояла в том, чтобы вырвать признание обвиняемого, которое рассматривалось как "царица доказательств".

Само судебное рассмотрение дела проходило в закрытом заседании, причем решающее значение придавалось материалам, собранным в ходе следствия. Полноценным доказательством вины обвиняемого были, кроме собственного признания, показания двух "заслуживающих доверия" свидетелей, письма самого обвиняемого, протоколы, составленные на месте преступления, и т. д. Хотя ордонанс 1670 года предусмотрел деление доказательств на оправдательные и обвинительные, суд основное внимание уделял именно последним. В случае отсутствия достаточных обвинительных доказательств судья мог распорядиться о повторном проведении пытки.

До XIII в. судебные приговоры считались окончательными и не подлежали обжалованию. Лицо, недовольное решением судей, могло вызвать их на судебный поединок и последовательно драться с каждым из них. Обжалование в суд вышестоящего сюзерена было возможно только в случае "ошибки в праве".

С XIII в. постепенно признается право обжаловать любое дело из сеньориального суда в королевский суд. В свою очередь в королевских судах допускалось обращение с апелляцией в более высокую инстанцию. Высшим апелляционным судом по гражданским и уголовным делам со временем становится Парижский парламент. Наличие большого числа апелляционных инстанций, особенно в предреволюционный период, делало судебные процессы затяжными и дорогостоящими.

Глава 22. Право средневековой Германии

Источники и система. В период с V по XI в. архаическое "народное" право восточных франков имело племенной характер, и в его основе лежали такие принципы, как святость обычая, коллективная "совесть" и ответственность сородичей, кровная месть (с постепенным вытеснением ее композицией — денежными возмещениями), коллективное правосудие с применением "божьего суда" (ордалии), соприсяжничества и иных символических обрядов.

Становление королевской власти, а затем ее устойчивое ослабление обусловили правовой партикуляризм в течение всего периода германского средневековья. С формальной точки зрения в Германии начиная с XII—XIII вв. не существовало "общегерманского права", если не считать императорского законодательства по отдельным вопросам, а было право различных территориальных образований, включая право городов.

Кроме того, германская средневековая правовая система отличалась отчетливым обособлением комплекса правовых норм, касающихся высшего феодального сословия, так называемого ленного права. Если в Англии и в определенной мере во Франции с XIII в. нормы права, регулирующие вассально-ленные отношения, действовали в тесной взаимосвязи с другими нормами феодальной правовой системы, то в Германии традиционным стало деление права на земское (право земли, территории — Landrecht) и ленное (Lehn-recht). Ленное, земское, городское, каноническое право в Германии регулировало одни и те же отношения (поземельные, имущественные, брачно-семейные, наследственные) по-разному, в зависимости от сословной принадлежности субъекта права и местности, территории, право которой на него распространялось. Чаще всего определить его "собственное" право мог только суд.

Средневековое право вообще, и германское право в частности, демонстрирует особую приверженность к судебным процедурам, в ходе которых человек мог "искать свое право".

Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что в Германии были выработаны некоторые общие правовые принципы и институты, которые, будучи добровольно признанными различными политическими единицами, составили основу "общего права" Германии. Такие принципы формировались как на базе универсальных норм обычного права германцев, так и на законотворческой деятельности германских императоров в XII — первой трети XIII в., которая затем фактически прекратилась и активизировалась только в XVI в. Так называемые "статуты мира", периодически издаваемые императором и рейхстагом в XII—XIII вв., содержали общие нормы, относящиеся к охране собственности и жизни и угрожавшие похитителям, поджигателям, убийцам и другим "нарушителям мира" различными наказаниями. В период с 1103 по 1235 г. таких "статутов мира" было издано около 20. Среди них наиболее известным был Майнцский статут 1235 года, который неоднократно подтверждался впоследствии. Он провозглашал некоторые общие принципы "установленного права" для жителей всей Германии, включая принцип обязательного судебного разбирательства в целях "защиты тела и имущества" вместо мщения и самосуда.

Важную роль в развитии германского права сыграли местные систематизации норм обычного права, включавшие в себя также положения имперского законодательства и судебную практику ("Саксонское зеркало", "Швабское зеркало", "Франконское зеркало" и т. п.). Действие норм и принципов этих сборников выходило далеко за пределы мест, где они были изданы, и способствовало определенной унификации права.

"Саксонское зеркало", написанное в 1220-е годы шеффеном Эйке фон Репгау, объединило наиболее распространенные нормы обычного права и судебной практики северо-восточной Германии. Трактат был разделен на две части: первая была посвящена земскому праву, другая — ленному праву. "Право земли" содержало нормы как обычного права, так и императорского законодательства, которые применялись в земских судах в отношении "неблагородных" свободных. Ленное право регулировало узкий круг вассально-ленных отношений между "благородными" свободными. В работе практически не содержалось ссылок на римское, городское или торговое право и имелись редкие упоминания норм канонического права и права других земель.

"Саксонское зеркало" получило признание во многих германских землях и городах, где на него нередко продолжали ссылаться вплоть до 1900 года.

Высокая степень единообразия сложилась в германском городском праве. Здесь право нескольких ведущих городов широко заимствовалось другими. Например, законы Магдебурга действовали в более чем 80 городах, Франкфурта — в 49, Любека — в 43, Мюнхена — в 13, поскольку нормы права "материнского" города или решения его судов направлялись в суды дочерних городов по их просьбе. Так, в Германии образовались две основных "семьи" городского права — любекского и магдебургского. Право Любека распространилось в городах Северного и Балтийского региона, в том числе в Новгороде и Tallинне, и являлось определяющим в рамках ганзейского союза. Магдебургское городское право действовало на обширной территории восточных земель, включавших Восточную Саксонию, Бранденбург, отдельные области Польши.

Наибольшую известность получили нормы магдебургского права, посланные в Бреслау в 1261 году (64 статьи) и в Герлиц в 1304 году (140 статей). В XIV в. систематизированное магдебургско-бреслауское право было издано в пяти книгах, содержащих около пятисот статей. Первая книга была посвящена городским судьям, порядку их введения в должность, их компетенции, правам и обязанностям. Вторая книга охватывала вопросы судопроизводства, третья относилась к различным искам, четвертая была посвящена семейному и наследственному праву, пятая (незавершенная) — различным решениям, не рассматривавшимся в других книгах.

В рамках городского права постепенно выделяется еще более универсальная система — торговое право, или "право купцов", которое с самого начала приобрело национальный характер. Значительное количество норм торгового права содержалось в статутах городского права XIII в. г. Любека, Брюгге, других германских городов — участников Ганзы. Широкий

авторитет во всех странах Балтии приобрели законы Висби (около 1350 года) — порта на острове Готланд в Балтийском море, в которых регулировались вопросы морской перевозки и морской торговли. В этом портовом городе свои ассоциации имели германские, шведские, латышские, новгородские купцы, но наибольшее влияние на развитие права Висби оказали городские статуты Гамбурга и Любека.

Значительное развитие торговое право получило в североитальянских землях Германской империи, где образовались городские коммуны, объединенные в так называемую Ломбардскую лигу (Верона, Венеция, Бергамо, Милан, Парма, Болонья и др.). Здесь впервые была проведена систематизация торговых обычаев ("Книга обычаев" Милана 1216 года), осуществлялась запись решений торговых судов различных видов (морских, ярмарочных и т. п.).

Важным источником германского торгового права стали и международные договоры с другими городами, их союзами и даже иностранными монархами для предоставления режима "наибольшего благоприятствования" в торговле. Известен, например, подобный договор между г. Кельном и английским королем Генрихом II, в котором король обещал купцам Кельна аналогичное отношение (т. е. предоставлял им "национальный режим").

В XIV–XVI вв. установлению определенного правового единства в Германии стали способствовать рецепции римского права. В конце XV в. Дигесты Юстиниана, обработанные с учетом потребностей времени, были признаны руководящим источником права для учрежденного в 1495 году Высшего имперского суда. В XVI в. римское пандектное право получает авторитет имперского закона и продолжает действовать в качестве "общего права" Германии вплоть до принятия Германского гражданского уложения 1900 года.

Важный вклад в создание общегерманских принципов уголовного права был внесен в 1532 году изданием уголовного и уголовно-процессуального уложения Карла V ("Каролины"). Изданная как общеимперский закон, "Каролина" провозглашала верховенство имперского права над правом отдельных земель, отмену "неразумных и дурных" обычаев в уголовном судопроизводстве в "местах и краях". Вместе с тем она допускала сохранение для курфюрстов, князей и сословий их "исконных и справедливых обычаев". Однако поскольку уложение вполне соответствовало как политическим интересам княжеской верхушки, так и современным требованиям уголовного права и процесса, оно было общепризнано в качестве источника права во всех землях. На основе "Каролины" образовалось общее немецкое уголовное право.

Несмотря на указанный процесс унификации германского права, нормы "общего германского права" имели в основном рекомендательный характер и зависели от степени их "признания" в германской земле. Правовые системы складывались преимущественно по отдельным территориям-государствам Германии.

С XIII в. в землях Германии активно развивается княжеское законодательство, ограничивающее использование обычая и содержащее новые нормы уголовного, наследственного и торгового права, распространяющиеся на всех свободных подданных. Завершение процесса оформления собственных правовых систем в княжествах связано с кодификацией местного права в XVII–XVIII вв., в эпоху утверждения "княжеского абсолютизма". Так, в середине XVIII в. издаются уголовное уложение и Гражданский кодекс в Баварии, в 1768 году в Австрии издается уголовное уложение "*Терезиана*", а в 1787 году там же — новое уголовное уложение.

Особенно широкую известность получило *Прусское земское уложение*, изданное в 1784 году. Его источниками послужили "Саксонское зеркало", римское право, Магдебургское и Любекское право, практика берлинского верховного суда. Уложение состояло из двух частей. Первая была посвящена гражданскому праву. Во второй части содержались главным образом нормы государственного и уголовного права, а также нормы о положении сословий, о школах и церкви. Как дань "просвященному абсолютизму" кодекс содержал некоторые элементы современной ему трактовки собственности и "естественных прав" человека. Однако в прусском праве на деле доминировали иные принципы, такие, как

неограниченная власть прусского короля, мелочная регламентация всех сторон общественной и частной жизни, бесправие крепостных и привилегированное положение дворянства. Кодекс отличался обилием морализирующих положений, неопределенностью юридических формулировок и устаревшими мерами наказания типа палочных ударов.

Общеимперское законодательство. Как отмечалось, постановления центральных органов империи в XII–XIII вв. имели своей основной функцией поддержание "земского мира". Соответственно общеимперское право традиционно содержало в основном уголовно-правовые нормы.

Первоначально механизм поддержания мира заключался в том, чтобы связать бессрочным обязательством (присягой) не совершать насилия в его любой форме всех подданных империи. В позднейших статутах нормы об охране жизни и собственности приобрели императивный, независимый от присяги характер и стали охватывать достаточно широкий спектр отношений. Так, в Майнцском статуте нарушениями мира признавались и подлежали наказанию неподчинение церковной юрисдикции, незаконное взимание дорожных и других пошлин и сборов за охрану и сопровождение, воспрепятствование свободному и безопасному передвижению германцев и иностранцев, незаконное заявление претензий, ущемляющих различные права граждан (о патронате и т. п.). Подлежали наказанию и "классические" преступления, среди которых особо отмечались фальшивомонетничество, захват заложников, убийство (особенно отцеубийство), государственная измена.

Статуты мира требовали, чтобы потерпевшие не вершили самосуда, а обращались в суд для разрешения дел "по справедливости согласно разумным обычаям земель". Нарушение этого принципа как со стороны потерпевших, так и со стороны судей наказывалось как минимум штрафом, ибо "где кончается власть права, господствует жестокий произвол". Незаконное мщение без обращения в суд, нарушение перемирия, заключенного перед судом, захват имущества в обеспечение долга без разрешения судьи могли привести к объявлению виновного "вне закона". Вместе с тем самосуд (с соблюдением определенных правил) считался законным, если стороны не были удовлетворены судебным решением.

Особое внимание уделялось в статутах принципам организации и деятельности судов. Провозглашалась необходимость замещения должности судьи только достойными людьми, утверждался принцип суда равных, с участием высших по положению или равных свидетелей. Юстициарий, возглавляющий судопроизводство в отсутствие императора, должен был соответствовать по личным качествам своей должности, быть из свободного сословия и оставаться в должности "при хорошем поведении" не менее года. Судебное заседание следовало проводить каждый день, кроме воскресений и праздников, в отношении "прав и собственности" подданных, за исключением князей и других "высоких особ". Наиболее важные дела оставлялись на разрешение императора. При юстициарии предусматривалась должность специального нотариуса из мирян, который ведал бы приемом и хранением заявлений и жалоб, ведением протоколов и записями решений в императорском суде. Особенно рекомендовалось записывать спорные дела с указанием местности, согласно обычаям которой было вынесено решение.

Таким образом, была сделана попытка создать подобие постоянной канцелярии для хранения, систематизации и изучения судебных решений и обычаев земель, что позволило бы решать дела на основе "общего" германского права.

Принципы наказания определялись характером преступления и преступника. Учитывались "дерзость" преступления, а также рецидив. За имущественные правонарушения полагалось в основном возмещение ущерба. Соучастники наказывались аналогично преступнику.

Особо оговаривалась опала — объявление императором человека "вне закона", что означало лишение чести и всех прав. Сознательно укрывающие объявленного "вне закона" подлежали равному с ним наказанию, включая города, которым грозило уголовное преследование и разрушение стен.

Статуты мира были частью императорского права, предназначенного для собственно германских территорий империи. Для Италии же издавались гораздо более обширные и разработанные своды законов, которые могли опираться на централизованные учреждения нормандского сицилийского королевства.

Традиция императорского законодательства о предупреждении и наказании различных правонарушений была возобновлена в XVI в. изданием "Каролины", содержащей некоторые общие принципы уголовного права, а также значительный перечень преступлений и наказаний. Являясь практическим руководством по судопроизводству для шеффенов, этот закон не содержал четкой системы и последовательного разграничения норм уголовного и уголовно-процессуального права.

К общим понятиям уголовного права, известным "Каролине", можно отнести умысел и неосторожность, обстоятельства, исключаящие, смягчающие и отягчающие ответственность, покушение, соучастие. Эти понятия, однако, не всегда были достаточно четко сформулированы и излагались применительно к отдельным видам преступлений и наказаний.

Ответственность за совершение преступления, по "Каролине", наступала, как правило, при наличии вины — умысла или неосторожности. Однако феодальное уголовное право Германии нередко устанавливало ответственность и без вины, за вину другого лица ("объективное вменение"). Кроме того, применявшиеся методы установления виновности часто влекли за собой осуждение невиновного человека.

Обстоятельства, исключаящие наказание, подробно излагаются в "Каролине" на примере убийства. Так, ответственность за убийство не наступала в случае необходимой обороны, при "защите жизни, тела и имущества третьего лица", задержании преступника по долгу службы и в некоторых других случаях. Убийство в состоянии необходимой обороны считалось правомерным, если убит был нападавший со смертельным оружием и если подвергшийся нападению не мог уклониться от него. Ссылка на необходимую оборону исключалась при законном нападении (для задержания преступника) и при убийстве, совершенном после прекращения нападения, в ходе преследования нападавшего. Судебник предписывал проводить тщательное разбирательство каждого конкретного случая необходимой обороны, поскольку правомерность ее должен был доказывать сам убийца, а неправомочность влекла за собой наказание.

"Каролина" предусматривает и некоторые смягчающие обстоятельства. К ним относились отсутствие умысла ("неловкость, легкомыслие и непредусмотрительность"), совершение преступления "в запальчивости и гневе". Смягчающими обстоятельствами при краже считались малолетний возраст преступника (до 14 лет) и "прямая голодная нужда". Гораздо более многочисленными являются отягчающие вину обстоятельства: публичный, дерзкий, "злонамеренный" и кощунственный характер преступления, повторность, крупный размер ущерба, "дурная слава" преступника, совершение преступления группой лиц, против собственного господина и т. п.

В судебнике различаются отдельные стадии совершения преступления, выделяется покушение на преступление, которое рассматривается как умышленное деяние, не удавшееся вопреки воле преступника. Покушение наказывалось обычно так же, как оконченное преступление. При рассмотрении соучастия уложение чаще всего упоминает пособничество. Законоведы того времени различали три вида пособничества: помощь до совершения преступления; на месте преступления (совиновничества); после его совершения. В последнем случае от "корыстного сообщничества" отличалось "укрывательство из сострадания", влекущее более мягкое наказание.

"Каролина" не классифицировала составы преступления, а лишь перечисляла их, располагая в более или менее однородные группы. Прежде всего указывались преступления против религии — богохульство, кощунство, колдовство, нарушение клятвы, а также преступления, несовместимые с христианской моралью, — распространение клеветнических пасквилей, подделка монеты, документов, мер и весов, объектов торговли. К ним примыкали

преступления против нравственности: прелюбодеяние, двоебрачие, кровосмесительство, сводничество, изнасилование, похищение женщин и девушек.

К государственным преступлениям относились измена, бунт против властей, различные виды нарушений "земского мира" — вражда и месть, разбой, поджог, злостное бродяжничество. Косвенно упоминалось оскорбление императорского величества.

В группе преступлений против личности выделялись различные виды убийства, а также самоубийство преступника, в результате которого наследники могли лишаться права наследования. Преступления против собственности включали многочисленные виды кражи, недобросовестное распоряжение доверенным имуществом. Специально оговаривались кража в церкви, а также такие виды кражи, которые были характерны для малоимущих слоев населения (плодов и урожая, рыбы, леса). Наконец, упоминались некоторые преступления против правосудия — лжесвидетельство, незаконное освобождение заключенного охранником, неправомерный допрос под пыткой.

Хотя в преамбуле "Каролины" имелось утверждение о равном правосудии для "бедных и богатых", во многих статьях подчеркивалась необходимость при назначении наказания учитывать сословную принадлежность преступника и потерпевшего лица. Так, при определении наказания за кражу судье следовало учитывать стоимость украденного и другие обстоятельства, но "в еще большей степени должно учитывать звание и положение лица, которое совершило кражу" (ст. 160). В ст. 158 было предусмотрено, что знатное лицо могло быть подвергнуто за кражу не уголовному, а "гражданско-правовому наказанию". Нарушение "земского мира", которое строго каралось при прочих равных условиях, считалось вполне законным для лиц, получивших дозволение императора отомстить за нанесенную обиду или враждующих с недругами своего господина. В ином положении находились лица незнатного происхождения, малоимущие. Правда, совершение незначительной кражи плодов днем и "по прямой голодной нужде" также могло повлечь только имущественную ответственность. Однако неимущему было гораздо труднее возместить ущерб. Кроме того, в иных случаях за кражу урожая, рыбы, леса, особенно в ночное время, полагались телесные или иные наказания по усмотрению судей и по местным обычаям. Особенно сурово и незамедлительно предписывалось карать подозрительных нищих и бродяг как "опасных для страны насильников" (ст. 39, 128).

Широта судейского усмотрения в "Каролине" была ограничена лишь формально указанием на верховенство императорского права при определении высшего предела наказания. Судьи могли по своему усмотрению назначать одно или несколько рекомендованных наказаний, применять местные обычаи, а в затруднительных случаях прибегать к разъяснениям законоведов.

Вся система наказаний определялась основной целью карательной политики — устрашением. В "Каролине" содержатся следующие основные виды наказания: смертная казнь, членовредительские наказания (урезание языка, ушей и т. п.); телесные наказания (сечение розгами); позорящие наказания (лишение прав, выставление у позорного столба в железном ошейнике, клеймение); изгнание; тюремное заключение; возмещение вреда и штраф. Смертная казнь была прямо предписана или могла быть применена за подавляющее большинство преступлений, причем в квалифицированной форме (сожжение, четвертование, колесование, повешение, утопление и погребение заживо — для женщин). Телесные и членовредительские наказания могли назначаться за обман и кражу. Тюремное заключение, изгнание и позорящие наказания чаще применялись как дополнительные, к которым относились также конфискация имущества, терзание раскаленными клещами перед казнью и волочение к месту казни. Вместе с тем "злонамеренных" и "способных на дальнейшие преступные действия" лиц предписывалось заключать в тюрьму на неопределенный срок.

"Каролина" ознаменовала утверждение нового вида уголовного процесса. В период раннего феодализма в Германии применялся обвинительный (состязательный) процесс. Не было разделения гражданского и уголовного видов процесса.

В XIII–XIV вв. частноправовой принцип преследования начинает дополняться

обвинением и наказанием от имени публичной власти. Изменяется система доказательств. В конце XIII в. был законодательно упразднен судебный поединок. Однако окончательное утверждение нового, следственно-розыскного (инквизиционного) уголовного процесса происходит в Германии в связи с рецепцией римского права.

"Каролина" сохранила некоторые черты обвинительного процесса. Потерпевший или другой истец мог предъявить уголовный иск, а обвиняемый — оспорить и доказать его несостоятельность. Сторонам давалось право представлять документы и свидетельские показания, пользоваться услугами юристов. Если обвинение не подтверждалось, истец должен был "возместить ущерб, бесчестье и оплатить судебные издержки" (ст. 13). Однако эти права сторон были связаны многими формальными ограничениями, а обвиняемый находился в более ущемленном положении. Основная форма рассмотрения уголовных дел в "Каролине" — инквизиционный процесс. Обвинение предъявлялось судьей от лица государства "по долгу службы". Следствие велось по инициативе суда и не было ограничено сроками. Широко применялись средства физического воздействия на подозреваемого. Непосредственность, гласность судопроизводства сменились тайным и преимущественно письменным рассмотрением дела.

Основными стадиями инквизиционного процесса были дознание, общее расследование и специальное расследование. Задачей дознания было установление факта совершения преступления и подозреваемого в нем лица. Для этого судья занимался сбором предварительной тайной информации о преступлении и преступнике. Если суд получал данные о том, что кто-либо "опорочен общей молвой или иными заслуживающими доверия доказательствами, подозрениями и уликами", тот заключался под стражу. Общее расследование сводилось к предварительному краткому допросу арестованного об обстоятельствах дела, в целях уточнения некоторых данных о преступлении. При этом действовал принцип "презумпции виновности" подозреваемого. Наконец, происходило специальное расследование — подробный допрос обвиняемого и свидетелей, сбор доказательств для окончательного изобличения и осуждения преступника и его сообщников.

Специальное расследование являлось определяющей стадией инквизиционного процесса, которая заканчивалась вынесением приговора. Это расследование основывалось на теории формальных доказательств. Они были подробно и однозначно регламентированы законом. Для каждого преступления перечислялись виды "полных и доброкачественных доказательств, улик и подозрений". Вместе с тем по общему правилу все доказательства, улики и подозрения не могли повлечь за собой окончательного осуждения. Оно могло быть вынесено только на основании собственного признания или свидетельства обвиняемого (ст. 22). Поскольку такое признание далеко не всегда могло быть получено добровольно, инквизиционный процесс делал основной упор на допрос под пыткой. Таким образом, целью всего сбора доказательств фактически становилось отыскание поводов для применения пытки.

Формально применение пытки было связано с рядом условий. Так, пытка не должна была применяться, пока не будут найдены достаточные доказательства и "подозрения" в совершении тем или иным лицом преступления. Достаточными доказательствами для допроса под пыткой являлись показания двух "добрых" свидетелей. Если имелся только один свидетель, это считалось полудоказательством и "подозрением". Только несколько "подозрений" по усмотрению судьи могли повлечь применение пытки. Характерно, что среди "подозрений" указывались также "легкомыслие и дурная слава" человека, его "способность" совершить преступление (ст. 25). Признание под пыткой считалось действительным также при наличии определенных условий. Таким являлось признание, полученное и записанное не во время пытки, а после ее окончания, повторенное не менее чем через день вне камеры пыток и соответствующее другим данным по делу. "Каролина" требовала соблюдения всех условий допроса под пыткой, провозглашая, что за неправомерный допрос судьи должны нести наказание и возмещать ущерб.

Все эти ограничения, однако, не являлись существенными. Во-первых, пытку

предписывалось применять сразу же при установлении факта преступления, караемого смертной казнью. Более того, даже самого слабого подозрения в измене было достаточно для допроса под пыткой (ст. 42). Во-вторых, если обвиняемый после первого признания отрицал сказанное или оно не подтверждалось другими сведениями, судья мог возобновить допрос под пыткой. В результате "неправомерность" применения пытки судьей была практически недоказуема. При этом в "Каролине" указывалось, что, если обвинение не подтверждается, судья и истец не подвергаются взысканию за применение пытки, ибо "надлежит избегать не только совершения преступления, но и самой видимости зла, создающей дурную славу или вызывающей подозрения в преступлении" (ст. 61).

"Каролина" не регламентировала порядок и приемы самой пытки. Она указывала только, что допрос под пыткой производится в присутствии судьи, двух судебных заседателей и судебного писца. Указания о конкретных приемах пытки содержались в трактатах правоведов. Известно, что в Германии XVI в. применялось более полусотни видов пытки.

Процесс завершался судебным заседанием, которое в принципе не являлось его самостоятельной стадией. Поскольку суд сам производил расследование, собирал и обвинительные, и оправдательные доказательства, окончательный приговор определялся уже в ходе следствия. Судья и судебные заседатели перед специально назначенным "судным днем" рассматривали протоколы следствия и составляли по определенной форме приговор. Таким образом, "судный день" сводился в основном к оглашению приговора и приведению его в исполнение. Оглашение приговора происходило в публично-устрашающей обстановке — сопровождалось колокольным звоном и пр. Приговоры были обвинительные, с оставлением в подозрении и оправдательные.

Земское право. С XIII в. в княжествах активно развивается "земское право" — общие для всего свободного населения нормы, по которым оно судилось в судах административных подразделений княжеств (судах "графской юрисдикции"). Его источниками было в основном правотворчество княжеских "государственных" органов — местные постановления о земском мире XII–XIII вв., а также решения графских судов. Именно в земском праве получили развитие нормы гражданского, семейного и других "непубличных" отраслей права.

В "Зерцалах" XIII в. земское право нашло достаточно подробное освещение, ему посвящены специальные разделы. Так, в первой части "Саксонского зеркала", посвященной земскому праву, затрагиваются вопросы "конституции империи", правового статуса сословий, родства, семейных и наследственных правоотношений, уголовного права и процесса.

"Конституционными" принципами организации империи, исходя из "Саксонского зеркала", можно считать верховенство права и доктрину "двух мечей". Верховенство права является следствием его божественного происхождения ("Бог сам есть право"), из чего выводится провозглашенный автором принцип сопротивления всякой незаконной и несправедливой власти. Согласно доктрине "двух мечей", провозглашенной церковными идеологами в XII в., духовный "меч" (власть) предназначен папе, а светский — императору. Духовная и светская власть помогают и поддерживают друг друга, и кто "противится папе", должен быть принужден к послушанию с помощью светского суда.

Императору принадлежал "первый щит" в феодальной лестнице. Он имел, по мнению автора "Зеркала", регалии на недра, право высшей юрисдикции "повсеместно". В любом месте его пребывания он имел право суда, чеканки монеты, взимания пошлин. Однако поскольку император не мог "быть повсеместно и судить все преступления во всякое время", он передавал князьям графские судебные полномочия.

Император должен был избираться князьями. После посвящения местными епископами он получал королевскую власть и титул, после посвящения папой — императорские регалии. Император не мог быть отлучен от церкви, за исключением трех случаев: "сомнений" в истинной вере, оставления законной жены и разрушения храма.

Правовой статус человека определялся его сословной принадлежностью. "Никто не

может обрести иного права, кроме свойственного по рождению", — записано в "Саксонском зеркале". Вместе с тем автор осуждает крепостное право, его "ум не может понять того, что кто-нибудь должен быть в собственности другого". Крепостное состояние, по его мнению, выводится из несправедливого и неправедного обычая, который теперь возвели в право.

Значительное место в земском праве занимали вопросы семейных и наследственных правоотношений. Германское право следовало традиции, устанавливающей приниженное положение женщины в семье и при наследовании имущества. При неравных браках определяющим являлось состояние мужа, а дети наследовали состояние того из родителей, у кого был более низкий статус. "Саксонское зеркало" подтверждает принцип общности имущества мужа и жены, поступавшего в полное распоряжение мужа. Без его разрешения, как законного опекуна жены, она не могла управлять никаким имуществом. Вместе с тем в семейном имуществе выделялись определенные части, которые учитывались и наследовались отдельно. К ним относились предметы личного пользования женщины, домашняя утварь и украшения ("женская доля"), имущество для пожизненного содержания жены в случае развода или смерти мужа, приданое жены, а также свадебный подарок мужа ("утренний дар"). В случае развода (разлучения) жена могла пожизненно пользоваться предоставленной ей мужем собственностью, "женской долей" и приданым. В случае же смерти мужа женщина сохраняла "утренний дар", "женскую долю" и пожизненное содержание, причем "женская доля" наследовалась только по женской линии. Дети приобретали права на имущество только с согласия отца или после выделения из семьи.

Принципы наследования были подчинены задаче сохранения земли в руках мужчины и также носили сословный характер. Для получения наследства получатель должен был иметь равный (или более высокий) статус с наследодателем. Если по ленному праву лен переходил только к одному сыну, то по земскому праву наследство получали в равных долях все сыновья или другие родственники. К наследованию призывались кровные родственники до седьмой степени родства, причем братьям отдавалось предпочтение перед сестрами. Кроме основных наследников существовали "дольщики", получавшие свою долю определенного имущества в первую очередь (вдова, ближайший родственник, получавший военное снаряжение).

Средневековое германское земское право считало действительным только наследование по закону. Однако усиление влияния на брачно-семейные отношения канонического права привело к установлению замаскированной формы завещания в виде дарения. Кроме того, при разделе имущества в пользу церкви стала выделяться "доля умершего". Институт наследования по завещанию с сохранением обязательной доли законных наследников появился в германском праве в связи с рецепцией римского права.

"Саксонское зеркало" упоминает многочисленные сделки — купли-продажи, ссуды, личного найма, хранения и т. д., но в целом договорные обязательства при отсутствии развитого обмена были разработаны довольно слабо. Сделки с передачей имущества обычно заключались в суде, чтобы суд удостоверил сам факт их совершения. Более подробно регламентировались обязательства из причинения вреда, призванные охранять в основном земельную собственность от потрав, порчи посевов, нарушений межи и т. п. За причинение вреда предписывалось возмещение ущерба и уплата штрафа судье.

Развитие товарно-денежных отношений вело и к постепенному становлению новых гражданско-правовых норм, институтов, использованию норм рецепированного римского права. Появляется новая форма передачи земельных участков в собственность "с обременением". В результате такой продажи земельного участка покупатель и возможные последующие приобретатели обязаны были выплачивать первоначальному собственнику часть доходов с участка. Сделка купли-продажи движимых вещей начинает предусматривать защиту прав добросовестного приобретателя. При этом, по сравнению с римским правом, права собственника вещи были более ограничены. Собственник, доверивший свою вещь человеку, продавшему ее третьему лицу, лишался права на иск к покупателю. Он мог истребовать только украденную у него вещь. Этот принцип германского права выражался

формулой "рука должна предостерегать руку".

Земское право восприняло из статутов мира составы наиболее тяжких преступлений, которые в основном не были систематизированы и наказывались при наличии умысла и "дерзости" в основном смертной казнью в квалифицированной форме. Преступления, совершенные по неосторожности, не могли наказываться смертной казнью и телесными наказаниями, требовалась уплата вергельда.

Со временем в отдельных германских землях происходит дальнейшее увеличение видов правонарушений, подлежащих уголовному наказанию. Отчасти это связано со все более четким разделением гражданских правонарушений и преступлений. Введено было новое деление на "честные" и "бесчестные" преступления. Например, обычное убийство или тяжкие телесные повреждения были преступлениями "честными", а кража, измена, мошенничество — "бесчестными". Соответственно виновные в "бесчестных" преступлениях, отягощенных грехом обмана, наказывались более мучительной смертью; "честные" преступники могли отделаться возмещением ущерба или ссылкой.

С XVI в. уголовное право в различных княжествах Германии, как и юридическая доктрина в целом, основывалось на принципах "Каролины". Его дальнейшее развитие во многом было связано с эволюцией взглядов на наказание, которое стало рассматриваться как средство исправления преступника, в том числе с помощью принудительного труда. В связи с этим возрастает применение таких наказаний, как принудительные работы, позорящие наказания и заключение в исправительные дома.

Земское право эпохи "Саксонского зеркала" предусматривало состязательный процесс по гражданским и уголовным делам. Каждый "мог подать иск о том, что его задевает", и вызвать на суд ответчика. Обычно истец и ответчик участвовали в процессе через представителя ("говорителя"), который произносил процессуальные формулы, ибо оговорка влекла за собой проигрыш дела. Для неявки в суд были только четыре законные причины: арест, болезнь, имперская служба и крестовый поход.

Основными доказательствами в суде были свидетельские показания и присяга. По уголовным делам допускался также "божий суд" в виде судебного поединка, если шеффены дадут на него согласие. Назначение судебного поединка ограничивалось принципом сословного равенства, а также процессуальными правилами, которые подробно изложены в "Саксонском зеркале". В зависимости от результата поединка побежденный ответчик подлежал обычному суду как виновный в преступлении, а победивший ответчик освобождался от обвинения, уплаты штрафа и возмещения истцу и суду. В случае тоекратного невыхода "в поле" ответчик признавался проигравшим дело и подлежал суду. "Саксонское зеркало" уделяло большое внимание доказательственной стороне процесса и настаивало на надлежащем изобличении обвиняемого, без чего запрещалось выносить решение о наказании.

В земском праве существовал любопытный институт "оспаривания решения". Оспаривание решения должно было происходить стоя, лицом равного с заседателями сословия. Оспаривающий просил предоставить "скамью" для предложения другого решения, которое показалось бы сторонам более справедливым. Однако если оспоривший решение не "добивался удовлетворения своих требований, он должен был уплатить возмещение тому, чье решение он оспорил, а также штраф и судебные издержки.

Замена в XV–XVI вв. состязательного процесса инквизиционным привела к установлению абсолютно новых форм и правил, уже отмеченных ранее на примере "Каролины". Тем не менее со второй половины XVIII в. применение пытки в судах стало ограничиваться. В "Терезиане" в 1768 году указывались орудия пытки, которые можно применять только с разрешения высшего уголовного суда по преступлениям, влекущим смертную казнь, при отсутствии признания и других доказательств. От пытки освобождались больные, инвалиды, старики и малолетние, а также лица высших сословий, если совершенные ими преступления не носили наиболее тяжкого характера. Пытка была окончательно отменена в Пруссии в 1764 году, в Австрии — в конце XVIII в., а в ряде

мелких германских княжеств — в 20-х гг. XIX в.

Как известно, сословие духовенства руководствовалось своими нормами права — правом каноническим, которое распространялось также на семейные и наследственные правоотношения всех сословных групп. По "Саксонскому зеркалу" каждый христианин должен был трижды в году участвовать в церковном суде и столько же — в светском. Последовательное разграничение в "Зерцале" компетенции церковных и светских судов, преобладающее значение, которое отводилось нормам светского права в области семьи и наследования, вызвало осуждение ряда статей памятника канонической церковью. Тем не менее, несмотря на сосредоточение в руках многих представителей германской знати и светской, и церковной юрисдикции в своих княжествах, каноническое право имело в Германии достаточно узкую сферу применения и не повлияло существенно на развитие земского права.

Ленное право. Поземельные отношения в период средневековья строились в Германии на тех же принципах "феодалных держаний", что и в других западных странах. Однако в ленном праве Германии имелись определенные особенности.

Прежде всего следует отметить отсутствие у монарха свободы в распоряжении имперскими ленами. Принцип "обязательного пожалования" наиболее почетных имперских ленов князьям лишал императора права присваивать высвободившиеся лены и присоединять их к своему домену. Существовала также специальная разновидность ленов, связанная с правом суда над населением определенного округа. Передача императором "судебного лена", который не мог дробиться, давала ленникам, князьям и графам, право судить приказом ("банном") короля. К особенностям германского ленного права можно отнести и закрепление в нем самостоятельного права "ожидания" лена. Один человек получал право владеть леном, а другой (или несколько других) могли получить от господина право претендовать на этот лен в случае смерти законного владельца и при отсутствии законного наследника. Наконец, в Германии дольше действовало правило, запрещающее вассалу отчуждать полученный лен. Продажа лена, передача его в залог допускались только с согласия господина.

Большую роль в германском ленном праве играл институт владения. "Право на владение" являлось особым правом. Оно отличалось от фактического держания и защищалось особыми исками, аналогично сезине в Англии и Франции. Это право обычно приобреталось в результате символического обряда ввода во владение (инвеституры), но иногда могло возникнуть и по давности фактического владения леном (один год и один день без возражения господина).

Обязательства в ленном праве в основном определялись феодальным обычаем, который регулировал отношения вассалитета и был достаточно универсален для всей Европы. Ленник, принесший господину присягу на верность, являлся "обязанным" господину как "его" человек. Военная служба, о которой господин в присутствии двух свидетелей объявлял за шесть недель до похода, должна была осуществляться в пределах "германской земли". Кроме того, ленник должен был принимать участие в заседании суда своего сеньора. В свою очередь, сеньор не должен был отвергать принятие вассальной зависимости и лишать ленника своего владения, ибо, согласно "Саксонскому зеркалу", "никто не может быть лишен владения, если только оно не будет у него отнято по суду". Если же господин отнимал у вассала имение или необоснованно и несправедливо отказывал в наделении леном, то ленник мог жаловаться высшему сеньору, который должен был потребовать у нижестоящего сеньора оказать надлежащее правосудие под угрозой перехода имения и вассалитета в руки вышестоящего сеньора.

Городское право. Средневековое право наделяло город статусом "корпорации" — совокупности граждан как единого целого, с правами юридического лица. В сборниках городского права Германии подчеркивается его авторитетное королевское происхождение, ибо король "дал купцам право, которое он сам постоянно имел при своем дворе". Символами города в связи с этим стал крест на рыночной площади и висящая королевская перчатка, "чтобы видно было, что в этом месте действует королевский мир и воля короля".

Первоначально основываясь на принципах и институтах земского и ленного права, особенно в сфере брачно-семейных и наследственных отношений, германское городское право в процессе усиления самостоятельности германских городов все больше насыщалось собственными принципами и нормами. Особое внимание стало уделяться регулированию ярмарок и торгов, вопросам распоряжения собственностью и взыскания долгов. В германских городах довольно рано были приняты ярмарочные и вексельные уставы, детальную регламентацию получили договоры купли-продажи, в том числе в кредит, договоры залога и ссуды, поручения и комиссии. В постепенно выделяющемся из городского права торговом праве получили свое дальнейшее развитие институты векселя и торгового товарищества.

В распоряжении собственностью, купленной за собственные средства, горожанин был полностью свободен, он мог свободно завещать имущество на сумму свыше трех шиллингов при одном условии — "пребывания в здравом состоянии".

Германское средневековое право, в том числе и городское, отличалось особой суровостью в отношении должников. Если ответчик не мог отдать долг через суд и заплатить штраф судье, следовала конфискация имущества или арест до тех пор, пока не находился желающий заплатить долг за ответчика. Кроме того, кредитор мог использовать свои методы воздействия, например, держать должника в кандалах на скудной пище; при этом оговаривалось, что должника "нельзя мучить". Германское городское право содержало и другой оригинальный принцип, отличающий его по вопросу долговых обязательств от ленного и канонического права: сын освобождался от уплаты долга умершего отца, если его "не поставили в известность об этом долге, как требуется по закону".

Городское уголовное право, охраняя "городской мир", устанавливало достаточно простой перечень наказаний, без квалифицированных и мучительных разновидностей. За убийство или ранение со смертельным исходом, изнасилование, нападение на дом виновный наказывался отсечением головы, за иные ранения — отсечением руки. Обычная кража без отягчающих обстоятельств, а также нарушение правил торговли наказывались позорящим наказанием (острижением и бичеванием). Кроме того, проступки в сфере торговли сопровождались лишением права заниматься торговой деятельностью без особого разрешения ратманов. За остальные преступления, характерные для городской жизни, — захват движимого имущества, нарушение владения, оскорбление шеффена, нарушение поручительства — назначался штраф. И только особо "бесчестное" посягательство на чужую собственность — ночная кража, кража у спящего человека, когда вор был застигнут с поличным, могло быть наказано повешением и разрушением дома преступника.

Особой тщательностью отличалась в германском городском праве разработка вопросов организации судопроизводства, доказывания и правил процесса.

Городской суд возглавляли бургграф, назначаемый сеньором города, и его заместитель (шультгейс), которые судили приказом короля или князя. Бургграф лично должен был рассматривать дела три раза в году, а в его отсутствие это делал шультгейс. Кроме того, в юрисдикцию бургграфа входили все дела о насилии, преследовании, нападении на дом, если виновного застигали на месте преступления, а также все дела, которые возникали "за 14 ночей" до официальных судебных дел бургграфа. Кроме назначенных судебных чиновников выбирались две категории судей — городские шеффены (пожизненно) и ратманы — советники (на один год). Ратманы в основном созывались "по совету мудрейших" для разбора дел о нарушении правил городской торговли. Основная масса дел, таким образом, рассматривалась коллегией городских шеффенов, которая имела общую юрисдикцию в отношении горожан и иностранцев. При этом подчеркивалась исключительная подсудность горожан городскому суду — они не могли обращаться в суд за пределами города.

За срыв заседания суда, неявку в суд судьи любого уровня, начиная с ратманов и кончая шультшейсом, подлежали штрафу, как и стороны, участвующие в деле. Устанавливалось только три законных причины для неявки в городской суд: болезнь, плен и служба государству за пределами страны.

Городское процессуальное право делало особый акцент на гарантиях прав обвиняемого: краткосрочности разбирательства, объективности доказательств, недопущении самосуда. Ответчик или обвиняемый имели право на скорый суд: бургграфа или шультгейса, если не заседала коллегия шеффенов или ратманов, шеффенов, если отсутствовал бургграф или шультгейс, или любого избранного горожанами на месте судьи, если отсутствовали иные судьи. Дело между горожанином и чужеземцем должно было рассматриваться безотлагательно с вынесением решения в тот же день.

Вину пойманного на месте преступления или невиновность объявившего себя таковым требовалось тем не менее доказать с помощью единогласного подтверждения факта "сам-седьмой" (т. е. с помощью шести свидетелей).

Помимо свидетелей во многих случаях требовались и другие доказательства совершения преступления. Если такие доказательства имелись, они не могли быть опровергнуты присягой. Если же их не было, городское право считало необходимым оправдать обвиняемого даже при наличии свидетелей. Кроме того, запрещался самосуд даже при поимке преступника на месте, и вводились более мягкие правила доказывания в отношении женщин. Если женщина не была захвачена на месте преступления, она могла освободиться от ответственности присягой о своей невиновности.

Глава 23. Право средневековой Англии

Источники права. Феодалное право Англии отличалось сложностью, запутанностью, казуистичностью, что было связано с особыми путями его формирования, в частности с тем, что оно не испытало действенного влияния римского права, римской правовой мысли.

До нормандского завоевания в XI в. основными источниками права в Англии были обычай и королевское законодательство. Про возгласение законов очень рано стало у англосаксонских королей одним из средств поднятия их престижа и удовлетворения материальных притязаний. Первые правовые сборники стали появляться здесь еще в VI в. В 601–604 гг. в Кенте была провозглашена Правда Этельберта. В VII в. была составлена в Уэссексе Правда Инэ, в IX в. в первом относительно централизованном государстве англосаксов — Правда Альфреда, в XI в. — Законы Кнута. Все эти сборники отразили постепенные процессы социального расслоения, феодализации англосаксонского общества, становление государственности, влияние христианской религии, принятой здесь в начале VII в.

В основу Правды Этельберта были положены нормы старого обычного права, но она отразила и новые правовые положения, устанавливающие, например, повышенные штрафы за преступления против короля и церкви, материальные взыскания короля по ряду исков свободных (дела о краже, убийстве). Так, за убийство свободного человека выплачивался не только вергельд семье убитого, но и штраф (в 50 шиллингов) королю в качестве возмещения господину.

В IX в. король уже выступает как главный гарант "королевского мира", как защитник и господин своих подданных. Устанавливается высшая юрисдикция короля по целому ряду правонарушений. Усиливается охрана жизни короля. Злоумышление против его жизни влечет за собой смертную казнь.

Основываясь на обычном праве, последующие сборники заимствовали правовые нормы предшествующих. Король Альфред, например, создавая свою правду, указывал, что он заимствовал многое из прежних законов, особенно Этельберта, "которые ему понравились", но многое и опустил "по совету мудрых".

Политика первых нормандских королей, начиная с Вильгельма Завоевателя, также была направлена на соблюдение "старинных и добрых англосаксонских обычаев". В это время, таким образом, уже зарождается традиция стойкой исторической преемственности

английского права, а роль главного гаранта соблюдения его норм переходит к сильной королевской власти, к складывающейся системе общегосударственных королевских судов.

С деятельностью на постоянной основе королевских разъездных судей при Генрихе II (XII в.) и было связано формирование "*общего права*" (*Common law*) страны. Оно рассматривало прежде всего "тяжбы короны", то есть дела, представляющие прямой интерес с точки зрения возможных доходов казны: о феодальных правах монарха, об обнаружении кладов, о подозрительных смертях и нарушениях королевского мира, о злоупотреблениях королевских должностных лиц.

Кроме того, рассматривались ими и "общие тяжбы" или "тяжбы народа" по жалобам, поступающим к королю. Одним из первых центральных королевских судов и стал суд "общих тяжб", созданный в 1180 году. В начале XIII в. функции разрешения дел по жалобам королю перешли в "Суд королевской скамьи". Разъездные суды начали унифицировать нормы местного обычного права и создавать "общее право" с помощью королевской канцелярии, которая издавала специальные приказы (*writ*), как правило по заявлению потерпевшей стороны, которые содержали требование к обидчику или шерифу исполнить его и устранить нарушенные права жалобщика. Затем стали издавать специальные судебные приказы, требование которых было обращено непосредственно к обидчику — явиться "перед нами или нашими судьями в Вестминстере" и дать ответ на жалобу, то есть опровергнуть или признать нарушение прав другого лица.

Со временем в приказах стал четко формулироваться вид требования, иска; приказы стали классифицироваться по определенным видам правонарушений. Истец, таким образом, получал уверенность, что если нарушение его прав, нашедшее выражение в соответствующем приказе, будет доказано в суде, то он выиграет дело.

Этому способствовали прежде всего ассизы (ассизами называли и законодательные акты Генриха II, и формы исков) Генриха II, которые установили единообразный способ рассмотрения гражданских тяжб о земле. Наиболее известна "Великая ассиза", предусматривавшая особую форму иска об установлении правового титула на землю, а также ряд владельческих ассиз: "О смерти предшественника" (о передаче свободного держания наследникам); ассиза "О новом захвате" (о расширении путем "новых захватов" домениальной земельной собственности короля); ассиза "О последнем представлении на приход" (о праве землевладельца представлять своего кандидата на место священника в приходской церкви). Две крупные ассизы — Кларендонская (1166 года) и Нортгемптонская (1176 года) были изданы в форме инструкций разъездным судьям.

Так как на ранней стадии формирования "общего права" королевские приказы издавались по каждому конкретному случаю, то уже к началу XIII в. их накопилось так много, что в них трудно было разобраться. В связи с этим в XIII в. стали издаваться своеобразные справочники по "общему праву" — *реестры приказов*, в которых они стали фиксироваться в виде образцов исков, в строгой юридической форме.

Стороны с этого времени не могли свободно обосновывать свои права, а обязаны были опираться на эти образцы, что неизбежно должно было привести к окостенению системы приказов, к сокращению притока новых формул исковых требований. Так и произошло. Если лорд-канцлер как глава королевской канцелярии выпускал какой-либо приказ по собственной инициативе, то судьи часто отказывались его применять. Ограничения издания новых приказов нашли отражение в Оксфордских провизиях в 1258 году, в период обострения борьбы крупных феодалов (баронов) с королем.

Поток жалоб, поступавших к королю и не находивших судебной защиты, был столь велик, что он заставил английского короля Вестминстерским статутом 1285 года предписать лорду-канцлеру как хранителю "реестра приказов" расширить действие "общего права" путем выпуска новых приказов по аналогии, подобных прежним. "Реестр приказов" пополнился после этого универсальным иском "применительно к данному случаю" (*action in the case*). Но и с помощью этих временных мер предусмотреть все жизненные ситуации было невозможно. "Общее право" продолжало окостеневать. С XV в. канцлер уже не составлял

формулу приказа, она писалась самостоятельно истцом, который только обращался за печатью короля.

Другим каналом формирования норм "общего права" стала сама практика королевских судов. Записи по судебным делам, сначала в форме краткого, затем подробного заявления сторон и мотивировки судебного решения, велись с момента возникновения института разъездных судей. С начала XIII в. судебные протоколы стали публиковаться в "Свитках тяжб". Содержащиеся в них материалы, мотивировки удовлетворения иска, подтверждали наличие того или иного обычая и могли быть использованы в последующей судебной практике в качестве прецедента. Хаотичный характер записей, однако, крайне затруднял возможность судей отыскать в них нужные им сведения. С середины XIII в. эти сведения о наиболее важных судебных делах судьи стали черпать из официальных отчетов — "Ежегодников". В 1535 году на смену им пришли систематизированные судебные отчеты частных составителей.

Вместе с публикацией материалов судебных дел стала формироваться и теория судебного прецедента, еще далеко не завершенная в это время. Руководящий принцип, закрепленный в предшествующем решении королевских судов по определенному правовому вопросу, стал приобретать постепенно силу образца при рассмотрении аналогичных вопросов в будущем.

В XIV в. в Англии бурно развиваются рыночные, частнособственнические отношения, но они не находят адекватного отражения в нормах "общего права", формализм которого препятствует этому. Почему же готовые рецепты регулирования частнособственнических отношений римского права в это время не были востребованы в Англии? Ответ надо искать прежде всего в истории формирования английских судов.

Нормандское завоевание приблизило Англию к интеллектуальной жизни континента. Сразу же после него начинает читать свои лекции по Дигестам Юстиниана в Болонье Ирнерий, а затем Грациан создает свои "декреты", ставшие основой канонического права. Курсы римского и канонического права читаются в Оксфорде, школы канонического права создаются при монастырях.

Первые английские судьи, те же клирики и чиновники, были открыты для восприятия высоких достижений римской правовой культуры. Но с конца XIII в. при Эдуарде I их стали назначать из профессионалов. Именно тогда складываются замкнутые корпорации судей с принадлежащими им подворьями (Inn's of Court), где готовились будущие судьи и правозаступники (баристеры и солиситоры). Монополизировав в своих руках охрану английского миропорядка, они выступали, защищая прежде всего свои профессиональные интересы, ярыми апологетами "общего права", доказывая его несравненные преимущества перед правом римским. При этом утверждалось, что они не создают право, а лишь открывают его извечно существовавшие нормы. К тому же самобытная система "общего права" уже в XIV в. занимала прочные позиции в этой стране.

Результатом формализма, дороговизны, медлительности, общей неспособности "общего права" решительно трансформироваться в связи с меняющимися историческими условиями стало появление в Англии в XIV в. "*суда справедливости*" и последующего формирования еще одной правовой системы, "*права справедливости*" (equity — общепринятое понятие "права справедливости" ассоциируется с такими чертами права, как его "естественная (природная) справедливость").

Возникновение "суда справедливости" было связано с деятельностью лорда-канцлера — "проводника королевской совести", который сначала от имени короля, а с 1474 года — от своего имени стал оказывать защиту истцам, жалующимся на "плохое правосудие", на то, что их обидчики не преследовались, а они не защищались в судах "общего права".

На основе обращения потерпевших к королю с просьбой "ради Бога и милосердия" защитить их права лорд-канцлер стал издавать приказы о вызове под страхом штрафа (sub roena) обидчика в канцлерский суд, где без формальной процедуры разбирались жалобы, выносились решения, невыполнение которых грозило ответчику тюремным заключением на

основе специального приказа за неуважение к суду. В начале XIV в. при Эдуарде II аппарат при лорде-канцлере окончательно превращается в суд, не связанный нормами "общего права", а руководствующийся нормами "справедливости".

"Право справедливости" не обладало жесткой детерминированностью, оставляя решение многих вопросов на откуп судей, что неизбежно должно было привести к созданию ряда принципов, ограничений, соответствующего "инструментария" справедливости. Эти принципы и стали создаваться по мере того, как накапливались решения "судов справедливости". Судебные отчеты по рассматриваемым делам начали публиковаться поздно, с 1557 года, когда резко возросло количество дел в судах справедливости.

Основные принципы "права справедливости", часть которых была заимствована из "общего права", сведенные в определенную систему норм в XVII в., сохранили свое значение до наших дней. Главный из них заключается в том, что "право справедливости" — это "милость короля", а не исконное право потерпевшего. На "право справедливости" нельзя претендовать во всех случаях нарушения прав, так как оно носит дискреционный характер, то есть зависит от усмотрения суда.

Среди других принципов можно отметить следующие:

— "право справедливости" не может быть дано в ущерб правам лиц, основанным на "общем праве", если только эти лица не совершили каких-либо неправомерных действий, вследствие которых было бы несправедливым с их стороны настаивать на своих правах;

— там, где возникает коллизия между нормами "права справедливости", действует норма "общего права";

— там, где возникает коллизия прав по "праву справедливости", следует защищать те права, которые возникли раньше по времени;

— равенство есть справедливость. Тот, кто ищет справедливости, должен сам поступать справедливо;

— "право справедливости" признает приоритет закона, но не допускает ссылки на закон в целях достижения бесчестных намерений и пр.

"Право справедливости" создавалось не для того, чтобы заменить "общее право", а чтобы придать ему большую эффективность путем отхода от старых формальных правил, создать средства защиты нарушенных прав и интересов в тех сферах общественных отношений, которые не затрагивались нормами "общего права". Если сначала "право справедливости" дополняло "общее право", то со временем, в силу изменившихся исторических условий, оно стало приходить в прямое противоречие с ним. Столкновения между "судами справедливости" и судами "общего права" начались в 1616 году, когда Э. Кок, главный судья "Суда общих тяжб" в Вестминстере, поставил вопрос о том, может ли "суд справедливости" выносить решение после соответствующего решения суда "общего права" или вместо него? Резко конфликтную ситуацию вызвали прежде всего приказы канцлерского суда (injunction), запрещающие исполнение некоторых решений судов "общего права".

Яков I, предпоследний абсолютистский король в Англии, решил этот конфликт в пользу "суда справедливости", судьи которого отстаивали абсолютную и неограниченную власть монарха, имеющего право вмешиваться "через своих слуг" в отправление правосудия. Королем был издан указ, что в случае, когда нормы "общего права" и "права справедливости" оказываются в противоречии, последние имеют преимущественное значение.

Особый характер развития прецедентного права потребовал обращения и к трудам английских правоведов, которые очень рано стали выполнять роль гидов в лабиринтах двух систем английского права.

Первый правовой трактат появился в Англии еще в XII в. Он был написан при Генрихе II, его юстициарием Гленвиллем. Этот трактат представлял собой комментарий к приказам королевских судов. Более подробное изложение норм "общего права" принадлежит перу Брактона (XIII в.), судье "Суда королевской скамьи", который, следуя Гленвиллю, попытался

систематизировать и прокомментировать нормы "общего права", почерпнутые им из "Свитков тяжб". Примечательно, что при этом Брактон использовал не менее 500 отрывков из Дигест Юстиниана, без ссылок на них.

С XV в. появляются ученые трактаты уже по наиболее важным и сложным вопросам права. Это работа Литтлтона "О поземельных держаниях", а также трактат Фортескью с весьма характерным названием "Похвала английским законам". В сферу внимания английских правоведов все чаще попадают и нормы *статутного* права, значение которых со временем все больше возрастает.

В начале XVII в. знаменитым Э. Коком были составлены "Институции законов Англии", которые состояли из четырех книг. Первая книга содержала комментарий на трактат Литтлтона, вторая содержала изложение наиболее значимых статутов, третья была посвящена нормам уголовного права и четвертая — судоустройству и судопроизводству. В практике английских судов постепенно устанавливается обычное ссылаться на сочинения наиболее известных правоведов, тем самым их труды приобрели характер своеобразных источников английского права.

При доминирующем распространении в средневековом праве Англии прецедентных норм важное значение на всех этапах его развития, особенно в переломные эпохи, имело королевское законодательство, статутное право.

Королевское законодательство в посленормандские времена началось с Вильгельма Завоевателя. Его первые законы касались отношений королевской власти с христианской церковью. В 1067 году Вильгельм издает закон (декрет), провозглашающий, что только английский король правомочен решать, должна ли церковь в Нормандии и Англии признавать папу римского, что сам король издает законы церкви через им же созданный церковный синод, а также имеет право отменять церковные наказания, наложенные на его баронов и слуг. В 1072 году в благодарность за признание со стороны папы его права на английский престол король принимает закон об отделении церковных судов от светских. Вслед за этим объявляется закон о запрещении продажи людей за пределы страны, о наложении штрафа на сотню за "тайное убийство" нормандца, "пока не будет представлено явных доказательств, что он был англичанином". В 1114 году появляется один из самых ранних сборников королевских законов.

Законы короля назывались ассизами, хартиями, но чаще всего ордонансами, статутами. Законодательство Генриха II (XII в.), Эдуарда I (XIII в.), прозванного за бурную правотворческую деятельность английским Юстинианом, предопределило в значительной мере форму и содержание "общего права", выработало его основополагающие правила и принципы.

До возникновения парламента, а точнее до царствования Эдуарда I, различий между королевским ордонансом и статутом не проводилось. Мертонский статут 1235 года появился до создания парламента. Вестминстерские статуты 1275, 1285, 1290 гг. Эдуарда I, призванные устранить пробелы в "общем праве", усилить королевский контроль за отправлением правосудия, ограничить иммунитетные права феодалов и землевладение церкви и др., принимались при участии парламента (* статуты первоначально обозначались по названиям тех мест, в которых они были приняты (Мертонский статут 1235 года, Глостерский статут 1276 года и др.), но со времени постоянных заседаний парламента в Вестминстере они стали называться по первым двум словам законодательного текста).

Постепенно название статута закрепилось за актом, принятым парламентом и подписанным королем. *Статуты* — парламентские акты стали отличаться от других источников права средневековой Англии тем, что их законность, в отличие от их толкования, не могла обсуждаться в судебном порядке.

Понятие статута, более приближенное к современному парламентскому акту, появилось лишь в 1327 году, когда общины обратились к королю с просьбой доводить до его сведения "общие петиции" (содержащие часто готовые законопроекты — билли) и получать "ответ короля и его советы в письменной форме за Большой печатью королевства". С этого времени

одни законодательные акты принимались королем "с согласия Совета", другие — "с согласия парламента". Подтвердив право короля издавать "указы в Совете", парламент установил, что впредь только статут может изменить содержание ранее принятого статута.

Все парламентские ограничения королевского законодательства фактически были отброшены в период абсолютизма, когда указы короля вторгались в решение самых важных государственных вопросов, а парламент часто сам уполномочивал короля издавать указы, которые существенно меняли содержание парламентского статута. Установившаяся практика была закреплена статутом 1539 года, предоставившим королю широкие права в издании прокламаций, указов, когда парламент не заседает, "если возникает необходимость действовать со всей быстротой, требуемой обстоятельствами".

Особое место среди источников средневекового права Англии заняли также нормы *торгового* и *канонического* права. Консервативный формализм "общего права", не способствующий развитию рыночных отношений, предопределил прямые заимствования английским правом ряда норм торгового и канонического права, складывающихся на межгосударственной основе. Появление значительного числа торговых обыкновений было связано и с деятельностью английских торговых судов. Их правовая сила скреплялась часто королевскими статутами. Дело в том, что в портовых городах Англии, ставших с конца XIII в. важными центрами международной торговли, вместе с оптовыми ярмарками по продаже шерсти, сукна, металлов развилась целая сеть специальных судов (*court of the staple*). В XIV в. суды по оптовой торговле действовали уже в 614 английских городах. Выступая в роли защитников безопасной международной торговли, приносящей казне немалые доходы, английские короли поощряли как деятельность купцов (это нашло отражение еще в 41 статье Великой хартии вольности 1215 года), так и деятельность купеческих судов. В 1353 году, например, был принят специальный статут об оптовой торговле и городских торговых судах, которые должны были создаваться местными и заморскими купцами под председательством мэров английских городов. На решения этих судов можно было подавать апелляции как в королевский, так и в канцелярский суд. Статут прямо отсылал торговые суды к нормам торгового, а не "общего права" (в торговых судах сложились такие важные институты торгового права, как переводной вексель, страховой полис, ссуды под залог грузов и пр.). В 1471 году английский парламент постановил также, что все лица, связанные с ярмарками, имеют право требовать суда "запыленных ног" (судами "запыленных ног" Брактон называл ярмарочные суды суммарной юрисдикции с упрощенной судебной процедурой, обеспечивающей скорое решение дел ("от прилива до прилива")).

Деятельность церковных судов и соответственно значение норм канонического права то возрастала, то снижалась в средневековой Англии в зависимости от сложных перипетий непрекращающейся борьбы светских и церковных властей за расширение своей юрисдикции. "Всякий, кто будет обвинен в каком-либо нарушении церковного мира, — гласил закон Вильгельма Завоевателя, — должен явиться в место, назначенное епископом, и там возместить ущерб, как того требует не обычай сотни, а в соответствии с требованиями канонов и церковного права".

Юрисдикция церкви распространялась не только на дела, связанные с церковной собственностью, брачно-семейными отношениями, завещаниями, с такими преступлениями, как ересь, богохульство и пр. Она стала вторгаться и в чисто светские дела, например, в споры по договорам, по искам о "нарушении обещания", на том основании, что имел место грех "неоправдавшегося доверия". Решительную борьбу против расширения юрисдикции церковных судов вел Генрих II. В начале его царствования в списке форм исков королевских судов уже встречаются иски "о запрещении церковным судам разбирать тяжбы об имуществе и долгах". Статут Эдуарда I 1285 года запрещает церковным судам рассматривать дела "о нарушении обещания" на том основании, что они не относятся к сугубо "духовным делам", требующим "морального исправления".

Тем не менее вплоть до XVI в., до установления англиканской церкви при короле Генрихе VIII, никто не отвергал законность папской юрисдикции в таких вопросах, как

ортодоксальность веры и богослужения, чистота нравов, законность браков, законорожденность детей и составление завещаний (только в 1857 году в королевский суд были окончательно переданы с помощью парламентского акта два таких важных вопроса, как утверждение или признание завещания и управление движимым имуществом, оставшимся после умершего). В том же веке парламентским актом было установлено, что впредь до предполагаемого, но так и не состоявшегося пересмотра норм канонического права его действие в Англии сохраняется. Единственным законом, касавшимся пересмотра канонического права, стали постановления Кентерберийского и Йоркского соборов, введенные в действие Генрихом VIII под названием "Letters of business", согласно которым нормы канонического права должны действовать, если они совместимы с законами королевства или прерогативами короны и "не противоречат и не нарушают их". Вместе с тем толкование норм канонического права, например, о наследовании по закону и завещанию, принадлежало судам "общего права".

Право собственности. Право феодальной собственности, особенно земельной, определяло во многом характер всей правовой системы страны.

Его сложность была связана с рядом исторических обстоятельств, в частности, с сохранением в период средневековья определенного слоя свободных крестьян — собственников земли, с верховной собственностью на землю английского короля, которая так или иначе определяла другие формы феодального "держания" земли. В английском праве различалось движимое и недвижимое имущество, но традиционным было деление вещей на реальную (real property) и персональную собственность (personal property). Это деление, сложившееся исторически, было связано с различными формами исков, которыми защищалась реальная или персональная собственность.

Феодальное земельное право признавало прежде всего специальный вид земельных прав, заслуживающих особой охраны, которые защищались реальными исками (real action), то есть исками, в случае успеха которых утраченная вещь возвращалась ее владельцу. Эти иски носили абсолютный характер и могли быть представлены любому лицу.

Реальными исками защищались родовая недвижимость и только такие права на землю, которые носили характер свободного держания, феодального владения от короля или от другого лорда. К ним относились и права на феодальный титул. Все другие вещи защищались персональными исками, по которым можно было требовать возмещения ущерба.

Земля изначально занимала особое место в английском средневековом праве в силу особой, не столько экономической, сколько военно-политической заинтересованности короля в раздаче феодальных ленов за военную и другую службу. Королевские пожалования земли (бокленд) были распространены еще в донормандской Англии наряду с фольклендом ("народной землей") или землевладением типа аллода. В посленормандском английском праве не существовало понятие неограниченной, безусловной собственности на землю. Земельные права определялись двумя главными понятиями tenancy — владение, держание и estate — объем владельческих прав, правовых интересов (их продолжительность, возможность отчуждения и пр.). Владение (tenancy) в свою очередь было свободным или несвободным. Свободное владение (freehold) — это владение землей, полученной или на условиях несения рыцарской службы, или по праву личной службы, а также землевладение свободного крестьянина, который уплачивал лорду фиксированную сумму денег и подпадал под его юрисдикцию (сокаж).

Несвободное держание, связанное с личными и поземельными повинностями крестьянина в пользу лорда, со временем превратилось в наследственное право феодальной аренды и получило на звание copyhold, поскольку условия этой аренды фиксировались в копиях протоколов манориальных судов. Несвободное держание первое время не защищалось в королевских судах. В XV в. иски, связанные с ним, стали рассматриваться в канцлерском суде, а в XVI в. под влиянием этого суда и в судах "общего права" на основании фикции, что у копихолдера появился "фрихольдерский интерес".

Понятие *estate*, существующее и поныне в английском и американском земельном праве, дает не только представление об объеме владельческих прав на недвижимость, но и о наборе технических средств для передачи собственности. Оно охватывает права круга различных лиц, живущих или еще не родившихся, которые включены в отношения владения, пользования, распоряжения и контроля над собственностью.

Это понятие также складывалось исторически. Все развитие английского средневекового права связано с борьбой феодалов за право свободного распоряжения землей, обремененной многочисленными ограничениями в связи с повинностями службы. В 1290 году по статуту "*Quia Emptores*" (первые слова статута 1290 года: "Так как покупатель...") лорды получили право продажи земли при условии, что на нового ее держателя переходят все служебные повинности прежнего. Статут подтверждал также содержание ранее изданного статута 1279 года, запрещавшего продавать или иным образом передавать землю в "мертвые руки" церкви. Такая передача влекла за собой полное исключение земли из феодального оборота, так как ни прежний лорд, ни король, в случае отсутствия наследников лорда, не могли рассчитывать на ее возвращение.

Последующее расширение прав феодальных владельцев земли и привело к утверждению самой перспективной формы свободного держания в феодальном праве Англии — *estate in fee simple*, означающей наиболее полное по объему прав владение, близкое к частной собственности.

Ее отличие от частной собственности выражалось только в том, что земля при отсутствии наследников держания не становилась выморочной, а переходила к прежнему лорду или его потомкам, даже самым отдаленным (это положение сохранялось в Англии до принятия в 1925 году Закона о собственности). Иной правовой статус был у недвижимости *estate in fee tail*, или у "заповедных земель". Эти земли могли переходить по наследству только кровным родственникам владельца, как правило, старшему сыну. Возможность создания заповедных прав на землю с ограничениями в отношении порядка наследования была предусмотрена статутом 1285 года о недвижимости почти во всех случаях создания семейной собственности, защищаемой "общим правом". На эту собственность не могли обращать взыскания кредиторы. Создатели статута стремились тем самым к тому, чтобы собственник не мог отчуждать или обременять свое имение в течение жизни в ущерб наследникам. Однако эти запреты очень скоро стали обходиться. Владелец недвижимости должен был только пройти через дорогостоящий фиктивный процесс, чтобы получить возможность обращаться с имением как с "простой собственностью".

Две другие формы свободного держания, применительно к объему владельческих прав, выражались в пожизненном владении (*estate for life*) и во владении на определенный срок (*for years*). Права на недвижимость *for life* могли устанавливаться не только на срок жизни лица, владеющего собственностью, но и на срок жизни третьего лица, например его жены. Эти права на землю были самыми древними из известных "общему праву". Держатель земли *for life* имел меньше прав, чем держатель *fee simple*, но его права были шире, чем у держателя *for years*, или арендатора земли. Он имел права не только на поверхность земли, но и как владелец (собственник) *in fee simple* на ее недра. Но подобно арендатору недвижимости на срок он отвечал за вред, причиненный земле.

Лицо, установившее на свою землю, недвижимость пожизненную собственность, не перестает быть собственником того же имущества. Ему принадлежит "выжидательная собственность" (*remainder*), которая дает ему право вступить в права собственника после того, как для другого лица прекратится пожизненная собственность.

Каким бы длительным не был срок аренды земли, средневековые юристы в течение столетий не признавали ее реальной собственностью (*real property*), т. е. восстанавливаемым с помощью реального иска правом. "Право справедливости" требовало в исключительных случаях возвращения незаконно удерживаемой арендованной земли на основании фикции, что арендное владение землей, хотя и не является в прямом смысле этого слова объектом реального иска, но может быть восстановлено специальным иском "об отнятии по суду"

(action of ejectment). Аномальный характер арендных прав обозначался столь же аномальным понятием *chattels real* — движимая, реальная собственность.

Средневековое английское право не знало института залога земли в том виде, в каком он был известен римскому (или современному) праву, т. е. как особого вида вещного права, отдельного от права собственности, дающего кредитору возможность обеспечить возврат долга за счет стоимости заложенного имущества.

Между тем проблема обеспечения долга очень рано приобрела в Англии свою практическую остроту. Еще в XII в. должник мог передавать в обеспечение долга землю кредитору на основании фидуциарной (основанной на доверии) сделки, в силу которой кредитор становился собственником земли, но обязан был, не нарушая доверия, вернуть ее должнику после исполнения им своих обязательств.

В случае неисполнения их в срок, право собственности кредитора на заложенную землю становилось бесспорным. Кредитор мог даже не засчитывать в счет погашения долга полученные от земли доходы, хотя такой "мертвый залог" порицался церковью как "грешный".

В XIII–XIV вв. права залогодателя получили защиту в судах "общего права", которые стали требовать возвращения земли должнику, если обязательство было исполнено в назначенный срок.

Канцлерский суд в XVI в. пошел дальше и установил принцип, по которому всякое заложенное имение, земля могли быть освобождены от залога по "справедливости выкупа" в льготный срок, до вынесения судебного решения о бесповоротном переходе права собственности на заложенную вещь на кредитора. "Запрещение" залогополучателю продолжать судебное дело об изъятии залога содержалось в том же приказе *inquisition*.

Чисто английским институтом вещного права стал институт доверительной собственности (*trust*). Английские юристы, например Ф. Майтленд (1850–1906), говорят об этом институте с восхищением, утверждая, что это "величайшее и наиболее определенное достижение англичан в области юриспруденции".

Возникновение института доверительной собственности связано также с особенностями феодального землевладения, к числу которых относятся ограничение круга наследников земли и ограничения продажи земли церкви, монастырям, религиозным орденам, особенно так называемым нищенствующим орденам (как орден Святого Франциска), которые вообще не имели права владеть землей.

Суть этого института заключалась в том, что одно лицо — учредитель доверительной собственности (*settler of trust*) передает другому лицу — доверенному собственнику (*trustee*) свое имущество с тем, чтобы получатель управлял имуществом, использовал его как собственник в интересах другого лица, выгодоприобретателя (*beneficiary*, — им мог стать и первоначальный собственник) или для осуществления иных целей, например благотворительных.

Практика передачи земли в целевое пользование (*use*) зародилась еще в XII в. и бурно развилась в период крестовых походов, когда земля отдавалась на основе доверия родственникам или друзьям до достижения совершеннолетия сыновей или до возвращения прежнего владельца.

Братства нищенствующих монахов, передавая мирянам землю для использования ее в их интересах, не только обходили правовые и религиозные запреты, но и накапливали огромные богатства. Только в конце XIV в. доверительная собственность стала защищаться в канцлерском суде, поскольку речь шла о нарушении доверия, справедливости. С этого времени доверительная собственность стала называться *equitable ownership*, в отличие от собственности, защищаемой "общим правом", — *legal ownership*.

Первое закрепление института доверительной собственности законом относится к 1375 году. В XV в. уже значительные массивы земель, недвижимости перешли в доверительную собственность. Генрих VIII в ходе реформы английской церкви предпринял кон фискацию церковных земель, но столкнулся с тем, что, хотя церковь и монастыри были крупными

землевладельцами, формально собственниками своих земель они не являлись.

Чтобы изъять церковные земли, английский парламент принял в 1535 году так называемый статут о пользовании (statute of uses), которым было постановлено, что в тех случаях, когда одно лицо владеет имуществом в интересах другого лица, фактически собственником земли признается тот, в чьих интересах земля используется. Этот статут на некоторое время затормозил распространение действия института доверительной собственности, но не ликвидировал его. Суды с помощью сложной конструкции "право пользования на пользование" стали успешно обходить статут. Это "вторичное пользование" и стало известно как trust, т. е. доверительная собственность в собственном смысле слова, защищаемая канцлерским судом.

Доверительная собственность широко стала возрождаться светскими властями после реформации, когда было существенно ограничено церковное землевладение и почти исчезла церковная благотворительность.

В 1601 году при королеве Елизавете был даже принят статут о благотворительном пользовании (statute of charitable uses), на основании которого вводилась должность Верховного уполномоченного специальной парламентской комиссии, в обязанность которого входили контроль за благотворительными дарами и пресечение злоупотреблений, связанных с ними. В преамбуле статута перечислялись наиболее распространенные и признанные виды благотворительной деятельности. Если при учреждении траста цель, которую преследовал учредитель, попадала в перечень целей, указанных в преамбуле, то суды придавали этому трасту статус благотворительного (эти цели до сих пор берутся за основу при определении благотворительного траста, сопряженного с налоговыми и другими льготами).

В преамбуле перечисляются следующие виды благотворительной деятельности: помощь бедным, немощным, престарелым, больным и увечным солдатам и матросам; школам, колледжам и университетам; обучение и материальная поддержка сирот, поддержка исправительных учреждений; выкуп военнопленных и уплата штрафов за осужденных и др. Расплывчатые и спорные критерии этих целей (например, можно ли признать благотворительным дар в пользу престарелого миллионера?) детализировались в судебной практике. Суды выработали доктрину "общественной пользы", обосновывающую правило, что все трасты, не несущие обществу никаких выгод, признаются частными, т. е. абсолютно противоположными благотворительным.

Обязательственное право. В Англии еще в англосаксонские времена стали развиваться договорные отношения, но понятие договор (в связи с распространенной ленной, вассальной зависимостью), требующее соглашения двух формально равноправных сторон, в это время так и не сложилось. В Правде Инэ можно найти положения об ответственности продавца за качество продукции, о клятве в споре между истцом и ответчиком, но они относились скорее к области административных, а не договорных отношений.

В свете вышесказанного следует отметить, что договор (contract) как обязательственное соглашение двух или более сторон, порождающее их права и обязанности, отличается в английском праве от понятия простого соглашения — argeement (например, о дружеской услуге и пр.). Таким образом, по английскому праву всякий договор (contract) — это соглашение, но не всякое соглашение (agreement) — договор.

По мере развития рыночных отношений в английском праве стали складываться простейшие формы, из которых впоследствии и развилось обязательственное право: обязательства из деликтов и договоров. Это был длительный эволюционный путь развития норм "общего права", усложненный требованием той или иной формы иска для защиты нарушенного права.

Одним из самых ранних форм исков, защищаемых в судах "общего права", был иск "о долге" (action of debt). Эту форму иска упоминает еще Гленвилль (XII в.), который рассматривает его в ряду деликтов, как иск о "несправедливом удержании". Основанием иска "о долге" была фактически полученная выгода, а не обязательство по договору, поэтому он

мог применяться в ограниченном числе случаев.

Другой ранней формой иска стал иск "об отчете" (action of account), предметом которого было договорное обязательство, облеченное в строго определенную форму, на основании которого одна сторона должна была совершить определенные действия в пользу другой.

Этот иск, первоначально применяемый в отношениях между лордом и управляющим манора, был связан с отчетом лица, которому были доверены чужие деньги и которое должно было предоставить собственнику отчет об их использовании. Иск стал применяться впоследствии в торговой практике, в деятельности товариществ. Гленвилль рассматривал этот иск также в ряду деликтов о "несправедливом удержании", обосновывая тем самым его использование и в случае займа, продажи, сдачи в наем, поклажи и пр. Иск of account был закреплен вскоре и в статутах Эдуарда I 1267 и 1285 гг.

Несмотря на казалось бы широкую сферу его применения, иск of account, однако, существенно не обогатил английское договорное право, ибо определяющим обстоятельством его применения было то, что должник в итоге получал определенную материальную выгоду без соответствующей оплаты с его стороны. Применение иска "об отчете" ограничивалось и тем, что ответственность должника непосредственно связывалась с получением только денежного возмещения.

Появление соглашения как обязательственного договора связано с признанием в XIII в. в судах "общего права" другого иска — иска "о соглашении" (action of covenant), содержащего требование к должнику исполнить обязательство, установленное соглашением сторон, если оно скреплено печатью (deed under seal). Это соглашение приобретало право на исковую защиту только при несоблюдении формы его заключения "за печатью" или при дефектах этой формы. Но здесь уже определяющим моментом становится не несправедливое обогащение одной стороны, а сам факт такого соглашения, определенное действие (deed), порождающее правовые последствия. Таким образом, был сделан еще один шаг на пути признания в будущем основополагающего принципа договорного права о "святости" договора, имеющего силу закона для лиц, заключивших его.

Развитие рыночных отношений с неизбежностью должно было опрокинуть крайний формализм сделок, договоров, поэтому суды "общего права" стали предоставлять защиту и неформальным, словесным соглашениям. В XV в. в английском праве в качестве разновидности иска "о правонарушении" (trespass), целью которого была защита личности и собственности от посягательств, стал иск "о защите словесных соглашений", что стало возможным благодаря созданию фактически нового иска "применительно к данному случаю" (action on the case).

Эти иски, появившиеся при Эдуарде I, были закреплены в Вестминстерских статутах, когда возникла необходимость расширить список исковых формул в связи с их крайней недостаточностью.

Сфера применения и этого иска была не очень широка, так как сначала требовалось доказательство вины со стороны обязанного лица. Не случайно они применялись, например, для возмещения вреда от клеветы.

В XV в., однако, требование вины отпадает, и иски о правонарушениях (trespass on the case) стали применяться во всех случаях, когда имели место потери или вред, причиненные истцу, даже если они явились следствием простой небрежности или отсутствия "должной заботливости" со стороны ответчика.

Дальнейшее развитие договорного права связано с появлением иска "о принятии на себя" (action of assumpsit). Иски "о принятии на себя" первоначально защищали не все неформальные соглашения, а лишь те, в которых ущерб был причинен самим фактом исполнения договора только одной стороной, при этом не давалось никакой защиты договорам, подлежащим исполнению в будущем. Но ущерб мог быть причинен одной из сторон, когда, например, ожидая исполнения договора, она произвела какие-то расходы. Суды "общего права" стали учитывать и это обстоятельство, расширяя сферу применения

исков "о принятии на себя" путем перенесения центра тяжести на ответственность за сам факт нарушения обещания, на защиту договора как такового. Эта трансформация иска "о принятии на себя" была зафиксирована со временем судом по делу "Стенгбороу против Уоркера" в 1589 году, с которым был связан важный шаг в развитии договорного права. "Обещание, данное в обмен на обещание, может быть основанием иска", — гласило это решение. Договор, таким образом, отрывался от своего деликтного происхождения. Отныне лицо, не выполнившее обязательство, взятое на себя за обещанный или данный эквивалент, должно было отвечать за все убытки, понесенные потерпевшей стороной.

Постепенно суды "общего права" выработали доктрину "встречного удовлетворения" как необходимого условия признания любого неформального договора. К этому времени английские суды имели уже значительный опыт применения некоторых исков, связанных с чисто односторонними сделками, носящими полудоговорный характер (например, дарения), которые имели вид "документа за печатью". Следующим важным шагом на пути развития договорного права стало появление правила, что всякий договор либо должен был быть заключен в форме письменного договора "за печатью", либо — предусматривать "встречное удовлетворение" (consideration), выражающееся в определенной выгоде, полученной должником, или невыгоде (ущербе или ответственности) кредитора, связанной с договором.

В развитие английского договорного права внесло свой вклад и королевское законодательство, опиравшееся на практику торговых судов, опережавших суды "общего права" в решении ряда важных правовых вопросов, связанных с развитием рыночных отношений.

Так, проблема невыплаты долга привела к очень ранней практике королевского поручительства, когда король издавал так называемые открытые письма, в которых ходатайствовал перед кредиторами дать кредиты своим приближенным.

Дальнейшие поиски действенных способов для взыскания долга привели в 1283 году к изданию специального статута "о купцах", по которому кредитор мог отдать в долг товар, деньги и пр. в присутствии мэра города, при этом долговое обязательство фиксировалось в городских протоколах. Если должник не выплачивал долг, мэр мог без всяких судебных решений назначить продажу движимости должника на сумму долга, либо просто предписать передать соответствующую часть имущества должника кредитору.

В 1285 году был издан второй статут "о купцах". Должник, просрочивший срок выплаты долга, подвергался аресту. Он должен был продать свое имущество в течение трех месяцев и выплатить долг. Если он этого не делал, шерифу предписывалось соответствующим судебным приказом "выручить продажей" имущество и вернуть долг кредитору.

Впоследствии особым законом XVI в. была введена обязывающая санкция к пропорциональному распределению имущества несостоятельного должника между его кредиторами. Если ранее она применялась только в торговых судах к купцам, то с XVI в. стала применяться ко всем должникам. В 1571 году закон позволил кредиторам, даже не прибегая к процедуре объявления несостоятельности (банкротства) должника, отменять его имущественные распоряжения, "сделанные с намерением отсрочить платежи, создать помехи кредиторам или обмануть их".

Судьи, расширительно толкуя этот закон, в ряде случаев даже перестали требовать доказательств "намерений обмана", чтобы пресечь беспрепятственную возможность должника распоряжаться своим имуществом в ущерб кредиторам. Вслед за этим статут 1585 года запретил добровольную, безвозмездную передачу земли, совершенную в ущерб ее последующим приобретателям, в том числе кредиторам. Этот статут очень строго трактовался в судах.

Иск trespass, в качестве альтернативного иска по обвинению в фелонии (тяжком преступлении), применялся и для получения возмещения за насильственное и непосредственное причинение вреда недвижимости, движимости или личности. В свою очередь trespass on the case предусматривал защиту от причинения вреда в случае

ненасильственного, либо не прямо обнаруженного, либо обнаруженного впоследствии вреда. Более того, малейшее вмешательство во владения недвижимостью или движимостью стало основанием для применения иска trespass "о нарушении владения" независимо от того, потерпел ли владелец вследствие такого вмешательства реальный ущерб или нет.

Уголовное право. Нормы средневекового уголовного права в значительной степени были созданы судебной практикой. Уголовное статутное право представляло собой среди его источников не что иное, как воспроизведение (полное или в более или менее измененном виде) соответствующих норм "общего права". Сложность порождалась и тем, что преступления и гражданские правонарушения различались не столько по природе противоправных действий, сколько по характеру процесса их рассмотрения. Одно и то же деяние могло оказаться и гражданским, и уголовным правонарушением, так как право, как указывалось выше, допускало и ту, и другую форму иска и соответствующего ему процесса, гражданского (направленного на подтверждение или восстановление определенных прав) либо уголовного (имеющего своим объектом наказание правонарушителя за совершенное им деяние).

Сложившегося комплекса норм, относящихся к "общей части", английское уголовное право не знало. До XII в. в праве господствовало представление об объективной ответственности. Долгие века английское уголовное право касалось главным образом преступных действий (убийства, разбоя, похищения детей, насилия над женщиной, ночного воровства со взломом), исключая преступное бездействие. Все вышеперечисленные преступные деяния предполагали злой умысел (malice).

С начала XII в. под влиянием римского и канонического права стали утверждаться взгляды о наличии вины как основания ответственности. Впервые принцип, заимствованный из поучений Блаженного Августина: "действие не делает виновным, если не виновата воля", был отражен в законе Генриха I в 1118 году. На понимание формы вины в XIII в. огромное влияние оказали доктрины, труды английских правоведов. Так, Брактон, трактуя понятия умышленного и неосторожного убийства, указывал, что "если убийца совершил убийство, занимаясь недозволенным делом, то ответственность наступает" даже при отсутствии его вины. Он исходил при этом из религиозно-моралистического взгляда на вменение: "тому, кто занимается незаконным делом, вменяется все, что проистекает из преступления". В XIII в. человек, даже случайно убивший другого человека, нуждался в помиловании короля, на которое он мог, однако, безусловно рассчитывать. Орудие убийства конфисковывалось во всех случаях, чтобы очистить его от "кровавого пятна путем посвящения Богу". Оно продавалось, а деньги от продажи шли на благотворительные цели "для спасения" души убитого, умершего без покаяния.

В развитие учения о различиях простого случая и преступной неосторожности внесла свой вклад доктрина, получившая название "поразительная доктрина Кока". "Если кто-либо, — поучал Кок, — стрелял в дикую птицу... и стрела без какого-либо злого намерения со стороны стрелявшего попадает в человека, находящегося в отдалении, — это есть случай, ибо стрелять в дикую птицу законно... но если он стрелял в петуха... или ручную какую-либо птицу, принадлежащую другому лицу, то совершенное при сем случайное убийство — есть тяжкое (murder), ибо действие было незаконно".

Английское средневековое право с начала XIV в. твердо исходило из принципа что "слабоумный или безумный не отвечает за преступление". Исключалась ответственность лица в случае самообороны при преступлениях, направленных против личности. Учение о соучастии, разработанное судебной практикой, исходило из принципа: "кто совершает нечто через другого, делает это сам". Тяжесть вины соучастников во многом определялась тем, действовал ли соучастник до или после совершения преступления. Соучастие до совершения преступлений, например, в форме подстрекательства, влекло, как правило, ответственность, равную ответственности "главного исполнителя", после совершения преступления — более мягкое наказание. Вместе с понятием соучастия было создано учение "о разной степени преступности": "главного участника преступления I степени", совершившего преступление,

"главного участника преступления II степени", не принимавшего непосредственного участия, но присутствовавшего на месте совершения преступления, "дополнительного участника", до совершения преступления помогавшего советом преступнику и не препятствовавшего совершению преступления.

В средневековом уголовном праве сложилось деление всех преступлений, ставшее традиционным, на три группы: измена (treason), фелония (felony) и мисдиминор (misdemeanour). Другая классификация преступлений носила чисто процессуальный характер. Это — преступления, которые преследовались по обвинительному акту (pleas of the Crown или indictable offences) и рассматривались в суде присяжных, и малозначительные правонарушения (petty offences), которые рассматривались в суммарном порядке (summary conviction).

Первым в XIII в. сложилось понятие фелонии, которая каралась, наряду со смертной казнью, конфискацией имущества. Об этом свидетельствует само слово felony, происходящее от слова fee — феодальное владение и Ion, что означает цену (конфискация имущества за совершение фелонии была отменена только в XIX в.).

К числу фелонии и относились такие тяжкие преступления, как тяжкое убийство (murder), простое убийство (manslaughter), насильственное проникновение в чужое жилище ночью с целью совершения фелонии (burglary), похищение имущества (larceny) и др. Самым тяжким преступлением стала измена (treason — наименование этого преступления происходит от французского trahir и латинского tradere, означающего акт вероломного предательства), выделившаяся из числа других преступлений в XIV в. Измена могла быть совершена по "общему праву" или посредством нарушения долга верности королю со стороны его подданных, что называлось великой изменой (high treason), или — долга верности подчиненного человека своему господину (малая измена — petty treason). В этом случае признавалось изменой только умерщвление вышестоящего лица, например, убийство вассалом своего сеньора, женой — мужа или священником — своего епископа.

Обвинение в "великой измене" было мощным орудием в руках сильной королевской власти, широко используемым в борьбе со своими светскими противниками, баронами и непокорным клиром. В последнем случае обвинение в измене было особенно действенным, так как оно лишало представителей церкви "привилегии духовного звания", т. е. права рассмотрения их дел в церковных судах, которые исключали применение смертной казни ("церковь не может проливать кровь").

Король при этом преследовал и материальную выгоду, ибо осужденный за "великую измену" феодал лишался своего землевладения, которое переходило после его казни не его наследникам, а королю.

В силу этого понятие измены всемерно расширялось в королевских судах. Не остался в стороне и английский средневековый парламент, который в соответствии с меняющейся политической конъюнктурой издавал статуты, относящиеся к "великой измене" такие действия, которые не имели ничего общего с "нарушением долга верности королю" (например, порицание как незаконного, а затем, наоборот, признание как законного одного из многочисленных браков Генриха VIII).

Попытки пресечь эти злоупотребления предпринимались со стороны феодалов неоднократно, но лишь в 1351 году Эдуардом III был принят статут, поставивший на какое-то время толкование измены в определенные рамки. Статут 1351 года, по утверждению Э. Кока, "не заменил положения "общего права", а только придал им законное выражение".

Понятие "великой измены" должно было ограничиваться семью формами: умышление смерти короля, его королевы или их старшего сына и наследника (при этом, вопреки действительному смыслу, понятие "умышление" включало в себя не только наличие умысла, но и действие, обнаруживающее его); изнасилование супруги короля, его незамужней старшей дочери или жены его старшего сына и наследника, которое признавалось таковым и при согласии женщины (на таком основании была, например, казнена вторая жена Генриха

VIII Анна Болейн, бывшая фрейлина королевы); ведение войны против короля, включающее в себя всякое "связанное с насилием возмущение большой группы лиц против королевского правительства"; переход на сторону врагов короля в его королевстве "путем оказания им помощи или содействия в королевском или ином мире"; умерщвление канцлера, главного казначея или королевского судьи (последнее положение было добавлено к статуту впоследствии).

Этот перечень дополнялся другими преступлениями против государственной безопасности, известными "общему праву": призыв к мятежу (sedition), незаконное собрание в целях учинения беспорядков (riot), а также сговор (conspiracy), соглашение двух или более лиц с противозаконными намерениями. Нечеткость понятия "сговор" давала возможность широко использовать его как против всяких форм недовольства существующим режимом, так и применительно к частным деликтам (tort) или даже к нарушениям договоров при таких обстоятельствах, "которые делают эти нарушения вредными для общества".

Мисдиминор развился постепенно из правонарушений, ранее влекущих за собой лишь взыскание причиненного ущерба в гражданском порядке. Со временем включение в эту группу серьезных преступлений, таких, как мошенничество, изготовление фальшивых документов, подлог, стирало принципиальные различия между фелонией и мисдиминором. Способствовала этому и возможность выбора той или иной формы иска при совершении преступлений. В случае удовлетворения иска о фелонии, например при причинении увечья, преступник расплачивался жизнью, если же потерпевший предъявлял иск "о нарушении прав", то это преступление относилось к мисдиминорам, влекущим тюремное заключение или штраф.

Среди имущественных преступлений очень рано в качестве тяжкого был признан поджог и насильственное проникновение в чужой дом. Выделение этих фелоний было связано с сакральным отношением англичан к дому, как к замку, охраняющему его от вреда ("мой дом — моя крепость"). В связи с этим поджог даже самого ветхого жилища карался сожжением самого преступника.

Своеобразной была трактовка похищения (larceny) у Брактона, который определял это понятие не как простую кражу, а несколько шире, как "злоумышленное обращение с чужим имуществом против воли собственника, с намерением обратить это имущество в свою собственность". Всякая кража во времена Эдуарда I каралась в качестве фелонии смертной казнью, но при Эдуарде III (XIV в.) отнесение даже мелкой кражи к фелонии стало вызывать протесты, поэтому, оставаясь фелонией, "малая кража" (при стоимости похищенного меньше 12 пенсов) относилась не к фелонии, а к мисдиминору.

Это была одна из многочисленных правовых аномалий, известных английскому уголовному праву. К их числу следует отнести и аномально тяжкую уголовную ответственность за бродяжничество, которое всемерно пресекалось так называемым кровавым законодательством от Генриха VII (1457–1509 гг.) до Елизаветы I (1533–1603 гг.).

К бродягам, подлежащим таким наказаниям, как смертная казнь, тюремное заключение, обращение в рабство, порка, клеймение, относились безработные (в течение месяца), слуги, ушедшие самовольно от хозяев, просящие милостыню мужчины (за исключением калек, неспособных к труду, а также студентов, если они получили специальные разрешения канцлера своего университета) и др.

Цели наказаний менялись на отдельных этапах развития феодального права: от удовлетворения пострадавшего и его родни за причиненный ущерб до предотвращения повторного преступления путем устрашения (вырывание внутренностей из живого тела, выставленного у позорного столба, бичевание кнутом и пр.) В XVII в. в Англии было около 50 видов преступлений, каравшихся смертной казнью. К их числу относились такие виды смертной казни, как сожжение, колесование, четвертование. Крайняя жестокость наказания, слабо поддающегося реформированию, и в будущем была связана с тем же религиозно-моралистическим подходом к преступлению, определявшему профессионально-этические позиции судей, которым отводилась главная роль в сохранении

правопорядка.

Несоизмеримость тяжести наказания тяжести преступления заставляла зачастую присяжных или оправдывать заведомого преступника, или, например, оценивать похищенное в заниженном размере. Спасала от жестоких наказаний и "привилегия духовного звания", которая была распространена на всех лиц, имевших право быть посвященными в духовное звание, хотя они в этом звании и не состояли (фактически на всех мужчин, умеющих читать). Но в 1487 году был издан статут, установивший, что миряне могут пользоваться "привилегией духовного звания" только один раз. В качестве доказательства использования духовной привилегии ставилось клеймо на палец. При Генрихе VIII "привилегий духовного звания" были лишены все лица, совершившие убийство "с заранее обдуманым, злым намерением".

Брачно-семейное право. Феодальное брачно-семейное право Англии в значительной мере определялось интересами охраны и защиты феодального землевладения. Оно находилось под сильнейшим влиянием канонического права. Ряд важнейших норм канонического права, например, церковная форма брака, запрещение двоеженства и пр. нашли непосредственное закрепление в законе. На пример, статут 1606 года относил двоеженство к фелонии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Английская средневековая семья носила патриархальный характер. Правовой статус замужней женщины был крайне ограничен. Ее движимое имущество переходило к мужу, в отношении недвижимого имущества устанавливалось его управление. Замужняя женщина не могла самостоятельно заключать договор, выступать в суде в защиту своих прав.

Относительно большей дееспособностью пользовались замужние женщины в крестьянских, ремесленных и купеческих семьях, там, где действовали соответствующие нормы обычного права. Они могли управлять своим имуществом, заключать договора, заниматься торговлей.

Развод признавался англосаксонским обычным правом. Женщина, уходя из семьи мужа в случае развода или в случае смерти мужа, получала свою долю семейного имущества (движимое имущество, скот, деньги). Каноническое право, как известно, не допускало развода. Разрешалось лишь при определенных обстоятельствах раздельное проживание супругов, "отлучение от стола и ложа".

В исключительных случаях развод мог быть, вероятно, разрешен папой римским, а впоследствии английским парламентом. Отказ папы в признании развода Генриху VIII стал, как известно, непосредственным поводом к полному разрыву английских королей с римской курией и установлению своего верховенства над английской церковью.

Внебрачные дети не признавались, учитывая отношение к ним не только католической церкви (как рожденным в грехе), но и баронов. Робкие попытки церкви допустить узаконение внебрачных детей последующим браком родителей встретили упорное сопротивление последних. Это было связано с той же охраной феодального землевладения, так как узаконение детей расширяло круг потенциальных наследников. Мертонский статут 1235 года прямо запретил узаконение внебрачных детей.

В феодальной Англии не было какой-либо единой системы наследования. Особый, медленно меняющийся порядок перехода по наследству реальной собственности отличался от наследования личной собственности. "Общее право" не знало завещательного распоряжения. Оно фактически было введено вместе с институтом доверительной собственности, который и стал со временем определять весь порядок получения наследства несовершеннолетними и по закону, и по завещанию, так как в любом случае требовалось назначение доверительного собственника для управления их имуществом.

В 1540 году было впервые разрешено на основе завещания беспрепятственно распоряжаться недвижимостью, если она не была "заповедной", но на наследников возлагалась обязанность материального обеспечения детей, не получивших наследства. Так как суды "общего права" не имели соответствующего инструментария для реализации таких обязательств, эти споры перешли в канцлерский суд.

Право первоначального притязания на движимое имущество лица, не оставившего завещательного распоряжения, принадлежало пережившему супругу. Этот институт получил в английском праве название *curtesy* — "любезность".

Судебный процесс. В XII–XIII вв. процесс носил обвинительный характер, т. е. о движении дела заботились сами стороны. В XII в. еще существовал "суд божий" — ордалии. Одним из действенных доказательств считалась присяга, нарушение которой влекло уголовное наказание. В дальнейшем состязательно-обвинительный процесс стал господствующим в судах "общего права" как по гражданским, так и по уголовным делам.

К расследованию дела непосредственно судьей (что является главной характерной чертой следственного процесса) прибегали в судах канцлера и в церковных судах. Но попытки применялись и в судах "общего права" при определенных обстоятельствах. Если обвиняемый признавал себя виновным, он немедленно присуждался к наказаниям. Если "стоял молча", выяснялось, молчал ли он "по злобе" или его "поразил господь".

"Общее право" исходило по делам об измене и мисдиминорах из презумпции, что молчание — признание вины. При обвинении в фелонии молчавшего подвергали пытке. Его клали на железную плиту и морили голодом. Многие предпочитали умереть под пыткой, так как, умирая неосужденным, человек спасал свое имущество от конфискации. Собственно предварительного следствия не существовало. Церковные суды, рассматривающие семейные дела (вплоть до 1857 года), прибегали к услугам расследователей, которые изучали доказательства и устанавливали факты. Их заключения и являлись основой решения.

В судах "общего права" доказательства собирались самими сторонами. В конце XV в. стали созываться специальные жюри так называемых обвинительных присяжных с целью проверки достоверности материалов обвинения. Если они признавали достаточными доводы в пользу обвинения, то составляли документ об обвинении и, не выслушивая доводы защиты, передавали дело в суд "малого жюри". Такую проверку мог проводить и мировой судья. Интересно, что дача ложных показаний не всегда считалась преступлением в английских судах. Даже церковные суды, считавшие, что в их компетенцию входят дела о нарушении доверия, упускали лжесвидетельство из своего поля зрения.

Закон 1540 года ввел штраф за подкуп свидетеля, а в 1562 году лжесвидетельство стало наказываться штрафом в гражданском порядке. "Звездная палата" признавала наказуемым лжесвидетельство как преступление в форме "ложных показаний на суде". После того как стороны полностью предоставляли свои доказательства, судья должен был суммировать обстоятельства дела и дать совет присяжным, указывая на правовые вопросы по делу. Суд присяжных должен был выносить вердикт о виновности или невиновности обвиняемого единогласно.

Процесс носил открытый характер, за исключением процесса в "звездной палате".

В силу обвинительного характера процесса в Англии не получил развития институт государственного обвинения, представленный особыми должностными лицами. С XIII в. появились профессиональные правозаступники, которые делились на две категории: баристеров и солиситоров, или аттореев. Первые выступали в суде, т. е. принимали такое же участие в процессе, как и их клиент, если бы он лично вел дело. Солиситоры — ходатаи по делам занимались главным образом подготовкой дел к судебному рассмотрению. Первоначально баристеры получали возможность выступать в суде лишь по разрешению судей. С конца XV в. суды "общего права" стали записывать в своих реестрах имена тех лиц, которых они признавали представителями сторон, тем самым придавая им своеобразный статус должностных лиц при суде.

Глава 24. Византийское право

Общая характеристика и источники права Византии в IV–VII вв. Византийское право, история которого насчитывает более тысячи лет, представляет собой уникальное

явление для средневековой Европы. Оно характеризуется относительно высокой степенью стабильности, внутренней цельности, а также способностью приспосабливаться к меняющимся социально-экономическим и политическим условиям. Эти качества права в Византии определялись рядом исторических факторов, среди которых особое значение имели традиционно сильная центральная императорская власть, римское правовое наследие, византийская христианская церковь. Эти факторы оказывали интегрирующее влияние на право, придавали ему свойства системности.

Уже на ранних этапах развития государства в Византии сложилась своеобразная правовая система, которая выросла непосредственно из римского права, но испытала на себе влияние специфических переходных к феодализму отношений в обществе, отличавшемся большой социальной и этнической пестротой. Под влиянием времени и чисто местных условий, в частности разнообразных правовых обычаев, римские правовые институты постепенно эволюционировали. Но принципиальные основы римского права и правовой культуры не были подорваны и не подверглись коренным изменениям, чему в немалой степени способствовало длительное сохранение в Византии рабовладельческого уклада.

Прямая преемственность римского и византийского права нашла свое отражение в использовании императорского законодательства в качестве основного источника права. Относительная стабильность политической системы Византии способствовала тому, что именно здесь были предприняты первые попытки кодификации императорских конституций, а затем и римского права в целом. Так, первым официальным сводом римских законов был составленный в 438 году Кодекс византийского императора Феодосия (*Codex Theodosianus*), в который вошли все императорские конституции со времени правления Константина (с 312 года). Тем самым в Византии утратило силу более раннее римское законодательство, не включенное в этот сборник.

В IV–VI вв. в Византии наблюдается высокий уровень развития правовой мысли, складываются самостоятельные юридические школы (наиболее известные — в Бейруте и Константинополе). Среди юристов бейрутской школы, которые преподавательскую работу сочетали с участием в императорских кодификационных работах, особенно прославились Домнин, Скилиаций, Кирилл, Патрикий и др.

Византийские юристы были не просто хранителями античных правовых и культурных традиций. Они адаптировали римское право применительно к новым потребностям общества, внося при этом изменения и вставки (интерполяции) в классические тексты римских юристов. Таким образом подготавливалась почва для проведения крупномасштабных кодификационных работ. Не случайно именно в Византии, как уже указывалось, в середине VI в. под руководством выдающегося юриста Трибониана была осуществлена всеобъемлющая систематизация римского права, итогом которой явился *Свод законов Юстиниана* (*Corpus juris civilis*). Эта кодификация вплоть до XI в. оставалась не только важнейшим источником действующего права Византии, но и была тем фундаментом, на котором окончательно сформировалась ее правовая система.

Свод законов Юстиниана, являясь в своей основе переложением римского права, отразил и некоторые специфически византийские черты. Они обнаруживаются в ряде интерполяций в тексте Дигест, еще в большей степени в Кодексе и особенно в Новеллах Юстиниана. Эта последняя часть свода, выполненная не на латыни, а на греческом языке и включавшая около 160 конституций (новелл) самого Юстиниана, в значительной степени отражала своеобразные условия византийского общества того времени. Хотя в кодификации Юстиниана наметился известный поворот в сторону классического римского права, в ней в полной мере проявились тенденции, свойственные постклассическому периоду и получившие дальнейшее развитие на последующих этапах истории византийского права. Эти тенденции нашли свое выражение прежде всего в известном упрощении и "вулгаризации" римского права под влиянием позднеэллинистического (так называемого греко-восточного) права.

Византийские юристы в отличие от своих классических предшественников, избегавших

дефиниций и использовавших казуистический стиль изложения, стремились нередко к упрощениям, к прояснению терминов, к выработке простых и понятных определений. Так, в заключительной (50-й) книге Дигест введены специальные титулы (16 и 17), где дается толкование слов и основных понятий. Определение терминов было особенно употребительным в учебной литературе, в том числе в Институциях Юстиниана. Особой популярностью в это время пользовалась работа Кирилла Старшего "О дефинициях".

На формирование византийской правовой системы значительное влияние оказали и правовые обычаи, особенно распространенные в восточных провинциях. Обычное право с присущим ему примитивизмом подрывало логическую стройность системы римского права, искажало ряд его институтов, но внесло в него жизненно важную струю, отразившую развитие новых общественных отношений: общинных и феодальных. Из позднегреческого права в Свод законов Юстиниана перешел такой институт, как эмпитевзис, новые формы усыновления и эмансипации подвластных лиц и т. д. Под влиянием восточного права было введено письменное делопроизводство и судопроизводство, что повлекло за собой отмену старой системы исков и утверждение экстраординарного (либеллярного) процесса.

Ряд интерполяций, внесенных в Свод законов Юстиниана, проистекал не из юридической практики, а отражал распространенные в Византии идейные течения (платонизм, стоицизм, христианство). Особенно заметным в кодификации Юстиниана было влияние христианства. Так, Институции и Кодекс непосредственно открывались обращением императора к Христу, а в самих законодательных актах содержались многочисленные ссылки на священные книги. Некоторые правовые институты начинают трактоваться в чисто религиозном духе, так, брак уже рассматривается как "божественная связь" (*nexum divinum*). Под воздействием христианства в рационалистическую схему римского права вносятся и некоторые этические конструкции. Так, Юстиниан в Дигестах наряду с понятием права (*jus*) использует традиционное понятие "правосудие" (*justitia*), но толкует последнее как "справедливость", причем в духе христианской морали. Он включает в свод законов конструкцию естественного права (*jus naturale*), но трактует ее не в том смысле, как ее понимали классические юристы III в., а как право, установленное божественным провидением. Основные направления переработки классического римского права, нашедшие свое отражение в многочисленных интерполяциях, в кодификации Юстиниана, получили более полное развитие в последующей истории византийского права.

В византийских судах применение кодификации Юстиниана наталкивалось на большие трудности. Ряд ее положений устаревал, но главное — она была слишком сложной и недоступной для населения империи. В связи с этим в VI–VII вв. для практических целей византийскими юристами составлялись упрощенные комментарии к законодательству Юстиниана на греческом языке в виде парафраз (пересказов), индексов (указателей), схолий (учебных примечаний). Широкую известность получили Парафразы Институций Юстиниана, составленные на греческом языке для студентов-юристов Феофаном, а также Схолии Стефана, включавшие знаменитый Индекс к Дигестам Юстиниана. Византийские юристы на основании извлечений из кодификации Юстиниана составляли и практические сборники, содержавшие перечни и образцы договоров, формуляры исков и т. п.

В это же время в Византии был принят ряд новых императорских законов, где под влиянием развивающихся общинных порядков все чаще воспринимались нормы обычного права. Таким образом проявилась одна из характерных тенденций развития византийской правовой системы, а именно стремление императорской власти консолидировать все право в писаном законе.

Основные памятники византийского права VIII–XIV вв. На рубеже VII–VIII вв. правовая система Византии переживает серьезные испытания, связанные с глубоким кризисом экономической системы, упадком городов, расселением на государственных землях варваров, вторжением арабов и т. д. Именно в это время постепенно завершается процесс превращения византийского права из позднеантичного в средневековое. В VIII в. с общим экономическим и культурным подъемом вновь оживляется законодательная

деятельность византийских императоров и юридических школ.

На втором этапе истории византийского права законодательство, поддерживаемое не только римской правовой традицией и обычным правом, но и собственным опытом византийских юристов, становится более гибким и жизнестойким. Именно жизненные потребности византийского общества сделали необходимыми новые работы по систематизации законодательства и по переработке кодификации Юстиниана, которая была выполнена на латыни и которой владел лишь небольшой круг лиц. Судебную практику не могло удовлетворить то, что в Дигестах Юстиниана многие термины и целые фрагменты из сочинений Модестина, Папиниана и других юристов-классиков давались на греческом языке. Фактическое превращение Византии в греко-славянское государство настойчиво требовало и изменения языка законодательных актов.

Потребности судебной практики делали необходимым переработку свода законов Юстиниана и его изложение в краткой и понятной форме. В 726 году (по некоторым данным — в 741 году) по указанию императора-иконоборца Льва Исаврийского была издана *Эклога* ("избранные законы"), явившаяся важнейшим этапом в развитии византийского права.

Составители *Эклоги* сохранили из кодификации Юстиниана лишь небольшую часть правового материала, поэтому она состояла из 18 небольших титулов, некоторые из них включали только по одной статье. В самом подзаголовке к *Эклоге* указывалось, что она представляет собой сокращение и исправление "в духе большего человеколюбия" законодательства "великого Юстиниана". Иконоборческая фразеология *Эклоги* нашла свое отражение лишь в ее вводной части, где говорилось о необходимости руководствоваться "истинной справедливостью", а не высказывать "на словах восхищение" ею и даже предписывалось "на деле" отдавать предпочтение малоимущим и бедным. В *Эклоге* имелся специальный титул (VIII), посвященный рабам. Предусматривались некоторые случаи превращения в рабов свободных людей (например, дезертиров), но основной упор был сделан на новые способы и формы освобождения рабов (например, их отпуск на свободу в церкви и др.), что отражало развитие феодальных отношений.

В *Эклоге* в полной мере проявилось влияние христианской религии и морали, и ссылки на Евангелие использовались для обоснования ряда правовых положений. Особенно глубоко христианские идеи проникли в брачно-семейное право (титулы I–VII). *Эклога* ввела неизвестное ранее византийскому праву обручение (с 7 лет), которое требовало формально согласия самих обручающихся, а фактически в связи с их малолетством — родителей. Брачный возраст был установлен в 15 лет для мужчин и 13 — для женщин. Под воздействием христианской церкви было сокращено число законных поводов к разводу. Женщина, согласно христианской морали, занимала подчиненное место в семье, но в отличие от классического римского права *Эклога* отразила тенденцию к выравниванию имущественного режима мужа и жены. Приданое и брачный дар, полученный женой, рассматривались не как собственность мужа, а как имущество, данное ему в управление. При наследовании по завещанию устанавливалась обязательная доля детей (не менее 1/3 части наследства), определялись семь разрядов наследников, к которым последовательно переходило имущество умершего при отсутствии завещания.

Титулы *Эклоги*, посвященные договорному праву (IX–XIII), из многочисленных сделок, рассмотренных в своде законов Юстиниана, упоминают лишь куплю-продажу, заем, вклад (хранение), товарищество. В договор купли-продажи, заключаемый как в устной, так и в письменной форме, под влиянием греческого права был введен задаток. В договоре займа, вероятно в качестве уступки церковным догматам, было опущено упоминание о процентах, известных римскому праву. Кратко говорилось о таком важном институте, как наем, включавшем и аренду земли, которая могла предусматриваться на срок, не превышающий 29 лет. Очевидно, что сдача в аренду частных земель в Византии не получила распространения. Зато характерно упоминание в *Эклоге* о сдаче в аренду государственных, императорских и церковных земель с ежегодным взносом арендатором наемной платы.

Широкую разработку в *Эклоге* получил и другой типичный для развивающегося

феодализма институт — *эмфитевзис*. Последний устанавливался как вечная или как ограниченная аренда "на срок до трех поколений, наследующих друг за другом по завещанию или без завещания". Лицо (эмфитевт), получившее эмфитевзис, как правило землю, обязано было уплачивать собственнику "без уверток" ежегодный взнос, а также заботиться о "сохранении и улучшении недвижимости". Если эмфитевт в течение трех лет не вносил обусловленную плату, то мог быть лишен предоставленной ему недвижимости.

Наиболее обширным и детализированным в Эклоге был титул XVII, посвященный преступлениям и наказаниям. Под влиянием углубляющихся социальных противоречий в уголовное право было внесено много новых положений, отразивших усиление государственной репрессии. Не случайно именно данный титул Эклоги получил наибольшую известность и неизменно использовался в последующих законодательных сводах Византии.

В Эклоге предусматривалось преследование государственных преступников: перебежчиков к врагу, фальшивомонетчиков и т. д. Особо была выделена статья, где говорилось о лицах, поднимающих восстание против императора или же участвующих в "заговоре против него или против государства христиан". Такие лица рассматривались как намеревающиеся "все разрушить", а поэтому их "в тот же час должно предать смерти". Много внимания законодатель уделил также преступлениям против христианской религии. Суровым наказаниям подлежали лица, дающие ложную клятву на "божественных евангелиях", поднимающие руку на священника во время молитвы, отрекшиеся в плену от "непорочной христианской веры", колдуны, знахари, изготовители амулетов, приверженцы враждебных христианству религий, участники языческих или еретических движений (в частности, манихеи и монтанисты).

Эклога предусматривала наказания за убийство и телесные повреждения, нанесенные в драке, причем наказание дифференцировалось в зависимости от того, были эти преступления преднамеренными или непреднамеренными. Так, "если кто-либо бил своего раба плетью или палками и раб умер, то не осуждается господин его как убийца". Ответственность хозяина возникала только в случае преднамеренного убийства раба ("неумеренно его истязал, или отравил его ядом, или его сжег").

В Эклоге перечисляется также ряд имущественных преступлений: кража, грабеж, уничтожение чужого имущества, поджог, разграбление чужих могил. Но большинство ее статей было посвящено преступлениям, посягающим на установленный государством и освященный церковью строй семейных и нравственных отношений. Среди них выделяются: кровосмешение, изнасилование, прелюбодеяние, вступление в связь с монахиней, крестницей, девушкой, скотоложство, вытравление плода и т. д.

Разработанной и более жестокой (даже по сравнению с законодательством Юстиниана) была система наказаний. Достаточно часто в Эклоге предусматривалась смертная казнь. Но особенно утонченной была система членовредительских и телесных наказаний, которые в классическом римском праве применялись главным образом к рабам, а теперь были распространены и на свободных людей: отрезание носа; вырывание языка, отсечение руки, ослепление, оскотление и т. п. Были известны позорящие наказания (например, острижение бороды и волос), а также конфискация имущества.

По некоторым преступлениям характер наказания в Эклоге определялся в зависимости от социального положения виновного. Так, по ст. 22 для сановных лиц за связь с чужой рабыней полагался крупный штраф. За это же преступление "простой человек" подлежал не только штрафу, но и сечению плетью. Дифференцировались также наказания за связь с девушкой "без ведома ее родителей": для лиц "состоятельных", лиц "среднего благосостояния", а также для "бедных и неимущих". Если первые должны были выплатить соблазненной компенсацию, размер которой зависел от их положения, то последние подвергались порке, острижению и высылке (титул XVII, ст. 29). Однако в подавляющем большинстве других статей уголовная ответственность не ставилась в зависимость от социального положения виновного лица. По мнению ряда исследователей, в этом проявилось

стремление создателей Эклоги несколько смягчить социальные контрасты.

Социальное неравенство закрепляется в Эклоге и в тех ее положениях, которые посвящены доказательствам (титул XIV). Здесь прямо указывается, что "свидетели, имеющие звание, или должность, или занятие (или благосостояние), наперед считаются приемлемыми". Что же касается "свидетелей неизвестных", т. е. лиц низшего социального положения, то они, если данные ими показания оспаривались в суде, подвергались допросу под плетью.

Чрезмерная сжатость Эклоги, отсутствие в ней таких важных вопросов, как способы приобретения и потери права собственности, давность и др., приводили к тому, что несмотря на ее большую практическую значимость, судам по целому ряду дел в последующем приходилось обращаться непосредственно к кодификации Юстиниана.

В ряде своих списков Эклога дополнялась Земледельческим, Морским и Военным законами. Наибольшее значение из них имел *Земледельческий закон*, который по своему содержанию напоминал западноевропейские "варварские правды". Он восполнял существенный пробел Эклоги: регулировал отношения, складывавшиеся в сельских общинах, которые к VIII в. стали играть важную роль в жизни византийского общества.

Различаются две основные версии (редакции) Земледельческого закона: ранняя (наиболее ценная как источник обычного права) и поздняя, отразившая уже более высокую ступень социальной дифференциации. Время и место составления ранней редакции являются спорными. Некоторые исследователи относят ее к концу VII в. (к Юстиниану II), другие настаивают на ее южноиталийском происхождении. Однако господствующей является точка зрения, согласно которой Земледельческий закон был составлен в Константинополе при императорах исаврийской династии в 20-х годах VIII в., т. е. примерно в одно время с Эклогой, в качестве приложения к которой он обычно и переписывался.

Земледельческий закон представлял собой частную компиляцию, но затем получил официальное признание, возможно, одновременно с Эклогой. Ранняя редакция Земледельческого закона насчитывала 85 статей и, как это свойственно памятникам обычного права, не имела четко выраженной внутренней структуры. Земледельческий закон действовал в Византийской империи на протяжении всей ее истории, но более поздние редакции, относящиеся, в частности, к XIV в., насчитывали уже 103 статьи, сгруппированные в 10 титулов.

Вошедшие в Земледельческий закон правовые нормы были направлены на урегулирование наиболее типичных конфликтов, возникавших в рамках сельских общин. Большое внимание в нем уделялось соблюдению границ смежных участков, последствиям самовольной распашки земли, обмену земельными участками. Об общинных порядках наиболее убедительно свидетельствует ст. 8, предусматривающая распределение земельных участков по жребию. Важное значение придается аренде земли и виноградников. В Земледельческом законе особо оговариваются интересы государственной казны, взимающей с владельцев земельных участков подати, а также экстраординарные налоги (ст. 18, 19).

В казуистической манере сформулированы многочисленные статьи Земледельческого закона, устанавливающие ответственность за кражу чужого скота, сельскохозяйственного инвентаря, за порубку чужого леса и т. п. В большинстве случаев кражи или порча чужого имущества влекли за собой только имущественные санкции, которые имели своей целью прежде всего возмещение причиненного вреда. Но в тех случаях, когда ущерб был особо значителен и тем самым угрожал развивающимся частнособственническим порядкам, применялись членовредительские и телесные наказания (отсечение руки у вора, поджигателя чужого сарая и т. п.) и даже смертная казнь (за сожжение из мести чужого гумна, за большинство краж, совершенных рабами).

Из других приложений к Эклоге наибольшее значение имел Морской закон, который в Западной Европе получил известность как *Родосский морской закон*. Составление этого сборника относится к VII–VIII вв. В нем были собраны правовые обычаи, сложившиеся в практике античной и средневековой морской торговли и частично обработанные еще

римскими юристами. Морской закон содержал правила, относящиеся к судовождению, перевозке грузов и пассажиров, фрахтованию судов, выбрасыванию груза в случае опасности на море (так называемая авария), дележу прибылей и убытков между судовладельцем и собственником груза и т. п. Отдельные нормы этого сборника применялись в международной торговле вплоть до XV в.

Дальнейшее развитие византийского права связано с законотворческой деятельностью императоров Македонской династии (иконопочитателей) Василия I и Льва VI. Отменив Эклогу, составленную его политическими противниками (иконоборцами), Василий I предписал вновь переработать Свод законов Юстиниана, исключить из него устаревшие положения, разъяснить трудные юридические термины и перевести их на греческий язык. Результатом законодательных работ было издание в 879 году *Прохиона*, который в последующие века был одним из наиболее авторитетных источников права Византии и оставил заметный след в истории права соседних славянских государств.

Прохирон по сравнению с Эклогой представлял собой более полный сборник законов (дополнительно было включено 17 титулов), но по юридической технике (по четкости расположения правового материала, его редакции) он уступал последней. Хотя в предисловии к Прохирону Эклога именуется не "избранными", а "извращенными" законами, Василий I позаимствовал из нее ряд положений, особенно относящихся к уголовному праву.

Изменения, внесенные Прохироном в правовую систему Византии, не были существенными, а по некоторым вопросам частного права был сделан крен в сторону юстиниановского (или даже доюстиниановского) законодательства, как, например, в дарениях между мужем и женой, в режиме приданого, в завещаниях вольноотпущенников и т. п. Но Прохирон в некоторой степени отразил и новые условия византийского общества IX века. В нем более подробно излагается договорное право (разрабатывается договор товарищества, устанавливается прямой запрет на проценты по займу и т. д.), вносятся некоторые изменения в семейное право (вводится предбрачный дар и т. п.).

Вскоре после составления Прохирона (между 884 и 886 гг.) от имени императора Василия I и его сыновей-соправителей было издано новое руководство по праву, которое также имело целью "очищение старых законов" и облегчение пользования правом, изложенным в кодификации Юстиниана. Это руководство получило название *Эпанагога* (т. е. переработанное повторение). По своей структуре она следовала за Дигестами Юстиниана, воспроизводила многие положения Прохирона, а также Эклоги. При всей ее компилятивности она более подробно, а в некоторых деталях и по-новому излагала ряд вопросов частного права. Но наиболее существенными были изменения, которые Эпанагога внесла в сферу публичного права. Был сформулирован ряд новых положений, как, например, о патриаршей власти, дополняющей императорскую, о правах духовенства. Эти положения определяли взаимоотношения православной церкви и государства и были широко использованы впоследствии в церковном праве.

Краткие своды византийского права не могли в полной мере удовлетворить потребности судебной практики, которая время от времени была вынуждена обращаться ко все более устаревающему Своду законов Юстиниана. При императоре Льве VI (Мудром), правление которого (886–912 гг.) ознаменовалось подъемом юридической науки, были завершены крупные кодификационные работы, начатые еще при Василии I, по новой переработке законодательства Юстиниана. Составленные таким образом около 890 г. под руководством видного юриста Симбация "*Василики*" ("Базилики"), т. е. "царские законы", призваны были заменить собой становившиеся все более труднодоступными для понимания (в том числе из-за языкового барьера) сборники права Юстиниана.

Использованный в "*Василиках*" огромный правовой материал расположен более компактно и последовательно, чем в Своде законов Юстиниана, состоявшем из нескольких самостоятельных частей (книг). "*Василики*" — единый законодательный памятник, включающий 60 книг, разделенных на титулы и фрагменты. Каждый титул "*Василик*" начинался с фрагмента текста одного из римских юристов, цитируемых в Дигестах

(остальные мнения, как менее авторитетные, опускались), затем следовали соответствующие дополнения из Кодекса, Институций и Новелл. Юстинианово право в "Василиках" использовалось не непосредственно, а через греческие переводы и комментарии (эпитомы, парафразы) византийских юристов VI в. — Анонима, Феофила, Дорорея и других.

В "Василики" не вошли те положения из кодификации Юстиниана, которые, по мнению составителей, не имели практического значения (большая часть Институций, титулы Дигест (1 и 2) о правосудии и происхождении права и т. д.). Из Кодекса и Новелл Юстиниана был исключен также ряд конституций, которые были пересмотрены последующим законодательством. Но переработка и сокращение предшествующего права в "Василиках" проведена недостаточно тщательно и поспешно. В них сохранилось значительное число устаревших или вышедших из употребления норм, упоминающих, например, давно исчезнувшие должности (римских консулов, императорских легатов и т. п.) или области, которые не входили в состав Византии (Египет, Скифия и др.).

"Василики" включают в себя обширный правовой материал, относящийся прежде всего к публичному и церковному праву (кн. 1, 3–5 — о церкви, кн. 6 — о государственных должностях, кн. 7–9 — о судебном процессе, кн. 60 — о преступлениях и т. д.). Однако большая часть "Василик" посвящена вопросам частного права, в том числе правовому положению лиц (кн. 46 — о статусе свободных людей, кн. 48 — о рабах, кн. 55 — о крестьянах и т. д.), хотя в этой сфере, так же как и в наследственном праве (кн. 45), в связи с развитием феодальных отношений многие положения римского права утратили свое былое значение. Чаще всего в судебной практике использовались нормы "Василик", регулирующие обязательственные отношения (кн. 19 о купле-продаже, кн. 23 и 25, посвященные закладным операциям, кн. 26 о поручительстве и уплате долга).

Составление "Василик" не означало отмены законодательства Юстиниана, которое, однако, все более выходило из употребления. С конца XII в. "Василики" стали единственным действующим сводом византийского права.

Василики не дошли до нас в полном виде, ряд книг (в том числе кн. 50 о праве собственности и владении) сохранился лишь в отрывках. В большинство рукописей наряду с текстом "Василик" включены пояснения к ним (схолии) византийских юристов VI в., а также XI–XII вв. (так называемые "древние" и "поздние" схолии). Схолии не имели официального значения, но принимались во внимание в византийских судах. Они имеют особую ценность, когда отсутствует соответствующий текст самих "Василик".

После составления "Василик" византийское право развивалось посредством законодательных актов императоров — новелл, хрисовул (императорских грамот). Существенные изменения были, например, внесены Новеллами Льва Мудрого. Он разрешил государственным сановникам безконтрольно приобретать земли в подведомственных им округах, вновь снял запрет с взимания процентов, окончательно отменил конкубинат, запретил браки, не получившие церковного признания и т. п.

Заметное влияние на развитие поздневизантийского права оказали некоторые частные юридические компиляции, среди которых особенно выделялось "Руководство к законам, или Шестикнижье" Константина Арменопуло (около 1345 года). Это руководство было весьма авторитетным в судах Византии, а после ее падения продолжало действовать на территории Греции, Валахий и Молдавии. "Шестикнижье" Арменопуло признавалось действующим правом Бессарабии в XIX веке после ее присоединения к России.

Составной частью правовой системы Византии было церковное право, которое складывалось в основном из постановлений вселенских соборов и патриархов. Важное место здесь принадлежит решениям Вселенского Трульского собора в конце VII в., который утвердил официальный корпус канонов и запретил использовать "ложные каноны", или каноны, не санкционированные каким-либо другим Вселенским собором. На основе признанных норм церковного права, а также частично и императорского права составлялись особые сборники — Номоканоны (наибольшую известность имел Номоканон, разработанный в VI в. Схоластиком), содержание которых периодически обновлялось. Так,

например, Номоканон в редакции XI века включал важное положение, согласно которому отменялось законодательство Юстиниана, а "Василики" тем самым становились единственным действующим правом Византии. Номоканоны оказали прямое воздействие на русское право, их переводы включались в "Кормчие книги".

Раздел IV. Государство и право в странах Востока

Глава 25. Особенности развития государства и права в странах средневекового Востока

Эволюция средневекового восточного общества шла особым путем, отличающим его от развития феодального Запада. Господство социально-экономических и социально-политических традиционных структур определяло крайне замедленный характер этой эволюции, что делает в значительной мере условным широко применяемое в учебной литературе понятие феодализм к этим обществам наряду с понятием рабовладения к предшествующему периоду их древней истории. Рабство на Востоке, никогда не игравшее значительной роли в общественном производстве, продолжало существовать и в средние века, а некоторые социальные институты европейского феодализма не были чужды и древнему, и средневековому Востоку, как правило в периоды государственной децентрализации, например раннежозускому Китаю с его удельной системой.

Представления о средневековье сформировались в буржуазной историографии вместе с понятием Новая история в результате эпохи Просвещения и революционных перемен XVII–XVIII вв. Новая история Западной Европы при этом противопоставлялась ее прошлому, которое, в свою очередь, воспринималось как смена двух предшествующих периодов: античной древности и средневековья. Эта трехэтапная схема получила законченные формы, когда античная древность стала связываться с рабовладением, а феодализм — со средневековьем, рассматриваемым в буржуазной историографии в основном как особый социально-политический строй, политическая организация средневекового общества с характерной децентрализацией и системой вассально-ленных отношений.

Жесткую социально-экономическую детерминированность понятие феодализм приобрело в марксистской литературе, в учении о формации как особом способе производства.

При формационных подходах в качестве основных выделяются производственные отношения, а каждое конкретное общество рассматривается как система, в которой все иные (кроме производственных) общественные связи считаются производными "надстроечными" над ними. Это и определило монистически-материалистический взгляд на историю, лежащий в основе формационной периодизации исторического процесса, в котором с закономерной якобы последовательностью на смену рабовладению приходит феодализм, затем капитализм и коммунизм как "конечное светлое будущее всего человечества".

Полная невозможность уложить в эту схему историю многих обществ привела самого К. Маркса в его ранних произведениях к учению об особом "азиатском способе производства", споры о котором велись в нашей научной литературе до недавнего времени, до безоговорочного признания социально-экономической и социально-политической специфики и древнего, и средневекового восточных обществ с их замедленным характером развития, стойкой многоукладностью, глубоким влиянием на общественное развитие традиций, религиозной идеологии и пр. Феномен этих обществ свидетельствует о многовариантности самой общественной эволюции, зависящей не только от базисных изменений.

Так как в Европе средневековье — синоним феодализма, то столь же условным надо

считать и применение понятия средневековья к восточным обществам в силу крайней трудности определения его нижних и верхних хронологических границ. Между тем в чисто методическом плане необходимость определенной периодизации столь длительного периода в истории человечества очевидна.

В учебной литературе по истории Востока эти границы (в качестве нижнего предела обычно называются V–VII вв.) связывают с комплексом исторических факторов: с качественными изменениями в политической структуре, с созданием централизованных империй, с завершением формирования крупнейших цивилизованных центров, мировых религий и их мощным влиянием на периферийные зоны и пр.

Если говорить о средневековом Китае, то низший хронологический рубеж (V–VII вв.) здесь можно выделить достаточно четко. Именно в это время здесь окончательно утверждается специфическая "азиатская" социально-экономическая и социально-политическая структура с традиционными формами земельной собственности и эксплуатации крестьян, укрепляется централизованное государство в форме империи (формирование китайской конфуцианской империи Хань относится к III в., но период расцвета империи после временного ее кризиса и раскола наступает в VI в.), складывается нормативная основа традиционного права (имеется в виду прежде всего создание династийного кодекса империи Тан (VII в), оказавшего значительное влияние на развитие права всего дальневосточного региона). Китай как центр конфуцианско-буддийской цивилизации втягивает в сферы своего культурного воздействия раннеклассовое общество и государство Японии.

Труднее выделить нижние хронологические границы средневековой Индии. Если условно брать те же V–VII вв., то их можно, во-первых, связать с определенной перестройкой традиционной варново-кастовой системы, происходившей вместе с перераспределением земли, углублением процессов разделения труда, во-вторых, с формированием обширной индо-буддийской цивилизационной зоны, благодаря расширенному влиянию культуры Индии на многие регионы, прежде всего юго-восточной Азии и пр.

Нижний предел японского средневековья определяется VI–VII вв. в связи с усилившимся социальным расслоением и формированием государства, а для большинства стран ближневосточного региона тот же VII в. стал вехой утверждения мировой религии ислама, формирования нового образа жизни для многих народов. В это время уходят в прошлое древние ближневосточные государства и возникает "воинствующая религиозная община", государство Арабский халифат, давшее начало будущим крупным арабо-ирано-турецким исламским государствам-империям.

Определенные качественные социально-экономические изменения, связанные с развитием капиталистических отношений, происходят в странах Востока не одновременно, что затрудняет определение и верхнего хронологического рубежа восточного средневековья. Для Китая такой вехой можно считать время революционных перемен начала XX в. (революция 1911–1913 гг.), для Японии — середину XIX в. (революция Мэйдзи-исин), для колониальных восточных стран, и прежде всего Индии, этот предел можно связать с установлением колониального господства, постепенной ломкой традиционных структур, втягиванием экономики этих стран в мировой капиталистический рынок.

Выделяя наиболее общие черты сходства социально-экономической эволюции средневековых стран Востока (таких, как Индия, Китай, Арабский халифат, Япония), следует отметить, что ни одна из этих стран не достигла в эпоху средневековья европейского уровня позднего феодализма, когда в его недрах начинают развиваться капиталистические отношения. Здесь по сравнению с основными средневековыми европейскими странами резко отставало развитие промышленности, товарно-денежных, рыночных отношений. В более схожем с европейскими обществами средневековом обществе Японии (по сравнению с Индией и Китаем) лишь в XVIII — первой половине XIX в. зарождаются элементы капитализма в форме мануфактурного производства. Замедленный характер развития

определил устойчивую многоукладность средневековых восточных обществ, длительное сосуществование патриархально-родовых, клановых, рабовладельческих, полуфеодальных и прочих укладов.

Большое влияние на весь ход исторического развития стран Востока оказало широкое распространение государственной собственности на землю, которая сочеталась с другой формой собственности — общинной и с соответствующим ей частным землевладением общинников-крестьян. Государственная собственность в ее узком понимании включала лишь обширное землевладение монарха и государственной казны. В широком же смысле она не сводилась к собственности монарха, а охватывала и земельные пожалования, проистекающие из государственного фонда, лицам, причастным к власти, обладающим правом сбора и присвоения ренты-налога с определенной территории. Владельцы государственных пожалований могли стать и фактическими частными собственниками, добившись расширения своих владельческих прав, превращения их в постоянные, передаваемые по наследству.

Но в средневековых обществах Востока государство всемерно охраняло государственную собственность на землю с присущей ей традиционной системой эксплуатации податных крестьян, сдерживало развитие частной собственности, что препятствовало созданию здесь западноевропейской системы барского хозяйства.

Сочетание различных форм земельной собственности, особая контрольно-регулирующая роль государства в экономике находили выражение прежде всего в особой структуре господствующего класса, во всех неевропейских средневековых обществах. Если в Западной средневековой Европе сложившийся класс частных земельных собственников, эксплуатирующих труд зависимых крестьян, опирался на феодальное государство, объективно выражающее его волю, то господствующий класс в странах Востока — это само государство в лице сановно-бюрократического социального слоя, причастного к власти, который жил за счет ренты-налога главным образом с формально свободных земледельцев-крестьян.

Необходимо при этом учесть, что конкретные средневековые общества в странах Востока характеризуются разной степенью совпадения господствующего класса с бюрократией в соответствии с разной степенью вмешательства государства в экономику, с разной степенью развития частного крупного землевладения. Наибольшую степень такого совпадения демонстрирует средневековый Китай.

Для средневековых обществ Востока характерна (по сравнению с европейскими странами) и меньшая степень зависимости непосредственных производителей-крестьян, относительно больший объем их прав, связанных с распоряжением своим земельным участком. Отсутствие барского хозяйства и барщины привело к тому, что здесь крестьяне не были прикреплены к земле отдельных феодалов. Зависимое положение крестьян в этих странах определялось их связанностью налоговым бременем, поддерживаемым с помощью государственного аппарата, чиновничества. Эта зависимость, выражавшаяся в сословной неполноценности "простолюдина", скреплялась правом, религией, общинными порядками.

Специфическое место занимал и восточный средневековый город. Низкий уровень общественного разделения труда в странах Востока находил выражение в том, что город здесь не стал организующей и направляющей силой общественного прогресса. Он жил за счет перераспределения ренты-налога, ибо прибавочный продукт, концентрирующийся в руках отдельных социальных групп, не становился капиталом, не включался в производство. Ремесленная продукция шла не на рынок, а на удовлетворение потребностей правящих сановно-бюрократических, в том числе и военных, кругов. Купеческий же капитал выполнял при этом функции своеобразного агента между ними и ремесленниками-производителями.

Восточная сельская община, представлявшая собой замкнутый хозяйственный мирок с наследственным, независимым от рынка разделением ремесла и земледелия, тормозила развитие двустороннего товарооборота между городом и деревней, а вместе с тем и формирование сословия горожан, купечества городского типа.

Это в свою очередь определило и порядки, существовавшие в восточном городе. Ремесленник здесь находился под жестким контролем бюрократического государственного аппарата, был скован правовыми, религиозными предписаниями, сословными, кастовыми ограничениями. В восточном средневековом городе не существовало особого городского права. Правовой статус городского жителя не отличался от деревенского. В Индии, например, административные границы города часто были едва намечены. Здесь можно было встретить ремесленные деревни и города со значительным земледельческим населением. Городская семья в Китае считалась таким же двором (ху), как и сельская, которая вносилась в общегосударственный налоговый реестр.

В отличие от европейского восточный город не стал ареной политической борьбы, непосредственно влияющей на смену форм государства. Он не стал и сильной опорой центральной власти в ее борьбе с раздробленностью, как это имело место в Европе.

Специфические черты социально-политического развития стран Востока определялись тем обстоятельством, что здесь не сложились государственные формы, свойственные феодальной Западной Европе. Здесь не было сеньориальной монархии как своеобразного союза феодалов-сеньоров, обладающих суверенными правами в пределах территорий своих доменов. Эта форма могла сложиться в обществе, где процесс образования классов носил заверченный характер. Не могла сложиться и сословно-представительная монархия в обществе, в котором город был лишен какой бы то ни было самостоятельности, где не сформировалось сословие горожан, выступающее со своими сословными целями и интересами.

Распространенной формой восточного средневекового государства стала наследственная монархия, в которой отсутствовали институционные формы ограничения власти правителя. Вместе с тем эти государственные формы не были идентичны. Различными были уровень централизации в этих государствах, степень применения военно-деспотических средств и методов осуществления государственной власти. Более того, они менялись и на отдельных этапах развития конкретных восточных средневековых государств. Всесилие бюрократического аппарата во главе с китайским императором, централизация, тотальный полицейский контроль над личностью, широта экономических функций государства и прочее дают основания, например, для применения термина "восточная деспотия" при определении формы государства средневекового Китая. Здесь деспотизм вырос из тех социально-экономических и политико-правовых порядков, которые сложились еще в древности.

Бесспорную специфику социально-политической структуре восточного общества придавала господствующая в том или ином обществе религиозная идеология, само отношение членов общества к религии и власти. Так, говоря о конфуцианстве как определяющем элементе китайского средневекового государства и права, следует отметить, что конфуцианство лишь условно можно назвать религией. Это, скорее, этико-политическое учение, философская традиция, что объясняется не самой природой конфуцианства, а сложившимися в глубокой древности традиционными представлениями китайцев о власти с ее безусловной сакрализацией в лице правителя — "сына неба". При этом к религиям они относились (наряду с конфуцианством здесь были распространены и другие "организованные" религии: буддизм, даосизм и иные религиозные культы) как к учениям, которые могли быть использованы лишь на благо этой власти. Утилитарное отношение к религии как к учению ("цзяо"), вспомогательному средству управления, призванному преобразовать народ ненасильственными методами воспитания во имя достижения гармонии (что считалось наивысшей целью и наивысшим содержанием прежде всего самого китайского государства), определяло подчиненное место церковных учреждений в средневековом Китае.

Конфуцианству с его рациональной моралью удалось занять особое место среди других религий, несмотря на все сложности борьбы с легизмом, в силу особой практической ценности этого учения, призванного, по утверждению знаменитого конфуцианца VI в. Вэй

Чжэня "выправлять отношения между государством и подданными", "отверзать глаза и уши простого народа".

Религиозный плюрализм, отношение к религии как к простому учению, отсутствие прямой связи между государственной властью и ортодоксальной религиозной системой определяли и другие специфические черты средневекового общества и государства Китая. Здесь, например, отсутствовал такой институт, как вероисповедание, что, в свою очередь, делало невозможным существование судов инквизиций. Не было сложившегося сословия духовенства и засилия, как на Западе, духовенства в государственном аппарате в качестве единственного грамотного слоя лиц.

Полное, неограниченное господство государства с его сакральным авторитетом над религиозными организациями в политическом, административном, правовом, идеологическом отношениях было окончательно закреплено в Китае в империи Тан (VII в.), в которой ни один из религиозных институтов не имел хотя бы номинальной автономии.

Своеобразие государства Арабского халифата и других государств мусульманского мира также было непосредственно связано с их ригидной, универсальной религией — исламом, исходящим из неделимости духовной и светской власти, что было органически связано с теократической идеей о всемогуществе, всеисилии и неделимости самого Аллаха, нашедшей выражение в Коране: "Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его". Ислам определял в мусульманском мире и характер социальной структуры, и государственных учреждений, и правовых институтов, и морали — всю духовную сферу мусульман. Так, религиозно-правовым основам мусульманского общества соответствовала особая социальная структура, характеризующаяся определенной обезличенностью господствующего класса, отсутствием системы наследственно передаваемых титулов и привилегий, избранности и пр. Здесь были все равны, а скорее в равной степени бесправны перед теократическим государством, его главой — халифом, султаном.

В мусульманском мире духовенство не могло притязать на светскую власть, не могло здесь возникнуть, как в средневековой Европе, и конфликта между духовной и светской властью. Ислам исключал неверие, против него нельзя было выступить ни прямо, ни косвенно, даже споря по его отдельным положениям, не потому, что еретиков, как в Европе, сжигали на костре, а потому, что это значило противопоставить, исключить себя из мусульманского общества.

Универсализм ислама, основополагающая идея мусульманской идеологии и политической теории о слитности духовного и светского определили и особое место государства в исламском обществе, его безусловное абсолютное господство над обществом, его теократическо-авторитарную форму.

Ни Индия, ни Япония никогда не отличались той степенью всеисилия государства, которое было свойственно средневековому Китаю и Арабскому халифату. Индия характеризовалась, например, значительной прочностью общинной, кастовой организации, относительной слабостью контроля центрального бюрократического аппарата над широкими крестьянскими массами, над саморазвивающейся системой сельских общин. Не государственный чиновник, а ученый брахман, выполняющий функцию воспитания своих учеников в духе неукоснительного следования дхарме, кастовым нормам и ритуалу, имел здесь особую социальную ценность.

На трансформацию форм средневекового государства Индии и Японии огромное влияние оказали и другие факторы — завоевание Индии в XIII в. чужеземцами мусульманами и узурпация власти императора Японии в XII в. "великим полководцем" — сёгуном.

Сёунат в Японии приобрел ряд черт, характерных для абсолютной монархии. Сумма тех признаков, которые были свойственны сёунату, позволяет говорить о своеобразной автократической форме относительно централизованного государства, в котором существовала военная диктатура феодальной верхушки.

Вместе с тем в государственном аппарате всех восточных обществ можно выявить ряд

общих черт: его громоздкость, дублирование функций и пр. Административные, налоговые, судебные функции не были с достаточной четкостью распределены между отдельными звеньями государственного аппарата. Не отличались четкостью и сами принципы создания вооруженных сил.

Значительная часть правящего класса была представлена здесь неофициальными звеньями управленческой структуры. Даже в Китае деятельность официальных звеньев государственного аппарата не шла дальше уезда. На более низком уровне действовали неофициальные органы местного управления, в которых огромная роль принадлежала представителям "образованного" слоя — *шеньши*, не имеющего официальных должностей и рангов. Не вписывались и в Индии в официальную структуру власти органы сельского самоуправления, общинные и кастовые панчаяты во главе со своими старостами.

Эти особенности государственного аппарата восточных обществ во многом можно объяснить властными полномочиями крайне разнообразных групп эксплуататорского класса, их стремлением получать свою долю прибавочного продукта, производимого крестьянами. На этот прибавочный продукт претендовала и родоплеменная знать, и верхушка сельской общины, и средние и крупные наследственные землевладельцы, и представители различных звеньев административного аппарата, и священнослужители. Соответственно прибавочный продукт изымался в виде ренты-налога в пользу государства, в форме дани вождю клана, в форме поборов местной администрации за выполнение судебных и иных функций, в форме штрафов за нарушение кастовых, религиозных предписаний и пр.

Много общих черт было присуще при всем их разнообразии и нормативным системам, праву средневековых стран Востока.

Следует отметить, прежде всего, консерватизм, стабильность, традиционность норм права и морали. Эта традиционность, являющаяся отражением медленной эволюции экономической структуры, создавала у людей убежденность в извечности, высшей мудрости, завершенности правил общественного поведения.

В самом отношении членов восточного общества к традиционным нормам права и морали была заложена одна из важных причин их тормозящего обратного воздействия на экономическую сферу.

Проявлением консерватизма социальных норм права и морали была и их тесная связь с религией: индуизмом, исламом, конфуцианством, а также внутренняя нерасчлененность религиозных, нравственных и правовых предписаний. Дхарма в Индии, санкционируемая и обеспечиваемая принудительной силой государства, была одновременно нормой морали, выполнение которой освящалось авторитетом религии. Индийской дхарме в основном соответствовали японские гири, предписывающие индивидам нормы поведения на все случаи жизни.

В Арабском халифате, Делийском султанате и Могольской Индии, как и во всех мусульманских государствах, Коран был основным источником права. Теоретически ислам исключал законодательные полномочия правителей, которые могли лишь толковать предписания Корана, считаясь при этом с мнением мусульманских богословов. "Неизменяемым" считалось и основанное на "священных ведах" право дхармашастр у индусов.

В Китае важными источниками права были закон, императорский указ, но основой самого указа являлась конфуцианская традиция, отобранные конфуцианскими идеологами и возведенные в императив, в догму образцы поведения, нормы конфуцианской морали (ли).

Все средневековые правовые системы стран Востока утверждали неравенство: сословное, кастовое, в семье, по признакам пола, мелочно регламентируя поведение людей во всех сферах общественной жизни.

Глава 26. Арабский халифат

Халифат как средневековое государство сложился в результате объединения арабских племен, центром расселения которых являлся Аравийский полуостров.

Характерной чертой возникновения государственности у арабов в VII в. была религиозная окраска этого процесса, который сопровождался становлением новой мировой религии — ислама. Политическое движение за объединение племен под лозунгами отказа от язычества, многобожия, объективно отражавшее тенденции зарождения нового строя, получило название "ханифского".

Поиски проповедниками-ханифами новой истины и нового бога, происходившие под сильным влиянием иудаизма и христианства, связаны прежде всего с именем Мухаммеда. Мухаммед (около 570–632 гг.), разбогатевший вследствие удачного брака пастух, сирота из Мекки, на которого "снизошли откровения", записанные затем в Коране, провозгласил необходимость установления культа единого бога — Аллаха (ислам в переводе с арабского и означает "предание себя" Богу) и нового общественного порядка, исключавшего племенную разнь. Главой арабов должен был стать пророк — "посланник Аллаха на земле".

Призывы раннего ислама к социальной справедливости (ограничению ростовщичества, установлению милостыни беднякам, освобождению рабов, честности в торговле) вызвали недовольство племенной купеческой знати "откровениями" Мухаммеда, что вынудило его бежать с группой ближайших сподвижников в 622 году из Мекки в Ясриб (позднее — Медина, "город Пророка"). Здесь ему удалось заручиться поддержкой различных социальных групп, включая кочевников-бедуинов. Здесь же была возведена первая мечеть, определен порядок мусульманского богослужения.

Мухаммед утверждал, что исламское учение не противоречит двум уже ранее распространенным монотеистическим религиям — иудаизму и христианству, но только подтверждает и уточняет их. Однако уже в то время стало ясно, что ислам содержит и нечто новое. Достаточно отчетливо проявилась его жесткость, а порой и фанатичная нетерпимость в некоторых вопросах, особенно в вопросах власти и права на власть. Согласно доктрине ислама, власть религиозная неотделима от светской и является основой последней, в связи с чем ислам требовал одинаково безусловного повиновения богу, пророку и "тем, кто имеет власть".

В течение десяти лет, в 20-30-х гг. VII в. была завершена организационная перестройка мусульманской общины в Медине в государственное образование. Сам Мухаммед был в нем духовным, военным предводителем и судьей. С помощью новой религии и военных отрядов общины началась борьба с противниками новой социально-политической структуры.

Ближайшие родственники и сподвижники Мухаммеда постепенно консолидировались в привилегированную группу, получившую исключительное право на власть. Из ее рядов после смерти пророка стали выбирать новых единоличных вождей мусульман — халифов ("заместителей пророка" — некоторые группировки исламской родовой знати образовали оппозиционную группу шиитов, которая признавала право на власть только по наследству и только за потомками (а не сподвижниками) пророка). Первые четыре халифа, так называемые "праведные" халифы, подавили недовольство исламом среди определенных слоев и завершили политическое объединение Аравии. В VII — первой половине VIII в. были завоеваны огромные территории из бывших византийских и персидских владений, включая Ближний Восток, Среднюю Азию, Закавказье, Северную Африку и Испанию. Арабское войско вступило и на территорию Франции, но было разбито рыцарями Карла Мартелла в битве при Пуатье в 732 г.

В истории средневековой империи, получившей название Арабский халифат, обычно выделяют два периода: дамаский, или период правления династии Омейядов (661–750 гг.), и багдадский, или период правления династии Аббасидов (750–1258 гг.), которые соответствуют и основным этапам развития арабского средневекового общества и государства.

Исламское государство. Развитие арабского общества подчинялось основным закономерностям эволюции восточных средневековых обществ при определенной

специфике действия религиозных и культурно-национальных факторов.

Характерными чертами мусульманского общественного строя были доминирующее положение государственной собственности на землю с широким использованием рабского труда в государственном хозяйстве (ирригация, рудники, мастерские), государственная эксплуатация крестьян посредством ренты-налога в пользу правящей верхушки, религиозно-государственная регламентация всех сфер общественной жизни, отсутствие четко выраженных сословных групп, особого статуса у городов, каких-либо свобод и привилегий.

Поскольку юридическое положение личности определялось вероисповеданием, на первый план выступили различия в правовом статусе мусульман и немусульман (*зиммиев*). Первоначально отношение к покоренным немусульманам отличалось достаточной терпимостью: они сохраняли самоуправление, свой язык и собственные суды. Однако со временем их приниженное положение становилось все более очевидным: их взаимоотношения с мусульманами регламентировались мусульманским правом, они не могли вступать в браки с мусульманами, должны были носить отличающую их одежду, снабжать арабское войско продуктами, уплачивать тяжелый поземельный налог и подушную подать. Вместе с тем политика исламизации (насаждения новой религии) и арабизации (расселения арабов на покоренных территориях, распространения арабского языка) осуществлялась быстрыми темпами без особого принуждения со стороны завоевателей.

На первом этапе развития халифат представлял собой относительно централизованную теократическую монархию. В руках халифа была сосредоточена духовная (иммат) и светская (эмират) власть, которая считалась неделимой и неограниченной. Первые халифы избирались мусульманской знатью, однако довольно быстро власть халифа стала передаваться по его завещательному распоряжению.

В дальнейшем главным советником и высшим должностным лицом при халифе стал *визирь*. Согласно мусульманскому праву, визири могли быть двух типов: с широкой властью или с ограниченными полномочиями, т. е. только исполняющие приказания халифа. В раннем халифате обычно практиковалось назначение визиря с ограниченной властью. К числу важных чиновников при дворе относились также начальник личной охраны халифа, заведующий полицией и особый чиновник, осуществляющий надзор за другими должностными лицами.

Центральными органами государственного управления являлись специальные правительственные канцелярии — *диваны*. Они оформились еще при Омейядах, которые ввели и обязательное делопроизводство на арабском языке. Диван военных дел ведал оснащением и вооружением армии. В нем велись списки людей, входивших в состав постоянного войска, с указанием получаемого ими жалованья или размеров пожалований за военную службу. Диван внутренних дел контролировал финансовые органы, занятые учетом налоговых и иных поступлений, с этой целью собирал необходимые статистические сведения и пр. Особые функции выполнял диван почтовой службы. Он занимался доставкой почты и государственных грузов, руководил строительством и ремонтом дорог, караван-сараев и колодцев. Более того, это учреждение фактически выполняло функции тайной полиции. По мере расширения функций арабского государства усложнялся и центральный государственный аппарат, росло общее число центральных ведомств.

Система местных органов государственного управления на протяжении VII–VIII вв. претерпевала значительные изменения. Первоначально местный чиновничий аппарат в покоренных странах оставался нетронутым, сохранялись и старые методы управления. По мере упрочения власти правителей халифата произошло упорядочение местной администрации по персидскому образцу. Территория халифата была разделена на провинции, управляемые, как правило, военными наместниками — *эмирами*, которые были ответственны только перед халифом. Эмиры обычно назначались халифом из числа своих приближенных. Однако были и эмиры, назначенные из представителей местной знати, из бывших правителей завоеванных территорий. В ведении эмиров находились вооруженные

силы, местный административно-финансовый и полицейский аппарат. Эмиры имели помощников — *наибов*.

Мелкие административные подразделения в халифате (города, селения) управлялись должностными лицами различных рангов и наименований. Нередко эти функции возлагались на руководителей местных мусульманских религиозных общин — *старшин (шейхов)*.

Судебные функции в халифате были отделены от административных. Местные власти не имели права вмешиваться в решения судей.

Верховным судьей считался глава государства — халиф. В целом же отправление правосудия было привилегией духовенства. Высшую судебную власть на практике осуществляла коллегия наиболее авторитетных богословов, которые одновременно являлись правоведами. От имени халифа они назначали из представителей духовенства нижестоящих судей (*кади*) и специальных уполномоченных, которые контролировали их деятельность на местах.

Правомочия *кади* были обширны. Они рассматривали на местах судебные дела всех категорий, наблюдали за исполнением судебных решений, осуществляли надзор за местами заключения, удостоверяли завещания, распределяли наследство, проверяли законность землепользования, заведовали так называемым *вакуфным* имуществом (переданным собственниками религиозным организациям). При вынесении решений *кади* руководствовались прежде всего Кораном и Сунной и решали дела на основе их самостоятельного толкования. Судебные решения и приговоры *кади*, как правило, были окончательными и обжалованию не подлежали. Исключение составляли случаи, когда сам халиф или его уполномоченные изменяли решение *кади*. Немусульманское население обычно подлежало юрисдикции судов, состоящих из представителей своего духовенства.

Большая роль армии в халифате определялась самой доктриной ислама. Основной стратегической задачей халифов считалось завоевание территории, населенной немусульманами, путем "священной войны". Принимать в ней участие обязаны были все совершеннолетние и свободные мусульмане, но в крайнем случае разрешалось нанимать для участия в "священной войне" и отряды "неверных" (немусульман).

На первом этапе завоеваний арабская армия представляла собой племенное ополчение. Однако необходимость укрепления и централизации армии вызвала ряд военных реформ конца VII — середины VIII в. Арабская армия стала состоять из двух основных частей (постоянного войска и добровольцев), и каждая находилась под командованием особого полководца. В постоянном войске особое место занимали привилегированные воины-мусульмане. Основным родом войск была легкая конница. Арабская армия в VII–VIII вв. в основном пополнялась за счет ополченцев. Наемничество в это время почти не практиковалось.

Огромная, состоящая из разнородных частей, средневековая империя, несмотря на объединяющий фактор ислама и авторитарно-теократические формы осуществления власти, не смогла долгое время существовать как единое централизованное государство. Начиная с IX в. в государственном строе халифата происходят значительные изменения.

Во-первых, произошло фактическое ограничение светской власти халифа. Его заместитель, великий визирь, опираясь на поддержку знати, оттесняет верховного правителя от реальных рычагов власти и управления. К началу IX в. страной фактически стали управлять визири. Не отчитываясь перед халифом, визирь мог самостоятельно назначать высших государственных чиновников. Духовную власть халифы стали разделять с главным *кади*, руководившим судами и образованием.

Во-вторых, в государственном механизме халифата еще больше возросла роль армии, ее влияние на политическую жизнь. На смену ополчению пришла профессиональная наемная армия. Создается дворцовая гвардия халифа из рабов тюркского, кавказского и даже славянского происхождения (*мамлюки*), которая в IX в. становится одной из главных опор центральной власти. Однако в конце IX в. ее влияние усиливается настолько, что

гвардейские военачальники расправляются с неугодными халифами и возводят на престол своих ставленников.

В-третьих, усиливаются сепаратистские тенденции в провинциях. Власть эмиров, а также местных племенных вождей становится все более независимой от центра. С IX в. политическая власть наместников над управляемыми территориями становится фактически наследственной. Появляются целые династии эмиров, в лучшем случае признававших (если они не были шиитами) духовный авторитет халифа. Эмиры создают свое войско, удерживают в свою пользу налоговые поступления и таким образом превращаются в самостоятельных правителей. Укреплению их власти способствовало и то, что сами халифы предоставляли им огромные права для подавления усиливающихся освободительных выступлений.

Распад халифата на *эмираты* и *султанаты* — независимые государства в Испании, Марокко, Египте, Средней Азии, Закавказье — привел к тому, что багдадский халиф, оставаясь духовным главой суннитов, к X в. фактически контролировал лишь часть Персии и столичную территорию. В X и XI вв. в результате захвата Багдада различными кочевыми племенами халиф дважды лишался светской власти. Окончательно восточный халифат был завоеван и упразднен монголами в XIII в. Резиденция халифов была перенесена в Каир, в западную часть халифата, где халиф сохранял духовное лидерство среди суннитов до начала XVI в., когда оно перешло к турецким султанам.

Глава 27. Средневековое государство Китая

Стойкая многоукладность, незавершенность процессов образования классов, сохранение пережитков патриархально-родовых и рабовладельческих отношений, неравномерность хозяйственного и социального развития различных районов обширной территории затрудняют точное выделение того временного рубежа, с которого можно датировать начало средневековой истории традиционного Китая. Как указывалось выше, еще в Древнем Китае складывается крупное частное землевладение, основанное на различных формах эксплуатации не потерявших свободы малоземельных и безземельных крестьян. Широкое развитие приобретает и эксплуатация податного крестьянства государством путем взимания ренты-налога.

При периодизации истории государства в средневековом Китае необходимо учитывать периодические смены царствующих династий и становления крупных империй. Государство непосредственно испытывало на себе влияние частых в это время народных восстаний, которые приводили к тем или иным изменениям в социально-классовой структуре, а также в политических и правовых институтах.

Распад Ханьской империи в III в. в результате концентрации земли в руках частных собственников и мощных народных движений II–III вв. привел к столетней внутренней смуте. Последовавшее затем воссоздание государственного единства было связано с процессами централизации в Северном Китае, где была основана династия Цзинь (265–420 гг.).

Этому способствовали *реформы* основателя Цзиньской династии *Сыма Яня*, на основании которых большая часть земли была объявлена императорской, т. е. государственной собственностью, а самостоятельные крестьяне — податными держателями государственных наделов. Они подразделялись на податных первого разряда — мужчин и женщин от 16 до 60 лет, получавших "наделы в пользование" (70 му земли для мужчин и 30 му для женщин — 1 му — 1/16 га земли) и "податные наделы" (соответственно 50 му и 30 му), урожай с которых целиком передавался государству в качестве налога и платы за землю; и податных второго разряда — всех других членов крестьянских семей от 13 до 15 и от 61 до 65 лет, получавших наделы в половинном размере. Недостигшие податного возраста и превысившие его никаких наделов не получали. Податные крестьяне, получавшие

государственный надел, несли также трудовые повинности.

Реформа не означала уравнительного передела земли. Чиновники, например, в зависимости от ранга получали земельные участки от 1 до 5 тыс. му, которые не облагались налогами и повинностями и должны были обрабатываться крестьянами-арендаторами (от 1 до 15 дворов на каждого чиновника, в зависимости от ранга последнего).

Новый вариант надельной системы (система "равных полей") был введен в 485 году в Северном Китае при династии Северная Вэй, а затем в VI и VII вв., при династии Суй и сменившей ее династии Тан. Эта система была распространена впоследствии на весь Китай. Крестьяне от 15 до 70 лет получали от государства земельные участки с целевым назначением — под посевы зерновых, конопли, посадку тутовых деревьев. Большая часть земельного участка (40 му для мужчин и 20 му для женщин), предназначавшаяся для посева зерновых, предоставлялась лишь во временное пользование и отбиралась государством у крестьянина после превышения им податного возраста или в случае смерти. Другая незначительная часть земельного участка передавалась по наследству.

Надельная система означала не только укрепление традиционной системы эксплуатации податного крестьянства. Она способствовала распространению фактического прикрепления крестьян к земле через сельскую общину с ее круговой порукой, коллективной налоговой ответственностью перед государственной казной.

Эта система не только не затрагивала существующего крупного частного землевладения, но и способствовала его увеличению. Например, система "равных полей" давала право земельному собственнику, эксплуатирующему труд зависимых работников, получать наделы и на них.

Танское законодательство формально запрещало продажу надела. Но многочисленные оговорки (надел можно было, например, продать в случае переезда семьи, с целью совершения похоронных обрядов и т. д.) способствовали росту концентрации земли у частных лиц, усилившейся впоследствии, когда эти формальные запреты были фактически сняты. Это увеличивало имущественное неравенство крестьян, их зависимость от частных земельных собственников. Вместе с тем в Танской империи система "равных полей" способствовала на определенном этапе укреплению ее экономики, оживлению торгово-ремесленной деятельности в городах, определенной стабилизации политической обстановки.

Неизбежным проявлением роста крупного землевладения стала в Танской империи тенденция кланового сепаратизма. Эта тенденция усилилась и в связи с введением должностей военных губернаторов (*цзедуши*), облеченных огромными военными полномочиями для борьбы с непрекращающимися набегами кочевников и пр. Губернаторы превратились со временем во всесильных наместников, крупных землевладельцев, мало считающихся с центральной властью.

Система надельного землепользования потерпела полный крах в VIII в. в связи с новым "злом скопления земель", массовым обезземеливанием крестьян и уменьшением резервов казенных земель, предназначенных для раздачи сельскому населению. Чтобы как-то восстановить нарушенное равновесие, предотвратить социальный взрыв в 780 году в Китае была введена новая система "двухразового налога", при которой все дворы в строгой зависимости от своего имущественного положения были поделены на категории и должны были платить налог соответственно размерам своего землевладения, при этом не учитывались ни возраст, ни трудоспособность облагаемых налогом лиц. Одновременно были сняты запреты с продажи, отменены переделы земли, что создавало новые возможности для роста основанного на эксплуатации малоземельных и безземельных крестьян-арендаторов и различных категорий зависимых работников крупнопоместного землевладения.

Начиная со второй половины VIII в. около половины общего числа земледельцев в Китае существовало за счет обработки чужой земли, подвергалось частнособственнической эксплуатации. Другую половину составлял широкий слой самостоятельных мелких производителей, отдававших свой прибавочный продукт в виде налога государству.

Массовое обезземеливание мелких землевладельцев вело к социальным взрывам, восстаниям, войнам, в ходе которых гибли правящие династии. В результате циклически восстанавливался удельный вес самостоятельных крестьянских хозяйств, традиционная система их эксплуатации.

Определенное равновесие государственного и крупного частного землевладения было достигнуто, например, с утверждением, после периода смут и мощных крестьянских восстаний конца IX — начала X в., династии Сун (X–XIII вв.). Этому равновесию способствовали *реформы*, сунского сановника *Ван Аньши* в XI в., когда были приняты новые законы, направленные на восстановление и развитие крестьянских хозяйств, на упорядочение налоговой системы на основе введения земельного кадастра. Предусматривались меры по улучшению условий крестьянского земледелия, строительству ирригационных сооружений и пр.

Реформы Ван Аньши были продиктованы главным образом стремлением обеспечить возрастающие потребности императорской казны. Вместе с тем в реформаторском движении ясно проявилось и стремление остановить "поглощение" крестьянских земель, ограничить рост крупного частного землевладения, засилие чиновничьей элиты.

В конце XIII в. Китай был покорен монголами. В 1279 году установилось правление монгольской династии Юань. Монгольское завоевание привело к тяжелым последствиям для экономики и культуры Китая, но не подорвало основ традиционной системы хозяйства. Монголы поставили себе на службу китайскую бюрократическую организацию, приспособленную для выкачивания налогов с податного крестьянства. Интересно отметить, что именно в это время резко возросла в Китае численность рабов, оброчных невольников.

Под напором национально-освободительной борьбы и мощного крестьянского движения XIV в. монгольское господство пало. В стране установилась новая всекитайская династия Мин (1368–1644 гг.), которая всемерно стремилась поддерживать равновесие государственного и частного землевладения.

В XVII в. в Китай вторглись манчжуры, которые установили там манчжурскую династию, правившую вплоть до революции 1911-1913 гг. До революции просуществовало в Китае и рабство, ликвидированное в это время законодательным путем.

Сословно-классовая структура. Рассмотрение вопроса о лицах как субъектах права в традиционном обществе тесно связано с выявлением правовых различий отдельных социальных слоев, сословий, групп населения. Китайское традиционное право не знало европейской концепции субъективных прав личности, гражданина, индивида, берущей свое начало еще в античном мире. В китайских кодексах и официальных документах правовое положение личности определялось термином "сэ" (цвет), указывающим на принадлежность индивида к той или иной социальной группе, члены которой обладали теми или иными правами и строго фиксированными обязанностями.

Сословные различия в средневековом Китае выступали более зримо, чем классовые. Они свято охранялись законом и традицией, которые закрепляли объем прав и обязанностей представителей не только отдельных сословий, но и различных разрядов титулованного ранжированного чиновничества. Существовали также строгая и мелочная регламентация их поведения в быту, различия в одежде, обрядах и пр.

Несмотря на те или иные изменения, в социальной структуре традиционного Китая во все времена выделялись в основном три сословно-классовые группы: "благородных", "добрых" и "подлых" людей.

Первая сословно-классовая группа включала в себя привилегированных, "благородных" лиц — светскую и духовную знать, военное и гражданское чиновничество. Они были освобождены от трудовых повинностей и телесных наказаний, а некоторые и от налогов. Представители этого сословия были не только крупными частными землевладельцами, они же присваивали и значительную часть сумм, поступающих в казну. Так, например, к концу царствования династии Мин (1368–1644 гг.) общее число "родственников" императора, обладающих высокими титулами, рангами, почетными

званиями, превышало 100 тыс. человек. На их содержание в виде жалования тратилась значительная часть налоговых поступлений.

В особом положении находился непривилегированный слой богатых купцов, ростовщиков, крупных землевладельцев-богачей, которые пополняли ряды господствующего класса. Сословные перегородки, отделяющие их от "благородных", могли быть преодолены, так как в Китае еще в начале новой эры утвердилась официальная практика покупки почетных званий и ученых степеней. Это был самый простой способ приобретения богачами права на переход в категорию неслужилых чиновников. Они также пользовались определенными привилегиями, например, правом откупа от телесных наказаний, правом смягчения наказания за совершенное преступление путем зачета ранга и пр.

В средневековом Китае старая родовая аристократия в значительной мере уступила свои позиции новой служилой аристократии — чиновничеству. Образованная сословная группа — шеньши стала мощной консервативной силой, опорой центральной власти, традиционно эксплуатировавшей податных крестьян. Шеньши делились на две категории. Первую составлял относительно небольшой по численности слой лиц, непосредственно причастных к власти, — окружение правителя, его сановники и весь иерархический бюрократический государственный аппарат, вторую — огромная армия кандидатов в этот слой, получивших конфуцианское образование, но не имеющих должностей. Они не были прямо облечены государственными полномочиями, но играли огромную роль на местах, в общинном управлении, что в значительной мере способствовало централизации государственной власти Китая.

Формально путь к чиновничьей должности был открыт для всех, получивших по канонам конфуцианской науки образование и сдавших экзамены. Фактически получить образование и особенно чиновничий ранг могли только дети богачей, самих чиновников. Такой порядок обеспечивался до VIII в. системой рекомендаций местными правителями на чиновничью должность "достойных людей".

Деление на девять чиновничьих разрядов, в основу которых была положена система оплаты службы чиновника зерном (в размере от 200 до 10 тыс. даней — дань — 103,5 литра зерна), сложилась еще в период Воюющих царств. Эти девять рангов, каждый из которых состоял из двух классов, неизменно сохранялись вместе с делением на высших, средних и низших чиновников. От ранга зависели не только пост, место в служебной иерархии, но и престиж и жалованье чиновника. В конце III в. жалованье чиновникам зерном и деньгами было заменено наделами земельных участков различной величины, которые передавались для обработки арендаторам. Арендная плата, таким образом, заменяла жалованье. С VIII в. вплоть до революции 1911–1913 гг. чиновники получали жалованье зерном и деньгами. Служебные наделы и "кормления" могли служить лишь дополнением к их вознаграждению. Приравнялся к статусу чиновника в Китае и статус даосских и буддийских монахов.

Представители второй непривилегированной сословно-классовой группы относились к простонародью, "мелкому люду". Это в основном мелкие земледельцы и ремесленники, на которых и лежало основное бремя налоговых выплат и трудовых повинностей. В III–VIII вв., в период существования государственной надельной системы, основная масса крестьян фактически превратилась в арендаторов государственных земель.

К третьей сословно-классовой группе "подлых людей" относились неполноправные свободные и бесправные — государственные и частные рабы. Крах надельной системы, развитие крупной земельной собственности привели к росту числа безземельных и малоземельных крестьян-арендаторов, нередко прикрепляемых к земле.

Неполноправная сословная группа состояла вплоть до XIII в. из лиц, находившихся в зависимости от "сильных домов". Они использовались в качестве вооруженной силы, полукрепостных арендаторов, батраков, домашней прислуги. Арендаторы частных земель и батраки, как и рабы, должны были беспрекословно выполнять приказания хозяина. Их били палками, сажали в частные тюрьмы, а иногда и безнаказанно убивали. Они не имели права обращаться в суд с жалобой на хозяина. Государственные органы стояли на страже

интересов землевладельцев, оказывали им содействие в розыске и возвращении беглых арендаторов и батраков, не внесших вовремя арендную плату или не отработавших сроков, указанных в контракте. Лишь в 1727 году было формально запрещено самовольное наказание хозяевами зависимых от них работников.

Государственный строй. В средневековом Китае получили дальнейшее развитие черты восточной деспотии, которые ярко проявились еще в древнем Китае.

Традиционные основы системы высших и местных органов управления укреплялись и совершенствовались в это время главным образом за счет определенного разделения функций отдельных органов управления: общеадминистративных, надзорно-контрольных, судебных и военно-командных. Те или иные звенья этой системы подвергались перестройке, менялись их полномочия и названия в связи с изменением задач, стоящих перед государством.

В зависимости от усиления централизации или под воздействием децентрализаторских тенденций изменялось и соотношение полномочий центральных и местных органов власти, как это имело место, например, в VIII в. в танском Китае, когда военные губернаторы фактически превратились в бесконтрольных местных правителей.

Фундамент процветания централизованной империи в Китае заложили императоры династии Тан (618–907 гг.), когда за счет земельной реформы, дававшей систематические поступления налогов в казну, а также использования бесплатной рабочей силы, трудовых повинностей в империи строились дороги, каналы, дворцы, храмы, целые города, а вместе с тем бурно развивалось ремесло и торговля, находившиеся под жестким контролем государства.

Во главе сложной, но достаточно стройной системы государственного управления в Танской империи стоял император, при котором существовал Государственный совет из наиболее видных сановников, среди которых было значительное число его родственников. Все бразды правления были в руках двух высших чинов, канцлеров — левого (старшего) и правого (младшего), каждый из которых ведал тремя из шести ведомств (министерств): чинов (назначений), обрядов, налогов (доходов), военного, судебного (наказаний) и общественных работ.

Эта классическая конфуцианско-танская модель высших органов управления существовала в Китае столетиями, получив особенно разностороннее воплощение в минском Китае, после ликвидации монгольского господства (1368–1644 гг.). Возглавлявший этот аппарат император сосредоточивал в своих руках высшую законодательную и судебную власть. Трон переходил по наследству старшему сыну императора, другие сыновья получали княжества — уделы, земли которых считались их собственностью. Императорский двор, включавший большое число слуг, жен, евнухов, играл важную роль в государственном управлении. Одновременно развивался и усложнялся специальный иерархически организованный центральный аппарат чиновников, на вершине которого находились, как и в танском Китае, главы шести ведомств, своеобразных министерств, а также цензората, высшего надзорно-контрольного органа, и пяти комиссариатов, высших военно-командных органов.

С XV в. стало усиливаться политическое влияние евнухов, которых правители привлекали на должности государственных чиновников, стремясь тем самым предотвратить развитие сепаратизма, создание чиновниками-вельможами своих собственных династий. Евнухи-чиновники наделялись императорами полномочиями, выходящими за рамки дворцовых дел, что привело со временем к созданию двух центров власти — дворцового ("внутреннего") и ведомственного ("внешнего"). Их противоречия могли использоваться императорами в своих целях до тех пор, пока один из них не достигал такого могущества, при котором император устранился или становился марионеткой новоявленного диктатора-евнуха или главного советника.

Деятельность шести центральных ведомств в минском Китае сначала координировалась Большим секретариатом, во главе которого стояли два советника,

чиновники 1-го ранга. Секретариат существовал до 1380 года. Угроза концентрации власти в руках главного советника привела к передаче его функций непосредственно в руки императора.

Центральные органы управления в соответствии со своими главными задачами и в это время делились на ведомства: чинов (назначений), доходов (налогов), обрядов, военное, судебное (наказаний) и общественных работ. *Ведомство чинов* отвечало за назначение, перемещение, смещение всех гражданских чиновников и служащих управленческого аппарата. Престиж чиновничьей должности в средневековом Китае был столь велик, что именно это ведомство и его глава считались главными среди других. *Ведомство доходов* вело учет населения и сельскохозяйственных земель. Оно определяло размеры налоговых поступлений, отвечало за сбор налогов. Каждый отдел этого ведомства осуществлял свою деятельность в пределах одной из 13 провинций.

Ведомство обрядов занималось церемониями и обрядами, направленными на возвеличивание императорской власти, а также религиозными жертвоприношениями. Оно состояло из отделов церемоний, жертвоприношений, приемов и предписаний, издаваемых в целях унификации культово-обрядовой деятельности, что было нацелено в конечном счете на то же укрепление власти императора.

К ведению *военного ведомства* относилось назначение, перемещение и увольнение всех военных чиновников, снабжение армии и почтовая служба. Судебное ведомство, или *ведомство наказаний*, состоящее по образцу ведомства доходов из 13 территориальных отделов, контролировало правосудие по всей империи. Его деятельность пересекалась с деятельностью цензора и ревизионно-следственного столичного суда.

Автономное положение, независимое от основной административной иерархии как в центре, так и в провинциях, занимали цензорские, надзорные органы различных категорий. Цензорат возглавляли два главных цензора — чиновники 1-го ранга. В его аппарат входило более ста инспектирующих цензоров, разделенных на группы по провинциям. Ни один из органов минского государственного аппарата не располагал столь большими полномочиями, как цензорат, держащий под своим наблюдением всех чиновников и их деятельность, имеющий право не только выявлять их злоупотребления, ошибки, но и непосредственно исправлять их, применять карательные санкции.

Местное управление. Империя Тан была разделена на десять провинций (дао), которые в свою очередь подразделялись на области (чжоу) и уезды (сянь). Все административные единицы различались по размерам сумм уплачиваемых налогов и соответственно делились на категории, что отражалось на статусе и количестве работавших в них чиновников, назначаемых из центра и контролировавшихся им.

Административно-территориальное деление в минском Китае строилось на тех же принципах, но деятельность военно-бюрократического аппарата, его органов (связанных отношениями взаимной ответственности перед императором, соподчинения, контроля) на местном уровне, как и на уровне общеимперском, была значительно усложнена, в том числе и за счет усиления военных функций, что явилось прямой реакцией на недавнее иноземное господство. Местное управление в минском Китае строилось так, чтобы исключить сепаратизм, сосредоточение власти в руках одного человека, чтобы деятельность местных органов не только систематически проверялась, но и перепроверялась.

В провинции действовала триада управленческих органов: административных, военных и надзорно-контрольных, во главе которых стояли уполномоченные, чиновники высоких рангов. Для координации деятельности этих управлений, а также для контроля за ними сначала из центра в разные части страны направлялись специальные имперские уполномоченные, которых называли "посланцы мира". С XV в. они приобрели звание "великих координаторов", которые назначались императором в провинции, а также в зоны особой стратегической важности на длительные сроки. Раз в год "великий координатор" должен был посещать столицу для отчета и решения текущих дел. В это же время стал складываться институт "верховных командиров", которые координировали деятельность

ряда "великих координаторов" и, главное, ряда провинциальных военных управлений, если возникала опасность, связанная с внешним вторжением или мятежом.

Административное управление в каждой провинции возлагалось на двух уполномоченных — "левого" и "правого", которые имели штат помощников. В их обязанности входили: учет людей и земель, сбор налогов, наблюдение за строительными работами и распределением воды.

В особом положении среди трех управленческих провинциальных служб находилось надзорное управление, призванное контролировать весь местный управленческий аппарат, вести борьбу с коррупцией и злоупотреблениями чиновников. Ему, как и другим управлениям, принадлежали и самостоятельные судебные функции. Это управление контролировало разрешение судебных дел в других управлениях, выполняло роль апелляционного суда.

На местах действовало большое число чиновников, непосредственно представлявших имперские органы. Так, в каждую из провинций на один год посылался специальный представитель имперского цензората, от которого требовалось надзирать за всеми местными службами, принимать от населения жалобы, приостанавливать или исправлять те или иные действия местного управленческого органа, направлять императору доклады о деятельности местных чиновников, давать советы местным властям и "великим координаторам". Из столицы посылались цензоры и с более узкой сферой деятельности, например военной, которые должны были следить за рекрутским набором, преследовать дезертиров, а если начиналась военная кампания, следить за военными операциями, посылать императору соответствующие отчеты.

На всем протяжении средневековой истории Китая в низовых территориальных единицах сохранялись органы самоуправления. Общинные старосты следили за порядком, за обработкой земли. Все жители деревенской общины были связаны круговой порукой благодаря системе десятидворок, созданной для сбора налогов, несения трудовых повинностей и пр.

В состав минской империи включались удельные княжества, закрепляемые за сыновьями, внуками императора. Они не обладали ни административной, ни судебной властью, а при некоторых минских императорах имели лишь военные полномочия. Им шла определенная часть местных налогов.

На особом положении в империи были некоторые самоуправляющиеся провинции, населенные представителями других народов. Местные вожди этих территорий, расположенных вдоль юго-западных границ Китая, оставались правителями после утверждения их китайским императором. Они включались тем самым в особую группу местных чиновников, которым по образцу китайских чиновников присваивались ранги, но не выплачивалось жалованье от императора.

Суд. В средневековом Китае судебные дела рассматривались как в собственно судебных органах, так и в органах административных, выполняющих судебные функции. В минском Китае сложилась относительно стройная иерархическая судебная лестница, на высшей ступени которой стоял сам император, на низшей — выборный старейшина деревни. Большинство дел решалось в уездных управах-ямынях, где вершил суд уездный начальник. В случае недостаточности доказательств дело или откладывалось, или передавалось специальному следственному судье по уголовным делам, который по своему чиновничьему рангу приравнивался к уездному начальнику. Дела, связанные с тяжкими преступлениями — убийством, крупным хищением, лихоимством, поступали в область или провинцию, где действовали особые судебно-правительственные органы: "управа административных дел", осуществлявшая контроль за правильным исполнением административных дел; "управа по военным делам", где расследовались дела военных; "управа по рассмотрению судебных дел", т. е. по делам другого населения. Эта стадия в принципе была завершающей для рассмотрения большинства судебных дел. Только в том случае, если дело не было окончательно решено в области или провинции, оно направлялось в тот или другой

столичный судебно-следственный орган. В эпоху Мин это были *Ведомство наказаний* (син бу), *Храм большой истины* (далиса), *Центральный ревизионно-следственный уголовный суд*, в который поступали дела особой сложности. Здесь выносились решения от имени императора, которому докладывали о всех смертных приговорах. Император имел право объявлять амнистии, а также смягчать наказание.

Армия. Принципы организации армии менялись на разных этапах развития средневекового государства в Китае под влиянием как внутривосточных, так и внешнеполитических факторов.

В Тан мужчины до достижения 60 лет считались военнообязанными и привлекались на службу в армию, как и для выполнения других обязанностей. Дезертирство, уклонение от военного похода к месту сражения каралось смертной казнью.

С VIII в. императоры все чаще стали прибегать к услугам наемной армии, содержать конницу, комплектовавшуюся из тюрков, уйгуров и пр. Реформами Ван Аньши в XI в., главный смысл которых заключался в создании крепкого централизованного государства, вместо найма вводился рекрутский набор войска, с помощью которого создавалась регулярная армия, находящаяся на содержании государства. Рекрутский набор существовал и в более поздние времена.

В Минской империи сохранялась старая система "войск округов" и пограничных гарнизонов, основной состав которых формировался из военнопоселенцев, имевших надел, несущих службу до глубокой старости, а иногда и до самой смерти.

Во все времена регулярные войска опирались на поддержку местных военных отрядов, общинных формирований, призванных охранять порядок. Состоящие в основном из зажиточных крестьян, эти отряды особенно активно действовали во время крестьянских волнений. Минские императоры широко прибегали к вспомогательным военным формированиям союзных государств, которые они или нанимали, или принуждали к несению службы во фронтовых районах.

Во времена Мин армия непрерывно росла, в XVII в. она насчитывала 4 млн. человек. Региональные военные соединения располагались по провинциям и в жизненно важных военных областях. Из базовых военных соединений периодически отбирались и специально готовились особые войска, несущие службу в столице, среди которых выделялись отряды личной императорской гвардии, призванной охранять императорский дворец. Другую специальную категорию военных объединений составляли войска эскорта, приписываемые к каждому принцу.

В целях управления все воинские соединения были распределены между пятью военными округами, руководимыми находившимися в столице главными военными комиссариатами. Начальники главных военных комиссариатов, осуществлявшие контроль над военно-территориальными округами, входили в правительство.

Постоянного главнокомандующего в армии не было. В случае начала военных действий один из высших военных чинов или сановников назначался генералом или даже генералиссимусом. Постепенно, однако, развивалась система постоянного тактического командования, при этом личный состав концентрировался вдоль границ, портов и других стратегических пунктов.

Местные командующие войсками в минском Китае контролировались специальными чиновниками, назначаемыми на определенный срок из центра. В XV в. была создана должность "главного военного координатора", осуществлявшего контроль над всеми местными тактическими военными службами.

Глава 28. Средневековое государство Японии

Образование феодального общества и государства в Японии. В III в. в Японии начался процесс разложения первобытнообщинного строя. Внутри родов выделяется родовая

аристократия, развиваются имущественное и социальное неравенство, различные формы эксплуатации привилегированной родовой верхушкой своих сородичей и иноплеменников, захваченных в ходе войн. Рабские формы эксплуатации, способствовавшие укреплению социально-экономических и политических позиций родовой знати, не получили, однако, широкого распространения. Географические условия Японии, ее островное положение, гористость местности сковывали их развитие. Здесь нельзя было при примитивных орудиях труда создать крупные латифундии (поскольку поливное рисоводство требовало интенсивного труда крестьянина на небольшом участке земли), а также добыть за счет военных походов достаточное количество рабов.

Не последнюю роль играло и особое влияние высокоразвитой китайской цивилизации, с ее традиционной социально-экономической структурой и государственной системой, а также религиями: буддизмом и конфуцианством, которое было особенно сильным на ранних стадиях развития японского общества и государства. Говоря о сильном религиозном влиянии Китая, следует отметить, что из двух китайских религий (конфуцианства и буддизма) влияние конфуцианства было поверхностным. Оно не пустило глубоких корней в Японии по сравнению с легко усвояемым буддизмом, так как здесь ко времени его проникновения не сформировалось достаточно образованного слоя религиозных идеологов, способных внедрить его философские догматы в массы.

С IV в. в Японии формируются племенные союзы, а в V в. вождь племенного союза Ямато объединяет под своим верховенством уже большую часть территории страны.

На усиление процессов социального расслоения в VI в. и формирование государственного аппарата в Японии большое влияние оказала длительная борьба отдельных кланов за верховенство в племенном союзе и победа одного из них во главе с Сётоку-тайси, в правление которого появляется первый законодательный документ, первая декларация царей Ямато — Конституция Сётоку, или Закон из 17 статей (604 год), определивший принципы государственного управления.

Будучи не столько политико-правовыми положениями, сколько религиозной и этической основой таких положений, Закон из 17 статей ратует за согласие, гармонию, служение общему, а не личному всех японцев. При этом прямо закрепляется их неравенство, особо выделяется правитель, далее вельможи и простой народ. Правитель рассматривается в качестве единого суверена, вельможи — его чиновников, а народ — подчиняющейся им массы людей (ст. 15).

Основой порядка провозглашается "всеобщий закон" (ст. 4, 5), а государь — его выразителем, который имеет право в качестве такового требовать от своих чиновников беспрекословного подчинения. "Если высшие приказывают, — гласит ст. 3, — то низшие должны подчиняться". В Законе осуждается плановая междуусобица, частное владение землей, провозглашается государственная собственность на землю и государственные подати земледельцев.

Междоусобная борьба помешала созданию в это время эффективно действующей центральной власти, которая утверждается лишь после очередной клановой победы — переворота Тайка (645 год).

Социально-экономические нововведения этого времени нашли отражение в серии реформ, закрепленных в Манифесте Тайка, дополненных специальным кодексом "Тайхо рё" ("Свод законов Тайка" (кодекс "Тайхо рё"), обобщивший все законодательные акты этого периода с 646 по 700 г., увидел свет в 702 году. Последовавшая за "эрой Тайка" эра Ёро, 717–723 гг. (в Японии, в отличие от Китая, не признается смена династий, считается, что правит установившаяся еще в VI в. одна династия), была ознаменована новым законодательством, которое было включено в общий свод законов "Тайхо Ёро рё", важнейший источник сведений о ранних этапах японского общества и государства). Реформы призваны были реорганизовать систему управления и аграрные отношения по китайскому образцу. На основе последовавшего за этим введения надельной системы земля вместе с зависимыми людьми была изъята у частных лиц и передана в государственную

собственность.

Земельные участки, наделы, подлежащие переделу раз в шесть лет, раздавались среди полноправных крестьян (рёминов) по числу едоков. Рабы также получали надел, равный трети надела свободного. Государство в качестве собственника земли предусмотрело тройные повинности крестьян: ренту (подать) зерном, налог изделиями ремесла и трудовую повинность, продолжительностью до ста и более дней в году.

Введение наделной системы в Японии не означало, однако, уравнительного передела земли. Значительная часть земель переходила в руки чиновничества (пополнявшегося за счет той же знати) в качестве служебных должностных наделов, размеры которых зависели от должности и ранга. Некоторые земли знать получала в пожизненное пользование, иногда с правом перехода земли по наследству по прямой линии, от одного до трех поколений.

Наделная система оказалась экономически неэффективной и недолговечной в Японии. Рамки ее применения с самого начала ограничивались областями, примыкающими к столице, нарушались сроки переделов земель, которые сопровождалась злоупотреблениями чиновничества и пр. Ее основы все более подтачивал рост частного землевладения клановой феодализирующейся знати, которому не могла противостоять слабая центральная власть.

Дальнейшая феодализация японского общества привела к распаду наделной системы. Периодические переделы земли фактически прекратились в X в., когда на смену наделной системе приходит среднее частновладельческое поместье (сёэн), создаваемое за счет экспроприации общинных земель, освоения целины, которое было под силу только богатой общинной верхушке, многочисленных императорских земельных пожалований за заслуги, службу и пр. Образование частновладельческих поместий сопровождалось постепенным превращением наделных крестьян в феодально-зависимых.

Новая поместная система смела все преграды на пути создания крупного феодального землевладения, а следовательно, и политической раздробленности страны с неизбежными междоусобными войнами, стимулирующими развитие отношений покровительства, господства и подчинения, вассально-ленных связей. Ряды нарождающегося феодального класса стали пополняться за счет дружинников правителей и крупных феодалов, получавших земельные участки на правах ленов как вознаграждение за несение военной службы.

Этот слой воинов-профессионалов, пополнявшийся мелкими землевладельцами, искавшими покровительства у сильных помещиков, превратился со временем в замкнутое сословие самураев (буси), со своим кодексом чести, основанным на жестком требовании верности господину, вплоть до безусловной готовности отдать за него жизнь.

С X в. в Японии начинает, таким образом, утверждаться столь необычная для Востока феодальная организация землевладения вместе с широким развитием мелкокрестьянского хозяйства, что и определяет сходство японского и западного средневековья.

Этому способствовал ряд факторов. Прежде всего, на пути создания феодальных форм собственности в Японии, в отличие от Китая, не встало всемогущее государство со своими контрольно-регулирующими функциями, так как здесь не сложились ни влиятельная конфуцианская элита, ни сильный многочисленный корпус чиновников-администраторов вместе с эффективно воспроизводящей чиновничество конкурсно-экзаменационной системой.

Сказалось и традиционное засилье крупных клановых групп, ослаблявших центр, не выпускавших из своих рук бразды правления. Могущество клановых феодальных домов, опиравшихся на собственную военную силу верных самураев, стало главной причиной длительной раздробленности страны, неэффективности попыток первых двух сёгунов ("великих полководцев") в XII и XIV вв. объединить ее. Усиление центральной власти при опоре на военную силу произошло лишь в период третьего сёгуна Токугавы (начало XVII — первая половина XIX в.).

Длительная раздробленность в свою очередь тормозила социально-экономическое развитие Японии. Почти безраздельное господство феодальных отношений просуществовало в этой стране вплоть до середины XIX в., до революционных, буржуазных по своему

характеру перемен в эпоху, получившую название "реставрации Мэйдзи" (Мэйдзи — официальное наименование годов правления императора Муцухито 1868–1912 гг.).

Сословно-классовая структура. В Японии, как и в Китае, в связи с выделением родовой аристократии, появлением рабов и других категорий зависимого населения складывается деление на два социальных слоя: "добрых" и "подлых" людей, каждый из которых состоял из нескольких социальных групп. Границы между ними были в достаточной мере подвижны. Среди "добрых" выделялся привилегированный слой приближенных к императору, членов царского двора, родовой аристократии, крупного чиновничества.

Основная масса "добротого люда" (рёмин), как и "государева люда" (камин), бывшего ранее в личной зависимости от глав могущественных кланов, после введения надельной системы была посажена на казенную землю. Они не были прикреплены к земле, к конкретному господину-землевладельцу, но не могли без разрешения уездного начальника или хозяина, на службе у которых находились, покинуть землю.

Большая семья или группа малых семей составляла "двор" — хозяйственную и тягловую единицу. Глава двора признавался властями, он был обязан к определенному сроку составлять налоговые списки, нес ответственность за все семейные платежи, отработки, распоряжался семейным имуществом, поддерживал культ предков.

Государство всемерно стремилось к укреплению семьи как тягловой единицы, основанной на стойких патриархально-родовых связях. "Тайхо Ёро рё" предписывает, например, обязанность по уходу за больными, престарелыми, калеками, возлагаемую на родственников, а в случае их отсутствия на общину или местные власти. На государство же возлагалась обязанность оказывать помощь семьям, пострадавшим от неурожая или стихийного бедствия. Закон запрещал раздел двора, если при этом в одиночестве оставался малолетний или вдова. Исключение допускалось, если выдел происходил при разделе наследства и не было сомнений в том, что выделившийся способен возглавить семью.

В Японии не признавалось разного подхода к людям в зависимости от этнической принадлежности и религии. Чиновничья служба считалась личной и пожизненной привилегией любых способных кандидатов на государственные посты. Получивший этот пост входил в ту или иную чиновничью категорию и получал тот или иной ранг. Здесь определяющим был пост, а не ранг, в отличие от Китая, где ранг определял пост. В зависимости от поста и ранга находились и размеры натуроплаты чиновника или его земельного надела.

Особое положение занимали первые четыре ранга высшей категории чиновников, представители сильнейших кланов, которые стояли во главе чиновничьего списка и были непосредственно связаны с императорским двором. Так, принц I категории получал за службу в кормление 80 те земли (около 5 тыс. га), 800 приписанных к ним крестьянских дворов для ее обработки и 100 слуг.

Клан крупного вельможи выступал в Японии не только в качестве семейно-хозяйственной феодальной единицы, но был и своеобразной единицей политической. В "Тайхо Ёро рё" содержится, например, специальная глава "Об учреждениях и штатах домоуправлений", касающаяся домов вельмож, обладающих высшими рангами. У глав феодальных домов, представителей высших должностей и рангов чиновничества существовала обязанность отдавать детей на службу в качестве телохранителей или других служителей при дворе. Должности эти становились впоследствии наследственными. Широко практиковалась система совместительства должностей в связи с общей нехваткой чиновников.

Крайне пестрым был разряд "подлых" людей, в который входили, например, специальная группа работников, обслуживающих погребения, члены "казенных дворов", казенные и частные рабы и холопы.

Рабы (нухи), по свидетельству источников, как и в Китае, обладали некоторыми правами. Их можно было продавать и наследовать, но они могли вступать в брак и иметь собственность. Браки "подлых" и "добрых" людей считались незаконными. Только при браке

"по незнанию" дети от таких союзов считались "добрыми", а дети от свободной женщины и раба передавались в казенные дворы. Рабов казенных и частных было немного. Источниками рабства были: порабощение преступников и в ряде случаев членов их семей, самопродажа или продажа по воле родителей, заложничество за долги и военный плен. Особо ценились рабы-земледельцы, на них давался земельный надел, и их не облагали налогами. Закон 830 года фактически уравнивал рабов со свободными крестьянами в праве пользования наделом и в обязанностях исполнять повинности в пользу казны.

Особую категорию "подлого люда" составляли работники так называемых казенных дворов. Существовал строгий порядок их учета, как и казенных рабов и холопов. Их заносили в особые списки, строго учитывался и урожай с обрабатываемых ими казенных полей. За членами казенных дворов по закону закреплялись некоторые права: один день в декаду им давался для отдыха, предоставлялась более легкая работа женщинам после родов. Они обеспечивались одеждой, обувью. Чиновники не могли их использовать в своих личных нуждах.

Положение потомственных холопов (кэдин) отличалось местной спецификой, но в отличие от рабов они не могли продаваться, хотя беглого холопа и возвращали хозяину. Государственный (казенный) "подлый люд" по достижении 60 лет освобождался от личной зависимости.

Сословно-классовая структура в последующие века приобретала все более четкое выражение, формируясь не только под воздействием развивающихся феодальных, вассально-ленных отношений, но и кардинальных политических изменений в стране.

Так, установление в XII в. первого сёгуната, правления военно-феодальной олигархии, явившееся следствием победы в очередной междусобной борьбе могущественного феодального дома Минамото, привело к делению феодалов на высшую привилегированную группу, непосредственных вассалов сёгуна (гokenин), вассалов других феодальных владельцев, храмов и монастырей (хигокенин).

Вне сословия класса феодалов находился простой народ: крестьяне, ремесленники, торговцы. Главной формой феодальной эксплуатации крестьян стала подушная рента в виде натурального оброка, уплачиваемого рисом, поглощающая от 40 до 60 % урожая крестьянина. Однако ни в XIII, ни в XIV в. еще не произошло полного закабаления крестьян Японии. Не случайно крестьянская армия была главной силой в XIII в., которая отразила нашествие монголов на Японию, а антифеодальные восстания еще в XV в. поднимали крестьян-воинов, объединявшихся с зависимым людом в борьбе против существовавших феодальных порядков.

Важные социальные сдвиги в Японии начиная с XIII–XV вв. стали происходить под влиянием развития торгового оборота, расцвета городов. В городах складываются первые объединения ремесленников и торговцев (дзя), часть которых получает некоторую самостоятельность, выходя непосредственно на рынок. Происходят изменения и в среде феодалов. Самураи за долги теряют земельные владения, переводятся на полное обеспечение своих господ. Большая часть пахотной земли сосредоточивается в руках крупных владетельных князей "даймё" ("большое имя"). Владения даймё охватывают отдельные провинции и даже группы провинций.

Наиболее законченные формы приобрела сословно-классовая структура японского общества в период третьего сёгуната, когда она была скреплена законом и всемерно охранялась сёгунатом. Японское феодальное общество делилось на четыре сословия. Сословные границы в основном совпадали с классовыми. Это деление официально определялось формулой "си-но-ко-сё": самураи (си), крестьяне (но), ремесленники (ко) и торговцы (сё). На самом дне феодального общества находилась небольшая группа париев ("эта").

В 1615 году сёгуном токугавской династии Иэясу были изданы "Восемнадцать законов", вводивших жесткую регламентацию поведения представителей всех четырех сословий. Каждый последующий сёгун должен был при своем вступлении в должность

приносить присягу перед собранием феодальных князей, клятву верности законам Иэясу.

Господствующее сословие дворянства представляли прежде всего фактический правитель Японии — сёгун, семье которого в начале XVII в. принадлежало около трети территории страны, и около 300 семейств владетельных князей — даймё, располагавших также огромной земельной собственностью. Это сословие делилось на своеобразные кастовые группы. Феодальные князья (даймё) состояли из двух категорий — фудай-даймё, находящихся в непосредственной вассальной зависимости от дома Токугава, которые замещали все высшие правительственные должности в стране, и тодзама-даймё, или так называемые внешние князья, отстраненные от дел управления. Особую часть самурайского сословия составляла придворная аристократия (*кудэ*), при лишенном фактической власти императоре обладавшая высшими рангами дворянства, но не имевшая, как правило, земельных владений и не занимавшая оплачиваемых должностей. Она была полностью зависима от сёгунской администрации, получая от сёгуна рисовые пайки.

Основную массу господствующего класса составляло служилое дворянство — самураи, входившие в войско сёгуна и военные отряды даймё. За свою службу они получали возможность собирать подати с определенного числа крестьян или получать рисовый паек от своего господина. В 1653 году сёгун издал указ об изъятии у всех самураев-воинов, вассалов даймё земли и о переводе их на жалованье, рисовые пайки. Самураи противопоставлялись трем низшим сословиям. Ношение двух мечей стало внешним признаком их отличия от других сословий. Только самураям принадлежало право занимать государственные посты, гражданские и военные должности.

Наиболее эксплуатируемым и угнетенным классом-сословием, хотя он и занимал официально второе место в сословной иерархии, были крестьяне, составлявшие 80 % населения страны. Они были неоднородны в социальном и экономическом отношении. Основная масса крестьян владела небольшими участками земли на правах вечного наследственного держания, вела самостоятельное хозяйство. Это прежде всего члены общины, входившие в податные пятидворки. Вне общин были зависимые крестьяне, мелкие арендаторы или дворовые холопы. Подати, как правило, достигали половины, а то и больше, урожая. Крестьяне несли многочисленные повинности по ремонту дорог, ирригационных сооружений и пр.

Японский крестьянин в это время фактически попал в кабальную зависимость. Он не имел права прекращать обработку земли, выбирать себе иной род занятий, переезжать на другое место жительства, правда, его нельзя было продавать или покупать.

Промежуточные городские средние слои составляли ремесленники и торговцы, жизнь и деятельность которых строго регламентировалась сёгуном. В XVIII в. феодальное сословие торговцев начинает играть все более важную роль. В это время в Японии зарождается мануфактурное производство, находящееся под контролем торгово-ростовщического капитала. Следствием развития товарно-денежных отношений явилось, с одной стороны, неудержимое разложение господствующего класса феодалов, с другой — все углубляющиеся процессы дифференциации крестьян.

Несмотря на запрещение купли-продажи земли, она в скрытой, замаскированной форме отчуждалась, концентрировалась в руках деревенской верхушки, а также городских ростовщиков. Усилилась экономическая зависимость феодального дворянства от торгово-ростовщического капитала. Крупнейший в то время дом Ми-цуи становится в 1697 году финансовым агентом самого сёгуна, а в 1707 году банкиром императора. Разложению особенно заметно проявилось среди представителей служилого самурайства. В результате обеднения даймё они теряли своих покровителей, а вместе с тем и источники существования, становились ронинами (бродягами). Вопреки вековым традициям самураи все чаще были вынуждены заниматься промысловой и коммерческой деятельностью, становиться служащими, рабочими.

Государственный строй. Реформы Тайка, имевшие для Японии VII в. значение политической революции, знаменовали утверждение раннефеодального государства во главе

с наследственным монархом. Они были подготовлены буддийским и конфуцианским учениями о едином государстве, во главе которого стоит "монарх-мудрец", "потомок богов", обладающий неограниченной властью. Древняя религия японцев синто ("путь духов"), легко впитавшая идеи китайских религий о божественной силе правителя-императора, также способствовала этому.

В результате "переворота Тайка" было создано единое японское государство во главе с императором, принцем правящей династии, опиравшимся на поддержку могущественного клана Фудзивара, который поставлял впоследствии из поколения в поколение не только наследственных регентов-соправителей императоров, но и императриц.

Японские правители еще в VI в. заимствовали из Китая название "теней" или "тенно" — "сын неба". Но если в Китае источник власти правителя заключался в "воле Неба", а смена императорских династий объяснялась изменениями "приказа Неба", то смысл "тенно" в Японии был более заземленным, он не содержал указания на небо, как высшее божественное начало, которому поклонялись китайцы. Представления о природе у японцев были более конкретными. Они поклонялись не только небу, но и солнцу, горам, рекам.

Древнейшая религия японцев синто ("путь духов") отводила правителю роль первосвященника, божественного потомка солнца, принявшего человеческий облик. Синтетическая же религия японцев "ребу синто" (двуединое синто), сложившаяся в VI–VII вв. на основе смешения синто и буддизма, признавала в императоре не только духовного главу, верховного жреца (в этом качестве как полубожественная персона он был объектом выражения покорности и послушания), но и светского монарха, прежде всего руководителя войска, непререкаемый авторитет которого для чиновников был основан на кодексах и законах. Отсюда берет начало тщательно разработанная в праве Японии структура всех государственных учреждений: центральных и местных, духовных и светских. Закон из 17 статей, говоря о "божественности суверена", содержал многозначительную оговорку о советниках как "необходимом условии правильного решения важных дел". А Сётокутайси, отвергая идею единоличного правления, утверждал, что "дела не должны решаться лично государем". Советник любого ранга с древнейших времен становится в Японии главной фигурой в императорском государственном аппарате. Да и на деле божественный "тенно", обладавший по закону высшей законодательной, исполнительной и военной властью, уже в VIII в. более царствовал, чем управлял при могущественном клане Фудзивара, символом всемогущества которого стало, например, строительство в 794 году еще одной столицы в Киото. В это время императорская резиденция была в Наро. Впоследствии существование двух столиц в Японии стало традиционным, наряду с традиционным двоевластием и даже троевластием, когда в дела государственного управления включались и буддийские иерархи.

Специальный раздел "Тайхо Ёро рё" "Учреждения и штаты" был посвящен разветвленной правительственной системе центральных и местных, духовных и светских властей, иерархии должностей и рангов чиновников, их подготовке (китайская экзаменационная система не привилась в Японии), а также установлению за службу жалованья натурой или земельными наделами "в кормление". Высшая государственная власть, как и в Китае, принадлежала в Японии Государственному совету ("Дадзе-кан"), разрабатывавшему общие направления государственной политики, рассылавшему указы императора по всей стране. Наряду со светским Государственным советом в Японии, в отличие от Китая, существовал особый духовный Государственный совет ("Дзинги-кан") или "Совет по делам духов неба и земли", осуществлявший надзор за синтоистскими храмами и молельнями, за деятельностью клира, за крестьянами, приписанными к храмам, и пр. Его штат был небольшим. Он занимал изолированное, но достаточно высокое положение среди других ведомств.

По примеру Китая создавалась и внутренняя структура светского Государственного совета, во главе которого стоял "старший министр" или канцлер, являвшийся наставником императора в делах управления, призванный в качестве этического эталона обеспечивать

стране "мир, покой и гармонию". Признавая, что трудно найти такого безупречного человека, закон допускал вакантность этой должности.

Непосредственные управленческие функции в светском Государственном совете осуществляли два высших министра: левый (старший) и правый (младший), опиравшиеся в свою очередь на "старших советников", участвующих в обсуждении всех дел и дававших рекомендации "по большим делам", и младших советников, дававших рекомендации по "малым делам". Именно они следили за ходом текущих дел, отвечали за них перед Государственным советом. Государственный совет имел под своим началом восемь министерств, которые в отличие от Китая были тесно связаны с императорским двором, и палату цензоров, глава которой, обладая более узкими, чем в Китае, полномочиями, следил за чистотой обычаев и нравов, назначал расследования по моральным нарушениям, докладывая о них императору. В его подчинении был штат разъездных цензоров-контролеров. Решения цензората могли быть приостановлены Государственным советом.

Наряду с военным министерством, министерствами финансов и юстиции в Японии существовало особое министерство "общих дел", ведавшее текущими дворцовыми делами, ритуалом, редактированием императорских указов, следившее за составлением истории страны, списков принцев крови, придворных дам и буддийского духовенства, а также генерального реестра населения и росписи налогов. Являясь как бы высшей канцелярией страны, это министерство занимало первое место в государственном аппарате в силу особой близости его главы к императору. Он принимал доклады и подавал петиции императору, осуществляя при этом связи между Государственным советом и другими министерствами.

О широте функций этого министерства свидетельствует крайне обширный штат его десяти управлений, среди которых было специальное управление двора императрицы, главное архивное управление, главное управление дворцовых кладовых, астрологическое управление, управление живописи, придворного этикета. Деятельность последнего управления была тесно связана с деятельностью специального министерства церемоний, в ведении которого находился не только контроль за соблюдением этикета, но и государственные школы, аттестация кандидатов на чиновничьи должности, назначение и перемещение чиновников, рекомендации об их награждении, выдача им жалованья и пр.

В это же время было создано просуществовавшее в веках (вплоть до конца II мировой войны) особое министерство императорского двора, которое, согласно "Тайхо Ёро рё", состояло из одного особого столового управления (ведавшего продовольственными поставками и заготовками для двора, а также деятельностью поваров), четырех главных управлений, в том числе главного управления дворцовой кухни, управления дворцовыми складами и хозяйством, казенными рабами и пр., и тринадцати простых управлений (управления дворцовых садов и прудов, дворцового водоснабжения и пр.). Штатное расписание этого министерства было особенно насыщенным. Оно было представлено, как и в других министерствах, администраторами, специалистами, канцеляристами-писцами, которых дополняли специально приписанные к министерству "казенные дворы". При множестве министерств и управлений, как явствует из "Тайхо Ёро рё", между ними не существовало четкого разграничения функций. Связующим элементом этой разветвленной структуры был императорский двор.

Закон VII "Тайхо Ёро рё", посвященный буддийским монахам и монахиням, свидетельствует и об особом положении буддийского духовенства в Японии, находящегося под высшим государственным надзором. Регламентируя статус "нормальной" буддийской организации, закон запрещал клирикам владеть домами, садами, торговать и заниматься ростовщичеством, принимать в качестве подарков рабов, скот, оружие. Эти запрещения не могли сдерживать роста земельной собственности буддийских монастырей и храмов.

Вместе с ростом благосостояния в условиях плановых раздоров возрастают и политическое влияние, и политические притязания буддийских иерархов, которые столь сильно не проявлялись ни в одном из средневековых дальневосточных буддийских

государств. В Японии к концу XI — началу XII в. стали складываться фактически три центра политического притяжения: императорский двор, домоуправление правящего клана (им на протяжении ряда веков оставался клан Фудзивара) и буддийские монастыри. Император по достижении совершеннолетия, как правило, принудительно постригался в монахи, на престол возводился его малолетний наследник, являющийся послушным орудием в руках правящего клана, буддийские же иерархи часто поддерживали оппозиционный ему клан.

В XII в. растет экономическая мощь и политическое влияние местных кланов губернаторов, наместников и пр., которые фактически становятся неограниченными правителями-вотчинниками в своих владениях. В условиях непрекращающейся клановой борьбы различных групп господствующего класса: придворных кругов, сильнейших кланов, духовенства, в XII в. в Японии устанавливается новая форма правления — сёгунат, своеобразная форма феодальной военной диктатуры, при которой власть как в центре, так и в определенной мере на местах сосредоточивалась в руках сёгуна — "великого полководца".

Установление первого сёгуната Минамото (1192–1333 гг.), опирающегося на новый военно-бюрократический аппарат (бакуфу), и знаменовало начало второго периода развития феодального государства в Японии, периода его военно-политического объединения (второй сёгунат Асигага (1338–1573 гг.), третий — Токугава 1603–1867 гг.). Оно было вызвано стремлением Минамото преодолеть раздробленность, подавить распри, укрепить феодальное государство в своих собственных интересах и в интересах всего феодального класса.

Характерной чертой сёгуната было сохранение императора как номинального главы государства, обладающего некоторыми представительными функциями. Императору отводились все причитающиеся ему по рангу почести, но ни он, ни его двор не играли сколько-нибудь существенной роли в политической жизни страны. Императорский двор превращается с этого времени в центр феодальной оппозиции, что и становилось одной из многих причин новых вспышек междоусобной борьбы.

Отражением безуспешности попыток первого сёгуна укрепить центральную власть стало в конце XII — начале XIII в. установление особой разновидности сёгуната — *сиккэната*, приведшего к созданию еще одного "этажа" над двумя другими формально существующими "этажами" политической власти в феодальной Японии. Возникновение сиккэната (сиккэн-правитель) в 1199 году было связано с установлением буддийского регентства при малолетнем сёгуне. Впоследствии этот пост стал также наследственным. Формально император и сёгун занимали свое место в политической структуре, но значительная власть перешла к сиккэну. Сиккэнат, продлившийся до падения первого Камакурского сёгуната (г. Кама-кур в это время был местом пребывания бакуфу, правительства сёгуната), не изменил существенно характера военно-феодальной диктатуры, которая просуществовала в Японии до второй половины XIX в., когда в ходе буржуазной революции была восстановлена власть, японского императора.

Неизменным звеном правительственного механизма сёгуната были органы, осуществляющие жесткий контроль над деятельностью императорского двора. С 1221 года бакуфу стал направлять в императорскую резиденцию в Киото уполномоченного сёгуна (*тэн-дая*), имеющего право издавать от имени сёгуна указы, выполнение которых обеспечивалось особой военной силой — самурайским войском, находившимся в его распоряжении. Более того, впоследствии сёгун присвоил право утверждать нового императора, определять порядок престолонаследия, назначать регентов и других высших придворных советников.

Правящей военно-феодальной верхушке, однако, не сразу удалось создать постоянную политико-административную систему сёгуната, укрепить наследственный принцип передачи власти сёгуна, сосредоточить в его руках, а не в руках его регентов или заместителей фактическую власть. К тому же в период второго сёгуната власть бакуфу была значительно ослаблена. Этому способствовало то, что японскому сёгуну пришлось признать свою вассальную зависимость от Китая, к которому и перешло право утверждать японских императоров. В стране в это время было около 20 крупных и значительное число средних и

мелких даймё, которые правили фактически в своих владениях самостоятельно.

Черты абсолютистского правления сёгунат приобретает лишь в XVII–XVIII вв., когда происходит ужесточение методов правления, создается его разветвленный полицейский аппарат. Иэясу, правитель третьего токугавского сёгуната, военным путем объединил страну. Конфисковав владения многих феодалов и буддийских монастырей, он стал крупнейшим землевладельцем.

Укрепление позиций третьего сёгуната привело к полному устранению какого бы то ни было политического влияния императора. В токугавском сёгунате была введена новая должность *сёсидая* — наместника сёгуна в императорской столице. На основе закона 1615 года даже религиозные функции императорского двора были поставлены под контроль сёгуна, который вмешивался в назначение всех высших придворных должностей.

Однако централизация Японии и в это время носила относительный характер. Феодалные княжества как административно-политические единицы не были ликвидированы. Местные князья сохраняли право управления, суда на своих территориях. Но у сёгуна была власть отнять все или часть владений даймё со всеми его полномочиями. Неизменно оставались под контролем бакуфу торговля и ремесло в крупных городах, как и горнорудные предприятия.

Одним из средств укрепления власти сёгуна в это время была система заложничества, окончательно закреплённая законом в 1635 году. Согласно закону все даймё должны были попеременно проживать в доме сёгуна, а возвращаясь в свои владения, оставлять в Эдо (столице сёгуната) свои семьи. Система заложничества распространялась и на сыновей императора.

Сосредоточивая в центре всю полноту властных полномочий, сёгун опирался на военно-полицейский аппарат, лишенный многих пышных атрибутов времени императорского правления, но столь же многочисленный и разветвленный. Ближайшим помощником сёгуна был его первый советник (гпайро), выполнявший в случае необходимости обязанности регента. Он, как правило, и назначался при чрезвычайных обстоятельствах. Кроме того, при сёгуне существовал круг старших советников (*редзю*), составлявших непосредственно правительство (бакуфу), исполнявших свои обязанности посменно в течение месяца. Несколько старших советников в последние годы токугавского сёгуната составили Государственный совет, нечто вроде узкого "кабинета министров". За каждым из членов совета закреплялся определенный круг управленческих функций и контроль за одной из пяти коллегий бакуфу: внутренних дел, иностранной, военной, военно-морской и финансов. Особое правительственное управление ведало чеканкой монет, ему же принадлежал контроль за рудниками. Младшие советники ведали гвардией сёгуна, охраной дворца, полицейским аппаратом, следили за его вассалами.

Местное управление. С введением надельной системы в Японии в 645 году было связано территориальное деление страны на провинции (*купи*), а с 646 года — на уезды, во главе которых стояли назначаемые из местной родовой аристократии губернаторы, уездные начальники. Наряду с ними в уезды направлялись царские контролеры. Уездная администрация обладала в Японии большей самостоятельностью, чем в Китае, так как она ведала местными территориальными военными отрядами. Низшей административной единицей было село во главе с сельским старостой, назначаемым из местных жителей. Каждое село должно было состоять из 50 дворов. Таких крупных сел в то время в Японии не было, в одно село объединялось несколько соседних деревень. Была введена в это время и система деревенских пятидворок — объединений пяти соседних крестьянских дворов, связанных круговой порукой по выполнению всех обязанностей перед государством. В ведении уездных начальников, писцов, квартальных и сельских старост был сбор налогов, контроль за исполнением крестьянами общественных работ, судебные и полицейские функции.

С утверждением сёгуната во все провинции стали назначаться военные губернаторы, или протекторы (*сюго*), которые находились там наряду с правителями областей,

назначаемыми императором. В их обязанность входил контроль за выполнением повинностей в пользу центрального правительства, подавление мятежей, преследование политических противников сёгуна, охрана провинций. В распоряжении сёгу был местный гарнизон. В частновладельческие поместья посылались специальные уполномоченные правительства, главной обязанностью которых был контроль за доходами поместья, за внесением феодалами всех налогов, и прежде всего военного, преследование смутьянов. Эти и другие меры не приводили, однако, к желаемым результатам в периоды ослабления власти сёгуна. Так, например, в XV в. местные князья из числа бывших протекторов присвоили себе право судебного и налогового иммунитета, запрещая чиновникам сёгуна появляться в их владениях. Сломить своеволие местных князей с помощью жестоких военно-полицейских мер удалось в определенной мере лишь в токугавской Японии.

Особое место в государственном аппарате токугавской Японии занимали органы сыска, специальные полицейские инспектора *мэцкэ* ("прикрепленный глаз"), осуществлявшие негласный полицейский надзор за всем населением страны, от чиновников до крестьян. Во главе этого аппарата стояли так называемые *омэцкэ* (большие, славные мэцкэ), закон о правах и обязанностях которых был принят в 1632 году. Пять главных полицейских инспекторов вели наблюдение за всеми князьями и высшими чиновниками.

Передвижение в стране было регламентировано строгой системой пропусков. Без предварительного разрешения бакуфу даймё не имели права строить замки, жениться. Для надзора за крестьянами и прежде всего сбора с них налогов во все владения Токугавы на основе закона 1644 года стали назначаться *дайканы*, которым подчинялись старосты деревень.

В городах помимо назначавшихся градоначальников, которым принадлежала широкая административная, полицейская и судебная власть, существовали советы крупных торговцев, но система городского самоуправления не получила сколько-нибудь заметного развития в Японии.

Армия. До введения территориального деления армия Японии состояла из родовых дружин. Вместе с надельной системой в Японии была введена обязательная воинская повинность.

"Тайхо Ёро рё" среди других министерств выделяет и военное министерство, ведавшее именными списками офицерского состава, их аттестацией, отбором, назначением и пр. В его подчинении было несколько штабов и управлений: арсенальное, военно-музыкальное, корабельное, соколиной охоты.

Армейские части были территориальными, но формировались и содержались в провинциях и уездах. Из одного двора брали одного новобранца. Сыновья и внуки обладателей рангов пользовались льготами, освобождались от службы в армии. Бойцы территориальных крестьянских ополчений составляли своеобразный резерв, они не отрывались от повседневного крестьянского труда. Срочной до трех лет была служба в пограничных войсках, гвардейских и сторожевых частях.

Армия строилась по десятичной системе, во главе с полусотниками, сотниками, двухсотниками, которые могли быть незнатного происхождения, но храбрыми воинами. Начиная с тысячников для назначения требовался уже соответствующий ранг. Армейская часть более 20 человек могла направляться в поход только по приказу императора.

Невыполнение боевого приказа или отсутствие вооружения в боевой обстановке могло наказываться смертной казнью по решению командующего. Служба в пограничных войсках освобождала других членов двора призывного возраста от мобилизации. От срочной дворцовой и пограничной службы освобождались новобранцы, если был болен отец или старший двора. Пограничники брали с собой на службу рабов, жен, наложниц.

С ростом частной феодальной собственности, с междоусобными войнами, крестьянскими восстаниями было связано формирование особого военно-феодального слоя самураев — профессиональных воинов, вассалов крупных феодалов. Особое мировоззрение японских самураев, особый "кодекс чести" строился на ярко выраженном презрении к

крестьянскому труду, на конфуцианских принципах покорности и беспрекословного подчинения приказу. Нарушение кодекса чести влекло для самурая самоубийство — харакири.

Крестьянские ополченские формирования продолжали существовать вплоть до XVI в. В связи с массовыми крестьянскими восстаниями правящие круги поняли нежелательность дальнейшего сохранения оружия у крестьян. Еще в XV в. феодалы в отдельных княжествах разоружили крестьян, но в общенациональном масштабе это произошло в конце XVI в., когда сёгуном Моётоми Худэси в 1588–1590 гг. по всей стране у крестьян было отнято оружие. Это мероприятие получило название "охоты за мечами". Указом 1591 года крестьянам запрещалось становиться воинами, а самураям — заниматься какой-либо предпринимательской деятельностью.

Самурайское войско состояло в основном из конницы. С введением огнестрельного оружия конница постепенно сходит на нет и ее место занимает пехота.

Глава 29. Средневековое государство Индии

Замедленный и неравномерный характер развития индийского общества в средние века делает крайне сложной периодизацию его истории. Еще в Древней Индии можно найти некоторые социальные институты, напоминающие феодальные: крупное частное землевладение, эксплуатация зависимого земледельца с характерной для Индии кастовой неполноценностью значительных групп населения и пр., а рабовладение продолжало существовать не только в средневековье, но и позже.

V–VII вв. как условный рубеж начала средневековой истории Индии не связаны с кардинальными переменами в политической структуре страны, с возникновением крупных империй, как, например, империя Маурьев в древности. Средневековая Индия была политически раздроблена. Раздробленность сопровождалась бесконечными междоусобными войнами, временным возникновением крупных государств, как, например, империи Харши (VII в.), пришедшей на смену империи Гуптов (IV–V вв.) и просуществовавшей всего 40 лет.

В V–VI вв. в северо-западную часть Индии проникают племена белых гунов и гурджаров, которые оседают и осваиваются в Синде, Раджастхане, Гуджарате. В результате смешения завоевателей с местным населением, находящимся на более высокой стадии культурного развития, здесь образуется новая каста воинов-землевладельцев-раджпутов, образовавших сначала княжество в Гуджарате, а затем в начале VIII в. — государство Пратихаров.

Юг Индии с его многочисленными племенами заметно отставал в своем развитии от Севера, но и здесь возникали самостоятельные государства — княжества. Так, например, еще в III–IV вв. складывается государство Палавов, а в VII в. в южной части Махараштры — княжество Чалукьев, в IX — княжество Чолов, контролировавшее некоторое время всю южную Индию. Ожесточенная междоусобная борьба значительно облегчила вторжение мусульманских завоевателей в северную часть Индии на рубеже XII–XIII вв. Разбив раджпутов и подчинив раджпутских князей, главную боевую силу Индии того времени, они образовали на завоеванных территориях Делийский султанат (1206–1526 гг.), на смену которому пришла империя Великих моголов (1526–1707 гг. — 1707 год является датой фактического распада империи, которая формально продолжала существовать и при англичанах еще около полутора веков).

Несмотря на политическую децентрализацию, в Индии в V–VII вв. шли важные процессы, которые дают основание выделить этот период в истории страны. Эти процессы прежде всего были связаны с внутренней перестройкой неизменно существовавшей и сохранившей при всех политических перипетиях свой статус-кво варновой системы, с созданием на значительной части территорий Индии за счет влияния Севера обширной индо-буддийской цивилизационной зоны, с ростом религиозно-культурного самосознания

индийцев, которое на протяжении веков выступало важным фактором их объединения, несмотря на этническую разобщенность и отсутствие государственного единства.

Сословно-классовое деление. Начиная с первых веков новой эры, усиливается процесс закабаления крестьянских общин, прикрепление их к налоговому тяглу, набирают силу формы феодальной эксплуатации, связанные с ростом частного землевладения. Факторами, ускоряющими дальнейшее расслоение индийского общества, были углубление имущественной дифференциации среди общинников-крестьян, пожалования правителями в индивидуальное или групповое владение представителям высших каст земель и права на эксплуатацию крестьян. В первых веках новой эры увеличилась, прежде всего за счет пожалований, земельная собственность индусских храмов и буддийских монастырей. Храмы и монастыри вели собственное хозяйство, эксплуатируя закабаленных крестьян, наемных работников, рабов.

Следствием многочисленных войн было перераспределение земли, непосредственно сказавшееся на варново-кастовой системе. Старая система варн сохранилась, но сами варны не остались неизменными. Они трансформировались под влиянием нового кастового деления. Кастами становились этнические и профессиональные группы, кланы воинов-завоевателей, религиозные секты и пр. Вне зависимости от первоначального происхождения касты по мере углубления разделения труда "выстраивались" в иерархии варнового общества в соответствии с социально-экономическим положением их членов, с их отношением к земле. Превращение раджутов в доминирующую кшатрийскую касту было прямо связано с приобретением ими права на ренту-налог с завоеванного населения, на реальное распоряжение землей.

Общая схема кастовой иерархии, связанная с правами землевладения, строилась следующим образом. Брахманы-землевладельцы, правящие династии индусских княжеств, представители административно-налогового аппарата, воины-землевладельцы, наконец, полноправные общинники — раджуто и джайны в ряде областей северной и северо-западной Индии входили в высшие брахманские и кшатрийские касты, которые якобы вели свою родословную от брахманских и кшатрийских родов Древней Индии. Варна вайшиев стала обозначать в основном сословную организацию купцов и ремесленников. Касты шудр состояли из обедневших землевладельцев, держателей земли от общины, а также ремесленников. Последняя, самая низшая группа "неприкасаемых" каст включала бесправных арендаторов и слуг общины, лишенных каких-либо владельческих прав, находившихся в полурабской, полукрепостной зависимости от полноправных общинников.

Процесс классового расслоения протекал в Индии весьма своеобразно. Он характеризовался длительным сохранением крайней мозаичности и господствующего, и эксплуатируемых социальных слоев. Общинник, уплачивающий ренту-налог, сам мог выступать эксплуататором наемных и зависимых от него работников. Кабальная эксплуатация неполноправных членов общины или внеобщинного крестьянства из "неприкасаемых" каст применялась в хозяйствах как крупных землевладельцев, так и рядовых общинников.

Утверждение власти мусульманских правителей привело к значительному изменению состава высшей правящей верхушки Индии. Значительная часть крупных индийских князей была истреблена, их земли вошли в территориальный состав султаната. Некоторые более мелкие индийские князья (раджи), признав власть султана, попали в вассальную зависимость от него. Они были обязаны выплачивать султану дань.

Вся земля султаната объявлялась государственной собственностью. Фактически земля оставалась в руках общинников-крестьян, обязанных выплачивать налоги в пользу завоевателей, которые исчислялись в значительно большем объеме, чем раньше, и по иной схеме. Все землевладельцы облагались налогами в форме *хараджа*, то есть той же ренты-налога, но немусульмане выплачивали еще подушную подать *джизью*. Оба налога достигали часто половины урожая. Часть государственного неразделенного земельного фонда была приписана непосредственно к казне. Это земли "*халисэ*", доход с которых шел

на содержание самого султана и его двора, государственного аппарата, чиновников, воинов. Другая часть была разделена на служебные надельные "икта" и роздана в условное держание за службу военную, чиновничью и пр. Условное должностное землевладение было и кратковременным и пожизненным, но часто икта передавалась за службу сыну или зятю иктадара. Владельцы икты (иктадары) собирали налоги сами или через своих слуг с пожалованных деревень или областей, присваивая лишь часть налоговых поступлений. Большая часть налогов продолжала идти в фонд государства, которое определяло размеры, форму их изъятия. Наряду с государственной собственностью существовала в султанате и частная собственность (*мульк*). Своеобразный вид частной собственности составляли земли мусульманских религиозных учреждений *вакуфы* и наследственные земли мусульманских духовных лиц (имамов). Владельцы *мульков* платили лишь десятину. Это была их привилегия.

Для Делийского султаната были характерны три ярко выраженные тенденции в развитии землевладения: 1) постепенное превращение земель икта в земли *мульк*; 2) сокращение земель *халиса* за счет расширения двух первых видов земель; 3) увеличение непосредственной доли служилой верхушки в общей сумме ренты-налога, получаемой с государственных земель. Уже во второй половине XIV в. часть иктадаров приобретает налоговый иммунитет, а икта становится во многих случаях наследственной.

Государственная собственность на землю сохранилась и в Могольской Индии. Более того, она была в значительной мере упорядочена, в том числе за счет создания земельного кадастра, составление которого было начато при Шер Хане (1540–1545 гг.) и закончено при Акбаре (1556–1605 гг.), вошедшем в историю в качестве великого правителя, отменившего, в частности, *джизью* с местного населения и четко определившего суммы налогов с каждого района.

Значительная часть земли в Могольской Индии была передана в качестве условного пожалования (*джагира*) крупным мусульманским военачальникам *джагирдарам*. *Джагирдар* был обязан содержать соответствующий величине его *джагира* и чину отряд войск (от 100 до 5 тыс. воинов), из которых и состоял основной костяк армии правителя. Владельческие права *джагирдара* или находящегося в зависимости от падишаха местного князя-раджи реализовывались в праве взимания налогов с общинников-крестьян и удержании определенной их части в свою пользу. Кроме *джагиров* существовали и владения вассальных индийских князей *заминдаров*, плативших дань падишаху.

В зависимости от форм эксплуатации земледельца вся территория Могольской Индии делилась на две части: *раяти* и *заминдари*. На территории *раяти* налоги с общинников-крестьян взимались непосредственно через государственный аппарат. Падишах следил за тем, чтобы *джагирдары* не обладали никакой ни административной, ни самостоятельной налоговой властью на своих землях. На территории *заминдари* налоги собирались самими *заминдарами*. *Заминдар* сам устанавливал в соответствии с обычаем размер платежей с крестьян и формы их получения. Эти платежи, таким образом, носили характер феодальной ренты. К *заминдарам* — "господам земли" примыкали и так называемые первичные *заминдары* — полноправные общинники, которые были хозяевами собственных участков земли. Эти участки, как правило, сдавались в аренду издольщикам или обрабатывались зависимыми людьми. Значительная часть общинной земли находилась в бессрочной аренде, не имеющей правовой защиты. Практически же арендаторы, неполноправные крестьяне-общинники, не могли быть согнаны со своих участков. Арендаторы находились в личной и поземельной зависимости от слоя полноправных общинников, оказывали им всякого рода услуги. Самый эксплуатируемый слой сельского населения состоял из безземельных крестьян.

По мере распада Могольской Индии, ослабления позиций могольских правителей усиливается власть местных *заминдаров* — и индусов, и мусульман. Складывается вассально-ленная система отношений. Иерархия прежних военных и гражданских чинов, получающих свою долю прибавочного крестьянского продукта через налоговый аппарат

государства, начинает вытесняться иерархией феодальных землевладельцев.

Государственный строй. Центральное управление. Индия VI–XII вв. представляла собой совокупность многочисленных государств-княжеств, экономически не связанных между собой. В раннеклассовых, так называемых племенных государствах сохранялись значительные пережитки родоплеменных отношений. К таким государствам относятся многочисленные территориальные образования, возникшие в результате завоеваний раджпутских кланов, в которых власть князя опиралась на военную силу соплеменников, воинов-раджпутов.

Возникающие время от времени в результате войн более крупные политические общности: Харши (VII в.), Чалукьев (VII в.), Гурджара-Пратихаров (VIII в.) и другие — были примитивными государственными образованиями, представляющими собой конгломерат тех же племенных княжеств с крайне подвижными границами, с несложившимся административным аппаратом. Во главе таких государств стояли *махараджи* — главные князья. Княжеский трон наследовался сыном или передавался преемнику по воле правителя. В некоторых мелких княжествах князья избирались. Махарадже помогали советники, входящие в совещательный орган *мантрипаришад*. В государственном аппарате значительное место принадлежало воинам и сборщикам налогов.

Отсутствие на протяжении веков государственного единства Индии восполнялось в определенной мере рано начавшим складываться религиозно-культурным единством ее многоязычного, этнически разнородного населения. Общества, как показала история Индии, связанные религиозно-культурным единством, обнаруживают высокую степень устойчивости в периоды государственных дроблений, завоеваний и массовых переселений народов.

Эта характерная черта истории страны объясняется в значительной мере спецификой самого индуизма, представляющего собой не только религиозно-философскую, но и социально-экономическую, социально-правовую систему, связанную с огромным фондом культурных ценностей, которые создавались индийским народом в течение тысячелетий (мифы, эпос, религиозная, правовая, научная литература и пр.).

Ни одна религия, пожалуй, не была так тесно связана со всеми областями духовной и материальной культуры народа, как индуизм. Это огромное хранилище древнейших исторических сведений об обычаях, традициях страны. Традиционная политическая раздробленность, слабость центрального государственного аппарата — как характерная черта средневековой Индии — восполнялись и крепостью общинной организации индийского общества, стабильное существование и саморазвитие которой мало зависело от побед и поражений того или иного стремящегося к власти правителя.

Определенное государственное единство было достигнуто вследствие завоевания Индии мусульманами. Захватнические войны мусульман в Индии начались еще в XII в. Завоеванные индийские земли включались вначале в состав государственных земель державы Гуридов, а затем с XIII в. выделились в самостоятельное государство, получившее название Делийского султаната. В 1229 году Делийский султанат был признан багдадским халифом в качестве независимого государства. Однако тесная связь правителей Дели с остальным мусульманским миром не прерывалась. Султаны Дели продолжали быть ставленниками тех или иных чужеземных правителей: среднеазиатских тюрков, таджиков, персов.

В начале XVI в. начинается вторжение в Индию тюрко-афганских завоевателей — моголов. *Империя Великих моголов* достигла своего расцвета в конце XVI–XVII в. Вместе с тем следует отметить, что мусульманские правители, в том числе и Великие моголы, несмотря на мощный политический потенциал ислама, не смогли создать в Индии ни сильной государственности, ни эффективно действующего центрального аппарата.

При монархической форме правления в системе органов государственной власти и Делийского султаната, и Могольской Индии было много общего, так как государственное управление строилось здесь в соответствии с исламской религиозной доктриной государства

мусульман. Согласно этой доктрине все верующие мусульмане должны иметь одного главу, который в своей власти ограничен только законом, проистекающим от Аллаха. Фактический объем полномочий мусульманских правителей определялся соотношением сил в непрекращающейся борьбе за власть между правителем и знатью. Так, всемогущество мусульманской знати при делийском правителе Насир-уд-дин Махмуде (1246–1265 гг.) сменилось последующим укреплением позиций султанов. Мухаммед Туглак (1325–1351 гг.) уже писал на своих монетах: "Султан — тень бога", а основатель империи Моголов Бабур (1526–1530 гг.) присвоил себе звание *падишаха*, наделенного якобы божественными правами.

Власть главы государства (султана, падишаха) была наследственной, он сам мог назначать наследника престола. В Коране содержится перечень обязанностей правителя. На первом месте среди них была охрана ислама, в том числе поддержание религиозных обрядов и преследование еретиков и "лжеучителей". Эти требования не всегда могли быть соблюдены мусульманскими правителями в завоеванной Индии, где сама жизнь часто заставляла их идти на уступки, проводить политику веротерпимости.

Мусульманским правителям принадлежала высшая законодательная и судебная власть. Толкуя нормы мусульманского права, они не могли, однако, не считаться с общепризнанным его толкованием (иджмой).

Высшим чиновником в мусульманском государстве, считавшимся вторым лицом после государя, был *визирь*, руководитель военного и финансового ведомства. Его основная обязанность состояла в том, чтобы проводить в жизнь приказания султана. Нередко вазирь сосредоточивали всю полноту власти в своих руках.

Центральное управление и в Делийском султанате, и в Могольской Индии осуществляли специальные правительственные ведомства — *диваны*, призванные, в частности, вести особые книги, содержащие различные сведения, статистические данные общегосударственного значения.

Военное ведомство, ведущее учет военной силы, численности наемного войска, личной охраны султана или падишаха, земельных и денежных пожалований, мест расположения гарнизонов, занимало особое место в мусульманском государственном механизме. Главный интендант и казначей этого ведомства осуществлял контроль над выдачей джагиров в Могольской Индии, проверял на смотрах состояние войска, его снаряжение. Финансовое ведомство контролировало учет и сбор поступлений в государственную казну: налогов, пошлин, выкупных сумм за военнопленных, податей с покоренного населения.

Особое ведомство располагало сведениями о назначении всех чиновников, о суммах, получаемых ими из государственной казны, земельных пожалованиях. Во главе этого ведомства в XVI в. стоял *мирсамана*. Он ведал также мастерскими и складами падишаха. Ведомство *садр-ус-садура* было своеобразным главным духовным и судебным управлением, которое мог возглавлять сам государь или доверенное ему лицо. В его ведение входило назначение судей.

Ни в Делийском султанате, ни в Могольской Индии не было четкого разграничения функций между придворными сановниками и государственными чиновниками. Двор Делийского султана был центром политической жизни и управления империи. При дворе особую роль играл *вакил-и-дар*, дворцовый управитель, следящий за содержанием семьи, приближенных и слуг султана, за султанской кухней и столом. Все слуги при дворе в Могольской Индии имели воинские звания и ранги, они часто осуществляли контроль за деятельностью государственных чиновников. Большую роль в центральном управлении играли личный секретарь падишаха и особый чиновник, который просматривал его указы.

Общие черты государственного механизма Делийского султаната и Могольской Индии не исключали различий между ними, которые выражались не столько в названиях государственных органов и должностей, сколько в характере политического режима. Правители Делии устанавливали свою власть в завоеванной стране методами жестокого подавления народного сопротивления и мятежных индусских правителей. Султаны,

опирающиеся на военную силу, конфисковывали имущество, непокорных убивали. Ислам в его суннитском толковании стал государственной религией, а персидский язык (фарси) — языком судебного производства. Правление моголов в Индии началось в другой внутривосточной обстановке, когда был завершён процесс "исламизации" правящей верхушки, а индусские князья и князьки признали в той или иной мере свою зависимость от мусульманских правителей. На политику падишахов стал оказывать определенное влияние индийский город.

Из могольских правителей наиболее заметный след в истории средневекового государства Индии оставил Акбар (XVI в.). В это время произошла определенная "либерализация" политического режима, показателями которой могут служить, например, и некоторое ослабление налогового тягла, и отмена при Акбаре подушной подати — джизьи, а также проводимая политика веротерпимости. Большое количество земель в это время передавалось в собственность не только мусульманского духовенства, но и индусских храмов. Произошло и некоторое изменение политики в отношении городов.

Так, например, в целях раскола зревшей торгово-ремесленной оппозиции, начиная с Акбара, на высшие должности в административном и налоговом аппарате стали назначаться торговцы, ремесленники и другие "низкородившиеся" лица. Могольские правители были последователями ханифитской (школа названа по имени ее основателя Абу Ханифы ибн Сабита 699–767 гг.) школы, одной из главных отличительных черт и требований которой был учет местных условий в управлении и судопроизводстве.

Местное управление. Введение административного деления еще в Древней Индии было прямым следствием складывающейся системы эксплуатации податного общинника-крестьянина. Империи Гуптов и Харши, например, были разделены на провинции, управляемые начальниками пограничных областей или наместниками. Провинции делились на округа. Самой мелкой административной единицей оставалась сельская община.

Мусульманские правители ввели новое административно-территориальное деление. Делийский султанат был разделен на 23 провинции. Крупные провинции делились на *шики* (области). Следующей административно-налоговой единицей была *паргана* (район), включающая ряд деревень, и *патта* — одну-две деревни. Могольская империя была разделена на 15 областей во главе с наместниками (*хакимами*). В каждую область назначались также *фоуджары* — военные начальники, *гомашты* — сборщики налогов и *котвалы* — начальники городов.

Наличие полуавтономного механизма общинного самоуправления во главе с брахманско-кшатрийской верхушкой осталось характерной чертой и Делийской, и Могольской Индии. Ни сломить, ни в должной мере подчинить себе индийские общины, особенно крупные, мусульманские правители так и не смогли. Так, например, моголы не признавали владений местных правящих кланов. Однако на практике такие административно-налоговые единицы, как паргана и патта, совпадали с клановыми владениями.

Во главе индийских общин стояли *муккадамы*, *чаудхри* (вожди) — главы доминирующих каст, *хута* — главы деревень. Они были не должностными лицами центрального аппарата, а представителями общины налогоплательщиков в их отношениях с центральной властью. Эти отношения были сродни данническим обязанностям побежденных победившему государству. Общинные должности передавались по наследству и, более того, делились среди наследников. Продолжали существовать и общинные советы — панчаяты, состоящие из представителей доминирующей касты в округе, деревне.

Армия. Прочность мусульманского правящего режима определялась боеспособностью его армии. Конница, состоящая из мусульман, была основной силой армии. Особое место отводилось дворцовой страже и другим отборным войскам. Армия в Делийском султанате была организована по десятичной системе. Военный и гражданский чин зависел от числа воинов, находящихся под командованием определенного лица; эмир

командовал 100 всадниками, мелик — 1 тыс. всадников, хан — 10 тыс. всадников. В Могольской Индии была значительно увеличена численность войск за счет наемных отрядов, оплачиваемых непосредственно из казны. Особо привилегированное положение занимали наемные воины, подчиненные непосредственно падишаху. Весьма характерно, что главы мощных земледельческих каст имели свои воинские контингенты, состоящие из зависимых от них людей. Крупные индийские общины коллективно защищали с оружием в руках свою территорию и свои права.

Суд. Отправление правосудия во всех мусульманских государствах строилось на положениях Корана, согласно которым суд отделялся от администрации и вершился специально назначенными главой государства судьями-кадиями. В судебной системе отсутствовала иерархия судебных должностей, как и различия в гражданском и уголовном судопроизводстве. Судьи были единоличными. Стабильность местных общин (деревенских, кастовых) определяла существование особых панчаятных судов, которые обладали значительными полномочиями. Они были распорядителями общинной земли, регулировали межкастовые отношения, следили за соблюдением кастовых и семейных правил, правопорядком.

Глава 30. Мусульманское право

Особенности становления и развития мусульманского права. Одним из наиболее крупных явлений в средневековой цивилизации на Востоке стало мусульманское право (шариат). Эта правовая система, которая со временем приобрела мировое значение, возникла и оформилась в рамках Арабского халифата. Процесс ее развития был тесно связан с эволюцией арабской государственности от небольшой патриархально-религиозной общины в начале VII в. (при пророке Мухаммеде) до одной из крупнейших империй VIII-X вв. при династиях Омейядов и Аббасидов.

После падения Арабского халифата мусульманское право не только не потеряло свое былое значение, но приобрело как бы "вторую жизнь" (подобно римскому праву в средневековой Европе) и стало действующим правом в целом ряде средневековых стран Азии и Африки, принявших в той или иной степени ислам (Египет, Индия, Османская империя и т. д.).

Мусульманское право вобрало в себя многие элементы предшествующих правовых культур Востока, в частности правовые обычаи и традиции, действовавшие в доисламской Аравии и на завоеванных арабами территориях. Так, при Омейядах некоторое время продолжало применяться право сасанидского Ирана, Византии, а также частично и римское право. Все эти источники оказали некоторое, хотя внешне и малозаметное влияние на становление шариата, символизируя тем самым связь восточной и западной цивилизаций. Но не они определили в конечном счете неповторимость и своеобразие шариата как самостоятельной и оригинальной правовой системы. Исключительно важную роль в становлении шариата сыграла деятельность Мухаммеда и первых четырех так называемых праведных халифов, при которых путем толкования заповедей, высказываний и поступков пророка были составлены священные книги мусульман — Коран и Сунна.

Шариат с самого начала сложился и развивался (по крайней мере в первые два века) как строго конфессиональное право. Оно было органически слито с теологией ислама, пронизано его религиозно-этическими представлениями. Согласно исламу, правовые установления рассматриваются в качестве частицы единого божественного порядка и закона, которым управляется мир. Особенно на первых порах шариат в целом и его собственно доктринально-нормативная часть (фикх) вобрала в себя не только правовые установления, но и религиозную догматику и мораль. Такая слитность (синкретизм, нерасчлененность) шариата нашла свое специфическое выражение в том, что его нормы (правила, предписания), с одной стороны, регулировали общественные ("человеческие") отношения, а с другой —

определяли отношения мусульман с Аллахом (ибадат). Введение в шариат божественного проведения и религиозно-нравственного начала нашло свое отражение в своеобразии правопонимания, а также оценке правомерного и неправомерного поведения. Так, тесная связь права с теологией ислама нашла свое выражение в установлении в шариате пяти видов действий мусульманина, которым придавался в равной мере правовой и морально-религиозный смысл: обязательные, рекомендуемые, дозволенные, предосудительные, но не влекущие за собой применения наказания, запрещенные и подлежащие наказанию. Признание божественного предопределения в шариате с неизбежностью породило и большую значимость вопроса о свободе воли мусульманина и ее пределах. Столкнувшиеся по этому поводу религиозно-философские школы заняли разную позицию. Так, одна из этих школ (джабариты) вообще отрицала свободу воли человека.

Для шариата, особенно на первых стадиях его развития, характерно внимание не к правам мусульманина, а к его обязанностям по отношению к Аллаху. Нормы, содержащие такие обязанности, достаточно широко представлены в шариате, и они определяли всю жизнь правоверного мусульманина (ежедневное совершение молитвы, соблюдение поста и правил захоронения и т. д.). Не случайно особенностью норм, составляющих шариат, является то, что они применяются только к мусульманам и в отношениях между мусульманами. Раннему исламу и шариату были присущи установления (нормы), восходящие еще к общинному строю, содержащие элементы коллективизма, милосердия, заботы о калеках и иных обездоленных. Но в шариате нашли свое отражение и представления о бессилии человека перед богом, о вытекающей отсюда созерцательности и покорности. В Коране особенно подчеркивалась необходимость для мусульманина проявлять терпение и смирение: "Терпите, ведь Аллах с терпеливыми" (8.48). Таким же образом в шариате закреплялась обязанность мусульманина подчиняться халифу и государственной власти: "Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди Вас" (4.62).

Мистико-религиозная оболочка шариата обусловила большое своеобразие составляющих его собственно правовых конструкций и понятий, тормозила формирование в нем рационалистических начал и логически обоснованной внутренней системы, как это имело место в римском праве. Однако к VIII–IX вв., когда шариат перерастает рамки патриархально-общинного и племенного восприятия мира и сталкивается с феодализирующимися общественными отношениями, он, благодаря активной деятельности мусульманских богословов-правоведов, все в большей степени движется от божественного правопонимания к рационалистическому, от казуальных методов выведения правовых норм — к логико-системным. Мусульманские ученые-юристы, не порывая с основополагающими и традиционными началами шариата, выработали целую серию новых правовых доктрин и норм (фикх), имеющих сугубо юридическую природу. Из них особую известность и авторитет в мусульманском мире приобрели Абу Ханифа, получивший титул "великого учителя" (умер в 767 году), Малик ибн Анас (умер в 795 году), Мухаммед ибн Идрис Шафии (умер в 820 году), Ахмед ибн Ханбаль (умер в 855 году).

Доктринальная разработка мусульманского права учеными-юристами, внося в него логико-рационалистическое начало и имея своим следствием создание огромной массы новых правовых норм (усложнение фикха), не означала разрыва с классическим исламом, выраженным в Коране и в Сунне. Наоборот, презюмировалось, что такие новые нормы и доктрины являются истинными, идущими от ортодоксального ислама, если только они не извращены в самой судебной практике муфтиев и муджтахидов. Таким образом, в шариате сформировались представления о том, что ислам дает нормативные ориентиры на все случаи жизни и что правильное следование ему исключает возможность внутреннего противоречия между правовыми нормами, даже если внешне они исключают друг Друга.

Одной из характерных черт средневекового мусульманского права (особенно в первые века) была его относительная целостность. Вместе с представлениями о едином боге — Аллахе — утвердилась идея единого правового порядка, имеющего универсальный характер.

Более того, возникнув первоначально на Аравийском полуострове, мусульманское право по мере расширения границ халифата распространяло свое действие на новые территории.

Но оно на первый план выдвигало не территориальный, а конфессиональный принцип. Мусульманин, находясь в любой другой стране (например, с торговыми целями), должен был соблюдать шариат, сохраняя верность исламу. Постепенно с распространением ислама и превращением его в одну из основных религий мира шариат стал своеобразной мировой системой права. Это заметно отличало его от права западноевропейских средневековых государств, для которого были характерны такие черты, как партикуляризм, ограниченные сферы действия, внутренняя несогласованность и т. д.

Как конфессиональное право шариат отличался и от канонического права в странах Европы в том отношении, что он регулировал не строго очерченные сферы общественной и церковной жизни, а выступал в качестве всеохватывающей и всеобъемлющей нормативной системы, утвердившейся в целом ряде стран Азии и Африки. Со временем нормы шариата вышли далеко за пределы Ближнего и Среднего Востока, распространили свое действие на Среднюю Азию и часть Закавказья, на Северную, а также частично Восточную и Западную Африку, на ряд стран Юго-Восточной Азии. Однако столь бурное и широкое распространение ислама и шариата повлекло за собой и все большее проявление в нем местных особенностей и различий при толковании отдельных правовых институтов и решений конкретных правовых споров. Так, со временем с утверждением двух главных направлений в исламе соответствующим образом произошел раскол в шариате, где наряду с ортодоксальным направлением (суннизм) возникло и другое направление — шиизм, которое вплоть до настоящего времени имеет доминирующие позиции в Иране, а также частично в Ливане и Йемене. Противоборство между этими направлениями нашло свое закрепление и в правовых нормах, касающихся самых разных сторон жизни государства и общества. Так, в шиизме предусматривается правовой порядок передачи государственной власти по наследству, сосредоточение светского и религиозного авторитета в руках духовных лиц — имамов, считавшихся непогрешимыми. Более того, шииты признавали только те предания о пророке Мухаммеде, в том числе являвшиеся для них правовыми указаниями, которые восходили к последнему праведному халифу — Али.

Постепенно и сторонники ортодоксального направления шариата (сунниты) сгруппировались в четыре основных толка (мазхаба), представлявших собой по существу самостоятельные правовые школы, связанные с именами перечисленных выше четырех виднейших мусульманских правоведов: ханифиты, маликиты, шафииты, ханбалиты. Наиболее распространенный из них ханифитский мазхаб (от Абу Ханифа) имел своих последователей прежде всего в таких странах, как Египет, Турция, Индия, а также на территории нашей страны.

Деятельность основных школ-мазхабов способствовала дальнейшему развитию мусульманского права, рациональному осмыслению новых явлений общественной жизни, выработке целого ряда абстрактных правил, отказу от некоторых явно устаревших ("пережиточных норм"). Но постепенно углублялись противоречия и расхождения между этими школами по важнейшим вопросам права.

Ряд самостоятельных школ возник и на базе шиизма: исмаилитская, джафаритская, зейдитская и др. Таким образом, к концу средневековья шариат, доктринальная и нормативная основа которого усложнилась и претерпела существенные изменения, стал чрезвычайно сложным и необычным правовым явлением.

Источники мусульманского права. Важнейшим источником шариата считается Коран — священная книга мусульман, состоящая из притч, молитв и проповедей, приписываемых пророку Мухаммеду. Исследователи находят в Коране положения, которые заимствованы из более ранних правовых памятников Востока и из обычаев доисламской Аравии. Составление Корана растянулось на несколько десятилетий. Канонизирование его содержания и составление окончательной редакции произошло при халифе Омаре (644–656 гг.). В самом Коране его правовая значимость определяется следующим образом:

"И так мы ниспослали его как арабский судебник". Коран предписывает арабам также покинуть "обычай отцов" в пользу правил, установленных исламом (2,165–166).

Коран состоит из 114 глав (сур), расчлененных на 6219 стихов (аята). Большая часть этих стихов имеет мифологический характер, и лишь около 500 стихов содержат предписания, относящиеся к правилам поведения мусульман. При этом не более чем 80 из них можно рассматривать как собственно правовые (в основном это правила, относящиеся к браку и семье), остальные касаются религиозного ритуала и обязанностей.

Большая часть положений Корана носит казуальный характер и представляет собой конкретные толкования, данные пророком в связи с частными случаями. Но многие установления имеют весьма неопределенный вид и могут приобретать разный смысл в зависимости от того, какое содержание в них вкладывается. В последующей судебно-богословской практике и в правовой доктрине в результате достаточно свободного толкования разными мазхабами они получили свое выражение в противоречивых, а нередко и во взаимоисключающих правовых предписаниях.

Другим авторитетным и обязательным для всех мусульман источником права была *Сунна* ("священное предание"), состоящая из многочисленных рассказов (хадисов) о суждениях и поступках самого Мухаммеда. В хадисах также можно встретить различные правовые напластования, отражающие развитие социальных отношений в арабском обществе. Окончательное редактирование хадисов было осуществлено в IX веке, когда были составлены 6 ортодоксальных сборников сунны, наибольшую известность из которых получил сборник Бухари (умер в 870 году). Из сунны также выводятся нормы брачного и наследственного, доказательственного и судебного права, правила о рабах и т. д. Хадисы Сунны, несмотря на их обработку, содержали много противоречащих друг другу положений, и выбор наиболее "достоверного" из них всецело относился к усмотрению богословов-правоведов и судей. Считалось, что имеют силу лишь те хадисы, которые были пересказаны сподвижниками Мухаммеда, причем, в отличие от суннитов, шииты признавали действительными лишь те хадисы, которые восходили к халифу Али и к его сторонникам.

Третье место в иерархии источников мусульманского права занимала *иджма*, которая рассматривалась как "общее согласие мусульманской общины". Наряду с Кораном и Сунной она относилась к группе авторитетных источников шариата. Практически *иджма* складывалась из совпадающих мнений по религиозным и правовым вопросам, которые были высказаны сподвижниками Мухаммеда (число которых насчитывало более 100 человек) или впоследствии наиболее влиятельными мусульманскими теологами-правоведами (имамами, муфтиями, муджтахидами). *Иджма* развивалась как в виде интерпретаций текста Корана или Сунны, так и путем формирования новых норм, которые уже не связывались с Мухаммедом. Они предусматривали самостоятельные правила поведения и становились обязательными в силу единодушной поддержки муфтиев или муджтахидов. Такой способ развития норм мусульманского права получил название "иджтихад". Правомерность *иджмы* как одного из основных источников шариата выводилась из указания Мухаммеда: "Если вы сами не знаете, спросите тех, кто знает".

Большая роль *иджмы* в развитии шариата состояла в том, что она позволяла правящей религиозной верхушке Арабского халифата создавать новые правовые нормы, приспособленные к меняющимся условиям феодального общества, учитывающие специфику завоеванных стран. К *иджме* в качестве источника права, дополняющего шариат, примыкала и *фетва* — решения и мнения отдельных муфтиев по правовым вопросам. В VIII–IX вв. в связи с широким распространением метода "иджтихада" мусульманское право активно развивалось доктринальным путем в трудах указанных выше основателей главных правовых школ, а позднее в работах их ведущих последователей и учеников. В X в. рядом авторитетных теологов-юристов были проведены работы по систематизации накопленного к этому времени обширного правового материала. С XI в. в связи с обострившимися противоречиями между главными течениями в исламе и разными правовыми школами (мазхабами) мусульманское право фактически не существовало как единая система.

Внутренние расхождения в нем приобрели существенный характер.

Одним из наиболее спорных источников мусульманского права, вызывавшим острые разногласия между разными направлениями, был *кияс* — решение правовых дел по аналогии. Согласно киясу правило, установленное в Коране, Сунне или иджме, может быть применено к делу, которое прямо не предусмотрено в этих источниках права. Кияс не только позволял быстро урегулировать новые общественные отношения, но и способствовал освобождению шариата в целом ряде моментов от теологического налета. Но в руках мусульманских судей кияс часто становился и орудием откровенного произвола. Наиболее широко данный метод был обоснован Абу Ханифа и его последователями — ханифитами. Наиболее резко против кияса выступили ханбалиты и особенно шииты, которые вообще не признавали его в качестве источника права.

В качестве дополнительного источника права шариат допускал и местные обычаи, не вошедшие непосредственно в само мусульманское право в период его становления, но не противоречившие прямо его принципам и нормам. При этом признавались правовые обычаи, сложившиеся в самом арабском обществе (урф), а также у многочисленных народов, покоренных в результате арабских завоеваний или же подвергшихся в более позднее время влиянию мусульманского права (адаты), в частности у народов, населявших нашу страну.

Наконец, производным от шариата источником мусульманского права были указы и распоряжения халифов — *фирманы*. В последующем в других мусульманских государствах с развитием законодательной деятельности в качестве источника права стали рассматриваться и играть все возрастающую роль законы — *кануны*. Фирманы и кануны также не должны были противоречить принципам шариата и дополняли его прежде всего нормами, регламентирующими деятельность государственных органов и регулирующих административно-правовые отношения государственной власти с населением.

Правовое регулирование имущественных и семейных отношений. Хотя шариат не знал как такового деления права на отдельные отрасли, гражданско-правовые отношения, в частности право собственности, договорное и деликтное право, получили в нем заметное развитие.

Особое внимание в шариате уделялось "праву личного статуса". В Арабском халифате, как и во многих других государствах средневекового Востока, не сложился особый сословный строй с присущей ему иерархией неравноправных сословно-корпоративных групп. По мусульманскому праву юридическое положение лица определялось его вероисповеданием. Полноправный личный статус по шариату имели только мусульмане. Лица, исповедовавшие христианство или иудаизм (так называемые зиммии), находились в приниженном положении и были обязаны уплачивать тяжелый государственный налог (джизья). Нормы шариата применялись к ним лишь в тех случаях, когда они заключали сделки с мусульманами или совершали преступления. Развитие социальных отношений оказало влияние на положение рабов. Они не признавались субъектами права, но могли с согласия своих хозяев вести торговые операции и приобретать имущество. Отпуск рабов-мусульман на волю рассматривался как богоугодное дело. Характерной чертой правового статуса личности по шариату являлось также неравенство мужчины и женщины.

Поскольку согласно религиозным представлениям шариата субъектом права являлся лишь Аллах, то мусульманин рассматривался как носитель установленных богом обязанностей. Лишь в той мере, в какой он соблюдал свой религиозный долг, следуя велениям ислама, он получал право на предусмотренные шариатом притязания и на другие юридические возможности. Поэтому мусульманские правоведы разрабатывали не столько вопрос о правоспособности, сколько о дееспособности лица, то есть о его возможности участвовать в сделках и в иных правовых актах. Гражданская дееспособность рассматривалась в качестве необходимого условия для приобретения имущественных прав. В полном объеме дееспособность предоставлялась лицам, достигшим совершеннолетия и находившимся в здравом рассудке. Право устанавливать факт достижения совершеннолетия в каждом отдельном случае осуществлялось судьей, который решал этот вопрос по своему

усмотрению. Было известно также понятие ограниченной дееспособности для малолетних, слабоумных, лиц, находившихся в состоянии опьянения и т. д.

Важное место в мусульманской правовой доктрине занимали нормы, регламентирующие имущественные отношения. Прежде всего в правовой доктрине было закреплено представление об имуществе как объекте вещных прав. Особую категорию составляли вещи, которые не могли или не должны были находиться в собственности мусульманина. Это — воздух, море, пустыня, мечети, водные пути и т. п. Не признавалась собственность мусульман и на так называемые "нечистые вещи" — вино, свинину, книги, противоречащие положениям ислама, и т. д. Нередко в ходе арабских завоевательных походов эти вещи подвергались уничтожению, хотя вопрос о праве на истребление имущества, принадлежащего неверным, был спорным и трактовался по-разному в различных мазхабах. Мусульманскому праву было известно также деление вещей на движимые и недвижимые, заменимые и незаменимые, характеризующиеся индивидуальными признаками и не имеющие таковых и т. д. Большое внимание мусульманские правоведы уделяли классификации земельных имуществ. В особые группы выделялось государственное имущество, земли, принадлежащие частным лицам, брошенные земли, земли, непригодные для обработки и т. п.

В шариате подробно определялись способы возникновения права собственности, причем по некоторым из них правоведы, представители разных мазхабов, высказывали разноречивые мнения. Завоевательные походы арабов с большой остротой поставили вопрос о правомерности военных захватов, о самом порядке возникновения права собственности на захваченное имущество. Завоеванные земли по общему правилу рассматривались как собственность государства и поступали в распоряжение халифов и эмиров. Правовой статус иного имущества, добытого у неприятеля, определялся прежде всего в зависимости от того, было оно получено насильственным или ненасильственным путем. Имущество, захваченное силой, делилось на несколько частей, размер которых по-разному определялся в отдельных мазхабах. Одна из них переходила в собственность добытчика, вторая должна была быть передана государству, третья — мечетям и т. д. Шариату были известны и такие способы приобретения права собственности, как наследование, договор, находка вещи. В последнем случае своеобразным было то, что владелец земли, нашедший на своем участке чужую вещь, становился ее собственником.

Сложившийся в мусульманских государствах строй отношений собственности тщательно регламентировался и охранялся нормами шариата. Праву частной собственности приписывалось божественное происхождение, оно рассматривалось как постоянное и неограниченное, а собственник имел абсолютную свободу распоряжения своим имуществом. Незыблемость частной собственности выводилась непосредственно из Корана, где говорилось: "И не простирай своих глаз на то, чем мы наделили некоторые пары" (20, 31).

Особый правовой режим имели земли, составлявшие первоначальную территорию мусульманской общины (Мекка с прилегающей территорией), которые назывались *хиджаз*. На этих землях могли селиться только мусульмане, здесь нельзя было рубить деревья, охотиться и т. п. Население покоренных земель, как правило, теряло свои собственнические права, которые переходили государству. Землевладельцы же рассматривались теперь как арендаторы и обязаны были платить тяжелый налог (*харадж*).

Частная феодальная собственность в Арабском халифате (*мульк*) имела подчиненное значение по сравнению с государственной собственностью и общинным землепользованием и не получила широкого распространения. В отличие от феодальной собственности в странах Европы она не имела иерархической структуры, не связывалась условиями службы. С ростом государственного земельного фонда и развитием феодальных отношений получили распространение и условные формы земельных владений. Часть захваченных земель стала предоставляться отдельным представителям феодальной верхушки за военную или государственную службу (*икта*). Владелец такой земли (иктадар) получал право собирать в свою пользу подати с подвластного населения. Поскольку икта со временем стала

передаваться по наследству, по своему фактическому положению она приближалась к землям, закрепленным по праву собственности. Согласно первоначальному толкованию Корана пресная вода, также как и воздух, считалась общим достоянием. Но постепенно колодцы, пруды и мелкие озера переходили в собственность крупных землевладельцев. Лишь значительные реки и озера по-прежнему входили в общую систему общинной и государственной собственности, что определялось необходимостью проведения совместных ирригационных работ, осуществляемых под контролем должностных лиц.

Своеобразным институтом шариата, связанным с вещными правами, был *вакуф*, представлявший собой имущество (обычно недвижимое), переданное собственником на какие-либо религиозные или благотворительные цели (мечетям, медресе и т. д.). Лицо, установившее вакуф, теряло право собственности на данное имущество, но сохраняло за собой право выступать в качестве управляющего вакуфом и резервировать определенный доход с вакуфа для себя и своих наследников. Имущества, составляющие вакуф, не могли быть предметом купли-продажи, залога и т. д. Вакуфные земли, однако, могли сдаваться в аренду или обмениваться на равноценное земельное имущество. Данный институт широко использовался богатой верхушкой с целью уклонения от уплаты высоких налогов, поскольку имущество, составляющее вакуф, освобождалось от государственного обложения.

В шариате в отличие от римского права не формулировалась общая концепция обязательства, но практические вопросы договорного права, опосредовавшего торгово-денежный оборот, получили всестороннюю разработку. Обязательства делились на возмездные и безвозмездные, двусторонние и односторонние, срочные и бессрочные. Характерным для мусульманского общества было распространение специфических односторонних обязательств — обетов.

Договор по шариату рассматривался как связь, возникающая из взаимного соглашения сторон, которое, однако, в условиях имущественного неравенства имело чисто формальный характер. Условия договора могли быть выражены в любом виде: в документе, в неофициальном письме, устно. Заключенные договоры рассматривались как незыблемые. Обязанность соблюдать "свои договоры" рассматривалась в Коране (23,8) как священная. Недействительными считались договоры, заключенные с безнравственными целями с использованием "нечистых" или изъятых из оборота вещей.

Мусульманские правоведы не ставили жестких условий, касающихся формы выражения воли сторон в договоре. Согласие сторон на вступление в договор, условия договора могли быть выражены в документе, устно и в виде неофициального письма. В шариате подробно регламентировались различные виды договоров: купля-продажа, заем, дарение, наем, ссуда, хранение, товарищество, союз и т. д. В связи с широким развитием торговли одним из наиболее разработанных договоров была купля-продажа. О правомерности торговли "по взаимному согласию" говорилось еще в Коране (4,33).

Договор купли-продажи допускался лишь в отношении реально существующих вещей, и только в ханифитском мазхабе признавалась продажа вещей, которые должны быть произведены в будущем. В случае обнаружения скрытых недостатков в купленных вещах (болезнь у раба, животного и т. п.) покупатель мог расторгнуть договор.

В шариате содержались положения, которые формально осуждали ростовщичество. Еще в Коране говорилось, что "Аллах разрешил торговлю и запретил рост" (2,276). Но на практике этот запрет часто нарушался. Запрещалось обращать должника в рабство за неуплату долгов, но его можно было заставить отработать свой долг кредитору. Такая форма расчета с кредитором соответствовала развитию феодальных форм эксплуатации.

Большое внимание в мусульманском праве уделялось отношениям имущественного найма, прежде всего аренде земли. Было известно несколько видов найма, причем первостепенное внимание уделялось вопросам размера и порядка взимания арендной платы в пользу собственника. Широкое распространение в арабском обществе получили договоры союза и товарищества. Эта правовая форма использовалась для совместного орошения земли, снаряжения торговых караванов и т. д.

Мусульманская религия и шариат рассматривают безбрачие как нежелательное состояние, а брак как религиозную обязанность мусульманина. Но на деле брачный договор нередко выступал как своеобразная торговая сделка. Формально для заключения брака требовалось согласие сторон, в том числе и невесты (только шафииты не считали такое согласие обязательным). Но поскольку считалось, что волю невесты вправе выразить родители, брачный договор часто превращался в замаскированную форму продажи девушки. Фактически отец распоряжался брачной судьбой своих дочерей, стремясь при этом получить максимально высокий выкуп. Так как согласно преданию Мухаммед женился на Айше, когда ей исполнилось девять лет, этот возраст был признан как достаточный для вступления в брак женщин. У шиитов допускался временный брак, заключенный на определенный срок. По шариату мусульманин не имел права вступать в брак с неверующими и отступниками от ислама. Браки, заключенные с нарушением этих условий, расторгались. Но мусульманину разрешалось жениться на женщинах, исповедующих другую религию, поскольку предполагалось, что муж обратит свою жену в мусульманскую веру. Женщине-мусульманке было запрещено выходить замуж за иноверца.

Коран признавал за мусульманином право иметь до четырех жен одновременно. Кроме того, можно было иметь наложниц из числа рабынь. Но муж обязывался предоставить каждой жене имущество, жилище и одежду, которые соответствовали его положению. На практике содержать нескольких жен, а тем более специальные гаремы с невольницами могли лишь представители верхушки феодального общества.

Мусульманская религия обосновывала приниженное и зависимое положение женщины в семье. Превосходство мужа обосновывалось следующим указанием в Коране: "Мужья стоят выше жен потому, что бог дал первым преимущество над вторыми, и потому, что они из своих имуществ делают траты на них" (4,38).

Жена не участвовала в расходах по дому, которые возлагались на мужа, но была обязана вести домашнее хозяйство, воспитывать детей. Ее право участвовать самостоятельно в имущественном обороте было крайне ограничено. Маликиты, например, считали, что жена без согласия мужа может распоряжаться не более чем третьей частью имущества.

Коран разрешал мужу применять к женам различные наказания, включая телесные: "А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте, и покидайте их на ложах, и ударяйте их" (4,38).

В мусульманском праве подробно определялись поводы к разводу и его процедура. Любой из четырех браков мог быть расторгнут, число последующих браков и разводов не регламентировалось. Шариат знал несколько видов разводов, различавшихся как по самому порядку, так и по его юридическим последствиям. Например, был возможен временный развод, предусматривающий своеобразный испытательный срок. Хотя поводы для развода были точно определены (отступничество от ислама и т. д.), муж мог развестись с женой и без объяснения причин в упрощенной форме (талак), произнеся одну из установленных фраз: "ты отлучена" или "соединись с родом". В случае развода муж должен был выделить жене необходимое имущество "согласно обычаю". Разведенная женщина в течение трех месяцев оставалась в доме бывшего мужа, чтобы определить, не является ли она беременной. В случае рождения ребенка он должен был быть оставлен в доме отца. Жена могла требовать развода только через суд, ссылаясь лишь на строго очерченные основания: муж имел физические недостатки, не выполнял супружеских обязанностей, жестоко обращался с женой или не выделял средств на ее содержание.

Чрезвычайно сложным и запутанным было наследственное право, которое к тому же имело существенные различия в разных правовых школах. Признавались два порядка наследования: по завещанию и по закону. Завещание не могло составляться в пользу законных наследников, затрагивать более трети имущества завещателя, его составление требовало присутствия двух свидетелей. Особенно разработанным был порядок наследования по закону. Из имущества умершего прежде всего покрывались расходы, связанные с его погребением, затем выплачивались все его долги. Особенностью шариата

было то, что наследованию подлежали только имущественные права умершего, а не обязанности, которые не могли переходить наследникам.

Оставшееся имущество переходило к законным наследникам умершего; они делились на несколько категорий, внутри которых устанавливалась своя очередность призвания к наследству. Так, в первую очередь наследство получали дети умершего, затем его братья, дяди и т. д. Наследственная доля женщин была вдвое меньше доли мужчин.

На получение наследства не имели права вероотступники, разведенные супруги, лица, которые, хотя бы и неумышленными действиями, вызвали смерть наследодателя. Лишь маликиты признавали право на наследство за убийцей, если он руководствовался справедливыми мотивами.

Преступления и наказания. Нормы уголовного права представляли собой наименее разработанную часть шариата. Они отличались архаичностью, отражали сравнительно низкий уровень юридической техники. Отсутствовало общее понятие преступления, слабо были разработаны такие институты, как покушение, соучастие, смягчающие и отягчающие вину обстоятельства и т. п.

Еще средневековые мусульманские правоведы разделили все преступления на три группы. Первую из них составляли преступления, которые восходили, согласно мусульманской доктрине, к указаниям самого Мухаммеда. Они трактовались как посягательства на "права Аллаха" и не допускали прощения. Сюда относилось прежде всего отступничество от ислама, каравшееся смертной казнью. Столь же сурово карались наиболее дерзкие преступления против порядка управления — бунт и сопротивление государственным властям. К этой же группе преступлений, объявленных тяжким религиозным грехом, относились кражи, употребление спиртных напитков, прелюбодеяние, а также ложное обвинение в прелюбодеянии.

Вторую группу преступлений составляли противоправные действия, которые рассматривались как посягательства не на права всей мусульманской общины, а на права отдельных лиц. Нормы, регулирующие их, восходили к обычаям родоплеменного строя, сохраняли следы непосредственной расправы потерпевшего с обидчиком. Так, умышленное убийство или смертельное ранение влекли за собой кровную месть со стороны родственников убитого. В шариате, правда, уже предусматривалась возможность замены кровной мести денежным выкупом, если родственники убитого прощали убийцу. За неумышленное убийство устанавливался выкуп, который сопровождался двухмесячным постом и отпуском на волю раба-мусульманина. Для других преступлений данной группы, в частности за телесные повреждения, ответственность также возникала по принципу возмездия, т. е. талиона. Этот принцип отчетливо закрепляется в Коране, где предписано: "душа — за душу, и око — за око, и нос — за нос, и ухо — за ухо, и зуб — за зуб, и раны — отмщение" (5, 49).

Наконец, третью группу преступлений составляли действия, которые не рассматривались как наказуемые в период становления халифата, а поэтому не упоминались в основных источниках шариата. С развитием правовой доктрины и стремлением имущей верхушки укрепить сложившийся общественный порядок начинают рассматриваться как уголовные преступления и наказываться в судебном порядке такие действия, как неуплата закята, несоблюдение поста, легкие телесные повреждения, оскорбления, хулиганство, обвешивание и мошенничество, взяточничество, растрата государственных средств, азартные игры и т. п. Мера наказания по таким делам зависела от мнения, высказываемого муджтахидами, и от усмотрения отдельных судей.

Наказания по мусульманскому праву отразили как архаичные и догосударственные способы возмездия, так и достаточно разработанные меры целенаправленной уголовно-правовой репрессии.

Преступления первой и второй группы влекли за собой строго фиксированные и суровые наказания (хадд и кисас). Наказания за преступления, относящиеся к третьей группе (тазир), отличались большим разнообразием и гибкостью (от 4 до 11 видов таких наказаний),

но также имели ярко выраженный карательный характер. Как отмечалось выше, шариат допускал и тем самым узаконивал кровную месть (в несколько ограниченных по сравнению с доисламским периодом размерах), талион, а также выкуп в вещах или деньгах (до 100 верблюдов или 1 тыс. динаров золота) как компенсацию потерпевшему или его родственникам, если они отказывались от своего права на кровную месть.

В шариате предусматривались типичные для средневековья жестокие и устрашающие наказания. Так, смертная казнь, назначавшаяся по целому ряду преступлений, обычно совершалась публично (путем повешения или четвертования), а затем тело казненного выставлялось на всеобщее поругание. Применялись и такие виды казни, как утопление и закапывание заживо. Широко использовались также членовредительские и телесные наказания — отсечение пальцев, рук и ног, бичевание, битье камнями и т. п. Тюремное заключение в Арабском халифате применялось обычно для содержания преступников до суда, но постепенно стало использоваться и как мера наказания, причем в отдельных случаях назначалось пожизненное заточение. Лишение свободы выражалось также и в домашнем заключении или в помещении в мечеть. Мусульманское право знало также имущественные санкции (конфискации, штрафы и т. п.) и позорящие наказания — бритье бороды, лишение права носить чалму, публичное осуждение и т. д., а также ссылку и высылку (за мелкие преступления).

Судебный процесс. Процесс по мусульманскому праву носил, как правило, обвинительный характер. Дела возбуждались не от имени государственных органов, а заинтересованными лицами (за исключением преступлений, направленных против государственной власти). Различия между уголовными и гражданскими делами (в самом судебном процессуальном порядке) практически отсутствовали. Судебные дела рассматривались публично, обычно в мечети, где могли присутствовать все желающие. Стороны должны были сами вести дело, не прибегая к помощи адвокатов.

Процесс проходил устно, письменное делопроизводство не применялось, хотя со времени правления Аббасидов по гражданским делам составлялись судебные протоколы. Основными доказательствами были признания сторон, показания свидетелей, клятвы. Дело должно было решаться на одном заседании и не могло откладываться на следующий день. По существу процесс в суде превращался в своеобразное состязание сторон, где, естественно, богатый и бедный не были в равном положении. При вынесении решения судья, за исключением сравнительно небольшой категории дел, обладал большой, свободой усмотрения, что давало ему возможность руководствоваться личными симпатиями и учитывать социальное положение сторон. Особенностью процессуального права шариата было то, что судебное решение не рассматривалось как окончательное и бесповоротное. В случае установления новых фактов и обстоятельств по рассмотренному ранее делу судья мог пересмотреть свое собственное решение. Это открывало простор для злоупотреблений и произвола. При оценке доказательств в суде господствовал формализм. Так, полным доказательством по делу считались показания двух достойных доверия свидетелей-мусульман. Показания женщин рассматривались как половинные доказательства. При отсутствии достоверных или убедительных доказательств применялась клятва, которую обычно должен был произнести ответчик или обвиняемый. Клятва, произнесенная по особой торжественной форме и с ссылкой на Аллаха, принималась как веское доказательство в судебном процессе. Она освобождала обвиняемого от ответственности или по крайней мере смягчала наказание (например, при обвинении в умышленном убийстве). Признание обвиняемого, если оно было сделано совершеннолетним, вменяемым, не под влиянием принуждения, рассматривалось в качестве доказательства, достаточного для вынесения решения суда.

Глава 31. Основные черты права средневекового Китая

Источники права. Развитие китайского средневекового права проходило главным образом по линии разработки норм уголовного права, регулирования сословно-ранговых различий, налоговых повинностей населения, обязанностей различных категорий держателей государственных земель, а также лиц, ответственных за сохранение государственной собственности, за пополнение государственной казны. Все эти тесно связанные между собой нормы и составляли содержание многочисленных правовых памятников, династийных сводов законов, получивших название кодексов.

В династийных сводах законов костяк норм создавался основателем династии (эти нормы со временем приобретали черты божественного установления), а его преемники расширяли, дополняли этот костяк своими законодательными постановлениями, совершенствуя их.

Начиная с Хань, сборники законов неизменно строились на закреплении стабильного ядра традиционно-правовых норм — *люй*, которые дополнялись новыми — *лин*. Постепенно между люй и лин произошло разделение по сферам правового регулирования: люй включали уголовные законы, а лин — административные постановления и пр.

Большая работа по систематизации законов была проведена в суйском (VI в.) и танском (VII в.) Китае. При династиях Суй (581–618 гг.) и в первый период правления Тан кодексы подвергались пересмотру каждое царствование. Первым дошедшим до нас сводом законов был кодекс VII в. династии Тан ("Тан люй шу-и").

Новая активизация законодательной деятельности китайских императоров имела место в период правления всекитайской династии Сун в связи с усилением власти центрального правительства. В 960–963 гг. было составлено "Исправленное и пересмотренное собрание уголовных законов", почти целиком повторяющее танский кодекс.

В связи со значительным увеличением текущего законодательства работа по классификации законов и постановлений продолжалась и в последующие годы. В конце XI в. в Китае было создано специальное бюро по пересмотру и классификации законов, которое, в частности, подготовило "Свод законов из 900 статей". В конце XIV в. увидел свет "Свод законов династии Мин", воспроизводивший многие положения предшествующих кодексов. Характерно, что эта практика не была изменена и после установления в Китае маньчжурской династии Цин (1644–1912 гг.). Уже в 1644 году, после захвата маньчжурами Пекина, началась работа по изучению минского кодекса, одной из целей которой было внесение в него исправлений и изменений в соответствии с новыми политическими реалиями.

В результате работы маньчжурских придворных сановников и судей в 1647 году был создан кодекс, подавляющее большинство положений которого было заимствовано из старого кодекса династии Мин (1369–1644 гг.), причем часть из них в виде основных, коренных положений (*люй*), которые не разрешалось изменять. Более трехсот положений цинского кодекса было взято из дополнительных постановлений минского кодекса, в который, в свою очередь, вошли без всяких изменений многие положения танского кодекса. Составленные на основе старых кодексов, маньчжурские кодексы XVII в. почти без изменений действовали в Китае вплоть до начала XX в., определяя содержание принципов и норм традиционного китайского права.

Уголовное право. Средневековое право Китая, его династийные кодексы создавались в условиях сложившихся в древности стереотипов массового правосознания китайцев, воспринявших идеологию ортодоксального конфуцианства с его синтезом конфуцианства и легизма.

Один из этих стереотипов исходил из веры китайцев в исключительную эффективность взаимодействующих друг с другом моральных норм (*ли*) и жестких правовых норм (*фа*). В танском кодексе, закрепившем законченную нормативную основу традиционного права, прямые ссылки на моральные нормы *ли*, на конфуцианские произведения встречаются более чем в 60 случаях. Вместе с тем кодекс исходит из легистских требований о коллективной ответственности, о поощрении доносов и пр. Правда, при этом под прямым воздействием высказывания Конфуция, осуждавшего донос на родителей и родственников как нарушение

священного принципа "сяо", в кодексе предусматривалось наказание смертной казнью за донос на прямых родственников в первом и втором поколениях.

С действием этого стереотипа связана и другая черта массового сознания, восходящая к легизму. Главная цель закона — не регулирование сферы свободы личности, а репрессия, санкция, дополняющая традиционные принципы повиновения старшим, воле правителя. Более того, с правом в массовом сознании стало ассоциироваться лишь уголовное право, которое и получило наибольшее развитие в китайской правовой культуре. Доминирующие нормы китайского уголовного права применялись не только в случае совершения преступления, но и при простом нарушении морали. Примером торжества традиционного правосознания может служить одно из показательных положений танского кодекса, предусматривающее наказание в виде битья палками за абстрактное нарушение моральной нормы, "за то, что не следует делать".

Жесткая правовая градация людей, непосредственно воздействующая на оценку тяжести любого аморального поведения в зависимости от пола, возраста, места в иерархии родственных отношений и в социальной иерархии, затушевывала социально-классовые различия в традиционном праве, формировала устойчивые представления об уголовном праве как о защитнике общенациональных интересов, требующем неукоснительного соблюдения.

Преступник как субъект преступления мог быть и свободным, и рабом. В тех случаях, когда в кодексах не было специальных указаний, лично несвободный буцуй привлекался к суду как свободный. Но это обстоятельство не исключало сугубо сословного принципа применения наказания за многие виды преступлений, а к вещам как объектам преступления могли относиться и лично несвободные люди.

Говоря об общих принципах уголовного права, следует отметить, что китайский законодатель учитывал в ряде случаев формы вины: умысел и неосторожность, — но не всегда последовательно. Формальная неопределенность, размытость границ моральной нормы ли и как следствие этого отсутствие сформулированного в законе правового понятия, определения препятствовали четкому разграничению в праве форм вины, приводили к частому использованию при вынесении наказаний таких категорий, как неведение, неумышленность, небрежность, забывчивость, ошибка. Эти понятия широко применялись еще в древности в качестве оснований для помилования.

В III–IV вв. правовая доктрина главным показателем преднамеренности преступления стала считать составление плана его совершения. Предумышленное преступление по танскому кодексу отличалось не только составлением плана, но предварительным оговором двух или более человек.

Законодательство, в том числе и танское, не знало и разработанного института необходимой обороны, но освобождало от ответственности ближайших родственников — сына, внука и пр., защищавших от нападения отца, мать, деда, бабуку, ибо негативные последствия этих действий, вплоть до убийства нападавшего, не были продиктованы их преступной волей. В этом же ключе, например, оценивалось и преступное деяние слуги, совершенное по приказу хозяина. Требование "сыновьего благочестия" неизменно диктовало закрепление вышеуказанных норм в китайском законодательстве вплоть до XX в., также как и норм о признании преступным доноса на своих ближайших родственников и об освобождении от ответственности за укрывательство членов семьи, совершивших преступление.

По танскому кодексу смягчались, как правило, наказания за преступления по трем категориям лиц: "старым и малым", а также инвалидам. Но часто детям преступника грозила продажа в рабство. Женщины могли быть казнены, но не могли быть сосланы, а казнь беременной женщины отсрочивалась на 100 дней после рождения ребенка.

Классификация преступлений в зависимости от их общественной опасности в свете конфуцианской морали покоилась в традиционном праве на концепции "10 зол", сложившейся в глубокой древности и пережившей века. При этом объектом преступного

посягательства выступал ритуал, нарушение которого в форме непокорства, сыновьей непочтительности, несогласия и пр. определяло крайнюю расплывчатость уголовно-правовой нормы, дающей возможность самому судье оценивать тяжесть преступления, относить к той или иной ритуальной категории практически любое преступление. Это свойство "10 зол" во все века ценилось в Китае, где не испытывали уважения к писаному закону, не допускающему расширенного толкования правовой нормы.

К первому из "10 зол" относился "заговор о мятеже против государя", в категорию-которого мог быть отнесен сговор о любом причинении вреда императору. Главное в этой категории преступлений — направленность преступного посягательства против императора, "сына неба", естественных "небесных" установлении. В том же плане трактовались последующие две формы зла. "Великое непокорство", бунт против существующих порядков и морали, — конкретно к этой категории преступлений был отнесен умысел с целью разрушить, попытка разрушить или разрушение храма и могил предков императора или императорской резиденции. Третье зло — "заговор, измена", означающие измену императору, государству, переход на сторону его врагов, мятеж, бегство из страны или попытка побега из осажденного города.

Все лица, совершившие эти преступления, а также члены их семей считались "неисполнившими долг подданных". Преступники, их отцы и сыновья старше 16 лет подлежали смертной казни через обезглавливание, женщины семьи (матери, незамужние дочери, жены, наложницы — вместе со слугами) конфисковывались в качестве рабов.

В логической связи с первыми тремя формами зла находились и последующие преступления. Четвертое зло — "неподчинение, непокорство" — охватывало преступления против близких родственников, убийство или избиение деда, бабушки, родителей, умысел убить их, убийство старших братьев, сестер, близких кровных родственников мужа (но не жены): его родителей, бабушки или деда.

Следующее, пятое зло — "несправедливость, порочность" — означало поведение, противоречащее естественному порядку вещей, преступления, совершенные с особой жестокостью, злобностью. Конкретно сюда были отнесены убийства в одной семье трех человек (если они не совершали преступлений, за которые полагалась смертная казнь) или совершение преступления с особой жестокостью, например с расчленением трупа, а также все виды колдовских магических действий, приготовление, хранение и передача другому лицу ядов и пр.

Шестое зло — "выражение великого непочтения". В его основе была группа преступлений, связанных с нарушением особо значимых запретов ли, к числу которых были отнесены, например, кража предметов культа, а также вещей, используемых императором (императорской печати, печатей его жены, матери, бабушки), а также оплошности, допущенные при приготовлении ему пищи, лекарства, злословие в его адрес. Все лица, совершившие действия, угрожающие здоровью императора или причинившие ему моральный или физический вред (например, не выполнившие или подделавшие его указ), подлежали давлению. При этом речь шла о такой исключительной умысел форме вины как небрежность, ошибка. В противном случае преступления относились к первому злу, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Седьмые, восьмые, девятые и десятые формы зла так или иначе были связаны с защитой нравственного порядка в семье, рассматриваемого в качестве основы социального порядка. Седьмое зло — "выражение сыновьей непочтительности", неподчинение родителям. К нему относились, например, обвинение в неблагоприятных действиях деда, бабушки, родителей, ругань в их адрес, их плохое содержание, выделение из семьи и раздел имущества без их согласия, вступление в брак во время ношения траура или ношение в это время нетраурной одежды и пр.

Восьмое зло — "несогласие, разногласие" между кровными родственниками. К этой категории относился широкий спектр преступных действий: от умысла убить или продать в рабство близкого родственника до избиения женой мужа и доноса на родственников

старшего поколения.

Девятое зло — "несправедливость, неправедность" — включало в себя преступления, совершенные друг против друга лицами, связанными не семейными, а официальными, социально-иерархическими узами, например, убийство подчиненным своего начальника, командира, учителя-наставника в конфуцианской морали, т. е. члена той группы лиц, которая, как и семья, скрепляла социальный порядок. Сюда же были отнесены различные формы выражения женой непочтения к мужу, например ношение по нему траурной одежды и пр.

Десятое зло — кровосмесительные половые связи, которые приравнивались к поведению "птиц и зверей" и включали в себя половые отношения не только с кровными нисходящими и ближайшими боковыми родственниками, но и с наложницами деда и отца.

"10 зол" не покрывали все преступные действия. Они были своеобразным мерилем отношения к другим преступлениям, среди которых во все времена выделялись преступления против конкретного человека, посягательство на его жизнь, здоровье и пр. Наказания при этом определялись в традиционном китайском праве с учетом ряда факторов: социального статуса, отношений преступника и потерпевшего в системе кровнородственных и служебных связей, наличия и интенсивности преступной воли и др. Преднамеренное убийство влекло за собой самое тяжелое наказание — обезглавливание. От ответственности свободного за убийство "по ошибке", во время игры, например, можно было откупиться. Только сговор рабов и буцуев убить хозяина влек за собой высшую меру наказания, убийство же хозяином своего раба и буцуя наказывалось по танскому кодексу 100 ударами толстыми палками, если они провинились перед ним, если нет — то одним годом каторги. Убийство же "по ошибке" в этом случае вообще не наказывалось.

Те же условия учитывались при нанесении телесных повреждений, но мера наказания была меньшей. Муж, причинивший ранение жене, наказывался менее строго, чем в случае ранения постороннего человека. За ранение наложницы он вообще не наказывался.

К преступлениям против личности танским кодексом относились многовариантные ситуации продажи в рабство свободного (с учетом возраста, пола, родства потерпевшего и преступника), входящие в категорию "незаконного перемещения вещи с присущего ей хозяйского места", вместе с хищением и присвоением различного рода имущества. Эти преступления классифицировались и с учетом того, были ли они совершены против частного или казенного имущества, а также частным или должностным лицом — чиновником. Учитывались при этом и способы незаконного приобретения имущества: ограбление, кража, взятка, приобретение имущества с использованием административных прав (т. е. в сфере административной деятельности чиновника) и незаконное приобретение имущества, связанное с использованием служебного положения. Кража, наказуемая, как правило, битьем толстыми палками, определялась как тайное хищение имущества, грабеж — как открытое хищение с помощью угроз или силы.

Особую группу преступлений составляли различные формы незаконного обогащения, получение имущества обманом, с помощью запугивания, покупки с применением силы или чрезмерным получением выгоды. Таким образом, стиралась грань между преступлением и нарушением легальных ограничений договоров, что было характерной чертой традиционного права, не проводящего, как правило, четких различий между сферой публичных и частных интересов.

Учитывалась при вынесении наказания и стоимость похищенного. Кража в особо крупных размерах наказывалась по танскому кодексу ссылкой с дополнительными каторжными работами и компенсацией стоимости похищенной вещи в двойном размере. Кража казенного имущества увеличивала меру наказания. Кража у родственников уменьшала ее. К краже приравнивалось и причинение ущерба чужому имуществу. Сурово карался поджог, затопление чужого участка.

Принципы тотальной личной зависимости подчиненного от начальника, простого смертного от должностного лица являлись благодатной почвой для различных видов

должностных преступлений и прежде всего взяточничества, мера наказания за которое варьировалась в зависимости от того, нарушил ли чиновник закон при получении "подарка", раскаялся или нет, а также в зависимости от стоимости, величины взятки. Виновными в преступлении при этом считались обе стороны.

О суровой, но безуспешной из-за массы правовых лазеек борьбе государства против должностных преступлений свидетельствуют и другие примеры. Должностным преступлением, например, считалось по танскому кодексу любое получение подарка чиновником от своих подчиненных, даже если он был в отставке. Однако такие знаки благодарности подчиненных, как подношения в дни "траура и горя", даровой труд "с соблюдением меры", не считались преступными.

Китайское право не разделяло административного и уголовного наказания. Любое нарушение в сфере деятельности администрации влекло за собой уголовное наказание, будь то опоздание или невыход на работу чиновника или разглашение государственной тайны. При этом чиновник не нес наказания за противоправное действие, если оно было совершено по приказу начальника.

Особую группу преступлений составляли различные нарушения моральных устоев в семье, половые преступления, важнейшим критерием негативной оценки которых выступал также пол преступника и его место в системе родственных связей с потерпевшим. Наряду с преступлениями, входящими в "10 зол", традиционное право сурово карало прелюбодеяние, соращение чиновником женщины, если она находилась в сфере его административной власти, изнасилование, особенно если раб насиловал свободную женщину, и пр. Закон не считал при этом преступлением половые связи хозяина с рабыней или дочерью буцуев.

При династии Северный Вэй (V в.) традиционная система наказаний включала в себя обезглавливание, удушение, каторжные работы со ссылкой, каторжные работы без ссылки, тогда же в качестве наказания стало применяться битье палками. В период Суй (VI в.) толстые палки были дополнены тонкими. Танский кодекс более чем на тысячелетие упорядочил систему пяти основных наказаний: удары тонкими палками (пять степеней: от 10 до 50 ударов), толстыми палками (пять степеней: от 60 до 100 ударов), каторжные работы (трех степеней: от 1 до 3 лет), ссылка (трех степеней в зависимости от отдаленности местности: от 2 до 3 тыс. ли — 1 тыс. ли — около 500 км) и смертная казнь в двух формах (путем обезглавливания и удушения). В 623 году была введена ссылка с дополнительными каторжными работами, которой могла быть заменена смертная казнь. В X–XI вв. смертная казнь была дополнена расчленением трупа преступника.

Китайское право, таким образом, не знало пожизненной каторги, но каторга на определенный срок превращала фактически свободного человека в раба. Чиновники в связи с этим не наказывались каторжными работами. Осужденные оставались на месте ссылки пожизненно, только при династии Тан они могли возвращаться домой по амнистии. Не ссылались казенные рабы, вместо ссылки их били палками.

В династийные кодексы из конфуцианского источника Ли цзы были перенесены "восемь правил" применения наказания к лицам высокого социального статуса. Восемь категорий знатных лиц (первая — родственники, вторая — верные друзья императора, "служившие ему в течение длительного времени", третья — "благородные люди, слова и поступки которых могли служить образцом", четвертая — "способные, талантливые в военных и государственных делах", пятая — заслуженные военнослужащие, шестая — знатные чиновники высших рангов и должностей, седьмая — "усердные чиновники" и восьмая — "гости", т. е. потомки царских династий) в случае совершения ими ряда преступлений, наказуемых смертной казнью, не попадали под юрисдикцию обычных судов. Они отдавались на откуп императору при определении наказания, его смягчении или помиловании преступника.

При решении вопроса о наказании за преступления пользовались преимуществами и другие категории чиновников благодаря системе заменяющих наказаний, когда каторга или ссылка заменялись потерей должности, ранга, титула. Чем больше было у чиновника

титулов, чем выше был его ранг, тем больше было возможностей "погасить" основное наказание. В случае серьезных преступлений, когда титулов и рангов не хватало, оставшаяся часть наказания могла быть погашена штрафом.

Господствующее положение бюрократии в обществе определяло наличие в традиционном праве Китая и другого весьма специфического института — "тени", на основании которого родственники чиновника ("тенедателя") получали ряд особых социальных и правовых преимуществ в зависимости от "силы тени", измеряемой рангом чиновника и степенью родства с ним "тенеполучателей" (что определялось конфуцианскими критериями по срокам ношения траура по умершему родственнику). "Тень" давала возможность получения должности на государственной службе, а также освобождала от ответственности или смягчала наказание при совершении уголовного преступления. Последствия ее действия были подробнейшим образом зафиксированы в танском кодексе. Самой мощной была "тень" императора, которая распространялась на большой круг его родственников. Но даже самый мелкий чиновник имел возможность "прикрыть" своей "тенью" деда, бабу, отца, мать, жену, сыновей, внуков.

Принцип коллективной ответственности, лежащий в основе всего китайского правопорядка, трансформировался в течение столетий не только за счет более четкого закрепления круга лиц, подлежащих ответственности, но и изменения форм наказания. К коллективной ответственности стали привлекать лиц, связанных не только родственными и служебными узами, но и узами территориальными, административными (соседи, местные власти) — за преступления, совершенные на подведомственной территории и пр. Все больше усложняется и детализируется и система наказаний при коллективной ответственности, которая стала включать в себя не только смертную казнь, но и другие наказания.

Регулирование имущественных отношений. Средневековое право Китая складывалось в условиях непрекращающегося противоборства социально-классовых сил, интересы которых были преимущественно связаны или с государственной, или с частной собственностью на землю. Общинное землевладение было уничтожено в Китае еще в древности. Коллективная собственность на землю долго продолжала существовать в форме неразделенной семейной собственности, родовой собственности, выделенной на поддержание культа предков и на общинные кладбища. Особый вид собственности представляла собой собственность буддийских и даосских общин. Первоначально отчуждение большесемейной собственности допускалось лишь в случае крайней нужды с правом последующего выкупа. Эти ограничения и определили широкое развитие института заклада земли, особенностью которого было то, что залогодатель длительное время не терял на заложенную землю права собственности, сохраняя право выкупа земли после истечения срока уплаты долга. По указу 962 года право выкупить землю даже по истечении срока уплаты долга передавалось и потомкам залогодателя.

Залогодержатель не мог перезаложить землю, даже если в договоре займа под заклад земли (этот договор обязательно оформлялся письменно) оговаривалась возможность продать землю. В случае неуплаты долга продаваемая земля должна была быть предложена сначала родственникам, затем соседям залогодателя. В это время особенно часто закладывали людей, прежде всего рабов. При отработке долга стоимость рабочего дня одного человека устанавливалась на том же уровне, что и стоимость эксплуатации в течение дня быка, лошади, телеги. Практиковался и заклад лично свободных, которые, не считаясь рабами, попадали фактически в рабские условия. На работу их гнали палками, плетью, хотя кодексы и устанавливали уголовную ответственность за продажу и заклад свободных членов семьи. Дело в том, что на местном уровне в сфере отношений, связанных с арендой земли, ее закладом и пр., действовало, как правило, обычное право, на котором основывалась и испольщина, наиболее распространенная форма продуктовой ренты в Китае.

В обычном праве Китая, как и в обычном праве Индии, Японии и пр., сложился, например, такой принцип, что рост процентов по долгам не мог превышать суммы самого долга.

При залоге движимого имущества также исключалось самовольное распоряжение им, даже если исполнение договора было просрочено. Отдать в залог семейное имущество мог только глава семьи, в крайнем случае старший сын.

Китайское право отличало от договора займа договор ссуды, передачу в пользование конкретно-определенной вещи, невозвращение которой влекло за собой уголовную ответственность. Особо оговаривалось в кодексе запрещение заключать договор ссуды чиновникам, в ведении которых находились казенные рабы, скот, когда вещь ссужалась самому себе или другому лицу, а также предоставление себе или другому лицу беспроцентного займа из казенных средств.

В китайском обязательственном праве особое место отводилось договору купли-продажи, при котором соглашение сторон являлось главным условием его действительности. Купля-продажа обычных вещей отличалась от купли-продажи не только земли, но людей и скота. При продаже людей необходимо было свидетельство, что продаваемый человек с рождения был лично свободен. С эпохи Хань китайское традиционное право знало продажу в кредит. Купля-продажа обычных вещей, так же как рабов и скота, требовала составления купчей, отказ от чего грозил штрафом. Несвоевременное составление купчей наказывалось битьем толстыми палками.

Бдительно следя за состоянием рынка, китайское государство создало систему контрольных окружных, уездных органов. Специально назначенные чиновники следили за деятельностью торговых рядов (хан). Администрация каждые десять дней устанавливала рыночные цены, регистрировала все лавки торговцев, все сделки по продаже недвижимости, людей, скота, контролировала систему мер и весов. Виновные в заключении торговых сделок без добровольного взаимного согласия сторон, с применением силы или по завышенным ценам наказывались битьем толстыми палками. Существовала государственная торговая монополия на ряд товаров: соль, чай и др. При заключении договора купли привлекались поручители и свидетели. При продаже земли специально оговаривалось, что продаются и недра, и то, что над поверхностью земли.

Брачно-семейное право. Неразрывная связь брачно-семейного права с религиозной традицией определяла стойкую преемственность его норм в средневековом праве. Устойчивость патриархальной семьи — господство отца над членами семьи, мужа над женой и пр. — определили характер этих норм.

Браки между представителями отдельных сословий строго порицались и даже в ряде случаев преследовались по закону. Брак рассматривался как долг, выполнение которого должно служить интересам семьи, требованиям культа предков. Целью брака было появление мужского потомства. Браку предшествовал сговор семей жениха и невесты, не требующий согласия брачующихся, но обязательно предусматривающий согласие отца. Возраст брачного совершеннолетия в кодексах не закреплялся. Как правило, он варьировался вокруг цифр 15–16 для мужчин и 14–15 для женщин. Был распространен обычай помолвки еще не родившихся детей.

Запрещались браки свободных с рабами, с родственниками по мужской линии в любой степени родства, с лицом, носящим ту же фамилию. Запрещалась полигамия, второй брак при жизни первой жены признавался недействительным. У мужчин могло быть неограниченное число наложниц, права которых определялись обычаем.

Китайский брак не носил священного, нерасторжимого характера. Он мог быть расторгнут по обоюдному согласию супругов. Поводом для развода служили также бесплодие жены, распутство, непочтение к мужу и его родителям, болтливость, склонность к воровству, завистливый и подозрительный характер, застарелый недуг. Жена могла требовать развода, если муж покидал ее на срок более трех месяцев, продал в рабство или принуждал к аморальному поведению.

Наследование носило характер общего правопреемства, так как сопровождалось ответственностью наследников за долги умершего. Отдельно наследовался чин (титул, должность), если он передавался по наследству, и имущество умершего, переходящее

нисходящим родственникам по мужской линии. Замужние дочери не имели права на наследство, незамужние — получали половину доли братьев. Чин мог быть унаследован только старшим сыном жены.

Отец не мог лишить сына наследства, не имел права увеличить долю одного сына за счет другого. Допускалось дарение земли только для религиозных целей, на "добрые дела".

Судебный процесс в основном носил инквизиционный характер. Дело начиналось обычно с письменной или устной жалобы потерпевшего в уездный суд. Жалоба составлялась по определенной форме, которую хорошо знали уличные писцы, сидящие у ворот суда.

Преследование преступника было обязанностью государства. Специальные чиновники, ответственные за поиски преступника, должны были разыскать его в определенный срок (по своду законов 1690 года за один месяц). Если преступник не был найден, чиновник наказывался палочными ударами. Просрочка в два месяца стоила ему 30 ударов палками. Это создавало условия для частого привлечения к ответственности невиновных. До суда преступника держали в тюрьме, женщин отдавали на поруки в дом мужа.

В судах кроме судей и чиновников, расследующих преступление, были стряпчие, делопроизводители, посыльные, стражники, экзекуторы. За неявку в суд свидетелю полагалось 40–50 ударов палками. Судьи проводили допросы, очные ставки, назначали пытки, которые применялись к тем, кто не сознавался. Они исходили из презумпции виновности обвиняемого, ставили своей главной целью добиться признания последнего. Если признание вины не было вырвано после троекратного допроса под пытками, то пытки могли быть применены к обвинителю, чтобы уличить его в лжесвидетельстве. Рабы не могли давать показаний против своих хозяев. Приговор записывался. Обвиняемый в танском Китае мог быть оправдан, осужден или его дело могло быть признано сомнительным.

Об отходе от жестких легистских методов в танском суде свидетельствовало следующее. При вынесении приговора о наказании каторжными работами (или более суровом) требовалось согласие обвиняемого. Если он не соглашался, дело подлежало пересмотру. Если доказательств было недостаточно и обвиняемый не признавался, приглашали поручителей и его отпускали на свободу. При сомнительном решении обвиняемому давалась также возможность откупиться. Приговор к смертной казни утверждался императором. Тела и головы преступников, подвергшихся смертной казни, выставлялись для публичного обозрения. Простолюдинов казнили на рыночной площади, а чиновников дома.

Глава 32. Основные черты права средневековой Японии

Источники права. Для раннесредневекового права Японии было характерно повсеместное распространение норм обычного права, действующих в тех или иных общинах или в той или иной складывающейся сословной группе.

Право в это время еще не выделилось из религиозных и этических норм, если не считать отдельных понятий о наказаниях, которые были связаны с представлением о грехе, каре, о "божьем суде". В древнейших японских источниках они выступают в виде "семи небесных грехов" (более тяжких) и "восьми небесных грехов" (менее тяжких), за которые полагались или кара, или очищение. Становление писаного права происходило в Японии под сильным влиянием религиозно-правовой идеологии, норм китайского права. Японские государственные и правовые институты не потеряли, однако, своей специфики.

Первые записи правовых норм, как это имело место, например, в *Конституции Сётоку-тайси* 604 года, носили характер наставлений, моральных заветов правителей своим чиновникам: "почтительно воспринимать указы", "обязательно соблюдать их", "справедливо оценивать заслуги и провинности" и т. д.

Введение надельной системы в VII в., строгое деление общества на ранги привело к появлению законодательных документов, получивших, как и в Китае, название "кодекс". Кодексы содержали нормы, регулирующие поземельные отношения, обязанности и

привилегии различных групп и представителей титулованного и ранжированного чиновничества, нормы уголовного (рицу) и административного (рё) права, хотя между ними четкие различия провести в праве Японии крайне трудно. Первым кодексом был кодекс "Тайхо рё". Над составлением кодекса, как свидетельствует древняя летопись 720 года, работала комиссия из 18 человек во главе с принцем Осакабэ и представителем дома Фудзивара Фубито. В 701 году он был составлен, а в 702 году вступил в силу. Работа над кодексом продолжалась и в дальнейшем. В 718 году он появился под новым названием "Ёро рицу рё" и состоял из 953 статей (уголовный и административный кодекс годов Ёро). Введен же кодекс в действие в связи с политической нестабильностью был лишь в 757 году.

Две версии кодекса "Тайхо" и "Ёро" представлены в исторической науке в качестве единого свода, содержащего богатейший материал о раннефеодальном государстве Японии, о нормах японского традиционного права, формально сохранивших свое значение до эпохи Мейдзи (XIX в.). Он является ярким свидетельством специфической цивилизационной черты Японии, умения японцев заимствовать достижения других культур, но не слепо, а трансформируя их, приспособливая к историко-культурным, национальным особенностям своей страны.

В Своде нет деления права на частное и публичное. Вещные, брачно-семейные, наследственные отношения приобретают в нем публично-правовой характер, регулируются нормами уголовного и административного права.

Нельзя здесь обнаружить и четкого деления на отрасли права. Если обратиться к содержанию "Тайхо Ёро рё", то кодекс содержит нормы как гражданского, брачно-семейного, уголовного, так и административного права, касаясь, однако, таких преступлений, которые в силу сословной принадлежности преступника или потерпевшего или иных причин не влекли за собой одного из пяти тяжких уголовных наказаний (от смертной казни до битья палками). Эти преступления были выделены в особый кодекс "Тайхо рицу рё".

Так, Закон I "Тайхо Ёро рё" (всего их 30) носит название "О постах и рангах". Он содержит таблицу о рангах "от министров до писцов", деля их на "благородных" и "неблагородных", а посты на "высокие" и "низкие".

Закон II этого кодекса "Об учреждениях и штатах" устанавливает структуру всех государственных учреждений, центральных и местных, а также их штаты. Пространный (из 27 статей) Закон VII "О буддийских монахах и монахинях" (свидетельствующий о высшем государственном надзоре над буддийскими религиозными организациями, храмами и духовенством) треть своего содержания отводит преступлениям и проступкам клира, за которые назначались как светские, так и церковные наказания (епитимьи). Закон VIII, особенно ярко свидетельствующий о социально-экономических отношениях в это время, говорит о "дворе", в основном крестьянском, как о хозяйственной, организационной, военно-учетной и, главное, податной (фискальной) единице. Он затрагивает и важные правовые вопросы: о наследстве, о браке и разводе. Например, ст. 27 Закона, требующая безусловного расторжения брака лиц, находившихся в добрачных отношениях, прямо заимствована из норм конфуцианской морали ли, относящихся к нарушениям ритуала.

Закон XIII "О преемственности и наследовании" содержит нормы о наследовании звания глав знатных домов, от чиновника до императора (правила престолонаследия), а также об условиях законности заключаемых ими браков.

Большой круг уголовно-правовых норм включен в Закон XIV "О проверке и аттестации", посвященный организации и деятельности чиновничьего корпуса, в частности говорящий о преступлениях и проступках чиновников, а также об особой системе наказаний за них. Закон XVII "О воинах и пограничниках" содержит правила об организации вооруженных сил, в том числе и о воинских преступлениях.

Особое значение для рассмотрения правовой системы Японии этого времени имел Закон XXIX "О тюрьмах", касающийся широкого круга норм уголовно-процессуального права.

Из содержания Свода явствует, что нормы конфуцианской морали оказали бесспорное влияние на его содержание. Об этом свидетельствует не только приведенное выше содержание ст. 27, но и ряд других норм, в том числе и зафиксированное в нем общее конфуцианское положение, требующее наказания за любой проступок, "который не следовало совершать".

Вместе с тем свод — правовое произведение, а не собрание моралистических наставлений более позднего периода. Он был призван стать законодательной опорой правящего режима, укрепить его основы с помощью детально разработанной единой для Японии правовой системы. С этой целью и был проведен многосторонний пересмотр, унификация, систематизация обычно-правовых и ранее созданных законодательных норм. Не случайно японское государство этого периода (VIII-X вв.) называют в исторической литературе "правовым", в отличие от последующей эпохи, когда под влиянием ряда исторических факторов произошло резкое падение общего значения роли закона, права как такового.

Вместе с кодексами среди источников права этого периода широко было представлено текущее нормотворчество императора в виде указов и постановлений. Первые имели более самостоятельный характер, вторые издавались в развитие административных и уголовных законов, как их практическое осмысление.

Указы объединялись в сборники. Например, в 927 году был создан *Сборник постановлений годов Энги*, вступивший в действие в 967 году. Указы все больше стали со временем оттеснять кодексы на второй план.

Резкие изменения в правовой сфере Японии происходят после установления сёгуната под влиянием развала единого правового пространства.

"Рицу" и "рё" как государственные императорские предписания теряют свой общепонимый нормативный характер, так как на первый план выходят морально-правовые обыкновения, гири, исходящие из соображений приличия, которые регулируют поведение индивида во всех случаях жизни: отношения отца и сына, мужа и жены, дяди и племянника. А вне семьи — отношения собственника и арендатора, работодателя и должника, торговца и клиента, старшего чиновника и подчиненного.

Это было связано с децентрализацией и общим ослаблением государственной власти, падением ее легитимности, когда в условиях военной диктатуры бакуфу перестали существовать общепризнанные административно-судебные органы, и Министерство юстиции (наказаний), и высшая апелляционная инстанция в лице императора. Действовал прямой приказ, предписание высших низшим, в лучшем случае — норма обычного права. Эти новые порядки нашли в Японии подготовленную почву. Их идеологической базой стало конфуцианство, которое, как известно, считало право одиозным, отвергало его вместе с категоричностью судебного решения.

Гири же соблюдались автоматически, под страхом осуждения со стороны общества "нарушений приличия", различные критерии тяжести которых были тесно связаны с сословной принадлежностью индивида.

Так, особый кодекс норм "приличия", "кодекс чести" (букэ-хо) окончательно формируется в это время для самурайского сословия. Он был основан на требованиях абсолютной личной преданности вассала своему сюзеру, исключал саму идею прав и обязанностей юридического характера. Отношения вассала-воина и его сюзерена строились не на договорной основе, а на псевдородственных семейных началах, как отношения отца и сына. Вассал при этом не имел никаких гарантий против произвола своего господина. Сама мысль об этом считалась оскорбительной. Любое бесчестие самурая кончалось самоубийством.

Гири иногда скреплялись и законодательным путем, как это имело место в 1232 году, когда в период I сёгуната было создано *Уложение годов Дзёэй*. Закрепляя нормы самурайского "кодекса чести", уложение предусматривало жестокие наказания за мятежи и заговоры феодалов, за незаконный захват ими земель. Упорядочивая существующие

поземельные отношения, уложение устанавливало общий порядок наследования земли, в частности правило первородства.

В целях регулирования вассально-ленных отношений сёгуна и его вассалов, а также других феодалов сёгунат прибегал и к изданию указов, направленных главным образом на укрепление феодального землевладения казны, правительства бакуфу. Особую заботу при этом сёгунат проявлял в отношении своих непосредственных вассалов — гокенин. В 1267 году, например, был издан правительственный указ, запрещающий продажу и заклад ленных владений гокенин, предписывающий выкуп заложенных ими земель.

С конца XIII в. издаются специальные указы "милосердия", которые аннулируют все сделки самураев по продаже и закладу земли, их задолженность ростовщикам. Реже издаются указы, запрещающие отчуждение, деление крестьянских хозяйств, как это имело место в 1643 году.

В XV–XVI вв. роль общепонского права упала до самого низшего предела. Каждое княжество, каждое сословие руководствовалось своими собственными установлениями, нормами обычного права, которые лишь иногда, главным образом в виде моральных заповедей, инструкций, поучений, объединялись в сборники. Одним из таких крупных сословных нормативных сборников стал *Кодекс годов Кёмму* (1334–1338 гг.), призванный ликвидировать "смуту в стране", обеспечить стабильность политической власти сёгуна. Составленный первоначально в традициях Японии из 17 статей, этот кодекс впоследствии был дополнен рядом новых положений. Кодекс был написан в форме ответов ученых-монархов на вопросы основателя второго сёгуната Асикага. В нем признается тяжелейшее положение японских податных крестьян, терпящих произвол самураев, который называется "неискоренным обычаем". Его статьи предписывают властям пресекать практику "своевольного вторжения в чужие дома", возвращать пустующие земли крестьянам, строго карать преступников, особенно мятежников и грабителей. Особое внимание было уделено в кодексе взяточничеству и ответственности за него. В зависимости от размера взятки чиновник должен был наказываться пожизненным или временным отстранением от должности. Характерно, что этот кодекс увидел свет только в 1596 году, когда он был издан отдельной книгой.

Законотворчество оживилось в Японии в период третьего сёгуната Токугавы, в период относительного объединения страны в XVII–XVIII вв., но и в это время оно было сугубо адресным, касалось, как правило, конкретных сословий.

В этих законах строго регламентировалась деятельность императора и крупных феодалов даймё, устанавливалась система сословных статусов отдельных групп населения (самураев, крестьян, ремесленников, торговцев), в соответствии с которой закреплялись обязанности населения и наказания за их нарушения. Примером такого законодательства может стать Закон *восемнадцати статей* сёгуна Иэясу 1615 года. В сфере частного права, товарного обмена по-прежнему господствовало местное обычное право.

Лишь в XVIII в., в период третьего сёгуната стали предприниматься попытки вернуться к старым порядкам "правового государства", когда сёгуном была провозглашена политика "твердого следования старым законам". В 1742 году во исполнение этих задач был принят *Кодекс из 100 статей*, положения которого сводились к упорядоченному изложению основного содержания прежних законов, норм обычного права. Кодекс воспринял многие предписания старых кодексов эпох Тайхо и Ёро VIII в.

Позитивные последствия этой политики были незначительны в силу того, что знание закона считалось в это время привилегией избранных. Законы не публиковались (действовал принцип: "Следует выполнять, а не знать"). До сведения населения доводилась лишь малая их часть, та, которая касалась категорично-запретительных предписаний. Кодекс 1742 года хранился в тайне, к нему имели доступ лишь три высших чиновника правительства бакуфу (бугё). Да и сфера действия законов распространялась лишь на территории, непосредственно входящие во владение клана Токугава, у даймё было собственное право.

Уголовное право. В Японском средневековом праве не было четких различий между

деликтом и преступлением, нормами уголовного и административного права и пр.

В традиционном понимании рё (кит. лин) — это закон, за нарушение которого, в отличие от рицу, не полагалось ни одного из пяти тяжких наказаний (от смертной казни до битья палками), которые следовали за явные проступки и нарушения.

В период "правового государства" право Японии основывалось на требованиях "законности", которая в понимании того времени включала в себя ряд положений: о неукоснительном следовании предписаниям закона, о наказаниях за преступления, проступки и даже ошибки всех, от холопа до буддийского монаха, о беспристрастности судей и следователей, о четком делопроизводстве, в том числе и судебном, а также о тщательной проверке и перепроверке (вплоть до императорской) применения наказаний, особенно смертной казни, об учете смягчающих и неучете отягчающих вину обстоятельств, указанных в законах, изданных до начала следствия по конкретному делу и пр.

Уголовный кодекс "*Тайхо рицу* рё" состоит из 12 разделов: уголовного закона о наказаниях, о разбое, о грабеже, о ранениях в драке и др. Не все положения кодекса дошли до нас, часть из них была восстановлена впоследствии по китайскому кодексу танской династии.

Начинается кодекс перечнем наказаний и тяжких преступлений. В соответствии с конфуцианскими представлениями о наиболее тяжких нарушениях морали (ли) в Японии выделялись "8 зол" (в Китае — "10 зол"), в число которых входили прежде всего преступления против императорской власти: "мятеж" (разрушение государевых жилищ и усыпальниц и пр.), "государственная измена" (убийство ближайших родственников императора, а также покушение на их убийство, избиение и пр.), "жестокое убийство" (убийство трех членов одной семьи, своих ближайших родственников, убийство женой или наложницей родственников мужа, а так же их избиение и пр.), "великая непочтительность" (разрушение храмов, священных ритуальных предметов и пр.), "злословие и непочтительность" по отношению к государю, просто "непочтение" к отцу или ближайшим родственникам (возбуждение против них судебных дел или предание их проклятью, выделение из семьи при живых родителях, самовольное вступление в брак и пр.), "нарушение долга" (убийство хозяина, начальника, наставника и пр.).

Пятичленная система наказаний включала в себя смертную казнь через повешение или обезглавливание, ссылку с каторжными работами и без таковых, каторгу, битье палками (от 60 до 100 ударов), сечение розгами (от 10 до 50 ударов). Смертная казнь простолюдина совершалась на городской площади, женщины и чиновники публично не казнились, а чиновникам высоких рангов предоставлялась возможность покончить жизнь самоубийством.

Ссылка в зависимости от расстояния до места назначения могла быть ближней, средней и дальней. Жены и наложницы осужденных отправлялись в ссылку вместе с ними в обязательном порядке. Каторга выражалась в принудительных работах, как правило, по месту жительства.

"Тайхо Ёро рё" предусматривает и такие наказания, как конфискация имущества, штраф и пр. Примечательно, что конфискованное имущество преступника делилось поровну между казной и его ближайшими родственниками, если они не были соучастниками преступления. От наказания, даже от смертной казни (как дань древнему обычаю) можно было откупиться, но возможность откупа зависела от усмотрения властей (откуп от 10 ударов палкой равнялся 1 кину меди (600 граммов), от 1 года каторги — 20 кинам, от смертной казни — 200 кинам). Этим правом, безусловно, пользовались родственники императора, крупнейшие вельможи из "6 категорий достойных".

От общих наказаний отличались специальные наказания для военных и гражданских чинов. При перечне специальных наказаний "Тайхо Ёро рё" делает упор на поражение чиновников в особых должностных правах. Совершивший преступление или проступок чиновник, независимо от того, приговаривался ли он к смертной казни, получал ли прощение от императора или право откупа от наказания, подвергался лишению в той или иной мере своих должностных прав: понижению в должности или ранге, разжалованию или

увольнению с одной или всех должностей и т. д. Если простое увольнение относилось к числу тяжких наказаний, от него нельзя было откупиться, то особенно тяжким наказанием считалось увольнение с исключением из чиновничьих списков, что означало невозможность в будущем возвратиться на службу.

Наряду с коллективной ответственностью ближайших родственников преступника, осужденного за ряд тяжких преступлений, а также местных властей (например, за укрывательство незарегистрированных монахов и пр.) в японском праве предусматривалась и возможность смягчения наказания для членов семей чиновников, которые, как и в Китае, могли воспользоваться покровительством "тени" своих знатных родственников.

Специфической чертой уголовного права Японии было распространение его норм на представителей буддийской церкви (особое положение японского императора как первосвященника религии синто давало ему право непосредственно решать все дела, связанные с этой религией, и управлять синтоистскими учреждениями, молельнями и пр. с помощью собственных указов); признание кодексом наряду со светскими наказаниями и наказаний религиозных (епитимий), которые могли применяться, заменяя светские, к монахам и монахиням в зависимости от характера совершенных ими преступлений и проступков; применение обычных уголовных наказаний за ряд религиозных проступков клира, например, за публичное и ложное объявление о дурных знаменьях, хранение и чтение запрещенных книг, незаконную передачу патента на сан другому лицу или за самовольное принятие сана, за попытку самосожжения или подстрекательство к нему другого лица.

Представители буддийского духовенства, приговоренные к тяжкому наказанию за убийство, насилие, воровство и пр., предварительно лишались сана. Предусматривалось в отношении их и некоторое смягчение наказания. Ссылку, например, заменяли четырьмя годами каторги, при наказании палками каждые десять палок заменялись десятью днями епитимьи (епитимья, согласно ст. 15 Закона VII "Тайхо Еро рё", сводилась к "совершению дел, угодных Будде": переписи сутр, уборке храмов и пр.).

Уголовное право Японии не знало четко сформулированных общих принципов и норм о формах вины (умысле и неосторожности), о покушении, о соучастии в различных формах и пр., которые, однако, фигурировали при рассмотрении конкретных преступлений.

"Покушение" и "замысел" в случае "жестокое убийства" наказывались, например, как законченное убийство. В ряде случаев более тяжело наказывалась такая форма соучастия, как подстрекательство и пр.

К числу смягчающих вину обстоятельств относились: добровольное возмещение нанесенного ущерба, устранение причиненного вреда, явка с повинной, активная помощь в раскрытии преступления. Смягчалось также наказание в случае совершения преступления под угрозой или принуждением, в силу материальной или служебной зависимости, кражи у родственников, но отягчалось, если кражу совершал в своем доме младший член семьи. К числу отягчающих вину обстоятельств относились рецидив (третья кража) и состояние опьянения.

Кроме "8 зол" кодекс знал простое убийство, нанесение тяжких повреждений, клевету, входящую в разряд "косвенных" преступлений, наряду с вовлечением в совершение преступлений и необоснованным привлечением к суду. Среди преступлений против собственности выделялись кража, грабеж, разбой и кража при пожаре, приравняваемая к грабежу, а также вымогательство имущества путем письменных угроз и пр.

Вторжение в чужой дом ночью давало хозяину убить "непрошеного гостя", которое приравнялось таким образом к праву необходимой обороны. Понятия невменяемости уголовное право не знало, но наказание смягчалось, предоставлялось право откупа от него в случае совершения преступления малолетним, престарелым, душевнобольным, уродом.

Почти все "законные" границы применения наказания были размыты после установления сёгуната, когда беспрепятственное распространение получили формы внеправовой расправы или "дурные обычаи". Самурай, например, мог безнаказанно убить

простолюдина за оскорбление. Право не знало также требования обязательного наказания за убийство. Не наказывалось, например, убийство мужем неверной жены и ее любовника, разрешалось убить на месте преступления или в порядке мести убийцу своих родителей. Широко была распространена практика безнаказанного детоубийства, особенно в крестьянских семьях (для избавления от "лишнего рта").

Кроме того, наказания всемерно ужесточались, приобретая часто сугубо изуверские формы. Японские источники сообщают, например, о таком распространенном наказании. Живого преступника закапывали по шею на проезжей дороге, рядом клали деревянную пилу, которой мог воспользоваться каждый проезжающий, чтобы отделить его голову от туловища.

В Кодексе 100 статей кража на незначительную сумму в 10 иен влекла за собой телесное наказание и клеймение. Кража на большую сумму — казнь через отсечение головы с обязательным обезображиванием трупа и публичным показом головы казненного. Казнь предписывалась и за мелкое воровство в случае рецидива.

Регулирование имущественных отношений. С VII в. на протяжении столетий в Японии существовало три формы собственности на землю: казенная, общественная и большесемейная.

Государственный фонд надельных земель делился на наделы, которые получали не только свободные, но и холопы, рабы (1/3 надела свободного), а также казенные дворы и казенные рабы, которые в отличие от всех других надельщиков не платили налоги в государственную казну.

Земля, находившаяся в распоряжении отдельного двора (приусадебный или садовый участок, распаханная или орошенная целина), переходила во владение трем поколениям семьи. Приусадебные или садовые участки были равными по размерам как у "подлых", так и у "добрых" семей и не зависели от их численности.

Семейная собственность всемерно охранялась государством. Запрещался беспричинный раздел двора, самовольный выдел из семьи и пр. Желавший выделиться должен был получить поручительство от пятидворок, что он не был "беглым или обманщиком". В общественной собственности находились леса, горы, пустоши, пастбища, которыми мог пользоваться каждый.

Казенные земли, кроме земель, закрепленных за отдельными учреждениями, предназначались для раздачи наделов, среди которых выделялись своими размерами должностные и ранговые наделы чиновников. Существовал особый резервный фонд государственных земель, из которых выдавались "наградные" участки за заслуги перед государством. С этой целью издавались специальные указы императора. За "великие заслуги" земельный участок передавался в собственность с правом неограниченного наследования, за иные заслуги — во владение с правом наследования одного или двух поколений.

Выделялись среди казенных земель и "дворцовые" поля, которые обрабатывались в порядке трудовых повинностей. Продавать можно было только частную землю, но практиковалась аренда земли как государственной (из резервного фонда), так и чиновничьей. Крестьянские наделы могли сдаваться в аренду только в исключительных случаях с разрешения начальства. Садовый участок мог быть сдан в аренду на любой срок, а пахотный — на один год. Строго запрещалось дарить, продавать не только поля, но и садовые участки буддийским храмам. Нельзя было даже меняться землями с ними. Недра и их богатства по своему статусу не отличались от казенных земель. С ведома властей они отдавались в частную разработку для добычи меди, железа на условиях несения натуральных повинностей.

В японском раннесредневековом праве не сформировалось четкого деления вещей на движимые и недвижимые, но предусматривался особый статус найденной вещи, которая через 30 дней после объявления о находке переходила в собственность нашедшего ее. Право собственности на клад признавался в равных долях за нашедшим его и владельцем земли.

Вместе с ликвидацией надельной системы и развитием вассально-ленных отношений все большее распространение стали приобретать такие формы феодальной земельной собственности, как наследственный фонд и бенефиций самурая-воина, замененный впоследствии выплатой "рисового пайка".

Слабое развитие товарно-денежных отношений привело к тому, что в средневековом праве Японии не сложилось четкого представления об обязательстве в юридическом смысле слова. Европейскому термину "обязательство" в японском языке соответствовало слово "гиму", означающее то, что должен делать каждый человек или что запрещено ему делать, исходя из его статуса. Все обязательственные отношения изначально признавались, таким образом, в строго допустимых границах.

В "Тайхо Ёро рё" лишь десять статей посвящено договорам: купле-продаже, найму, займу, закладу, — которые жестко регламентировались государством и нарушение которых влекло за собой, как правило, уголовное наказание.

Частная торговля считалась непрестижной в Японии даже для крестьянина. Она запрещалась чиновникам, начиная с пятого ранга, самураям и буддийским монахам. Широкий перечень запретительных мер окутывал внутреннюю и особенно внешнюю торговлю, которая считалась уделом самого государства. Она была почти сведена на нет в период третьего сёгуната, когда проводилась активная политика самоизоляции страны. Запрещалась торговля некоторыми видами товаров, например оружием. Жесткому контролю государства подвергалась торговля на рынках. Этот контроль осуществляли специально созданные "конторы рынка", в ведение которых входила проверка правильности мер и весов, документов при торговле рабами, качества товаров и их клеймение в случае негодности, взимание торговых пошлин и пр. Подлежали государственному регулированию и рыночные цены — с помощью установления так называемых казенных цен, исходными данными для которых была цена "казенного риса". Спекулятивное использование разницы цен, особенно чиновниками, строго наказывалось. Эти ограничения, однако, не распространялись на сделки государства с частными лицами.

Японскому праву были известны договоры частного и казенного займа зерна, денег, в том числе и процентного. Ростовщичество возбранялось лишь буддийскому клиру. Заем обеспечивался залогом и поручительством.

Как в Индии и других восточных странах, кредитор не мог взыскивать проценты, превышающие сумму долга. Нельзя было безоговорочно взыскивать долг с поручителя, своевольно распоряжаться залогом. Должник мог отрабатывать долг, но долговое рабство было категорически запрещено. Не разрешались самовольные сделки, в том числе и договор займа рядовых членов двора, поскольку правом распоряжения семейным имуществом обладал только глава семьи.

Не получил широкого распространения и договор найма рабочей силы, так как существовала трудовая повинность, широкая сеть различных отработок. В "Тайхо Ёро рё" договор найма упоминается применительно к найму мастеров, строителей, кровельщиков, керамистов и др. на сверхурочные (трудовым повинностям) работы, а также казенных пастухов и "носильщиков налогов", которых нанимало государство постоянно или временно. Интересно, что этот договор сопровождался рядом гарантий против злоупотреблений нанимателя в отношении работника, например, срок найма не мог без согласия работника превышать 50 дней и пр. (Закон VIII, ст. 22).

Брачно-семейное право. Японское брачно-семейное право как наиболее традиционное, связанное с религией не претерпело сколько-нибудь заметного изменения на всех этапах средневековой истории страны.

Браки заключались семьями, согласие родителей и ближайших родственников было обязательным условием действительности брака. Требовался также равный сословный статус жениха и невесты, "непорочность" их добрачных отношений. Правом определялся возраст брачного совершеннолетия для мужчины в 15 лет, для женщины в 13 лет.

Браку предшествовал сговор родителей и помолвка, беспричинное расторжение

которой было наказуемым. Она расторгалась, если жених не появлялся в течение одного месяца или если брак не был заключен в течение трех месяцев после помолвки. Влекло расторжение помолвки и совершение преступления женихом или невестой.

Запрещались браки не только между свободными и рабами, "добрыми" и "подлыми", но и между отдельными категориями "подлых". Здесь действовал своеобразный кастовый принцип. Обязательность фамильной эндогамии, соблюдаемой в Китае, в Японии не привилась, так же как и левират.

Порядки патриархальной семьи были отражены и в праве Японии, но проявлялись они слабее, чем в Китае, не столь бесправным было и положение женщины в семье. Брак в принципе был моногамным, наложницы не брались в расчет. Как и в Китае, женщина находилась под опекой мужчины: отца, мужа, сына; но эта опека была более легкой и регулировалась законом. Муж не мог равнять жену с наложницей, не мог он навязать жене и развод из-за наложницы. Беспричинный развод влек за собой запрещение нового брака.

Развод, как и в Китае, не только разрешался, но и прямо предписывался при определенных обстоятельствах помимо воли супругов, например в случае попытки убийства, избиения родителей и других близких родственников мужа или жены. Брак, как и развод, был делом не только супругов, но и их семей. При разводе по инициативе мужа или жены требовалось согласие родителей и того и другого. Родители должны были подписать "разводную бумагу". Перечень обстоятельств, которые давали мужу законные основания для развода, был значительно шире, чем у жены. Она имела право на развод лишь в случае длительного, в течение пяти лет безвестного отсутствия мужа или тяжкого оскорбления им ее родителей.

Законные основания мужа на развод были те же, что и в Китае, но не все они влекли за собой изгнание разведенной жены из дома. За исключением "распутства", "непослушания свекру или свекрови", "дурной болезни", жена могла и после развода (связанного с ее болтливостью, отсутствием мужского потомства, ревностью, вороватостью) оставаться в доме мужа, если она оказывала ему поддержку в период ношения траура по родителям, была знатнее мужа и тем самым повысила его социальный статус, если у нее не было родительской семьи. Мужу могли отказать в разводе и в том случае, если он разбогател благодаря приданому жены.

В японском праве проявилась относительная терпимость к незаконнорожденным детям и детям, родители которых были неравны по своему социальному статусу. Как правило, действовала фикция, что родители не знали о действительном "подлом" статусе своего партнера, тогда ребенок становился рёмином. Незаконнорожденные дети передавались на воспитание в семью одного из родителей, занимающую более высокий социальный статус, но мать и отца такого ребенка разлучали. Статус рёмина получал и ребенок, появившийся на свет в результате насилия хозяина над рабыней.

Бездетным семьям с целью продолжения рода предоставлялось право усыновления ребенка из числа близких родственников, который приобретал все права законнорожденного.

В японских кодексах относительно подробно был разработан институт наследования по закону. В наследственную массу входили холопы (т. е. зависимые люди, но не входящие в категорию кланового "подлого люда"), поля, строения, другое имущество. В нее же входило приданое жены умершего главы семьи.

Если речь шла о полях и имуществе, жалованных за заслуги, наследственные доли сыновей и дочерей были равными. В остальных случаях доля первой жены, а также старшего сына была в два раза больше, чем у прочих сыновей (как от жены, так и от наложницы), дочери же имели право на четверть доли старшего сына.

Вопрос о завещании в праве Японии не получил достаточной разработки, поскольку преобладала больше семейная собственность. По завещанию можно было передать только лично нажитую или лично унаследованную собственность.

Судебный процесс. Согласно Закону XXIX "О тюрьмах" "Тайхо Ёро рё" процесс носил смешанный обвинительно-инквизиционный характер. Судебное дело начиналось как с

заявления казенного учреждения, так и отдельного лица. Широко практиковались доносы "публичные" и "тайные", то есть те, которые не объявлялись публично и следствие по которым носило приватный характер.

Донос был обязателен для близких родственников жертвы. Если они не доносили в течение 36 дней об убийстве, то подвергались наказанию как соучастники. Если речь шла о мятеже, "оскорблении величества", то доносителя прямо доставляли к императору. Но нельзя было доносить на преступника его близким родственникам и слугам.

Расследование проводилось специально назначенными следователями. Примечательно, что они могли быть заменены вследствие родства с преступником или особых с ним отношений. Следователям запрещалось высказываться о виновности или невиновности подсудимых. В случае совершения тяжких преступлений практиковалось предварительное заключение под стражу и доносителя и подозреваемого. Чиновник, ведущий следствие, должен был удостовериться в полноценности улик. При тяжких преступлениях, неясности улик, заpiresательстве подсудимого разрешалось применение пыток, но не более трех раз и с интервалами в 20 дней. Особенно тщательное ("тройное") следствие проводилось, если речь шла о мятеже.

Суд не был отделен от администрации. Судебное дело полагалось возбуждать по месту приписки истца, например, в уездном управлении или, при невозможности до него добраться, в ближайшем казенном учреждении.

Подсудность дела определялась как по месту совершения преступления, так и по степени его важности, тяжести возможного наказания. Дела о каторге и срочной ссылке решались провинциальными управлениями, а те, по которым предполагалось более тяжкое наказание, передавались на рассмотрение в Министерство юстиции.

Специальные судьи и следователи этого министерства (в Японии не было, как в Китае, Высшего суда) не только проводили расследование важных дел, но и проверяли и пересматривали приговоры, вынесенные низшими инстанциями, решали вопрос о взыскании долгов.

В ведении Министерства юстиции было два управления: управление взысканий, проводящее конфискацию имущества и взыскивающее штрафы в пользу казны, и тюремное управление, осуществляющее надзор за подсудимыми, за принудительными работами заключенных, за исполнением приговоров.

В обязательном порядке в Министерство юстиции передавались дела, сопряженные со смертной казнью, бессрочной ссылкой или увольнением чиновников с исключением их из списков. Некоторые дела направлялись для рассмотрения в Государственный совет, который мог проводить с помощью специальных законоведов-следователей дополнительное расследование и прекращать их. Правильность судебных решений на местах Государственный совет проверял также с помощью своих специальных инспекторов. О делах, связанных со смертной казнью, бессрочной ссылкой и исключением чиновников из списков, докладывали императору, который выступал в качестве высшей апелляционной инстанции.

Глава 33. Основные черты права средневековой Индии

Источники права. Правовая система средневековой Индии подверглась значительным изменениям под влиянием мусульманского права, привнесенного в страну мусульманскими завоевателями. После установления мусульманского господства в Индии сфера применения местного права, права дхармашастра была сужена как по кругу лиц, так и по кругу отношений, регулируемых нормами этого права. Уголовные дела должны были рассматриваться мусульманскими судьями на основе норм мусульманского права, которое в этой своей части приобрело территориальный характер, т. е. применялось ко всем жителям завоеванных территорий. Действие норм мусульманского уголовного права с его

архаическими концепциями, искусственной, малоэффективной системой доказательств продолжалось до 1832 года, когда колониальными властями был принят закон об отмене применения его норм ко всем немусульманам.

Все то, что считалось непосредственно связанным с религией, — брачно-семейные отношения, наследование, деятельность религиозных учреждений — регулировалось персональными правовыми системами: мусульманским правом, если речь шла о мусульманине, и индуским правом, если дело касалось индуса. Кроме того, мусульманское завоевание мало затронуло кастовые и общинные порядки, где продолжали действовать панчатные, кастовые суды, рассматривающие и преступления на основе местного обычного права.

В средневековой Индии начался интенсивный процесс переосмысления, критического исследования, истолкования древнего права дхармашастр, его приспособления к новым условиям. Результатом этого процесса было появление многочисленных правовых трактатов, комментариев к тем или иным дхармашастрам или сборников высказываний индуских религиозных авторитетов по тем или иным предметам правового регулирования (*нибандх*). Комментарии и нибандхи стали со временем играть роль главных источников индуского права. Устранение авторами дигест (*нибандх*) и комментаторами противоречий, неясностей, пропусков в праве дхармашастр привело к тому, что непосредственное толкование дхармашастр в судах не признавалось впоследствии достаточно надежным и авторитетным.

Одним из ранних комментаторов был Асахая (приблизительно VII в.), перу которого принадлежит самый популярный комментарий к дхармашастре Нарада — Нарадабхашья. Особенно часто переписывались и комментировались Законы Ману. До нашего времени дошли такие комментарии к Законам Ману, как Бхаруччи (VIII в.), Медхатитхи (IX в.), Гавиндараджи (XII–XIII вв.) и др.

Неоднократно комментировалась и другая известная дхармашастра — Яджнавалкья. *Митакшара* — самый распространенный комментарий на Яджнавалкью, написанный в XI в. Виджнянешварой, дал название одной из двух главных школ индуского права, которая наиболее распространена в Индии. Основателем другой школы индуского права — *Даябхаги*, получившей распространение в Бенгалии и Ассаме, был Джимутавахана, создавший в XII в. нибандху, в которой по-иному, чем в Митакшаре, решались некоторые вопросы наследственного права и раздела имущества в большой индуской неразделенной семье.

Комментарии в период индийского средневековья, так же как дхармашастры в древности, не были вытеснены государственными узаконениями. Этой особенности развития индуского права можно найти ряд объяснений. Следует отметить, что некоторые комментарии писались по поручению правителей и действовали с их санкции. Среди комментаторов было много официальных лиц высокого ранга.

В средневековой Индии до прихода мусульманских завоевателей в XIII в. не было государственного единства, что предопределяло партикуляризм права. Литература нибандх — тематических сборников цитат по определенным институтам права — была продиктована в значительной мере стремлением согласовать, привести к единому знаменателю положения различных авторов дхармашастр, что могло быть достигнуто путем создания новых правовых произведений. Комментаторы вслед за составителями дхармашастр стремились к унификации права, отвечающей прогрессивным тенденциям объединения индийского общества.

Индия на протяжении длительного времени отличалась особой устойчивостью философских, этических и правовых представлений индуизма. Особые представления были и о путях развития традиционного права, рассматриваемого в качестве священного. Деятельность комментаторов соответствовала этим представлениям, так как они не претендовали на создание законов, ставя своей целью лишь истолковать предписания дхармашастр, объявить их установленными.

При всем стремлении к унификации права мнения комментаторов не могли совпадать

по всем вопросам, хотя бы потому, что писались они в разное время, основываясь на обычном праве. Более поздние комментарии часто упоминали предыдущие только для того, чтобы опровергнуть их толкования. В различных частях средневековой Индии признавался авторитет одних комментаторов и отвергался авторитет других, что и привело к возникновению двух вышеупомянутых правовых школ.

Как и в древности, в средневековой Индии обычай оставался одним из важных источников традиционного индусского права. Широко используя нормы обычного права, комментаторы приспособляли теоретически неизменное "священное" право дхармашастр к новым условиям. Многие обычаи были введены в действующее индусское право комментаторами.

Индусское право могло выполнять на протяжении веков важную интегрирующую роль в многоязычной, этнически разнородной, раздробленной на протяжении столетий Индии, только приспособляясь к местным обычаям, специфическим нормам поведения людей. Особая роль обычая в правовой системе Индии прямо подчеркивалась авторами дхармашастр. Например, в одной из поздних дхармашастр (VI в.) *Брихаспатисмрити* утверждалось, что древние обычаи легализуют всякую практику, основанную на них, и что судебное решение не может быть вынесено только на основании предписаний дхармашастр. Если дхармашастры противоречат смыслу права и древним обычаям, они могут нанести ущерб правосудию (II, 26–28). Медхатитхи в комментариях к Законам Ману также писал о возможности несоблюдения тех предписаний дхармашастр, которые находятся в резком противоречии с местными обычаями.

Место, которое занимал обычай в источниках средневекового индусского права, определялось особенностями развития Индии в это время. Раздробленность, войны, порожденные главным образом столкновением политических элит, конфликтами на почве их гегемонистских притязаний, не затрагивали или затрагивали в малой мере общинную основу традиционного права с его глубокими религиозно-идейными корнями. Теоретически неизменные религиозные правовые системы обходными путями приспособлялись к нуждам общественного развития. Если в мусульманском праве использовался метод сравнительного права, когда одна школа заимствовала институты другой школы мусульманского права, то индусское право приспособлялось к нуждам общественного развития путем широкого включения в свою систему обычаев, что делало его жесткие религиозные рамки весьма растяжимыми.

Модификации традиционных концепций каждодневной практикой в значительной мере способствовала и возможность применения "принципов справедливости" как дополнительных указателей дхармы.

Обращение к религиозному авторитету дхармашастр, к их традиционным правовым темам определило основные направления комментаторской деятельности по линии разработки частного права: брачно-семейного, наследственного, права личного статуса. И Даябхага и Митакшара посвящены регулированию отношений в больших индусских неразделенных семьях, а также отношений членов этих семей с другими лицами и с государством.

Институт большой индусской неразделенной (объединенной) семьи определял в той или иной мере содержание почти всех норм средневекового индусского права. В это время в Индии продолжали существовать как патрилинейные, так и матрилинейные семейные, домовые общины, характеризующиеся двумя главными чертами: коллективным трудом членов большой семьи и последующим уравнительным распределением продуктов труда между ними. Совместное владение собственностью и совместное ведение хозяйства — основа большой (неразделенной) семьи, а главный принцип традиционного права — недвижимость: земля должна оставаться в семье.

Из этой установки вытекало, что отдельные члены семьи не признаются ее собственниками, что отчуждение семейной собственности ограничено, а ее непосредственным распорядителем является глава, управитель семьи, власть которого

основана на авторитете старшего, на выполнении им обрядов, связанных с культом предков. Культ предков был религиозной основой большесемейной общины, ее связующим началом. С ним был связан и культ брака, рассматриваемого как священный акт, совершаемый между семьями жениха и невесты, делающий нерасторжимым их союз.

Институты брака, усыновления, наследования призваны были служить главной цели — непрерывности процесса почитания предков, совершения обрядов, богослужений, посвященных им, как главного условия материального и духовного благосостояния семьи. Так, собственность большой семьи по Даябхаге и раньше и ныне безраздельно принадлежит отцу, который имеет неограниченное право распоряжаться ею по своему усмотрению: продавать, закладывать, дарить и пр. Сыновья по праву Даябхаги не приобретают никаких прав на семейную собственность при жизни отца, у них отсутствует право требовать у отца отчета об отчуждении семейной собственности, требовать ее раздела и пр. После смерти отца семейная собственность передается прямым потомкам главы семьи — сыновьям.

Правовую основу наиболее распространенной и в современной Индии большой неразделенной семьи по праву Митакшары составляет институт собственности и сонаследования, выражающийся в правах сына, внука и правнука на семейную, унаследованную отцом, дедом и прадедом от своих предков собственность.

В такую семью входят не только сонаследники, но и их матери или мачехи, жены, дети (исключая замужних дочерей), вдовы, незамужние дочери умерших сонаследников, незаконнорожденные сыновья от дядьегося сожительства при условии согласия других сонаследников и если нет своих детей. Эти лица, однако, имели лишь право на содержание из семейной собственности. Ни одному из сособственников не предоставлялось право на большую долю в семейной собственности, размеры которой были неустойчивы и зависели от рождений или смертей других сонаследников, их общего числа. На живых сонаследников переходили права в семейной собственности умерших.

Традиционное право Митакшары также исключало возможность индивидуального отчуждения больше семейной собственности сонаследниками, не санкционированного управителем семьи, даже в пользу другого сонаследника. Не могли получить прав сонаследника и третьи лица. Но не имея права отчуждать семейную собственность, сонаследники пользовались правом оспаривать отчуждение семейной собственности не только другими сонаследниками, но и управителем семьи. Они могли требовать раздела семейной собственности и отчета управителя в период раздела о ее состоянии. Сонаследник мог стать управителем семьи, а следовательно, и неразделенной собственности, если это место было вакантно и другие сонаследники не высказывали по этому поводу возражений. Права всех сонаследников в принципе были равны, кроме "дисквалифицированных сонаследников", которые в силу врожденного слабоумия, идиотизма или уродства не имели права требовать выделения их доли из сонаследственной собственности или управлять делами большой семьи.

С областью семейных отношений был тесно связан действующий в средневековой Индии ряд других традиционных норм вещного права (эти нормы не были затронуты кодификацией права, проведенной в колониальной Индии в XIX в. Сохраняют они свое значение и в настоящее время). К числу таких институтов относится, например, собственность "*бенами*", которая имеет много общих черт с английским институтом доверительной собственности. Бенами — это собственность, приобретенная за свои деньги, но от имени другого лица или от своего имени, но переданная другому лицу без каких бы то ни было намерений создать выгоду для этого лица. Как и в доверительной собственности, в основе бенами лежат не только вещные, но и определенные фидуциарные отношения, при которых одно лицо, как правило находящееся или в определенной зависимости от учредителя бенами, или в родственных отношениях с ним, принимает на себя имущественные права в интересах другого. При этом положение лица — учредителя бенами схоже с положением учредителя доверенной собственности, а положение лица, принявшего собственность (бенамидара), схоже с положением доверительного собственника. При

учреждении собственности бенами учредитель выступает бенефициарием, так как управление осуществляется в его интересах.

Собственность бенами в средневековой Индии призвана была служить ширмой, скрывающей действительное благосостояние собственника. Она использовалась против чрезмерных притязаний родственников, сонаследников или алчных правителей.

Другим традиционным институтом имущественного права, тесно связанным с областью семейных отношений, был институт неделимой семейной собственности — "*раджья*". Эта собственность передавалась по наследству одному члену семьи. При этом исключались права на нее всех других членов. Неделимая собственность, развившаяся в условиях роста частного землевладения средневековой Индии, длительное время существовала с другой, более древней, конкурирующей формой собственности — собственностью большой неразделенной семьи. Различие между неразделенной собственностью, собственностью большой индусской семьи и неделимой семейной собственностью заключалось главным образом в том, что неделимая собственность не являлась сонаследственной. Члены большой семьи (сонаследники) не могли требовать ни ее раздела, ни пользования ею, то есть не могли запретить единственному держателю неделимой собственности беспрепятственно распоряжаться ею, если обычай конкретной социальной группы прямо не запрещал такое распоряжение. Под влиянием больше семейной неразделенной собственности, в силу обычая некоторых каст, сонаследники, однако, могли требовать содержания за счет неделимой собственности. Этим правом могли воспользоваться преимущественно сыновья держателя неделимой собственности. Особые правила содержались в обычаях и по поводу наследования неделимой собственности. Она наследовалась главным образом по принципу майората, то есть старшим родным сыном умершего собственника.

Специфическим институтом, развившимся в традиционном праве Индии, была собственность идолов (богов), религиозных и благотворительных учреждений, храмов, возникающих благодаря пожертвованиям. При этом цели религиозных и благотворительных пожертвований совпадали, ибо благотворительность в Индии рассматривалась как сугубо религиозное дело. Распространению форм религиозной собственности способствовал ряд обстоятельств: отсутствие иерархически организованной индусской церкви, многобожие индуизма, распространение конкурирующих религий: джайнизма, буддизма, — деятельность многочисленных религиозных сект. Это обстоятельство не мешало укреплению религиозно-культурного единства средневековой Индии, так как индуизм, наряду с жесткими правилами сословно-кастовой организации, отличается особой веротерпимостью, гибкостью, относительно легкой приспособляемостью к новым условиям. Религиозные секты, как правило, приобретали кастовые формы и включались в общую систему четырех варн.

Вместе с тем учреждение благотворительной религиозной собственности служило и практическим целям обеспечения потомков или других родственников после смерти учредителя вопреки общему порядку наследования, а также сокрытию действительных размеров собственности и пр.

Аномальный характер этого института выражался в том, что здесь не учреждалось доверительной собственности, а само божество, идол (простой "священный" камень, например) становился собственником, реализуя свои права через законных представителей — *шебаитов*. Эта собственность была вечной, постоянной. Пожертвование не могло быть взято назад дарителем.

Собственность, переданная божеству, называлась "*деваттарам*" (от слова *devata* — божество, идол). Обычно учредитель сам выступал распорядителем этой собственности или назначал распорядителя (шебаита), долг которого был смотреть за тем, чтобы проходило богослужение, поручаемое, как правило, специально приглашенным брахманам — пуджари. Большие южноиндийские, особенно тамильские храмы, ежегодно посещаемые массой паломников, приезжающих из разных мест Индии, обслуживались целыми жреческими

корпорациями, которые начали формироваться здесь еще в VIII-X вв.

Управитель (или управители) собственности божества обладал Широкими полномочиями. Если не было прямого запрещения учредителя, он мог закладывать, продавать эту собственность и распоряжаться ее доходами в "интересах божества", например для ремонта храма. Присвоение этих доходов управителем было правомерным, если при этом не было полного игнорирования "интересов божества", например отказа от богослужений "в его пользу". Должность шебаита и пуджари могла быть наследственной.

Другой распространенной формой религиозной собственности средневековой Индии была собственность, пожертвованная в пользу *матха* (индусской школы, напоминающей монастырь без постоянных монахов). Распространению этой формы собственности способствовало сектантское движение в Индии. Матхи и создавались в целях проповеди тех или иных учений, вербовки своих последователей. Так как сектантские и кастовые социальные формы в средневековой Индии часто совпадали, то махантом, управителем школы, распорядителем ее собственности часто выступал глава касты (секты) или ведущий член ее панчаята (органа самоуправления), обладающий высшей духовной властью.

У большинства матхов были свои храмы. Махант мог быть одновременно и шебаитом, управителем собственности идола, и служителем храма. Правовой статус махантов определяется местным обычаем. Он мог быть наследственным главой матха, располагая самыми широкими правами, вплоть до назначения себе преемника, мог быть выборным главой панчаята касты (секты), лицом или ставленником ее правящей верхушки. Наиболее распространенным был первый тип маханта, располагающего почти бесконтрольной властью. Некоторые крупные матхи имели свои локальные отделения *питхи*. Широко известны в средневековой Индии были матхи, основанные в VIII в. Шанкарачарьей, которые обросли впоследствии большим числом своих местных отделений.

Религиозного влияния матхов не могли сломить никакие изменения политической обстановки. Они играли огромную роль в распространении не только индуизма, но и религиозной философии, политической мысли, внося тем самым значительный вклад в развитие религиозно-культурных связей, ставших мощным объединяющим фактором средневекового индийского общества, устоявшего перед натиском ислама.

Столетия мусульманского правления в Индии не привели к ее исламизации, как это произошло в зороастрийской Персии, коптском Египте, христианской Албании и языческой Турции. Не было здесь и значительного влияния ислама на местное право, традиции, обычаи, как, например, в Индонезии.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)